

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2014 Том 20

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 5

Сентябрь – Октябрь

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2014 Volume 20

BASIC ISSUE

№ 5

September – October

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

кандидат психологических наук, профессор,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БАСОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

БЕЛКИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

доктор технических наук, профессор

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор исторических наук, профессор

БУЛДАКОВ СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ДЕНИСОВ АРТЕМ РУФИМОВИЧ

доктор технических наук, доцент

ЕДОШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

доктор культурологии, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАХАРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

профессор, заслуженный деятель искусств РФ

ИСАЕВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ

доктор химических наук, профессор

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

доктор биологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МУРАТКИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА

доктор филологических наук, профессор

НАУМОВ АЛЕКСАНДР РУДОЛЬФОВИЧ

кандидат химических наук, доцент

РАССАДИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

кандидат педагогических наук, профессор

РУМЯНЦЕВА ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА

доктор психологических наук, профессор

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”
(GENERAL ISSUE)**

EDITOR IN CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV

Doctor of juridical sciences,
Nekrasov Kostroma State University
prorector of science, associate professor

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

ANATOLIY GRIGOR'YEVICH KIRPICHNIK

Candidate of psychological sciences, professor

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNAD'YEVNA ANDREYEVA

Candidate of philological sciences

THE EDITORIAL BOARD

NIKOLAY FYODOROVICH BASOV

Doctor of pedagogic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

PAVEL NIKOLAYEVICH BELKIN

Doctor of technical sciences, Professor

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV

Doctor historical of sciences, Professor

SERGEY KONSTANTINOVICH BULDAKOV

Doctor of philosophic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

ARTYOM RUFIMOVICH DENISOV

Doctor of technical sciences, associate professor

IRINA ANATOL'YEVNA YEDOSHINA

Doctor of Culture, Professor,
Russian higher school honoured worker

ANDREY IVANOVICH ZAKHAROV

Professor, honoured art worker of Russia

PAVEL PAVLOVICH ISAYEV

Doctor of chemical sciences, professor

NATALIYA GENNAD'YEVNA KOPTELOVA

Doctor of philological sciences, professor

VLADIMIR PAVLOVICH LEBEDEV

Doctor of biological sciences, Professor

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of philological sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

YEKATERINA LEONIDOVNA MURATKINA

Doctor of philological sciences, Professor

ALEKSANDR RUDOL'FOVICH NAUMOV

Candidate of chemical sciences, associate professor

NIKOLAY MIKHAYLOVICH RASSADIN

Candidate of pedagogic sciences, professor

ZOYA VASIL'YEVNA RUMYANTSEVA

Doctor of psychological sciences, professor

СИРОТИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

доктор биологических наук, доцент

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ТИМОНИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ТРАВИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор технических наук, профессор

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА

доктор филологических наук, доцент

ФЕТИСКИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ

доктор юридических наук, профессор

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, действительный член (академик) Академии философии хозяйства г. Астана, Казахстан

ДИКУСАР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН Молдовы г. Кишинёв, Молдова

КВЯТКОВСКА АННА

доктор психологических наук, Институт психологии польской Академии наук г. Варшава, Польша

КОНТ ФИЛИПП

профессор современного русского языка и литературы Парижский университет (Сорбонна)

КУМБРУК КРИСТЕЛЬ

доктор психологии, профессор Высшей школы г. Оснабрюк (Германия)

ЛЕМЕЩЕНКО ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный университет г. Минск, Беларусь

САВИЦКИ КШИШТОФ

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой реабилитации факультета педагогики и психологии Университета в Белостоке (Польша)

ШТРАССЕР ГЕРТ

кандидат философских наук, профессор Высшей школы г. Дармштадт, Германия

MARINA VALER'YEVNA SIROTINA

Doctor of biological sciences, associate professor

ALEKSANDR IVANOVICH SUBETTO

Doctor of economic sciences, Doctor of philosophic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

ANDREY IVANOVICH TIMONIN

Doctor of pedagogic sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

GEORGIY MIKHAYLOVICH TRAVIN

Doctor of technical sciences, Professor

IRINA YUR'YEVNA TRET'YAKOVA

Doctor of philological sciences, associate professor

NIKOLAY PETROVICH FETISKIN

Doctor of psychological sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

VASILII VLADIMIROVICH CHEKMARYOV

Doctor of economic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV

Doctor of juridical sciences, Professor

THE EDITORIAL BOARD

FOREIGN MEMBERS

URAK ZHOLMURZAYEVICH ALIYEV

Doctor of economic sciences, Professor, full member (academician) of Management Philosophy Academy, City of Astana, Kazakhstan

ALEXANDRU DICUSAR

Doctor of chemical sciences, Professor, corresponding member of Academy of Sciences of Moldova, City of Chişinău, Moldova

ANNA KWIATKOWSKA

Doctor of psychological sciences, Psychology Institute of Academy of Sciences of Poland, City of Warsaw, Poland

PHILIPPE COMTE

Professor, expert in modern Russian language and culture among the foreigners, Pantheon Sorbonne, City of Paris, France

KRISTELL KUMBRUCK

Doctor of Psychology, Professor of Higher School, City of Osnabrück, Germany

PYOTR SYARGEYEVICH LYAMESHCHANKA

Doctor of economic sciences, Professor, Belarusian State University, City of Minsk, Belarus

KRZYSZTOF SAWICKI

Candidate of psychological sciences, head of Department of Rehabilitation, Faculty of Pedagogy and Psychology, University of Białystok, Poland

GERT STRASSER

Candidate of philosophic sciences, Professor of Higher School, City of Darmstadt, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 8 **Козырев С.Б.**
Методическая программная поддержка динамической системы Ферхюльста
- 15 **Ширина Н.Ю., Сидоров В.Н., Мурашов А.А.**
Моделирование процесса диффузии твердых частиц в циркуляционном потоке жидкости
- 17 **Олейникова Е.М.**
Особенности пространственной организации ценопопуляций стержнекорневых трав
- 21 **Ситников К.С.**
Особенности возрастной структуры ценопопуляций и встречаемость жизненных форм *Alnus incana* (L.) Moench в условиях пойм и надпойменных террас
- 23 **Грозовский С.А.**
Лесное сообщество с высоким участием пихты сибирской на западной границе ее ареала
- 27 **Чудецкий А.И., Лебедев В.П., Рыжова Н.В.**
Состояние и рекреационный потенциал насаждений парка «Берендеевка» города Костромы
- 32 **Потапова А.В., Баранов А.В., Ситникова О.Н.**
Влияние уровня загрязнённости основных кормовых растений на качество лосиного молока
- 36 **Левит Р.М., Спивак Е.М., Аккуратова И.С., Надежин А.С.**
Функциональная характеристика клеток желез слизистой оболочки желудка при ее хроническом воспалении у детей
- 39 **Акаева Т.К., Родин О.Н., Гунин В.В., Акаев О.П.**
Оптимизация режимов фосфатирования составами на основе фосфорной кислоты
- 42 **Исаев П.П., Исаева Г.А.**
Энтальпии образования X-замещенных пиридина

СИСТЕМОТЕХНИКА

- 46 **Аль-Таяр Башир Али, Марголис Б.И., Матвеев Ю.Н.**
Оптимизация структуры сети доставки контента на основе балансировки нагрузки по критерию средней задержки
- 51 **Бойков А.А.**
Проектирование САПР-интерфейса для устройств с сенсорным вводом
- 55 **Толщина Е.Ю.**
Оценка величины теплового потока от инфракрасных излучателей в рабочей зоне производственного помещения

ИСТОРИЯ

- 59 **Абдусаламов М.Б.**
Кумыкские феодальные владения в русско-иранских и русско-крымских отношениях во второй половине XVII века
- 62 **Новичкова Н.Ю.**
Условия функционирования пожарных частей в провинциальных городах России в конце XIX века
- 64 **Бушуев И.А.**
«Городские неудобства» как фактор повседневной жизни Костромы и Ярославля в начале XX века
- 70 **Гулин А.О.**
Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в начале Первой мировой войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний)
- 73 **Борщук Е.Д.**
Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях Первой мировой войны

CONTENTS

NATURAL SCIENCE

- 8 **S.B. Kozyrev**
Methodological software support of Verhulst dynamic system
- 15 **N.Yu. Shirina, V.N. Sidorov, A.A. Murashov**
Modeling of diffusion process of solid particles in a circulating liquid flow
- 17 **Ye.M. Oleynikova**
Peculiarities of spatial organization of cenopopulations of herbs with taproot system
- 21 **K.S. Sitnikov**
Features of the age structure of cenopopulations and frequency of occurrence of life-forms of *Alnus incana* (L.) Moench in floodplains and on terraces
- 23 **S.A. Grozovskiy**
Forest community with high portion of Siberian fir on the western edge of fir range
- 27 **A.I. Chudetskiy, V.P. Lebedev, N.V. Ryzhova**
The state and recreational potential of stands of the park "Berendeyevka" in Kostroma city
- 32 **A.V. Potapova, A.V. Baranov, O.N. Sitnikova**
Main fodders' contamination level impact on moose milk quality
- 36 **R.M. Levit, Ye.M. Spivak, I.S. Akkuratova, A.S. Nadyozhin**
Gastric mucosa glands cells functional characteristics at gastric mucosa chronic inflammation in children
- 39 **T.K. Akayeva, O.N. Rodin, V.V. Gunin, O.P. Akayev**
Optimization of regimes of bonderizing with phosphoric acid based compositions
- 42 **P.P. Isayev, Galina A. Isayeva**
Pyridine X-substituents formation enthalpies

SYSTEM ENGINEERING

- 46 **Basheer Ali Al-Tayar, B.I. Margolis, Yu.N. Matveyev**
Optimizing the structure of content delivery network based on load balancing
- 51 **A.A. Boykov**
CAD interface projecting for touch input devices
- 55 **Ye.Yu. Tolshchina**
An estimate of the heat flux from the IR emitters in the working area of the production facilities

HISTORY

- 59 **M.B. Abdusalamov**
Kumyk feudal ownerships in Russo-Iranian and Russo-Crimean relations in the second half of the 17th century
- 62 **N.Yu. Novichkova**
The conditions for functioning of fire stations in the Russian provincial towns in the late 19th century
- 64 **I.A. Bushuyev**
«Urban inconveniences» as a factor of everyday life of Kostroma and Yaroslavl in the early 20th century
- 70 **A.O. Gulin**
The organization of medic and social aid to sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces).
- 73 **Ye.D. Borshchukova**
Russian religio-philosophic ideas on the character of World War I and its possible consequences

- 77 **Коршунова О.Н., Поливанов Я.М.**
Исторические образы: к проблеме исторической памяти об участии России в мировых войнах
- 80 **Околотин В.С.**
Практика самообложения сельского населения в 1927–1928 годах (на материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний)
- 85 **Данильченко И.В.**
Причины и процесс создания музеев-заповедников в СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей)

ЭКОНОМИКА

- 89 **Алхасова И.В.**
Роль информации в подготовке управленческих кадров
- 91 **Логвин Н.В.**
Теория и практика организации управления региональной системой образования: проблемы и тренды решения
- 96 **Скаржинская Е.М., Смирнова Т.С.**
Проектный метод обучения: «Виртуальная фирма»
- 101 **Безденежных А.В., Безденежных В.М., Нуждин Э.Г.**
Управление рисками при интеграции правовой и нормативной форм обслуживания международных депозитариев
- 105 **Синявский Н.Г., Дадалко А.В., Нуждин Э.Г.**
Модель «отрасль-территории» для ЛПК
- 108 **Дубков С.В.**
Об интеграции рыночной и сетевой моделей управления в иерархическую систему государственного управления

ФИЛОСОФИЯ

- 112 **Рудницкая Т.Ю.**
Спиритуальная модель семьи: ее обоснование в «священных книгах» и богословии
- 115 **Шульгина Л.А.**
О Н.Я. Данилевском и славянофильстве в истории русской философской мысли XIX века
- 117 **Мякинников С.П.**
Экологическое и эколого-ориентированное мировоззрение как философская проблема
- 121 **Кирдяшкин И.В.**
Личность как ведущий диапазон политической социализации современной молодежи

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 124 **Самолдина С.Р.**
Концепция счастья в лирике В.В. Капниста
- 127 **Лебедев Ю.В.**
Творческий диалог А.Н. Островского с И.С. Тургеневым в комедии «Бедная невеста»
- 131 **Андреева В.Г.**
Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко
- 135 **Дубинская М.В.**
Полифонический принцип в симфонической структуре повести Андре Жида «Пасторальная симфония»: к теории жанра романа
- 138 **Нгуен Тхи Тхыонг**
Имя и портрет в рассказе И.А. Бунина «Таня» (из цикла «Темные аллеи»)
- 142 **Хрипулова Т.Н.**
А.Т. Твардовский в художественном мире Н.И. Тряпкина
- 145 **Толстоброва Л.В.**
Мотив дороги в лирике Ивана Елагина
- 148 **Мешалкин А.Н.**
«След на земле...» (творчество костромского писателя Вячеслава Арсентьева)

- 77 **O.N. Korshunova, Ya.M. Polivanov**
Historical images: the problem of historical memory of Russian participation in world wars
- 80 **V.S. Okolotin**
The practice of voluntary rate-paying of rural populations in 1927—1928 (on materials of Vladimir, Ivanovo-Voznesensk, Kostroma and Yaroslavl provinces)
- 85 **I.V. Danil'chenko**
The reasons and the process of Kostroma and Yaroslavl museum-reserves foundation according to the data of Kostroma and Yaroslavl regions

ECONOMY

- 89 **I.V. Alkhasova**
Role of information in the area of management personnel training
- 91 **N.V. Logvin**
Theory and practice of organization of regional system of education: issues and trends of solutions
- 96 **Ye.M. Skarzhinskaya, T.S. Smirnova**
Applying the project teaching method: virtual firm
- 101 **A.V. Bezdenezhnykh, V.M. Bezdenezhnykh, E.G. Nuzhdin**
Risk management in integrating legal and regulatory forms of service international depository
- 105 **N.G. Sinyavskiy, A.V. Dadalko, E.G. Nuzhdin**
Model «branch-site» for timber processing complex
- 108 **S.V. Dubkov**
On the integration of market and network management models into a hierarchical system of public administration

PHILOSOPHY

- 112 **T.Yu. Rudnitskaya**
Family's spiritual model, its foundation in "sacred books" and theology
- 115 **L.A. Shul'gina**
About Nikolay Danilevsky and Slavophilia in the 19th century Russian philosophic thought
- 117 **S.P. Myakinnikov**
Environmental and ecological-oriented worldview as a philosophical problem
- 121 **I.V. Kirdyashkin**
Personality as a leading range of political socialization of today's youth

SCIENCE OF LITERATURE

- 124 **S.R. Samoldina**
The concept of happiness in poetry by Vasily Kapnist
- 127 **Yu.V. Lebedev**
Alexander Ostrovsky and his creative dialogue with Ivan Turgenev in the comedy "The Poor Bride"
- 131 **V.G. Andreyeva**
Second generation of the Russian nihilists in Nikolai Leskov's and Vasily Avseenko's perception
- 135 **M.V. Dubinskaya**
The polyphonical principle in the symphonical structure of the story "The Pastoral Symphony" by André Gide: on novel genre theory
- 138 **Nguyễn Thị Thương**
Name and portrait in the collection of short stories by Ivan Bunin "Dark Alley": «Tanya»
- 142 **T.N. Khriptulova**
Aleksandr Tvardovsky in Nikolay Tryapkin's artistic world
- 145 **L.V. Tolstobrova**
Road motif in Ivan Elagin's lyrics
- 148 **A.N. Meshalkin**
«Mark in world's history...» (Kostroma writer Vyacheslav Arsent'yev creative work)

152 Мартиросян А.А.

Связь топикального ритма
с содержанием произведения

156 Данг Тхи Тху Хыонг

Природа и «пейзаж души» в романе Льва Толстого
«Воскресение»

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

160 Григорьева Т.В.

Оценочно-символическая насыщенность
оппозиции 'горячий-холодный'

163 Клиенкова И.Б.

Особенности грамматического оформления субстан-
тивных групп (на материале швейцарского варианта
немецкого языка)

168 Якубова Н.М.

Причины реализации прямого речевого акта эксплика-
ции сомнения (на материале английского языка)

171 Шляхтина Е.В.

Особенности перевода политкорректной терминологии
с английского на русский язык

175 Уразметова А.В.

Метафора как способ создания вторичных номинаций
(на материале топонимических прозвищ штатов США)

178 Гаврилова В.Г.

Иноязычные вкрапления в устных высказываниях
на марийском языке

182 Ермакова Л.А.

Изучение поэтического языка М. Цветаевой в гендер-
ном аспекте: проблемы и перспективы

185 Назари Фатеме Тораб

К вопросу о сохранении национального своеобразия
текста при переводе

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

189 Романовская В.Б., Минеева Т.Г.

Великая Хартия Вольностей и законодательство
английского парламента позднего средневековья

192 Рошин Б.Е.

Советская трудовая книжка в эпоху военного комму-
низма: юридический аспект

197 Ландышев С.В., Скородумов Н.А.

Корыстно-насиленные преступления: криминоло-
гическая характеристика и предупреждение органами
внутренних дел

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

201 Сидикова Н.В.

Характерные черты модернизированного содержания
обучения иностранному языку

205 Роганова Л.А.

Обучение студентов химико-технологических
специальностей профессиональной лексики на уроке
английского языка

207 Шепелева Н.Ю.

Использование коммуникативной методики в преподавании
английского языка (на примере международной программы
Full Bright с носителями языка)

209 Старшинов В.Н.

Проблемные вопросы организации научно-исследова-
тельской деятельности студентов вуза

212 Заболотная Л.И.

Педагогические пути реализации герменевтического
подхода к интерпретации музыкального текста

СОЦИОЛОГИЯ

217 Попова И.В., Котлярова Л.Д., Котлярова О.А.

Оценка качества рабочей силы методом экспертного
опроса. Региональный аспект

152 A.A. Martirosyan

Correlative link between topical rhythm
and conceptual content

156 Đặng Thị Thu Hương

Nature and "soul scenery" in the novel "Resurrection"
by Leo Tolstoy

LINGUISTICS

160 T.V. Grigor'yeva

Assessment and symbolic richness
of the opposition 'hot-cold'

163 I.B. Klienkova

Features of the grammatical design
of substantive word combinations (on the material
of the Swiss German language)

168 N.M. Yakubova

Causes of realizing direct speech act of doubt explication
(on the material of the English language)

171 Ye.V. Shlyakhina

Peculiarities of politically correct terminology translation
from English into Russian

175 A.V. Urazmetova

Metaphor as a way of creating secondary nominations (on
the material of the toponymic nicknames of the US states)

178 V.G. Gavrilova

Foreign-language inclusions in oral statements
in the Mari language

182 L.A. Yermakova

Marina Tsvetaeva's poetic language studying in gender
aspect: problems and perspectives

185 Fatema Nazariy Torab

To a question of preservation of a national originality the
text when transfer

JURISPRUDENCE

189 V.B. Romanovskaya, T.G. Mineyeva

The Great Charter of the Liberties of England and legislation
of English Parliament of the the Late Middle Ages

192 B.Ye. Roshchin

The Soviet employment record book under the War Com-
munism: juridical aspect

197 S.V. Landyshev, N.A. Skorodumov

Violent crimes with gainful intent:
criminological characteristics
and averting by internal affairs bodies

PEDAGOGY

201 N.V. Sidakova

Typical features of modernized content of foreign language
teaching

205 L.A. Roganova

Teaching students of chemical
and technological specialties professional vocabulary
at English lesson

207 N.Yu. Shepeleva

Using communicative method in teaching English
(on the example of international programme
"Full Bright" with native speakers)

209 V.N. Starshinov

Problematic issues of organization of research activity of
higher education institution students

212 L.I. Zabolotnaya

Pedagogic ways of implementing the hermeneutic
approach to interpretation of the musical text

SOCIOLOGY

217 I.V. Popova, L.D. Kotlyarova, O.A. Kotlyarova

Assessment of quality of the workforce by the expert
survey. Regional aspect

ПОЛИТОЛОГИЯ

222 Зайцев А.В.

Принципы диалога государства и гражданского общества: теоретико-праксеологический аспект

225 Нарыкова С.П.

К вопросу о воздействии динамики политической власти на социальные процессы и политико-управленческую практику

230 Выприцкий А.С.

Политическая мотивация воссоздания института «общественного контроля» в России

233 Апольский Е.А.

Западноевропейская толерантность и мультикультурализм: опыт и перспективы правового регулирования в России

236 Ковалева С.В., Степанищенко О.В.

Социальный анализ политического инфантилизма (на примере Краснодарского края)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

240 Едошина И.А.

Культурфилософия понятия «эпоха»: к характеристике fin de siècle

246 Равочкин Н.Н.

Коммуникативный потенциал национальной культуры в контексте формирования позитивного имиджа организации на международном рынке

250 SUMMARY

260 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

POLITICAL SCIENCE

222 A.V. Zaytsev

Principles of dialogue between state and civil society: theoretical and praxeological aspect

225 S.P. Narykova

To a question of dynamics influence of political power on social processes and political-administrative practice

230 A.S. Vypritskiy

Political motivation of “public control” institution restoration in Russia

233 Ye.A. Apol'skiy

The western European tolerance and multiculturalism: the experience and perspectives of legal regulation in Russia

236 S.V. Kovalyova, O.V. Stepanishchenko

Political infantilism social analysis (in terms of Krasnodar Land)

SCIENCE OF CULTURE

240 I.A. Yedoshina

Cultural philosophie of the «age» concept: the characteristics of the fin de siècle

246 N.N. Ravochkin

Communicative potential of national culture in the context of formation of positive image of an organization in the international market

250 SUMMARY

260 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОГРАММНАЯ ПОДДЕРЖКА ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФЕРХЮЛЬСТА

В данной статье рассматриваются возможности методической компьютерной поддержки при изучении и преподавании дискретных динамических систем на примере системы, порожденной логистическим отображением Ферхюльста.

Ключевые слова: методика, динамические системы, логистическое отображение.

В последние полвека в математике активно развиваются области, называемые в совокупности нелинейной динамикой. Это, разумеется, связано в первую очередь с существенным использованием численных расчетов на компьютерах. Математики предшествующих эпох применяли для исследования динамических систем исключительно линейные методы исследования, то есть изучали их поведение путем подходящей линеаризации. Основным математическим инструментом служил аппарат дифференциальных уравнений. На исследование динамических систем, не поддающихся линеаризации, математики прошлого выходили только в виде редкого исключения (например, проблема Кэли о бассейнах притяжения корней рациональной функции на комплексной плоскости, множества Жюлиа, знаменитая задача трех тел). Это давало основания полагать, будто данные явления действительно редки и исключительны.

Активное применение компьютеров в численных расчетах привело в 50-х – 70-х годах прошлого века к открытию целого ряда новых явлений – неустойчивые задачи (поиск корней многочлена Уилкинсона [10]), непредсказуемость поведения динамической системы (аттрактор Лоренца), странные аттракторы, явление детерминированного хаоса, бесконечный каскад бифуркаций системы с переходом к хаосу. В связи с ними возникли новые разделы математической теории – фрактальная геометрия, дифференциальные уравнения дробной размерности, теория катастроф, теория хаоса и др. В последние десятилетия создаваемые на их основе нелинейные математические модели находят все более широкое применение не только в физике, но также в химии, биологии, экологии, метеорологии, экономике и многих других практических сферах деятельности. Этому способствует непрерывный рост возможностей вычислительной техники.

В результате произошел коренной пересмотр роли нелинейных математических моделей. В настоящее время важность изучения нелинейных моделей общепризнанна. Поэтому представляется необходимым вводить начальные понятия, связанные с нелинейными моделями, в программу выс-

шей школы. Об этом, например, говорится в предисловии [3]. Среди учебников для высшей школы по данной теме можно отметить [6] и [11]. (Последний, к сожалению, так и не был переведен на русский язык.)

При начальном изложении нелинейных динамических систем почти обязательно рассказывается о дискретной динамической системе, порожденной квадратичным отображением Ферхюльста (рис. 1). В [2] имеется остроумное замечание о том, что ныне изображение аттрактора Лоренца встречается в соответствующей литературе едва ли не чаще репродукций Моны Лизы. Эти слова в не меньшей степени можно отнести и к динамической системе Ферхюльста с ее деревом Фейгенбаума (см. ниже рис. 5). В подтверждение этой мысли можно привести, например, [1] и [4], а в монографии [5] квадратичным отображениям (фактически системе Ферхюльста) посвящена целая глава. Популярность данной системы объясняется сочетанием предельно простого описания с многообразными вариантами ее поведения в зависимости от значения единственного параметра. Изучение её поведения не просто поучительно. Бифуркация, каскад бифуркаций, хаос, перемежаемость ламинарных и турбулентных периодов – всё это противоречит нашему обыденному опыту. Знакомство с названными понятиями и явлениями неизбежно влечёт преодоление стереотипов (родственные вопросы рассматривались в статье [9]) о возможном поведении динамической системы.

Нелинейные динамические системы можно отнести к учебным математическим дисциплинам нового типа. Для них характерна высокая роль компьютерных исследований, экспериментов, наблюдений. Но при этом существуют методические трудности нового типа. Скажем, при описании поведения системы Ферхюльста в книжном формате приходится приводить множество диаграмм и графиков. Графики позволяют достичь связности изложения материала, но ни в коей мере не могут заменить наблюдение за поведением системы в интерактивном режиме. Вдумчивому читателю предлагается самому разработать вспомогательное программное обеспечение (далее – ПО), позволяю-

щее наблюдать в динамике всё то, о чём говорится в книге. При изложении этого материала в лекционном формате рассчитывать на помощь ПО, даже разработанного слушателем, вовсе не приходится. Что касается сборников практических заданий, то возьмём для примера одно из последних учебных пособий по новой тематике [8]. В части материала по динамическим системам автор вынужден либо ограничиваться такими заданиями, в которых решение достигается аналитическими методами, либо приводить алгоритмические блок-схемы программ, необходимых для решения. Конечно, применение программ, собственноручно приготовленных учащимся, крайне важно, но ведь так делали и 25 лет назад, когда возможности компьютеров были несравнимо ниже. Очевиден разрыв между содержательным учебным материалом, требующим современных компьютерных мощностей, формирующим гибкое, креативное, исследовательское мышление, и слишком простыми инструментами исследования.

В Интернете сейчас можно найти в свободном доступе программы, выполненные на уровне студенческой курсовой работы и реализующие систему Ферхюльста. С их помощью можно, например, получить изображение дерева Фейгенбаума, наблюдать графики различных итераций системы. Однако в целом их возможности ограничиваются повторением иллюстраций из учебников и мало чем могут дополнить традиционное книжное изложение материала.

Мы полагаем, что при изучении дискретных динамических систем необходимо использовать специализированное демонстрационное ПО с достаточно широкими возможностями, позволяющее лектору в необходимой полноте показать в динамике поведение системы. Наш опыт показывает, что подобное ПО позволяет также значительно быстрее ввести студентов в курс дела для написания курсовых или дипломных работ, связанных с нелинейными динамическими системами. В настоящей статье мы опишем возможный вариант такого ПО. Во всяком случае, демонстрационные возможности программы должны выходить далеко за рамки того, что мы можем увидеть в книжных иллюстра-

циях. Предлагаемый нами порядок подачи учебного материала также рассчитан на использование ПО и отличается от традиционного книжного изложения.

Напомним вкратце описание системы Ферхюльста. На отрезке $[0, 1]$ рассматривается функция $f(x) = Cx(1-x)$, где C – параметр системы, принимающий значения в диапазоне $[0, 4]$. Функция f называется логистическим отображением, а также законом эволюции системы. Задавая некоторое начальное значение $x_0 \in [0, 1]$ и применяя рекуррентное соотношение $x_{n+1} = f(x_n)$ при $n = 0, 1, 2, \dots$, мы получаем последовательность чисел x_n , называемую орбитой системы. Каждое число x_n характеризует состояние динамической системы Ферхюльста по прошествии n квантов времени. Задача состоит в том, чтобы, зная начальное состояние системы x_0 и значение параметра C , предсказать характер последовательности x_n , то есть дальнейшее поведение системы. Полезным также является понятие n -й итерации системы $f^{(n)}$, которая представляет собой суперпозицию n логистических отображений, то есть, $f^{(n)}(x) = f(f^{(n-1)}(x))$, где $f^{(1)} \equiv f$. Таким образом, $f^{(n)}(x_0) = x_n$.

Знакомя студентов с системой Ферхюльста, прежде всего следует продемонстрировать логистическое отображение, так сказать, в чистом виде (рис. 1): без чисел x_n , притягивающих точек и прочих деталей. Студент должен увидеть, что закон эволюции системы характеризуется значением единственного параметра – коэффициента C . Причем, если $0 \leq C \leq 4$, функция f будет отображать отрезок $[0, 1]$ сам в себя.

Затем надо познакомить с графическим методом построения орбиты системы – паутинной диаграммой Кёнигса–Ламерея (рис. 2), которую полезно дополнить графиком эволюции x_n . (График эволюции показан в правой части рис. 2; для лучшего восприятия соседние точки на нём соединены отрезками прямых.) Если интерактивно менять начальное значение системы x_0 , то можно убедиться, что на характер её эволюции этот выбор не влияет. (Разумеется, за исключением случаев, когда в качестве x_0 берутся неподвижные отталкивающие точки или их прообразы.) Однако характер

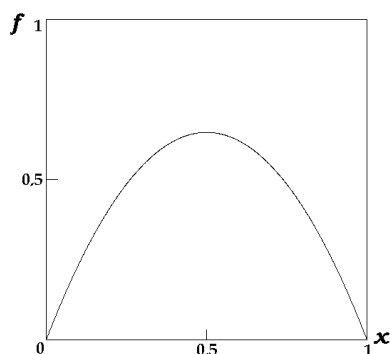

Рис. 1. Логистическое отображение

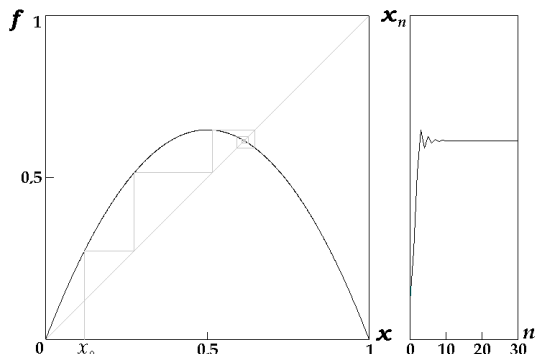

Рис. 2. Итерации сходятся к притягивающей точке

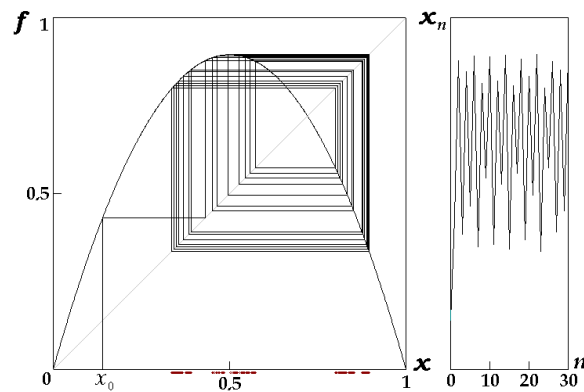

Рис. 3. Итерации меняются хаотически

эволюции зависит от выбранного значения C . Если $0 \leq C \leq 1$, то орбита неизменно сходится к нулю. В случае же, когда $1 < C \leq 3$, орбита сходится к другой точке, теперь уже зависящей от C . В этот момент у студентов начинает формироваться понятие аттрактора – сначала в виде притягивающей точки, затем притягивающего цикла.

Меняя значения параметра C , мы можем проследить, что при его увеличении система проходит каскад бифуркаций аттрактора, подробно описанный в литературе, а затем её поведение становится хаотическим (рис. 3). При первом знакомстве на явлении каскада бифуркаций можно подробно не останавливаться, но вполне своевременно включить в демонстратор режим отображения аттрактора (изображен под абсциссой графика) и проследить, как он из одноточечного множества последовательным удвоением превращается в бесконечное множество.

Тем не менее, наблюдая систему после наступления хаоса, можно видеть, что при некоторых значениях C система как бы случайно выходит на циклический режим (рис. 4) и затем на небольшом участке значений параметра его удерживает, проходя аналогичные каскады бифуркаций. Но для этого необходимо иметь возможность достаточно тонко менять значения C , например, хотя бы с точностью до 0,0001, а лучше – с точностью до 10^{-6} .

При наблюдении изображений аттракторов для различных значений параметра C возникает есте-

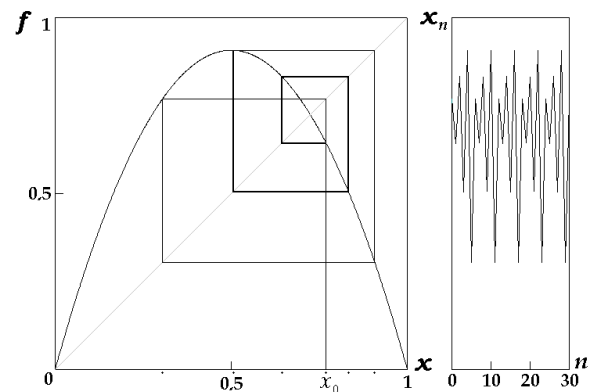

Рис. 4. Итерации меняются по циклу с периодом 6

ственное и логичное желание свести эти изображения в единую карту аттракторов. Эта карта носит название дерева Фейгенбаума, и её можно увидеть практически в любой книге по нелинейной динамике. Однако помимо обычного изображения дерева демонстратор должен предоставить учащемуся весьма важную и поучительную возможность выделять и увеличивать отдельные его фрагменты. На рис. 5 изображена часть дерева Фейгенбаума, соответствующая диапазону параметра $2,925 \leq C \leq 4$. (Полагаем, что из методических соображений изображение дерева надо располагать именно в такой ориентации, а не лежащим на боку, как это часто делается. Здесь горизонтальная ось отвечает за состояние системы x , а вертикальная – за значение параметра C , что в сопоставлении с предыдущими графиками, особенно с графиком на рис. 1, воспринимается вполне естественно.)

Наблюдая верхнюю часть дерева Фейгенбаума, мы прежде всего видим каскад бифуркаций, который испытывает система при переходе от одноточечного аттрактора к хаотическому режиму. Чтобы дать учащемуся возможность детально проследить, как и почему это получается, следует рассмотреть графики нескольких итераций системы (например, первой, второй, четвёртой и восьмой) в одних координатах. Мы не приводим здесь соответствующие рисунки, потому что такие иллюстрации в изобилии встречаются в литературе (особенно детальные, например, в [3; 5; 7]). Но

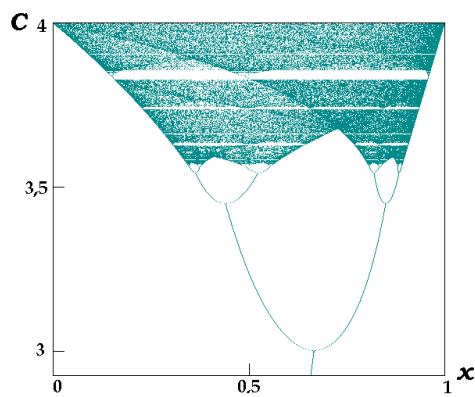

Рис. 5. Верхняя часть дерева Фейгенбаума

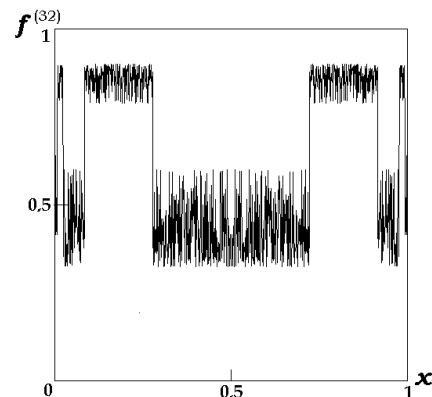

Рис. 6. «Хаотизация» 32-й итерации

понятно, что демонстратор должен быть способен строить графики нескольких итераций в одной системе координат с возможностью менять параметр C в интерактивном режиме. Наблюдая затем третью, шестую и двенадцатую итерации в диапазоне $3,83 \leq C \leq 3,86$, можно увидеть аналогично образующийся каскад бифуркаций, также переводящий систему в хаотический режим.

Сравнивая вторую, восьмую и тридцать вторую итерации при небольших значениях параметра, можно наблюдать, как с ростом порядка итерация становится всё более ступенчатой. Казалось бы, это говорит о предсказуемости поведения системы. Однако можно быстро убедиться в иллюзорности такого впечатления. Для этого достаточно увеличить значение параметра и пронаблюдать, как ступеньки старших итераций «хаотизируются» в вертикальном направлении. На рис. 6 изображён график 32-й итерации со значением параметра $C = 3,6$. Особенно красочно выглядит взаиморасположение графиков двух соседних старших итераций (например, 31-й и 32-й итерации) по мере роста параметра. Вначале их графики почти постоянны и практически совпадают. После первой бифуркации системы они переходят в противофазу, что соответствует двум ветвям дерева Фейгенбаума. Затем оба графика начинают порознь «хаотизироваться», что соответствует раннему периоду наступившего хаоса. Наконец, они встречаются, полностью перемешиваясь и заполняя собой практически всё выделенное под них графическое поле. С методической точки зрения очень важно и поучительно связать наблюдаемые метаморфозы с устройством дерева Фейгенбаума. Это наблюдение также показывает, что если параметр системы соответствует хаотическому режиму, то её поведение в долгосрочной перспективе непредсказуемо.

При рассмотрении дерева Фейгенбаума легко заметить его неоднородность на хаотических режимах. Более разреженные участки указывают на то, что соответствующие им значения системы принимает сравнительно редко. Тем не менее и разреженные и более плотные участки вместе образуют аттрактор. Поэтому, хотя в долгосрочной

перспективе поведение системы непредсказуемо, вероятность её появления на том или ином участке наоборот вполне предсказуема. Этот тезис можно отразить наглядно, если снабдить демонстратор возможностью строить гистограмму частоты посещения системой различных участков аттрактора. На рис. 7 показана верхняя часть дерева Фейгенбаума, а под ней гистограмма значений системы (то есть её вероятностное распределение, полученное численным способом), соответствующая значению параметра $C = 3,87$. Вертикальная шкала гистограммы носит здесь относительный характер, она подбирается для каждого конкретного значения параметра. Плавное изменение значения C , можно наблюдать, как изменяется гистограмма. Если снабдить демонстратор ещё возможностью плавно менять начальное значение системы, то можно будет убедиться, что на вид гистограмм его выбор практически не влияет. Таким образом, на основании опыта можно говорить об устойчивости вероятностного описания системы по отношению к её начальному значению в хаотических режимах, а следовательно, и о возможности вероятностного прогнозирования её значений в долгосрочной перспективе.

Наблюдая дерево Фейгенбаума, можно заметить, что в его хаотической части встречаются горизонтальные просветы. Это так называемые окна регулярности. Когда величина параметра C соответствует высоте окна, система имеет притягивающий цикл. Исследуя дерево Фейгенбаума в увеличенном виде, можно убедиться в том, что окон регулярности в нём гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. На самом деле, как известно [5], их бесконечно много и они располагаются плотно во всём диапазоне значений параметра C , соответствующих хаосу. Возьмём, к примеру, самое большое окно регулярности, находящееся вблизи значения параметра $C = 3,84$. При данном значении параметра система имеет притягивающий цикл периода 3. Это означает, что прямая, задаваемая уравнением $C = 3,84$, пересекается с графиком дерева Фейгенбаума в трёх точках. На рис. 8 показаны в увеличенном виде три участка рассматриваемого окна регулярности, на которых дерево пересекается с прямой $C = 3,84$. Изображения этих участков, особенно среднего, напоминают изображение всего дерева Фейгенбаума на рис. 5. (На самом деле, и на крайних участках, если для них подобрать более крупный масштаб по горизонтали, изображения имеют не меньшее сходство с самим деревом.) На каждом участке мы видим, что на уровне чуть выше $C = 3,84$ происходит бифуркация и период притягивающего цикла удваивается, становясь равным 6. При дальнейшем росте C происходит следующая бифуркация, и т. д. Вообще, в окнах регулярности можно наблюдать всегда одно и то же: сначала система находится в режиме устойчивого цикла с некоторым периодом; далее

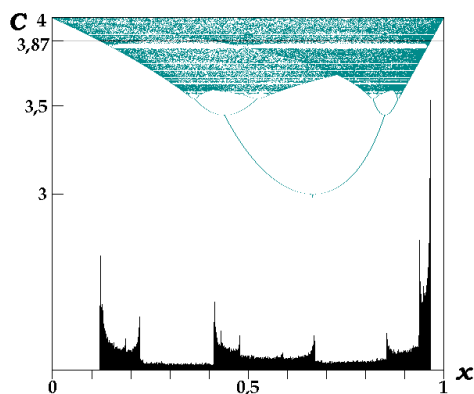

Рис. 7. Гистограмма плотности аттрактора

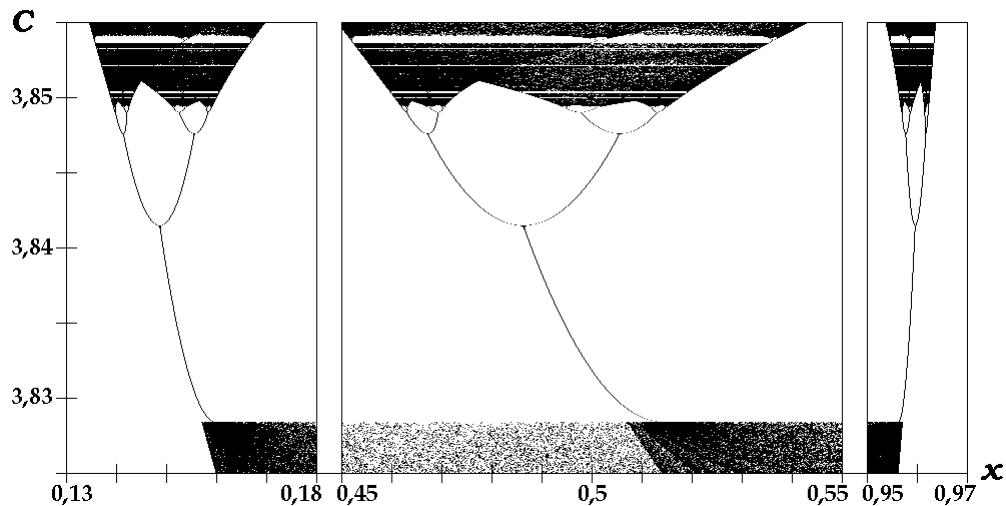

Рис. 8. Три участка самого большого окна регулярности дерева Фейгенбаума

при увеличении параметра происходит бесконечный каскад бифуркаций, в результате которого период устойчивого цикла системы последовательно удваивается и система быстро переходит в хаотический режим. Такая последовательность изменений в поведении системы называется переходом к хаосу по сценарию Фейгенбаума. Примерное значение параметра, при котором система переходит в хаотический режим, можно предсказать на основании константы Фейгенбаума.

Однако на рис. 8 присутствует одна важная деталь, которой нет на рис. 5: внизу изображения мы видим хаотическую область. То есть если мы, начиная со значения параметра, скажем, $C = 3,84$, будем это значение постепенно уменьшать, то в какой-то момент система утратит циклический режим и сменит его на хаотический. Как будет выглядеть такой переход к хаосу? Если судить только по виду дерева (на рис. 8), то можно предположить, что система перейдет в хаотический режим внезапно, без предварительных стадий. На самом деле это не так, хотя и ясно, что переход к хаосу произойдет не по сценарию Фейгенбаума. Оказывается, в этом случае реализуется так называемый сценарий перехода к хаосу через перемежаемость. Подробно этот сценарий описан, например, в [3], хотя в целом ему уделено в литературе гораздо меньше внимания, чем сценарию Фейгенбаума.

Установлено [5], что хаотическая и циклическая области на рис. 8 разделяются пограничным значением параметра $C = 1 + \sqrt{8} = 3,828427\dots$. Это минимальное значение параметра, при котором у системы появляется цикл периода 3, и оно является бифуркационным. То есть если это значение параметра чуть-чуть увеличить, то у системы появляется два близких цикла периода 3, из которых один притягивающий (его-то мы и видим на рис. 8), а другой отталкивающий. Чтобы понять, почему это происходит, необходимо посмотреть в динамике график третьей итерации $f^{(3)}$, прона-

блюдать, как зарождается 3-цикл при пересечении графика $f^{(3)}$ с прямой $y = x$. Если отталкивающий цикл подрисовать к изображению рис. 8, то мы бы увидели, как от хаотической области поднимаются три кривых, похожих на параболы, с вершинами на высоте $C = 1 + \sqrt{8}$. При этом одна ветка каждой параболы соответствовала бы притягивающему 3-циклу, а другая – отталкивающему. Поэтому если, начиная со значения $C = 3,84$, уменьшать параметр, то также в принципе можно было бы предсказать момент наступления хаоса на основании того, что изображения притягивающего 3-цикла при изменении параметра похожи на три половинки парабол, вершины которых соответствуют границе циклической и хаотической областей.

Наблюдать переход системы к хаосу по сценарию через перемежаемость также очень интересно. Предусмотреть такую функцию в демонстраторе совсем не сложно. Достаточно лишь иметь возможность при заданных значениях x_0 и C строить график орбиты системы наподобие того, который изображен в правой части рис. 2, но на протяжении не 30, а нескольких сотен итераций.

Рассмотрим для примера поведение системы с параметром $C = 3,82843$. У системы имеется притягивающий цикл периода 3. Для большинства значений x_0 система сходится к нему более-менее быстро. В то же время довольно типичным является и другой характер сходимости, который мы можем наблюдать, если, например, возьмем в качестве начального значения $x_0 = 0,3849$ (рис. 9а). Дважды система, казалось бы, выходит на циклический режим, но затем без всяких видимых причин «соскакивает» с него. И, лишь сделав около 600 итераций, она окончательно устанавливается в циклический режим.

Загадочность такого поведения системы объясняется наличием отталкивающего цикла периода 3, который, впрочем, по мере приближения к краю окна регулярности становится весьма слабоотталкивающим. Если система случайно оказы-

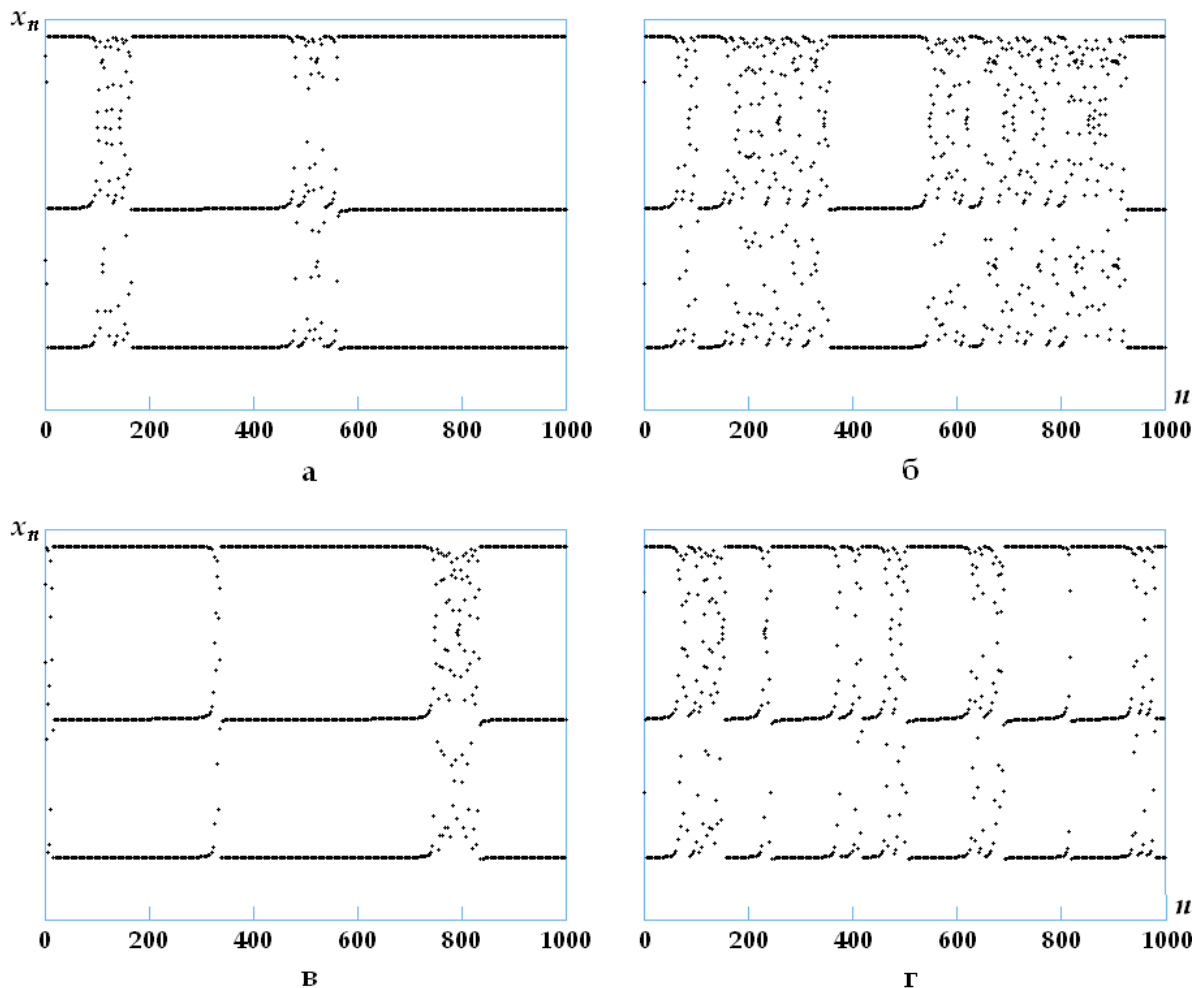

Рис. 9. Переход к хаосу через перемежаемость:
а, б – $C = 3,82843$; в – $C = 3,82842$; г – $C = 3,82835$

вается в непосредственной близости от него, то ей нужно определённое количество итераций, чтобы от него отдалиться. В этот период поведение системы внешне выглядит циклическим, но затем она начинает вести себя хаотически. В свою очередь хаотический период заканчивается в тот момент, когда система попадает в сферу влияния 3-цикла. Но какой из циклов это будет – притягивающий или отталкивающий, – является делом случая. Загадочности графику 9а добавляет то обстоятельство, что около нижнего края окна регулярности оба 3-цикла весьма близки друг к другу и на графике мы не можем их различить.

Такая смена хаотического (или турбулентного) и циклического (или ламинарного) поведения системы называется перемежаемостью. Иногда она может длиться довольно долго. Например, на графике 9б (при $C = 3,82843$; $x_0 = 0,38467$) перемежаемость наблюдается в течение свыше 900 итераций. Примечательно, что для значений параметра, предшествующих наступлению хаоса, то есть при $C < 3,5699...$ явление перемежаемости не наблюдается, хотя притягивающие и отталкивающие циклы имеются.

Посмотрим теперь на поведение системы после выхода из окна регулярности. Например, возьмём $C = 3,82842$. Притягивающий и отталкивающий 3-циклы соединились и взаимно уничтожились. У системы теперь нет притягивающего цикла, но его недавнее существование ещё чувствуется. При $x_0 = 0,66$ мы наблюдаем весьма типичную картину (рис. 9,в). Система, оказавшись вблизи места только что исчезнувшего притягивающего цикла, подолгу на нём задерживается. В результате возникают участки ламинарного поведения системы, перемежающиеся относительно короткими хаотическими всплесками. При дальнейшем уменьшении параметра влияние исчезнувшего цикла ослабевает и ламинарные участки укорачиваются (рис. 9,г; $C = 3,82835$; $x_0 = 0,325$), постепенно исчезая в хаотических колебаниях.

Итак, при переходе из окна регулярности в хаотическую область на самом стыке хаотического и циклического диапазонов параметра для системы характерно чередование хаотических и ламинарных периодов её поведения. Весьма показательное сходство на рис. 9 пар графиков а и в, б и г. Разница между ними лишь в том, что у первых в конце

концов устанавливаются стабильные циклические колебания, а у вторых этого не наступает. Однако если графики рассматривать лишь на протяжении первых 800–900, а не 1000 итераций, то по их виду вовсе нельзя определить, какие из них соответствуют циклическому уровню параметра, а какие – хаотическому.

В заключение отметим, что весьма полезно предусмотреть в демонстраторе возможность менять отображение Ферхюльста на какие-либо иные варианты отображений. Причем они не обязательно должны быть унимодальными. Исследование других отображений, сопоставление их с отображением Ферхюльста поможет лучше понять, благодаря каким особенностям оно обладает такими удивительными свойствами. Для примера предлагаем следующие варианты отображений: парабола четвертой степени, тентообразная функция, пикообразная функция (с верхушкой в середине более острой, чем у предыдущей функции), параболическая функция с асимметрически сдвинутым максимумом вправо или влево, унимодальное нестрогое выпуклое отображение (ломаная функция, в частности), неунимодальное отображение.

Библиографический список

1. Анищенко В.С. Знакомство с нелинейной динамикой. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
2. Босс В. Интуиция и математика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 224 с.
3. Гринченко В.Т., Мацыпура В.Т., Снарский А.А. Введение в нелинейную динамику. Хаос и фракталы. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 280 с.
4. Данилов Ю.А. Лекции по нелинейной динамике. Элементарное введение. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 208 с.
5. Каток А.Б., Хасселблат Б. Введение в теорию динамических систем с обзором последних достижений. – М.: МЦМНО, 2005. – 464 с.
6. Кроновер Р. Фракталы и хаос в динамических системах. – М.: Постмаркет, 2000. – 488 с.
7. Магницкий Н.А., Сидоров С.В. Новые методы хаотической динамики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
8. Секованов В.С. Элементы теории фрактальных множеств. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 248 с.
9. Секованов В.С., Козырев С.Б. Преодоление стереотипов мышления при рассмотрении понятия фрактальная размерность множества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 7. – С. 87–94.
10. Форсайт Дж., Малькольм М., Моулер К. Машинные методы математических вычислений. – М.: Мир, 1980. – 280 с.
11. Falconer K.J. Fractal Geometry: Mathematical Foundations and Applications, 2nd ed. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2003. – 367 p.

Ширина Наталья Юрьевна

Ярославский государственный технический университет
shirina-natasha@mail.ru

Сидоров Вячеслав Николаевич

доктор технических наук
Ярославский государственный технический университет
s_sidorov@me.com

Мурашов Анатолий Александрович

доктор технических наук
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА
alena.severyanka@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ДИФфуЗИИ ТВЕРДЫХ ЧАСТИЦ В ЦИРКУЛЯЦИОННОМ ПОТОКЕ ЖИДКОСТИ

В статье представлен новый подход к описанию процесса диффузии твердых частиц в циркуляционном потоке жидкости; получено уравнение процесса диффузии. Научная новизна данного подхода заключается в учете геометрии и площади поверхности циркуляционного потока жидкости. Идея такого описания принадлежит В.Н. Сидорову. Н.Ю. Ширина математически оформила идею. А.А. Мурашов выполнял численные расчеты.

Ключевые слова: двухфазная система, жидкость, твердые частицы, диффузионная модель, циркуляционный контур, концентрация, разностная схема, коэффициент неоднородности.

Во многих химических и технических процессах происходит образование двухфазной системы «жидкость – твердые частицы». При этом жидкость, как правило, совершает циркуляционное движение.

Примером получения двухфазной системы может быть процесс получения суспензий в аппарате роторного типа, принципиальная схема гидродинамики которого представлена на рис. 1.

Процесс получения двухфазной системы «жидкость – твердые частицы» состоит в следующем. В цилиндрическую емкость с диаметром D заливается жидкость с высотой слоя H . Внутри емкости на расстоянии h от дна приводится в движение с большой скоростью ротор с горизонтальной насадкой, диаметром d . Жидкость приводится во вращательное движение и за счет центробежной силы одновременно совершает циркуляционное движение в горизонтальной плоскости, причем центр циркуляции находится на расстоянии l от

стенки емкости. После этого на движущийся поток жидкости подаются твердые частицы, которые постепенно за счет хаотического движения распределяются в слое жидкости. Описание процесса осуществляется в системе координат, вращающейся вместе с валом. В выбранной системе координат жидкость осуществляет только циркуляционное движение.

Процесс смешения происходит преимущественно в верхнем контуре за счет случайного блуждания частиц твердой фазы в направлении, перпендикулярном к направлению потока жидкости. При этом каждый циркуляционный контур может быть определен с помощью одной координаты x . Например, расстоянием от вертикальной части контура до стенки емкости.

Поток массы твердых частиц через поверхность циркуляционного контура определяется выражением [1, с. 566]:

$$w = \langle D \rangle S(x) \frac{\partial c}{\partial x}; \quad (1)$$

где c – объемная концентрация твердой фазы; $\langle D \rangle$ – среднестатистический коэффициент макродиффузии; x – координата, определяющая положение циркуляционного контура; $S(x)$ – площадь поверхности циркуляционного контура.

Изменение количества твердой фазы в единицу времени t в циркуляционном слое толщиной dx будет определяться разностью потоков массы:

$$d(c(x, t)S(x)) = \langle D \rangle \left[\frac{\partial c(x+dx, t)}{\partial x} S(x+dx) - \frac{\partial c(x, t)}{\partial x} S(x) \right] dt. \quad (2)$$

Выполняя предельный переход, получим следующее уравнение:

$$\frac{\partial}{\partial t} (c(x, t)S(x)) = \langle D \rangle \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{\partial c(x, t)}{\partial x} S(x) \right]. \quad (3)$$

Уравнение (3) является дифференциальным уравнением в частных производных второго по-

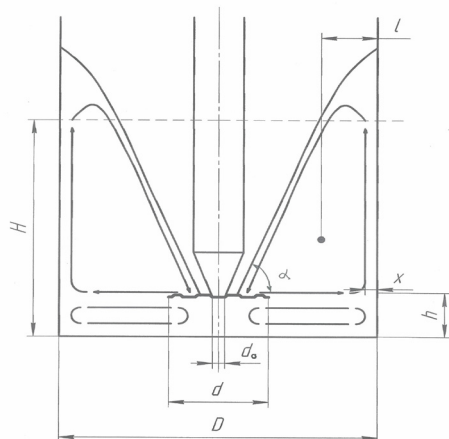

Рис. 1. Принципиальная схема гидродинамики в аппарате роторного типа

рядка относительно координаты x . Для его решения требуется постановка граничного и начального условий.

Например, в случае получения суспензий в аппарате роторного типа, граничное условие может быть составлено из тех соображений, что на границе циркуляционных контуров у твердой стенки перенос твердой фазы во внешнюю среду отсутствует, и записываться в виде:

$$\frac{\partial c(0, t)}{\partial x} = 0. \quad (4)$$

В свою очередь начальное условие может строиться из предположения, что поскольку в начале процесса твердые частицы подаются сверху на движущийся слой жидкости, то, следовательно, полностью заполняют все циркуляционные контуры, граничащие со стенкой аппарата. В результате получим:

$$c(x, 0) = \begin{cases} 1, & x \leq x_1 \\ 0, & x_1 \leq x \leq l, \end{cases} \quad (5)$$

где значение координаты x_1 определяется из равенства:

$$\int_0^{x_1} S(x) dx = V_T. \quad (6)$$

В равенстве (6) V_T – объем твердых частиц.

Нетрудно убедиться, что уравнение (6) полностью соответствует условию сохранения массы

$$\int_0^l c(x, t) S(x) dx = V_T. \quad (7)$$

Среднестатистический коэффициент макродиффузии $\langle D \rangle$ существенно зависит от размера частиц твердой фазы. Чем меньше размеры частиц твердой фазы, тем выше их подвижность в хаотическом движении. В связи с этим величина $\langle D \rangle$ может быть представлена в виде [2, с. 75]:

$$\langle D \rangle = D_0 (\bar{d} / d_0)^{-k}, \quad (8)$$

где D_0 – коэффициент макродиффузии при размере частиц размером d_0 , \bar{d} – средний размер частиц твердой фазы, k – некоторая константа, определяемая в рамках модели. Экспериментальные исследования показывают, что величина коэффициента макродиффузии D_0 определяется числом оборотов ротора и конструктивными особенностями горизонтальной насадки.

Для решения дифференциального уравнения в частных производных (3) относительно $c(x, t)$ может использоваться численный анализ для значений $x \in [0, l]$ и $t \in [0, T]$ методом сеток, сделав следующие разбиения x и t с шагами, которые определяются следующими формулами:

$$h_x = l / m, \quad h_t = T / n, \quad (9)$$

где m – соответственно число точек для переменных x и t , которое определяется точностью решения; T – время получения двухфазной системы.

В соответствии с численным анализом используем приближенные выражения для производных:

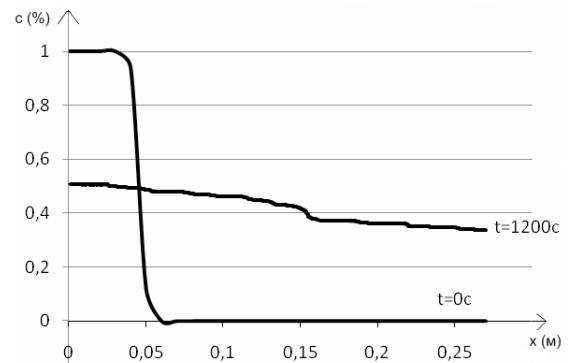

Рис. 2. Зависимость концентрации твердых частиц в системе жидкость – твердые частицы от координаты x

$$\frac{\partial c(x_i, t_j)}{\partial t} = \frac{c(x_i, t_{j+1}) - c(x_i, t_j)}{h_t} \quad (i = 0, 1, 2, \dots, m; j = 0, 1, 2, \dots, n); \quad (10)$$

$$\frac{\partial c(x_i, t_j)}{\partial x} = \frac{c(x_{i+1}, t_j) - c(x_i, t_j)}{h_x} \quad (i = 0, 1, 2, \dots, m; j = 0, 1, 2, \dots, n); \quad (11)$$

$$\frac{\partial^2 c(x_i, t_j)}{\partial x^2} = \frac{c(x_{i+1}, t_j) - 2c(x_i, t_j) + c(x_{i-1}, t_j))}{h_x^2} \quad (i = 0, 1, 2, \dots, m; j = 0, 1, 2, \dots, n). \quad (12)$$

Подставляя формулы (10) – (12) в уравнение (3) получим разностную схему:

$$c(y_i, t_{j+1}) = c(y_i, t_j) + \frac{h_t}{h_y^2} \langle D \rangle (c(y_{i+1}, t_j) \frac{S_{i+1}}{S_i} - (1 + \frac{S_{i+1}}{S_i}) c(y_i, t_j) + c(y_{i-1}, t_j)). \quad (13)$$

Решение модели может быть выполнено численно стандартным сеточным методом.

На рис. 2 представлено распределение концентрации твердой фазы в начале процесса и решение уравнения (13) для времени процесса $T = 1200$ с. Число разбиений m составило 10^6 .

Расчет производился для получения двухфазной системы вода-кальцит с процентным содержанием кальцита 40%. Процесс производился при следующих параметрах аппарата: $D=1,5$ м, $H=2,0$ м, $d=0,4$ м, $h=0,15$ м. При числе оборотов ротора $n=1500$ об/мин коэффициент диффузии составил $D_0=0,57 \times 10^{-3}$ при $d_0 = 60 \cdot 10^{-6}$ м. Отношение (\bar{d} / d_0) изменялось в пределах 1,2÷2. При этом получено значение $k=1,27$.

Значение концентрации твердых частиц рассчитывалось по массе твердой фазы. Пробоотборником отбиралось 30 проб из различных точек объема смеси, положение которых определялось расстоянием от стенки аппарата. Все точки находились на одной высоте над мешалкой со значением, равным величине 0,3 м. Масса кальцита в пробе определялась путем полного выпаривания воды.

Расхождение теоретических и экспериментальных данных не превышает 12%.

Библиографический список

1. Кафаров В.В., Меньшиков В.В. Применение рециркуляции для повышения эффективности

химико-технологических процессов // ТОХТ. – 1995. – Т. 24. – № 6. – 603 с.

2. Тариус М.Ю. К расчету смесителя сыпучих материалов со сложным движением эластичной рабочей камеры // Известия вузов: «Химия и химическая технология». – 2008. – Т. 51. – Вып. 8. – 83 с.

УДК 58.099

Олейникова Елена Михайловна

кандидат биологических наук, доцент

Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I
cichor@agronomy.vsau.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНОПОПУЛЯЦИЙ СТЕРЖНЕКОРНЕВЫХ ТРАВ

Рассмотрена пространственная структура ценопопуляций стержнекорневых видов «перекати-поле». Показана гетерогенность горизонтального размещения особей, проявляющаяся в чередовании участков высокой плотности (скопления) и крайне низкой, вплоть до полного отсутствия модельных особей (промежутки между скоплениями). Первичными элементами пространственной структуры являются популяционные локусы. Степень дискретности скоплений связана с траекторией перемещения особей «перекати-поле» после отделения от корня.

Ключевые слова: стержнекорневые травы, пространственная структура, ценопопуляции, гетерогенность размещения особей.

Под пространственной структурой понимается определенное взаимное размещение элементов ценопопуляции (ЦП) – особей, клонов, парциальных кустов [4, с. 13] с учетом их размера и возрастного состава.

Целью настоящей работы было изучение пространственной организации популяций стержнекорневых вегетативно-неподвижных видов особой морфобиологической формы – «перекати поле». И.Г. Серебряков [10] ставит особняком данную группу среди стержнекорневых травянистых поликарпиков, поскольку в конце вегетационного сезона надземная часть особи отрывается и под порывами ветра перемещается на существенные расстояния. Если растение находится в генеративном состоянии, перемещение сопряжено с распространением семян. Таким образом, виды данной биоморфы имеют возможность более активно расширять потенциальную территорию обитания. Данные по пространственному распределению особей подобной структуры в литературе отсутствуют.

Накопленный опыт исследования пространственной структуры позволяет выявить наиболее точный метод – картирование особей вида в пределах трансекты с учетом их возрастного состояния и положения, а также последующий анализ размещения [4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12]. Метод трансект позволяет дать количественную характеристику скоплений в пределах [5; 11]. Первой методической задачей при изучении группового размещения особей является выделение участков с более высокой (скопления) и более низкой (промежутки между скоплениями) плотностью особей. Вторая задача состоит в получении отдельных параметров скоплений и их анализе. В качестве основных параметров размещения особей определяли [5]: плот-

ность особей в пределах скоплений (S_c), плотность особей в промежутках между скоплениями (S_n), дискретность скоплений (D_c), которая рассчитывалась по формуле:

$$D_c = \frac{S_c - S_n}{S_c}.$$

Показатель дискретности достигает максимального значения в том случае, когда плотность особей в промежутках между скоплениями равна нулю, то есть скопления полностью дискретны.

Картирование особей осуществляли на трансектах шириной 12 и длиной 20 м (общая площадь – 240 м²), которые были разделены на метровые площадки. После визуального анализа характера размещения всех зафиксированных особей трансекты были разбиты на последовательно расположенные участки размером 1×1 м, 2×2 м, 4×4 м. Соответственно, на каждой трансекте было выделено 240 участков площадью 1 м², 60 участков площадью 4 м² и 15 участков площадью 16 м².

Пространственная структура ЦП стержнекорневых видов формы «перекати-поле» была изучена в трех фитоценозах в Бутурлиновском, Рамонском и Подгоренском районах Воронежской области, в качестве объектов были выбраны *Gypsophila paniculata* L., *Eryngium campestre* L. и *Phlomis pungens* Willd. На основе учета всех особей внутри каждой площадки получены трехмерные модели (рис. 1), наглядно иллюстрирующие особенности пространственной организации ЦП стержнекорневых видов «перекати-поле». Благодаря использованию оттенков серого цвета на диаграмме хорошо заметно, что участки с высокой плотностью особей чередуются с участками, на которых почти или совсем отсутствуют особи анализируемых видов. Очевидно, что подобная мозаичность сви-

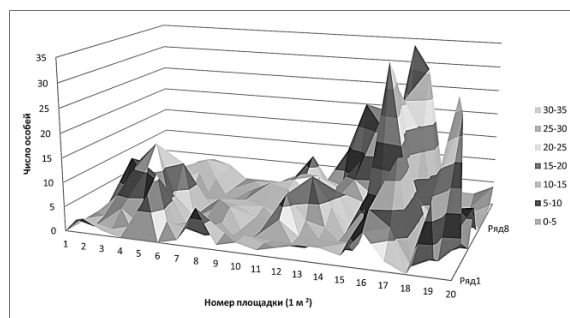
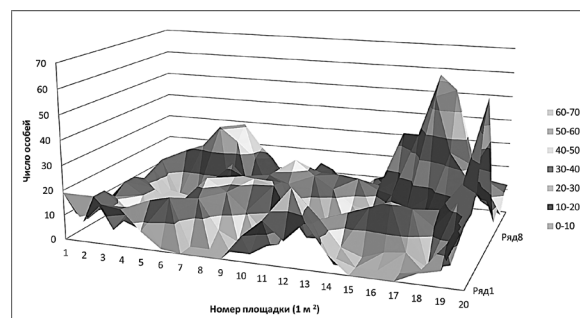
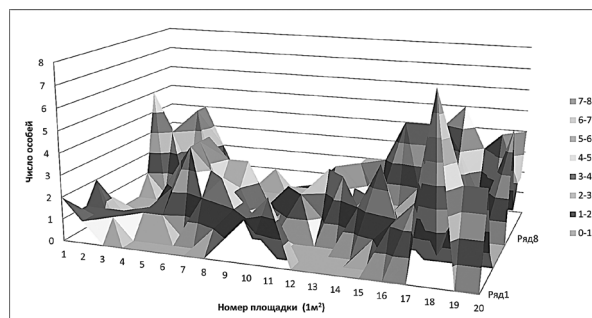
1 – *Eryngium campestre*2 – *Gypsophila paniculata*3 – *Phlomis pungens*

Рис. 1. Пространственная модель распределения особей в ЦП

детельствует о гетерогенности пространственной структуры их ЦП. Дробление трансект позволяет установить в ЦП *Eryngium campestre*, *Gypsophila paniculata* и *Phlomis pungens* от двух до трех порядков скоплений, достоверно отличающихся друг от друга по длине и плотности (табл. 1).

Для синеголовника и зопника выделяем три уровня агрегированности, поскольку плотность особей внутри скоплений и в промежутках между скоплениями отличается в несколько раз. Более того, на картируемом участке ЦП зопника из 240 площадок (1 м²), которые использовались для выделения I порядка скоплений, на 126 совсем не содержалось особей данного вида, что в конечном итоге дает нулевое значение дискретности для первого уровня агрегированности. Безусловно, это объясняется биологическими свойствами *Phlomis pungens* – прежде всего, низкой всхожестью семян и плохой приживаемостью проростков. У качима возможно выделить только два уровня, поскольку при средней плотности скоплений третьего уровня порядка 188 особей лишь на одном участке площадью 16 м² плотность составила 90 особей (что никак нельзя принять за минимальную, характерную для промежутков между скоплениями; на других участках показатель был еще выше – 102, 112, 119 особей).

Наглядной иллюстрацией распределения также являются кривые рядов численности на площадках разной площади (рис. 2). Их анализ показывает три уровня агрегированности у зопника и синеголовника, поскольку кривые численности разных порядков скоплений имеют четко обособленные

вершины. У качима обособлены вершины лишь у кривых, описывающих площадки со стороной 1 и 2 м; у кривых, характеризующих площадки со стороной 2 и 4 м, почти все вершины совпадают, что и подтверждает наши рассуждения выше.

Для всех трех видов отмечаем высокую дискретность скоплений (табл. 2). Ранее [7], исследуя пространственную структуру стержнекорневого вида *Cichorium intybus*, в качестве основных структурообразующих факторов пространственного размещения особей мы выделили такие особенности биологии вида, как отсутствие вегетативного размножения, высокую семенную продуктивность и большую продолжительность генеративного периода онтогенеза. Очевидно, что степень дискрет-

Таблица 1
Параметры скоплений разного уровня
на отдельных участках ЦП

Уровень скоплений	Основные параметры		
	S _c	S _n	D _c
<i>Eryngium campestre</i>			
I	11,37±1,03	0,94±0,10	0,92±0,06
II	23,89±3,31	2,46±0,45	0,90±0,11
III	68,85±12,9	12,00±2,13	0,83±0,76
<i>Gypsophila paniculata</i>			
I	15,87±0,88	0,84±0,13	0,95±0,08
II	57,22±5,38	10,00±1,67	0,83±0,81
III	188,33±24,7	–	–
<i>Phlomis pungens</i>			
I	2,04±0,12	0	0
II	7,04±0,56	1,00±0,18	0,86±0,07
III	20,10±2,37	5,40±1,51	0,73±0,37

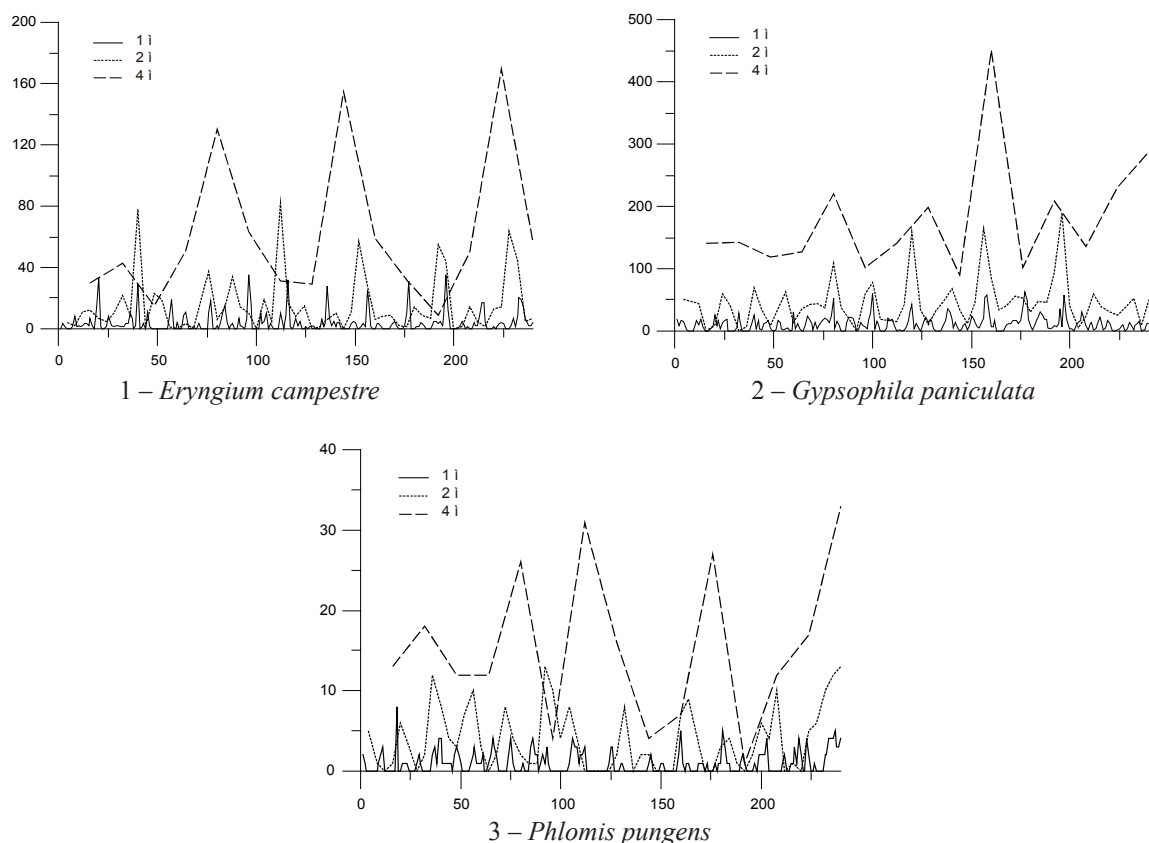

Рис. 2. Изменение численности особей «перекати-поле» на площадках размером 1 м², 4 м², 16 м².
(По оси абсцисс – длина транsekты, по оси ординат – число особей.
1 м, 2 м, 4 м – размер стороны учетной площадки)

ности скоплений вегетативно-неподвижных растений связана в том числе с радиусом рассеивания семян, а у видов формы «перекати-поле» – с геометрией перемещения особей после отделения от корня. В результате формируются четко выделенные локусы, которые мы рассматриваем как первичные элементы горизонтальной структуры ЦП.

Локусы в ЦП *Eryngium campestre* и *Gypsophila paniculata* обладают значительной сомкнутостью, что является следствием хорошего семенного возобновления, приживаемости проростков и реализации патентных черт в жизненной стратегии этих видов. Безусловно, в ЦП синеговника и зопника также присутствуют и одиночные особи, однако основу пространственной структуры составляют именно популяционные локусы, которые

формируют скопления I – III или I – II порядков. Наибольшая плотность скоплений всех уровней агрегированности отмечена в ЦП качима. В ЦП *Phlomis pungens* наблюдается образование гораздо более малочисленных и пространственно разбросанных локусов, занимающих значительные площади при низкой численности скоплений разного порядка (табл. 1, рис. 2).

При анализе пространственной структуры растительных сообществ рядом исследователей [2] был использован коэффициент агрегации (A), который рассчитывают по формуле: $A = \sigma^2 / x_{cp}$, где σ^2 – дисперсия случайной величины, а x_{cp} – среднее значение признака. $A = 1$ при случайном, $A > 1$ при групповом и $A < 1$ при регулярном размещении особей. В нашем случае для всех уровней агре-

Таблица 2

Значение коэффициента агрегации для скоплений разного уровня

Вид	Уровень скоплений	Коэффициент агрегации
<i>Eryngium campestre</i>	I	11,33
	II	23,55
	III	40,16
<i>Gypsophila paniculata</i>	I	12,37
	II	30,90
	III	49,38
<i>Phlomis pungens</i>	I	1,87
	II	3,91
	III	6,38

гированности каждого вида характерно групповое размещение особей ($A > 1$, табл. 2).

Очевидно, что однотипный характер формирования пространственной структуры ЦП тесно связан с особенностями биоморфы, размножения и освоения территории особями анализируемых видов.

Перемещение растений «перекати-поле» в конце вегетационного сезона приводит к внедрению диаспор на обширных участках фитоценоза, что многократно повышает шансы вида на сохранение и закрепление своего присутствия в сообществе. Семена зопника и качима, семянки синеголовника достаточно мелкие и легко проникают сквозь опад, достигая поверхности почвы. Даже при значительном задержании в фитоценозе всегда присутствуют микроучастки, пригодные для прорастания и дальнейшего развития новых особей, а компактная структура стержнекорневой биоморфы, особенно подземной части, позволяет данным видам расти на небольших площадях. Таким образом, пространственную организацию ЦП стержнекорневых растений можно рассматривать как один из инструментов, способствующий реализации механизмов биологической адаптации, а значит, и устойчивости видов.

Проведенный анализ позволил обнаружить пространственную однородность в размещении особей со сходными признаками экобиоморфы – жизненной формы «перекати-поле». Оценивая пространственную организацию ЦП модельных стержнекорневых видов, выделим наиболее характерные общие признаки.

1. Для ЦП всех указанных видов следует отметить гетерогенность, которая обусловлена мозаичностью горизонтальной структуры – чередованием участков с высокой и низкой плотностью особей или участков, занятых и не занятых растениями исследуемых видов. Нами выделено от двух (*Gypsophila paniculata*) до трех (*Eryngium campestre* и *Phlomis pungens*) уровней агрегированности особей.

2. Пространственная структура ЦП видов специфической морфобиологической группы – «перекати-поле» – определяется в первую очередь особенностями их размножения и дальнейшей дисперсии семязачатков. Все три вида размножаются только семенами, которые распространяются анемогеохорно после отламывания и перемещения сухих генеративных побегов в конце вегетации.

3. Первичными элементами пространственной структуры являются популяционные локусы, которые могут быть более или менее сомкнуты в надземной части и хорошо выделяться при ви-

зуальном осмотре, картировании и построении рядов численности особей. Степень дискретности скоплений связана с траекторией перемещения особей после отделения от корня. Нами отмечено групповое размещение особей для всех порядков скоплений в ЦП *Eryngium campestre*, *Gypsophila paniculata* и *Phlomis pungens*.

Библиографический список

1. Акишенцев Е.В. Пространственно-временная организация ценопопуляций купальницы европейской (*Trollius europaeus* L.): автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2006. – 18 с.
2. Грейг-Смит П. Количественная экология растений. – М.: Мир, 1967. – 296 с.
3. Григорьева Н.М., Заугольнова Л.Б., Смирнова О.В. Особенности пространственной структуры ценопопуляций некоторых видов растений // Ценопопуляции растений (развитие и взаимоотношения). – М., 1977. – С. 20–36.
4. Заугольнова Л.Б. Неоднородность строения ценопопуляций во времени и пространстве (на примере *Alyssum lenense* Adams) // Бот. журн. – 1976. – Т. 61. – № 2. – С. 187–196.
5. Заугольнова Л.Б. Шорина Н.И. Опыт анализа размещения особей в ценопопуляциях // Количественные методы анализа растительности. – Рига, 1971. – Т. 2. – С. 105–113.
6. Олейникова Е.М. Структура и динамика ценопопуляций *Cichorium intybus* L. Русской лесостепи: дис. ... канд. биол. наук. – Воронеж, 1999. – 211 с.
7. Олейникова Е.М., Ильичёва О.В. Пространственная структура ценопопуляций *Chondrilla juncea* (Asteraceae) // Вестник ВГУ. Серия: Химия. Биология. Фармация. – 2009. – № 2. – С. 110–115.
8. Отмахов Ю.С. Биологические особенности *Schizonepeta multifida* (L.) Briq. и *S. annua* (Pall.) Schischk. в природе и интродукции: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2009. – 16 с.
9. Серебряков И.Г. Жизненные формы высших растений и их изучение // Полевая геоботаника. – М.; Л.: Наука, 1964. – Т. 3. – С. 146–205.
10. Скользнев Л.Н. Структура и динамика ценопопуляций *Potentilla pimpinelloides* L. в Среднерусской лесостепи: дис. ... канд. биол. наук. – Воронеж, 1996. – 183 с.
11. Шорина Н.И. Особенности пространственного размещения разновозрастных особей в ценопопуляциях подснежника Воронова // Мозаичность растительных сообществ и ее динамика. – Владимир, 1970. – С. 347–369.
12. Ценопопуляции растений (очерки популяционной биологии). – М.: Наука, 1988. – 183 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ЦЕНОПОПУЛЯЦИЙ
И ВСТРЕЧАЕМОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ ФОРМ *ALNUS INCANA* (L.) MOENCH
В УСЛОВИЯХ ПОЙМ И НАДПОЙМЕННЫХ ТЕРРАС

В статье освещается вопрос изменения возрастной структуры ценопопуляций *Alnus incana*, а также встречаемости жизненных форм «порослеобразующее дерево» и «многоствольное (немногоствольное) дерево» в условиях пойм и надпойменных террас в зоне подтайги и подзоны южной тайги Европейской части России.

Ключевые слова: ольха серая, ценопопуляция, полиморфизм, онтогенетический спектр, условия произрастания.

Освещённость вопроса, актуальность

Проблема формирования жизненных форм ольхи серой в зависимости от условий произрастания частично освещается Е.В. Бобковой [1] и К.С. Ситниковым [4]. Однако в указанных работах нет информации о встречаемости в составе ценопопуляций разных типов биоморф *Alnus incana*, в зависимости от места произрастания (в поймах или надпойменных частях речной долины). Освещение вопроса об изменении возрастного состава популяций на территории Европейской части России, в зависимости от места произрастания ольхи серой в той или иной части речной долины, в проанализированной нами литературе не встречено. В то же время знание этих зависимостей позволяет прогнозировать формирование у *Alnus incana* качеств, ценных с точки зрения защиты почв от эрозии и получения разных типов древесного и не древесного сырья (в том числе фармацевтических сборов [7, с. 223–225] и веточного корма [5 с. 17]).

География. Методика исследования

Исследование проводилось в 2009–2013 гг. в подзоне южной тайги и зоне подтайги Европейской части России (Костромская и Калужская области). В основу работы положен популяционно-онтогенетический подход к изучению древесных видов растений. В процессе исследования была описана демографическая структура 50 ценопопуляций ольхи серой.

Возрастная структура ценопопуляций

Alnus incana на разных

геоморфологических элементах речной долины

Для изучения зависимости возрастной структуры ценопопуляций от геоморфологических условий произрастания описания были разделены на 4 выборки по признаку места произрастания *Alnus incana* в составе речной долины. В результате было установлено, что выборка ценопопуляций, произрастающих в условиях водоразделов, не репрезентативна. В последующем анализировались ценопопуляции, произрастающие на территориях низких пойм, высоких пойм и надпойменных террас [3, с. 191–200].

На следующем этапе для каждой территории произрастания выстраивались онтогенетические спектры ценопопуляций [6, с. 81–84] (табл. 1).

Установлено, что возрастные спектры ценопопуляций имеют некоторые общие черты в прегенеративном периоде онтогенеза. Так, доля участия проростков в онтогенетическом спектре, независимо от места произрастания, мала по причине преобладания вегетативного размножения *Alnus incana* [2] и составляет от $0,8 \pm 0,4$ до $1,2 \pm 0,4\%$.

Доля ювенильных парциальных побегов в составе ценопопуляций составляет от $13,1 \pm 1,5\%$ на низкой пойме до $33,2 \pm 1,8\%$ на высокой пойме и $23,0 \pm 1,4\%$ на террасах. На долю ранних имматурных парциальных побегов независимо от места произрастания приходится максимум онтогенетического спектра. В условиях низких пойм им₁ онто-

Таблица 1

Возрастная структура популяций *Alnus incana*
в различных геоморфологических условиях произрастания, %

Геоморфологические условия	Онтогенетические состояния								
	p	j	im ₁	im ₂	v	g ₁	g ₂	g ₃	s
Низкая пойма	0,8 ±0,4	13,1 ±1,5	51,2 ±2,2	15,9 ±1,6	6,3 ±1,0	9,2 ±1,3	1,7 ±0,6	1,3 ±0,5	0,4 ±0,27
Высокая пойма	1,1 ±0,4	33,2 ±1,8	56,1 ±1,9	2,6 ±0,6	2,0 ±0,5	2,4 ±0,6	2,0 ±0,5	0,4 ±0,2	0,14 ±0,14
Терраса	1,2 ±0,4	23,0 ±1,4	48,5 ±1,7	9,7 ±1,0	2,4 ±0,5	6,5 ±0,8	5,8 ±0,8	2,0 ±0,5	0,9 ±0,3

**Встречаемость биоморф «многоствольное (немногоствольное) дерево»
и «порослеобразующее дерево» на различных геоморфологических элементах речной долины, %**

Место произрастания ценопопуляций	Доля пробных площадок, содержащих биоморфу «многоствольное (немногоствольное) дерево»	Доля пробных площадок содержащих биоморфу «порослеобразующее дерево»
Низкая пойма	60,0±19,0	60,0±19,0
Высокая пойма	54,5±16,4	72,7±21,9
Терраса	31,8±6,8	29,4±7,1

генетическое состояние *Alnus incana* обеспечивает 51,2±2,2% состава ценопопуляции, в условиях высоких пойм – 56,1±1,9%, на террасах – 48,5±1,7%.

В связи с тем что поддержание популяции происходит преимущественно посредством образования корневых отпрысков, испытывающих омоложение до ювенильного онтогенетического состояния, преобладание ювенильных и имматурных растений является следствием высокой интенсивности образования отпрысков в условиях высоких пойм и большей длительности пребывания парциальных побегов в данных возрастных состояниях.

Низкая доля участия im_2 -s возрастных состояний ольхи серой в составе спектра связана с протеканием онтогенеза у большей части корневых отпрысков по сокращенному типу, при котором гибель парциального побега происходит преимущественно в im_1 , реже в im_2 онтогенетических состояниях.

В условиях высоких пойм онтогенетические состояния от im_2 до g_2 , представлены 2,0-2,6 (±0,5–0,6)% от состава ценопопуляций. В то же время в популяциях, произрастающих в низких поймах и на прирусловых террасах, наблюдается постепенное снижение доли участия парциальных побегов в ряду (im_1 -s), с локальным понижением в виргинильном онтогенетическом состоянии, что связано с малой продолжительностью или пропуском данного возрастного состояния. Наибольшее участие g_2 онтогенетического состояния в спектре наблюдается на надпойменных террасах (5,8±0,8%). Также в составе надпойменных частей долины отмечено большее участие сенильных деревьев (0,9±0,3%), что свидетельствует о реализации полного онтогенеза ольхи серой преимущественно при произрастании на террасах.

Зависимость встречаемости жизненных форм ольхи серой от места произрастания в составе речной долины

Биоморфа одноствольного дерева является наиболее распространённой для *Alnus incana* и была встречена на 98,0±2,0% пробных площадок. Биоморфы «многоствольное (немногоствольное) дерево» и «порослеобразующее дерево» формируются в результате пробуждения придаточных почек

на корнях или корневой шейке *Alnus incana* [4; 8, с.11–16].

Многоствольные (немногоствольные) деревья ольхи серой были отмечены на 42,0±5,9% пробных площадок. При рассмотрении ценопопуляций, произрастающих в поймах и надпойменных частях речной долины, было отмечено, что многоствольные деревья встречаются на 60,0±19,0% площадок, заложенных в низких поймах, на 54,5±16,4% пробных площадок – на территории высоких пойм, и на 31,8±6,8% площадок – на надпойменных участках речной долины (табл. 2). Полученные результаты свидетельствуют о встречаемости биоморф «многоствольное (немногоствольное) дерево» преимущественно в составе пойм.

Биоморфа «порослеобразующее дерево» встречается на 50,0±9,8% пробных площадок. При рассмотрении частоты встречаемости жизненной формы порослеобразующего дерева в зависимости от геоморфологических условий установлено, что эта биоморфа встречается на 60,0±7,6% пробных площадок на низких поймах, на 72,7±6,9% площадок, заложенных в пределах высоких пойм; и в составе 29,4±7,0% площадок, описанных на террасах.

Результаты исследования показали, что морфологическая поливариантность онтогенеза ольхи серой находит большее проявление в ценопопуляциях, произрастающих на территории пойм.

Обсуждение результатов

Берегоукрепляющие качества ольхи серой сильнее проявляются на высоких поймах, где наблюдается преобладание парциальных побегов прегенеративного периода онтогенеза, что в свою очередь является признаком высокой интенсивности образования корневых отпрысков и пристволовой поросли. Также, по причине высокой интенсивности образования отпрысков и в связи с частой встречаемостью биоморф «многоствольное (немногоствольное) дерево» и «порослеобразующее дерево», данные места произрастания *Alnus incana* позволяют рассчитывать на получение большего количества веточного корма.

В условиях террас благодаря преобладанию в составе ценопопуляций зрелого генеративного онтогенетического состояния возрастает целесообразность выращивания ольхи серой для полу-

чения лекарственного сырья (ольховых шишек), в то время как меньшая встречаемость биоморфы «многоствольное (немногоствольное) дерево» указывает на большую пригодность надпойменных террас для выращивания относительно крупных древесных стволов ольхи серой.

Библиографический список

1. Бобкова Е.В. Жизненные формы и онтогенез *Alnus incana* (Betulaceae) в подзоне хвойно-широколиственных лесов европейской части России // Ботанический журнал. – 2001. – № 4. – С. 75–86.
2. Онтогенез ольхи серой (*Alnus incana* (L.) Moench) // Онтогенетический атлас лекарственных растений: учеб. пособие. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 2002. – Т. 2. – С. 18–24.
3. Рычагов Г.И. Общая геоморфология: учеб-

ник. – М.: Наука, 2006. – С. 191–200.

4. Ситников К.С. Влияние экологических факторов на особенности формирования биоморфы ольхи серой // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 12–14.
5. Соколов Н.В. Лосеводство. – Кострома: Изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии, 2005. – С. 17.
6. Ценопопуляции растений (основные понятия и структура) / О.В. Смирнова, Л.Б. Заугольнова, И.М. Ермакова и др. – М.: Наука, 1976. – 217 с.
7. Чиков П.С. Лекарственные растения. – М.: Лесн. пром-сть, 1982. – С. 223–225.
8. Чистякова А.А. Диагнозы и ключи возрастных состояний лесных растений. Деревья и кустарники / А.А. Чистякова, Л.Б. Заугольнова, И.В. Полтинкина и др. – М.: Прометей, 1989. – Ч. 1. – 102 с.

УДК 581.9 : 582.47

Грозовский Сергей Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sergeygrozovskiy@rambler.ru

ЛЕСНОЕ СООБЩЕСТВО С ВЫСОКИМ УЧАСТИЕМ ПИХТЫ СИБИРСКОЙ НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ЕЕ АРЕАЛА

В ценофлоре коренных сообществ Костромской области присутствует ряд биогеографически «сибирских» видов. Среди них пихта (*Abies sibirica* Ledeb.), которая здесь, на западной границе ареала, хоть и не имеет значимой фитоценотической роли, все же является эдификатором. Согласно таксации, пихта встречается на всей территории Костромской области, кроме ее крайнего юго-запада; при этом достоверно известно о настоящем плакорном пихтаче на востоке области. Исследована ценопопуляция пихты в сообществе, в котором данный вид абсолютно доминирует в древостое. Сопутствующие виды: ель, липа, береза (древесный ярус); рябина, клен (подлесок). Ценоз имеет ландшафтную ценность среди сообществ, репрезентативных для южной тайги. Пихтовое сообщество с высокой энергией возобновления, незначительным вкладом угнетенных особей в виталитетную структуру и сформировавшееся в оптимальных для вида ландшафтных условиях рекомендуется к выделению в качестве заказника.

Ключевые слова: биогеографические координаты, пихта сибирская, фитоценотическая роль, виталитетная структура, онтогенетический спектр, энергия возобновления, популяционное поведение, эколого-флористическая классификация.

Введение

Виды Евросибирской, Восточноевропейско-азиатско-североамериканской, Восточноевропейско-азиатской, Восточноевропейско-сибирской, Азиатской и Сибирской долготных групп Н.Г. Прилепского, а также группы «условно сибирских» видов Н.А. Миняева, адаптированные для востока Костромской области методом биогеографических координат Б.А. Юрцева, называют «сибирскими» [11]. Среди них дерево-эдификатор – пихта (*Abies sibirica* Ledeb.), пограничноареальный и оттого потенциально уязвимый вид [4]. Возрастание доли пихты в древостое в долготном направлении связано со снижением влияния атлантических воздушных масс и с повышением континентальности [17].

Фитоценотическая роль пихты состоит в снижении запасов лесной подстилки и ее кислотности, но характеризуется повышением содержания обменных оснований и биологической активности. Процессы биологического круговорота усвояемых форм N и K

в пихтачах протекают относительно интенсивно, что обеспечивает вхождение в состав этих ценозов требовательных к почве неморальных видов [13]. Целью работы стало выявление в Костромской области чистых древостоев пихты как пограничноареального ценозообразователя, являющихся крайним вариантом сообществ с «сибирской» флорой.

Решались следующие задачи: исследовать структуру пихтовых лесов и энергию их возобновления, определить почвы, на которых они располагаются; уточнить ранг данных сообществ в системе эколого-флористической классификации.

Исследования проводились в 2008–2014 гг.; в 2013 г. в 2 выделах Марковского участкового лесничества Поназыревского лесничества Костромской области (юг Вохомского района, в левобережье Ветлуги) выявлен чистый пихтач площадью 1,6 га. Согласно классификации ландшафтов Костромской области, исследованный пихтач относится к пихтово-еловым лесам на дерново-подзолистых типичных мелко осветленных почвах [17].

Материалы и методы

Онтогенетический спектр дифференцирует ценологическую роль особей вида на разных этапах жизнедеятельности. Диагнозы онтогенетических состояний и представления об особенностях габитуса при различном виталитете позаимствованы из специализированной работы [8]. Флористический состав (для определения особенностей ценоза на основе представлений обо всех входящих в его состав видах) изучался на 60 пробных площадках – арах, которыми пихтач охватывался максимально равномерной сетью. На каждой основной площадке в шахматном порядке закладывались по 13 вспомогательных квадратов со стороной 2 м. Учет пихт в онтогенетических состояниях g_1 и im_1 велся на основных площадках, j и p – на вспомогательных. Для определения общей численности ЦП производился пересчет на фактическую площадь. Плотность ЦП определяли на 1 ар.

В изученной ЦП пихты особи визуально разделялись на фракции высокого, среднего и низкого виталитета.

Энергия возобновления изучена у 3 модельных деревьев. У каждого для 40 ветвей из вершинной (женской) части кроны определяли средние показатели на шишку: число семенных чешуй, теоретическое число семян (в шишке пихты по 2 семени на каждую семенную чешую), фактическое число семян, долю осеменения, число выполненных семян, долю выполненности [14].

Синтаксономический анализ сообщества проводился на основе предварительного продромуса лесной растительности южной тайги и подтайги Европейской России [9]. При этом мы старались соблюдать географическую определенность с целью недопущения неоправданного расширения объема ассоциаций и потери информативности [2].

Результаты и их обсуждение

По данным таксации рубежа XX–XXI вв., пихта встречается в естественных древостоях всех районов области, кроме Нерехтского; в Солигаличском районе древостои с пихтой существовали в прошлом, в настоящее время имеется лишь подрост, не учтенный последней таксацией (В.А. Дудин, устное сообщение).

Изученная ценопопуляция (ЦП) пихты представляет собой разделенный межквартальной просекой выдел, в котором интересующий вид деревьев составляет почти полное доминирование в древостое, а сопутствующие виды (ель, липа, береза) образуют весьма незначительную примесь. Присутствуют также не выходящие в древесный ярус рябина и клен. Данный репрезентативный для южной тайги ценоз отвечает одному из критериев ландшафтной ценности при включении в сеть ООПТ Костромской области: совместное произрастание сразу нескольких коренных древесных

пород [16]. Выдел является спелым насаждением в окружении преимущественно березовых молодых, образовавшихся на местах интенсивных рубок. В самом выделе имеются пни высокой степени разложения. Следов пребывания в пихтаче человека – кострищ, свалок, свежих порубок – встретить не удастся. Сообщество не является культурой, так как в Костромской области введения пихты в лесную культуру не было (В.А. Дудин, устное сообщение). В целом пихтачи характеризуются относительно низким риском возникновения пожара, при этом сами по себе крайне чувствительны к огню, относительно чаще поражаются верховым пожаром [19]. Изучаемый ценоз более подвержен пожару, чем пихтовые сообщества, описанные в иных регионах, поскольку последние занимают относительно пониженное ландшафтное положение, у них выше сомкнутость, выше доля мхов в напочвенном покрове. Следовательно, последний пожар в районе нашего пихтача произошел неопределенно давно. Специфическое для пихты усыхание в изученном нами древостое визуально не выявлено; напротив, наблюдается интенсивное побегообразование в верхней части кроны.

Несмотря на существенное сходство данного сообщества с одним из описанных для Костромской области типов лесов с пихтой – «елово-пихтовые леса со значительным участием в напочвенном покрове кислицы и неморальных видов», – столь выраженное доминирование пихты ставит его в ряд редких не только для востока Костромской области, но и для всей области. Данный редкий лесной ценоз весьма перспективен как значимый донор диаспор в пул, обеспечивающий устойчивость популяции пихты в Костромской области, и может быть, вместе с определенной буферной зоной, рекомендован к выделению в качестве заказника, по примеру уже существующего в Костромской области лиственничного заказника и пихтовых заказников в Татарстане. Показательно, что в сопредельных регионах, где пихта включена в красные книги, как пограничноареальный вид, сообществ с ее полным доминированием не выявлено: в Нижегородской области известны лишь пихто-ельники [10], а в Вологодской – пихтачи с 20%-ной примесью ели [15].

Площадь ЦП пихты составляет 1,6 га, весь древостой одновозрастный, его высота 27 м, возраст (согласно таксации) 80 лет. Возраст выдела совпадает с нормальным для пихты началом активного семеношения (60–70 лет в сомкнутых древостоях) [6].

Почва дерново-подзолистая, краснопрофильная, с многочисленными включениями выветрелого аргиллита (белесого цвета); дерновый процесс здесь взаимосвязан с наличием сложно устроенного напочвенного покрова, в котором широко представлены виды с высоким содержанием зольных элементов (медуница, сныть) и азота (сочевичник, вика) ([17]; С.В. Лойко, устное сообщение). По-

кровные суглинки не выражены, что указывает на выход на поверхность подстилающих палеозойских пород [12]. Данная почва может считаться турбированной (многочисленны глубоко залегающие следы вывалов) и деградированной, что определяется весьма длительной историей освоения данного участка, с неоднократным чередованием огневой подсеки и естественного развития древостоя [1]. Мощность подзолистого горизонта оказывает существенное влияние на обеспечение водного питания древостоя. Дерново-подзолистые почвы относительно высоко дифференцированы, и периодическая верховодка на таких почвах хорошо выражена [3]. Для пихты на границе ареала лимитирующим становится фактор влажности воздуха, чем обусловлена ее приуроченность к поймам малых рек, поэтому чистое насаждение пихты в Европейской России на плакоре хорошо согласуется с наличием локальных почв с длительным периодом внутрпочвенного стока. В целом, такой тип почвы благоприятен для произрастания пихтовых водораздельных лесов в Европейской России [7].

Вычислив средние арифметические по групповым средним и округлив все значения до единиц, получили резко бимодальный онтогенетический спектр ЦП, свидетельствующий о семенном способе ее воспроизводства и об ее инвазионности (табл. 1). Изученная ЦП пихты демонстрирует в целом высокий виталитет (табл. 2).

Имматурных особей первого возраста (im_1) мало; имматурных особей второго возраста (im_2) и виргинильных (v) – нет совсем. Все деревья генеративного периода онтогенеза молодые. Отводков (стланика) также не обнаружено, что согласуется с локальным полным доминированием пихты:

обычно пограничноареальная пихта активно формирует стланик, тогда как в центре ареала образует древостой с высоким участием без стланикового подраста [5]. Отсутствие отводков согласуется и с низким обилием мхов. Последние препятствуют прорастанию зародышевого корешка, зато способствуют погребению лежащих длительно живущих нижних ветвей. Именно в таких условиях (геоксильность, ксилоризомность) у пихты происходят физиологические процессы, отвечающие за толерантную стратегию, такие как притекание ауксинов [20]. В данной же точке пространственно-временного континуума освещенность не является лимитирующим фактором, вследствие чего не создается условий для стресс-толерантного популяционного поведения.

Специфическими чертами пихты как ценозообразователя здесь являются низкая сомкнутость крон и расположение живой части кроны в верхней трети высоты дерева, что обеспечивает относительную освещенность и способствует вхождению (в виде примеси в древесно-кустарниковом ярусе) популяций липы и клена, визуальную имеющих аналогичную с популяцией доминанта виталитетную структуру и популяционное поведение.

Предварительные данные по энергии возобновления позволяют считать год исследований – 2013 – урожайным для пихты (табл. 3).

Синтаксономический анализ показывает, что изучаемое сообщество находит свое место в предварительном продромусе лесной растительности южной тайги и подтайги Европейской России: *Quercus-Fagetum* Br.-Bl. et Vlieger in Vlieger 1937 em Klika 1939; *Abietetalia sibiricae* (Ermakov in Ermakov et al. 2000) Ermakov 2006; *Aconito*

Таблица 1

Численность и онтогенетический состав ЦП *A.sibirica*

Численность ЦП, шт.	Плотность ЦП, шт. / ар	Численность по онтогенетическим состояниям, шт.:			
		p	j	im	g ₁
10973	69	2118	5590	894	2371

Таблица 2

Виталитетная структура ЦП *A.sibirica*

Виталитет	Доля для p	Доля для j	Доля для im	Доля для g ₁
высокий	0,32	0,44	0,34	0,39
средний	0,34	0,24	0,34	0,42
низкий	0,34	0,32	0,32	0,19

Таблица 3

Средние от показателей энергии возобновления *A.sibirica*

Особь	Число чешуй	Теор. число семян	Факт. число семян	Доля осеменения, %	Число выполненных семян	Доля выполненности, %
1	115,09	230,19	160,51	0,71	151,03	0,94
2	115,95	231,89	159,56	0,7	147,57	0,93
3	118,03	236,06	159,91	0,69	148,03	0,93

septentrionalis-Piceion obovatae Solomeshch et al. 1993; *Chrysosplenio alternifolii-Piceetum obovatae* Martynenko et Zhigunova 2007. Однако данная ассоциация выделена для Урала, и, возможно, следует обратиться к описаниям, географически наиболее близким к району наших исследований: *Quercus-Fagetum*; *Fagetalia sylvaticae* Pawł. in Pawł., Sokol. et Wall. 1928; *Quercus-Tilion* Solomeshch et Laivinsh in Solomeshch 1993; *Rhodobryo rosei-Piceetum abietis* Korotkov 1986; *R.r.-P.a. abietetosum sibiricae* Zaugolnova et Morozova 2004 prov. [16; 9]. Как видим, последняя субассоциация является провизорной, но, поскольку пихта на востоке Европейской России редко является доминантом древостоя, возможно, эту субассоциацию следует валидизировать.

Библиографический список

1. Бобровский М.В. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 392 с.
2. Булохов А.Д. Флористическое районирование и синтаксономия: проблема взаимосвязи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 1–4. – С. 978–981.
3. Газизуллин А.Х., Гилаев А.М., Сабиров А.Т., Минниханов Р.Н. Биогеоценозы пихты сибирской на юго-западном пределе ее ареала, условия их произрастания, перспективы воспроизводства и рационального использования // Докл. ТСХА. – 1997. – № 268. – С. 107–112.
4. Гельтман В.С. Роль экстремальных условий в фитоценотической устойчивости видов-лесообразователей // Тез. докл. всесоюз. совещ. по вопросам адаптации древесных растений к экстремальным условиям среды. – Петрозаводск, 1981. – С. 25–26.
5. Корчагин А.А. Происхождение «пихтового стланца» темнохвойных лесов северо-востока европейской части СССР // Советская ботаника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1936. – № 5. – С. 49–53.
6. Крылов Г.В., Марадудин И.И., Михеев Н.И., Казакова Н.Ф. Пихта. – М.: Агропромиздат, 1986. – 239 с.
7. Курнаев С.Ф. Лесорастительное районирование СССР. – М.: Наука, 1973. – 203 с.
8. Махатков И.Д. Поливариантность онтогенеза пихты сибирской // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1991. – Т. 96. – № 6. – С. 79–88.
9. Миркин Б.М., Мартыненко В.Б., Ямалов С.М., Наумова Л.Г. Теория и практика принятия решений при классическом и неклассическом синтаксономическом анализе // Растительность России. – СПб., 2009. – № 14. – С. 142–151.
10. Ненюков С.О. Экологическое состояние пихтово-еловых лесов на юго-западной границе ареала // Лес, наука, молодежь: Материалы международной научной конференции: в 2 т. – Гомель: ИЛ НАН Б, 1999. – Т. 1. – С. 28–30.
11. Прилепский Н.Г. Географические особенности флоры северо-востока Костромской области (бассейн р. Вохмы) // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 2012. – Т. 117. – № 1. – С. 69–76.
12. Рухина Е.В. Литология ледниковых отложений. – Л.: Недра, 1973. – 176 с.
13. Сабиров А.Т. Содержание подвижных микрорезлементов в почвах темнохвойных биогеоценозов // Экология и леса Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999. – С. 58–61.
14. Седельникова Т.С., Пименов А.В. Репродуктивные показатели хвойных в болотной согре и на суходоле // Вестник экологии, лесоведения и ландшафтоведения. – 2007. – № 7. – 116–121.
15. Сулова Т.А. Флора и растительность // Природа Вологодской области. – Вологда: ИД «Вологжанин», 2007. – С. 173–240.
16. Хомутова М.С. Очерк растительности водораздела рек Неи и Б. Какши // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. – 1941. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 79–99.
17. Хорошев А.В. Ландшафты и экологическая сеть Костромской области. Ландшафтно-географические основы проектирования экологической сети Костромской области: моногр. / А.В. Хорошев, А.В. Немчинова, В.О. Авданин; ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 428 с.
18. Шишов Л.Л., Тонконогов В.Д., Лебедева И.И., Герасимова М.И. Классификация и диагностика почв России. Изд. 2-е, испр. и доп. – Смоленск: Издательство «Ойкумена», 2004. – 342 с.
19. Furyaev V.V., R.W. Wein and D.A. MacLean. 1983. Fire influences in *Abies*-dominated forests. – P. 221–234 // Wein R.W. and MacLean D.A. The role of fire in northern circumpolar ecosystems. – Chichester: SCOPE 18, John Wiley and Sons Ltd.
20. Klerk G.-J. de, Krieken W. van der, Jong J.C. de. 1999. Review the formation of adventitious roots: new concepts, new possibilities. In *Vitro Cell & Developmental Biology – Plant* 35 3; 189–199.

Чудецкий Антон Игоревич

Филиал ФБУ «ВНИИЛМ» «Центрально-европейская лесная опытная станция» (г. Кострома)
a.chudetsky@mail.ru

Лебедев Владимир Павлович

доктор биологических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
rumex1@mail.ru

Рыжова Надежда Васильевна

кандидат биологических наук
Костромской государственной технологический университет
ienjdfy@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСАЖДЕНИЙ ПАРКА «БЕРЕНДЕЕВКА» ГОРОДА КОСТРОМЫ

В статье анализируется состояние лесных экосистем самого популярного места отдыха горожан – парка «Берендеевка». Представлена характеристика видового состава, санитарного состояния и рекреационной нарушенности лесных насаждений. Проведена комплексная оценка рекреационного потенциала парка.

Ключевые слова: городские леса, рекреационная нагрузка, санитарное состояние, рекреационный потенциал.

Парк отдыха «Берендеевка» более сорока лет является наиболее популярным местом отдыха горожан. Здесь проводятся массовые культурные и спортивные мероприятия. В связи с этим парк испытывает сильные рекреационные нагрузки, которые в первую очередь отражаются на его растительности.

Цель работы – оценить состояние лесных насаждений парка и выявить его рекреационный потенциал в настоящее время.

Методика исследования

Для исследования состояния насаждений и воздействия на них рекреационной нагрузки было заложено 12 пробных площадей (ПП) размером 50×50 м. Выбирались типичные участки с разным породным составом и различным состоянием лесной среды, в основном вдоль дорожек и троп, в местах наиболее распространенных маршрутов передвижения и остановок горожан для отдыха. Оценка состояния подроста производилась на круговых площадках радиусом 10 м.

Исследование рекреационной нагрузки проводилось по пяти стадиям дигрессии насаждений [5, с. 7]. Стадии дигрессии, или рекреационной нарушенности, определялись в основном по проценту вытоптанной части напочвенного покрова и количеству поврежденных деревьев.

Для оценки санитарного состояния деревьев в насаждениях использовалась шкала категорий состояния деревьев [9, с. 21]. При оценке учитываются такие признаки, как цвет хвои и листьев, состояние кроны, наличие усохших ветвей, а также поврежденность деревьев вредителями леса и пораженность болезнями.

После выявления санитарного состояния, рекреационной нарушенности, класса устойчивости, а также состояния подроста и подлеска была проведена оценка рекреационного потенциала насаждений по методике, разработанной С.Л. Рысиным

[8, с. 17–27]. Согласно этой методике, определялись комплексные показатели привлекательности, комфортности и устойчивости лесных насаждений.

Привлекательность насаждений определяется возрастом и высотой древостоя, его породным составом, вертикальной и горизонтальной структурой, а также декоративностью. Важными компонентами в оценке привлекательности также являются рекреационная нарушенность насаждения, санитарное состояние древостоя и загрязненность территории. Комфортность насаждения оценивается рельефом участка, влажностью почв, наличием и развитием дорожно-тропиночной сети, доступностью, расстоянием до ближайшего водоема рекреационного значения, наличием источников загрязнения воздуха и шума. Устойчивость насаждений – их свойство сохранять свои функции и жизнеспособность в условиях рекреационного воздействия [1, с. 215–219]. Она определяется возрастом древостоя, устойчивостью к уплотнению почвы основной лесообразующей породы (пород) и нижних ярусов растительности, наличием и жизнеспособностью подроста и подлеска, гранулометрическим составом почв, мощностью подстилки, дернины и гумусового горизонта, влажностью почв и уклоном поверхности [8, с. 17–27].

После оценки по данной методике для каждой группы показателей (привлекательность, комфортность, устойчивость) рассчитывается соответствующий коэффициент (K_n , K_k и K_y соответственно). По результатам оценки рекреационного потенциала для каждого обследованного участка по полученным значениям коэффициентов давалось заключение о качестве насаждений с точки зрения изученных показателей и определялся класс рекреационной значимости (КРЦ) [8, с. 17–27].

Результаты исследований

Парк «Берендеевка» расположен в северо-восточной части г. Костромы, с одной стороны огра-

Рис. 1. Смешанные березово-сосновые насаждения на территории парка

ничен ул. Ленина, с другой – проспектом Мира, переходящим далее в ул. Костромскую. Территория рекреационного назначения площадью 85,0 га относится к категории особо охраняемых природных территорий [4, с. 45]. Ландшафт парка представляет собой низменную равнину с элементами гляциального, флювиогляциального и антропогенного рельефа, с искусственными лесными сообществами и луговыми сообществами естественного происхождения [3, с. 50–51]. На территории располагаются пруды рекреационного назначения, музейный и гостиничный комплексы.

В пределах территории парка распространены искусственные лесные сообщества и луговые сообщества естественного происхождения. Среди лесных сообществ доминируют сосняки вейниковые и сосняки снытевые. На разных участках в составе смешанных насаждений (рис. 1) преобладает один

из видов: сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.) или береза пушистая (*Betula pubescens* Ehrh.). На отдельных площадях они образуют чистые насаждения. Также в насаждениях можно встретить такие породы, как ель европейская (*Picea abies* (L.) H.Karst.), осина (*Populus tremula* L.), липа сердцевидная (*Tilia cordata* Mill.).

Кустарниковый ярус чаще всего представлен рябиной обыкновенной (*Sorbus aucuparia* L.) и бузиной красной (*Sambucus racemosa* L.). Травянистый ярус под пологом древостоев разнообразен и представлен вейниковыми и снытевыми ассоциациями. Луговая растительность представлена в основном дернисто-луговыми и едколютиковыми сообществами.

Обследованные нами ландшафты относятся к закрытому и полужакрытому типам [2, с. 19], что вызывает особый интерес у туристов и отдыхаю-

Таблица 1

Характеристика пробных площадей по степени рекреационной дигрессии

Пробные площади	Формула состава древостоя	Вытоптанность напочвенного покрова, %	Деревьев, поврежденных механическим способом, %	Стадия рекреационной дигрессии
1	6Б4С+Е	10	5	2
2	7С3Б+Е	20	5	3
3	7С3Б	30	15	3
4	8Б2С+Е+Ос	25	15	3
5	5С4Б1Лп+Е	5	-	2
6	7С3Б+Е	15	5	2
7	8Б2С ед.Е	10	5	2
8	9С1Б	5	10	2
9	10Б+С	-	-	2
10	10С	20	5	2
11	5Б5Ос+С	30	35	3
12	10С+Ос	10	10	3

Примечание: С – сосна, Б – береза, Ос – осина, Е – ель, Лп – липа.

Таблица 2

Санитарное состояние насаждений парка «Берендеевка»

Пробные площади	Преобладающий балл санитарного состояния деревьев по породам					Поврежденных и погибших деревьев		
	С	Б	Ос	Е	Лп	Больных и усыхающих, %	Сухостойных, %	Поваленных, шт.
<i>Сосняк вейниковый</i>								
1	3	3	-	2	-	20	10	5
2	4	4	-	2	-	40	12	7
3	4	3	-	2	-	45	12	13
1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	2	-	-	-	-	8	5	12
12	2	-	2	-	-	15	4	10
<i>Сосняк снытевый</i>								
5	3	3	-	3	3	15	5	1
6	3	3	-	2	-	12	3	4
8	3	3	-	2	-	15	8	8
<i>Березняк снытевый</i>								
4	4	3	3	2	-	40	15	18
7	3	2	-	3	-	20	10	7
<i>Березняк вейниковый</i>								
9	2	2	-	-	-	8	5	9
11	3	2	3	-	-	20	12	17
Среднее значение по парку	3	2,8	2,7	2,3	3	-	-	-

щих с точки зрения эстетической привлекательности. По степени рекреационной нарушенности большинство насаждений парка находится на второй стадии депрессии (табл. 1), для которой характерны древостои с замедленным ростом, рыхлым строением кроны, бледно-зеленой окраской хвои и листьев, отсутствием подроста, вытоптанном подлеском и напочвенным покровом, уплотненной почвой, здоровых деревьев в хвойных насаждениях – 71–90%, а в лиственных – 51–70%.

На обследованных площадях встречаются усыхающие и сухие деревья (табл. 2). В последние годы местами здесь проводились санитарные рубки, однако еще встречаются больные и поврежденные деревья.

Результаты оценки санитарного состояния показали, что сосна находится в основном в сильно ослабленном состоянии, береза – в ослабленном, а в местах повышенной рекреационной нарушенности, где присутствует также сильная замусоренность территории, преобладают усыхающие экземпляры деревьев. Чаще всего они встречаются на участках сосново-вейниковой группы.

На окраинах парка и по опушкам насаждений сосново-вейниковой ассоциации отмечено хорошее естественное возобновление березы и осины в виде густого подроста этих пород (табл. 3).

Возможно, что появление подроста осины и березы связано с низкой устойчивостью сосны к уплотнению почвы при вытаптывании [7, с. 213–226] и замещением ее более устойчивыми породами, хотя здесь сказывается влияние и светового режима. В самих насаждениях подрост обычно редкий.

В чистых сосновых посадках и на некоторых участках со смешанным составом древостоя наблюдается большая густота подлеска, подлесок средней густоты – в большинстве смешанных насаждений, а на участках с преобладанием в древостое березы подлесок в основном редкий. В чистых сосновых древостоях с густым подлеском санитарное состояние основной породы заметно лучше, чем в смешанных насаждениях.

Комплексная оценка рекреационного потенциала исследованных лесных участков (табл. 4) показала, что в целом насаждения парка обладают

Таблица 3

Характеристика подроста на опушках лесных участков

Пробные площади	Местоположение	Высота подроста, м			Густота подроста, шт./га		
		Б	Ос	С	Б	Ос	С
1	Юго-восточная окраина парка	1,0–1,5	2,5–5,0	-	60	5200	-
10	Северо-западная окраина парка	1,5–3,0	1,0–3,0	0,5–1,0	2000	1600	30
12	Юго-западная окраина парка	1,5–2,0	2,0–4,0	-	1000	4500	-

Результаты комплексной оценки рекреационного потенциала насаждений в парке «Берендеевка»

Пробные площади	Породный состав насаждений	Значения показателей рекреационного потенциала			
		Привлекательность K_n	Комфортность K_k	Устойчивость K_y	КРЦ
Сосняк вейниковый					
1	6Б4С+Е	0,58	0,71	0,73	III
2	7С3Б+Е	0,48	0,59	0,77	III
3	7С3Б	0,45	0,59	0,75	III
10	10С	0,48	0,72	0,80	III
12	10С+Ос	0,43	0,66	0,77	III
Сосняк снытевый					
5	5С4Б1Лп+Е	0,60	0,78	0,75	III
6	7С3Б+Е	0,53	0,78	0,73	III
8	9С1Б	0,53	0,72	0,75	III
Березняк снытевый					
4	9Б1С+Е+Ос	0,55	0,78	0,77	III
7	8Б2С ед.Е	0,55	0,75	0,77	III
Березняк вейниковый					
9	10Б+С	0,48	0,78	0,77	III
11	5Б5Ос+С	0,55	0,56	0,66	III
Среднее значение по объекту		0,52	0,71	0,75	III

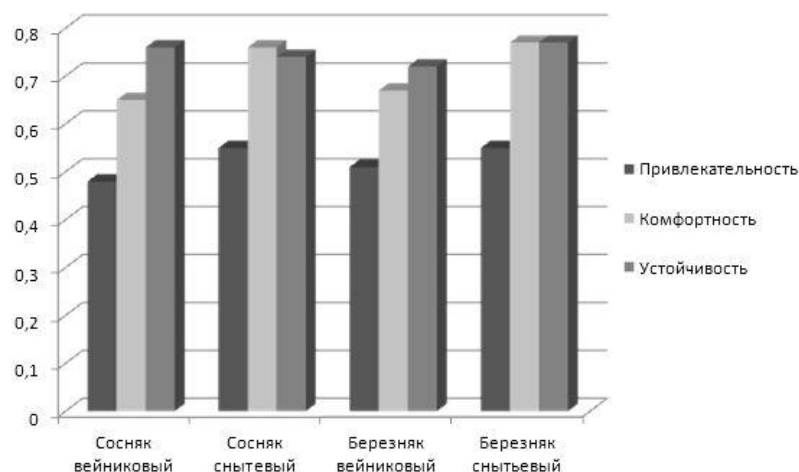

Рис. 2. Распределение показателей рекреационного потенциала насаждений по группам растительных ассоциаций

средней привлекательностью ($K_{n.c.p.} = 0,52$). По всей видимости, это связано со II и III стадиями дигрессии лесной среды и не всегда хорошим санитарным состоянием деревьев в насаждениях.

Высокий показатель комфортности ($K_{k.c.p.} = 0,71$) подтверждает благоустроенность парка и его соответствие территории рекреационного назначения, однако необходимо и дополнительное благоустройство. Помимо этого, насаждения обладают высокой устойчивостью к рекреационным нагрузкам ($K_{y.c.p.} = 0,75$) больше всего за счет благоприятных почвенных условий, а в составе смешанных насаждений благодаря наличию березы – как породы, устойчивой к вытаптыванию.

Распределение показателей рекреационного потенциала по группам растительных ассоциаций

(рис. 2) выявило наибольшую привлекательность и комфортность в сосняках ($K_n = 0,55$; $K_k = 0,76$) и березняках ($K_n = 0,55$; $K_k = 0,77$) снытевой группы. Самые низкие значения этих показателей отмечены в сосняке вейниковом ($K_n = 0,48$; $K_k = 0,65$). По устойчивости же к рекреационным нагрузкам не наблюдается заметного различия для представленных в парке растительных ассоциаций.

Поскольку средний коэффициент привлекательности по парку «Берендеевка» находится в диапазоне 0,41...0,60, а остальные показатели выше, то территорию объекта можно отнести к III классу рекреационной ценности. Это означает, что в среднем рекреационное использование насаждений возможно с определенными ограничениями [8, с. 17–27].

В связи с этим для повышения класса рекреационной ценности необходимо повышение показателей привлекательности, комфортности и устойчивости за счет улучшения составляющих их компонентов. В первую очередь, для повышения привлекательности и здорового состояния насаждений необходимо удаление больных и сухостояных деревьев (в особенности вдоль дорожек, где сухие экземпляры представляют опасность для посетителей) путем проведения санитарных рубок, очистка территории от мусора (в особенности на опушках), упавших деревьев и ветвей в некоторых местах.

Для повышения комфортности территории на участках с неровным рельефом местности (ПП №2 и 3) и плохой проходимостью (ПП №11), но сильной вытоптанностью напочвенного покрова, требуется улучшение качества тропинойной сети. В целях благоустройства дорожно-тропинойной сети необходима очистка их от мусора и валежа. Для улучшения рекреационной обстановки рекомендуется обустройство мест отдыха – устройство мест для сбора мусора [6], установка скамеек, ограждений для спортивных площадок, восстановление разрушенных архитектурных сооружений.

Выводы

Таким образом, территория парка «Берендеевка» обладает значительным биологическим разнообразием на уровне сообществ и популяций видов, прежде всего восстанавливающимися широколиственными деревьями в комплексе с прудами, луговыми участками, оригинально вписывающимися в структуру растительного покрова строениями города.

Наибольшей привлекательностью и комфортностью обладают сосняки и березняки снытевой группы, а самые низкие значения этих показателей отмечены в сосняке вейниковом. В целом территория подвержена умеренной антропогенной нагрузке, рекреационное использование насаждений возможно с определенными ограничениями.

Для повышения класса рекреационной ценности требуется проведение санитарных рубок,

очистка территории от мусора и валежа. На участках с плохой проходимостью требуется улучшение качества тропинойной сети, рекомендуется дополнительное благоустройство мест отдыха и регулярный мониторинг насаждений парка.

Библиографический список

1. Бех И.А., Данченко А.М. Проблема устойчивости в лесоведении // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295. – С. 215–219.
2. Марченкова О.В., Ревякина Е.И. Лесопарковое хозяйство: учебник. – М.: ВНИИЛМ, 2008. – 152 с.
3. Особенности состава и патологии зеленых насаждений города Костромы / Н.В. Рыжова, Г.Ю. Макеева, В.В. Шутов, Я.В. Нечаев. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2012. – 120 с.
4. Особо охраняемые природные территории Костромской области. – Кострома, 2002. – 114 с.
5. ОСТ 56-100-95. Методы и единицы измерения рекреационных нагрузок на лесные природные комплексы. – М.: ВНИИЛМ, 1995. – 12 с.
6. Приказ Рослесхоза от 10.11.2011 № 472 (ред. от 07.05.2013) «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению государственной инвентаризации лесов» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=147714> (дата обращения: 10.05.2014).
7. Рысин Л.П., Рысин С.Л. Рекомендации по оценке последствий рекреационного лесопользования в лесопарках Москвы // Состояние зеленых насаждений и городских лесов в Москве. Аналитический доклад. – М., 2000. – С. 213–226.
8. Рысин С.Л. Рекреационный потенциал лесопарковых ландшафтов и методика его изучения // Лесохозяйственная информация. – М.: ВНИИЛМ, 2003. – № 1. – С. 17–27.
9. Санитарные правила в лесах Российской Федерации. – М.: Федеральная служба лесного хозяйства РФ, 1998. – 25 с.

Потапова Анна Викторовна*Костромской научно-исследовательский институт сельского хозяйства
solarspring2014@gmail.com***Баранов Александр Васильевич***доктор биологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
kniish.dir@mail.ru***Ситникова Ольга Николаевна***Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
lolik989@rambler.ru*

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЗАГРЯЗНЁННОСТИ ОСНОВНЫХ КОРМОВЫХ РАСТЕНИЙ НА КАЧЕСТВО ЛОСИНОГО МОЛОКА

*Приводятся физико-химические параметры молока лосих (*Alces alces*) в течение периода лактации, содержание в нём загрязняющих веществ в зависимости от уровня загрязнённости основных кормовых растений лосей.*

Ключевые слова: лоси, лосиное молоко, основные кормовые растения лосей, загрязняющие вещества.

Получение лосино́го молока – одно из наиболее перспективных направлений в лосеводстве. Лосиное молоко является ценным лечебно-диетическим продуктом и используется в комплексном лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта [1, с. 109–112].

Установлено, что на формирование качества молока у коров влияют окружающая среда, содержание и кормление животных, генетические особенности, сезонность, работа ветеринарных служб, геоботанические условия конкретного района, от которых зависят химико-биологические свойства молока [5, с. 83–85]. Молочная продуктивность на 50–60% определяется качеством кормов и полноценностью кормления [3, с. 4–6].

В доступной нам литературе отсутствуют данные о содержании загрязняющих веществ в лосином молоке. Сумароковская лосеферма, находящаяся на территории Сумароковского заказника Костромской области, где занимаются одомашниванием лосей и получением лосино́го молока, предоставляет уникальную возможность изучения этого продукта. Благодаря тому что одомашниваемые лоси находятся на свободно-выгульном содержании, их пищевое поведение мало отличается от поведения диких лосей [12, с. 82–86], что, в свою очередь, влияет на состав лосино́го молока.

Однако на Сумароковской лосеферме при получении лосино́го молока не учитывается уровень загрязнённости растительности привозных кормов и на участках обитания дойных лосих. Поскольку молоко лосих используется в лечебно-профилактических целях в санатории им. И. Сусанина, а также продаётся посетителям Сумароковской лосефермы, необходимо проведение исследований по содержанию загрязняющих веществ в кормах и молоке лосих, влиянию химического состава кормовых растений на состав молока лосих.

Методика исследований. Объектами наших исследований были основные кормовые растения и молоко лосих Сумароковской лосефермы.

Пробы сборного молока отбирались с июня по сентябрь в течение лактации 2011 года и в июне и августе 2014 г. Отбор проб проводили в соответствии с ГОСТ 3622–68 (Молоко и молочные продукты. Отбор проб и подготовка их к испытанию). Анализ физико-химических показателей молока (жир, плотность, кислотность, СОМО, белок) выполнен в ОГБУ «Костромская областная ветеринарная лаборатория». Содержание тяжёлых металлов и пестицидов – в лаборатории ФГБУ ГСАС «Костромская».

По результатам обзора литературы и наблюдений работников лосефермы, из общего списка растений, используемых лосями в пищу в средней полосе России и, в частности, в Костромской области, были выбраны те виды, которые составляют основу рациона в весенне-летний и осенний сезоны: кипрей узколистный (*Hamaenerion angustifolium* (L.) Scop.), таволга вязолистная (*Filipendula ulmaria* (L.) Maxim.), малина обыкновенная (*Rubus idaeus* L.), листья и вегетативные побеги рябины (*Sorbus aucuparia* L.), осины (*Populus tremula* L.), берёзы бородавчатой (*Betula pendula* Roth.), различных видов ив (*Salix* spp.) [11, с. 23; 15]. При отборе образцов учитывали особенности пищевого поведения лосей: у травянистых растений брали в зависимости от размера растения верхнюю треть или две трети побега, с деревьев и кустарников срезали ветки диаметром до 5 мм.

Выбор территории обследования был обусловлен наиболее часто посещаемыми одомашниваемыми лосихами участками [12, с. 82–86]. Пробы растений собирались один–два раза в месяц в сухую погоду одновременно с отбором проб молока на лосеферме. Всего было отобрано 39 проб дикорастущих растений разных видов. Была взята на анализ проба сухого овса, которым в запаренном виде подкармливают лосих во время дойки.

Обработка полученных данных проведена с использованием программы Microsoft Excel 2010 и STATISTICA 6.0.

Таблица 1

Содержание свинца (Pb), мг/кг в основных кормовых растениях лосей
в течение вегетационного сезона

Дата отбора пробы	Кипрей узколистный	Малина обыкновенная	Таволга вязолистная	Ивы	Рябина	Осина	Берёза бородавчатая	Овёс
14.05.	0,39	0,22	0,18	0,44	0,30	0,55	0,8	
21.06.	0,47	0,52	0,68	0,77	0,93	0,24	0,64	
21.07.	1,06	0,45	0,57	1,20	0,80	0,64	0,5	
8.08.	0,93	0,38	0,6					
21.08.	1,05	0,39	0,63	1,38	0,97	0,73	0,57	
21.09.	0,95	0,52	0,46	0,56	0,78	0,67	0,48	0,26
среднее	0,81± 0,24	0,41± 0,09	0,52± 0,15	0,87± 0,36	0,76± 0,24	0,57± 0,17	0,60± 0,11	
МДУ	5							

Таблица 2

Содержание кадмия (Cd), мг/кг в основных кормовых растениях лосей
в течение вегетационного сезона

Дата отбора пробы	Кипрей узколистный	Малина обыкновенная	Таволга вязолистная	Ивы	Рябина	Осина	Берёза бородавчатая	Овёс
14.06.	0,07	0,05	0,07	0,18	0,08	0,30	0,36	
21.06.	0,04	0,16	0,19	0,54	0,17	0,13	0,28	
21.07.	0,03	0,24	0,23	0,80	0,12	0,27	0,29	
8.08.	0,01	0,14	0,16					
21.08.	0,02	0,17	0,17	0,71	0,16	0,31	0,32	
21.09.	0,02	0,15	0,20	0,09	0,39	0,42	0,18	0,03
среднее	0,03± 0,02	0,15± 0,05	0,17± 0,04	0,46± 0,28	0,18± 0,11	0,29± 0,09	0,29± 0,06	
МДУ	0,3							

Результаты исследований. В соответствии с СанПиН 2.1.7.573-96, временный максимально допустимый уровень (МДУ) химических элементов в кормах для сельскохозяйственных животных составляет, мг/кг корма: свинец – 5; кадмий – 0,3; ртуть – 0,05; мышьяк – 0,5. Предельно допустимые остаточные количества (ДОК) пестицидов в кормах для молочного скота, мг/кг: ГХЦГ – 0,05; ДДТ – 0,05.

По результатам анализов концентрация свинца во всех растительных образцах была ниже МДУ, максимальный уровень токсиканта отмечен для различных видов ив – 1,38 мг/кг и кипрея узколистного – 1,06 мг/кг, который, однако, был значительно ниже МДУ (соответственно в 3,6 и 4,7 раза) (табл. 1).

Содержание свинца для различных растений достигало максимума в конце июня – июле.

Изменение содержания кадмия в растениях показано в табл. 2.

Превышение МДУ кадмия в 1,8–2,7 раза зафиксировано в ветках и листьях различных видов ив с июня по август, и незначительное – в пробах ря-

бины и осины в августе – сентябре (в 1,03–1,3 раза). В ветках и листьях берёзы бородавчатой содержание кадмия в течение всего времени наблюдений было близко к МДУ или незначительно превышало его. Различные виды ив, произрастающие на обследованной территории, оказались наиболее активными накопителями кадмия, что согласуется с ранее проведёнными исследованиями [13, с. 47; 16, с. 442–454]. Данный факт согласуется с литературными данными по накоплению поллютантов берёзой (*Betula pendula* Roth.) [2, с. 68–73] и различными видами тополей (*Populus balsamifera*, *P. alba*, *P. nigra*) [7, с. 226–229; 9, с. 102–107].

В 2011 году на лосеферме содержалось 15 лосих, из которых доились 14. Период лактации лосих длился с мая по сентябрь в среднем 121 день. Средний удой за лактацию составил 208,6 л молока, среднесуточный удой – 1,7 л/день, что на уровне показателей прошлых лет. В 2014 г. на лосеферме содержалось 16 лосих, из них доились только 10.

По данным исследований, проведённых ранее, лосиное молоко, получаемое на Костромской

лосеферме, содержит от 6 до 11% жира, причем жирность повышается к концу лактации [14, с. 167–168], что совпало с результатами анализов выполненных в 2011 и 2014 годах.

По литературным источникам содержание белка в лосином молоке составляет в среднем 7–12% [14, с. 167–168]. Максимальное содержание белка в 2011 году отмечено в июне (4,64–4,94%), после чего его показатель падает (3,73–3,55% в августе) и опять повышается к концу лактации (4,5% в сентябре), составив в среднем за период лактации 4,28%. Лосиное молоко, отобранное в июне и августе 2014 г., содержало 5,14 и 5,44% белка соответственно, что ниже средних показателей прошлых лет. Таким образом, содержание белка в молоке лосих подвергается значительно большим колебаниям, чем в молоке коров, уровень белка которого изменяется по литературным данным [4, с. 36–40] в пределах 2,8–3,6%.

Плотность молока лосих составляет в среднем 1,040–1,043 г/см³, варьируя от 1,038 до 1,044 г/см³ [14, с. 167–168]. В течение 2011 года плотность молока была максимальной в июне (1048 кг/м³) и снижалась к концу лактации до 1038 кг/м³. В 2014 г. плотность молока в июне составила 1043 кг/м³, в августе – 1047 кг/м³. Плотность молока напрямую зависит от содержания сухого вещества. Для СОМО отмечены аналогичные колебания (14,9% в мае – 13,5% в сентябре).

Кислотность лосиного молока составляет 35–38 °Т, при этом может падать до 25,5 и возрастет до 41 °Т [14, с. 167–168]. По нашим наблюдениям в 2011 г. кислотность в среднем составила 29,9 °Т, снижаясь к концу лактации с 32,5 до 25 °Т. В 2014 г. кислотность молока в июне была 35,5 °Т, в августе – 35,0 °Т.

Изменения физико-химических показателей молока отдельных лосих в разные годы зависят от индивидуальных особенностей животных.

Известно, что тяжёлые металлы депрессивно воздействуют на содержание жира и белка, что связано с блокированием синтеза многих ферментов, участвующих в молокообразовании.

Нами впервые прослежена динамика содержания тяжёлых металлов и пестицидов в молоке лосих в течение лактации. Предельно допустимые концентрации токсичных элементов и пестицидов (в пересчете на жир) определяются Техническим регламентом на молоко и молочную продукцию. За лактационный период не выявлено превышения содержания тяжёлых металлов выше максимально допустимого уровня (табл. 3).

Мышьяка, ртути, ГХЦГ и ДДТ за весь период наблюдений не выявлено. Содержание свинца в среднем в 2,7 раза ниже МДУ (0,1 мг/кг), содержание кадмия – в 4,7 раза ниже МДУ (0,03 мг/кг).

Ранговая корреляция Спирмена при $p < 0,05$ показала прямую зависимость между содержанием сухого обезжиренного молочного остатка (СОМО) и плотностью $r=1$, СОМО и белком $r=0,5$, обратную зависимость между СОМО и свинцом $r=-0,9$, свинцом и плотностью $r=-0,9$. Выявлена обратная корреляция между содержанием белка и свинца, равная $r=-0,7$. Корреляция между содержанием в молоке жира и свинца составила $r=0,3$, между содержанием жира и кадмия $r=-0,5$.

Таким образом, массовая доля белка в молоке лосих снижается при увеличении содержания в молоке свинца. Кадмий оказывает меньшее влияние на показатели лосиного молока по сравнению со свинцом. Исключение составляет влияние кадмия на жирность молока, которое выше чем влияние свинца. В целом, можно отметить отрицательное действие тяжёлых металлов на показатели молока лосих.

По результатам анализов проб основных кормовых растений и лосиного молока были вычислены коэффициенты перехода свинца и кадмия из основных кормовых растений в молоко лосих (табл. 4).

Вариация коэффициентов перехода тяжёлых металлов из кормовых растений в молоко лосих такова, что коэффициенты перехода свинца и кадмия из кормовых растений в молоко лосих в середине июня (0,13 и 0,21 соответственно) значительно отличаются от коэффициентов перехода в течение остального периода лактации, который по свинцу

Таблица 3

Физико-химические показатели и содержание тяжёлых металлов в молоке лосих

Дата отбора пробы	Жир, %	Белок, %	СОМО, %	Кислотность, °Т	Плотность, кг/м ³	Свинец, мг/кг	Кадмий, мг/кг
15.06.	8,52	4,6	14	32,5	1043	0,0515	0,03
29.06.	9,58	4,9	14,9	32,5	1048	0	0,001
21.07.						0,046	0,002
08.08.	11,26	3,7	14,04	32	1043,31	0,018	не обнаруж.
30.08.	11,09	3,6	13,5	27,5	1041	0,052	0,003
21.09.	11,64	4,5	12,8	25	1038	0,0516	0,0025
среднее	10,42±1,16	4,3±0,53	13,85±0,68	29,9±3,03	1043±3,21	0,0365±0,0177	0,0064±0,0093

Таблица 4

Коэффициенты перехода (КП) свинца и кадмия из основных кормовых растений в молоко лосих

Дата отбора пробы	Среднее содержание свинца в кормовых растениях, мг/кг	Содержание свинца в молоке, мг/кг	КП свинец	Среднее содержание кадмия в кормовых растениях, мг/кг	Содержание кадмия в молоке, мг/кг	КП кадмий
15.06.2011	0,39	0,05	0,13	0,14	0,03	0,21
29.06.2011	0,56	0,00	0,00	0,19	0,001	0,01
21.07.2011	0,69	0,05	0,07	0,25	0,002	0,01
08.08.2011	0,54	0,02	0,03	0,08	0	0,00
30.08.2011	0,75	0,05	0,07	0,24	0,003	0,01
21.09.2011	0,58	0,05	0,09	0,18	0,0025	0,01
среднее	0,59±0,10	0,04±0,02	0,06±0,18	0,18±0,05	0,01±0,01	0,04±0,07

изменялся от 0,00 до 0,09, по кадмию от 0,00 до 0,01.

В различных исследованиях приводятся следующие данные по коэффициентам перехода тяжёлых металлов из кормов в молоко коров в летний пастбищный период: свинец 0,002–0,42; кадмий 0,02–0,77 [8, с. 20–21], [6, с. 242], [10, с. 39]. Приведённые цифры значительно варьируют для исследований, проведённых в разных регионах, что затрудняет сопоставление с ними полученных нами данных. Тем не менее, можно отметить, что коэффициенты перехода тяжёлых металлов из кормовых растений в молоко лосих соответствуют нижней границе приведённых значений.

Следует учесть, что методы, использующиеся для проведения подобных исследований в скотоводстве, не могут в полной мере применяться при изучении одомашниваемых лосей, находящихся на свободно-выгульном содержании [11, с. 23], [14, с. 167–168]. В частности, пробы основных кормовых растений, результаты анализов которых использовались для вычисления коэффициентов перехода тяжёлых металлов в молоко, отбирались на часто посещаемом участке, типичном для Сумароковского заказника по растительности, удалённом от дорог и населённых пунктов. Однако площадь кормовых угодий одомашниваемых лосей шире. Таким образом, полученные коэффициенты перехода тяжёлых металлов из основных кормовых растений в молоко лосих, находящихся на свободно-выгульном содержании, являются временными и требуют дальнейшего уточнения.

Выводы. Таким образом, проведённые нами исследования показали, что физико-химические показатели и содержание загрязняющих веществ в молоке лосих зависит от качества основных кормовых растений, используемых лосями в своём питании.

Молоко, получаемое от лосих на Сумароковской лосеферме, является высококачественным лечебно-диетическим экологически чистым продуктом, в котором содержание загрязняющих веществ, таких как свинец и кадмий ниже МДУ, а ртути,

мышьяка и хлорорганических пестицидов не выявлено.

Библиографический список

1. Баранов А.В., Соколов А.Н. Лосиное молоко и перспективы его применения // Аграрная наука Евро-Северо-Востока России. – 2008. – № 1 (12). – С. 109–112.
2. Ветчинникова Л.В., Кузнецова Т.Ю., Титов А.Ф. Особенности накопления тяжёлых металлов в листьях древесных растений на урбанизированных территориях в условиях севера // Труды Карельского научного центра РАН. – 2013. – № 3. – С. 68–73.
3. Гордеев А.В. О мерах по реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2006. – № 1 – С. 4–6.
4. Джапаридзе Т., Зернова Л. Как повысить качество молока и увеличить доходы // Аграрный эксперт. – 2006. – №3. – С. 36–40.
5. Зыкова М.Г., Авсюк Е.А., Табаков Н.А. Факторы, влияющие на формирование качества молока // Международная научно-практическая конференция «Аграрная наука – сельскому хозяйству»: сборник статей: в 3 кн. Кн. 2. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2006. – С. 83–85.
6. Ильязов Р. Г., Ахметзянова Ф. К. Влияние условий содержания на степень миграции солей тяжёлых металлов в трофической цепи коров // Материалы научно-производственной конференции по актуальным проблемам ветеринарии и зоотехнии. Часть 2. – Казань, 2001. – С. 242.
7. Каракаева Л.С., Докучаева Ю.А., Машкова А.А. О содержании аскорбиновой кислоты и тяжёлых металлов в видах рода *Populus* L. различных зон Оренбуржья // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 3 (41). – С. 226–229.
8. Качество молока коров в хозяйствах, расположенных в зоне экологического риска / О. Корчагина, А. Фетисова, Н. Иванова, В. Кутровский // Молочное и мясное скотоводство. – 2009. – № 8. – С. 20–21.

9. Лескова О.А., Копылова В.Л., Якимова Е.П. Накопление тяжёлых металлов в *Populus balsamifera* L. (Забайкальский край) // Учёные записки ЗабГГПУ. – 2013. – № 1(48). – С. 102–107.

10. Медведская Т.В., Субботин А.М., Маценович М.С. Экологическая безопасность при производстве животноводческой продукции: учеб.-метод. пособие. – Витебск: УО ВГАВМ, 2009. – 39с.

11. Методические рекомендации по оценке кормовой базы и её корректировке в лосеводстве / Н.В. Соколов, А.Н. Соколов, А.В. Баранов, В.М. Джурович. – Кострома, 2008. – 23 с.

12. Минаев А.Н. Оценка площади особо охраняемой природной территории, необходимой для создания лосефермы // Лось в девственной и изменённой человеком среде. Труды VI Международного симпозиума по лосю. – Якутск, 2008. – С. 82–86.

13. Прохорова Н.В., Матвеев Н.М., Павловский В.А. Аккумуляция тяжёлых металлов дикорастущими и культурными растениями в лесостепном и степном Поволжье. – Самара: Самарский университет, 1998. – С. 47.

14. Соколов А.Н., Ложкин Э.Ф., Джурович В.М. Химический состав молока лосих // Актуальные проблемы науки в АПК: Материалы 55-ой международной научно-практической конференции: в 3 тт. – Кострома: Изд. КГСХА, 2004. – Т. 2. – С. 167–168.

15. Соколов Н.В. Лосиные биотопы антропогенного характера // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 5–6. – С. 19–23.

16. Ohlson M. and Staaland H. Mineral diversity in wild plants: benefits and bane for moose // Oikos. – 2001. – 94. – Pp. 442–454.

УДК 616.3 – 002 – 053.2

Левит Рита Моисеевна

кандидат медицинских наук

Детская клиническая больница № 1, г. Ярославль
rlevit@mail.ru

Спивак Евгений Маркович

доктор медицинских наук, профессор

Ярославская государственная медицинская академия
spivak58@mail.ru

Аккуратова Ирина Сергеевна

Ярославская государственная медицинская академия, г. Ярославль
akkiren@gmail.com

Надежин Александр Сергеевич

кандидат медицинских наук, доцент

Ярославская государственная медицинская академия, г. Ярославль

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛЕТОК ЖЕЛЕЗ СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ ЖЕЛУДКА ПРИ ЕЕ ХРОНИЧЕСКОМ ВОСПАЛЕНИИ У ДЕТЕЙ

Установлены изменения клеток слизистой оболочки желудка в условиях ее хронического воспаления у детей. Увеличивается пул эндокринных клеток, происходит муцинизация добавочных клеток с одновременным снижением их пепсиногенобразующей функции, что прямо коррелирует со степенью процесса.

Ключевые слова: слизистая оболочка желудка, клетки, хроническое воспаление, дети.

В настоящее время существуют немногочисленные работы, результаты которых указывают на значительные изменения клеточного состава желез слизистой оболочки желудка (СОЖ) в условиях хронического воспаления. Установлено, что по мере усиления его степени в теле желудка наблюдается снижение числа главных, рост добавочных и обкладочных клеток. В пилорических железах происходит уменьшение париетальных, некоторое увеличение добавочных и резкое возрастание пула энтерохромаффинных (эндокринных) клеток [5; 6]. Оценка функционального состояния клеток СОЖ, применяемая в клинических и научных исследованиях, является косвенной, так как базируется на определении гастрина, пепсиногенов I и II в плазме крови [2; 3; 4]. Наиболее достоверную информацию об изменениях секреторной функции желез СОЖ можно получить, используя метод иммуногистохимии,

который позволяет количественно определить содержание зимогенных гранул и муцинов в специализированных клетках [1].

Цель работы – установить закономерности изменения секреторной функции клеток желез в условиях хронического воспалительного процесса слизистой оболочки желудка у детей.

Материал и методы

Исследованы материалы гастробиоптатов, полученных в ходе эндоскопии 50 детей в возрасте 7–15 лет, страдающих хроническим гастродуоденитом, ассоциированным с *Helicobacter pylori*. Гистологический материал подвергался стандартной проводке с приготовлением парафиновых срезов толщиной 5 мкм. Степень воспаления СОЖ оценивалась в соответствии с общепринятой визуальной-аналоговой шкалой в теле желудка и антральном отделе. Проводилась морфометрия клеточных

Таблица 1

Количество клеток, содержащих гастрин, пепсиногены I и II, соматостатин, кислый и щелочной муцин в пилорических железах при хроническом гастродуодените у детей в зависимости от степени воспаления слизистой оболочки ($M \pm m$)

Среднее число клеток, содержащих	Степень хронического воспаления в антруме			
	Отсутствует	Незначительное	Умеренное	Выраженное
G-17	107 ± 11	176 ± 22***	410 ± 59***	409 ± 27***
Pg I	107 ± 11	176 ± 22***	410 ± 59***	409 ± 27***
Pg II	477 ± 54	542 ± 98	456 ± 47	455 ± 35
SST	50 ± 11	117 ± 21*	258 ± 34***	230 ± 19***
MUC6	505 ± 95	525 ± 91	529 ± 55	605 ± 39
MUC5	0,32 ± 0,08	0,48 ± 0,07	0,50 ± 0,07*	0,43 ± 0,04*

Условные обозначения здесь и в таблице 2: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,005$; G-17 – гастрин; Pg I – пепсиноген I; Pg II – пепсиноген II; SST – соматостатин; MUC6 – кислый муцин; MUC5 – щелочной муцин.

Примечание: все сравнения проведены относительно группы пациентов с отсутствием морфологических признаков воспаления в антруме.

Таблица 2

Количество клеток, содержащих пепсиногены I и II, соматостатин, кислый и щелочной муцин в фундальных железах при хроническом гастродуодените у детей в зависимости от выраженности воспаления слизистой оболочки антральной области ($M \pm m$)

Степень воспаления СОЖ		Количество клеток, содержащих				
Анtrum	Тело	SST	Pg I	Pg II	MUC5	MUC6
Отсутствует	Отсутствует	10±4	738±41	691±38	0,1	255±27
Незначительное	Отсутствует	37±10***	830±25*	760±23	0,16±0,05	240±16
Незначительное	Незначительное	62±25***	595±66**	612±29**	0,12±0,01	300±66
Умеренное	Незначительное	171±29***	617±125*	598±73*	0,35±0,10*	195±10
Выраженное	Выраженное	130±21***	564±39***	541±54***	0,20±0,05*	318±52

Примечание: все сравнения проведены относительно группы пациентов с отсутствием морфологических признаков воспаления в СОЖ.

субпопуляций желез СОЖ. Для осуществления иммуногистохимического анализа срезы обрабатывались наборами моноклональных антител производства фирм «Dako» (США) и «Roche» (Швейцария), после чего в препаратах подсчитывали число клеток, содержащих, гастрин, пепсиногены I и II, соматостатин и кислый муцин (MUC6). Поверхностный щелочной муцин (MUC5) количественно определяли по доле прокрашенных эпителиоцитов.

Цифровой материал обработан с помощью пакета прикладных статистических программ «StatPlus 2009».

Результаты и их обсуждение

По данным морфометрии было установлено, что наибольшим изменениям в пилорических железах подвержен пул энтерохромаффинных клеток, основными из которых являются G-клетки, продуцирующие гастрин и D-клетки, выделяющие соматостатин. Иммуногистохимический анализ показал, что имело место скачкообразное нарастание G-клеток при переходе воспаления от незначительного к умеренному (табл. 1). Однако

дальнейшее увеличение степени процесса уже не сопровождалось его ростом.

В отношении D-клеток наблюдалась аналогичная динамика, но их резкое увеличение регистрировалось уже при незначительном воспалении в антруме.

По мере усиления процесса выявлялось статистически значимое возрастание клеток, в которых обнаруживался щелочной муцин (MUC5). Достоверных изменений клеточных пулов, содержащих кислый муцин (MUC6), а также пепсиноген II обнаружено не было.

Функция секреторного аппарата фундальных желез, по нашим данным, в значительной степени определяется степенью хронического воспаления в антральном отделе. Это особенно наглядно видно при анализе числа D-клеток, содержащих соматостатин, которое резко нарастало по мере усиления процесса в антруме (табл. 2). Клетки, содержащие пепсиногены I и II, в теле желудка обнаруживали однотипную динамику: при незначительном воспалении в антруме их число нарастало, а затем достаточно существенно снижалось, достигая минимума при выраженном процессе.

Характер изменений муциноцитов (MUC5 и 6) в обоих отделах желудка имел одинаковую направленность.

Таким образом, результаты проведенного иммуногистохимического исследования позволяют сделать следующие заключения. В условиях длительно существующего хронического воспаления в СОЖ имеет место усиление регулирующей роли ее эндокринного аппарата, в первую очередь, в антральном отделе. Это проявляется резким ростом G и D-клеток, что коррелирует с увеличением общего пула энтерохромаффинных клеток по данным морфометрии. Установлена тесная прямая зависимость изменений функционального состояния фундальных желез от степени воспаления в антруме. Иммуногистохимический анализ указывает на то, что в этих условиях происходит процесс муцинизации добавочных клеток с одновременным снижением их пепсиногенообразующей функции. Это, в сочетании с резким ростом D-клеток (в 17 раз в теле и практически в 5 раз в антруме), по-видимому, направлено на обеспечения репаративной регенерации поврежденной СОЖ.

Библиографический список

1. Аруин Л.И., Капуллер Л.Л., Исаков В.А. Морфологическая диагностика болезней желудка и ки-

шечника. – М.: Триада-Х, 1998. – 496 с.

2. Игуменова Е.Л. Особенности гастродуоденальной патологии, ассоциированной с инфекцией *Helicobacter pylori* у детей с отягощенной наследственностью: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – СПб, 2006. – С. 3–14

3. Маев И.В., Мельникова Е.В., Крюкова Т.В. и др. Новые методы серологической и эндоскопической диагностики хронического атрофического гастрита и раннего рака желудка // Клинические перспективы гастроэнтерологии, гепатологии. – 2009. – № 6. – С. 30–34.

4. Пюрвеева К.В., Латина Т.Л., Ивашкин В.Т. и др. Значение сывороточных показателей пепсиногена I, пепсиногена II и гастрина 17 в диагностике атрофического гастрита // Рос. журн. гастроэнтерол. гепатол. колопроктол. – 2005. – № 3. – С. 48–51.

5. Спивак Е.М., Левит Р.М., Хавкин А.И., Аккуратова И.С., Надежин А.С. Патоморфологическая характеристика воспалительного процесса в слизистой оболочке желудка при хроническом гастродуодените у детей // Вопросы детской диетологии. – 2013. – Т. 11. – № 6. – С. 24–27.

6. Mario F., Franze A., Cavallaro L.G. Non-invasive diagnosis for gastric diseases. Milano, 2004. – P. 4–30.

Акаева Татьяна Карповна

кандидат технических наук

Военная академия РХБЗ им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

akaev@list.ru

Родин Олег Николаевич

Военная академия РХБЗ им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

Гунин Валерий Владимирович

кандидат технических наук

Военная академия РХБЗ им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

akaev@list.ru

Акаев Олег Павлович

доктор технических наук

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

akaev@list.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ РЕЖИМОВ ФОСФАТИРОВАНИЯ СОСТАВАМИ НА ОСНОВЕ ФОСФОРНОЙ КИСЛОТЫ

В статье рассматриваются вопросы оптимизации режимов фосфатирования стали составами на основе продукта азотно-кислотного разложения природных фосфатов. Показано влияние температуры и концентрации рабочих фосфатирующих растворов, а также время выдержки после выделения водорода на качество фосфатных пленок в зависимости от чистоты фосфорной кислоты, используемой для получения фосфатирующих концентратов.

Ключевые слова: фосфорная кислота, фосфатирование, коррозия, шлам.

Для защиты изделий из черных и цветных металлов в промышленности часто применяются фосфатирующие концентраты, пленки на основе которых обладают рядом ценных технических свойств [4].

Фосфатировать можно изделия любых размеров и конфигураций, причём температурный режим фосфатирующих растворов может изменяться в широких пределах, а продолжительность процесса плёнообразования может быть весьма кратковременной. Все эти факторы существенно влияют на качество фосфатных пленок.

Ранее были разработаны составы фосконцентратов на базе продукта азотно-кислотного разложения природных фосфатов (АКВ), включающие металлы цинк и медь [1]. Они позволяют получать фосфатные покрытия, обладающие удовлетворительной коррозионной стойкостью и имеющие свою область применения.

Для определения оптимальных режимов фосфатирования разработанными составами варьировали температуру и концентрацию раствора в рабочей ванне, время выдерживания пластинок после выделения водорода, контролируя при этом качество фосфатной пленки по внешнему виду, массе и пористости. Массу фосфатной пленки, нанесенную на пластинку, определяли по стандартной методике [3], пористость – по количеству пятен на фильтровальной бумаге, смоченной в растворе гексацианоферрата калия и приложенной к поверхности пластины площадью 38,5 см² [4].

При разработке фосфатирующих составов на основе АКВ проводили сравнительные эксперименты с термической фосфорной кислотой (ТФК) и экстракционной фосфорной кислотой (ЭФК) [1]. Аналогичное сравнение продолжили и при оптимизации режимов фосфатирования. Подготовку

поверхности пластин осуществляли по известным методикам [2]. Приготовление рабочих ванн проводили разбавлением концентрата 1:10, контролируя кислотность среды.

Влияние температуры раствора фосфатирования на качество фосфатных пленок

Фосфатная пленка, образованная при высоких температурах, отличается большой пористостью и шероховатостью, кроме того, ускоряется процесс образования фосфатной плёнки. Но нельзя допускать кипения раствора, так как взмучивающийся осадок осаждается на поверхности металла, плёнка адсорбирует нерастворимые фосфаты, снижаются её адгезионные и защитные свойства, ухудшается внешний вид.

Экспериментальные данные по влиянию температуры фосфатирования на качество фосфатного покрытия представлены на рис. 1 и 2.

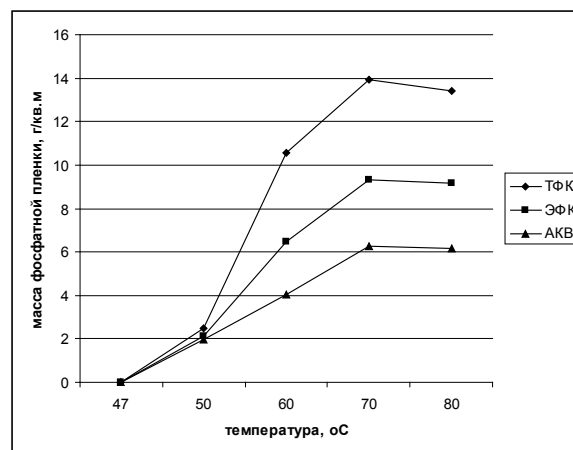
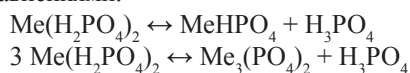

Рис. 1. Зависимость массы фосфатной пленки от температуры раствора фосфатирования

При анализе экспериментальных данных установлено, что образование фосфатной пленки начинается при температуре выше 48°C. С ростом температуры происходит увеличение массы сформированной фосфатной пленки во всех исследуемых образцах фосфатирующих растворов. Очевидно, при повышении температуры раствора усиливается гидролиз первичных фосфатов и повышается содержание свободной фосфорной кислоты в фосфатирующих растворах. Это способствует взаимодействию металла с раствором и образованию крупнокристаллической модификации вторичных и третичных солей. Общий химизм данного процесса может быть представлен уравнениями:

Из графиков (рис. 1) следует, что наибольший скачок массы фосфатной пленки достигнут при 70°C для всех исследуемых образцов. Причем при фосфатировании в растворе, в состав которого входит ТФК, зафиксировано максимальное значение массы пленки по сравнению с раствором, содержащим ЭФК (в 1,5 раза) и с композицией на основе АКВ – в 2,2 раза. Очевидно, такая закономерность связана с наличием примесей, которые в большей степени содержатся в азотно-кислотной вытяжке по сравнению с экстракционной и тем более с термической фосфорными кислотами.

Повышение температуры выше 75°C приводит к взмучиванию шлама, пленка начинает сорбировать нерастворимые фосфаты на поверхности металла, что приводит к ухудшению сцепления пленки с поверхностью и, как следствие, уменьшению массы фосфатной пленки [4].

При повышении температуры раствора в ванне фосфатирования обнаружено, что количество пятен на пластинах при испытании фосфатных пленок уменьшается (рис. 2). Следовательно, увеличивается класс пористости и защитные свойства пленки.

Минимальное количество пятен наблюдается при температуре 70°C для всех исследуемых образ-

цов. Причем для составов на основе ТФК количество пятен значительно ниже – в 18 раз по сравнению с ЭФК и в 12 раз по сравнению с АКВ.

Повышение температуры выше 70°C за счет взмучивания шлама и адсорбции нерастворимых фосфатов поверхностью металла и, как следствие, ухудшения сцепления пленки с поверхностью металла приводит к снижению защитных свойств пленки.

Влияние концентрации раствора на качество фосфатного покрытия

В формировании фосфатной пленки принимают участие лишь свободная фосфорная кислота и первичные фосфаты, поэтому их концентрация в растворе имеет решающее значение для процесса пленкообразования. Повышенное содержание свободной фосфорной кислоты в растворе удлиняет процесс образования фосфатной пленки, снижает её защитные свойства, вызывает растрескивание металла и изменение в размере деталей. При недостаточном содержании кислоты пленка получается тонкой, обладает низкой защитной способностью против коррозии, процесс фосфатирования сопровождается активным шламообразованием.

Экспериментальные данные по влиянию концентрации раствора на качество фосфатного покрытия представлены на рис. 3 и 4.

На основании полученных данных можно сделать заключение, что по мере роста концентрации фосфатирующего раствора происходит рост массы фосфатной пленки для всех объектов исследования (рис. 3). При этом наибольшая масса фосфатной пленки формируется в растворе, содержащем термическую фосфорную кислоту. При фосфатировании пластинок в растворе, содержащем экстракционную фосфорную кислоту, значение массы фосфатной пленки значительно ниже. Наименьшие значения массы образующейся фосфатной пленки характерны при фосфатировании с композицией, в состав которой входит азотно-кислотная вытяж-

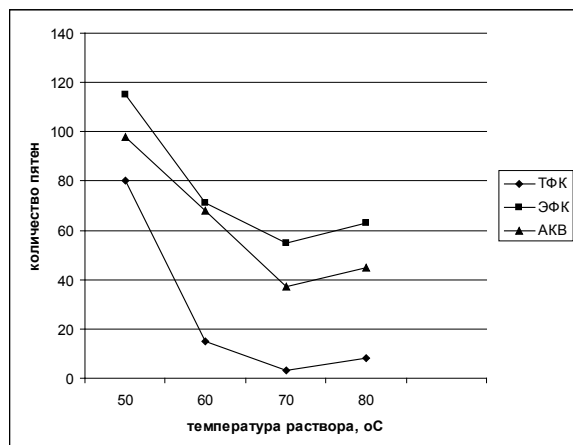

Рис. 2. Зависимость количества пятен на фосфатной пленке от температуры раствора фосфатирования

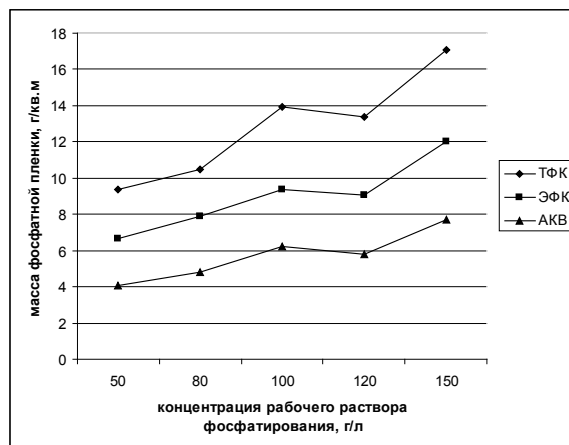

Рис. 3. Зависимость массы фосфатной пленки от концентрации рабочего раствора фосфатирования

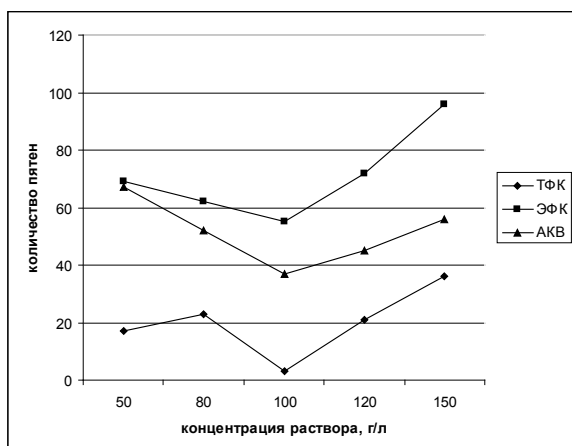

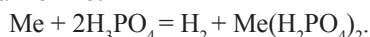
Рис. 4. Зависимость количества пятен фосфатной пленки от концентрации раствора фосфатирования

ка. Это можно объяснить увеличением количества примесей в ряду: ТФК–ЭФК–АКВ.

В точке, соответствующей концентрации раствора, равной 100 г/л, наблюдается резкий скачок массы фосфатной пленки для всех исследуемых образцов. В этой же точке наблюдается существенное уменьшение количества пятен, то есть повышается класс пористости покрытия и, следовательно, защитные свойства пленок (рис. 4). Так, для ТФК, которая практически не содержит примесей, это увеличение составляет более чем в 5 раз по сравнению с исходной точкой, для ЭФК и АКВ – в 1,2 и 1,8 раза соответственно.

Очевидно, при концентрации рабочего раствора 100 г/л создается наиболее оптимальное соотношение фосфорной кислоты и металла для образования комплексов, определяющих структуру фосфатной пленки.

Во время фосфатирования начинается активное выделение пузырьков водорода. Происходит это в результате образования первичных фосфатов по уравнению:

По прекращению выделения пузырьков судят об окончании процесса фосфатирования. При дальнейшей выдержке металла в фосфатирующем растворе происходит перестройка и выравнивание размеров кристаллов фосфатов, составляющих пленку, которые способствуют повышению её защитных и адгезионных свойств. Но при очень длительном фосфатировании может происходить уменьшение веса пленки и ухудшение её защитных свойств.

В связи с этим возникает необходимость определения оптимального промежутка времени, необходимого для завершения процесса формирования пленки.

Экспериментальные данные по влиянию времени выдерживания металлических пластинок в растворе после выделения водорода на массу фосфатной пленки представлены на рис. 5.

Установлено, что исходная масса фосфатной пленки в течение 5...10 минут выдерживания после

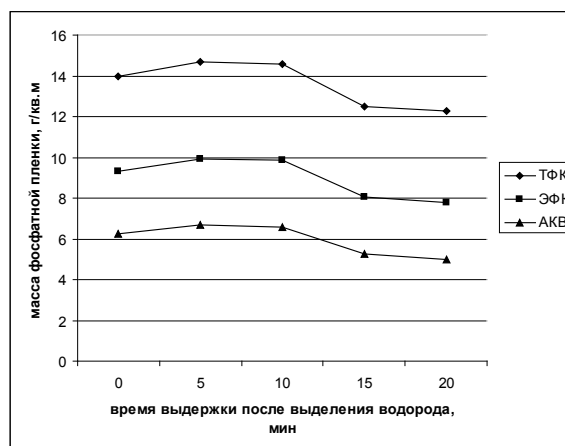

Рис. 5. График зависимости массы фосфатной пленки от времени выдерживания после выделения водорода

выделения водорода увеличивается на 0,6 г в растворе, содержащем термическую фосфорную кислоту, на 0,5 г и 0,35 г для растворов, содержащих экстракционную фосфорную кислоту и АКВ соответственно. Дальнейшее удерживание пластинок в растворе приводит к уменьшению массы фосфатной пленки, так как медь, присутствующая в составе фосфонцентра, способствует ее разрушению.

Изученный промежуток времени выдерживания пластинок в растворе после выделения водорода не влияет на пористость покрытий, а следовательно, и на их коррозионную стойкость.

Таким образом, по результатам проведенных исследований определены оптимальные режимы фосфатирования стали составами на основе фосфорной кислоты различной степени очистки:

- температура процесса фосфатирования 70...75 °С;
- концентрация фосфатирующего раствора рабочей ванны 100 г/л;
- время выдержки изделий после выделения водорода 5...10 мин.

Установлено, что примеси, присутствующие в исходной фосфорной кислоте, снижая качество фосфатных покрытий, не оказывают существенно влияния на технологические параметры процесса фосфатирования.

Библиографический список

1. Акаева Т.К., Родин О.Н., Акаев О.П., Нейман Е.А. Фосфатирование стальных изделий составами на основе фосфорной кислоты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 4. – С. 8–12.
2. Мачевская Р.А., Мочалова О.С. Подготовки поверхности под окраску. – М.: Химия, 1971. – 120 с.
3. Тихвинская М.Ю., Волынский В.Е. Практикум по общей химической технологии. – М.: Просвещение, 1984. – 160 с.
4. Хаин И.И. Теория и практика фосфатирования металлов. – Л.: Химия, 1973. – 402 с.

Исаев Павел Павлович

доктор химических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

chemphys@mail.ru

Исаева Галина Александровна

доктор биологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

chemphys@mail.ru

ЭНТАЛЬПИИ ОБРАЗОВАНИЯ Х-ЗАМЕЩЕННЫХ ПИРИДИНА

Исходя из представления энергии молекулы в виде суммы энергий попарных взаимодействий атомов, построена формула для расчета энтальпий образования Х-замещенных пиридина с семью постоянными. Расчет по формуле стандартных энтальпий образования метилзамещенных пиридина в газовой фазе дает хорошее согласие с экспериментальными данными и обладает предсказательной силой.

Ключевые слова: химическая термодинамика, стандартные энтальпии образования, термохимия метилзамещенных пиридина.

Термохимические данные производных пиридина в справочной и монографической литературе [1–4; 6] весьма неполны и противоречивы, поэтому важное значение приобретают различные способы их теоретической оценки. В данной работе приводится метод расчета стандартных энтальпий образования Х-замещенных пиридина с общей формулой $C_5H_{5-p}X_pN$ (здесь $X=CH_3, NO_2, Cl, \dots$, р-число замещения) на основе представления энергии молекулы в виде суммы энергий атом-атомных взаимодействий [2; 3; 5].

Пусть $\epsilon_{AB0}, \epsilon_{AB1}, \epsilon_{AB2}, \epsilon_{AB3}$ ($A, B=C, N, H$ или X) – энергии попарных взаимодействий атомов, удаленных соответственно через ноль, один, два и три атома в цепи молекулы, а $\epsilon_{AB2}^o, \epsilon_{AB3}^m, \epsilon_{AB4}^n$ – энергии попарных взаимодействий атомов, находящихся в орто-, мета- и пара-положениях друг к другу [3]. Энергии образования молекул Х-замещенных пиридина можно представить в виде

$$E(C_5H_{5-p}X_pN) = 4\epsilon_{CC0} + 2\epsilon_{CN0} + (5-p)\epsilon_{CH0} + p\epsilon_{CX0} + 4\epsilon_{CC1} + 2\epsilon_{CN1} + 2(5-p)[(4\epsilon_{CH1} + \epsilon_{NH1})/5] + 2p[(4\epsilon_{CX1} + \epsilon_{NX1})/5] + 2\epsilon_{CC2} + \epsilon_{CN2} + 2(5-p)[(4\epsilon_{CH2} + \epsilon_{NH2})/5] + 2p[(4\epsilon_{CX2} + \epsilon_{NX2})/5] + (5-p)[(4\epsilon_{CH3} + \epsilon_{NH3})/5] + p[(4\epsilon_{CX3} + \epsilon_{NX3})/5] + [(5-p)(4-p)/2][(2\epsilon_{HH2}^o + 2\epsilon_{HH3}^m + \epsilon_{HH4}^n)/5] + [(5-p)p][(2\epsilon_{HX2}^o + 2\epsilon_{HX3}^m + \epsilon_{HX4}^n)/5] + [p(p-1)/2][(2\epsilon_{XX2}^o + 2\epsilon_{XX3}^m + \epsilon_{XX4}^n)/5] + \phi_p(d_1, d_2, e_1, e_2), \quad (1)$$

где ϕ_p – линейная комбинация величин d_1, d_2, e_1, e_2 .

$$d_1 = (1/5)[3(\epsilon_{CH1} - \epsilon_{NH1} - \epsilon_{CX1} + \epsilon_{NX1}) - 2(\epsilon_{CH2} - \epsilon_{NH2} - \epsilon_{CX2} + \epsilon_{NX2}) - (\epsilon_{CH3} - \epsilon_{NH3} - \epsilon_{CX3} + \epsilon_{NX3}) + (3\epsilon_{HH2}^o - 3\epsilon_{HX2}^o - 2\epsilon_{HH3}^m + 2\epsilon_{HX3}^m - \epsilon_{HH4}^n + \epsilon_{HX4}^n)],$$

$$d_2 = (1/5)[-3(\epsilon_{CH1} - \epsilon_{NH1} - \epsilon_{CX1} + \epsilon_{NX1}) + 2(\epsilon_{CH2} - \epsilon_{NH2} - \epsilon_{CX2} + \epsilon_{NX2}) + (\epsilon_{CH3} - \epsilon_{NH3} - \epsilon_{CX3} + \epsilon_{NX3}) + (-3\epsilon_{HH2}^o + 3\epsilon_{HX2}^o + 2\epsilon_{HH3}^m - 2\epsilon_{HX3}^m + \epsilon_{HH4}^n + \epsilon_{HX4}^n)],$$

$$e_1 = (1/5)[-2(\epsilon_{CH1} - \epsilon_{NH1} - \epsilon_{CX1} + \epsilon_{NX1}) - 3(\epsilon_{CH2} - \epsilon_{NH2} - \epsilon_{CX2} + \epsilon_{NX2}) - (\epsilon_{CH3} - \epsilon_{NH3} - \epsilon_{CX3} + \epsilon_{NX3}) + (-2\epsilon_{HH2}^o + 2\epsilon_{HX2}^o + 3\epsilon_{HH3}^m - 3\epsilon_{HX3}^m - \epsilon_{HH4}^n + \epsilon_{HX4}^n)],$$

$$e_2 = (1/5)[2(\epsilon_{CH1} - \epsilon_{NH1} - \epsilon_{CX1} + \epsilon_{NX1}) - 3(\epsilon_{CH2} - \epsilon_{NH2} - \epsilon_{CX2} + \epsilon_{NX2}) + (\epsilon_{CH3} - \epsilon_{NH3} - \epsilon_{CX3} + \epsilon_{NX3}) + (2\epsilon_{HH2}^o - 2\epsilon_{HX2}^o - 3\epsilon_{HH3}^m + 3\epsilon_{HX3}^m + \epsilon_{HH4}^n - \epsilon_{HX4}^n)], \quad (2)$$

такие, что $\phi_p = 0$, если $p=0$;

$\phi_p = d_1$, если $p=1$ и X находится в положении 2; $\phi_p = e_1$, если $p=1$ и X в положении 3; $\phi_p = -2d_1 - 2e_1$, если $p=1$ и X в положении 4; $\phi_p = 2d_1 - 2e_1$, если $p=1$ и X в положении 4;

$\phi_p = 2d_1 + d_2 + e_1$, если $p=2$ и X находится в положении 2,3; $\phi_p = -d_1 - e_1 + e_2$, если $p=2$ и X в положении 2,4; $\phi_p = -d_1 - 2d_2 - e_1 - 2e_2$, если $p=2$ и X в положении 2,5; $\phi_p = 2d_1 + e_1 + e_2$, если $p=2$ и X в положении 2,6; $\phi_p = -d_1 + d_2 - e_1$, если $p=2$ и X в положении 3,4; $\phi_p = 3e_1 + e_2$, если $p=2$ и X в положении 3,5;

$\phi_p = d_1 + 2d_2 + e_2$, если $p=3$ и X находится в положении 2,3,4; $\phi_p = -d_2 + e_1 - e_2$, если $p=3$ и X в положении 2,3,5; $\phi_p = d_1 - d_2 - e_2$, если $p=3$ и X в положении 2,3,6; $\phi_p = -2d_1 - d_2 - 2e_1 - e_2$, если $p=3$ и X в положении 2,4,5; $\phi_p = e_1 + 3e_2$, если $p=3$ и X в положении 2,4,6; $\phi_p = 2d_1 + e_1 + e_2$, если $p=3$ и X в положении 3,4,5;

$\phi_p = d_2$, если $p=4$ и X находится в положении 2,3,4,5; $\phi_p = e_2$, если $p=4$ и X в положении 2,3,4,6; $\phi_p = -2d_1 - 2d_2$, если $p=4$ и X в положении 2,3,5,6; $\phi_p = 0$, если $p=5$.

Группируя свободные от индексов члены и члены при одинаковых степенях p в формуле (1), получим

$$E(C_5H_{5-p}X_pN) = a + bp + cp^2 + \phi_p(d_1, d_2, e_1, e_2), \quad (3)$$

где $a = 4\epsilon_{CC0} + 2\epsilon_{CN0} + 5\epsilon_{CH0} + p\epsilon_{CX0} + 4\epsilon_{CC1} + 2\epsilon_{CN1} + 8\epsilon_{CH1} + 2\epsilon_{NH1} + 2\epsilon_{CC2} + \epsilon_{CN2} + 8\epsilon_{CH2} + 2\epsilon_{NH2} + 4\epsilon_{CH3} + \epsilon_{NH3}/5 + 4\epsilon_{HH2}^o + 4\epsilon_{HH3}^m + 2\epsilon_{HH4}^n$,

$$b = -\epsilon_{CH0} + \epsilon_{CX0} - (2/5)(4\epsilon_{CH1} + \epsilon_{NH1} + 4\epsilon_{CX1} + \epsilon_{NX1} + 4\epsilon_{CH2} + \epsilon_{NH2} - 4\epsilon_{CX2} - \epsilon_{NX2} + 4\epsilon_{CH3} + \epsilon_{NH3} - 4\epsilon_{CX3} - \epsilon_{NX3} + (9/10)(2\epsilon_{HH2}^o + 2\epsilon_{HH3}^m + \epsilon_{HH4}^n) + (2\epsilon_{HX2}^o + 2\epsilon_{HX3}^m + \epsilon_{HX4}^n) - (1/10)(2\epsilon_{XX2}^o + 2\epsilon_{XX3}^m + \epsilon_{XX4}^n)$$

$$c = (1/10)(2\epsilon_{HH2}^o + 2\epsilon_{HH3}^m + \epsilon_{HH4}^n - 4\epsilon_{HX2}^o - 4\epsilon_{HX3}^m - 2\epsilon_{HX4}^n + 2\epsilon_{XX2}^o + 2\epsilon_{XX3}^m + \epsilon_{XX4}^n), \quad (4)$$

а $\phi_p(d_1, d_2, e_1, e_2)$ определена ранее.

Формула (3) содержит семь постоянных $a, b, c, d_1, d_2, e_1, e_2$, которые можно найти с помощью экспериментальных данных, а также через атом-атомные потенциалы или линейные комбинации квантовохимических интегралов. Соотношение (3) соответствует энергии образования молекулы,

а значит, применимо для расчета энтальпии атомизации Х-замещенных пиридина в газовой фазе. Отсюда следует, что и стандартная энтальпия образования молекул исследуемого ряда подчиняется аналогичному уравнению. Различия будут только в численных значениях постоянных $a, b, c, d_1, d_2, e_1, e_2$.

В данной работе воспользуемся десятью опытными значениями стандартных энтальпий образования метилзамещенных пиридина, а именно: пиридина, 2-, 3-, 4-пиколинов, 2,3-, 2,4-, 2,5-, 2,6-, 3,4-, 3,5-лутидинов и вычислим параметры методом наименьших квадратов (МНК). Обратным пересчетом по формуле (3) с найденными параметрами $a=144,557$; $b=-45,091$; $c=3,099$; $d_1=-3,334$; $d_2=4,055$; $e_1=3,382$; $e_2=-3,913$, вычисляются стандартные энтальпии образования всех 20 представителей ряда метилзамещенных пиридина (табл. 1), что позволяет подтвердить качество найденной зависимости и выполнить прогноз для еще 10 представителей исследуемого ряда, которые не принимали участие в определении количественных характеристик семи постоянных $a, b, c, d_1, d_2, e_1, e_2$.

Статистический анализ качества зависимости (3) по данным табл. 1 выполнен в системе компьютерной математики Maple 8 по оригинальной авторской программе и привел к следующим результатам: объем выборки $n=10$, число неизвестных $k=7$, квадрат эмпирического стандарта $ss=\sum(e_i)^2/(n-k-1)=1,674$; эмпирический стандарт, дисперсия $s=(ss)^{1/2}=1,297$; среднее квадратичное отклонение $\sigma=s/\sqrt{n}=0,409$; «три сигма» $\rightarrow 3\sigma=1,227$; коэффициент детерминации $r^2=0,9995$; коэффициент корреляции $r=(r^2)^{1/2}=0,9998$; объ-

ясненная дисперсия $v=0,9998$; критерий Фишера $F=565,57$.

Параметры уравнения регрессии (3) по данным табл. 1 с указанием доверительных интервалов и определением значимости: $a=144,56$ $[138,99 \div 150,12]$ значим; $b=-45,09$ $[-55,76 \div -34,42]$ значим; $c=3,10$ $[-1,36 \div 7,56]$ незначим; $d_1=-3,33$ $[-5,22 \div -1,45]$ значим; $d_2=4,06$ $[0,99 \div 7,12]$ значим; $e_1=3,38$ $[1,55 \div 5,21]$ значим; $e_2=-3,91$ $[-6,92 \div -0,90]$ значим.

Качество найденной зависимости высокое, о чем говорит коэффициент детерминации. Добавлять новые члены в уравнение регрессии нет необходимости, что видно из объясненной дисперсии. Поэтому можно сделать заключение, что энергии образования молекул Х-пиридинов полностью описываются в рамках идеи попарных взаимодействий атомов, в пределах экспериментальной точности термодимических измерений стандартных энтальпий образования метилзамещенных пиридина. Формула (3) позволила вычислить энтальпии образования 10 замещенных пиридина, еще не измеренных экспериментально.

Рассмотрим влияние точности опорных экспериментальных данных для определения параметров модели (3) на качество зависимости и ее предсказательные возможности. В справочной литературе критический анализ термодимических данных играет исключительную роль [1; 6; 8]. Поэтому высшая степень доверия к кембриджскому справочнику 1970 г. профессора Cox J.D. et. al. [6], на которых в основном и построена модель (3) табл. 1. Но время идет, и в 1977 году

Таблица 1

Стандартные энтальпии образования метилзамещенных пиридина при 298,15 К в кДж/моль в газовой фазе по данным [6] и расчету МНК

i	Молекула (X = CH ₃)	Аддитивные параметры							$\Delta_f H^0(\text{газ})$		e_i
		a	b	c	d_1	d_2	e_1	e_2	опыт	расч.	
1	C ₅ H ₅ N	1	0	0	0	0	0	0	144,56	144,56	0,00
2	2-C ₅ H ₄ XN	1	1	1	1	0	0	0	99,16	99,23	0,07
3	3-C ₅ H ₄ XN	1	1	1	0	0	1	0	106,36	105,95	-0,41
4	4-C ₅ H ₄ XN	1	1	1	-2	0	-2	0	102,13	102,47	0,34
5	2,3-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	2	1	1	0	68,28	67,54	-0,74
6	2,4-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	-1	0	-1	1	63,89	62,81	-1,08
7	2,5-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	-1	-2	-1	-2	66,44	66,44	0,00
8	2,6-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	2	0	1	1	58,70	59,58	0,87
9	3,4-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	-1	1	-1	0	70,04	70,78	0,74
10	3,5-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	0	0	3	1	72,80	73,01	0,21
11	2,3,4-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	1	2	0	1	-	-38,04	-
12	2,3,5-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	0	-1	1	-1	-	40,42	-
13	2,3,6-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	1	-1	0	-1	-	33,70	-
14	2,4,5-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	-2	-1	-2	-1	-	36,94	-
15	2,4,6-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	0	0	1	3	-	28,82	-
16	3,4,5-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	0	2	1	1	-	44,76	-
17	2,3,4,5-C ₅ HX ₄ N	1	4	16	0	1	0	0	-	17,84	-
18	2,3,4,5-C ₅ HX ₄ N	1	4	16	0	0	0	1	-	9,87	-
19	2,3,4,5-C ₅ HX ₄ N	1	4	16	0	-2	0	-2	-	13,51	-
20	C ₅ X ₅ N	1	5	25	0	0	0	0	-	-3,41	-

$$e_i = \Delta_f H^0(\text{расч.}) - \Delta_f H^0(\text{опыт})$$

дискуссия по термохимии пиридина и его производных вспыхивает с новой силой [7–10]. Так, справочники Pedley J.B.et.al. [8–10] рекомендуют для стандартной энтальпии образования пиридина $\Delta_f H^0(\text{газ}) = 141,4 \pm 0,2$ кДж/моль. В то же время справочник [7], который поддерживает такая мощная система компьютерной химии, как ChemOffice (ChemDraw, Chem3D), предлагает $\Delta_f H^0(\text{газ}) = 138,07 \pm 0,84$ кДж/моль, на которой и основаны дальнейшие вычисления табл. 2. Для пиколинов и лутидинов данные по стандартным энтальпиям образования взяты из справочников [8–10].

Статистический анализ качества зависимости (3) для данных табл. 2 привел к следующим результатам: объем выборки $n=10$, число неизвестных $k=7$, квадрат эмпирического стандарта $ss = \sum(e_i)^2/(n-k-1) = 1,954$; эмпирический стандарт, дисперсия $s=(ss)^{1/2}=1,398$; среднее квадратичное отклонение $\sigma=s/\sqrt{n}=0,442$; «три сигма» $\rightarrow 3\sigma=1,326$; коэффициент детерминации $r^2=0,9993$; коэффициент корреляции $r=(r^2)^{1/2}=0,9997$; объясненная дисперсия $v=0,9997$; критерий Фишера $F=435,42$.

Параметры уравнения регрессии (3) для данных табл. 2 с указанием доверительных интервалов и определением значимости: $a=138,07$ [132,06 ÷ 144,09] значим; $b=-34,51$ [-46,04 ÷ -22,98] значим; $c=-0,57$ [-5,39 ÷ 4,25] незначим; $d_1=-3,48$ [-5,51 ÷ -1,44] значим; $d_2=3,99$ [0,68 ÷ 7,30] значим; $e_1=3,26$ [1,28 ÷ 5,24] значим; $e_2=-3,76$ [-7,01 ÷ -0,50] значим.

Модель (3), по данным табл. 2, статистически адекватна эксперименту [6–10]. Качество корреляции, по сравнению с результатами табл. 1, несколько ухудшилось, о чем говорят величины средней

квадратичной ошибки, дисперсии, критерия Фишера. За критическую границу «три сигма», также как в случае табл. 1, не выпадает ни одна расчетная энтальпия $\Delta_f H^0(\text{газ})$.

Главным эффектом перехода с экспериментальной базы табл. 1 на базу табл. 2 является расхождение в величинах стандартных энтальпий образования, прогнозируемых для три-, четырех- и пяти-замещенных метилпиридинов (соединения 11–20). Расхождение увеличивается к концу ряда. Необходимо использовать для «экзамена» результатов табл. 1 и табл. 2 еще хотя одну экспериментальную точку для соединения, которое не принимало участия в определении численных значений параметров модели (3). Такая точка обнаружена в источнике [11]. Соединение 15 табл. 1–2. – 2,4,6 –триметилпиридин имеет $\Delta_f H^0(\text{газ})=23,50$ кДж/моль по [11, р. 301]. Для этого вещества в табл. 1 приведена расчетная стандартная энтальпия образования 28,82 кДж/моль, а в табл. 2 соответственно 21,43 кДж/моль. Ошибка расчета в первом случае равна -5,32 кДж/моль, а во втором 2,07 кДж/моль, что превышает критическую границу «три сигма» в 4,33 и 1,56 раза соответственно, хотя во втором случае это превышение весьма незначительно. Отметим, что прогноз является вполне удовлетворительным, а во втором случае хорошим.

Общий вывод: данные табл. 2 более адекватны эксперименту, чем данные табл. 1. Стандартные энтальпии образования всего ряда метилзамещенных пиридина, представленные в столбце «расч.» табл. 2, рекомендуются для исследовательских целей и задач химической технологии в качестве оценочных характеристик.

Таблица 2

Стандартные энтальпии образования метилзамещенных пиридина при 298,15 К в кДж/моль в газовой фазе по данным [7–10] и расчетам МНК

i	Молекула (X = CH ₃)	Аддитивные параметры							$\Delta_f H^0(\text{газ})$		e_i
		a	b	c	d ₁	d ₂	e ₁	e ₂	опыт	расч.	
1	C ₅ H ₅ N	1	0	0	0	0	0	0	138,07	138,07	0,00
2	2-C ₅ H ₄ XN	1	1	1	1	0	0	0	99,16	99,52	0,36
3	3-C ₅ H ₄ XN	1	1	1	0	0	1	0	106,27	106,26	-0,01
4	4-C ₅ H ₄ XN	1	1	1	-2	0	-2	0	103,76	103,42	-0,34
5	2,3-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	2	1	1	0	68,20	67,09	-1,11
6	2,4-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	-1	0	-1	1	64,02	63,24	-0,77
7	2,5-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	-1	-2	-1	-2	66,53	66,53	0,00
8	2,6-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	2	0	1	1	58,58	59,34	0,76
9	3,4-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	-1	1	-1	0	69,87	70,99	1,11
10	3,5-C ₅ H ₃ X ₂ N	1	2	4	0	0	3	1	72,80	72,81	0,01
11	2,3,4-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	1	2	0	1	-	-30,19	-
12	2,3,5-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	0	-1	1	-1	-	32,46	-
13	2,3,6-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	1	-1	0	-1	-	25,73	-
14	2,4,5-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	-2	-1	-2	-1	-	29,63	-
15	2,4,6-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	0	0	1	3	-	21,43	-
16	3,4,5-C ₅ H ₂ X ₃ N	1	3	9	0	2	1	1	-	36,93	-
17	2,3,4,5-C ₅ HX ₄ N	1	4	16	0	1	0	0	-	-5,05	-
18	2,3,4,5-C ₅ HX ₄ N	1	4	16	0	0	0	1	-	-12,80	-
19	2,3,4,5-C ₅ HX ₄ N	1	4	16	0	-2	0	-2	-	-9,51	-
20	C ₅ X ₅ N	1	5	25	0	0	0	0	-	-48,66	-

Установлены следующие особенности: параметры d_1 , d_2 , e_1 , e_2 практически идентичны для обеих баз экспериментальных данных табл. 1 и табл. 2, что говорит об одинаковом способе учета внутримолекулярных взаимодействий для первого и второго способа расчета. В то же время три первых параметра (a , b , c) сильно различаются, что говорит об особой роли исходного члена ряда – пиридина – для точности всего расчета в целом. Необходимы новые высокоточные термохимические измерения стандартной энтальпии образования сверхчистого пиридина.

Физическая и математическая модель (3) выведена строго исходя из идеи попарных взаимодействий атомов [2; 3; 5] по молекулярному графу пиридина и его производных. В данной модели энергии попарных взаимодействий атомов в молекуле считаются абсолютной характеристической величиной, что соответствует реальной молекуле только в среднем по всему ряду исследуемых веществ. Шесть из семи параметров модели (3) значимы, а третий параметр c (4), в который входят только орто-, мета- и пара-взаимодействия водородов и метильных групп, оказался незначимым. Необходимы новые способы измерения величин этих взаимодействий для повышения точности термохимических расчетов.

Библиографический список

1. Карпетьянц М.Х., Карпетьянц М.Л. Основные термодинамические константы неорганических и органических веществ. – М.: Химия, 1968. – 471 с.
2. Панулов Ю.Г. Попарные взаимодействия атомов и свойства X-замещенных бензола // Журнал физической химии. – 1963. – Т. 37. – № 4. – С. 881–883.
3. Панулов Ю.Г., Исаев П.П. Расчет энтальпий образования X-замещенных пиридина // Журнал физической химии. – 1977. – Т. 51. – № 9. – С. 2391–2393.
4. Сталл Д., Вестрам Э., Зинке Г. Химическая термодинамика органических соединений. – М.: Мир, 1974. – 807 с.
5. Bernstein H.J. The physical properties of molecules in relation to their structure. I. Relation between additive molecular properties in several homologous series // Journal of Chemical Physics. – 1952. – V. 20. – № 2. – P. 263–269.
6. Cox J.D., Pilcher G.P. Thermochemistry of organic and organometallic compounds. – L.; N.Y.: Acad. press, 1970. – 597 p.
7. Kudchadker A.P., Kudchadker S.A. Pyridine and Phenylpyridines. API. Monograph 710-79. – Washington: DC, 1979. – 188 p.
8. Pedley J.B., Rylance T. Computer analysed thermochemical data: organic and organometallic compounds. – Brighton: Univ. of Sussex, Sussex. – N.P.L. – 1977. – 207 p.
9. Pedley J.B., Naylor R.D., and Kirby S.P. Thermochemical Data of Organic Compounds, Second Edition. – L.: Chapman & Hall, 1986. – 792 p.
10. Pedley J.B. Thermochemical Data and Structures of Organic Compounds, Thermodynamic Research Center, Texas A & M University, College Station. – TX, 1994. – 829 p.
11. Yaws C.L. Chemical properties handbook: physical, thermodynamic, environmental, transport, safety, and health related properties for organic and inorganic chemicals. – N.Y.; Washington: McGraw-Hill, 1999. – 779 p.

Аль-Таяр Башир Али

Тверской государственный технический университет
basheeraltayar@yahoo.com

Марголис Борис Иосифович

доктор технических наук
Тверской государственный технический университет
borismargolis@yandex.ru

Матвеев Юрий Николаевич

доктор технических наук
Тверской государственный технический университет
fmas@tstu.tver.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ СЕТИ ДОСТАВКИ КОНТЕНТА НА ОСНОВЕ БАЛАНСИРОВКИ НАГРУЗКИ ПО КРИТЕРИЮ СРЕДНЕЙ ЗАДЕРЖКИ

В статье рассмотрена оптимизация структуры сети доставки контента; сформулированы критерии оптимизации по времени задержки, ограничения на значения поступающих потоков и условия сохранения перераспределяемых потоков. В среде MatLab разработана программа, позволяющая определить оптимальное распределение нагрузки между узлами сети, на базе которой выбирается их структура. Приведены результаты расчета оптимального распределения нагрузки, минимизирующего среднюю задержку.

Ключевые слова: сети доставки контента, балансировка нагрузки, сетевые узлы, перераспределение нагрузки, средняя задержка, пропускная способность, структура.

Обеспечение эффективной доставки информации является важной задачей управления и организации процесса функционирования сети доставки контента – content delivery network (CDN) – и любой другой компьютерной сети при доставке, в первую очередь, мультимедийного контента. Эта задача особенно актуальна в CDN в связи с появлением неожиданных всплесков нагрузки «flash crowd» в некоторых зонах действия сети.

В классических CDN основной акцент делается на внутриузловую оптимизацию нагрузки, заключающуюся в решении задачи выбора сервера из состава узла для обслуживания поступающей нагрузки. С увеличением нагрузки на узлы появляется необходимость наращивать мощность узлов или каким-то образом балансировать обслуживание поступающих пользовательских запросов на большом числе узлов. Под балансировкой поступающей нагрузки будем понимать перенаправление хотя бы части запросов с одних узлов на другие.

Рассмотрим CDN инфраструктуру, состоящую из n узлов, размещение которых в разных зонах можно осуществить по предложенному в [1] алгоритму. Предполагается, что задержки $T_{ij}, i = \overline{1, n}; j = \overline{1, n}$ между всеми узлами известны. Если обмен данными между узлами i и j отсутствует, то $T_{ij} = 0$. Обозначим через $\lambda_i, i = \overline{1, n}$ среднюю интенсивность потока запросов, поступающего на узел i за единицу времени. Таким образом, суммарная внешняя интенсивность запросов, поступающих на узлы сети, определяется по формуле $\lambda = \sum_{i=1}^n \lambda_i$. Узлы в зависимости от их типа различаются номиналами производительности (мощности) $\mu_i, i = \overline{1, n}$.

Предполагаем, что в каждом узле будет действовать функция, которая будет перенаправлять некоторые поступающие запросы на соответствующие CDN узлы, то есть узлы обслуживают запросы, поступающие из своих зон ответственности, а также перенаправляемые из других зон. Очевидно, что интенсивность использования узла для обслуживания нагрузки из других зон будет зависеть от разных факторов, и эту характеристику можно определить, зная число перенаправленных из других узлов необслуженных запросов по формуле: $\gamma_i = \sum_{j=1}^n \lambda_j \cdot x_{ji}$, где x_{ji} – доля потока λ_j , перенаправленного из узла j на узел i . Величины x_{ji} дают характеристику перенаправления потоков запросов между узлами и представление о состоянии (загруженности) узлов сети и могут быть определены экспериментально. В результате средней интенсивности поступающей нагрузки на узел i за определенный интервал времени можно найти по формуле: $\gamma_i = \lambda_i - \sum_{j=1}^n \lambda_j \cdot x_{ij} + \sum_{j=1}^n \lambda_j \cdot x_{ji}$. Первое суммирование определяет ту часть необслуженной нагрузки, которую узел i перенаправил на другие узлы, тогда как последнее суммирование определяет нагрузку, поступившую из других узлов сети.

Чтобы получить ожидаемый эффект от CDN и обслуживать поступающую нагрузку с интенсивностью $\lambda_{\text{обс.}}$, определенной с учетом ограничения по качеству обслуживания, номинал производительности μ_i узла сети должен удовлетворить условию $\mu_i \geq \lambda_{\text{обс.}}$. Производительность узлов сети доставки контента можно определить по следующим показателям: количество запросов, обслуживаемых в единицу времени (обычно за одну секунду).

ду); **объем контента** разного типа доставляемого от узла до конечных пользователей за определенный интервал времени и с заданным качеством; **средняя (или общая) задержка** при доставке веб-контента.

Среднее время задержки \bar{T} в сети доставки контента, как и для любой сети передачи данных, является одной из важнейших характеристик при исследовании качества ее функционирования и разработке методов распределения и оптимизации нагрузки между узлами сети в частности.

Предположим, что поступающий поток запросов является пуассоновским, а его параметры стационарны на интервале наблюдения или хотя бы локально-стационарны в течение сеанса обмена данными. Если рассматривать каждый узел как СМО типа М/М/1, то выбор потоков для балансировки нагрузки между узлами можно произвести при минимизации критерия средней задержки по сети $\bar{T} = \frac{1}{\lambda} \sum_{i=1}^n (\gamma_i \cdot T_i) = \frac{1}{\lambda} \sum_{i=1}^n \left(\frac{\gamma_i}{\mu_i - \gamma_i} \right)$ [3–5].

В зависимости от объема запрашиваемых пользователями объектов контента при доставке (обслуживании запроса, заключающемся в обработке, извлечении и отправлении запрашиваемого объекта контента, разделенного на пакеты) от i -ого узла к пользователю генерируется определенная информационная нагрузка, измеряемая байтами в секунду.

Очевидно, что если мощность узла C_i измерить единицами данных (байтами) в секунду, а измеряемая в байтах средняя длина пакета $\frac{1}{b}$ объекта контента одинакова для всех узлов, то должно быть справедливым равенство $\mu_i = bC_i$ [2; 5]. Следовательно, поток нагрузки в узле i можно выразить с использованием обозначения $F_i = \frac{\gamma_i}{b} \leq C_i$.

Включив в выражение для определения средней задержки [5] межузловую задержку $T_{F_i} = T_{ij} \cdot F_i$, которая состоит из времени распространения информации, время обработки и других фиксированных задержек в пути передачи и обратно пропорциональна пропускной способности, получим зависимость:

$$\bar{T} = \frac{1}{\lambda} \sum_{i=1}^n \left(\frac{F_i}{C_i - F_i} + T_{F_i} \right) \quad (1)$$

Задержку T_{F_i} в уравнении (1) можно установить равной измеряемой *ping*-сообщениями. Очевидно, что первая часть суммы в уравнении (1) будет преобладать в средней задержке \bar{T} , особенно когда узел сильно загружен.

Показатель оптимизации (1) можно дополнить возможностью преобладания одной его части над другими путем добавления весовых коэффициентов w_i для всех частей суммирования. Такой подход позволяет влиять на решение путем уменьшения веса средней задержки $\frac{F_i}{C_i - F_i}$ для резервирования

узлов, а в других случаях для предотвращения их перегрузки или увеличения задержки T_{F_i} , если осуществляется обслуживание пользователей или приложений, не чувствительных к задержкам при доставке контента. Помимо этого, установка одного из весов, равного нулю, приведет к изменению поставленной задачи, если требуется распределить потоки, минимизируя только среднюю задержку в сети или задержку между узлами.

Математическая постановка задачи балансировки нагрузки путем перераспределения потоков имеет вид:

$$\bar{T} = \frac{1}{\lambda} \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m \left(w_1 \cdot \frac{f_{ij}}{C_j - f_{ij}} + w_2 \cdot f_{ij} T_{ij} \right) \rightarrow \min, \quad (2)$$

при следующих ограничениях:

$$f_{ij} \geq 0; \quad (3)$$

$$\sum_{i=1}^n f_{ij} \leq C_j; \quad (4)$$

$$\sum_{j=1}^m f_{ij} = F_i, \quad (5)$$

где f_{ij} – интенсивность потока, перенаправляемого из узла i на узел j ; w_1, w_2 – весовые коэффициенты каждой части критерия, они могут быть определены экспертным путем при условии, что $w_2 = 1 - w_1$; n, m – числа узлов источников и адресатов соответственно. Ограничение (3) разрешает только положительные значения перенаправляемых потоков. Ограничение (4) ограничивает потоки значениями свободной мощности узлов, то есть ограничение пропускной способности. Ограничение (5) является ограничением сохранения потока. Оно указывает на то, что входящий в узел поток должен соответствовать потоку, выходящему из узла.

Выражение (1) широко применяется при решении задач оптимизации маршрутизации и проектирования компьютерных сетей [3]. Нашей целью является эффективное использование ресурсов сети путем балансировки нагрузки между узлами. Другими словами, в режиме реального времени нужно решить задачу динамического определения долей нагрузки, поступающей на узлы, которая будет обслужена другими узлами. Эта задача может быть эффективно решена с использованием встроенных в математическом пакете Matlab методов и алгоритмов оптимизации.

Предполагаем, что нагрузки на узлы поступают в виде беспriorитетных потоков запросов. Обслуживание нагрузки осуществляется узлами, на которые они поступили, то есть каждый узел возьмет на себя обслуживание первой части поступившей из своей зоны нагрузки, соответствующей 80% его пропускной способности, так как загрузка узла более чем на 80% приведет к быстрому снижению производительности. Остаток нагрузки оптимальным образом необходимо распределить между менее загруженными узлами, минимизируя критерий (2) при выполнении ограничений (3–5).

После исключения из первоначальной мощности части, используемой для обслуживания собственной нагрузки, а также запаса (20% от первоначальной мощности) для предотвращения перегрузки узла, оставшаяся мощность будет представлена массивом $\|C_i\|, i = \overline{1, n}$, а нагрузка, подлежащая распределению, массивом $\|Fr_i\|$. Обозначим матрицу задержек через $T_{ij}, i = \overline{1, n}; j = \overline{1, m}$ при передаче от узла i до узла j рассматриваемой сети. Матрица T_{ij} необходима для формализации путей направления потоков запросов между узлами. В матрице T_{ij} строка i характеризует направляющий узел, а столбец j – узел-получатель.

Результатом оптимизации будет массив перенаправляемых потоков $\|f_{ij}\|$ от узлов i к узлам j . Для рассматриваемого в статье примера задержки между узлами (табл. 1), массивы $\|Fr_i\|$ и $\|C_i\|$ выглядят следующим образом:

$$\begin{aligned}\|Fr_i\| &= [30; 50; 10; 20; 40]; \\ \|C_i\| &= [30; 20; 20; 60; 40].\end{aligned}$$

В таблице 2 приведены результаты работы программы распределения нагрузки между узлами i и j , полученные с помощью функции *matlab fmincon*. Выполнение ограничения (4) и ограничения (5) для каждого случая показано в последней строке и правом столбце соответственно.

Одной из задач распределения ресурсов, относящихся к деятельности системы доставки контента, является выбор оптимальной структуры узлов сети [6–9]. Обычно для обслуживания пользовательских запросов нужен не просто мощный узел, а узел, характеристики которого удовлетворяют весьма высоким требованиям. Однако в силу специфики CDN характер поступления запросов зависит от популярности контента, находящегося в узлах сети. Обслуживание запросов может недопустимо

исказиться при многократном возрастании числа запросов, а качество доставки требуемого контента соответственно упадет за счет увеличения времени их обработки и ожидания в очередях.

На основании вышеизложенного можно сформулировать задачу следующим образом: необходимо оптимально обслуживать нагрузку и при этом регулярно оптимизировать структуру сети, так как процесс обслуживания пользователей считается плохо организованным, если одна часть узлов перегружена, в то время как другая простаивает. Следовательно, нашей целью является полное и эффективное использование ресурсов CDN путем балансировки нагрузки между узлами на основе минимизации критерия средней задержки внутри сети и обоснование на основе полученных результатов структуры сети.

Модифицируем критерий (2) для решения задачи оптимизации структуры узлов. Введем переменную Z_i , обозначающую стоимости обслуживания запросов в узлах i . Стоимость обслуживания можно определить, если известны стоимость узла и его номинал мощности (в запросах в секунду или в единицах данных (байтах) в секунду). Переменная Z_i отражает затраты на аренду или добавление узла i . Включив в критерий (2) стоимость обслуживания в узлах, получим:

$$\bar{T} = \frac{1}{\lambda} \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m \left(w_1 \cdot \frac{f_{ij}}{C_j - f_{ij}} + w_2 \cdot f_{ij} T_{ij} + w_3 \cdot f_{ij} Z_j \right) \rightarrow \min \quad (6)$$

Необходимо из доступной для наращивания в каждом узле мощности путем решения задачи распределения выбрать оптимальную требуемую мощность для ее добавления в узлы i . То есть, в зависимости от поступающей от пользователей нагрузки и затрат, выбрать из N – множества доступных для аренды в узлах i физических

Таблица 1

Задержки между узлами $T_{ij}, i = \overline{1, n}; j = \overline{1, m}$

$i \backslash j$	1	2	3	4	5	6
1	0,35	0,84	0,90	0,36	0,53	0,17
2	0,36	0,22	0,27	0,94	0,16	0,77
3	0,40	0,28	0,15	0,88	0,93	0,59
4	0,59	0,27	0,90	0,87	0,41	0,17
5	0,81	0,70	0,68	0,99	0,08	0,52

Таблица 2

Перераспределение нагрузки $f_{ij}, i = \overline{1, n}; j = \overline{1, m}$

$i \backslash j$	1	2	3	4	5	6	Σ
1	3,58	0	0	12,95	0	13,47	30
2	19,37	12,04	9,54	0,7	8,35	0	50
3	1,05	2,49	6,46	0	0	0	10
4	0	1,47	0	0	0	18,53	20
5	0	0	0	0,35	39,65	0	40
Σ	24	16	16	14	48	32	150

Таблица 3

Задержки между узлами, $T_{ij}, i = \overline{1, n}, j = \overline{1, m}; n = 2, m = 5$

$\begin{matrix} j \\ i \end{matrix}$	1	2	3	4	5
1	0,3	0,1	0,41	0,49	0,84
2	0,46	0,84	0,52	0,33	0,1

Таблица 4

Выбор структуры узлов CDN при различных мощностях C_i , весовых коэффициентах w_2 и w_3 и постоянном $w_1=1$

	$w_2=0,5; w_3=0,5;$					$w_2=0,7; w_3=0,3;$					$w_2=0,3; w_3=0,7;$				
B=[10;25;10;15;15] $\ C_i\ =B*1,2$	5,19	24,81	0	0	0	30	5,17	24,83	0	0	30	5,27	24,73	0	0
	3,61	0	8,25	14,09	14,05	40	3,46	0	8,43	13,98	40	3,56	0	8,54	14,05
	8,79	24,81	8,25	14,09	14,05	70	8,63	24,83	8,43	13,98	70	8,83	24,73	8,54	14,05
B(1:5)=50; $\ C_i\ =60;$	30	0	0	0	0	30	0	30	0	0	30	30	0	0	0
	0	0	0	25,16	14,84	40	0	0	0	3,9	40	7,85	0	0	32,15
	30	0	0	25,16	14,84	70	0	30	0	3,9	70	37,85	0	0	32,15
B(1:5)=90; $\ C_i\ =108;$	30	0	0	0	0	30	0	30	0	0	30	30	0	0	0
	0	0	0	40	0	40	0	0	0	0	40	33,85	0	0	6,15
	30	0	0	40	0	70	0	30	0	0	70	63,85	0	0	6,15
B(1:5)=∞ $\ C_i\ =∞$	30	0	0	0	0	30	0	30	0	0	30	30	0	0	0
	0	0	0	40	0	40	0	0	0	0	40	40	0	0	0
	0	0	0	40	0	70	0	30	0	0	70	70	0	0	0

или виртуальных серверов – такое подмножество $N_{\text{опт.}} \subset N$, которое могло бы обслуживать нагрузку и в то же время минимизировать критерий T по формуле (6) с учетом ограничений (3–5).

Синтез структуры CDN состоит в реализации двух этапов:

I. В зависимости от значимостей возможных зон размещения и ожидаемого эффекта от размещения узла в каждой зоне, с помощью алгоритма размещения узлов выбирается начальный план. На этом этапе выбираются места размещения узлов сети, которые будут содержать физические или виртуальные серверы обслуживания.

II. Осуществляется оптимизация полученной на первом этапе структуры путем минимизации критерия (6), учитывающего среднюю задержку доставки контента, задержку между узлами и затраты на обслуживание нагрузок в каждой зоне.

Нагрузки будут заданы одномерным массивом $\|Fr_i\|, i = 1, n$, а задержки – матрицей T_j . Доступные мощности узлов будут заданы массивом $\|Cr_i\|$, а затраты обслуживания в узлах будут заданы массивом $\|Z_i\|, i = 1, n$.

Для примера предположим, что доступные мощности узлов, затраты обслуживания и задержки между узлами выглядят следующим образом:

$$\|Fr_i\| = [0; 30; 0; 0; 40];$$

$$\|Z_i\| = [0.63; 0.88; 0.88; 0.75; 1].$$

Необходимо оптимальным образом распределить нагрузки между всеми узлами, минимизируя критерий (6) при выполнении ограничений (3–5). Распределение нагрузки между узлами i, j для оптимизации структуры CDN осуществляется в математическом пакете Matlab с помощью встроенной функции *fmincon*. Стандартный вызов функции *fmincon* с ее входными и выходными аргументами выглядит следующим образом:

$[fmin, Tval] = \text{fmincon}(@\text{Floadbalanc}, x0, A, B, Aeq, q, Beq, lb, ub, [], options, C, T, Z, m, n)$, где *Tval* – минимальное значение критерия T ; *fmin* – найденные в результате минимизации критерия доли потоков; *Floadbalanc* – оптимизируемая функция, описывающая критерий (6); *A* – матрица коэффициентов линейных ограничений-неравенств, *B* – вектор значений правых частей ограничений-неравенств; *Aeq* – матрица коэффициентов линейных ограничений-равенств, *Beq* – вектор значений правых частей ограничений-равенств; *lb* и *ub* – векторы минимальных и максимальных значений соответственно; *T* – матрица задержек между узлами; *C* – массив мощностей узлов; *Z* – массив затрат обслуживания в узлах, *options* – параметры опций, используемых в *fmincon*; *n* и *m* – число узлов отправителей и узлов-получателей соответственно. Точки начального приближения *x0* могут быть найдены с помощью функции *linprog* с теми же ограничениями. Вызов функции *linprog* с входными и выходными

параметрами будет выглядеть следующим образом $[x0, fval] = \text{linprog}(f, A, B, Aeq, Beq, lb, ub)$.

В таблице 4 представлены результаты расчетов по распределению потоков запросов для рассматриваемого в статье примера. Выполнение ограничения (5) и ограничения (4) для каждого случая показаны справа и снизу соответственно. В левом столбце приведены значения мощности $\|C_i\| = 1,2 \cdot \|B\|$, взятой с коэффициентом запаса, равным 1,2.

Таким образом, предложенное решение позволяет на основе полученного результата распределения нагрузки между узлами по критерию средней задержки выбрать оптимальную структуру узлов сети. Оно учитывает условия сохранения потоков нагрузки, поступающей на узлы.

Библиографический список

1. Аль-Таяр Б.А., Матвеев Ю.Н. Решение задачи о размещении узлов сети // Наукоедение. – 2013. – №3 (16). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/109tvn313.pdf> (дата обращения: 21.07.2014).
2. Вишневецкий В.М. Теоретические основы проектирования компьютерных сетей. – М.: Техносфера, 2003. – 512 с.
3. Дмитриев Г.А., Марголис Б.И., Музанна М.М. Решение задачи оптимальной маршрутизации по критерию загруженности сети // Программные продукты и системы. – 2013. – № 4. – С. 17–19.
4. Парфенов В.И., Золотарев С.В. Об одном алгоритме решения задачи оптимальной маршрутизации по критерию средней задержки // Вестник ВГУ: сер. Физика. Математика. – 2007. – № 2. – С. 28–32.
5. Шварц М. Сети связи: протоколы, моделирование и анализ: пер. с англ.: в 2 ч. – М.: Наука, 1992. – Ч. 1. – 336 с.
6. Ayyasamy S. A Cluster Based Replication Architecture for Load Balancing in Peer-to-Peer Content Distribution / S.Ayyasamy, S.N. Sivanandam // International Journal of Computer Networks & Communications (IJCNC). – 2010. – Vol. 2. – № 5 (September). – P. 158–172.
7. Mukaddim Pathan, Christian Vecchiola, Rajkumar Buyya. Load and Proximity Aware Request-Redirection for Dynamic Load Distribution in Peering CDNs // OTM '08 Proceedings of the OTM 2008 Confederated International Conferences, CoopIS, DOA, GADA, IS, and ODBASE 2008. Part I on On the Move to Meaningful Internet Systems. – P. 62–81.
8. Pallis George, Konstantinos Stamos, Athena Vakali «and other». Replication based on Objects Load under a Content Distribution Network // Proceedings of the 22nd (In conjunction with ICDE'06). – Atlanta, 2006. – 53 p.
9. Tim Wauters, Jan Coppens, Bart Dhoedt, Piet Demeester. Load balancing through efficient distributed content placement // In proceeding of: Next Generation Internet Networks. – NY, 2005. – P. 99–105.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ САПР-ИНТЕРФЕЙСА ДЛЯ УСТРОЙСТВ С СЕНСОРНЫМ ВВОДОМ

В статье проанализированы недостатки САПР-интерфейсов при использовании устройств с сенсорным вводом; предложен интерфейс САПР-редактора, который может быть реализован на базе современных мобильных ОС. Использовались паттерны проектирования интерфейсов и традиционные методы оценки эффективности (Фитса, GOMS).

Ключевые слова: Интерфейс программного продукта, интерфейс пользователя, системы автоматизации проектирования (САПР), графический редактор, векторный редактор, мобильные устройства, устройства с сенсорным вводом, эргономика.

В соответствии с ФГОС ВПО по направлениям подготовки бакалавриата предусматривается «широкое применение в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий», в том числе «компьютерных симуляций». Для дисциплин инженерного, в том числе графического, цикла это означает использование САПР-редакторов на всех этапах изучения дисциплин. Системы дистанционного обучения (СДО), осуществляющие поддержку самостоятельной работы студентов, в этом случае должны обладать мощным набором средств автоматизированной проверки студенческих решений. Принципиальная возможность такой проверки показана, например, в [1, с. 11, 47–49]. Для СДО это означает необходимость наличия специализированных САПР-редакторов.

Развитие мобильных устройств на базе ОС Android, iOS и Windows Mobile, а также широкое распространение устройств с сенсорным вводом вносит свои коррективы в привычные способы работы с приложениями. В последнее время все чаще для доступа к Интернет-ресурсам, в том числе учебным, студенты пользуются мобильными устройствами – телефонами, смартфонами, планшетами. Эти устройства снабжены сенсорными экранами, но лишены традиционных для портативных компьютеров манипуляторов «мышь» и, соответственно, курсора.

Работа с графическими редакторами, используемыми в САПР, ориентирована на манипулятор «мышь», указатель которой (курсор) всегда присутствует на экране. Это, в частности, определяет основную модель управления графическим редактором: чтобы нарисовать объект, достаточно подвести указатель в какое-либо место экрана, после чего нажатие на левую кнопку мыши (левый клик) начинает построение объекта. Эта модель взаимодействия становится весьма мощным средством при использовании привязок (snap): курсор, оказавшийся вблизи характерных точек на виртуальном листе, привязывается («прилипает») к ним, – точность построений повышается, а процесс рисования становится комфортным.

Совершенно иная ситуация складывается при использовании мобильных устройств: нажатие на

сенсорный элемент традиционно трансформируется мобильными ОС в левый клик, однако без возможности позиционировать указатель до нажатия уже в самом начале пользователь сталкивается с серьезными трудностями. Если указание второй и последующих точек производится повторными левыми кликами, перемещение указателя сопровождается значками привязок (AutoCAD, 3DS Max), то на сенсорном экране повторяются все недостатки указания первой точки, причем «резиновая» нить и другие способы проявить создаваемый объект оказываются неприменимы (система не может отследить положение пальца, не касающегося экрана). Если указание второй точки осуществляется «протаскиванием» (drag) и «отпускаяем» (drop), перемещение сопровождается значками привязок (Компас), то технически возможно показать образ объекта и значки привязок, но перемещаемый по сенсорной поверхности палец (и даже кончик стилуса) скрывает не только значки, но и объекты вблизи указателя, так что построение производится почти «вслепую». Таким образом, традиционные способы управления редактором оказываются бесполезны.

У студента, изучающего графические и инженерные дисциплины (основы САПР) в СДО, появляется необходимость в эффективном интерфейсе для геометрических построений на мобильном устройстве. В настоящее время мобильные устройства на основе сенсорного ввода эффективно выполняют следующие группы жестов:

- жест протаскивания для панорамирования и прокрутки;
- жест растяжения при помощи технологии мультитач (растягивание двумя пальцами) для зумирования (приближения/удаления);
- жест выбора – нажатие, транслируемое ОС в левый клик;
- жест нажатия и удержания имитирует вызов контекстного меню.

Протаскивание и растягивание выполняют не требующие высокой точности команды управления видом (например, разница между масштабом отображения 1:1 и 1:1,13 не существенна). Наоборот, геометрические построения требуют вы-

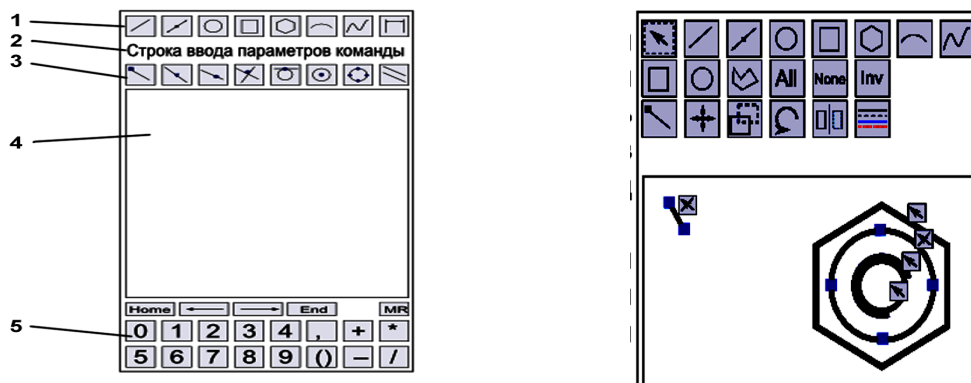

Рис. 1. Эскиз интерфейса для устройств с сенсорным вводом

сокой точности. Кроме того, если протаскивание, стандартной функцией которого является панорамирование и прокрутка, будет использоваться для построений, то возрастет модальность интерфейса [1, с. 42–60]. Наиболее удобные интерфейсы сенсорных устройств содержат только жесты выбора, прокрутки и зуммирования (веб-браузер, галерея, программы для чтения книг, навигация по карте), из чего можно сделать вывод о предпочтительности жеста выбора над другими при работе с сенсорными экранами.

Рассмотрим пример интерфейса, показанного на рис. 1. Здесь строка команд (1) и поле редактора (4) доступны в любой момент времени, а строки параметров (2) и привязок (3) изменяются динамически, могут содержать разные наборы элементов, но всегда остаются «на своем месте». Инструментальные панели (команд, параметров и привязок) являются, как это традиционно для сенсорных устройств, прокручиваемыми, так что если часть инструментов не видна в пределах экрана – панель можно сдвинуть вправо или влево.

Интерфейс создания и модификации геометрических объектов основан только на указательных действиях – кликах. Протаскивание и растяжение управляют листом: приближают и отдаляют чертеж, панорамируют изображение.

Чтобы построить объект, пользователь активирует команду инструментальной панели, под ней открывается горизонтальная строка параметров, среди которых присутствуют числовые, точечные

или указательные. Числовые параметры вводятся при помощи редактора в нижней части экрана, точечные – открывают дополнительную панель точечных привязок. Нажатие на любую кнопку точечных привязок предназначено для того, чтобы отобразить в поле редактора допустимые для выбора точки. Поле числового редактора при работе с привязками и при выполнении команд используется для отображения подсказок. Центральным местом реализации привязок является подсвечивание на чертеже соответствующих кнопок для возможных привязок.

В популярном редакторе AutoCAD есть два механизма привязок: глобальные и локальные. В интерфейсе для сенсорных экранов возможна реализация обоих механизмов, но каждый из них будет иметь свои недостатки. В случае глобальной привязки на экране отображаются кнопки-маркеры всех доступных типов привязок: при большом числе они будут перекрывать друг друга. Механизм локальных привязок увеличивает число кликов: сначала пользователь выбирает тип привязки, затем указывает ее на экране. Рассмотрим два варианта работы с привязками (для простоты возьмем локальные, однако сказанное справедливо и для глобальных):

– клик на кнопке привязки отображает все доступные точки выбора (рис. 2), они могут перекрывать друг друга; зуммирование позволяет решить эту проблему, поскольку всегда можно выбрать подходящий масштаб, при котором нужные указатели различимы;

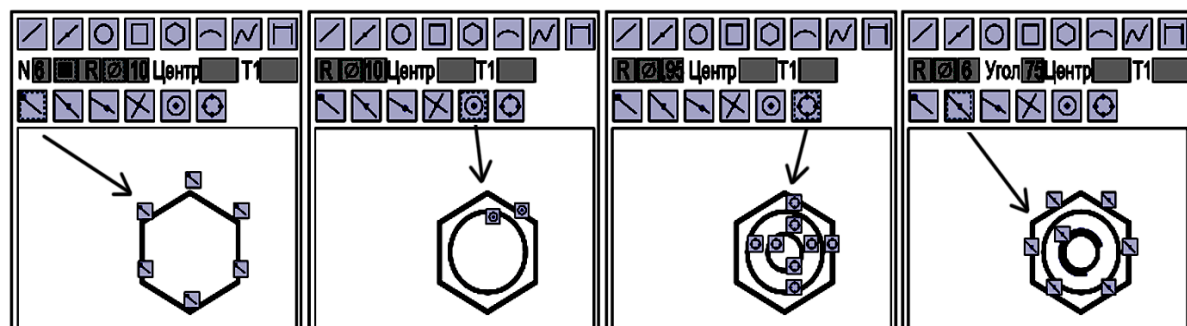

Рис. 2. Отображение всех маркеров привязок выбранного типа

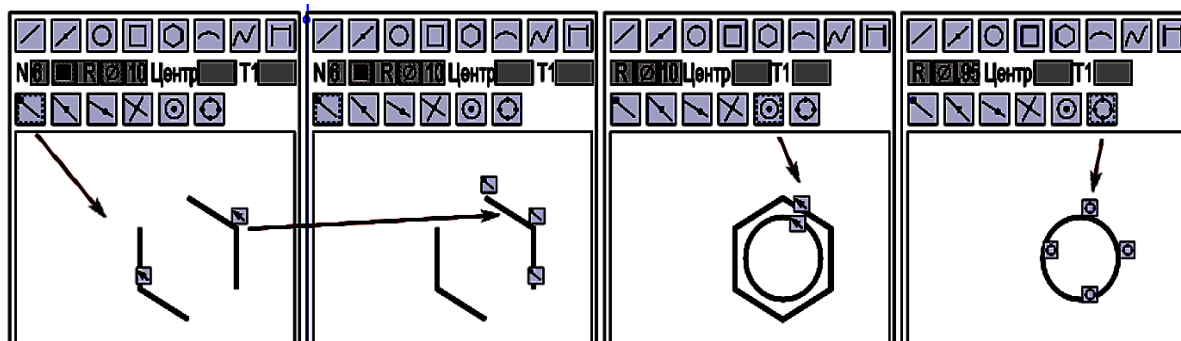

Рис. 3. Отображение маркеров с предварительным выбором типа

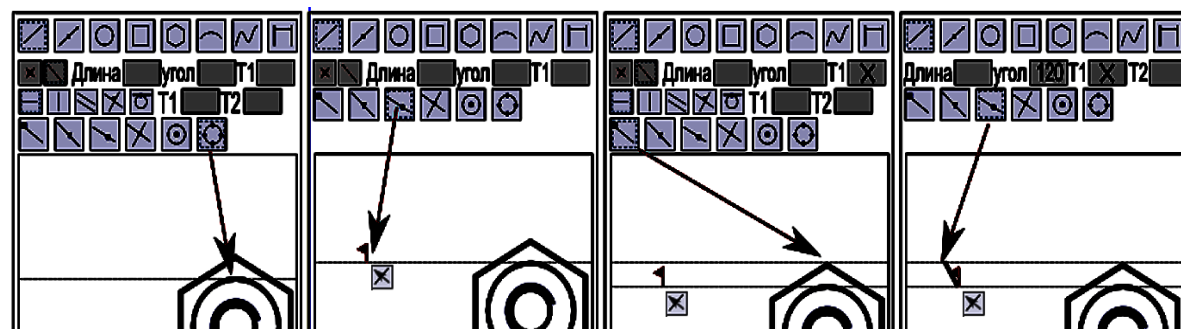

Рис. 4. Построение отрезка с использованием вспомогательных объектов

— клик на кнопке привязки является указательным, на листе отображаются значки выбора объекта, затем отображаются точки в пределах этого объекта (рис. 3); если привязка подразумевает не более одной точки у каждого объекта (либо если на экране только один подходящий объект), лишний клик подавляется.

На рисунке 4 показан процесс создания отрезка, причем перед указанием первой точки строится вспомогательная горизонтальная прямая, для которой раскрывается дополнительная панель указательных привязок. Для многоточечных примитивов выбранные параметры-точки помечаются флажками. Вспомогательные точки, прямые и флажки являются временными объектами и сами убираются с листа по завершении команды.

Для выделения объектов используется команда «Указатель» (рис. 1). При ее использовании маркеры выделения появляются у всех объектов на экране. После выделения становится активной контекстная панель, содержащая набор наиболее часто используемых команд. При необходимости продолжить или снять выделение используются соответствующие маркеры.

Оценку производительности интерфейса можно выполнить, используя модель GOMS [2, с. 81–107].

Найдем приблизительно время построения отрезка, показанного на рисунке 4, с использованием интерфейса пакета AutoCAD и проектируемого интерфейса. Поскольку AutoCAD работает с курсором мыши, для большинства операций необходимо учитывать закон Фитса (перемещение курсора к командным кнопкам и назад к чертежу), в случае

же сенсорного интерфейса расстояние до любой командной кнопки или маркера привязки можно считать равным и не учитывать расстояние для кнопок, расположенных на соседних панелях, если не требуется прокрутка панели (рис. 5).

Последовательность действий для построения отрезка в программе AutoCAD (предполагаем, что все привязки настроены):

- 1) переместить курсор к командной кнопке «отрезок» и активировать команду (время перемещения $a+b_0 \cdot \log_2(D_1/S_{\text{кн}}+1)$, время нажатия – p);
- 2) переместить курсор к верхней точке окружности и дождаться появления значка привязки (перемещение – $a+b_0 \cdot \log_2(D_2/S_{\text{прив}}+1)$, ожидание – s);
- 3) сместить курсор правее, сохраняя при этом объектное отслеживание и поставить первую точку произвольно на вспомогательной прямой (перемещение – $a+b_{\text{тр}} \cdot \log_2(D_3/S_{\text{выб}}+1)$, нажатие – p);
- 4) сместить курсор влево к верхней точке шестиугольника и дождаться появления значка привязки (перемещение – $a+b_0 \cdot \log_2(D_4/S_{\text{прив}}+1)$, ожидание – s);
- 5) сместить курсор вправо, сохраняя объектное отслеживание, и найти место, где сработает угловая привязка 30° , поставить вторую точку (перемещение – $a+b_{\text{тр}} \cdot \log_2(D_5/S_{\text{прив}}+1)$, нажатие – p).

Примем отношения равными: $D_1/S_{\text{кн}}=15/1,5=10$, $D_2/S_{\text{прив}}=24/1,7 \approx 14$, $D_3/S_{\text{выб}}=13,6/2,4 \approx 5,5$, $D_4/S_{\text{прив}}=13,7/1,7 \approx 8$, $D_5/S_{\text{прив}}=14,5/1,7 \approx 8,5$.

Суммарное время составит: $4 \cdot a + b_0 \cdot \log_2 1485 + b_{\text{тр}} \cdot \log_2 61,75 + 2 \cdot s + 3 \cdot p = 4 \cdot a + 10,5 \cdot b_0 + 6 \cdot b_{\text{тр}} + 2 \cdot s + 3 \cdot p$.
Подставим значения констант $a = 0,5$,
 $b_0 = b_{\text{тр}} = 1,5$, $s = 0,5$, $p = 0,1$.

Результат: 28 сек. – для ноутбука с сенсорной панелью, при условии, что пользователь опытен и не совершает ни одной ошибки. Вероятность ошибки при работе с сенсорной панелью ноутбука увеличивает это время, поскольку пользователь вынужден более точно рассчитывать движение руки (случайное касание может быть воспринято редактором как управляющий клик и может прервать выполнение команды).

Для оценки мобильного интерфейса предположим, что все необходимые кнопки видны и прокрутка панелей не требуется, поэтому во временной оценке будут участвовать клики и ментальные операторы. Кроме того, усредним время нажатия на командную кнопку (крупнее) и время нажатия маркера на экране (мельче):

- 1) активация команды и построение первой вспомогательной линии ($5 \cdot m + 5 \cdot k$);
- 2) построение первой точки ($4 \cdot m + 4 \cdot k$);
- 3) ввод угла ($2 \cdot m + 4 \cdot k + c$);
- 4) построение второй вспомогательной линии ($4 \cdot m + 4 \cdot k$);
- 5) построение второй точки ($4 \cdot m + 4 \cdot k$).

Суммарное время $19 \cdot m + 21 \cdot k + c$, где m – «ментальный оператор» принятия решения, k – время клика и c – время появления числового редактора в нижней части окна. Подставим значения констант $m = 1,3$ (колеблется от 1,1 до 1,35), $k = 0,2$ (колеблется от 0,1 до 0,2), $c = 1$.

Результат: 30 сек., что сравнимо по эффективности с интерфейсом программы AutoCAD, но подсчитано для устройства, на котором САПР с традиционным интерфейсом работать не может.

Проектируемый интерфейс имеет ряд достоинств:

1. Он является полностью немодальным: формирующиеся привычки будут ускорять работу.

2. Он ориентирован только на указательные жесты, поэтому работа с ним будет сравнима по комфорту с браузером, галереей и др. традиционными мобильными приложениями.

3. Геометрическая модель легко может быть сделана параметрической (нажатие маркера привязки служит источником сведений о геометрических зависимостях между объектами), то есть пригодной для многократного повторного использования.

Для реализации графического редактора может использоваться векторный SVG-компонент, поддерживающий DOM-интерфейс управления дочерними узлами и событийную модель взаимодействия с пользователем. К сожалению, мобильные браузеры пока не в полной мере поддерживают технологию SVG, но, очевидно, через некоторое время эта поддержка будет осуществляться полностью, что позволит использовать один и тот же редактор в составе учебной системы для ПК и мобильных устройств, если реализовать его посредством HTML5/JavaScript [3, с. 302–303].

Библиографический список

1. Бойков А.А. Разработка методов обучения и контроля в автоматизированном учебном комплексе // Вестник компьютерных и информационных технологий. – 2008. – № 7.
2. Раскин Джефф. Интерфейс: новые направления в проектировании компьютерных систем. – М.: Символ-Плюс, 2005. – 272 с.
3. Сомов Д.А. HTML5 в автоматизированных системах обучения / рук. А.А. Бойков // Энергия – 2013, VIII международно-технич. конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, 23 апреля 2013 г., г. Иваново: материалы конференции. – Иваново: УИУНЛ ИГЭУ, 2013. – 345 с.

ОЦЕНКА ВЕЛИЧИНЫ ТЕПЛОВОГО ПОТОКА ОТ ИНФРАКРАСНЫХ ИЗЛУЧАТЕЛЕЙ В РАБОЧЕЙ ЗОНЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОМЕЩЕНИЯ

В настоящей работе представлены некоторые варианты расположения инфракрасных излучателей при соблюдении гигиенических требований; произведен расчет результирующего лучистого потока и температуры нагреваемой поверхности между параллельными поверхностями и построены диаграммы; осуществлено сравнение теоретических расчетов и экспериментальных данных.

Ключевые слова: теплообмен, результирующий лучистый поток.

Согласно СанПиНу 2.2.4.548-96 «Гигиенические требования к микроклимату производственных помещений» [1; 2], допустимые микроклиматические условия установлены по критериям допустимого теплового и функционального состояния человека на период 8-часовой рабочей смены. Они не вызывают повреждений или нарушений состояния здоровья, но могут приводить к возникновению общих или локальных ощущений теплового дискомфорта, напряжению механизмов терморегуляции, ухудшению самочувствия и понижению работоспособности. Допустимые величины интенсивности теплового облучения находящихся на рабочих местах от производственных источников, нагретых до темного свечения, должны соответствовать значениям, приведенным в таблице 1.

В ранее опубликованной статье [3] были представлены материалы, позволяющие определить высоту подвеса излучателя в рабочем помещении в зависимости от его температуры. Для проведения расчетов были использованы труды известных ученых Богословского В.Н., Шорина С.Н., Банхиди Л., Мачкаши А. и других. Используя эти данные, была определена плотность расположения излучателей в рабочей зоне помещения при условии соблюдения санитарно-гигиенических требований по величине падающего теплового потока.

Темный излучатель характеризуется более низкой лучистой эффективностью, которая колеблется в диапазоне 45–60%. Эта эффективность достигается с помощью так называемого рефлектора, который образует зеркальную плоскость, отражающую излучения в необходимом направлении. Для концентрации теплового излучения в рабочей зоне помещения рефлектор имеет специальную изогнутую поверхность.

За счет изогнутой формы рефлектора распространяемое по полусфере излучение концентрируется в нормальном направлении по отношению к рабочей сфере (рис. 1). Кроме того, учитывались тепловые потоки излучения, поступающие от соседних излучателей. За счет этого происходит увеличение результирующего теплового потока, что требует вносить корректировку в высоту подвеса излучателей, их плотность расположения и температуру.

Расчеты, проведенные по определению изменения величины результирующего теплового потока в рабочей зоне, при различных высотах подвеса и плотности расположения излучателей, позволили найти оптимальные параметры. Так, как видно из рис. 2, при температуре излучателя $t_1 = 600^\circ\text{C}$ и его высоте подвеса в 9 м над рабочей зоной оптимальное расстояние между двумя излучателями должно составлять не менее 14 м, что позволит обеспечить допустимое тепловое воздействие.

Таблица 1

Допустимые величины интенсивности теплового облучения
от производственных источников для поверхности тела работающих

Облучаемая поверхность тела, %	Интенсивность теплового облучения, Вт/м ² , не более
50 и более	35
25–50	70
не более 25	100

Рис. 1. Схема распространения энергии от инфракрасного излучателя

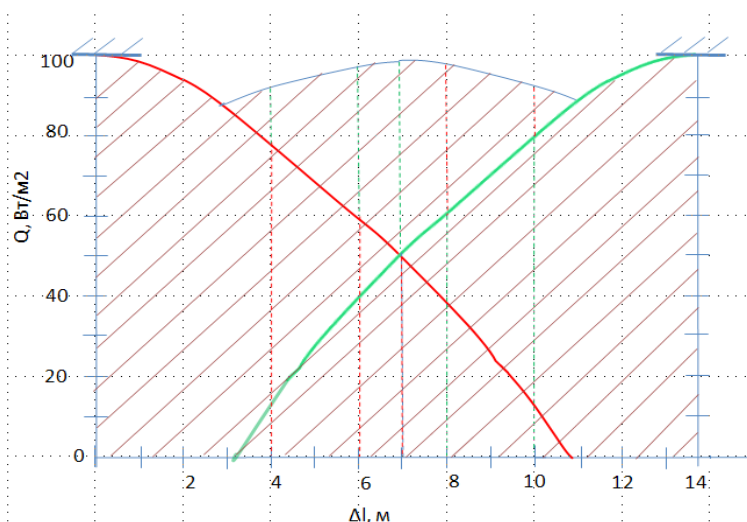

Рис. 2. Величина теплового потока от отопительных панелей, нагретых до 600°C

Аналогично были определены расстояния между излучателями при температурах излучателя $t_l = 500\text{--}300\text{ }^{\circ}\text{C}$. Как видно из рис. 3, оптимальное расстояние между излучателями при $t_l = 500\text{ }^{\circ}\text{C}$ будет составлять 12 м, при $t_l = 400\text{ }^{\circ}\text{C}$ – 8 м, при $t_l = 300\text{ }^{\circ}\text{C}$ – 6 м. При этом высота подвеса излучателя будет составлять 7, 5 и 4 м соответственно.

При температуре излучателя $t_l = 200^{\circ}\text{C}$ расстояние между отопительными панелями можно варьировать. На рис. 4 представлены два варианта расположения отопительных панелей 6 и 4 м, при высоте подвеса излучателя 3 м. В обоих случаях будет обеспечено допустимое тепловое воздействие, и при наложении двух тепловых потоков от разных излучателей величина суммарного теплового потока не будет превышать 100 Вт/м^2 . При этом расстояние между излучателями необходимо определять исходя из обеспечения более комфортных условий по всей поверхности рабочей зоны помещения. Как видно из рисунка 4б, изменение величины теплового потока по площади будет минимальным.

Для подтверждения расчетных данных нами была проведена экспериментальная оценка величины результирующего теплового потока от инфракрасных излучателей в рабочей зоне тепловозного цеха ремонтного локомотивного депо Ярославль-Главный. Производственные помещения депо оборудованы или газовым лучистым отоплением (ГЛО) или газовым воздушным отоплением (ГВО). В установках ГЛО используются газовые инфракрасные (ИК) излучатели «Blackheat» производителя «ROBERTS GORDON», США. В установках ГВО используются приборы рециркуляционного воздуха «COMBAT» со свободным выбросом нагреваемого воздуха того же производителя. Тепловозный цех оборудован ГЛО. В помещении установлено пять излучателей на расстоянии друг от друга 6 м и на высоте 7,65 м. Основные работы проводятся на расстоянии 5,65 м от излучателя (пол помещения) и 3,65 м от излучателя (пол вне кабины тепловоза).

Для исследований теплового потока был использован переносной радиометр энергетической

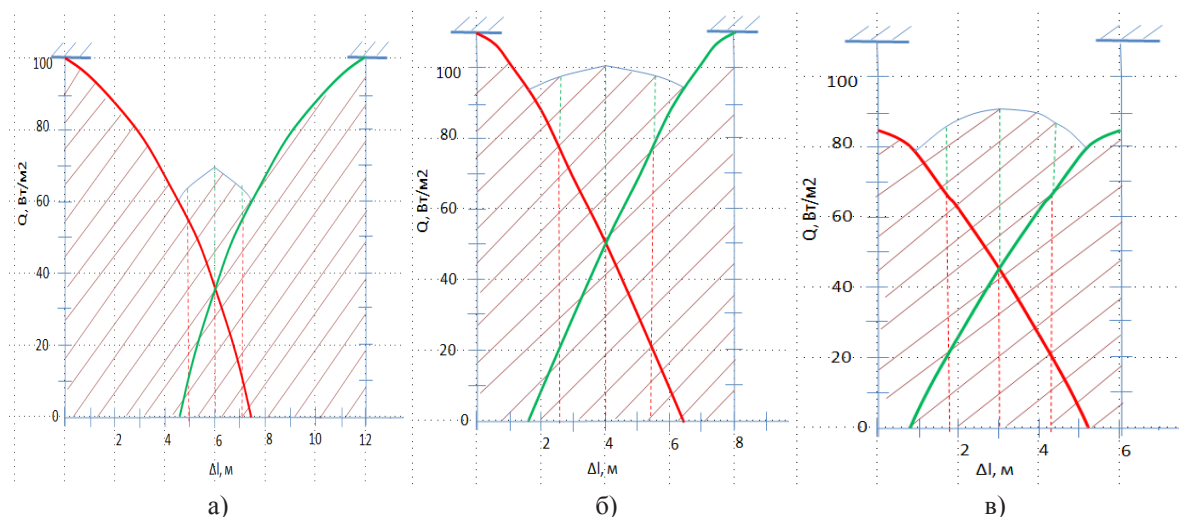

Рис. 3. Величина теплового потока от отопительных панелей, нагретых до: а) 500°C, б) 400°C, в) 300°C

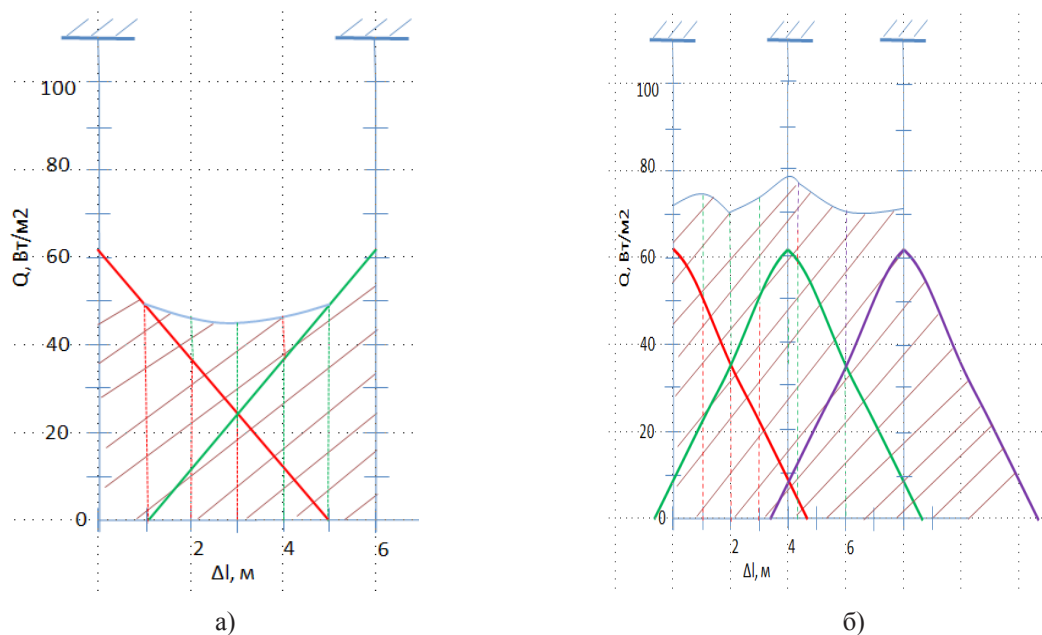

Рис. 4. Величина теплового потока от отопительных панелей, нагретых до 200°C, при различном расстоянии между ними: а) 6 м, б) 4 м

Таблица 2

Место проведения измерений	Фактическое значение теплового излучения (Вт/м²)
Тепловозный цех. На рабочем месте механика (нахождение работника непосредственно под инфракрасным излучателем)	56
Тепловозный цех. На рабочем месте механика (нахождение работника на расстоянии 1,5 м от инфракрасного излучателя)	44
Тепловозный цех. На рабочем месте механика (нахождение работника на расстоянии 3 м от инфракрасного излучателя)	40

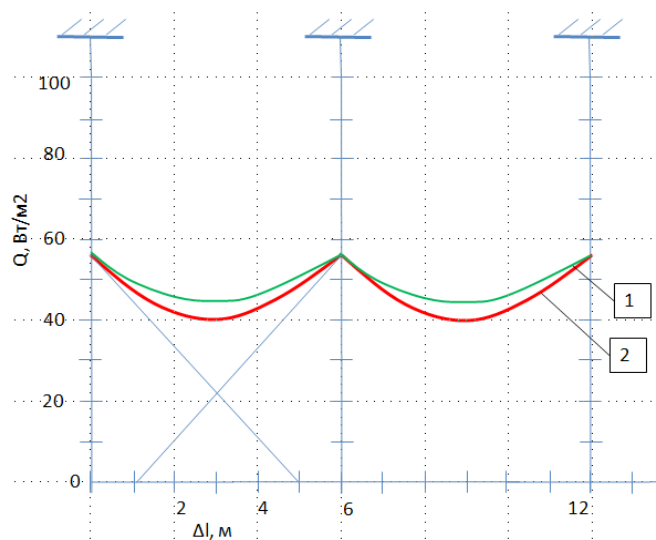

Рис. 5. Распределение теплового потока между излучателями (где 1 – расчетные данные, 2 – экспериментальные данные)

освещенности «РАТ-2П-Кварц-41». Измерения были проведены на уровне верхней границы рабочей зоны (3,65 м) непосредственно под излучателем, при сдвиге от оси излучателя на 1,5 м и 3 м. Температура излучателей (t_l) равна 190°C. Результаты измерений приведены в таблице 2.

По результатам измерений была построена диаграмма изменения величины теплового потока на поверхности рабочей зоны, расположенной между двумя излучателями на расстоянии 3,65 м от излучающих панелей (рис. 5).

На этом же рисунке приведены значения изменения теплового потока при тех же условиях, полученных расчетным путем. Максимальная величина погрешности находится в пределах 5%. Сравнение расчетных и экспериментальных результатов показывает их практическое совпадение, что позволяет сделать вывод о правильности теоретических расчетов.

Библиографический список

1. Гигиенические требования к микроклимату производственных помещений. СанПиН 2.2.4.548-96. Минздрав России. – М., 1997.
2. Бюллетень нормативных и методических документов госсанэпиднадзора. – 2005. – Вып. 3 (21) (сентябрь).
3. Сидоров Ю.П., Толицина Е.Ю. Определение допустимой высоты подвеса инфракрасных излучателей в зависимости от их температуры // Теория и практика современной науки: материалы X Международной научно-практической конференции, г. Москва, 27–28 июня 2013 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». – М.: Изд-во «Спецкнига», 2013. – 420 с.
4. Богословский В.Н. Тепловой режим здания. – М.: Стройиздат, 1979. – 248 с.
5. Банхиди Л. Тепловой микроклимат помещений. – М.: Стройиздат, 1981. – 248 с.

КУМЫКСКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В РУССКО-ИРАНСКИХ И РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются кумыкские феодальные владения в русско-иранских и русско-крымских отношениях: Россия, Иран и Крымское ханство в своих захватнических целях старались любыми методами и средствами привлечь кумыкских владетелей на свою сторону и тем самым сделать их «инструментом» своей политики в регионе.

Ключевые слова: Россия, Иран, Крымское ханство, Северный Кавказ, кумыкские владения, внешняя политика, агрессия.

В 60-е гг. XVII в. внешняя политика России на Северном Кавказе осуществлялась традиционными методами. Отношения с северокавказскими, в том числе кумыкскими, владетелями строились путем выдачи жалованья и подарков в обмен на заверения в признании российского подданства [7, с. 137]. Еще в первой половине XVII в. в подданство России были приняты кумыкские владетели шамхал Будаи Тарковский, Казаналип Эндиреевский и Ахмедхан Дженгутаевский [13, с. 15].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XVII в. основным фактором, определившим ход политических событий вокруг Северного Кавказа, стала крестьянская война под предводительством С.Т. Разина. Это восстание народных масс юга России затронуло территорию Украины, Дона, Северного Кавказа, Прикаспия и Поволжья. Крестьянская война 1667–1671 гг. имела и широкий международный резонанс: внимание европейской и восточной дипломатии к событиям на юге России и в пограничных с ней районах значительно возросло [7, с. 138].

Русское правительство пыталось нанести удар восставшим казакам под руководством С.Т. Разина. В этом было заинтересовано и иранское правительство, так как донские казаки совершали набеги на прикаспийские провинции Персии. После подавления восстания Российское государство предприняло шаги к восстановлению прежних торговых связей и политического влияния на Северном Кавказе. Россия стала проводить в данном регионе в последней четверти XVII в. более активную политику в связи с появлением явных признаков ослабления Сефевидского государства, его экономического и политического упадка [2, с. 265].

Идеи покорения Северного Кавказа оставались в центре кавказской политики и нового иранского шаха Сулеймана (1667–1694). Но он, в отличие от своих предшественников, не мог вести наступательных операций, так как проявившиеся еще в последний период правления шаха Аббаса II «признаки хозяйственного и политического упадка Ирана» при нем усилились [5, с. 99].

Шах Сулейман угрожал кумыкским владетелям вмешаться в их дела, сместить их за антииранские действия. В 1673 г. «некий улусный татарин Сафарка Казиев», приехав в Астрахань из Шемахи с шахским послом Усейн-беком к царю, сообщил царским воеводам, что за ограбление тарковцами грузов с выброшенных на берег пяти бус (лодок) торговцев из Шемахи, Баку и Дербента «кызылбаши хотят тарковцев воевать» [10, т. 2, с. 315]. Воспользовавшись таким поводом, шах Сулейман хотел вмешаться в борьбу между Будаем Тарковским, ставшим шамхалом в 1667 г., и Гиреем Сурхаевым и «учинить шевкалом» Гирея [11, л. 39]. Однако главная причина действий шаха крылась в том, что шамхал Будаи Тарковский, как доносили в Москве шахские послы, «ни к которому государю не склонен, живет особою своею и многое разоренье чинит... царскому ... и шахову величеству» [11, л. 353].

Угрожал убийством шах Сулейман и Чопалаву Эндиреевскому. В своем указе к шемахинскому хану шах требовал, чтобы тот «послал людей своих на Чепалав мурзу и велел его разорить, а ему Чеполов мурзе велел голову отсечь» за то, что эндиреевский владетель разорял «шахова величества окраинные города» [11, л. 353–355].

Раздоры между шамхалом Будаем Тарковским и Гиреем Сурхаевым, искавшим поддержку своим притязаниям на власть у шаха Сулеймана, к которому он ездил «на тарковского Будая мурзу бить челом в обидах своих», способствовали вмешательству шаха в дела кумыкских владетелей [1, с. 101]. Так, в письме в Москву терского воеводы И. Коркодинова от 1674 г. говорилось, что «шах дал ему (Гирею Сурхаеву. – М.-П.А.) ратных своих людей и... шаха Большой хан и иные ханы з Гиреем мурзою Сурхаевым идут на тарковского Будая мурзу со многими ратными людьми и с народом», с целью «на Койсе реке город поставить» [11, л. 7–8].

Узнав об этих планах, Москва заявила решительный протест. Шах Сулейман в ответ категорически отверг претензии Романовых иметь суверенитет над Койсу, но крепости так и не оставил [1, с. 101–102].

Планы иранского шаха по постройке крепости в Северном Дагестане усилили заинтересованность кумыкских владетелей в налаживании тесных связей с Московским государством. Так, в документе от 1675 г. содержатся следующие сведения: «Приезд из Терека в Москву кумыкского Балахай мурзы с осмью его узденями для уведомления, что крымский хан всех горских владельцов письменно пригласил итти войною на Российские земли» [12, л. 5–7].

В 1677 г. шамхал Будаи Тарковский отправил в Москву для продажи товаров на 1097 руб., а также 9 коней (аргамаков) в подарок царю и грамоту с выражением своей готовности служить ему [4, с. 406]. В 1676 г. с торговыми целями Москву посетили уздени Алея Тарковского (сына бывшего шамхала Сурхая) и уздень Асланбека Кафыркумукского Ераш. В 1681 г. 4 человека шамхала Будаи Тарковского доставили в Москву 25 пудов шелка. В 1683 г. Чопалав Эндиреевский и шамхал Будаи Тарковский послали людей в Москву «с письмом о делах великих государей» [15, с. 200]. В 1684–1687 гг. шамхал Будаи и его зять Чопалав Эндиреевский считали себя союзниками России и получали жалованье. При этом шамхал Будаи заявлял: «...а я великих государей Терской город и русских людей, и черкасс и окочан преж сего оберегал и ныне стану беречь» [1, с. 103]. Шахское правительство, следившее за событиями на Северном Кавказе, было недовольно сближением кумыкских владетелей с Россией и делало все возможное, чтобы привлечь их на свою сторону подарками, выдачей фирманов (грамот). Профессор М.-С. Умаханов приводит пример фирмана, выданного шахом Сулейманом предкам кумыкского феодала Тохтабиа Боташова [15, с. 200].

Следует отметить, что шамхалы Тарковские и в начале XVIII в. ежегодно получали из казны иранского шаха до 40 тыс. руб., что не мешало им и другим кумыкским владетелям, искусно маневрируя между русско-иранскими противоречиями, фактически сохранять самостоятельность [15, с. 200]. Шах Сулейман уже не мог оказывать на кумыкских владетелей того влияния, какое оказывали его предшественники, потому что «Дагестан во многом изменился» и его народы, в том числе кумыки, стремились оставаться независимыми [9, с. 5].

Как выше говорилось, в первой половине XVII в. в подданство России вступили кумыкские владетели. Укрепление русско-кавказских связей, особенно во второй половине XVII в., имело большое значение в плане русско-крымских и русско-турецких отношений.

Как и в XVI в., агрессия Турции и Крыма по отношению к Северному Кавказу в XVII в. не прекращалась. На разных этапах она преследовала различные цели и наталкивалась на укрепившееся

здесь с XVI в. влияние России. Наличие сильного гарнизона в Терском городе, русский контроль над северокавказским путем, подданство России кабардинских и кумыкских владетелей не позволяли крымским ханам совершать поход «через Османовщину», и им всякий раз приходилось переправляться в Синоп на турецких транспортных кораблях [3, т. 1, с. 292–293]. Не считаясь ни с чем и несмотря на неудачи своего вассала – крымского хана, Порты необоснованно силилась представить народы Северного Кавказа и Дагестана, особенно кумыков, подданными султана и поэтому потребовала, чтобы «Россия вообще отказалась от всякого сопротивления турецкой агрессии и не препятствовала действиям турецких вассалов на Кавказе», заявив «о притязаниях Турции на владение Кабардой и другими горскими народами» [14, с. 11].

В 1672 г. крымский хан вторгся в Кабарду с намерением напасть на Терки и поставить «города на Сунже и в Андреевой деревне» (Эндирее – М.-П.А.), но успеха не имел и вынужден был вернуться в Крым [6, т. 1, с. 333].

Обострившиеся в связи с агрессивными притязаниями Порты отношения между Москвой и Константинополем вылились в 1676 г. в русско-турецкую войну. В этой войне против России Турция пыталась использовать народы Северного Кавказа, в том числе кумыков. С этой целью в регион были направлены турецко-крымские агенты. О характере их пропаганды яркое представление дает лист крымского хана «горским владетельным князем, Тарковскому Будаи Шевкалу да Кумыцкому Чепалаю (Чопалаву Эндиреевскому. – М.-П.А.) и всем... владельцам». Извещая о том, что хан пойдет весной войною в Москву, он призывает кумыкских владетелей идти к нему «в помощь на бой для общего нашего закона и веры» против неприятеля [6, т. 1, с. 334]. Крымско-турецкие агенты на Северном Кавказе широко пользовались лозунгом «священной войны» против «неверных», «гяуров», но эта пропаганда не имела в кумыкских владениях, как и в Дагестане в целом, успеха. Кумыкские владетели не только стояли на резко враждебных по отношению к Порте позициях, но и принимали активное участие в войне на стороне России. Во время русско-турецкой войны 1677–1678 гг. в боях под Чигирином в составе русских войск принимал участие и отряд Асланбека Кафыркумукского [3, с. 293]. В 1687 г. шамхал Будаи Тарковский отказался помочь крымскому хану в его борьбе против русских [4, с. 406].

Однако после неудачного похода на Крым в 1687 г. русской армии под командованием князя В. Голицына влияние крымского хана возрастает среди владетелей Северного Кавказа, в том числе кумыкских. Крымский хан использовал этот неудачный поход русских войск в своих пропагандистских целях, применяя подкуп, а также

и угрозы. Это дало свои результаты. Так, в 1689 г., во время второго похода В. Голицына на Крымское ханство, один из царевичей дома Гиреев привел на помощь Селим-Гирею с Северного Кавказа около 50 тыс. кумыков, черкесов, ногайцев. Этот факт показывает, что определенные неудачи России в период первого похода на Крымское ханство подорвали ее авторитет среди северокавказских народов [8, с. 168].

Следует отметить, что, поддерживая Крым во время двух походов русских войск во главе с В. Голицыным, народы Северного Кавказа не всегда были с крымским ханом заодно. Так, когда в 1691 г. крымский хан Саадат-Гирей двинул свои войска в Венгрию, то «они (крымцы. – М.-П.А.) заодно с ногаями, черкасами и кумыками согласились не оказывать» крымскому хану «повиновения и послушения» [7, с. 144–145]. Данный факт подводит нас к выводу, что влияние турецкого султана и крымского хана среди народов Северного Кавказа, в том числе кумыков, было неустойчивым и в зависимости от международного положения оно то усиливалось, то ослабевало [7, с. 145].

Таким образом, изложенный материал показывает, что в рассматриваемый период кумыкские феодальные владения в русско-иранских и русско-крымских отношениях играли важную роль ввиду своего выгодного стратегического положения. Россия, Иран, Турция и ее вассал – Крымское ханство – вели упорную борьбу за господство на Северном Кавказе. В своих захватнических устремлениях эти великие сопредельные государства старались любыми методами и средствами привлечь кумыкских владетелей на свою сторону и тем самым сделать их орудием своей политики в регионе. В такой сложной международной обстановке кумыкские феодальные владетели умело играли на ирано-русских и русско-крымских противоречиях. Они получали от правителей этих стран подарки и жалованье, формально обещали им покорность, чем сумели в XVII в. в целом сохранить свою политическую независимость.

Внешняя политика России, Ирана и Крымского ханства, касавшаяся северокавказского региона, обязательно была вынуждена брать в учет позицию кумыкских владений, как и Дагестана в целом.

Библиографический список

1. Алиев К. Шаухалы Тарковские. Кумыкская аристократия. – Махачкала: Дагпрессмедиа, 2006. – 279 с.
2. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. – М.: Политиздат, 1952. – 467 с.
3. История Дагестана: в 4 т. – М.: Наука, 1967. – Т. I. – 431 с.
4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I. / отв. ред. А.И. Османов. – М.: Наука, 2004. – 627 с.
5. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Н.В. Пигулевская. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 389 с.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы / сост. В.М. Букалова: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. I. – 478 с.
7. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. – Махачкала: Эпоха, 2003. – 217 с.
8. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – нач. XX в. – Махачкала: Народы Дагестана, 2008. – 295 с.
9. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. – СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848. – 42 с.
10. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / сост. Н.И. Веселовский. – СПб.: Тип. «Лештуковская Наровая Скоропечатня П.О. Яблонского», 1890–1898. – Т. II, 1892. – 445 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 77. – Сношения России с Персией. – Оп. 1. 1673 г. – Д. 1; 1674 г. – Д. 1.
12. РГАДА. Ф. 121. Кумыкские и тарковские дела. – Оп. 1. – 1675 г. – Д. 1.
13. Русско-дагестанские отношения XVII–первой четверти XVIII вв.: документы и материалы / сост. Р.Г. Маршпаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.
14. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.
15. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. – Махачкала: Изд-во ДагФАН СССР, 1973. – 250 с.

УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЖАРНЫХ ЧАСТЕЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье проводится анализ условий несения пожарной службы в провинциальных городах России в конце XIX века. Особое внимание автор уделяет бытовым условиям жизни пожарных. Автором сделан вывод о том, что размещение пожарных частей в провинциальных городах России в конце XIX века было организовано без учета характера и специфики их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: пожарная часть, проектирование пожарной части, специфика пожарного дела, бытовые условия, недостаточное финансирование.

Определяющими факторами эффективности действий пожарной команды любого типа были условия ее размещения и обеспеченность средствами пожаротушения. В целях усиления пожарной защиты населения российское правительство еще в 1818 году обязало губернские власти разделить города на части и кварталы. Для каждой части было определено «точное количество инструментов пожарных, обоза, людей и лошадей» [6, с. 35].

Поскольку пожарные части подчинялись полиции и практически воспринимались полицмейстерами как резервные силы, то их размещение было приближено к полицейским участкам. В результате в первой половине XIX века в большинстве случаев пожарная часть находилась под одной крышей или на одном дворе с полицейским участком. Такой подход к размещению пожарных частей едва ли можно назвать удачным, поскольку полиция и пожарная охрана выполняли разные задачи. Полицейские учреждения осуществляли надзор непосредственно за гражданами, поэтому их число определялось количеством населения. Пожарная служба предназначалась для охраны построек и имущества, следовательно, расположение пожарных частей должно было зависеть от размера городской территории и количества домов.

В конце XIX века, ввиду очевидной необходимости принятия конкретных управленческих решений нормативного характера по совершенствованию организации пожарной охраны, государство внесло изменения в правила дислокации пожарных частей. По этой причине во второй половине XIX века в городах России появились пожарные депо – специальные строения для размещения служителей и пожарного обоза, что дало возможность пожарным частям получить желанную территориальную автономию.

Строительство пожарных депо требовало не только больших финансовых затрат, но и участия специалистов, для того чтобы учесть на стадии проектирования все особенности несения пожарной службы. Именно такой подход к делу был характерен для столичных городов, где развитие пожарной службы проходило с учетом мирового опыта пожарного дела.

«Разница в ступенях развития Москвы (Петербурга) и провинциальных городов и населенных пунктов» [1, с. 19] наглядно отразилась на условиях несения пожарной службы на периферии. В провинциальных городах средств на нужды пожарной охраны выделялось явно недостаточно, а специалисты пожарного дела к проектированию зданий пожарных частей не привлекались. В результате пожарные команды малых городов размещались в зданиях, построенных без учета характера и специфики их профессиональной деятельности.

Органы самоуправления в провинциальных городах практически не обращали внимание и на состояние помещений, в которых размещался личный состав пожарной команды и хранилось оборудование, хотя по закону обязаны были обеспечить пожарных всем необходимым. Факт проявления полного равнодушия со стороны местной администрации к нуждам пожарных подтверждает рапорт ярославского брандмейстера Березина, в котором он докладывал городской управе о плачевном состоянии здания пожарной части и просил принять меры к ремонту помещений. В рапорте, в частности, сообщалось, что «здание пожарной части окончательно разваливается и угрожает опасностью для мимо проходящих лиц. Косяки в дверях и окнах скоро выпадут, переплеты все сгнили, вследствие чего много стекол падают на землю. В нижнем этаже пол провалился, а в верхнем сгнил. В конюшне потолки обваливаются, а двери угрожают разрушением. В сбруйном сарае и погребке полы и потолки сгнили» [2, л. 79]. Если учесть, что пожарные постоянно находились на казарменном положении, то в таких условиях они не могли ни нести службу, ни полноценно отдыхать.

Сложные бытовые условия нередко лишали пожарных возможности иметь дом и семью. Кроме того, предпочтение при найме отдавалось холостякам. Это было связано с тем, что жилые помещения пожарных частей не были приспособлены для размещения семей пожарных. В осенне-зимний период температура в казармах поддерживалась на уровне 13–14 градусов, а в трубных – 9–10 градусов. Поскольку проживание на частных квартирах не допускалось, женатым отводили, как правило,

место в общей казарме, отделив его перегородкой, а нередко и просто тонкой занавеской.

Вот что сообщалось о жизни семейных пожарных в Саратове на страницах журнала «Городское дело» в 1912 г.: «...кто не видел своими глазами, тот не представляет себе, что значит жить в общей казарме. А значит это вот что: каждая семья имеет в своем распоряжении одну кровать и только... В воздухе стоит крик, говор, плач детей различного возраста, стоны больных, ругань ссорящихся у общей печи женщин. Над кроватями устроен из досок второй этаж. Целыми днями с верхнего этажа несется плач скучающих ребятишек. Если не хватает и там места, детей усаживают под кровати. Кровати разделены друг от друга тонкими ситцевыми занавесками, изредка – деревянными перегородками. В таких условиях проходит вся жизнь на людях: ни минуты человек не бывает один. Здесь живут, рождаются, болеют и умирают» [3, с. 75].

Специальных мест для просушивания одежды в пожарных частях не предусматривалось, ее развешивали прямо в спальнях помещений. Пожарным нередко приходилось выезжать на тушение огня в непросохшем обмундировании, что сказывалось на их здоровье и самочувствии. Они страдали ревматизмом и простудными заболеваниями.

В результате непрофессионального подхода к устройству пожарных частей в России служители не просто страдали от плохих бытовых условий, но и теряли драгоценное время при подготовке к проведению противопожарных мероприятий. В большинстве пожарных частей России в целях экономии средств отапливались только жилые помещения, а обозы со всем оборудованием находились в холодных сараях. В результате в зимнее время трубы замерзали, а бочки стояли без воды, и, прежде чем выехать на тушение пожара, команде приходилось отправляться на реку и набирать воду из проруби. Процесс этот был трудоемким и требовал времени. Однако даже после прибытия на пожар заниматься его тушением было невозможно.

Описывая пожар в Херсонской губернии, корреспондент журнала «Пожарный» сообщал следующее: «Пожар этот был замечателен тем, что прибывшая пожарная команда бездействовала. Сведущие люди объясняют это тем, что пожарный обоз, помещаясь в холодном сарае, во время мороза замерзает и делается непригодным к употреблению» [5, с. 107]. Разумеется, в подобных условиях пожарные не имели возможности отстоять охваченные огнем постройки. Единственным выходом из создавшегося положения могло стать только увеличение финансирования, но этому препятствовало наличие в провинциальных городах большого количества нерешенных проблем в области благоустройства, как, например, плохое состояние дорог, отсутствие водопровода и канализации.

В отличие от России в Соединенных Штатах Америки пожарные команды размещались в хорошо оборудованных помещениях, которые назывались пожарными бюро, где были созданы все условия для работы и отдыха. В 90-е годы XIX в., путешествуя по Америке, известный русский художник В. Верещагин отметил, что и организация и условия несения службы у американских пожарных были намного лучше, чем у их российских коллег.

Вот как он описывал в своих путевых заметках устройство пожарных бюро в Нью-Йорке: «В них день и ночь топится паровая машина, так что во всякую минуту пары ее готовы. Большой воз всевозможных пожарных снарядов стоит тут же. Как только показывается где-нибудь огонь или дым, полицейский или первый прохожий поворачивает один из пожарных приводов, расположенных в видных местах на улицах, и по всем пожарным бюро города одновременно раздается тревожный звонок. По этому знаку автоматически обрываются привязи двух лошадей, которые приучены бросаться к дышлу: на них автоматически спускается с потолка упряжь, которую закрепляют моментально подоспевающие люди, и машина с возом выезжает. Все это делается так быстро, что в какие-нибудь десять секунд пожарные на улице» [4, с. 189]. Бытовые условия пребывания в пожарной части позволяли пожарным иметь полноценный отдых после исполнения служебных обязанностей. «Люди живут, как отмечал Верещагин, над помещением для машины и лошадей. У них прекрасно устроенная спальня, гостиная и читальня, часто с бильярдом» [4, с. 189].

В европейских пожарных частях также было принято держать паровую машину в постоянной готовности, в результате чего на подготовку к выезду тратилось 15–20 секунд. В России даже лучшие команды заметно отставали по этим показателям и тратили на выезд до полутора – двух минут.

Нередки были случаи, когда после получения сигнала тревоги командам приходилось ждать, когда наконец они получают лошадей, без которых невозможно было доставить к месту пожара воду и необходимое оборудование [4, с. 189].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что размещение пожарных частей в малых городах России в конце XIX века было организовано без учета характера и специфики их профессиональной деятельности и уступало нормам, принятым в Европе и в Америке. Причиной недостатков в организации функционирования российских провинциальных пожарных команд в конце XIX века явилось слабое финансирование и разработка проектов зданий пожарных частей без учета мнения специалистов пожарного дела.

Библиографический список

1. Бушуев И.А. Взаимоотношения центра и провинции в контексте изучения вопросов по-

вседневной жизни // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3.

2. Государственный архив Ярославской области. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 3246.

3. Городское дело. – 1912. – № 5.

4. Пожарное дело. – 1898. – №3.

5. Пожарный. – 1892. – №2.

6. Чехов А.П. Исторический очерк пожарного дела в России. – СПб., 1892. – 198 с.

УДК 94(470+571)

Бушуев Иван Алексеевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ivan.textwork@yandex.ru

«ГОРОДСКИЕ НЕУДОБСТВА» КАК ФАКТОР ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОСТРОМЫ И ЯРОСЛАВЛЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются «городские неудобства» – факторы повседневной жизни Костромы и Ярославля в начале XX в., которые осложняли существование обывателей и приносили в их быт определенные сложности. В первую очередь к данной категории относятся факторы, связанные с организацией городского пространства и внутренней инфраструктуры (коммуникаций, дорог, тротуаров, освещения и т.д.).

Ключевые слова: повседневная жизнь, городские неудобства, коммуникации, транспорт, дорожные покрытия, тротуары, освещение.

Повседневность (повседневная жизнь) – это соотношение человеческих забот и потребностей с путями и методами их решения или удовлетворения, при учете непосредственных возможностей, обусловленных экономико-географическими, политическими, социальными и культурными факторами [2, с. 18]. Факторы, связанные с организацией городской инфраструктуры и внутреннего пространства губернских центров в начале XX в., осложнявшие повседневное существование обывателей, мы выделяем в отдельную категорию «городских неудобств». Некоторые из них напрямую зависели от погодных и климатических условий, проще говоря, времени года. Многие неудобства создавались самими жителями, которые в силу собственной лени или недостатка средств пренебрегали установленными правилами и предписаниями.

Рассмотрим данные неудобства посезонно. В конце осени – начале зимы на Кострому и Ярославль обрушивались обильные снегопады, которые не только добавляли хлопот местным жителям, но и нарушали работу транспортных сетей, в частности железных дорог [16, №7 (9 января), с. 3]. В Ярославле погодные условия осложняли движение местного трамвая. Дожди образовывали лужи, заливавшие пути, и в таком случае движение останавливалось [18, №183 (14 июля), с. 3]. Аналогичная ситуация возникала и в случае выпадения большого количества снега. Зимой замерзали отведенные от городского водопровода места забора воды, устроенные по образу колодцев. Это не только лишало многих обывателей возможности получить там воду для бытовых нужд, но ограничивало доступные способы добычи воды во время тушения пожаров [16, №11 (13 января), с. 3]. Когда зима отступала, перед горожанами возникала задача очистки собственных дворов от накопившегося

грязного снега, кроме того, таяние снегов обнажало многочисленные залежи мусора по всей территории города. Чаще всего задача эта решалась наиболее быстрым и наименее энергозатратным способом – грязный снег вместе с мусором вывозился со двора и сваливался где-либо в пределах городской черты, в данном отношении больше всего страдали концевые участки окраинных улиц и местные пруды [20, №263 (9 февраля), с. 3].

В конце зимы – начале весны домовладельцы начинали чистку крыш от снега и нависавших ледяных глыб в целях предупреждения неожиданного схода и угрозы падения на прохожих. Это делали далеко не все, что становилось дополнительным источником опасности для горожан [20, №257 (1 февраля), с. 2]. Заметка в ярославской газете «Северный край» сообщала: «Одна из оживленнейших улиц города – Рождественская, она же Киселюха, почему-то забыта всевидящим оком кого следует. Снег на крышах висит целыми лавинами и ежеминутно грозит падением на головы прохожих, тротуары в свою очередь не посыпаются песком, и обледенелый снег не скалывается, почему середина тротуара представляет из себя возвышение, спускающееся наклонами по обе стороны» [16, №16 (18 января), с. 3].

Таяние снега весной делало некоторые улицы и целые кварталы Костромы и Ярославля в буквальном смысле непроходимыми. Здесь вновь давала о себе знать проблема благоустройства городских мостовых и тротуаров. А. Анохин писал: «Солнышко в великопостные дни растапливало сугробы и льды, погружая дороги и тротуары в гигантское море талых вод» [1, с. 7]. Те улицы, основное покрытие которых было грунтовым или песчаным, при обильном количестве талой воды превращались в «кашу», как было принято говорить в народе. Некоторые улицы были размыты

столь сильно, что горожане порой вязли в грязи настолько, что не могли выбраться оттуда без посторонней помощи [20, №312 (12 апреля), с. 2]. Это фактически отделяло их жителей от основной части города, в который были сосредоточены магазины, школы, больницы и т.д. Даже извозчики отказывались ехать в те места, где увеличивался риск падения лошади и поломки повозки из-за грязи и разбитых дорог – в основном речь шла о городских окраинах и небольших переулках [11, №102 (16 октября), с. 3]. Разрыхленные городские дороги в особенности увеличивали нагрузку на лошадей, перевозивших клади [16, №22 (24 января), с. 3]. Местная пресса писала по данному поводу: «С наступлением дождливых дней весь обширный фабричный район с его бедняками-обывателями, благодаря непролазной грязи, совершенно изолируется от остальных частей города, извозчики и водовозы требуют двойные деньги, а крестьяне не берутся доставлять дрова ни за какую цену. Путешествовать пешком ночью по фабричным улицам совсем невозможно, так как фонари-коптилки имеют только на уличных углах» [9, №100 (2 сентября), с. 3]. Корреспондент костромской социал-демократической газеты «Рабочий» записал беседу с одним из домовладельцев с городских окраин, который жаловался: «Помилуйте, – для главных улиц и мостовые и фонари на каждом шагу, там поди (на Русиной, наприм.) сейчас уже почти сухо, а у нас около фабрик вон какая топь. Еще недельку, и на лошадях никто не проедет, таскай все на себе, – картошки и той нигде не достанешь! А по ночам как в аду – темень – глаза выколи» [22, №3 (1 апреля), с. 4].

Таяние снегов и весенние паводки пагубно сказывались на состоянии низменностей. В Костроме в большей степени страдала заводская местность – с. Селище, с. Городище и Спасская и Никольская слободы. Во время разлива р. Волги многие дома там практически стояли в воде [23, с. 6]. В Ярославле от этой проблемы в большей степени страдала закороторосльская часть, в особенности Коровницкая слобода, которая сильно затоплялась каждую весну, и сообщение между домами осуществлялось на лодках [21, с. 47]. А. Анохин отмечал: «В многоводные весны в самом плачевном положении оказывались подгорные местности города. Здания, стоявшие на склонах, обращенных к волжскому берегу, затапливались. Их подвальные и первые этажи, погреба, ледники, надворные постройки заливались водой. Ее потоки не щадили ничего: смывались огороды, сараи, заборы, страдала садовые посадки» [1, с. 11].

В Ярославле к весне водосточные трубы засорялись настолько, что вода от талого снега не уходила, заливая тротуары и размывая дорожные покрытия [18, №63 (29 марта), с. 3]. Здесь наблюдалась схожая с Костромой картина: после схода

снега многие улицы становились малопроходимыми и практически непроезжими, и если центральные городские улицы имели более-менее сносное состояние, то второстепенные улицы, переулки и городские окраины имели куда более плачевный вид – выбоины и ямы практически не позволяли проезд и максимально осложняли пеший проход [16, №77 (22 февраля), с. 3]. Ф. Потехин, автор справочника «Весь Ярославль», не преминул заметить, что сразу после окончания городского центра, от Духовской улицы и по направлению к Угличской и Романовской заставам, качество обустройства городского пространства непременно падало: «Так как здесь почва низменная, почти болотистая, то при отсутствии не только канализации, но и вообще какого-либо дренажа, вода затопляет нижние этажи, и сырость в домах обычное явление. <...> Так как улицы замощены здесь только посередине, а на некоторых мостовой совсем нет, то они превращаются весной и осенью в непролазное болото, так что все легковые извозчики отказываются сюда ехать. Летом вонючая пыль носится целыми тучами и лишает возможности отворять окна. К довершению всего тут обычный путь проезда ассенизационных обозов, отличающихся примитивным устройством, и не особенно далеко находится место свалки нечистот. Зато жители центральной части города пользуются всеми удобствами: к их услугам мостовая, асфальтовые тротуары и переходы, водопровод, трамвай, более или менее сносное освещение, близость почты, телеграфа и телефона и прочие блага, включая, конечно, и большую безопасность» [21, с. 47–48].

Во время оттепели тротуары обледеневали и становились скользкими, что приводило к падениям и ушибам горожан [11, №20 (20 февраля), с. 2]. Наибольшее количество падений наблюдалось на тех тротуарах, которые не были посыпаны песком [16, №46 (18 февраля), с. 3]. Со сходом снежно-ледяного покрова начинались всевозможные работы по починке и замощению имевшегося дорожного покрытия, открывался строительный сезон. Даже эти, казалось бы, благие дела, привносили в повседневную жизнь обывателей дополнительные неудобства. Дорожные работы зачастую производились небрежно, а мостовые и тротуары заваливались щебнем, камнями, бочками, что создавало для пешеходов угрозу падения и получения увечий [20, №327 (8 мая), с. 3]. Во время строительства и ремонта домов улицы и проезды заваливались всевозможными материалами, а их «хозяева» совершенно не принимали во внимание тот факт, что создают неудобства повозкам и пешеходам [19, №30 (20 апреля), с. 3].

Дороги, ведущие к губернским центрам, не были замощены вообще, и если зимой и летом в сухую погоду они были более-менее пригодными для проезда, то сход снежно-ледяного покрова

и обильные ливни делали их совершенно непроезжими. Эта проблема влекла за собой ряд других: в то время, когда подъездные дороги находились в плачевном состоянии, многие крестьяне не рисковали ездить в город, в связи с чем они не имели возможности привезти на местный рынок те или иные товары (хлеб, яйца, молочную продукцию, сено, дрова и т.д.) [19, №30 (20 апреля), с. 3]. В Костроме были случаи, когда на Сенном рынке ввиду недостаточности товара покупатели разбирали возы дров по жребию [11, №84 (31 августа), с. 3]. На имя костромского губернатора неоднократно поступали прошения от уездных исправников о необходимости исправления дорожных сооружений внутри губернии [4]. Священник из с. Турань Варнавинского уезда Костромской губернии С.П. Фортунатов в 1912 г. писал в Костромскую губернскую земскую управу по поводу состояния костромского почтового тракта: «Не могу не высказать своего глубоко сожаления, что при отсутствии крепкого дорожного надзора пропадают даром не только средства и труд человека, но и усилия, так сказать, самой природы к улучшению путей сообщения; так, например, с ранней весны до глубокой осени бродячий скот, преимущественно свиньи, отыскивая любимую пищу под дерновым лугом, сбрасывают его, взрывают почву на значительную глубину и тем превращают дорогу в сырое время в непролазное болото, а сухое – в кочковатую почву» [3, с. 38].

Когда наступало лето, городские дороги и тротуары страдали от небольших дождей и ливней, а когда было сухо, грязь высыхала, и ветер разносил ее в разные стороны, образуя облака пыли [7, с. 34]. В Костроме поливка улиц фактически отсутствовала [8, №80 (27 июля), с. 2], она осуществлялась только в пределах Сусанинской площади и первого квартала Русиной улицы [9, №65 (13 июня), с. 2]. Для удобства обывателей поливали и городской бульвар. В жару бульвар поливался около 4-х часов вечера, а публика чаще всего появлялась до 12-ти часов утра и после 6-ти часов вечера, поэтому особого эффекта эта поливка не давала. Кроме того, поливались и находившиеся там лавочки, которые становились очень грязными, и присевший рисковал испортить платье [9, №85 (29 июля), с. 3].

Похожая проблема была и в Ярославле: «С наступлением жаркой погоды по городу густыми клубами носится пыль, поднимаемая ветром с мостовых и тротуаров. О поливке улиц наши городские заправилы не успели еще подумать. Улицы в большинстве случаев не метутся» [14, №7 (27 мая), с. 3]. В Ярославле в 1902 г. местным властям поступило коммерческое предложение от одной из фирм Санкт-Петербурга с предложением приобрести машину для заметания улиц под названием «Салусь». Эта машина могла не только подметать, но и была способна осуществлять поливку улиц и уборку му-

сора. Реклама гласила: «...она работает одинаково хорошо и равномерно, как в сухую, так и в сырую погоду, и убирает улицы даже при большом скоплении грязи. Могущие встретиться неровности улицы не препятствуют действию машины, так как щетка изгибается и прилаживается ко всем подъемам и уклонам улицы» [5, л. 1]. Несмотря на столь заманчивое предложение, покупка, по всей видимости, так и не была осуществлена.

Осень вновь приносила с собой ветра и осадки, поэтому проблемы этого сезона были очень схожими с теми, с которыми сталкивались костромичи и ярославцы ранней весной.

Ряд неудобств преследовал обывателей постоянно, вне зависимости от сезона или погодных условий. Ввиду того что к обоим губернским центрам примыкали небольшие поселения и слободы, находившиеся в заволжском районе, возникала проблема сообщения между двумя частями города. В Костроме за р. Волгой располагался железнодорожный вокзал, в Ярославле – ст. Урочь, что делало проблему еще более актуальной. Летом коммуникацию обеспечивали паромы и лодки, а зимой организовывалась специальная дорога по р. Волге – настилались мостки из досок, по которым пешеходы переправлялись на другую сторону реки [8, №121 (5 ноября), с. 3]. Наиболее сильно сообщение между двумя частями губернских центров (основной и заволжской) было затруднено ранней весной, когда речная навигация еще была закрыта, а лед начинал подтаивать, образуя закраины, поэтому проход по нему был не только затруднителен, но и весьма опасен для жизни [11, №31 (20 марта), с. 3]. Городские власти через местную прессу сообщали о воспрещении проезда через реки на лошадях после появления промоин [25, №26 (31 марта), с. 3]. Ледоход на р. Волге начинался приблизительно в середине апреля. До того как река раскрывалась полностью, перемещение между двумя частями губернских центров осуществлялось через перевозку на лодках по образовавшимся закраинам [20, №309 (10 апреля), с. 3]. Осенью, после закрытия навигации и до становления крепкого льда, проблема вновь приобретала острый характер. Когда лед начинал крепнуть, лишь немногие отваживались на пересечение реки на санках и салазках. В основном это были крестьяне и зимогоры, для которых вопрос заработка порой был куда более важным, чем проблема собственной безопасности. «Северный край» от 2 декабря 1900 г. отмечал начало подобных переездов: «Благодаря начавшимся морозам лед через Волгу начинает крепнуть, так что началась переправа на салазках людьми («зимогорами»), но переезд на лошадях еще по-прежнему не допускается нигде в черте города» [16, №320 (2 декабря), с. 3].

В Костроме переправа через р. Волгу осуществлялась от городских пристаней на пароходике

«Бычков», который, по заметкам местной прессы, «успел выслужить все сроки, какие полагается для признания его полной инвалидности» [8, №60 (7 июня), с. 3]. В Ярославле на перевозе через р. Волгу не имелось таблички с указанием платы за услуги, поэтому обыватели очень часто поднимали споры насчет цены [17, №111 (9 апреля), с. 3]. Еще одно неудобство было связано с тем, что у местных пристаней пассажиры перебирались на берег по сколоченным доскам, не снабженным перилами [18, №108 (26 апреля), с. 3]. Если в Ярославле через вторую городскую реку – Которосль – еще в 20-х гг. XIX в. был построен деревянный мост, который с течением времени неоднократно перестраивался и совершенствовался, то в Костроме постоянного моста через одноименную реку к началу XX в. не было. После ледохода на р. Кострому наводился плавучий мост, соединявший город с заречными слободами. По нему передвигались пешеходы и проезжали повозки [9, №58 (27 мая), с. 2]. Переправа через р. Кострому также осуществлялась на лодках, называвшихся «завознями» (большая плоскодонная лодка) и «дощаниками» (небольшая лодка с палубой и одной мачтой). Вечером, когда заканчивались смены на фабриках, рабочие, жившие в заречных слободах, массово устремлялись домой, лодки переполнялись, возникала угроза падения за борт и даже полного затопления лодки [8, №43 (23 апреля), с. 3].

Отсутствие электростанции в Костроме вынуждало город использовать керосиновые фонари, которые практически не решали проблему городского освещения. Подобные фонари освещали только небольшое пространство вокруг себя и в ночное время более служили ориентиром, нежели реально рассеивали темноту городских улиц и площадей. Городом содержалась специальная фонарная служба, состоявшая из староста и штата фонарщиков. В обязанности данной службы входили очистка фонарных стекол, заправка фонарей горючим, общий контроль за их состоянием [6, с. 24]. С наступлением осени темнота начинала окутывать город в более ранние часы, в ноябре и декабре сумерки начинались около 4-х часов вечера, в то время как фонари на центральных улицах зажигались не ранее 6-ти, а на окраинах – 8-ми часов [8, №130 (29 ноября), с. 3]. В Ярославле наличие электрического освещения не решало проблему полностью: ситуация на городской периферии была схожа с той, что наблюдалась в Костроме.

В Костроме власти требовали, чтобы домовладельцы устраивали тротуары не выше 6–8 вершков (1 вершок = 4,45 см) от мостовой [12, №20 (28 мая), с. 3]. Опыт прошлого показывал, что многие тротуары устраивались слишком высоко и не были снабжены ступеньками, поэтому большому человеку или ребенку было весьма проблематично совершить спуск или подъем. Несогласованность

между домовладельцами приводила к тому, что тротуары оказывались разноуровневыми. С учетом низкой освещенности города в вечернее и ночное время многие обыватели попросту запинаясь за них и падали [20, №272 (22 февраля), с. 3].

Передвижение по городу пешком значительно осложнялось в связи со слишком шумной и быстрой ездой повозок по городу. Несмотря на все правила и предписания, владельцы экипажей и многие извозчики продолжали нарушать требуемый скоростной режим, что периодически приводило к несчастным случаям. Многие «лихачи» устраивали между собой соревнования, стремглав проносясь по городским улицам, доставляя неудобства пешеходам и создавая угрозу столкновения с другими экипажами [16, №328 (22 декабря), с. 3]. В особенности опасность усиливалась в праздничные и выходные дни. Одна из заметок «Костромского листка» гласила: «За последнее время в праздничные дни любителями конского бега Павловская и Русина улицы превращаются в ипподром, так что при скоплении рысаков, которые несутся по улице во весь опор, пешеходу нередко бывает трудно и небезопасно перейти через улицу» [10, №4 (8 января), с. 3]. Зимой для пешеходов был опасен и переход по льду через Волгу: извозчики «носились» по нему, не замечая никого вокруг [15, №4 (3 января), с. 3]. Еще одной проблемой были велосипедисты, которые вследствие не самой аккуратной и умелой езды периодически совершали наезды на пешеходов. Велосипедисты, открывавшие сезон ранней весной, чтобы не запачкать свое средство передвижения и костюм, ездил прямо по тротуарам, создавая помехи для нормального движения пешеходов [20, №305 (5 апреля), с. 3].

Ситуация с водоснабжением выделяла Кострому и Ярославль в том, что многие хозяйки стирали и полоскали белье в местных реках – Волге, Костроме, Которосли. Этот факт обязывал городские власти устраивать специальные плотомойни. С.М. Чумаков вспоминал: «Ни в одном из волжских городов не было так много женщин, полоскавших белье в реке, как в Костроме. Для этой цели городская управа соорудила недалеко от перевоза специальный плот. Труд этот был тяжелый, в особенности зимой, когда руками полоскали на морозе и ветру в ледяной воде. Белье приносилось прачками обычно в двух корзинах-коромыслах» [24, с. 473]. На берегу Волги находилось две плотомойни. Они были устроены таким образом, что расстоянию от стены до проруби было небольшим, в связи с чем возникал риск падения [20, №243 (16 января), с. 3]. Зимой бывали случаи, когда одна из прачек во время полоскания проваливалась в прорубь, так как положенные рядом доски ничем не были прикреплены ко льду и скользили довольно свободно [20, №293 (22 марта), с. 3]. При

большом скоплении народа подобные происшествия становились обычным делом.

Отсутствие водопровода заставляло искать местных жителей прочие способы для помывки. Общественные бани решали проблему лишь отчасти: их благоустройство во многом оставляло желать лучшего, кроме того, каждый визит туда бил по обывательскому карману. В Костроме жители фабричного района нашли следующее решение, зафиксированное в одной из заметок «Костромского листка»: «Около одной из костромских фабрик можно видеть по субботам такую оригинальную картину: масса мужчин и женщин, подростков и детей в костюмах Адама толпится под спуском двух водосточных труб с фабрики. Оказывается, что вся эта толпа моется в спускаемой из фабричных котлов грязной, с вонючим запахом воде. <...> Причина этого, по словам сведущих людей, очень простая – мыться больше негде: при фабрике бани для рабочих не имеется, торговых бань в фабричном районе тоже нет, исключая бани Нечаева, но она слишком мала» [8, №66 (14 июня), с. 2]. Местные водопроводные станции периодически испытывали неполадки, связанные с техническими причинами или условиями погоды, в связи с этим работа городского водопровода нарушалась. В Ярославле неполадки на водокачке приводили к тому, что вода с трудом поступала на верхние этажи тех домов, которые были подключены к системе водоснабжения [16, №14 (16 января), с. 3].

Несовершенство системы санитарного обеспечения губернских центров и нарушение жителями установленных правил приводили к развитию городской антисанитарии.

Многие обыватели решали проблему с вывозом мусора и нечистот по-своему, используя в качестве свалок и мест для сброса концевые участки городских улиц, берега рек, пруды и даже местности, прилегающие к кладбищам. В Костроме одним из таких мест стал переулочек около арестантского отделения близ табачной фабрики Чумаковых, зимой многие свозили туда грязный снег [20, №271 (18 февраля), с. 3]. Еще одной подобной зоной было пространство между Лазаревским кладбищем и городской чертой, по Кинешемской ветке. Там протекала р. Черная, в которую сливались нечистоты, вместе с водами от талого снега и дождей попадавшие в пределы губернского центра. Кроме того, попутные ветры несли неприятный запах от туда прямо в город [11, №42 (15 апреля), с. 3]. Проблема была настолько актуальна, что даже озвучивалась в местных газетах: «Черная речка в части ее, омывающей Лазаревское кладбище, бывает наполнена водой только во время весеннего половодья, летом же и осенью представляет вязкое топкое болото, покрытое тиной и заросшее осокой. Мимо речки прогоняется городское стадо, и вот нередко какая-нибудь буренка, отбившись от стада, попа-

дает в это болото, вязнет в нем и без людской помощи не в состоянии выбраться. За прошлое лето сцен извлечения вязнувших в болоте животных был не один десяток. Кроме того, нельзя обойти вниманием санитарное состояние речки. В нее стекают нечистоты со знаменитых костромских боен; в нее проведены трубы из ретиральных мест Солигаличского батальона; в нее сваливаются всевозможные нечистоты окрестными жителями» [9, №101 (5 сентября), с. 2]. Сброс бытовых отходов на берега водоемов ни в коем случае не решал, а только усугублял проблему. Паводки и течение рек способствовали распространению нечистот, а вода в реках приобретала отвратительный вкус и запах [11, №42 (15 апреля), с. 3].

Однако не только лень и желание сэкономить побуждали обывателей к загрязнению городских улиц. Вывоз мусора и нечистот за пределы города и на установленные свалки затрудняло уже означенное состояние городских дорог. В Костроме дороги, шедшие к городской свалке через Никитскую, Мясницкую и Лазаревскую, в некоторых местах были совершенно непригодны для нормального передвижения повозок. В Ярославле та же проблема наблюдалась с трактом, ведущим к Угличской заставе. «Северный край» писал по этому поводу: «Мостовая, устроенная городским управлением по Большой Угличской дороге от границ города до свалки нечистот для удобства пользования последней, пришла в плохое состояние» [16, №130 (17 мая), с. 3]. Весной и осенью состояние дорог усугублялось настолько, что многие даже не решались отправляться к свалке, вываливая мусор и выливая нечистоты в местах, совершенно для этого не предназначенных [13, №21 (14 апреля), с. 2]. Многие обыватели мыслили в данном направлении достаточно просто: показывая определенную заботу о чистоте собственных домов и дворов, они не брали во внимание тот факт, что попутно засоряют остальное пространство города.

Газеты свидетельствовали, что многие домовладельцы выливали помой из сорных ям прямо на дорогу [20, №305 (5 апреля), с. 3]. В фабричном районе Костромы недостаток и неблагоустроенность отхожих мест приводили к тому, что помой разливались прямо во дворах, там же справлялись и естественные человеческие нужды. В одной из заметок в «Костромском листке» было отмечено: «На дворах фабричного района помой выливаются не в помойные ямы, а прямо разливаются по всему двору, вследствие чего и самые дворы по всей справедливости могут быть названы помойными ямами и вместе отхожими местами, так как им же приходится выполнять и это назначение» [11, №32 (23 марта), с. 2]. В надежде на помощь природы многие жители рабочих кварталов выливали помой на улицу во время сильных дождей и ливней.

Таким образом, мы видим, что большинство «городских неудобств» были обусловлены проблемами благоустройства внутреннего городского пространства (дорожные покрытия и тротуары, освещение и др.). Однако и сами жители зачастую не стремились к внешнему комфорту: уборка городских территорий и обывательских дворов, за которую ратовали местные власти, порой заканчивалась тем, что весь мусор, включая бытовые отходы и конский навоз, просто сметался в кучу на одной из не самых оживленных улиц. Определенную «лепту» в дело загрязнения городского пространства вносили и местные учреждения. В первую очередь речь идет о фабрично-заводских предприятиях, торговых лавках и магазинах (в особенности продуктовых), трактирах и чайных, а также приютах, больницах, общественных банях и т.д. Данные проблемы носила текущий характер и в начале XX в. не могли получить окончательного разрешения, в связи с чем являлись неотъемлемыми факторами быта населения Костромы и Ярославля в изучаемый период.

Библиографический список

1. Анохин А.А. Кострома в будни и праздники. Портрет города времен последнего императора. Губернские светописцы. – Кострома, 2013. – 288 с.
2. Бушуев И.А. Взаимоотношения центра и провинции в контексте изучения вопросов повседневной жизни // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 17–21.
3. Войтюк Т. «В карете прошлого далеко не уедешь...» (воспоминания о путешествиях и дорожные записки) // Костромская старина. – 1997. – № 9. – С. 32–39.
4. ГАКО (Государственный архив Костромской области). – Ф. 133 (Канцелярия Костромского губернатора). – Оп. 2. – Т. 10. – Д. 13729.
5. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). – Ф. 509 (Ярославская городская управа). – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 1038.
6. Дружнева Н.А. Электрификация пришла в Кострому // Костромская старина. – 1999. – № 12. – С. 24–25.
7. Кострома. Краткий исторический очерк. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1978. – 168 с.
8. Костромской листок. – 1900.
9. Костромской листок. – 1901.
10. Костромской листок. – 1903.
11. Костромской листок. – 1905.
12. Костромская газета. – 1906.
13. Костромская речь. – 1906.
14. Новый северный край. – 1907.
15. Северная область. – 1906.
16. Северный край. – 1900.
17. Северный край. – 1901.
18. Северный край. – 1902.
19. Поволжский вестник. – 1906.
20. Поволжский вестник. – 1907.
21. Потехин Ф. Весь Ярославль. – Ярославль: Типография Н.М. Потехиной, 1903. – 83 с.
22. Рабочий. – 1907.
23. Сырцов И.Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. – Кострома: Губернская типография, 1909. – 51 с.
24. Чумаков С.М. Воспоминания костромича // Костромские купцы Чумаковы / сост. А.В. Бялко, Н.Г. Чудова. – М.: Издательство «Октопус», 2006. – С. 383–486.
25. Ярославские губернские ведомости. – 1900.

**ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ
И РАНЕНЫМ ВОИНАМ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на материалах Костромской и Ярославской губерний) (Часть 2)***

В статье рассматриваются вопросы становления системы медицинской и социальной помощи в начале Первой мировой войны (далее – ПМВ) на примерах Костромской и Ярославской губерний.

Ключевые слова: Первая мировая война, эвакуация, госпитали, Всероссийские земский и городской союзы, благотворительность.

Как мы уже отмечали, в течение августа – октября 1914 года в Костромской и Ярославской губерниях сложилась определенная система помощи больным и раненым воинам, поступление которых из Московского эвакуационного пункта к этому времени стало регулярным. На смену мероприятиям, характерным для периода «организации и открытия» лечебных заведений, пришли текущие, повседневные дела, подчиненные действию законодательных документов, приказов, циркуляров центральной и местной военной и гражданской властей.

Население региона по-прежнему активно участвовало во всех патриотических акциях, проводимых по распоряжению губернаторов, а также и само выступало с различными инициативами, направленными на оказание и материальной помощи, и духовной поддержки больным и раненым. Так, в газете «Голос» 8 октября 1914 года [12] было напечатано объявление о том, что 10, 11 и 12 октября по улицам Ярославля пройдут фуры для сбора вещей, теплой одежды, белья и т.п. 10 октября в 10 часов утра сборщики одновременно двинулись по городу, подавая звуковые сигналы, чтобы привлечь внимание жителей. Собранные вещи свозились в помещение бывшего табачного магазина Дунаева и в новые склады на Большой Линии. Корреспондент «Голоса» в номере от 14 октября очень образно и ярко описал ситуацию со сбором вещей для раненых: «Мало нашлось желающих взять на себя окраины города. А между тем, едва ли сборщики на центральных улицах могли вынести столько удовольствия, столько светлых эмоций, как “фургонщики” окраин... Население маленьких домиков... несло в фуры все, что могло. И росли горы платья, табаку, чаю, сахару, яблок, домашней утвари. Одних только самоваров с обитателей “фабричных каморок” собрали 11 штук» [13].

Еще более впечатляют количественные итоги сбора пожертвований, опубликованные в «Голосе» 18 октября: «Закончился разбор собранных вещей на Дунаевском складе: 10 тюков теплых рубашек, 750 брюк, 725 пиджаков, 473 штуки шуб, полушубков и пальто, 3180 пар носков, 500 пар портянок, 1900 пар мужского белья, 200 пар валенок,

800 шарфов, 950 полотенец и т.д.» [14]. К этому количеству одежды следует добавить и более 150-ти пудов чая, сахара, табака и мыла [15]. Действительно, неизмерима широта русской души!

Аналогичная акция была запланирована на 26 и 27 октября в Костроме, где активисты Уездного комитета помощи больным и раненым воинам обратились к городскому голове В.А. Шевалдышеву с просьбой отвести помещение под склад теплой одежды и домашних вещей, под который и была предоставлена одна из пустующих казенных лавок в центре города [22]. Сбор вещей прошел организованно, по городу проехали 13 фур, а проводимый одновременно «Кружечный сбор» дал около 635 рублей [23].

Подобные сборы, как в губернских городах, так и в уездах широко практиковались на протяжении всех военных лет. Необходимо, правда, отметить, что, в силу известной предрасположенности российских чиновников к подробной переписке и многоуровневому согласованию любого вопроса из жизни провинциального общества, от момента «постановки» вопроса до его решения проходили недели и месяцы. Например, 13 сентября 1914 года Земский Начальник 1-го Участка Галичского уезда Костромской губернии отправил за №1065 представление на имя губернатора П.П. Стремоухова о том, что, «имея сведения из газет о крайнем недостатке в белье всякого рода для раненых и больных воинов, в особенности выходящих на поправку из лазаретов» [4, л. 159], он готов «произвести сбор белья... через должностных лиц волостного и сельского управления» [4, л. 159]. В ответ на представление губернатор 23 сентября сделал предложение за №7673 о доставке ему сведений о том, куда именно будет направляться собранное на участке белье. По получению предложения земский начальник 26 сентября вновь направил представление за №1147, в котором указал, что «таковое (белье. – А.Г.) направлять в лазарет при Галичской земской больнице для больных и раненых воинов» [4, л. 160].

Из канцелярии Костромского губернатора оба представления через Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоров-

* Окончание. Начало см. в №1.

ны были направлены Галичскому уездному предводителю дворянства, который, в свою очередь, сообщил губернской канцелярии, что «в заседании 16-го сего Октября уездная комиссия высказалась за желательность в удовлетворении ходатайства Земского Начальника» [4, л. 161]. И только уже 24 октября 1914 года в Галич поступил документ за №8406, в котором губернатор Стремоухов сообщал, что он не встречает препятствий к устройству сбора белья через должностных лиц волостного и сельского управления для раненых и больных воинов.

В период ноября – декабря 1914 года администрации губерний, уездов и каждого лечебного учреждения в отдельности занимались также решением вопросов организации учета поступивших, пролеченных и выписавшихся из госпиталей нижних чинов и офицеров. Назначенный приказом по Военному ведомству от 3 сентября 1914 года за №568 верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский [26, л. 25–26] слал в адрес губернаторов циркуляр за циркуляром относительно порядка «ежемесячного доставления ведомостей о лечебных заведениях и о числе в них раненых» [5, л. 6]. Аналогичные требования по отчетности выставляло Российское общество Красного Креста, Центральные комитеты ВЗС и ВСГ, общества, находящиеся под патронажем императрицы и особ императорской фамилии. Это была трудная, довольно кропотливая работа, подразумевавшая наличие определенных навыков, умения и терпения, поскольку требования к составлению и заполнению различных формуляров, карточек, списков и т.п. неоднократно менялись. Вот как описывал ситуацию барон Н.Н. Врангель – с 24 октября 1914 года уполномоченный военно-санитарного поезда №81 имени Великой Княжны Ольги Николаевны: «...казенная формалистика... тут неумолима. Каждому поезду полагается вести отчетность по *тридцати девяти* книгам и притом столь глупым, что просто не понимаешь, как люди с мало-мальским здравым смыслом могли выдумывать и предписывать такую ерунду» [3, с. 84].

В ноябре – декабре 1914 года в городах Костромской и Ярославской губерний все чаще стали проводиться благотворительные мероприятия в виде спектаклей, концертов, киносеансов, розыгрышей призов в различных лотереях. Собранные от продажи билетов денежные средства направлялись в том числе и на помощь больным и раненым воинам. Все проводимые в рамках сбора пожертвований или розыгрыша призов акции согласовывались с руководителями губерний, им же предоставлялись подробные отчеты с указанием вырученных сумм, номерами и наименованиями счетов, на которые эти суммы поступали. Так, 6 ноября 1914 года Мологская городская управа просила согласия губернатора Татищева на устройство «вместе с Дамским комитетом в Мологе 21–

23 ноября в помещении гимнастической школы лотереи-аллегри из пожертвованных предметов, выручка с которой пойдет на изготовление теплой одежды... Имеет быть выпущено 5 тыс. билетов по 25 коп. каждый» [8, л. 21]. 10 ноября Мышкинский уездный исправник получил губернское разрешение провести купеческому сыну П.В. Столбову «в один из дней сбор деньгами и вещами в пользу Мышкинского уездного комитета ВЗС помощи больным и раненым воинам с условием:

1. Чтобы было сообщено, кому выданы подписные листы.

2. Чтобы подписные листы были занумерованы и засвидетельствованы печатью Полицейского Управления.

3. Чтобы по окончании сбора... был представлен подробный отчет» [8, л. 8, 9, 10, 10 об.].

О проведенных благотворительных мероприятиях перед губернаторами отчитывались уездные исправники – высшие местные должностные лица. Отчеты выглядели следующим образом: «Препровождая при сем на утверждение отчет по спектаклю, устроенному 14-го сего Декабря в пользу больных и раненых воинов в гор. Варнавине, вместе с оправдательными документами на 13 листах, сообщаю Канцелярии Губернатора, что вырученные от спектакля, за исключением расходов, деньги в сумме 175 руб. 28 коп. внесены в Варнавинское Казначейство под квитанцию от 20 декабря за №6072» [6, л. 11].

В последние месяцы 1914 года в губерниях по-прежнему продолжалась организация, оборудование и открытие новых госпиталей. Эти работы были определены произведенным ВЗС «Расчетом эвакуации раненых и больных воинов». В основу расчетов были положены предположения военных о том, что в ходе боевых действий на всех фронтах ожидается ежемесячно 204 тысячи раненых и больных воинов. Соответственно предполагалось, что в течение трехнедельного срока нахождения раненых в окружных пунктах предлагалось оборудовать в округах 1/3 кроватей чисто госпитальных (для раненых, требующих серьезного оперативного лечения), 1/3 госпитальных патронажей (для раненых, не требующих серьезной хирургической помощи, а лишь мелких операций и перевязок, а также для трудных терапевтических больных) и 1/3 патронажей (для раненых, нуждающихся только в амбулаторной помощи). Конкретно для Костромы и Ярославля предполагалось оборудование 4-х и 3-х тысяч коек соответственно [7, л. б/н].

По сообщениям газеты «Костромская жизнь», в Кинешемском уезде при большинстве текстильных фабрик (Коновалова, Кокорева, Разореновых, Морокиных) были организованы собственные лазареты, в которых размещались около 850 человек легкораненых, которые к концу 1914 года были уже выписаны [12]. «Поволжский вестник» сообщал,

что в Костроме в «доме г. Пахомова на улице Русинской» открылся и уже имеет раненых третий лазарет «Общества Зеленого Креста», койки в котором содержатся на ежемесячные добровольные пожертвования братьев Ульяновых, Касаткиных, Прянишниковых и учеников 1-ой гимназии» [24].

11 ноября в Ярославле состоялись освещение и открытие городского лазарета на 200 коек при коммерческом училище. Это было первое лечебное заведение, куда могли прибывать раненые, нуждающиеся в хирургической помощи [16]. В это же время активизировал свою работу Ростовский комитет помощи раненым, открыв госпиталь на 200 коек при мужской гимназии и на 100 – при Ильинском училище. Оба заведения функционировали и содержались исключительно на земские средства. Всего же к 1 января 1915 года на учете уездного комитета состояло 7 лазаретов с оборудованными в них 450 кроватями [2, с. 116–117].

Отчитываясь перед верховным начальником санитарной и эвакуационной части о выполнении его приказа №20 от 19 ноября 1914 года, требовавшего присылки «списка лиц, заведующих всеми Правительственными, общественными и частными лечебными заведениями вверенного... района» [9, л. 1], Ярославский губернатор сообщал, что по состоянию на 1 декабря 1914 года в губернском центре функционировали 16, а в уездах – 58 госпиталей [9, л. 12, 12 об., 13, 13 об.]. По данным же «Ведомостей о числе заготовленных, занятых и свободных мест в лечебных заведениях губернии», на начало декабря в Ярославле госпитальная сеть располагала 867 койками, из которых 709 были заняты. В уездных госпиталях насчитывалось 2642 койки, в том числе занятых – 2052 [10, л. 8, 11, 12, 13, 14]. По Костромской губернии количество госпиталей, сформированных и содержащихся только за счет средств Земского союза, на эту же дату составляло 87 с общим числом коек 5035 [25].

Несмотря на непрекращающиеся действия губернских, городских, уездных властей и общественных организаций по изысканию помещений, средств и материалов для открытия новых лечебных заведений, их количества не хватало, о чем говорилось на общероссийском заседании ВСГ в Москве в декабре 1914 года. «Было постановлено увеличить число коек для раненых повсеместно, в том числе и по Костромской губернии. Также было признано желательным устройство прачечных для лазаретов по образцу прачечной в Костроме», – сообщил костромичам глава города В.А. Шевалдышев, участвовавший в работе Московского совещания [18].

Конец декабря 1914 года был отмечен целым рядом рождественских и новогодних мероприятий, организованных для больных и раненых воинов силами учащихся, студентов, работниками госпиталей, самими ранеными и, конечно, профессиональными артистами и музыкантами. Так, 26 де-

кабря в госпитале при Костромской губернской больнице на Никитской улице для раненых была устроена ёлка, показаны «туманные картины» и дан концерт. Для организации праздника сестрами милосердия были собраны деньги в сумме более 50-ти рублей [19]. В канун Нового года в лазарете, размещенном в доме Сапожникова, для легко раненых была ёлка с раздачей подарков, состоявших из комплектов белья, кошельков, перочинных ножей, папирос и т.п. Каждому участнику праздника было выдано также по 1 рублю деньгами [20].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что губернскими, городскими и уездными органами власти была проделана огромная работа по организации помощи больным и раненым воинам русской императорской армии. С первых дней после начала Первой мировой войны к этому благородному делу подключились земские и другие общественные организации, которые тесно сотрудничали и с представителями власти, и с военными органами, и с частными лицами. Ведущую роль в организации госпитальной сети на территории Костромской и Ярославской губерний сыграли местные комитеты Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Именно ими было организовано больше всего лечебных заведений и госпитальных мест, принято и самое большое число раненых. Для того чтобы наладить госпитализацию и лечение раненых и больных, городам и уездам пришлось занять практически все общественные и большинство учебных помещений, на сократившийся в результате 5 призывов в армию в течение 1914 года [11, с. 83] медицинский персонал, – например, только в Ярославской губернии были призваны 37 земских врачей и 33 средних медработника [21, с. 83], – легла дополнительная нагрузка, развертывание широкой госпитальной сети негативно повлияло на качество жизни населения провинциальных городов и уездов.

Организация частного приема и размещения больных и раненых не могла, конечно, сравниться по масштабам с возможностями государственных лечебных заведений, но это благотворительное содействие говорило о наличии в обществе солидарности с общероссийскими задачами. «И населением, и самоуправлением помощь раненым рассматривалась не как конкуренция с Правительством, а как объединение с ним в деле первостепенной государственной важности – деле любви и милосердия» [1, с. 168]. Необходимо также отметить, что созданная в 1914 году сеть лечебных учреждений исправно функционировала в провинциальных губерниях России в течение всего периода войны.

Библиографический список

1. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономичес-

кий, организационно-управленческий и общественно-политический аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук / Орловский государственный университет. – Орел, 2005. – 294 с.

2. Волкова Т.И. Становление и развитие земского здравоохранения в Ярославской губернии (1865–1917 гг.). – Ярославль: «ООО Лия», 2001. – 128 с.

3. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. – СПб.: Журнал «Нева», «Летний сад», 2001. – 320 с.

4. ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 2. – Т. 9. – Д. 12525.

5. ГАКО. – Ф. 1275. – Оп. 1. – Д. 4.

6. ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 2. – Т. 9. – Д. 12526.

7. ГАКО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 1319.

8. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 7476.

9. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 3. – Д. 2694.

10. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 7470.

11. Головин Н.Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.

12. Голос (Ярославль). – 1914. – №231 (8 октября).

13. Голос (Ярославль). – 1914. – №236 (14 октября).

14. Голос (Ярославль). – 1914. – №240 (18 октября).

15. Голос (Ярославль). – 1914. – №240 (18 октября).

16. Голос (Ярославль). – 1914. – №260 (11 ноября).

17. Костромская жизнь. – 1914. – №227 (17 октября).

18. Костромская жизнь. – 1914. – №270 (10 декабря).

19. Костромская жизнь. – 1914. – №280 (21 декабря).

20. Костромская жизнь. – 1914. – №284 (31 декабря).

21. Лозинский Б.Р. Ярославская губернская земская больница. – Ярославль, 2005. – 178 с.

22. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2441 (24 октября).

23. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2445 (29 октября).

24. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2455 (9 ноября).

25. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2486 (18 декабря).

26. РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 656.

УДК 1:316 ; 94

Борщук Елены Дмитриевны

кандидат исторических наук

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ХАРАКТЕРЕ И ВЕРОЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется эволюция философских концепций русских мыслителей в годы Первой мировой войны, противоречивость взглядов в оценке влияния войны на будущее России. Дан анализ вариантов понимания патриотизма, показано различие русского и европейского отношения к войне. Автор проводит параллель между взглядами русских философов по основным проблемам войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская философская мысль, мировая цивилизация, германофобия, будущее России.

Вступление России в войну с Тройственным союзом было воспринято населением как справедливое возмездие агрессорам, прежде всего Германии. В этом отношении Россия ничем не отличалась от других воюющих стран. Мобилизация, несмотря на опасения правительства, прошла успешно. Большинство призывников добровольно являлось на призывные пункты.

Пропагандистская продукция на военную тематику заполнила рынок. Выходили серии брошюр под тематическими заголовками: «Война 1914 года», «Великая война», «Народная война». В печати, публичных выступлениях многократно повторялась мысль, что патриотизм союзников и «жертвенный патриотизм» русских коренным образом отличаются от агрессивного «национализма» германцев.

Русская интеллигенция – выразители общественного мнения — также живо откликнулась на начало мировой войны, однако, в отличие от журнальных пропагандистов, философы и религиозные мыслители в своих трудах напоминали политикам, что в заботе о будущем империи никак нельзя забывать конкретного человека (личность). Разные трактовки патриотизма и того, как он должен пониматься в ходе военного конфликта, обсуждались во многих течениях русской философской и религиозно-философской мысли: славянофильстве, евразийстве, правом монархизме, марксизме, неонародничестве и др.

В этот период можно различить два основных подхода к решению философских проблем войны и мира: социально-экономический, реализуемый в политико-философской традиции марксизма, и религиозно-философский, или духовно-миро-

воззренческий, развиваемый рядом видных представителей русской философии начала XX века. Отдельные течения, такие как неонародничество и почвенничество, пытались соединить прагматизм социально-политической экономии с духовными исканиями, и даже мистикой.

Для В.И. Ленина, ярчайшего представителя русского марксизма, вопросы войн были неразрывно связаны с классовой борьбой за экономические блага и возможность эксплуатации одного класса другим. Ленин различал войну несправедливую, империалистическую, и войну справедливую – революционную борьбу угнетенного класса со своими угнетателями. Уже в период русско-японской войны ленинская партия вела борьбу за «гражданскую войну», переход к которой война империалистическая лишь упрощает, давая народным массам военное образование и самое оружие в руки. «Мы должны, – писал Ленин в 1905 г., – разъяснить весь великий смысл слов “гражданская война”, извлекать практические указания из отдельных сражений этой войны, организовывать силы, готовить непосредственно и немедленно все, что необходимо для настоящей войны» [1, т. 1, с. 127].

Дальнейшее развитие теория перехода войны империалистической в войну гражданскую (революционную) получила у Ленина после начала Первой мировой войны. Обличив официальный патриотизм как «русский шовинизм» еще в ходе Балканских войн 1912–13 гг., Ленин уже в августе 1914 года выдвинул тезисы о «необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств ... борьба с царской монархией и великорусским, панславистским шовинизмом» [1, т. 1, с. 337–38]. 1 ноября 1914 г. снова зазвучал твердо кованный лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую войну» [1, т. 1, с. 344].

Однако ленинская партия представляла собой нелегальную, малочисленную организацию, ведущую подпольную деятельность в слоях малограмотного российского пролетариата, ее влияние на общественное мнение в начале войны было слабым, зачастую образ большевиков в массах был негативным, «демоническим» – «предатели Отчизны и царя».

В образованных слоях российского населения идеи марксистов были маргинальными, в то время как духовные искания философской мысли в период острого кризиса все больше смещались в сторону религиозных исканий, фатализма и мистико-психологических рационализаций даже в кругу академических мыслителей.

Оценивая восприятие русскими философами событий Первой мировой войны, нужно учитывать малую осведомленность большей части их о том, что действительно происходило на фронте и в ди-

пломатическом закулисье, невозможность дать картине событий объективное толкование, а также довольно широкую распространенность слухов о намеренном провоцировании военных неудач «предателями» из верхушки царской власти.

Н.А. Бердяев – самый плодовитый и читаемый представитель философского «серебряного века» – утверждал, что ошибочно отождествлять национализм с патриотизмом [3, с. 3], который, по словам И.А. Ильина, «есть чувство любви к родине», которое философ относит к сфере бессознательного [4, с. 238]. П.Б. Струве определял патриотизм как «истинный национализм», основой которого является субъективное чувство любви к родине [5, с. 148].

Произошедшие в результате войны в стране и в мире события, отразившись в сознании философов, подвели выдающихся ее представителей к мысли об отыскании «духовного смысла настоящей войны» [3, с. 42]. Это вызвало полемику среди философов. Одной из главных проблем стал вопрос о русском национальном самосознании и о его задачах, впервые поставленный Н.А. Бердяевым. В то же время С.Н. Булгаков отмечал, что «всемирная война, помимо всех своих неисчислимых последствий, означает новый и великий этап в истории русского самосознания» [7, с. 40].

Н.А. Бердяев считал, что в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру. Все великие народы проходят через мессианское сознание и в разное время избираются для великой миссии, для откровения духа. По его мнению, в России давно уже витает пророческое чувство того, что настанет час истории, когда она будет призвана для великих откровений божественного духа, когда центр мировой духовной жизни будет в ней. Пророчество не исключает великого предназначения других народов, – писал Н.А. Бердяев [6, с. 27–28]. Фактически, в этих публикациях нашла свое отражение гегелевская концепция о выходе на арену всемирной истории различных народов, выполняющих божественную волю. Новые народности, вступая на свой исторический путь, наследуют оставленную культуру предшественников. Славянская цивилизация и русский народ ставилась философами в один ряд с другими культурно-историческими типами цивилизаций в мировой истории. Это – наиболее молодая из цивилизаций, еще находящаяся на стадии обретения национальной независимости и независимости ее духа. Она стоит в самом начале пути прогрессивного развития, русский человек верит в исключительность России и в необычайность ее миссии, как считает Н.А. Бердяев [6, с. 1].

С.Н. Булгаков, объясняя, почему именно на долю его родины выпала такая ответственная роль, писал, что Россия тем и отличается от Западной Европы, что она, еще сохраняя духовную целостность, вольна свершить выбор. Это ее самоопреде-

ление будет безмерно по своим историческим последствиям, ибо от него зависит, превратится ли грядущая эпоха истории в торжественный ее эпилог или же духовный развал, потому что в данный момент истории влияние Европы на Россию не является прогрессивным [6, с. 113–114]. Благодаря войне наступает «историческая черед России», от нее зависит будущее. С.Н. Булгаков считал, что его отечество ответственно перед миром не только за существование всего человечества, но и самого мира. Самобытность России оказалась жизнеспособнее устоев европейской цивилизации.

Судьба России тесно сплелась с судьбой всего мира, не было эпохи ни в русской, ни в европейской истории, когда вопрос о России стоял бы с большей остротой, чем теперь. Подчеркивая божественное предназначение и самобытность развития России, философы, осознав значение момента, выражали свои мысли о происходящем и видели в войне огромный духовный подъем, несмотря на все страдания, которые она несла с собой.

В.В. Розанов, взгляды которого, однако, вызвали критику Н.А. Бердяева, в связи с началом войны заявлял, что «это – не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собою. Это будет великая расовая и культурная борьба» [8, с. 4].

В понимании многих русских философов того времени, Первая мировая война могла привести, как им казалось, к смене исторических эпох. Это время было определенным рубежом мировой истории, и очевидцы этих событий это прекрасно осознавали. Таким образом, Первая мировая война была воспринята мыслителями как совершенно определенный рубеж в истории не только своей страны, но и всего человечества, преодолев который, мир вступал в новый этап своего развития.

Рушилась, как представлялось русским философам, прежде всего материальная, лишенная всякой морали и нравственности цивилизация Запада, растерявшая к началу XX века все свои духовные основы эпохи Возрождения. «Вот, пробил он, исторический час, когда европейская цивилизация дошла до естественного самовозгорания, и, прежде всего, в своей материальной основе», – констатировал С.Н. Булгаков [5, с. 113]. В этом заключалась главная причина происхождения войны. С.Н. Булгаков также считал, что эта война и есть банкротство всей новоевропейской цивилизации, ее обличение и суд над новой историей, причем суд справедливый. Русский философ отметил, что «теперешний поворот истории совершенно не предполагался эволюционными схемами, является для них катастрофическим сюрпризом. Происходит же нечто гораздо более потрясающее, чем все бывшие доселе революции, ныне вспыхнуло пламя, испепеляющее многое из того, что достойно сожжения» [5, с. 113].

Но его мнение о том, что происходит крушение старого мира, не было столь пессимистично, он все же верил, что мировой пожар приведет не столько к уничтожению, сколько через страдания к покаянию и очищению, а это откроет перед человечеством перспективы возрождения на новых, более высоких основах.

Н.А. Бердяев был уверен, что Россия станет полноправным партнером европейских наций и даже займет ведущее положение. В России для этого давно уже созрели потенциальные духовные силы. Первая мировая война глубже и сильнее вводит Россию в водоворот мировой жизни. Философ пророчествовал: «Внешнее нашествие неметчины, угрожающее чести России, быть может, освободит нас от внутренней неметчины и поможет создать государственность, более согласную с идеями русского народа. Война, по его мнению, – очистительная сила» [2, с. 96].

Кроме того, русские религиозные философы верили, что война – это также и заслуженная кара, которую навлекла на себя европейская цивилизация приоритетом материальных благ над духовными ценностями.

В России Первая мировая война воспринималась как русско-германская, и даже более широко – как столкновение двух миров, славянского и германского. «Славянская идея должна быть осознана перед лицом грозной опасности германизма» [2, с. 116].

Помимо прочего, сказывались и экономические обстоятельства, необходимость освобождения внутреннего рынка России от «германского засилья», пересмотр русско-германского торгового договора, льготных условий и таможенных тарифов, полученных Германией после заключения Портсмутского мирного договора. Известие о германском «вызове» было встречено в торгово-финансовых кругах Петербурга с большим энтузиазмом, стало ясно, что настоящая борьба идет против унижительного германского гнета, который уже несколько десятилетий тяготел над Европой.

У публицистов-«веховцев» вызывал опасения сам факт «онемечивания» русской государственности и русской культуры. Н.А. Бердяев подчеркивал: «война мира славянского и мира германского не есть только столкновение вооруженных сил на полях битвы; она глубже, это – духовная война, борьба за господство разного духа в мире, столкновение и переплетение восточного и западного христианского мира» [2, с. 116]. «Война поставила на повестку дня задачу освобождения России от немецкого влияния». Многочисленные философские, религиозные и социальные теории, казалось, действительно погасили в нашем обществе русское национальное сознание, нашу православную веру. Антигерманская направленность в выступлениях, в публицистике и настроениях, переросшая в сле-

пую волну, стала приобретать массовый и опасный характер.

Изучая проблему взаимоотношений России и Германии, мыслители обсуждали более широкий и вечный для всех вопрос – «Россия и Европа», «Россия и Запад», всегда волновавший их умы. Одна группа считала, что грань между Россией и Европой перестала существовать после июля 1914 г. Другие, напротив, по-прежнему традиционно противопоставляли Россию и Европу.

Проблемой «Россия и Запад» в годы Первой мировой войны занимался Н.А. Бердяев. «Война, – полагал он, – должна освободить нас, русских, от рабского и подчиненного отношения к Германии, от нездорового, надрывного отношения к Западной Европе». Но, вместе с тем, особенности современной войны таковы, что «Россия станет окончательно Европой». Именно тогда она будет духовно самобытной и духовно независимой, а культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, то есть универсальной. Война, развязанная европейцами ради мирового господства, «поставит задачу выхода культуры из Европы в мировые пространства всей поверхности земного шара. Через ужас войны и зло колониальной политики, через борьбу рас и национальностей совершается объединение человечества и цивилизация всего земного шара» [2, с. 124]. «И если близится конец провинциально замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально замкнутой жизни России. Россия должна выйти в мировую ширь. Конец Европы будет выступлением России и славянской расы на арену всемирной истории, как определяющей духовной силы» [2, с. 126]. «Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству» [2, с. 27].

В оценке союзников, солидаризуясь с общественным мнением, Н.А. Бердяев откровенно симпатизировал Англии: «мировая борьба союзников с Германией есть борьба за историческое бытие и исторические ценности, а не борьба исключительных моральных качеств и прерогатив. Я хочу преобладания в мире России и Англии и ослабления мирового значения Германии... Я верю, что мировое преобладание России и Англии повысило бы ценности исторического бытия человечества, способствовало бы объединению Востока и Запада и дало бы простор всякому индивидуальному историческому существованию», – писал он в статье 1914 г. «О праве и справедливости в борьбе народов» [2, с. 193, 195]. «Английский империализм – мирный, не милитарный, культурно-экономический, торгово-морской. Нельзя отрицать империалистического дара и империалистического призвания английского народа. Можно сказать, что Англия имеет географически-империалистиче-

скую миссию. Миссия эта лежит не в сфере высшей духовной жизни, но она нужна во исполнение исторических судеб человечества» [2, с. 123]. Французов Н.А. Бердяев обвинял в том, что они «устали от катастроф, революций, войн, исканий и захотели спокойной, довольной жизни, замкнутого в себе мещанства, закрытого для всякого духовного движения... Мировая катастрофа, столь непосредственно грозная для Франции, будет кризисом и концом мещанских идеалов жизни, замкнутых в земное довольство... И Париж возродится к новой жизни» [2, с. 156–159].

По результатам публикаций и открытых выступлений по вопросам о взаимоотношениях России и Европы вновь возродился старый спор. Позицию славянофильства поддерживал В.В. Розанов. Н.А. Бердяев же считал: русское «возрождение не может быть возрождением славянофильства, оно будет концом и старого славянофильства и старого западничества, началом новой жизни и нового сознания» [2, с. 116].

Впоследствии Н.А. Бердяев, вернувшись к критике славянофильства, отмечал: «славянофильские, народнические или социал-демократические доктринерские схемы совершенно не приспособлены для новых событий мировой истории, ибо они выработаны для более простой и элементарной действительности» [2, с. 116]. Его поддержал Е.П. Белоусов, констатируя: сейчас положение в мире таково, что Россия не может «придерживаться» каких-то определенных взглядов, а должна «защищать интересы всех народов, а не только славян» [9, с. 12].

Философы, имея различное мнение о задачах России в войне, были объединены стремлением к победе страны в ней. Преобладающие тенденции русской публицистики в начале войны были урапобедоносными. Главным считалось победить врагов.

И если в начале Первой мировой войны взгляды философов были созвучны настроениям большинства населения страны, то по мере затягивания войны у мыслителей стали усиливаться разногласия в связи с непростой политической ситуацией в империи. Патриотические настроения философов не успевали за ходом военного противостояния, сменяемостью общественных мнений. Любая власть использует историю в своих интересах. Многие тезисы представителей религиозно-философской мысли не стали общенародными и оказались не востребованными значительной частью населения. В результате, именно практическая философия большевиков о войне за социальную справедливость оказалась созвучной чаяниям не только солдатско-пролетарских низов, но и немалой части образованных слоев российского населения, приведя, в конечном итоге, к заключению Брестского мира, по словам Ленина, «сепаратного и аннексистско-

го мира», мира самого тяжелого, угнетательского, зверского, позорного [1, т. 2, с. 223, 242] и началу Гражданской войны в России.

При этом философские взгляды русских религиозных мыслителей на Первую мировую войну и их духовные искания, связанные с войной, представляют несомненную ценность и сегодня, поскольку несут в себе глубокие идеи, выработанные в условиях предельных и пограничных, условиях экзистенциального выбора между жизнью и смертью, которые диктует человеку современная война.

Библиографический список

1. В.И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. – М., 1957.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.

3. Бердяев Н.А. Душа России. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1915. – 42 с.

4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Религиозный смысл в философии. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 695 с.

5. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1915. – 59 с.

6. Бердяев Н.А. Русское и европейское отношение к войне // Утро России. – М., 1916. – № 285 (13 октября).

7. Булгаков С.Н. Русские думы // Русская мысль. – Пг., 1914. – Кн. 12.

8. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. – Пг., 1914.

9. Белоусов Е.П. Германская идея и русский идеал: по поводу русско-германской войны 1914–1915 г. – Пг.: Типография В.М. Скворцова, 1916. – 19 с.

УДК 1:316 ; 94(470+571)

Коршунова Ольга Николаевна

доктор исторических наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет

felix_kor@mail.ru

Поливанов Ярослав Мстиславич

кандидат исторических наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет

jarik-zx@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБ УЧАСТИИ РОССИИ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ

Авторы статьи обращаются к проблеме адекватности восприятия прошлого в контексте истории войн, рассматривают пропагандистское противостояние и опыт осмысления уроков Первой мировой войны в СССР и Германии в 1920-е – 1930-е гг.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание мировая война, образы войны.

Тема исторической памяти ныне выходит за рамки академических дискуссий с их множественностью трактовок. «Жизнеспособность коллективной памяти видится в ее имманентной связи с осознанной памятью членов группы», – констатирует Л. Репина [5, с. 331]. Интерес современного общества к подлинности/идентичности, ее соотношению с памятью и историческим пониманием констатирует Аллан Мегилл. Между тем, пока исторические исследования вносили ясность в соотношение истории/подлинности – памяти, наблюдалось приближение к предполагаемым подлинностям, и важную роль в этом играет нарратив [2, с. 57]. Актуальность исследования критериев адекватности восприятия исторического прошлого определяется рядом обстоятельств. Одним из факторов, определяющих степень приближения представлений о прошлом истине, выступают процесс глобализации конца XX – начала XXI вв. и системный кризис современного индустриального человека, связанный с «расщеплением» личности на интеллектуальную и эмоциональную составляющую.

Историческая память обладает особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого, в итоге чего историческое знание трансформируется в формы мировоззренческого восприятия исторического опыта, фиксируется в фольклоре. Термин «память» ныне подвергается очевидной инфляции и в средствах массовой информации, и в научных изданиях. Это связано с особенностями взаимоотношений памяти и идентичности/подлинности. «Память – это образ прошлого, созданный субъективностью в настоящем. Она субъективна по определению и может быть нерациональной, непостоянной». История же стремится к объективности, универсальности, упорядоченности, обоснованности, хотя полностью таковой быть не может из-за моментов непостижимости и взаимодействия с субъективностью [3, т. 1, с. 59–60].

Распад универсальной картины мира приводит к кризису индивидуальной и групповой идентичности и появлению сонма групповых и субкультурных картин мира, – утверждает Н.А. Хренов. Эрозия традиционных ценностей имеет следстви-

ем распад коллективных ценностей, то есть распад идеологии продолжается в распаде психологии [7, с. 203–204]. Одним из проявлений подобного процесса служат перекосы и неадекватности в восприятии человеком исторического прошлого, в том числе эпопеи мировых войн. С другой стороны, восприятие прошлого детерминируется особенностями современного состояния российского общества. Современный транзит России чреват распадом предшествующей «усредненной» картины мира, характерной для большинства населения бывшего СССР и в той или иной мере объединявшей разные этнические, социальные группы, равно как и психологические, в нечто целое. И хотя процесс распада традиционных ценностей в информационном обществе неизбежен, манипулирование исторической памятью по знаковым проблемам истории представляется не менее, если не более, политизированным, чем в советское время.

Деформации памяти усугубляются активными попытками реабилитировать идеологию и практику фашизма, приписать ему цивилизаторскую роль. Подобные мифологемы – искажение исторической реальности и переписывание истории по конъюнктурным, сиюминутным соображениям – являются целенаправленной деконструкцией образов Второй мировой войны. В последние годы за рубежом и даже в России получил распространение тезис о том, что минувшая война была по своей сути противостоянием двух тоталитарных режимов, двух диктатур за мировое господство. При такой постановке вопроса вина за развязывание самой кровавой войны в истории возлагается и на Германию, и на СССР. Встречаются попытки вписать гитлеровский режим в координаты морали.

Тенденцией целого пласта публикаций конца 1980-х – 1990-х гг. стало появление сенсационных версий, ставивших под вопрос вину руководства фашистской Германии за развязывание войны. Это означало радикальный поворот в трактовке образа Германии, что породило всплеск дебатов в общественных и исторических кругах не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья. Дискуссионный режим обсуждения проблем, связанных с образами войны, активизировал исследования историков-профессионалов, в том числе по проблеме коллективной памяти о войне.

Коллективная историческая память упорядочивает фрагментированную повседневность. Ее контуры и приоритеты, трансформации определяются не только объективными процессами и ментальной спецификой. В её формировании вольно или невольно участвуют, помимо профессиональных политиков, публицисты и историки. Можно заключить, что историческая память – это конструкция, результат сознательного и бессознательного взаимодействия разнонаправленных факторов. В понятии «память» объединена совокупность пред-

ставлений о прошлом, которые в данный момент становятся доминирующими и образуют нечто вроде разделяемого большинством конструкта. Память предстает источником национальной идентичности, чувства причастности к конкретному социуму, который через общие представления и мифы узнает и позиционирует себя в общем прошлом и настоящем. В памяти о Великой Отечественной войне тесно связаны память народа и обобщенная реконструированная память, сконцентрированная в исторической и художественной литературе, телепрограммах, песнях, художественных фильмах. Отдельное место в ее формировании принадлежит СМИ и учебникам истории.

Историческое сознание охватывает и существенные, и случайные события, и систематизированную информацию (система образования), и неупорядоченную, порой хаотически неупорядоченную информацию. Случайная информация, в том числе по истории войны, часто опосредована культурой окружающих человека людей, в какой-то мере традициями и обычаями, которые несут в себе представления о жизни народа и страны. Историческая память представляет собой определенным образом сфокусированное сознание, отражающее значимость информации о прошлом в ее связи с настоящим и будущим. Историческая память избирательна, акцентируя внимание на одних исторических событиях и игнорируя другие. Она нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных личностей формируются впечатления и нравственные ценности.

В отличие от индивидуальной истории в реконструированной коллективной памяти факты, события и процессы выступают в осмысленной, систематизированной форме. Поэтому бытующая память о войне являет собой весьма противоречивый комплекс истинных и ложных знаний, понятий и образов.

Особым сюжетом состояния исторической памяти служит умножение этнополитических границ: распад Советского Союза имел следствием и множественность трактовок истории мировых войн, прежде всего Второй мировой войны.

Образы Великой Отечественной войны представляют собой обобщенное отражение действительности, формируемое пропагандой враждующих сторон, чувственно-рациональное воспроизведение прошлого, структурно перекликающееся с историческим нарративом. В научной литературе утвердились понятия образов Германии, фашизма, врага, образ Родины, народа, Победы, изучение которых с современных методологических позиций только начинается.

Если история и ход военного противостояния в годы войны изучены достаточно детально, то история и содержание пропагандистского противостояния, пропаганды, как механизма формирования

исторических образов, мифов и идеологием войны, либо изучены недостаточно, либо клишированы. Между тем именно пропаганда противоборствующих или готовившихся к противоборству сторон заложила традицию конструирования образов врага, включая потенциального, и Отечества [1, с. 48–54].

Содержание образа врага обусловлено спецификой и историей межгосударственных отношений в предыдущие периоды. Представляется обоснованным предположить, что с учётом памяти о Первой мировой войне образ Германии как потенциального противника был в СССР к 1939 г. уже сконструирован, и влияние на него пакта Молотова – Риббентропа не было столь существенным. Наиболее негативным следствием подписания этого документа стало отсутствие последовательной, целенаправленной разъяснительной пропагандистской работы. Это дезориентировало массовое сознание, негативные последствия чего усугублялись слабостью материально-технической базы советской агитационной машины. Нельзя не упомянуть и тот факт, что на момент нападения 22 июня 1941 г. Германия уже несколько лет находилась в состоянии войны и её пропагандистские технологии были в полной мере отлажены, а ведомство Геббельса было мобилизовано на военные нужды.

Существенную роль в противостоянии пропагандистских структур сыграл сознательный отказ советского руководства в 1920–1930 гг. от изучения опыта Первой мировой войны. В результате советская пропаганда, для которой опыт недавнего военного прошлого был табу, подчинилась установке на тотальный пересмотр истории России. Итог: в начале Великой Отечественной войны приходилось начинать с чистого листа.

О неутешительности итогов пропагандистской работы имперских служб в 1914–1917 гг. с их главным лозунгом о защите сербов от притязаний австро-венгерской короны в предвоенное время свидетельствует генерал А.А. Брусилов. Анализ неудач царской армии в годы Первой мировой войны позволил ему заключить: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя». Одним из итогов такой информационной политики, точнее её отсутствия, можно считать полностью распропагандированную армию в канун революции.

Большевики же отводили войне идей принципиальную, если не главенствующую роль, и политической пропаганде в СССР уделялось в 1920-е – 1930-е гг. большое внимание. Однако в сюжетах советских пропагандистских кампаний 1930-х гг. существовал пробел – анализ уроков Первой мировой войны. В то же время германская пропаганда межвоенного периода продолжала педалировать хорошо обкатанные ранее установки. В конечном счёте, идеология кайзеровской Германии – «*Mitteleuropa*» – вполне подходила и для Третьего Рейха. Гитлер лишь отформатировал её в соответствии с национал-социалистическими догмами, не забывая упоминать о праве Германии на реванш за проигранную войну. Наглядным примером преемственности политики Второго и Третьего рейха по формированию общественного мнения является сюжет, описанный А.Н. Уткиным. Автор приводит обращение к солдатам командира 3-й немецкой армии генерала фон Айнема после окончания боевых действий: «Непобеждённые, вы окончили войну на территории противника». Легенда начала свою жизнь, чтобы лелеять идеи реванша, – заключает автор упомянутой книги. Действительно, Веймарское правительство не было склонно к раздуванию подобных настроений, но несостоятельность версальской системы была очевидна. Любый немецкий политик, строивший свою линию на обвинении «Веймарского правительства» в предательстве, был запрограммирован на успех.

Можно заключить, что Первая мировая война для политтехнологов Третьего рейха являлась одним из центральных сюжетов. В то же время советская сторона пренебрегала осмыслением своего недавнего военно-исторического прошлого, акцентируя внимание на значении завоеваний Октября 1917 года. Идеологема сыграла положительную роль в Гражданской войне, но оказалось бесполезной в ходе подготовки к войне 1941–1945 гг. [4, с. 262–271].

И в канун войны, и на протяжении военных лет образ Германии формировался при четком разграничении образов немецкого народа, с одной стороны, и правящей верхушки Германии – с другой. В таком ракурсе очевиден гуманистический аспект советских образов войны. Факторами складывания и эволюции образов войны в 1941–1945 гг. были: обстановка на фронтах, степень критичности ситуации 1941–1942 гг., объективно гуманистическая миссия СССР во Второй мировой войне, масштаб людских и материальных жертв, мобильность пропагандистских структур, размах использования культурно-пропагандистских средств, включая кинофотоматериалы, степень их адекватности реальной обстановке.

Проблема и угроза фальсификации истории в современном мире встроена в контекст исторических факторов политического развития. По-

зицию нерешительной диалектики (принцип нерешительности) отстаивает американский историк, профессор университета Вирджинии Алан Мегилл. Предлагая свои контуры исторического мышления, автор монографии по исторической эпистемологии отстаивает постулат о том, что истинный историк «счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками и утверждениями» [2, с. 72]. История, по версии мэтра, состоит и в рассказе, и в памяти о прошедшем. Память, как часть коллективного бессознательного, сама по себе обрекает историка на риск фальсификации.

Использование комплекса исторических источников, включая визуальные и аудиозаписи, кинохронику, позволяет приблизиться к подлинности содержания эпопеи борьбы народов антифашистской коалиции, в первую очередь советского народа, против фашизма с его попыткой установить «новый порядок» в мире. Думаем, что наряду с новыми публикациями в контексте поиска «белых пятен», автобиографий важно не оставлять «за кадром» публикации советские, мемуары участников войны, которые вызывают к новому прочтению.

УДК 336.22 ; 94(470+571)

Библиографический список

1. Корицунова О.Н., Поливанов Я.М. Фальсификация образов Великой Отечественной войны: к проблеме формирования коллективной исторической памяти // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 48–54.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. – 480с.
3. Мегилл А. История, память, подлинность // Историческая память и диалог культур. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. – С. 55–61.
4. Поливанов Я.М. Историческая память о Первой мировой войне: к истории советской пропаганды (1920–1930-е гг.) // Историческая память и диалог культур. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. – Т. 1. – С. 262–271.
5. Репина Л.П. Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – С. 321–360.
6. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОСПЭН, 2006. – 288 с.
7. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448с.

Околотин Владимир Сергеевич

кандидат исторических наук

Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
okolotin.vladimir@yandex.ru

ПРАКТИКА САМООБЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1927–1928 ГОДАХ (на материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний)

Статья посвящена изучению проблем, возникших при формировании доходной части государственного и местного бюджетов в процессе перехода от нэпа к плановой экономике. Для этого рассмотрены особенности практики по самообложению сельского населения в Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях. Ее изучение позволяет утверждать, что полученные в ходе реализации данной кампании результаты значительно отличались от предусмотренных центром. Население болезненно отреагировало на изменения в налоговом законодательстве и пыталось противодействовать их проведению. В совокупности с другими обстоятельствами это послужило Наркомфину СССР основанием для пересмотра ставок самообложения в сторону понижения.

Ключевые слова: плановая экономика, государственный и местный бюджеты, самообложение, низкая эффективность, недоимка, принудительные меры, недовольство населения, снижение налоговой ставки.

Переход от нэпа к плановой экономике в области финансов сопровождался обострением двух наиболее важных для того времени проблем. Первая нашла проявление в стремлении центра замкнуть на себя значительную часть доходных источников, ранее закрепленных за местами. Вторая являлась следствием первой и усиливалась увеличением бюджетных расходов на экономическое и социальное развитие губерний. В частности, расходы бюджета РСФСР на развитие народного хозяйства республики в 1927/28 гг. по сравнению с 1926/27 г. выросли на 17,8%, а социальные нужды – на 15,4%. В то же время из-за изъятия НКФ СССР части по-

ступлений от гербового сбора (20%) сократилась налогооблагаемая база республиканского бюджета. В этой связи проект бюджета на 1927/28 г. коллегией НКФ РСФСР был назван предельным, и она была вынуждена констатировать о необходимости увеличения на 5% налогообложение на душу населения [16, л. 125–129].

Уже к январю 1928 г. его исполнение натолкнулось на ряд непредвиденных ранее обстоятельств, связанных с неутешительным ходом хлебозаготовительной кампании. В совершенно секретном циркуляре на места нарком финансов РСФСР Н. Милютин отнес к ним явления «не сезонного характера, а порядка экономического, как результат

диспропорции между платежеспособным спросом крестьянства и снабжением деревни промышленными товарами». Для их преодоления, утверждал он, кроме ряда административных мер, необходимо некоторое повышение налоговых платежей для крестьянского населения. Поскольку сейчас невозможно идти на введение нового закона, повышающего обложение крестьян, он решительно настаивал «на оживлении и всемерном развитии самыми быстрыми темпами кампании по самообложению крестьянского населения для нужд местного бюджета». При этом величина самообложения, по его словам, могла составлять 50% к сумме сельхозналога. Одновременно он рекомендовал финорганам «всячески сдерживать бюджетные расходы» и депонировать средства, поступающие по самообложению с отсрочкой их использования по назначению на срок от 2-х до 3-х месяцев. Более того, он потребовал от них в течение второго квартала накопить на счетах денежные средства, «дабы была возможность по линии денежного обращения изъять в этом квартале большую сумму» [16, л. 242–244].

При этом следует напомнить, что самообложение – это одна из форм привлечения средств сельского населения на финансирование хозяйственного и культурного строительства в деревне. Закон «О самообложении» был принят 29 августа 1924 г. и первоначально в его основу был положен уравнительный принцип [14]. 24 августа 1927 г. в целях использования самообложения в качестве метода экономического нажима на зажиточных крестьян ЦИК и СНК СССР приняли новое постановление «О самообложении» [15]. Самообложение было обязательно для всего сельского населения. Определялись объекты, на которые можно было использовать средства, собранные по самообложению. Оно допускалось в денежной и натуральной форме, а также в виде трудового участия и не должно было превышать 35% единого сельскохозяйственного налога (далее – ЕСНХ) [13, с. 705]. Постановлением от 7 января 1928 г. и изданными в его дополнение и изменение особыми постановлениями от 27 января и 13 февраля ВЦИК и СНК РСФСР конкретизировал порядок самообложения сельского населения на общественные, культурные и хозяйственные нужды.

О том, какие меры предпринимались финорганами Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, вошедших в состав Ивановской промышленной области в 1929 г., для выполнения означенных директив, свидетельствуют архивные документы. Так, 13 января 1928 г. на заседании президиума Костромского губисполкома на основании постановления ЦИК и СНК СССР [12] и доклада завгубфо Карпуничева было принято постановление «О самообложении на 1927/28 бюджетный год и порядке его проведения». Постановлением был определен

предельный размер самообложения на 1927/28 бюджетный год в объеме 35% от суммы ЕСНХ [7, л. 253–254]. Всего по губернии предполагалось собрать 665 тыс. руб. Их предстояло потратить: на народное образование – 250 тыс. руб. (37,5%), на здравоохранение – 102 тыс. руб. (15,3%), на дорожное строительство – 150 тыс. руб. (22,6%), на противопожарные мероприятия – 50 тыс. руб. (7,5%), на социальное обеспечение – 34,5 тыс. руб. (5,3%) и на сельское хозяйство – 78,5 тыс. руб. (11,8%) [7, л. 256]. Прием денег и натуре по самообложению, а также наблюдение за трудовым участием было возложено на сельские советы. По истечении срока уплаты, платежи по самообложению переходили в недоимку и подлежали взысканию в принудительном порядке с начислением пени в размере 0,2% за каждый день просрочки. Более того, в недельный срок с момента истечения срока уплаты сельсоветам предписывалось производить у неплательщиков опись имущества, а наиболее злостных предавать суду. Денежные средства, собранные по самообложению, сельсоветам предписывалось хранить на счете в трудовых сберегательных кассах, кредитных товариществах или в подразделениях Госбанка. Учет самообложения осуществлялся уездным финотделом отдельно по каждой волости и в целом по уезду [7, л. 258–259].

Однако средства по самообложению поступали очень медленно. Так, в ответ на телеграмму из ВЦИК РСФСР за подписью А.С. Киселева губисполком по состоянию на 15 марта 1928 г. сообщил, что из оформленной на крестьянских сходах губернии суммы в 220 тыс. 995 руб. поступило лишь 12 тыс. 048 руб. [7, л. 277, 274]. Для активизации данной работы из губисполкома и губкома ВКП(б) на места были посланы уполномоченные, даны жесткие директивы о выполнении заданий в установленные сроки и «объявлена решительная борьба с халатностью и инертностью вплоть до привлечения виновных к суду» [7, л. 278]. Несмотря на это, 22 марта 1928 г. зампред СНК РСФСР А.П. Смирнов в телеграмме в адрес Костромского губисполкома назвал работу по самообложению в губернии неразвернутой и призвал ее организовать так, чтобы собрать оформленные на сходах суммы до начала полевых работ [7, л. 279].

Однако были и другие примеры в этой работе. В частности, Буйский уисполком на основании волеизъявления некоторых сельских сходов вынес постановление о повышении предельного размера самообложения для Молвитинской и Головинской волостей до 45%, а для Коровинской и Ликургской до 40% от суммы ЕСНХ. В свою очередь, губфинотдел признал такую практику не противоречащей указаниям ВЦИК и предположил, что данный «процент может быть повышен сходами и более 40–45% с последующим утверждением уиком и гиком» [7, л. 281–282].

Аналогичная практика имела место и в Ярославской губернии. Так, на заседании президиума губисполкома 4 мая 1928 г. было утверждено решение общего собрания жителей д. Фефелово Мологского уезда о проведении самообложения в размере 70% от сельхозналога [8, л. 5]. 29 мая вновь рассматривалось ходатайство Мологского уисполкома об утверждении размера самообложения для деревень Судьбища, Панкратово и Щетинка Парфеньевской волости в количестве 263%, 203% и 67% соответственно. Любопытно, но губисполком не поддержал желание селян д. Судьбища и Панкратово и принял решение допустить самообложение максимум в размере до 100% к сельхозналогу [9, л. 188]. В одном из секретных документов, направленных в губисполком в июле 1928 г., губпрокурор К.М. Андреев назвал «уродливыми формами» решения жителей о самообложении в размере 70–80% к сельхозналогу, а по отдельным селениям до 600%, а также информировал о фактах «искривления классовой линии». В частности, в документе говорилось, что такие решения принимались крестьянами на сельских сходах под воздействием уездных работников. Им не разъяснялась цель самообложения, в некоторых случаях сообщалось, что «если крестьяне не согласятся на самообложение, то с будущего сезона школы работать не будут». За допущенные нарушения при проведении самообложения по губернии было привлечено к уголовной ответственности 5 должностных лиц и 14 – к дисциплинарной. Вследствие таких ненормальностей, по мнению губпрокурора, данная кампания не дала должного эффекта, а в некоторых деревнях вопрос о самообложении до сих пор еще не обсуждался [10, л. 656 об].

В поисках защиты от неправомερных действий со стороны местных органов власти многие сельские жители обращались с жалобами не только в различные губернские инстанции, но и во ВЦИК РСФСР. Так, житель Александровского сельсовета Рыбинского уика Ярославской губернии В.М. Родионов с жалобой на непосильное самообложение в августе 1928 года добился личного приема у председателя ВЦИК М.И. Калинина. В ходе разбирательства выяснилось, что В.М. Родионов сельским хозяйством не занимается, проживает в деревянном доме, его семья состоит из 5-ти человек и заработок он получает от работы по найму в артели кустарей по колдоговору. Согласно утверждению губфинотдела, за отсутствием каких-либо доходов от сельского хозяйства В.М. Родионов мог быть привлечен к самообложению лишь в размере 3-х паев (пай законодательно был установлен в размере 40 коп.) или в сумме 1 руб. 20 коп, но не в объеме 240 руб., как ему было первоначально предложено. В связи с этим Рыбинскому уфо было предложено привлечь В.М. Родионова к самообложению в размере 1 руб. 20 коп, о чем 21 сентя-

бря 1928 года во ВЦИК РСФСР был дан ответ [11, л. 37–38].

Как свидетельствуют архивные документы, практика принятия повышенных ставок самообложения продолжала существовать и в дальнейшем. В частности, 1 сентября 1928 г. президиум губисполкома принял решение согласиться с постановлением общих собраний жителей деревень Чириха, Местилово и Дмитриевское Миклязенской волости Угличского уезда о повышении самообложения до 50%, а д. Лысково – до 60% к сумме сельхозналога [9, л. 295].

Организация проведения самообложения во Владимирской губернии была начата лишь в феврале 1928 г. (по другим данным – в конце января). На заседании президиума губисполкома от 2 февраля 1928 г. был установлен предельный размер самообложения сельского населения в размере 35% от общей суммы сельхозналога, причитающегося со всех хозяйств данного селения в текущем окладном году. Повышение размера самообложения для отдельных волостей допускалось только на основе мотивированных ходатайств уисполкомов с учетом их экономических условий [1, л. 22]. Работа на местах осуществлялась на основании инструкции, разработанной губисполкомом, а в волости для проведения пленумов вигов и инструктажа председателей сельсоветов были направлены уполномоченные из уездных исполкомов. Окончание подготовительных работ планировалось к 1 марта, однако по ряду причин массовый созыв сельских сходов начался лишь во второй половине марта. Такая «медлительность» с развертыванием кампании по самообложению вызвала недовольство центра. 26 марта 1928 г. в губисполком поступила телеграмма за подписью зампреда СНК РСФСР А.П. Смирнова, где указывалось на недопустимость дальнейшей задержки развертывания кампании по самообложению и требование полного сбора «оформленных в сходах сумм» к началу полевых работ. Однако губисполком привел ряд убедительных аргументов в защиту отсрочки кампании. Среди них: «Владимирская губерния является потребляющей с небольшой товарностью сельскохозяйственной продукции», наличие у основной массы крестьян неземледельческих заработков и необходимость «немедленного взыскания недоимок по сельхозналогу, окладному страхованию и задолженности крестьян земорганам за землеустройство, а также проведении кампании по реализации займа укрепления крестьянского хозяйства» и др. Во избежание срыва перечисленных мероприятий, губисполком намеренно не форсировал кампанию по самообложению. Не было в этом и необходимости, поскольку «по сообщениям уфо, население относится к самообложению сочувственно и есть все основания надеяться на завершение кампании в ближайшие дни» [2, л. 30].

Оценивая архивные материалы, следует сказать, что сельское население действительно с сочувствием отнеслось к инициативе органов власти по изысканию дополнительных источников для строительства на селе школ, больниц и дорог, организации агрономических и ветеринарных пунктов. Содержание различных ходатайств в губисполком свидетельствует о том, что ряд селений и волостей принимали решения о повышении предельного размера самообложения от 50 (Арефинская волость Муромского уезда) до 70 (Овчининская волость Александровского уезда) и более процентов [2, л. 28, 41]. Однако в «Тезисах доклада о ходе кампании по самообложению», подготовленном по состоянию на середину июня 1928 г., уже говорилось о различных недочетах на местах, сдерживавших проведение кампании. Среди них – «недостаточное усвоение некоторыми низовыми работниками сущности закона о самообложении, техники его проведения и общее опоздание с развертыванием кампании (по части селений сельские сходы не проведены до настоящего времени)». Из общего количества средств в размере 754 тыс. 989 руб., оформленных сельскими сходами по самообложению, на 15 июня 1928 года поступило всего лишь 115 тыс. 196 руб. или 15,2% от общего количества [3, л. 238–238 об.]. По итогам года выйти на запланированную сумму также не удалось. Всего в 1927/28 г. во Владимирской губернии поступило по самообложению 478 тыс. руб. или 62,5% [4, л. 383 об.].

Кампания по проведению самообложения на территории Иваново-Вознесенской губернии началась несколько позже. Только 16 марта 1928 г. на заседании президиума губисполкома были утверждены порядок и сроки ее проведения. Кампанию было решено начать не позднее 1 апреля, охватить ею все селения губернии и завершить к 1 мая. Однако в дальнейшем предельные сроки уплаты взносов были скорректированы: для зажиточной части деревни – до 1 июня, для остальных крестьян – до 15 июля. Взносы с населения, согласно постановлению СНК, определялись в размере 35% от оклада по сельхозналогу. Плановая сумма по губернии составила 814 тыс. руб. Наибольшую нагрузку по самообложению несли следующие уезды: Кинешемский – 120 тыс. руб., Шуйский – 151 тыс. руб., Юрьеvecкий – 145 тыс. руб. и Юрьев-Польский – 116 тыс. руб. Планы по другим уездам выглядели скромнее и составляли: по Иваново-Вознесенскому – 53 тыс. руб., Середскому – 51 тыс. руб., Макарьевскому – 41 тыс. руб., а по Родниковскому и Вичужскому районам – 25 и 44 тыс. руб. соответственно. При раскладке самообложения было решено привлечь частных торговцев, промышленников и кустарей с наемными рабочими к участию в самообложении по совокупности уплачиваемых ими всех налогов (сельхозналога, промналога и подоходного) с местными надбавками [5, л. 63 об.].

Согласно архивным документам, при проведении кампании по самообложению имел место целый ряд отрицательных проявлений. Среди них: срыв собраний по вопросам самообложения, отказ от его проведения, слабая подготовка низового аппарата и т.д. В ряде случаев работники сельских советов даже настраивали местное население на его игнорирование. Так, на собрании бедноты Макарьевского сельсовета Тейковского уезда член сельсовета Титов выступил против проведения самообложения. «Это не самообложение, а принудительная разверстка, – говорил он, – нам только втирают очки». Другой член этого же сельсовета Орлов, бывший член ВКП(б), заявил на собрании следующее: «самообложение мужику хомут. Я буду отстаивать, чтобы его не принимать. Единый сельхозналог стал мал, начали брать и другие налоги, самообложение так, как его хотят проводить, для нас неприемлемо. Классовый подход правительства в таком деле до добра не доведет». На собрании жителей Соболевского сельсовета того же уезда выступил его бывший председатель и член Тейковского вика Локатунин: «Коммунисты начинают давить крестьянство. Для отвода глаз выпустили манифест о снижении сельхозналога, а сами взваливают еще больший налог. Самостоятельное крестьянство зажимается в кулак и дается льгота только одним лодырям. Необходимо во что бы то ни стало этот вопрос провалить, надо всем объединиться и дать отпор». В результате, как следует из секретной информационной сводки губкома ВКП(б), никакого решения по вопросу о самообложении собрание не вынесло. В той же сводке содержится вполне емкое высказывание зажиточного крестьянина Смелова из д. Панино Макарьевского уезда, который в беседе с односельчанами сказал: «Пусть что хотят, то и делают, а на самообложение ни копейки не дам, это не что иное, как вымогательство. Налог единый, но в трех лицах: Бог-отец – сельхозналог, бог-сын – облигация, бог – дух святой – самообложение. Хвастливым манифестом скинули налог, а смиренным распоряжением накинуду» [6, л. 171 об.].

Наряду с негативным отношением к самообложению были факты, когда крестьяне охотно принимали его, увеличивая по собственной инициативе размер взносов. В д. Шишово Валовской волости Юрьеvecкого уезда крестьяне обложили себя вместо 48 руб. по 280 руб. и постановили принять дополнительно трудовое участие. Общее представление о ходе кампании по самообложению можно получить из неполных данных, представленных в губфинотдел 21 мая 1928 г. и отраженных в таблице 1.

Согласно таблице число селений, не принявших самообложение, варьировалось примерно от 10% до 20%, около 70% его приняли, остальные собрания еще не проводили. Общая сумма, принятая селениями к контрольной сумме налогоо-

Таблица 1

Результаты самообложения сельского населения в уездах Иваново-Вознесенской губернии

Название уездов	Всего селений	Кол-во селений, принявших самообложение	% к общему количеству селений	Кол-во селений, отказавшихся от самообложения	Контрольная сумма (в тыс. руб.)	Сумма, принятая на сходах (в руб.)	% к контрольной сумме
Шуйский	1189	1126	94	43	151	109 337	72
Ивановский	338	275	81	63	53	33 888	64
Юрьевецкий	1707	1303	76	147	146	112 067	77
Кинешемский	1187	826	70	59	120	109 899	92
Тейковский	407	264	65	22	66	40 618	62
Макарьевский	363	204	56	3	41	17234	42
Юрьев-Польский	402	226	56	44	116	66 252	57
Середский	352	186	53	35	51	28 621	56
Родниковский район	197	64	43	61	26	13 549	52
Вичугский район	305	98	32	13	44	9270	22

бложения, составила 66%. Сведения о том, какая сумма была собрана деньгами, в губфинотделе отсутствовали. Неполные данные имелись лишь по Шуйскому уезду, где было собрано деньгами 9 тыс. 105 руб. (8% к сумме, принятой на общих сходах) и Тейковскому уезду – 2 тыс. руб. или 5% к сумме, принятой на сходах [6, л. 172 об.].

По отчетным данным губфинотдела, на 15 июля (предельный срок уплаты взносов) поступило лишь 7% принятой сходами суммы. В некоторых уездах самообложение приняло преимущественно форму трудового участия. В итоге самообложение было выполнено на 70%. В результате итоги кампании по самообложению губисполком признал недостаточными. Для исправления положения органам власти на местах было предписано «приступить к применению принудительных мер взысканий недоимок по самообложению в виде начисления пени в размере 0,2% за день просрочки для крестьянских хозяйств и 0,3% с лиц, имеющих торговые и промышленные предприятия». Одновременно губисполком принял решение послать в волости ответственных лиц для работы по усилению сбора средств по самообложению и ликвидации недоимочности. Работников низового советского аппарата, не проявивших в проведении кампании должной инициативы и энергии, предлагалось подвергнуть дисциплинарным взысканиям. Ответственность за активизацию кампании была возложена на председателей уисполкомов и риков, а сроки кампании продлены до 1 августа. К этому сроку ситуацию удалось несколько исправить, но не настолько, чтобы говорить об успешности ее проведения. Самообложение было выполнено лишь на 78%, подавляющая его часть была проведена в форме трудового участия [6, л. 237–238].

Таким образом, практика самообложения сельского населения в 1927–1928 гг. имела самые различные проявления. Она сопровождалась переходом от уравнительного к классовому принципу ее проведения. В этой практике повсеместно пере-

плетались как формы административного воздействия на сельское население, соответствующего противодействия ему, так и стремление селян действительно разрешить существующие перед ними проблемы социального характера. Однако это стремление население пыталось реализовать в форме трудового участия, признавая его наиболее действенным способом. В целом практика самообложения в губерниях свидетельствовала о повсеместных затруднениях при взыскании денежных платежей. Поступившие средства были ничтожно малы и вряд ли могли решать задачу, поставленную наркомфином РСФСР Н. Милутиным. Вероятно, осознали это и в центре. Своим постановлением «О порядке самообложения в 1928/29 г.» от 4 октября 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР снизил ставку самообложения с 35% до 25% от ЕСНХ. В отличие от предшествующих, оно не подлежало опубликованию и было доведено до мест соответствующей директивой [7, л. 309–312].

Библиографический список

1. ГАВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1434.
2. ГАВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1344.
3. ГАВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1439.
4. ГАВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1568.
5. ГАИО. – ФП. 2. – Оп. 1. – Д. 2649.
6. ГАИО. – ФП. 2. – Оп. 1. – Д. 2559.
7. ГАКО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 384.
8. ГАЯО. – Ф. 1431. – Оп. 2. – Д. 211.
9. ГАЯО. – Ф. 1431. – Оп. 1. – Д. 1350.
10. ГАЯО. – Ф. 1431. – Оп. 6. – Д. 52.
11. ГАЯО. – Ф. 1431. – Оп. 1. – Д. 1297.
12. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1928. – 8 января.
13. Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. / под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Материк, 2000. – Т. 4.
14. СЗ СССР. – 1924. – № 6. – Ст. 69.
15. СЗ СССР. – 1927. – № 51. – Ст. 509.
16. ЦГАМО. – Ф. 2170. – Оп. 16. – Д. 136.

ПРИЧИНЫ И ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ В СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей)

Статья посвящена основным причинам и процессу организации Костромского и Ярославского музеев-заповедников. Данная проблема рассматривается на региональном уровне в рамках общей тенденции развития музеев-заповедников СССР.

Ключевые слова: музей, музей-заповедник, музейное объединение, музейное дело, памятники.

Музей-заповедник – это группа музеев под открытым небом, созданных на основе музеефикации территорий и недвижимых объектов культурного и природного наследия, получивших ввиду особой ценности соответствующий статус. Первые музеи-заповедники в нашей стране были созданы в 1950–1960-е гг. и сейчас их насчитывается более 90. В целом они объединяют в себя несколько сотен музеев различного профиля [18, т. 1, с. 393].

Однако музеи-заповедники создавались не в один день. Этому предшествовал сложный процесс организации, присоединения и выделения филиалов, переезды целых музеев в другие здания, реставрация памятников архитектуры и др. На примере Костромской и Ярославской областей попробуем понять, в чем состояла сложность этого процесса, выяснить причины и рассмотреть сам процесс создания музеев-заповедников.

К концу 1950-х гг., как отмечает В.И. Златоустова в своей работе «Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.)», значительно возрос интерес и внимание к вопросам охраны и использования памятников истории и культуры. Этому способствовал процесс демократизации, начавшийся с 1953 г., туристическое движение, интерес к отечественной культуре, истории, природе [13, с. 254].

С конца 1950-х гг. активно развивается и международный туризм. Иностранных туристов привлекали, в первую очередь, древнерусские города с ценными архитектурными памятниками. Состояние этих памятников, давно не подвергавшихся реставрации, оставляло желать лучшего. Во многих зданиях размещались различные организации и жилые квартиры [11, л. 119–120]. Реставрация была необходима, чтобы иностранным туристам показать совершенство советского строя, которому не чужды культурные ценности. Поэтому в целях сохранения памятников в городах с богатым историческим прошлым создавались историко-архитектурные музеи-заповедники.

29 июня 1957 г. Советом Министров РСФСР было принято постановление «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР», по которому Министерству культуры и местным исполкомам предписывалось в течение

1957 г. разработать и утвердить мероприятия, обеспечивающие широкий показ, популяризацию и обеспечение сохранности и реставрации ценнейших памятников культуры. Кроме того, требовалось повысить в этом деле роль музеев [16, с. 133–134].

Следствием этого постановления явились решения об организации в стране на базе существующих музеев и архитектурных памятников первых музеев-заповедников, в том числе Костромского и Ярославского. Так, 30 августа 1958 г. на базе бывшего Ипатьевского монастыря в г. Костроме и областного краеведческого музея был организован Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. А 28 февраля 1959 г. – Ярославско-Ростовский (на базе музеев и памятников городов Ярославля и Ростова) [16, с. 136–137].

В советское время музеи рассматривались как одно из средств идеологического воспитания. Материал экспозиций должен был отражать не просто историю страны, а в обязательном порядке историю советского общества, компартии и современный этап коммунистического строительства в СССР [17, с. 81–82]. Но не во всех музеях имелись полноценные отделы по истории советского общества, а где-то таких отделов не было вообще [17, с. 83].

Для лучшего контроля над культурно-просветительской работой музеев требовалась централизация управления. Для этой цели как раз подходили организации музеев-заповедников, руководство которых могло бы и контролировать работу своих филиалов (бывших самостоятельных музеев), могло бы оказывать им практическую помощь в случае отставания их от плана.

Действительно, после создания заповедников участились поездки их сотрудников в районные музеи с целью оказания помощи, несмотря на то, что большая часть музеев не являлась филиалами [4, л. 25–26]. Оказание методической и практической помощи осуществлялось ежегодно. В 1970-х гг. музеи-заповедники дополнительно стали проводить для всех работников музеев области двухнедельные, как бы сейчас назвали, курсы по повышению квалификации [6, л. 15–16].

Изменившаяся после смерти Сталина (1953 г.) и после разоблачения и осуждения культа лично-

сти на XX съезде КПСС (1956 г.) политическая обстановка в стране отразилась на музейном деле. В первую очередь, это сказалось на построении экспозиций и научно-просветительской работе. Была сделана попытка изменить характер руководства музеями, предоставляя им самостоятельность, в частности, в вопросе выбора их профиля [13, с. 249–250].

Профилирование музеев было проведено приказом Министерства культуры РСФСР от 28 февраля 1958 г. «Об уточнении профиля районных краеведческих музеев». Для чего сотрудники областного музея совершали выезды в районы и выясняли состав коллекций, условия экспонирования, наличие и особенности памятников архитектуры и т.д. В перспективе для некоторых из музеев это открывало путь к новому статусу историко-художественных, или, при условии расположения в архитектурных ансамблях, историко-архитектурных музеев-заповедников [1].

Инициатива создания заповедников официально исходила от Управления культуры обкомов и облисполкомов партии. Еще в апреле 1958 г. в целях сохранения ансамбля бывшего Ипатьевского монастыря костромской обком партии просил Совмин РСФСР включить монастырь в число музейно-исторических заповедников страны, и просил средства на реставрационные работы [11, л. 119–120]. Впрочем, первый директор Ярославско-Ростовского музея-заповедника М.Г. Мейерович вспоминает, что инициатива исходила от руководства областного музея при поддержке областного отдела культуры [15, с. 21].

Не просто было получить разрешение на создание заповедника. М.Г. Мейерович пишет, что на последнем этапе по прохождению длинного бюрократического пути согласования проекта требовалось получить визу в Министерстве финансов. На этом этапе к министру обычно ходили первые секретари обкомов, входившие в Верховный Совет СССР и имевшие определенное влияние. Ярославлю сначала отказали в создании музея-заповедника, поскольку к министру отправили самого Михаила Германовича (на тот момент – заместителя директора музея). Все же, несколькими месяцами позже, он с помощью областного начальства смог получить это разрешение [15, с. 20–21].

После утверждения проекта заповедника начались организационные трудности. Для Костромского и Ярославско-Ростовского музеев-заповедников встала проблема переезда в здания бывших монастырей. В Ярославле – в Спаса-Преображенский, в Костроме – в Ипатьевский. И оба переезда были связаны со своими неудобствами: строительными работами, с переселением жильцов из этих памятников.

Костромской музей-заповедник переместился в бывший Ипатьевский монастырь не сразу. На-

чиная с 1959 г. приходилось постепенно отвоевывать площади у жильцов и перевозить в них часть экспонатов из Романовского музея. Но реставрационные работы шли медленно. Только с 1 января 1967 г. музей-заповедник полностью перевели в монастырь. Таким образом, переезд длился 8 лет, в течение которых было переселено более 200 семей [12, л. 46].

В Ярославле переезд музея-заповедника осуществился намного быстрее, но не без затруднений. С помещением ему повезло несколько больше. Спаса-Преображенский монастырь был частично отреставрирован для «постоянно действующей народнохозяйственной выставки». Выставка просуществовала чуть больше года и осенью 1959 г. была ликвидирована [15, с. 22–23].

В 1960 г. Ярославль отмечал 950-летие. Необходимо было в короткий срок перевезти все фонды и организовать к празднику выставку [20, л. 29]. Переезд был совершен наспех, непродуманно. Часть фондов была утеряна, какие-то экспонаты испортились [21, л. 16, 26]. Пока решались вопросы о теплофикации и вентиляционной системе, все фонды были свалены в одном зале, что мешало быстрому поиску экспонатов для выставок [21, л. 27–28]. Несмотря на трудный переезд Ярославско-Ростовский музей-заповедник смог, хотя и с опозданием, организовать выставку к 950-летию Ярославля [21, л. 36, 46].

Создание в Ярославле музея-заповедника, как совершенно новой формы организации музейного дела, вызвало неоднозначную реакцию у музейных сотрудников. Поскольку никто не знал ни о том, как будет устроен заповедник, ни о штатном расписании [20, л. 9–10]. Неизвестны были функции и задачи музея-заповедника. Многие сотрудники не знали даже, кого Управление культуры назначило на должности директора, заместителя и заведующих отделами. Все это озвучили только спустя полгода после принятия решения о создании заповедника [20, л. 18]. Кто-то из сотрудников выступал против новой организации. Некоторые из них самовольно направлялись в Москву добиваться отмены решения создания заповедника [20, л. 21].

Следует еще отметить проблему филиалов. Музей-заповедник призван координировать их научную, экспозиционную, фондовую и просветительскую деятельность [18, т. 1, с. 394]. В 1960-е и 1970-е гг. районные краеведческие музеи в большинстве своем еще сохраняли самостоятельность и не являлись филиалами. Отделы Управления культуры обязывали областные музеи оказывать содействие районным. Эта помощь заключалась в составлении тематико-экспозиционных планов и методических пособий по организации выставок. Музей-заповедник также осуществлял контроль над работой по введению инвентарных книг единого образца [19, л. 23].

Филиалы музеев-заповедников особенно бурно развивались в 1970–1980-е гг. Они работали под административным руководством головного музея и имели общий с ним бюджет [13, с. 267–268]. Одновременно шел процесс присоединения автономных краеведческих музеев. Если в Ярославской области Ростовский и Рыбинский музеи, музей-усадьба Карабиха были присоединены по проекту заповедника сразу в 1959 г. [18, т. 2, с. 373], то в Костромской – с 1958 г. за два десятилетия был присоединен только музей в г. Нерехте, но зато вновь организовано 9 музеев-филиалов [18, т. 1, с. 293].

Во второй половине 1970-х гг. наступил новый этап в организации музеев-заповедников. В целях дальнейшего совершенствования научно-методического и организационного руководства музейной работой предписывалось создание музейных объединений на базе уже существующих заповедников [7, л. 1]. После положительного опыта создания объединения на основе Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника (1974 г.), подобные объединения начали появляться повсеместно. В основном они складывались по территориальному принципу, т. е. включали музеи определенного региона [13, с. 272–273].

Костромской объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник был создан 1 января 1978 г. Теперь уже все районные краеведческие музеи становились филиалами. Создавалась централизованная бухгалтерия [7, л. 1–2]. Для Ярославской же области новый этап наступил в конце 1960-х гг. и не с целью объединения. В 1969 г. в результате реорганизации заповедника и выделения из него Художественного музея и Ростовского кремля был образован Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник [18, т. 2, с. 373].

Практически сразу говорили о сложности включения Ростовского музея в состав заповедника. Уже в 1959 г. замечали, что Ростов находится далеко от Ярославля, и не понятно, как будет осуществляться руководство. Вдобавок, отдел архитектуры создали не в Ярославле, а в Ростове (вероятно, для большего взаимодействия обоих музеев) [20, л. 19]. Включение в заповедник предполагало передачу части экспонатов в головной музей. В первый же год филиал потерял часть фондов, переданных в Ярославль [14, с. 134]. Только спустя десять лет, в 1969 г. Ростовский кремль был включен в «Золотое кольцо России», и музей приобрел статус самостоятельного Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника [14, с. 136].

Стоит еще коснуться художественных музеев, то входивших в состав заповедников, то выделявшихся из них, при создании своих филиалов в районах. Ярославский художественный музей, несмотря на сопротивление его директора [20,

л. 21], в 1959 г. был включен в состав заповедника, и являлся его отделом вплоть до реорганизации в 1969 г. [18, т. 2, с. 375].

Костромской музей изобразительных искусств в 1963–1967 гг. являлся художественным отделом музея-заповедника, в формулировку названия которого добавлялось слово «художественный» [9, л. 2]. Обосновывалось это тем, что заповедник имел 5381 произведений живописи, в то время как галерея насчитывала 1429 единиц. Объединение, таким образом, давало возможность создавать полноценные экспозиции [8, л. 8–9].

Создание музеев-заповедников, а потом и музейных объединений решало важную проблему их финансирования. М.Г. Мейерович вспоминает, что материальное положение музеев и их работников было крайне бедственное, а оклады низкие и в разных районах неодинаковые. После установления в середине 1950-х гг. минимальной зарплаты, эту сумму стали получать и директор, и уборщица [15, с. 20].

До образования заповедников штат сотрудников районных музеев составлял 2–3 человека. Из-за этого научно-исследовательская работа практически не велась. В некоторых районах с таким положением отчасти справлялись с помощью музейного актива (местных краеведов) [10, л. 26]. В областных центрах, несмотря на большой состав музейных работников, дело обстояло не лучше. Так же срывались планы, оттягивались сроки открытия выставок. Научные сотрудники постоянно отвлекались на хозяйственные работы [19, л. 26].

Чтобы поставить музейное дело на должный уровень и обеспечить реставрацию, охрану и показ памятников на лучшем уровне, несомненно, требовалось увеличение финансирования. Создание музеев-заповедников существенно отразилось на материальном благосостоянии музеев и их сотрудников. Правда, районные краеведческие музеи, не вошедшие в конце 1950-х гг. в состав заповедника, финансировались из районного бюджета (соответственно и зарплаты оставались прежними) [5, л. 6].

На примере Костромского областного музея можно увидеть разницу в месячном окладе работников. На 1957 г. (деньги до реформы 1961 г.): директор получал 690 руб., зам. директора, зав. фондами, и зав. филиала – 600 руб., научный сотрудник – 500 руб., бухгалтер – 450 руб., уборщица, сторож – 185 руб. [2, л. 71]. Месячный оклад на 1959 г., после образования заповедника: директор – 1300 руб., зам. директора – 1000 руб., зав. отделами – 880 руб., научный сотрудник – 690 руб., бухгалтер – 450 руб., уборщица, сторож – 300 руб. [3, л. 52].

К созданию музеев-заповедников подтолкнул ряд причин: рост международного и отечественного туризма, требовавший реставрации и сохранения памятников; для должного идеологического вос-

питания требовался централизованный контроль над культурно-просветительской работой музеев; дальнейшее развитие советского строя предусматривало улучшение благосостояния граждан (в нашем случае – музейных работников). Организация заповедников на территории Костромской и Ярославской областей внесла существенный вклад в дело сохранения памятников истории и культуры в регионах. Этот процесс, длившийся почти два десятилетия, решал важные проблемы улучшения финансирования музеев и улучшения материального благосостояния сотрудников. А это, в свою очередь, позволило вести масштабную реставрацию архитектурных памятников и поднять музейное дело на достойный уровень.

Библиографический список

1. Баниге В.С. «Положение» о Ростовском музее-заповеднике 1959 г. (Публикация Е.В. Ким) // Государственный музей-заповедник Ростовский кремль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/929> (дата обращения: 4.12.2013).
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 25.
3. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 35.
4. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 57.
5. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 58.
6. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 233.
7. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 283.
8. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 53.
9. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 63.
10. ГАКО. – Ф. Р-2523. – Оп. 1. – Д. 279.
11. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. 765. – Оп. 7. – Д. 116.
12. ГАНИКО. – Ф. 765. – Оп. 38. – Д. 121.
13. Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). – М., 1991. – 323 с.
14. Ким В.А. Новь Ростовского кремля // Русь: Литературно-исторический журнал. – 1996. – № 2. – С. 133–140.
15. Мейерович М.Г. Как создавался ярославский музей-заповедник // Ярославль многоликий. – 2003. – № 4. – С. 20–23.
16. Охрана памятников истории и культуры. – М.: Сов. Россия, 1973. – 213 с.
17. Разгон А., Хануков А. Важное средство коммунистического воспитания масс // Политическое самообразование. – 1964. – № 6. – С. 81–85.
18. Российская музейная энциклопедия: В 2-х тт. – М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.
19. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 45.
20. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 47.
21. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 48.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

В статье приводятся дополнительные аргументы в пользу тезиса о значимости информации в подготовке управленческих кадров.

Ключевые слова: подготовка управленческих кадров, информация, классификация информации.

Обеспечение принятия управленческих решений полной, надежной и своевременной информацией – центральная и наиболее сложная проблема организации управления в любых экономических организациях. Информацию можно рассматривать как средство достижения одной из главных целей деятельности фирмы – получения прибыли. Стремительное развитие вычислительной и телекоммуникационной техники, накопление колоссальных объемов информации и чрезвычайно высокая скорость информационного обмена сформировали к концу XX века новое понятие – глобальное информационное общество. Это привело к коренной ломке прежних социальных понятий: фокус деятельности компаний переместился на потребителя.

В управленческой деятельности информация представляет собой совокупность сведений о состоянии управляющей и управляемой подсистем, а также внешней среды.

Особо следует иметь в виду, что на информацию как на продукт труда распространяется понятие физического и морального износа. При этом моральный износ принципиально приводит к исчезновению информации, и скорость морального износа в разы превышает скорость продуктов, имеющих вещественную форму. Именно моральный износ является одной из основных характеристик информации, более того эта характеристика наполняет новым смыслом понятие «моральный износ».

Информация является основным предметом труда лиц, принимающих решения. Информацию, которая поступает к руководителю (менеджеру) или в орган управления и исходит от них, можно классифицировать по нескольким признакам. Приведем классификацию информации по основным признакам.

По источникам поступления информация подразделяется на внешнюю и внутреннюю. Внешняя информация – это законодательные акты и директивные указания вышестоящих органов, данные о научно-техническом прогрессе, о конкурентах, о спросе на продукцию, о ценах и т.д. Содержанием внутренней информации являются данные о ходе выполнения заданий подразделениями предприятия, о сбыте продукции, об экономике и финансовом состоянии предприятия, трудовой дисциплине в коллективе и др.

По полноте информация делится на избыточную, недостаточную, асимметричную (которая по разному воспринимается всеми).

Информация всегда не систематизирована. А систематизированная информация становится знанием.

По времени использования информация может быть разделена на условно-постоянную и переменную.

Условно-постоянной считается такая информация, содержание которой меняется сравнительно редко, она используется многократно. Такой информацией являются нормы, цены, тарифные ставки, должностные оклады, плановые показатели. Условно-постоянная информация составляет около 60–70% всей информации, необходимой для управления. Она требует соответствующей фиксации и хранения. Сегодня хорошим «хранителем» такой информации является компьютер.

Переменная информация отражает динамизм процессов в производстве и хозяйственной деятельности. В связи с этим ее сбор и особенно обработка представляют наибольшую сложность.

По характеру возникновения информация делится на первичную и вторичную (или производственную). Первичной называется информация, которая возникает в ходе производства. Однако в своем первоначальном виде такая информация мало пригодна для использования в управлении. Поэтому она подвергается обработке, превращаясь во вторичную (или производственную), и в таком виде поступает в орган управления или к руководителю. Примером может служить информация об уровне рентабельности и конкурентоспособности выпускаемой продукции.

По степени конфиденциальности бывает информация для общего пользования, служебного пользования, секретная, сверхсекретная особой важности, подлежащая разглашению через установленный срок.

По направлению движения – входящая и исходящая.

По способам распространения – устная, письменная и комбинированная информация.

В соответствии с порядком предоставления – по разовому предписанию или запросу; в установленные сроки; по инициативе отправителя.

По способам воспроизведения – визуальная, аудиовизуальная, аудиоинформация.

Кроме вышеперечисленных, можно выбрать и иные критерии классификации экономической информации. Но приведенные нами мы считаем основными.

Нужно также отметить, что для руководителей высшего звена необходима информация преимущественно общего характера, как внутренняя, так и внешняя, она должна быть весьма качественной и позволять руководителю делать выводы и прогнозы. А для руководителей низового звена требуется постоянная, узкоспециализированная и оперативная информация, преимущественно о внутренних процессах в организации и желательна в количественной форме.

Руководитель должен также иметь возможность получать выборочную информацию с необходимой детализацией непосредственно от работников любого уровня, а не только от прямых подчиненных.

Потребность в управленческой информации определяется содержанием решаемых задач, пониманием этих задач работниками, уровнем опыта и образования последних. Причем чем они выше, тем меньше работники нуждаются в дополнительной и более подробной разнообразной информации.

Каждая экономическая организация в процессе своей производственной деятельности накапливает определенный объем знаний, опыта и разнообразной информации, поступившей в ее распоряжение в виде данных и преобразованных в соответствии с ее нуждами и требованиями. Этот накопленный объем информации называется информационным ресурсом организации. Собранные данные представляют собой набор конкретных значений количественных и качественных параметров, характеризующих объект. Но пока эти данные не организованы соответствующим образом и не использованы для какой-либо цели, они не являются информацией.

Данные становятся информацией, когда осознается их смысловое значение. С точки зрения принятия управленческого решения можно сказать, что информацией являются данные, оказывающие влияние на преодоление неопределенности выбора решения или в связи с осуществлением тех или иных действий.

Ранее использование информации было сосредоточено в принятии управленческих решений – сборе, хранении, передаче, анализе и представлении. Следующий этап формулирует иной вопрос: «Каков СМЫСЛ информации и в чем ее НАЗНАЧЕНИЕ?» Это приводит к переопределению задач, которые должны исполняться с помощью информации, к переопределению целей и перспектив деятельности, а затем и к переопределению институтов, исполняющих эти задачи. Но это тема следующей нашей статьи.

Библиографический список

1. Демин А.И. Информационная теория экономики. Макромодель. – М.: Комкнига, 2009 – 352 с.
2. Кастельс Мануэль. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000 – 458с.
3. Понятие информации, ее роль в процессе управления. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://vse-uchebniki.com/management-otraslkniga/181-ponyatie-informatsii-rol-protsesse.html> (дата обращения 18.09.2014).
4. Роль информации в принятии эффективных управленческих решений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.net/9_104419_rol-informatsii-v-prinyatii-effektivnih-upravlencheskih-resheniy.html (дата обращения 18.09.2014).
5. Роль информации в системе управления. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.rc-p.ru/referaty_po_ekonomike/referat_rol_informacii_v_sisteme.html (дата обращения 19.09.2014).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТРЕНДЫ РЕШЕНИЯ

Автор подчеркивает, что теория организации управления региональной системой образования (РСО) базируется на оценке структурных изменений в университетском образовании, а практика организации – на институционализации укрупнения вузов. Автор предлагает свою трактовку предпосылок изменения объектов управления в РСО.

Ключевые слова: региональная система образования, организация управления образованием, институционализация сферы образования.

В образовании развитых стран ключевые институциональные изменения происходят со второй половины XX века. В первую очередь, это касается сферы управления высшим учебным заведением в целях повышения прозрачности процесса принятия управленческих решений, развития системы независимого мониторинга качества, внедрения системы студенческих кредитов в рамках реструктуризации образовательной отрасли в целом [13]. Все развитые страны проводят различные по глубине и масштабам преобразования национальных систем образования, в которые вкладываются огромные финансовые средства [8]. Известно, что образовательная деятельность является метадеятельностью, т.е. деятельностью по поводу других деятельностей [5]. Это значит, что концептуальные изменения носят комплексный характер. Следовательно, для анализа опыта укрупнения (слияний) вузов необходим специальный инструментарий – комплекс системного, интеграционного, ситуационного и других подходов.

Применение системного подхода способствует выявлению сущностных характеристик взаимодействия РСО на рынках образовательных услуг, установлению механизмов совершенствования РСО, определению тенденций их развития. Системный подход в менеджменте образования позволяет рассматривать каждый компонент системы образования в его связи с ее другими компонентами [4]. С другой стороны, функционирование системы не может быть сведено только к функционированию отдельных компонентов. Совокупное функционирование разнородных взаимосвязанных элементов порождает качественно новые функциональные свойства целого, не имеющего аналогов в свойствах его компонентов. Это означает, что системе образования присуща неаддитивность, которая проявляется в эффекте синергии. Принципы системного подхода применяются, прежде всего, в исследовании образовательных процессов, что позволяет сформулировать концепции стратегического управления функционирования региональной образовательной системы и повысить ее конкурентоспособность по сравнению с другими образовательными моделями.

Использование *интеграционного подхода* к анализу слияний обеспечивает обоснование выбора стратегии для организации обучения в течение всей жизни и мобильности [3]. В теории менеджмента термин «интеграция» означает углубление сотрудничества субъектов управления, их объединение, взаимодействие, взаимосвязи между компонентами системы управления, а интеграционный подход нацелен на исследование и усиление этих взаимосвязей. При интеграционном подходе открываются широкие возможности в нахождении новых конкурентных преимуществ вузов в процессе формирования открытого образовательного пространства и гармонизации архитектуры российского образования.

При ситуационном подходе к менеджменту образования особое внимание уделяется тому, что пригодность различных методов управления определяется конкретной ситуацией, в том числе и ситуацией на рынке образовательных услуг в того или иного региона России [7]. При этом самым эффективным методом управления в конкретной ситуации является тот, который максимально адаптирован к конкретной образовательной ситуации. Речь идет, во-первых, о различиях в РСО, а, во-вторых, о введении двухуровневой системы подготовки во всех вузах страны.

Существенным моментом при выборе стратегии развития вуза является возможность оптимизации системы управления. Укрупняясь, организации обеспечивают свою динамичную устойчивость – надежность, адаптивность, способность к самосохранению и саморазвитию. Цель такого процесса – не только экстенсивный рост, измеряемый возросшим количеством студентов и персонала, но и устойчивое развитие, предполагающее качественные позитивные изменения в управлении организацией. Следствием объединения организаций становятся удешевление структуры управления, большая финансовая стабильность, экономия издержек. И снова здесь выигрывают мелкие учебные заведения, у которых очень высоки затраты в расчете на одного студента. Крупные университеты, как показывают результаты исследований, получают существенную экономию от масштабов

деятельности при условии, если число студентов превышает 20 тысяч [9]. При этом оптимизация системы управления выражается в возможности обеспечивать более интенсивное взаимодействие подразделений университета, что особенно важно в условиях проектной системы организации труда.

Одним из практических шагов по изменению организации управления стало слияние (объединение) образовательных учреждений. Слияние вузов вносит существенный вклад в развитие своих регионов. Исследования показали, что новые мегауниверситеты, которые формируются в результате слияния, не только обеспечивают более стабильную занятость персонала, но и способствуют созданию новых рабочих мест [1].

Но анализ практики укрупнений (слияний) вузов предполагает выявление соответствующих предпосылок. Дело в том, что административное слияние двух и более образовательных учреждений – это непростой процесс, требующий значительной подготовительной работы. На наш взгляд, главными предпосылками объединения являются длительное сотрудничество вузов, вторичная занятость преподавателей в этих вузах; подготовка специалистов различных уровней (бакалавра, магистра, доктора) разными вузами. Именно это побуждает университеты рационализировать процесс обучения посредством объединения. Так было, например, с вузами Новгорода. Перечисленные аспекты представляют собой внутренние факторы, влияющие на процесс слияния.

Большое значение в слиянии вузов имеют и *внешние факторы*, т.е. инфраструктурные аспекты, такие, как наличие территориальных ассоциаций университетов или Советов ректоров вузов. Наличие этой системы облегчает процесс оперативного обмена информацией и налаживания сотрудничества вузов. Кроме того, при их слиянии объединение получает доступ к финансированию со стороны национальных, государственных и частных фондов. Но самыми активными движущими силами в процессе объединения оказываются государство и местные власти. Это может быть косвенная поддержка, например, законодательно установленные одинаковая плата за обучение и единые ставки оплаты труда преподавателей или целенаправленное воздействие на вузы в целях повышения интенсивности процесса их слияния. Особо отметим, что главными препятствиями для слияния вузов в России являются факторы *управленческого, социального и культурного характера*. Серьезные проблемы возникают при слиянии учебных заведений независимо от формы собственного учебного заведения. Во многих случаях неразрешимой проблемой оказывается подведение к единому стандарту систем административного управления. Иногда существенные различия наблюдаются и в политике занятости, и в програм-

мах социального страхования, в которых участвуют университеты как работодатели. Кроме того, возникает противодействие студентов, преподавателей и общественности, которыми движут негативные ожидания последствий организационных трансформаций: страх сокращения учебных и рабочих мест; потеря независимости и участия в управлении вузом. Вопрос о создании новых рабочих мест также остается спорным [2]. Но если эти препятствия преодолены, то в процессе слияния вузам приходится решать важные практические вопросы. Рассмотрим проблемы управления образованием на региональном, муниципальном и организационном уровнях и необходимость его совершенствования более подробно.

Отметим, что в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года не было специального раздела о модернизации управления образованием, однако вопросам совершенствования управления было уделено довольно значительное место. Но сегодня эффективное развитие систем управления образованием вновь требует выявления наиболее актуальных из их собственных, управленческих проблем, несоответствий между желаемым состоянием, потребностями системы и ее нынешними возможностями, реальным положением дел.

К сожалению, приходится констатировать, что в нынешних системах управления образованием *осуществление проблемного анализа собственной управленческой деятельности существенно отстает от анализа проблем функционирования управляемых объектов*. Это объясняется, по-видимому, недостаточной осмысленностью, невыделенностью непосредственных результатов деятельности системы управления из общих результатов деятельности учреждений РСО, являющихся ее элементами.

Идентификация систем управления со своими объектами (понятная и даже до известных пределов носящая позитивный характер) превращается в негативный фактор, когда управленцы начинают оценивать собственную деятельность по результатам, к достижению которых они имеют косвенное, опосредованное отношение. Живучесть отождествления целей (и результатов) деятельности системы управления и управляемого объекта выступает в качестве сильного тормоза модернизации систем управления образованием, препятствует объективной оценке их деятельности [10; 15].

Постановка проблем управления имеет две стороны. Во-первых, проблемы существуют объективно и актуализируются, если система управления не справляется с предъявляемыми ей требованиями или эти требования меняются в сторону усложнения.

Во-вторых, любая проблема управления должна быть осмыслена в этом качестве, стать пробле-

мой для субъекта управления, содержанием его сознания. То, что является проблемой для той или иной системы управления в ее конкретных обстоятельствах, уже давно не являемся проблемой для других систем, и еще не стало проблемой для третьих. Видение, усмотрение проблемы в некоторой ситуации в существенной степени зависит от общей позиции субъекта управления, уровня самооценки прежних результатов деятельности и уровня профессиональных амбиций, притязаний.

Чем более сложные и высокие цели готова поставить перед собой и объектом система управления, чем более продуманный и ясный характер имеет образ желаемого будущего, используемого в качестве эталона при сопоставлении с наличным положением дел, тем более значимые проблемы будут поставлены и тем большие изменения будут достигнуты при их решении (естественно, при условии их реалистичности, наличия возможностей и ресурсов их решения).

Однако практика показывает, что даже при наличии развитой интенции к модернизации действующих систем управления, их субъекты не обладают видением вариативных образов желаемого будущего, не соотносят выдвигаемых лозунгов с реальными возможностями. Таким образом, для многих субъектов управления образованием вычленение проблем управления по многим причинам само является проблемой. Это приводит к тому, что проблемы, выделяемые в данном разделе доклада в качестве типичных, далеко не всегда осознаются реальными субъектами управления [14].

Мы обозначаем здесь, прежде всего, проблемы, являющиеся общими для всех уровней управления, которые мы рассматриваем, делая попытку показать специфику их проявления на каждом из уровней.

Непосредственным результатом деятельности систем управления, проявляющимся в итоге управленческого воздействия, взаимодействия его с объектом в состоянии объекта управления, следует считать готовность управляемой системы к оптимальному использованию всех необходимых ресурсов в ходе совместной деятельности и, прежде всего, целенаправленность и организованность этой деятельности, ее субъектов, человеческого фактора [6]. Такая готовность имеет некоторое множество проявлений и признаков, наличие которых позволяет говорить о создании системой управления условий эффективного функционирования и развития управляемых объектов, которое, в свою очередь, является основанием для оценки и самооценки качества управленческой деятельности.

Для того чтобы получить некоторый фон, позволяющий лучше рассмотреть проблемы управления, кратко охарактеризуем некоторые недостатки самого управляемого процесса, процесса функционирования и затем процесса развития.

В функционировании РСО и учреждений существует и проявляется множество проблем и дефектов;

- во многих из них функционирование нестабильно, неритмично;
- достигаемые результаты далеки от оптимальных;
- потенциал, накопленный в системах, реализуется не в полной мере, не концентрируется на приоритетных направлениях;
- трудовая мотивация работников, отношение к образованию учащихся зачастую находятся на недостаточном уровне, имеют тенденцию к снижению;
- в управляемых объектах недостаточен уровень удовлетворенности трудом;
- не удается преодолеть текучесть кадров;
- функционирование систем и учреждений по-прежнему связано с большой перегрузкой персонала.

Эти проблемы и недостатки в значительной мере обусловлены проблемами и недостатками систем управления образованием на всех уровнях.

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие и широкую распространенность ряда общих проблем качества, результативности управления. Назовем их.

В области управления функционированием управляемых РСО и организаций:

- недостаточное выявление и осознание участниками совместной деятельности образовательных потребностей населения (особенно будущих, перспективных), реальных и потенциальных учащихся;
- отсутствие конкретных целей функционирования, несоответствие имеющихся целей реальным потребностям и возможностям систем и учреждений;
- плохая информированность значимых для образования субъектов различных видов деятельности об общих целях функционирования, недостаточное принятие этих целей;
- несформированность, невыраженность частных целей участников образовательных систем или их несоответствие общим интересам и целям образования;
- недостаточность осознания участниками образовательных систем и процессов своей принадлежности к единому образовательному сообществу (данного учреждения, муниципальной или региональной образовательной системе образования);
- недостаточность условий, стимулирующих участников совместной деятельности к достижению максимально возможных результатов;
- недостаточность, слабость системы связей между различными участниками совместной деятельности: институализированными и неинституализированными, индивидуальными и коллективными;
- отсутствие разделяемых и согласованных участниками совместной деятельности общих ценностей, норм, правил, регулирующих профессиональную деятельность и поведение; несоответ-

ствие культуры образовательных сообществ целям совместной деятельности;

- неполнота состава институтов субъектов в рамках объектов управления, несоответствие их структуры потребностям, слабое развитие общественной составляющей в управлении;
- неполнота состава видов деятельности, структуры ролевых позиций в управляемых объектах; их несоответствие реальным потребностям;
- недостаточность актуализации и концентрации возможностей имеющихся ресурсов для достижения приоритетных целей и т.д.

Осуществляемые в РСО и учреждениях инновационные процессы говорят о том, что:

- инновационные усилия носят нецелевой, несистемный характер;
- изменения в содержании образования нередко носят экстенсивный характер, чреваты перегрузкой учащихся, ослаблением учебной мотивации;
- организационные изменения, создание новых организационных форм учреждений образования в ряде случаев до сих пор означает в большей мере смену вывесок, чем кардинальные изменения образовательных моделей;
- преобладают нововведения вынужденного характера, осуществляемые с запаздыванием, в реактивной форме;
- широковещательные разговоры о смене образовательных парадигм фактически не затрагивают базовых педагогических технологий, а сохранение последних существенно ограничивает глубину и качество развития образования.

Такое положение дел служит фоном для проблемного анализа процессов управления развитием образования, осуществляемых системами управления. Укажем на имеющиеся проблемы и противоречия этих процессов.

В области управления развитием управляемых РСО и организаций:

- недостаточная ориентация участников совместной деятельности на ценности развития;
- отсутствие согласованных представлений о проблемах, которые необходимо решать для развития образования и обеспечивающих видов деятельности;
- недостаточность информации о возможностях решения проблем, ресурсах для развития;
- отсутствие четких, конкретных целей развития в объектах управления и/или незнание этих целей участниками совместной деятельности;
- отсутствие принятия общих целей развития участниками совместной деятельности;
- несформированность, невыраженность частных целей развития или их несоответствие общим интересам и целям развития;
- отсутствие или недостаточность условий, стимулирующих участников совместной деятельности на достижение максимально возможных результатов развития;

– неполнота связей между участниками совместной деятельности по развитию;

- несоответствие между сложившейся культурой образовательных сообществ и новыми, нацеленными на развитие ценностями, образовательной философией;
- неполнота видов деятельности и ролевых позиций участников совместной деятельности, необходимых для развития;
- неполнота состава институтов и субъектов, обеспечивающих развитие образования;
- недостаточность актуализации и концентрации возможностей имеющихся ресурсов для развития образования;
- отсутствие информации о промежуточных и итоговых результатах инновационной деятельности и т.д.

Широкая распространенность отмеченных проблем свидетельствует о наличии ряда дефектов систем управления, отсутствии у них ряда необходимых для обеспечения успешного функционирования и развития управляемых объектов системных качеств. К числу важнейших из них можно отнести:

- недостаточную целеустремленность управления, его нецелевой характер. Это проявляется не только в отмеченных выше недостатках в определении конечных целей образовательных систем и процессов, но и неразработанности многих стандартов, нормативов, эталонов, без которых крайне трудно определить результативность образовательных обеспечивающих процессов;
- низкая адаптивность управления;
- реактивный, запаздывающий характер управления, отсутствие механизмов превентивного, опережающего реагирования на возникающие проблемы и благоприятные возможности;
- недостаточное развитие обратной связи в управлении, слабость контроля за исполнением принятых управленческих решений;
- недостаточная системность управления, проявляющаяся в недостаточных связях между элементами коллективного субъекта управления (прежде всего, горизонтальных), снижающих общий КПД систем управления;
- недостаточная открытость и партисипативность систем управления декларативность принципа государственно-общественного характера управления при сохранении по преимуществу государственного и ведомственного, административного управления и слабом развитии общественно-го управления
- недостроенность подсистем управления, ответственных за развитие управляемого объекта, отставание реальных возможностей управления развитием от провозглашаемых инновационных намерений, слабая выраженность созидательного, развивающего характера управления;

- недостаточная конкретность управления, неготовность систем управления строить управленческие воздействия наилучшим образом для данных конкретных обстоятельств, неосвоенность ситуационного подхода в управлении;

- несбалансированность действий подсистем системы управления, специализирующихся на обеспечении: функционирования управляемого объекта, его развития и саморазвития управляющей системы;

- низкая наукоемкость управления, слабая ориентация на научные подходы в управлении, использование апробированных методов и процедур управленческой деятельности;

- несбалансированность между рутинными, допускающими стандартные решения и творческими составляющими управленческой деятельности и т.д.

Эти и другие обобщенно сформулированные «недостатки систем управления» являются в свою очередь следствием отсутствия, невыполнения или некачественного и несвоевременного выполнения конкретных управленческих функций. В настоящее время в таком положении оказываются многие функции управления, в частности, функции:

- анализа и прогноза изменений внешней среды и социального заказа на образование;

- проблемного анализа состояния дел в управляемых объектах;

- стандартизации и регламентации деятельности образовательных систем, оценки их кадров;

- диагностики потребностей и возможностей учащихся;

- выработки и формулирования общих ценностей и целей, вытекающих из потребностей объектов управления;

- организации проектирования и освоения на практике новых моделей образовательных систем и процессов, образовательных учреждений разных видов;

- планирования и организации информационного обеспечения;

- учета и статистики в системах образования;

- проверки исполнения принятых решений;

- установления координации и налаживания кооперации между элементами систем и организаций образования;

- координации отдельных инновационных процессов в управляемых объектах;

- организации межведомственного и межсекторного взаимодействия в интересах образования, кооперации различных социальных субъектов, развития социального партнерства;

- стимулирования инновационной деятельности;

- экспертизы результатов образовательной и обеспечивающей деятельности;

- комплексной экспертизы образовательных систем и организации;

- экспертизы исследовательских, экспериментальных, инновационных проектов и их реализации;

- организации программно-методического и материально-технического обеспечения и т.д.

Недостаточно качественная реализация управленческих функций предопределена недостатками организационных структур и организационных механизмов управления.

Подведем некоторые итоги проведенного анализа. В основном теория по организации управления региональной системой образования позволяет лишь обнаружить изъяны практики. Их перечень достаточно обширен, и хотя бытует точка зрения, что идентификация проблемы является собой половину успеха ее решения, в то же время, полагаем, поиск этих решений будет осуществляться в дальнейшем не очень быстро. Несколько иначе обстоят дела с практикой организации управления. В основном практика зиждется на принципе оптимизации образовательных учреждений, и, вероятно, не безосновательно. Однако эта практика еще только нарабатывает и не является собой в полной мере объект исследования. Отмеченное делает значимым осуществление оценки состояния управления РСО.

Библиографический список

1. Андреева А.Г., Гретченко А.И. Рынок труда и профессиональное образование (развитие кадрового потенциала общества на этапе реформирования национальной экономики России). – М.: Российская экономическая академия, 1998. – 135 с

2. Батухтин В.Д., Шумаков А.Ю. Особенности развития университетского образования в регионе // Университетское управление: практика и анализ. – 2000. – №2 (13). – С. 22–24.

3. Вайпан В.П. Академическая мобильность: финансово-экономические и правовые аспекты. – М.: Логос, 2008. – 224 с.

4. Ганзен В.Л. Сущность и возможности системного подхода // Системный анализ. – 2002. – № 14.

5. Жидкова Н.И. Развитие профессиональной компетентности учителя на основе овладения инновационными компонентами деятельности проектирования учебного процесса (технологический аспект) // Методист. – 2003. – №5.

6. Ковалевский В.П. Проектирование регионального университетского комплекса // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – №5–6 (28–29). – С. 31–37.

7. Мазур И.И., Шапиро В.Д. Корпоративный менеджмент. – М.: Омега.-Д., 2005.

8. Миникелло К. Европейское измерение в образовании. Опыт и перспективы. – СПб.: МЦ «Европа», 1996. – 206 с.

9. Новиков А.М. Развитие отечественного образования // Полемические размышления. – М.: Издательство «Эгвес», 2005. – 176 с.

10. Садовничий В.А. В поисках нового подхода к развитию образования и производительных сил России; университетские округа // Университетское управление: практика и анализ. – 2000. – №2 (13). – С. 7–11.

11. Садовничий В.А., Белокуров В.В., Сушко В.Т., Шикин Е.В. Университетское образование: приглашение к размышлению. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 352 с

12. Сизов В.С., Сизова Е.Н. Проблемы оценки эффективности деятельности вуза // Вопросы новой экономики. – 2012. – №4. – С. 29–33.

13. Федоров И.Б., Еркович С.П., Коришунов С.В. Высшее профессиональное образование: Мировые тенденции: (Социальный и философский аспект). – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. – 368 с.

14. Урри Дж. Мобильность / пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.

15. Шафранов-Куцев Г.Ф. Новая модель классического университета в условиях регионализации высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. – 2000. – №2 (13). – С. 12–19.

УДК 658.114

Скаржинская Елена Матвеевна

доктор экономических наук, профессор

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Yelena.Skarzhinsky@gmail.com

Смирнова Татьяна Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

tatianasmirn2010@mail.ru

ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ: «ВИРТУАЛЬНАЯ ФИРМА»

В статье рассматривается опыт применения в преподавании дисциплины «Экономика фирмы» одного из активных методов обучения – метода проектов, описывается методика и анализируются результаты его применения, обсуждаются перспективы его развития и использования в учебном процессе.

Ключевые слова: *проектный метод обучения, эффект актуализации, модель «виртуальная фирма», производственная структура, организационная структура, бизнес-процесс.*

Эффективность высшего образования зависит от множества факторов, среди которых центральное место занимает содержание академических дисциплин вместе с инструментальными и дидактическими методами их преподавания, определяющими непосредственно процесс усвоения знаний. Как известно, усвоение знаний включает процесс их приема, смысловой переработки, сохранения полученных знаний и применения их в новых ситуациях для решения практических и теоретических задач. Все эти процессы основаны на активной интеллектуальной деятельности студента, поэтому обязательным условием их организации являются активные методы обучения, в которых студент выступает активным участником процесса присвоения знаний [1]. Активные методы обучения многообразны, в данной статье обсуждается опыт применения одного из них – метода проектов.

Метод проектов включает в себя совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по своей сути. Метод проектов – это способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным способом.

В США метод проектов возник в 20-е годы прошлого века. Его называли методом проблем, и он был связан с идеями, разработанными философом

и педагогом Дж. Дьюи и его учеником В.Х. Килпатриком. Эта дидактическая технология не является принципиально новым в мировой педагогике. В 1905 году идеи проектного обучения возникли в России. Под руководством С.Т. Шацкого была организована группа сотрудников, пытавшаяся использовать проектные методы в практике преподавания. В 1931 году метод проектов был осужден. С тех пор серьезных попыток возродить его в России не было.

В данной статье описывается метод проектов в преподавании дисциплины «Экономика фирмы», анализируются результаты его применения, обсуждаются перспективы его развития и использования в учебном процессе.

«Экономика фирмы» изучается как дисциплина по выбору на 3 курсе для студентов, обучающихся по направлению «Бизнес-информатика», а для студентов, обучающихся по направлению «Менеджмент» дисциплина «Экономика предприятия» находится в вариативной части учебного плана. Дисциплина по выбору имеет двойственный смысл: с одной стороны, предполагается осознанный выбор студентами именно этой дисциплины, что предполагает их изначальную заинтересованность, с другой стороны, возникает представление о необязательности этой дисциплины, не входящей в число основных [2]. Студенты довольно чутко воспринимают эту двойственность, поэтому возникают проблемы их мотивации.

К проблемам мотивации добавляются дидактические проблемы, связанные с особенностями «Экономики фирмы» как академической дисциплины. Каждый, кто знаком с этой дисциплиной, и в особенности тот, кому приходилось ее преподавать, хорошо представляет, насколько трудно увлечь студентов в освоении многочисленных классификаций, экономических и технико-экономических показателей и методов их расчета, из которых преимущественно состоит система дидактических единиц. При доминировании пассивных методов процесс обучения данной дисциплине представляет собой трансляцию и заучивание определений и методов, решение стандартных задач по расчету технико-экономических показателей, что мало приближает студентов к целостному и практико-ориентированному представлению о функционировании экономической организации. Добавим к этому, что у студентов, обучающихся по направлению бизнес информатика, есть основания сомневаться в том, что добытые с трудом знания по этой дисциплине пригодятся им впоследствии. Использование метода проектов в преподавании «Экономики фирмы» способствует одновременно решению проблемы мотивации и проблемы дидактики.

Описание методики. Суть применяемой нами методики проектов заключается в том, что студенческая группа разбивается на команды (как правило, из двух человек), создающие свой проект – модель экономической организации с описанием всех ее основных технологических, экономических и организационных характеристик, процессов, внутренних и внешних связей. Результатом работы является разработанная командой *модель «виртуальной фирмы»*, отражающая все стороны деятельности предприятия – производственной, финансовой, организационной. В конце семестра команда защищает свой проект, оценка которого зависит от полноты охвата различных сторон деятельности фирмы, обоснования методов расчета, обоснований для определения цен и тарифов, логики построения модели и качества презентации. Оценка проекта может быть выставлена по желанию студентов как экзаменационная оценка по дисциплине «экономика фирмы».

Разработка модели «виртуальная фирма» включает несколько этапов, каждый из которых требует усвоения определенных разделов и дидактических единиц «Экономики фирмы», а также самостоятельного поиска знаний через Интернет.

Первый этап: товар, технология, производственная и организационная структура его производства. Вначале команда выбирает товар или услугу, которую фирма будет производить (рекомендация преподавателя – выбирать товары с наиболее простой технологией производства) и дает описание потребителей данного товара. В реальности, для того, чтобы обосновать спроса на товар,

требуется изучение рынка: выявление неудовлетворенного спроса, структурных и географических разрывов в производстве товаров и услуг и т.д. Исследование рынка относится в большей степени к дисциплине «Маркетинг», поэтому студентом было предложено исходить из предположения, что спрос выявлен на основе маркетингового исследования.

После того, как определено, *что и для кого* производит «виртуальная фирма», требуется определить, как осуществляется производство. Технологии производства студенты находят самостоятельно с использованием ресурсов интернета. Важно, чтобы студенты осознали, что именно характер товара и технология его производства являются тем базисом, на котором строится вся экономика фирмы, как реальной, так и виртуальной. На этом же этапе команда строит технологическую последовательность превращения сырья и материалов в товар с описанием видов оборудования, водных, земельных и энергетических ресурсов, необходимых для производства. Этот результат студенты представляют в виде бизнес-процесса производства.

Затем на этой основе команда определяет *производственную структуру фирмы*, которая включает: состав и размеры производственных подразделений предприятия, их кооперированные связи в едином производственном процессе, их состав и размеры, пропускную способность оборудования, численности работников.

После описания производственной структуры команда определяет *организационную структуру предприятия*. Интересно заметить, что студенты на основе представлений, полученных во время производственной практики, пытались задать организационную структуру в самом начале работы до описания производственных процессов, процессов сбыта и т.д. Это свидетельствует об искаженных представлениях студентов о функционировании фирмы, поэтому одной из дидактических задач нашей методики является формирование целостных представлений, согласно которым организационная структура носит вторичный характер по отношению к производству, ее функционал заключается в управлении имеющимся производством.

На этом этапе студенты создают модели бизнес-процессов в соответствии с основными процессами управления фирмой. Здесь же описывается *информационное обеспечение* предприятия, указываются применяемые информационные технологии и программные средства.

На втором этапе определяются *основные фонды предприятия*, описывается их структура и стоимостная оценка. Для оценки основных фондов студенты используют источники из интернета, содержащие стоимостные характеристики аналогичного оборудования, земельных участков и производственных площадей. На этом этапе опре-

деляется также механизм амортизации и размер амортизационных отчислений (исходя из сроков использования основных фондов). Также требуется найти коэффициенты фондоемкости и фондоемкости, исходя из численности производственного персонала, определенного на первом этапе.

На третьем этапе команды определяют потребность в оборотных средствах, включая сырье и комплектующие, а также вспомогательные материалы, водные и энергетические ресурсы, используемые в производственном цикле. На этой основе с помощью информации о ценах, полученной из интернета, студенты определяют *минимальный размер оборотных фондов* предприятия. Исходя из механизма реализации продукции, скорости производственных процессов, процессов складирования и доставки, студенты определяют *коэффициент оборачиваемости оборотных средств*, а также анализируют возможности его увеличения.

Четвертый этап – персонал и заработная плата. Студенты определяют *структуру персонала*, исходя из элементов производственной и организационной структуры, описанных на предыдущих этапах. Для каждой категории работников команда должна выбрать и обосновать вид начисления заработной платы (тарифная, повременная и т.д.) Также требуется определить *фонд рабочего времени*, исходя из некоторого заданного объема выпуска, нормочасов и т.п.

Пятый этап – финансовые ресурсы предприятия. На этом этапе студенты определяют, во-первых, размер собственных средств фирмы, во-вторых, минимальный размер финансового обеспечения производства, в-третьих, необходимый размер финансовых заимствований. Команды выбирают кредитные договоры с банками, определяют затраты по кредитным договорам. Также студентам предлагается возможность привлечения средств от субсидий или субвенций на развитие бизнеса с помощью участия в федеральных и региональных целевых программах. За обоснование возможности участия бизнеса в целевых программах команды получают дополнительные баллы.

Шестой этап – организационно-правовая форма предприятия. Команда выбирает организационно-правовую форму, исходя из размеров предприятия, величины собственных и заемных средств, рисков и действующего механизма налогообложения. На этом же этапе команда формулирует *миссию организации*, определяет его *учредителей и собственников*, устанавливает размер *уставного капитала*.

Седьмой этап – затраты и себестоимость. Команды осуществляют калькуляцию себестоимости по отдельным статьям, исходя из определенных ими ранее цен на материалы и комплектующие, заработную плату с учетом социального налога,

амортизационные отчисления и т.д. Калькуляция производится по заданной схеме. Полнота охвата всех статей калькуляции и обоснование расходов по статьям учитываются при выставлении оценки.

Восьмой этап – цена продукции. При определении цены команды должны учитывать себестоимость продукции, цены конкурентов, эластичность спроса на товар, доходы потребителей, емкость рынка. Как показал наш опыт, студенты используют найденные в интернете цены предприятий-аналогов с коррекцией по доходам населения в регионе, по ценам на землю и аренду и налоговым тарифам в регионе. Обоснованность цены товара учитывается при выставлении оценки на экзамене.

Девятый этап – формирование прибыли. Команда выбирает несколько осуществимых объемов реализации, и для каждого из них производит расчет прибыли при установленной ранее цене товара. Для каждого выбранного объема реализации последовательно вычисляются:

1. Выручка (нетто) от продаж за вычетом НДС и акцизов – величина А.
2. Себестоимость реализованной продукции – величина В.
3. Валовая прибыль (брутто-прибыль) – величина $C=A-B$.
4. Коммерческие и управленческие расходы – величина D.
5. Прибыль от продаж – величина $E=C-D$.
6. Операционные и внереализационные доходы (расходы) – величина F.
7. Прибыль до налогообложения – величина $G=E+F$.
8. Прибыль от обычной деятельности – величина $H=G$ (налог на прибыль) – (обязательные платежи).
9. Чистая прибыль $P=H \pm$ (чрезвычайные доходы и расходы)

Затем находят объем реализации, обеспечивающий наибольшую прибыль, и максимальное значение рентабельности.

Десятый этап – определение точки безубыточности. Команда возвращается к анализу затрат и разделяет их на переменные и условно-постоянные. После этого студенты находят функцию затрат (издержек), представляя ее в табличном виде, а также графически. При определенной на предыдущем этапе цене продукции студенты находят функцию выручки (нетто), представляя ее также таблично и графически. Затем находят приближенно координаты точки безубыточности, как точки пересечения функции издержек и функции выручки. Таким образом, определяются области прибыли и убытков, а также минимальный объем выручки и минимальный объем реализации, обеспечивающие безубыточность производства.

Одиннадцатый этап – интерпретация и анализ модели. Студенты анализируют полученные ре-

зультаты, делают выводы о перспективах деятельности «виртуальной фирмы» в реальной рыночной среде, условиях рентабельности, определяют стратегии развития.

Таким образом, предложенная методика следует логике бизнес-плана: исходная точка – выявленная (или предполагаемая) потребность в товаре или услуге, промежуточные пункты – производство и его организация, далее – расчет финансовых показателей деятельности фирмы и условий ее безубыточности, и в заключение – перспективы и стратегии.

Организация самостоятельной работы по проектной методике обеспечивается регулярным обсуждением проектов с преподавателем, практическими заданиями по темам дисциплины с привязкой к конкретным проектам, дискуссиями в группе и конечно, контролем работы по этапам выполнения проекта.

Результаты применения методики. Опыт использования данной методики для организации самостоятельной работы студентов над проектом мы оценивали с точки зрения достижения трех основных целей. Первая цель – повышение мотивации в силу заинтересованности в составлении проекта. Большая часть группы предпочла составление и защиту проектов в качестве экзаменационной технологии (студенты имели возможность не участвовать в проектах и сдавать экзамен на основе тестирования). Мы находим для этого следующие объяснения: во-первых, связь с жизнью, с реальными условиями бизнеса, чего так не хватает в учебном процессе; во-вторых, самостоятельность работы над проектом и ее творческий характер; в-третьих, создание собственными руками «виртуальной фирмы» отвечает потребности человека в игре (недаром в свое время были популярны игры типа «монополии»). Заинтересованность в составлении проекта привела к тому, что студенты активно изучали теоретический материал по экономике фирмы, содержащийся в лекционном курсе, а также за его пределами. Таким образом, можно считать, что цель повышения мотивации достигнута.

Вторая цель – формирование представлений о реальных условиях деятельности фирмы. С этой точки зрения интересен выбор основы для создания модели «виртуальной фирмы». Три команды буквально следовали предложенной методике, выбирая в качестве основы моделирования небольшие «виртуальные» производства. Это объясняется тем, что практику студенты проходили в основном в бюджетных организациях и о деятельности производственных фирм имели весьма слабое представление. В ходе работы над проектом они получали не только теоретические, но и практические знания об экономических и технологических сторонах деятельности предприятия.

Три команды выбрали за основу вполне реальные фирмы, на которых они проходили производственную практику. Но знания, полученные студентами в ходе практики, касались в основном организационной структуры и системы управления, а производственные процессы и финансовые показатели деятельности фирмы, студентам были практически неизвестны. В ходе выполнения проекта команды неоднократно общались с менеджерами фирм, получали и уточняли технологическую и экономическую информацию об их деятельности. В дальнейшем, эти студенты планируют прохождения практики на исследованных предприятиях, используя построенную модель при написании ВКР.

Три команды в качестве основы для проекта «виртуальной фирмы» выбрали бизнес-идеи, которые они хотели бы воплотить. Одна команда выбрала идею коммерческого проекта по созданию гостиничного комплекса в районном центре Сусанино на месте недостроенного здания. В данном случае студенты рассчитывали оценки эффективности инвестиционного проекта, определив предварительно затраты и прибыли от его реализации. В результате команда создала вариант бизнес-плана гостиничного комплекса с учетом реальных условий. Другая команда разработала бизнес-план завода по производству сыра на основе современной автоматизированной технологии. В бизнес-плане рассчитаны производственные и финансовые показатели, найдены конкурентные преимущества, определены поставщики и схемы кредитования. Третья команда разработала бизнес-проект фирмы по производству пластиковых труб. В ходе защиты проектов выявились слабые места бизнес-планов, что вполне объясняется отсутствием у студентов практического опыта. Однако, процесс обсуждения бизнес-планов с точки зрения их практической реализации явился не менее полезным, чем процесс их составления, для получения и закрепления знаний по экономике фирмы. Заметим, что серьезность намерений по реализации бизнес-плана проявилась в реакциях студентов на высказанные замечания: они их записывали, предлагали варианты улучшения бизнес-плана.

Третья цель – повышение уровня знаний теоретического материала по дисциплине (по сравнению с уровнем, достигаемым без участия в работе над проектом). Очевидно, что для обоснованных выводов по достижению данной цели необходимо более углубленное исследование, основанное на эксперименте, включающем контрольную группу. Такого рода исследование мы не проводили, и сравнение уровней знаний студентов, участвовавших в проекте, с уровнем тех, кто в проектах не участвовал, также не является корректным, поскольку во вторую группу попали относительно слабые студенты. Тем не менее, по нашим наблюдениям уровень знаний, который студенты де-

монстрировали в ходе защиты проектов и ответов на теоретические вопросы, оказался достаточно высоким. Мы объясняем успешное усвоение знаний *эффектом актуализации* теоретических конструкций дисциплины, возникающим в результате «приземления» понятий и методик на экономику конкретной фирмы. Студенты осваивают понятия и методы по мере осознания проблемы, для решения которой эти методы предназначены, актуальность проблемы осознается на личностном уровне, потому что от ее решения зависит успешность разрабатываемого командой проекта.

Следует отметить, что работа над проектами и ее обсуждение способствовала повышению уровня знаний не только по экономике фирмы, но также и по ряду других дисциплин: микроэкономике (издержки, выпуск, конкуренция), макроэкономике (налоги, экономическая политика), бухгалтерскому учету (счета), а также по профильной дисциплине – моделированию бизнес-процессов.

Организация самостоятельной работы студентов по методике проектов потребовала переосмысления содержания и формы аудиторных занятий, в особенности лекций. Мы использовали электронную презентацию как некий «скелет» теоретического содержания дисциплины, что избавило от необходимости конспектирования и оставило время для обсуждений и дискуссий по лекционному материалу. На практических занятиях мы применяли как традиционные формы (опрос, решение типовых примеров), так и формы текущих отчетов по проектам, привязанные к темам практических занятий. Оценки, выставленные по результатам практических занятий, учитывались при выстав-

лении итоговой оценки по дисциплине – это необходимо, чтобы не возникала уравниловка среди членов команды, работающей над одним проектом.

Достигнутые положительные эффекты от применения метода проектов в преподавании «Экономики фирмы» могут быть значительно усилены, если для «виртуальной фирмы» студенты будут проектировать ее информационную систему, описывать бухгалтерскую документацию, оплату и нормирование труда, разрабатывать стратегии управления и маркетинга. Итогом может стать не только усиление междисциплинарных связей, но также создание кейсов для последующего использования в учебном процессе. Организация междисциплинарных проектов, в которых могут участвовать студенты различных направлений подготовки, является, безусловно, задачей более сложной. Она требует организационных решений на уровне института экономики, взаимодействия различных кафедр и разработки междисциплинарной комплексной методики. Однако трудности решения этой задачи будут вознаграждены созданием инновационной, интерактивной и практико-ориентированной методики обучения.

Библиографический список

1. Брагина З.В. Монолог о совершенствовании экономического образования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Экономика. – 2013. – С. 73–77.
2. Скаржинская Е.М. Экономическая эффективность преподавания экономических дисциплин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Экономика. – 2013. – С. 60–62.

Безденежных Анастасия Вячеславовна
Московская государственная академия водного транспорта
savrula@gmail.com

Безденежных Вячеслав Михайлович
доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
savrula@gmail.com

Нуждин Эдуард Герасимович
кандидат экономических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
gwerty260874@rambler.ru

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПРИ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВОЙ И НОРМАТИВНОЙ ФОРМ ОБСЛУЖИВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕПОЗИТАРИЕВ

В статье рассматриваются и обосновываются модели доверительного управления собственностью, обеспечивающие более эффективное использование открытых биржевых торговых систем, контролирующую собственность и доходность, более четкую юридическую базу для требований выполнения обязательств всеми участниками рынка.

Ключевые слова: биржевая торговля, управление рисками, стандарты обслуживания, права собственности, рынок ценных бумаг.

Объективные процессы глобализации мирового рынка капитала ставят вопрос о выживании национального фондового рынка в России в новых форматах глобализационных процессов. Об актуальности такой постановки вопроса свидетельствует, например, большая доля иностранных рынков в совокупном объеме привлечения инвестиций российскими компаниями. Сохраняется проблема построения эффективной инфраструктуры национального рынка, которая сможет удовлетворить потребности как отечественных, так и иностранных инвесторов. Не завершено формирование эффективной системы регулирования фондового рынка, опирающегося на лучший мировой опыт в этой области.

Наконец, серьезным сдерживающим фактором развития российского фондового рынка является недостаточно благоприятный инвестиционный климат, причиной которого среди прочих причин стали вводимые санкции и ограничения. Это тормозит приход в Россию иностранных долгосрочных инвесторов, проблема дефицита которых остается крайне актуальной. Однако политические и экономические факторы, влияющие на инвестиционный климат, находятся за пределами собственно фондового рынка.

Актуальность разработки концептуальных вопросов развития российского фондового рынка и регулирования правовых рисков на долгосрочный период связана в основном с двумя обстоятельствами:

- объективной необходимостью удлинения периода программирования развития;
- углублением глобализации мирового рынка капитала, ставящего повышенные требования к конкурентоспособности национального финансового рынка и многократно увеличивающего плату за эту конкурентоспособность.

Современная макроэкономическая ситуация, достигнутый уровень социально-экономического

развития и углубление глобальной конкуренции, в том числе на рынках капитала, ставят перед каждой страной вопросы оптимального выбора траектории долгосрочного развития [7]. Такие вопросы встают перед государством и перед бизнесом. Сегодня уже невозможно выигрывать конкурентную борьбу, иметь уверенность в сохранении своего бизнеса и даже национального рынка на ближайшие 10–15 лет без долгосрочного предвидения и столь же долгосрочного целеполагания. Анализ проблем стратегического управления выходит за формат данной статьи, не станем на них останавливаться подробно. Отметим только ряд фактов.

1. В настоящее время государственные органы уже вышли на трехлетний горизонт разработки программ развития. На смену годовым бюджетам приходит трехлетний финансовый план.

2. В финансовой сфере сложилась практика подготовки среднесрочных программ. Два ранее разработанных программных документа, содержащих цели (и задачи) развития и меры по их достижению — «Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на 2006–2008 годы» и «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года» — имеют трехлетний горизонт. Программа создания международного финансового центра разработана на период 2010–2015 гг. и далее до 2020 г.

3. Трехлетний период считается среднесрочной перспективой, когда речь идет о разработке программ социально-экономического развития.

Но этого уже недостаточно: современные условия, в которых находится Россия, ставят вопрос о переходе к более длительным периодам программирования. Сошлемся, в частности, на прогноз Д. Стросс-Кана (руководителя МВФ в 2010 г.) о грядущих кризисах, цикл которых просчитывается (11 лет и 22 года — 2018 г., 54 года — 2026–2028 гг.) [5].

Многие вопросы, которые будут оказывать критически важное влияние на развитие финансового сектора, требуют разработки мер по их решению сегодня, за 5–10 лет до наступления ситуаций, в которых нерешенность данных вопросов может негативно сказаться на развитии национального финансового рынка и на перспективах развития всей социально-экономической системы. При этом под долгосрочной перспективой понимается период до 2020–2025 года.

Предпримем попытку наметить пути решения проблем и обозначить возможные меры по регулированию глобальных и локальных угроз и рисков в правовом поле, в частности на финансовом рынке, которые будут иметь особое значение в долгосрочной перспективе, и, соответственно, определить комплекс шагов по решению выявленных проблем долгосрочного характера.

Ключевая роль организации эффективной системы расчетов по сделкам с финансовыми активами должна быть отведена созданию комплекса условий, позволяющих, в частности, реализовывать механизм «поставки против платежа» как на внутреннем рынке России, так и при расчетах за пределами Российской Федерации и прочие условия, действующие на развитых рынках. Обеспечение таких условий устраняет многие причины для того, чтобы российские ценные бумаги и связанные с ними финансовые инструменты торговались за рубежом [6; 8; 10; 11].

Одним из наиболее важных векторов развития можно считать предпринимаемые Банком России усилия по созданию системы расчетов в режиме реального времени (RTGS), именуемой системой электронных срочных платежей (БЭСП). Эта система обеспечивает процесс непрерывной обработки и исполнения платежей в режиме реального времени. Традиционно такие системы используются для крупных срочных переводов, что особенно актуально для сделок с финансовыми активами. Принципы, на которых функционирует система RTGS, позволят поддерживать ликвидность (в том числе внутридневную) участников системы со стороны Банка России как кредитора последней инстанции. Для внутреннего рынка важно недискриминационное включение в эту систему расчетных организаций, обслуживающих все инфраструктурные группы в качестве участников прямых расчетов.

В систему БЭСП должны быть включены наиболее крупные инфраструктурные организации, в том числе, расчетные депозитарии для ускорения и повышения эффективности расчетов, в частности, по технологии «поставка против платежа».

Необходимым является обеспечение свободного доступа инфраструктурных институтов – депозитариев на международные рынки, в том числе, обеспечение свободного открытия банковских счетов с возможностью использования этих счетов

для получения доходов для клиентов, а также для расчетов по сделкам. В настоящее время в валютном законодательстве устранены не все ограничения, которые препятствуют этому. В частности, закон устанавливает исчерпывающий перечень операций, в том числе осуществляемых с участием резидентов за пределами Российской Федерации, денежные средства от осуществления которых могут зачисляться на данные счета. К числу этих операций не относятся ни доходы по ценным бумагам, ни расчетные операции. Это, по сути, ограничивает свободу операций между резидентами и нерезидентами, а также между резидентами (в части разрешенных операций).

Важной является разработка механизмов доступа крупных зарубежных институтов, осуществляющих хранение финансовых инструментов, к учету российских ценных бумаг и финансовых инструментов. Без этого удовлетворительное решение задачи по привлечению зарубежных портфельных инвесторов невозможно.

Для обеспечения глобальной конкурентоспособности российской инфраструктуры финансового рынка необходимо создание условий для ее консолидации. Российская инфраструктура может стать конкурентоспособной в мировом масштабе при условии ее упрощения, капитализации и консолидации. Одновременно это позволит решить комплекс таких важных задач, как снижение стоимости совершения и исполнения сделок за счет концентрации ликвидности, унификации технических платформ и стандартов, экономии на масштабе. Эти процессы уже прошли этап подготовки и первых шагов.

Между тем, существует ряд условий, при которых консолидация инфраструктуры только и обеспечит необходимый эффект и оправдает отказ от достоинств внутренней конкуренции, существующей между инфраструктурными институтами. Одним из основных условий является определение роли государства в инфраструктуре.

Необходимой для оценки своевременности решения о консолидации является оценка целесообразности участия государства в капитале инфраструктуры. Такая оценка должна быть дана с точки зрения задач, которые стоят перед государством и оправдывают его участие в капитале инфраструктурных институтов сейчас, когда они уже вполне сформировались, и которые государство не может решить, выполняя свою традиционную роль регулятора рыночных отношений.

Решение вопроса о роли государства как условия консолидации представляется важным, поскольку одним из главных эффектов консолидации инфраструктуры должно быть повышение возможностей ее глобальной конкурентоспособности, которая призвана выражаться в способности к совершению сделок по слиянию и поглощению

в отношении иностранных инфраструктурных институтов или проникновению в инфраструктуру стран, для которых Россия намерена стать финансовым центром.

Совершенствование регулирования клиринговой деятельности – следующий важный элемент правового регулирования в новом формате глобализации. Наиболее крупные международные клиринговые организации (LCH, UREX Clearing AG, NSCC) играют роль центрального контрагента. Для организованных рынков с большой емкостью обособление и централизация клиринговых услуг, включающих гарантии завершения расчетов, создание полноценной системы управления рисками обуславливают развитие института центрального контрагента. Именно клиринг сделок с участием центрального контрагента является наиболее прозрачной моделью многостороннего клиринга и делает риски минимальными.

Необходимым является установление правовых основ и формирование правовых моделей создания гарантийных и иных фондов центрального контрагента, для того чтобы обеспечить клиринговыми организациям возможность управления типичными для их деятельности рисками – кредитным и риском ликвидности, и основным – риском исполнения (завершения) расчетов. В рамках действующего законодательства термин «центральный контрагент» не используется, и с точки зрения гражданского, банковского, налогового и иных отраслей законодательства центральный контрагент по сделке будет рассматриваться как обычный участник сделки. Это существенно увеличивает риски центрального контрагента, который исполняет роль стороны по сделке лишь как прием управления рисками [2].

Желательным является создание на российском фондовом рынке одного капитализированного центрального контрагента. Это может быть сделано как в результате консолидации всей инфраструктуры, так и независимо от этого, однако в последнем случае решение такой задачи, как и обеспечение эффективности деятельности одного центрального контрагента, существенно затрудняется.

Создание центрального депозитария является самостоятельной задачей, которая должна решаться в любом случае, будет или нет осуществлена консолидация биржевой инфраструктуры.

На первом этапе создается централизованная учетная система, включающая крупнейшие в России расчетные депозитарии с тем, чтобы обеспечить на недискриминационной основе взаимодействие между ними и фондовыми биржами независимо от места совершения сделок. Создание центрального депозитария или централизованной учетной системы, связанной с международными центральными депозитариями и крупными зарубежными ответственными хранителями, обеспе-

чит возможность доступа на российский рынок тех инвестиционных институтов, для которых их национальные регуляторы предусматривают соответствующее требование. Чрезвычайно важным это является также и для привлечения иностранных портфельных инвесторов к участию в первичных размещениях на российском фондовом рынке. Представляется необходимой защита российской инфраструктуры от риска ее поглощения иностранной, для чего в законодательство должны быть внесены соответствующие ограничения.

За многие годы в мировой практике сложилась два подхода к управлению рисками в процессе развития мирового фондового рынка [1].

1. Подход основан на включении национальных фондовых рынков в международную биржевую торговую систему с едиными стандартами обслуживания всех профессиональных участников рынка ценных бумаг.

2. Подход предусматривает использование фондовых инструментов для внебиржевых торговых систем и частных программ размещения ЦБ «по подписке».

Оба подхода используют одну из двух международных форм правового обслуживания:

- на основе континентальной европейской модели;
- англо-американской модели права собственности (различных видов траста).

Рассмотрим возможности двух моделей.

Континентальная модель законодательно более строго защищает право на доход и имущества эмитента и инвестора, а также предписывает осуществлять строгий контроль действий каждого участника рынка в отношении прав собственности и механизмов инвестиций в предприятия эмитентов [9]. Она более строго регламентирует допуск новых участников и ценных бумаг, а также полномочия по проведению операций с кастодиальными счетами. Каждый участник должен письменно подтверждать имена лиц, которым поручено управление имуществом клиентов.

Континентальная модель предполагает для своего успешного функционирования информационную прозрачность фондового рынка, где эмитент и инвестор представляют открыто позиции друг друга и способны корректировать действия остальных участников рынка.

Англо-американская модель защищает, прежде всего, участника рынка, на которого переписывается в данный момент доверительная собственность (брокер, Глобальный Кастодиан, трастовые компании и т.д.). Именно этим, по мнению В.В. Овчинникова [4], объясняется сложное законодательное пространство, окружающее эту модель и не всегда способное отстоять справедливое право на доход инвестора и эмитента, передавших свою собственность в траст. Если продавец и покупа-

тель ценных бумаг вступают с другими участниками рынка в трастовое отношение, то последнее упрощает требования к проверке финансовых документов и показателей деятельности эмитента и представляет обоим участникам налоговые льготы в обмен на то, что часто ни продавец, ни покупатель не могут и не имеют права определить свой истинный доход и удовольствуются тем, что им выплачивают посредники. Иными словами, траст приносит выгоду, прежде всего, другим участникам сделки (брокерам) и лишь в последнюю очередь владельцам ценных бумаг. В этом случае нет необходимости создавать электронные системы, способные контролировать каждый шаг посредников, владеющих доверительной собственностью, и право приобретения самой собственности. Но необходимо составлять подробные договоры с указанием рисков, убытков и доходов.

Парадокс фондового рынка России заключается в том, что усилия участников направлены на развитие отношений между эмитентами и посредниками на основе англо-американского траста. В тоже время основной Федеральный закон России (Гражданский кодекс РФ) основан на доверительном управлении имуществом, осуществляемым одним из участников рынка по поручению владельца. Это приводит к ориентации на более дорогие американские кредиты и ограничивает возможности более дешевых европейских в формате Global Custody [3, с. 138–139].

Можно констатировать, что имеются две альтернативы развития отношений российского финансового рынка с международным фондовым рынком корпоративных ценных бумаг и соответствующие группы рисков.

1. На основе **трастовой модели развития** программ ADR облигаций, главным образом, через закрытые торговые системы. В них возникает большая опасность нарушения обязательств перед эмитентами лиц, размещающих ЦБ, деформации внутреннего рынка страны, отсутствия приемлемых инвестиций в производство под новые выпуски ЦБ, увеличения сроков и затрат на подготовку программ, переноса основного объема торгов на рынок США, неконтролируемости скупки акций на внутреннем рынке России с последующей и перепродажей на западных рынках конкурентами и т.д.

2. На основе **модели доверительного управления** собственностью, обеспечивающей более эффективное использование открытых биржевых торговых систем, контролируемую собственностью и доходность, более четкую юридическую базу для требований выполнения обязательств всеми

участниками рынка. Данная модель использует механизмы биржевого листинга и требует точности поставки ЦБ против платежа. Основной принцип заключается в том, что с момента поступления бумаги на счет ДЕПО покупателя до момента поступления денег на счет продавца проходят минуты. Если происходит задержка оплаты, то покупатель выплачивает проценты за опоздание или, если продавец опаздывает с поставкой ЦБ, то он делает скидку на стоимость ценных бумаг.

Таким образом, можно рекомендовать второй подход, как более отвечающий условиям российского рынка ценных бумаг. Естественно, это требует создания соответствующей инфраструктуры с четким взаимным контролем действий банка, депозитария, регистратора, и, конечно, банка Глобального Кастодиана. Использование возможностей Глобального Кастодиана расширяет доступ к разным биржам мира и повышению доходности за счет разных часовых поясов бирж и снижению рисков различной природы.

Библиографический список

1. Вяткин В.Н. Базельский процесс. Базель 2 – управление банковскими рисками. – М.: Экономика, 2007.
2. Миркин Я.М., Zubkov И.В., Росляк Ю.В. Правонарушения на финансовом рынке. Выявление, анализ и оценка ущерба: справочник для сотрудников правоохранительных органов. – М., 2007. – 411с.
3. Овчинников В.В., Бочаров В.Е., Андрияшин Ю.Н. Крах мировой финансовой эйфории. – М.: МИМБ, 2008. – 304с.
4. Овчинников В.В. Глобальная конкуренция. – М.: ИНЭС, 2007. – 345 с.
5. Пелих С.А., Рачковская О.В. Две концепции развития фондового рынка // Финансы. – 1999. – № 10. – С. 56–58.
6. Ральф Т. История возникновения и развития финансовых рынков // Политэконом. – 1998. – № 2. – С. 112–119.
7. Седов С. Международное движение капитала: глобальное воздействие региональных кризисов // Общество и экономика. – 2003. – № 2. – С. 63–76.
8. Ткачев В. Глобализация мировых финансовых рынков // Страховое дело. – 2000. – № 8. – С. 22–29.
9. Шумилов В.М. Введение в правовую систему ФРГ. – М.; Бремен, 2001.
10. Хайчжоу Х. Кэл В. Финансовая стабильность в мире глобальных финансов // Финансы и развитие. – 2002. – № 1. – С. 13–16.
11. Хойслер Г. Глобализация финансов // Финансы и развитие. – 2002. – № 1. – С. 10–12.

Синявский Николай Григорьевич

доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Дадалко Александр Васильевич

кандидат экономических наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
antikriais1@bk.ru

Нуждин Эдуард Герасимович

кандидат экономических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
gwerty260874@rambler.ru

МОДЕЛЬ «ОТРАСЛЬ-ТЕРРИТОРИИ» ДЛЯ ЛПК

В статье описаны соотношения модели взаимодействия лесной отрасли и территорий, участвующих в развитии отрасли. Модель представлена в виде когнитивной карты. Использование такой модели послужит разрешению противоречий между целевыми задачами отраслей и территорий, мешающих инновационному развитию отрасли.

Ключевые слова: модель, когнитивный, лесной, комплекс, регионы.

Лесопромышленный комплекс (ЛПК) России справедливо относится к депрессивным отраслям промышленности [2]. Усилия по привлечению инвесторов, как правило, не доходят до практического внедрения. Причем проблемы инвестирования увеличиваются с увеличением размеров требуемых инвестиций, когда в инвестиционных проектах может участвовать несколько регионов. Важной причиной существования таких проблем является недостаток методической базы для поддержки взаимодействия отраслей и территорий. В статье предлагается модель взаимодействия лесной отрасли с территориями, на которых расположены предприятия отрасли. Моделирование таких сложных социально-экономических систем, как отрасль или хозяйственный комплекс региона, опирается на идеи и теории синергетики, нелинейной экономической динамики, когнитивного моделирования. Предложенная модель представлена в виде когнитивной карты, объединяющей когнитивные карты отрасли и территорий. Результатом разработанной модели системы «отрасль-территории» является предложение перехода к управлению инвестиционным развитием отрасли с использованием результатов исследования взаимодействия отрасли и территорий. Исследование отраслей промышленности предполагает учет определенных особенностей:

- необходимости подробного исследования региональных проблем при анализе отраслевых стратегий;
- необходимости проведения активной государственной политики по управлению структурой отраслей в сочетании с созданием благоприятного инвестиционного климата;
- необходимости тщательного анализа последствий реализации каждой отраслевой стратегии.

Эти требования влекут за собой особенности разработки моделей.

1. В систему методик и моделей целесообразно включать модели регионов, участвующих в реализации отраслевых стратегий.

2. Методики должны учитывать целенаправленный характер мер централизованного регулирования отраслевых процессов и случайный характер инвестиционных предложений.

3. Использование моделей, носящих общий характер (таких, например, как межотраслевые модели «затраты – выпуск») представляется затруднительным.

Методы и модели для исследования сложных социально-экономических систем делятся на нормативные и дескриптивные. Первые предназначены для оптимизации стратегий развития систем, вторые используются для получения подробных прогнозных оценок состояния системы.

В настоящее время, как правило, в дескриптивных моделях используются результаты дескриптивного моделирования.

Общая точка зрения экономистов состоит в том, что существует возможность агрегирования различных показателей, характеризующих такие объекты управления, как регион или отрасль.

Отсюда следует, что при описании процедуры выбора рациональных отраслевых стратегий, мы можем принять следующие основные положения:

- отраслевая стратегия реализуется через регионы;
- существует свертка отраслевых и региональных критериев, которая является критерием выбора стратегии;
- существует процедура принятия решений о приемлемости инвестиций.

Первая часть задачи состоит в выборе из заданного множества возможных стратегий государственного регулирования отрасли рациональной стратегии как с точки зрения развития отрасли, являющихся объектом регулирования, так и с точки зрения развития соответствующих территорий. Вторая часть задачи связана с тем, что реальные инвестиционные предложения могут существенно отличаться от их априорной оценки. Требуется оценить соответствие фактического инвестиционного процесса целям инвестиционной политики и вне-

сти необходимые коррективы в выбор стратегии. Процедура решения задачи выбора рациональных стратегий регулирования отраслей приведена в [2].

При разработке модели необходимо учитывать, что главным критерием экономического состояния региона является валовый продукт. В то же время одного этого критерия недостаточно для полной оценки региона. Региональное моделирование строится на анализе промышленных комплексов. Первое и наиболее очевидное членение экономики региона – это отраслевая структура [4]. Это обусловлено базисной ролью экономики для региона и возможностью использования информации, отражающей состояние отраслей. Только в 23 регионах России промышленность не играет ключевой роли в жизни региона. Но и в этих случаях целесообразно диагностировать причины ее низкой роли в жизни территории. Подробные данные, характеризующие текущее состояние и перспективы развития промышленности, доступны не только на уровне регионов, но и отдельных их районов и городов, основных отраслей и крупных предприятий. Иногда отсутствие каких-либо подробных сведений по другим секторам экономики вынуждает опираться только на промышленную статистику для сопоставления развития разных территорий. При всей погрешности результатов такое сравнение позволяет оценить уровень развития регионального хозяйства и хотя бы в общих чертах охарактеризовать связь экономики и социальной сферы.

Экономика региона состоит из следующих секторов:

- отрасли, производящие товары (промышленность, сельское хозяйство и строительство); доступна информация о ВРП по 33 отраслям;
- рыночные услуги (транспорт, связь, торговля и общественное питание, жилищное хозяйство, коммунальное хозяйство, наука и научное обслуживание, здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение, образование, культура и искусство, управление); публикуются также данные по 10 отраслям;
- нерыночные услуги; по всем регионам приводятся консолидированные данные по производству в 8 отраслях нерыночных услуг.

В каждом регионе необходимо выделить ключевые отрасли. Чаще всего, такими отраслями являются машиностроение, металлообработка, пищевая промышленность, электроэнергетика, топливная промышленность. В некоторых регионах главную роль играют черная и цветная металлургия, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Но эти отрасли, тем не менее, являются достаточно важными в большом количестве регионов. Некоторые отрасли (например, химическая и нефтехимическая) не являются ведущими ни в одном регионе, но являются важными для страны в целом.

Централизованная специализированная поддержка регионов оказывается по следующим направлениям:

- программы развития территорий;
- инвестиции из федерального бюджета;
- передача собственности;
- комплексная поддержка социально-экономического развития;
- использование федеральных возможностей для решения проблемы безработицы;
- предоставление государственных гарантий для кредитования;
- поддержка северных территорий;
- установление особых организационно-правовых режимов;
- использование внебюджетных фондов в интересах территорий.

Помощь регионам может оказываться и по отраслевым каналам. Например, это имеет место при поддержке предприятий угольной промышленности, горно-металлургического комплекса, агропромышленного производства.

Итак, основным направлением поддержки регионов должно быть вовлечение их в решение отраслевых программ и развитие инфраструктуры регионов, поскольку такие направления инвестирования способствуют развитию как регионов, так и отраслей промышленности. Кроме того, прогноз эффективности таких программ более обоснован, чем других направлений инвестиций, и реальные результаты реализации таких направлений проявляются гораздо быстрее.

В развитых странах воздействие на территории формируется в виде региональных программ. Региональное программирование, будучи системой централизованных и децентрализованных среднесрочных и долгосрочных программ развития, характеризуется активным воздействием на процессы формирования территориальной структуры хозяйства и представляет собой специфическую форму системного воздействия государства на экономику страны через пространственные формы ее организации [3]. Целями территориальных программ является, главным образом, решение задач развития промышленности [5]:

- создание промышленных, агропромышленных, транспортных и других комплексов;
- формирование производственной или социальной инфраструктуры;
- экономическое стимулирование отдельных районов и отраслей хозяйства для создания возможностей размещения производства;
- оптимизация концентрации производства и населения.

Рассмотрим формализацию задачи выбора рациональной региональной стратегии.

Для построения модели системы «отрасль–территория» используем региональную модель, разработанную

О.В. Голосовым и О.В. Лаптевым [1], адаптированную для исследования системы «отрасль-территории». Возможность адаптации обусловлена тем, что она является мезоэкономической, оптимизационной, прикладной, имитационной, интерактивной.

Целевая функция для отрасли (совокупности отраслей) имеет следующий вид:

$$F(X; D; N_1, N_2, N_3; I; MR; TR; S),$$

где X – вектор объемов производства в отрасли; D – уровень заработной платы в отрасли; N_1 – налоги, связанные с реализацией продукции ЛПК (на прибыль, НДС, акцизы); N_2 – налоги на доходы физических лиц; N_3 – налог на имущество; I – инвестиции; MR – материальные ресурсы; TR – трудовые ресурсы; S – структура отрасли.

Объемы производства определяются структурой отрасли и наличием ресурсов и инвестиций, т.е.:

$$X = f(S, TR, PR, I).$$

Если определены рациональные объемы производства, то можно найти уровень заработной платы:

$$D = \varphi(X).$$

Вектор налогов, связанных с реализацией продукции, может быть определен как функция объема производства, доходов физических лиц и отчислений от налогов:

$$N_1 = \varphi_1(X, D, N_2).$$

Налоги на доходы физических лиц являются функцией суммы доходов:

$$N_2 = \varphi_2(D).$$

Предприятия отрасли платят налог на имущество, транспортные и земельный налоги. Т.е. совокупность этих налогов определяется функцией:

$$N_3 = \varphi_3(X).$$

Предприятия отрасли также платят за использование природных ресурсов. Сумма этих платежей зависит от объема производства, т.е.:

$$C = \psi(X).$$

Поскольку стратегии ЛПК реализуются через региональные программы, то в отраслевую модель включим региональные модели. Отраслевые инвестиции I распределяются по территориям. Отраслевые инвестиции, распределенные в k -й регион обозначим через I^k .

Совокупность параметров модели k -го региона обозначим через R^k ,

$$R^k = (X^k, T^k, D^k, N^k, C^k, I^k, U_1^k, U_2^k, U_3^k).$$

Объем производства X^k является функцией от I^k : $X^k = f^k(I^k)$ – инвестиционных потоков на валовой региональный продукт; R^k является функцией от X^k : $R^k = \chi^k(X^k)$.

При этом должны выполняться ограничения:

$$\text{– на природные ресурсы: } \sum_j \alpha^{kj} X^{kj} \leq A^k_i;$$

$$\text{– на трудовые ресурсы: } \sum_j \beta^{kj} X^{kj} \leq B^k_i;$$

– на объемы производства в регионах: $X^{kj} \geq Y^{kj}$, где X^{kj} – объем производства j -го продукта в регионе; Y^{kj} – задаваемые экзогенно показатели мини-

мальных объемов производства; α^{kj} – коэффициенты текущих затрат i -го продукта в производстве j -го продукта; A^k_i – наличные природные ресурсы вида i в регионе; β^{kj} – коэффициенты трудовых затрат; B^k_i – наличные трудовые ресурсы вида i профессиональной группы; N^k – налоги и платежи; C^k – платежи за использование материальных ресурсов; I^k – инвестиции; U^k_1 – объем вводимого жилья (площадь жилых домов); U^k_2 – финансирование здравоохранения; U^k_3 – финансирование образования.

Определение оптимальных объемов производства продукции позволяет также рассчитать доходы населения и далее объемы товарооборота и налоги на доходы физических лиц:

$$D^k = \varphi^k(X^k_0) \text{ – доходы населения;}$$

$$T^k = \tau^k(D^k) \text{ – товарооборот;}$$

$N^k_2 = \varphi^k_2(D^k)$ – налог на доходы физических лиц, где D^k – объем денежных доходов населения в регионе; T^k – объем товарооборота; X^k_0 – вектор оптимального выпуска продукции в регионе.

Предполагаем, что налоги, связанные с реализацией продукции, налог на имущество, платежи за использование природных ресурсов являются функцией объема производства:

$$N^k_1 = \varphi^k_1(X^k_0) \text{ – налоги, связанные с реализацией продукции;}$$

$N^k_3 = \varphi^k_3(X^k_0)$ – совокупность налогов, связанных с внеоборотными средствами (налог на имущество, транспортный и земельный налоги);

$$C^k = \psi^k(X^k_0) \text{ – платежи за использование природных ресурсов.}$$

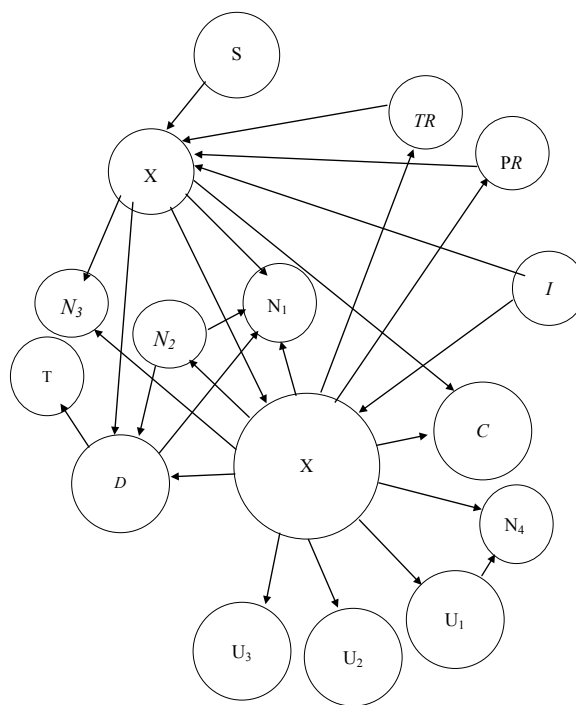

Рис. 1. Базисная когнитивная модель «отрасль-территории».

Источник: составлен авторами с использованием [1]

Кроме того, при проведении вариантных расчетов учитывается воздействие:

$N_4^k = \varphi_4^k(U_1^k)$ – вводимого жилья на налоги с имущества населения;

$U_1^k = \eta^k(X_0^k)$ – валового регионального продукта на объемы вводимого жилья;

$U_3^k = \omega^k(X_0^k)$ – валового регионального продукта на финансирование здравоохранения;

$U_3^k = \varepsilon^k(X_0^k)$ – валовой региональный продукт на финансирование образования.

Базисная когнитивная модель системы «отрасль-территории» представлена на рисунке 1.

Таким образом, в статье описаны основные соотношения базисной модели системы «отрасль-территории», представлена когнитивная карта этой модели. Использование такой модели послужит разрешению противоречий между целевыми задачами отраслей и территорий, мешающих инновационному развитию отрасли.

УДК 351.711

Библиографический список

1. *Голосов О.В., Лантес О.В.* Регион: модельное отображение. – М.: Экономика, 2007. – 194 с.
2. *Дадалко А.В.* Стратегии управления экономическими процессами в депрессивных отраслях промышленности России. – Минск: ИВЦ Минфина, 2010. – 211с.
3. *Журавлева Н.А.* Очерки государственного регионального программирования экономики в развитых капиталистических странах // под ред. А.И. Попова и В.С. Торкановского. – Л., 1988. – 292 с.
4. *Кузнецова О.В., Кузнецов А.В.* Системная диагностика экономики региона. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 307с.
5. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: Теории и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009. – 360с.

Дубков Сергей Витальевич

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
tcheckmar@ksu.edu.ru

ОБ ИНТЕГРАЦИИ РЫНОЧНОЙ И СЕТЕВОЙ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ В ИЕРАРХИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье предлагается использовать интеграционный подход для разработки стратегии развития территориальных (региональных) производителей высококачественной продукции ЛПК, который бы обеспечил охват всех уровней управления (государственного, территориального, отраслевого и корпоративного) путем формирования целевой структуры ГТОП-системы и взаимосвязи целевых совокупностей различных уровней управления.

Ключевые слова: государство, территория, отрасль, предприятие, лесопромышленный комплекс, иерархия, сеть, целевое ядро.

В настоящее время Республика Беларусь и Российская Федерация ведут активный поиск путей реализации потенциальных возможностей своей промышленности. Приоритетным путем является инновационный путь развития, позволяющий существенно повысить экономическую эффективность технологий производства высококачественной продукции, лесопромышленного комплекса. Однако переход на инновационный путь развития идет медленно. Это связано с тем, что, с одной стороны, чиновники не заинтересованы работать в новых условиях, так как инновации требуют существенной перестройки системы управления, изменения механизмов принятия решений, так как старые навыки в высоко конкурентной среде уже не работают. С другой стороны, отсутствуют научно обоснованные методики управления инновационным развитием, а также соответствующие специалисты-управленцы. Таким образом, возникает противоречие между потребностью в развитии системы инновационного управления, обеспечивающей долгосрочную конкурентоспособность, и существующей практикой принятия управленческих решений. Данное противоречие может быть снято только за счет раз-

вития методологии инновационного управления, связанного с моделированием экономики предприятий отраслей и территорий, в рамках которой разрабатываются интегрированные модели формализованного представления предметной области предприятий, отраслей и регионов, а также инструментов проектирования их информационно-аналитических систем.

Нами предлагается использовать для разработки стратегии развития территориальных (региональных) производителей высококачественной продукции ЛПК интеграционный подход, который бы обеспечил охват всех уровней управления: государственного, территориального, отраслевого и корпоративного. Основной задачей единой интеграционной системы является проектирование информационного обеспечения для принятия управленческих решений, обеспечивающей интегрирование информационного пространства распределенных и локальных цифровых (электронных) ресурсов иерархии «государство – территория – отрасль – предприятие» (ГТОП-системы) и комплекс программно-технических средств, позволяющих использовать эти ресурсы и осуществлять полнофункциональное управление ими.

Результатом анализа сложных сетевых взаимодействий различных уровней управления развитием лесопромышленного комплекса (ЛПК) явилось формирование целевой структуры ГТОП-системы и взаимосвязи целевых совокупностей различных уровней управления.

Инновационный путь развития является в настоящее время приоритетным для Республики Беларусь и Российской Федерации. Кроме традиционных иерархических структур появляются новые типы структур, поскольку основное требование в современных условиях – гибкость.

Сегодня в Беларуси существует следующая иерархическая структура, представляющая ее административно-территориальное деление: 6 областей, 118 районов областного и 25 внутригородского подчинения, 110 городов, включая столицу, 103 горпоселка, 1455 сельсоветов и 24117 сельских населенных пунктов [2]. На примере местного самоуправления, исходя из конкретной ситуации, сложившейся в Беларуси, можно определить базовые проблемы в сфере современной структуры государственной власти в Беларуси [2]:

- отсутствие политической воли для проведения реформы;
- наличие централизованной модели управления на региональном и местном уровне;
- несоответствие белорусского законодательства Европейской Хартии местного самоуправления;
- отсутствие официально принятых концептуальных положений и подходов к развитию местного самоуправления в Республике Беларусь;
- несоответствие принципов организации и проведения местных выборов демократическим стандартам;
- низкий уровень подготовки кадров в сфере местного самоуправления;
- потеря традиций местной общины и гражданского общества, чрезмерная бюрократизация форм прямой демократии, непрозрачность деятельности местных органов власти.

Анализируя вопрос о формировании структуры государственной власти в России, следует отметить историческую ограниченность государств тоталитарного политического режима, что проявилось в распаде СССР и аналогичных режимов [3]. По типу государственного устройства Россия является федеративным государством, состоящим из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов 89 равноправных субъектов Российской Федерации.

Можно утверждать, что изменение роли государства в 1985–1996 гг. не повлекло за собой радикальных перемен в структуре правительства и отдельных министерств и ведомств. Начавшееся в 1995–1996 годах значительное сокращение руководящего персонала практически не затронуло давно сложившиеся министерства и ведомства, однако

для некоторых вновь созданных структур (например, Министерства по антимонопольной политике и Федеральной службы по финансовому оздоровлению и банкротству) оказалось весьма болезненным. Следствием осуществленных в последнее время сокращений штатов и частых структурных изменений в высших эшелонах власти стало обострение проблем отбора и закрепления кадров. В результате, наряду с учреждениями, испытывающими недостаток кадров, существует довольно много ведомств, где кадровый состав явно раздут. Государственная власть по-прежнему включает в себя ряд конкурирующих и дублирующих друг друга структур. Само правительство по-прежнему состоит из большого числа министерств, государственных комитетов, отраслевых комитетов, служб, ведомств и других вспомогательных органов, причем эти учреждения чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Кабинет министров, входящий в правительство, также имеет сложную структуру. Российские государственные служащие, как и раньше, редко выступают с новаторскими предложениями и берут на себя инициативу. Властью наделяется слишком большое число государственных служащих на слишком многих уровнях управления. Существующая институциональная структура слишком неразвита, чтобы обеспечить проведение реформы государственного управления и государственной службы. Существующие информационные системы, поставляющие сведения об органах государственного управления и государственной службы, их руководителях, штатном расписании, а также о бюджетных ассигнованиях на деятельность этих учреждений и их фактических расходах, не интегрированы в единое целое. В системе государственного управления по существу отсутствует ориентация на качественное исполнение обязанностей и общая ответственность перед заинтересованными сторонами и различными группами потребителей ее услуг. Информация о стандартах и нормах предоставления услуг крайне скудна, служащие не заинтересованы в обратной связи с потребителями услуг и мало что делают для ее налаживания. Менеджмент государственной службы, как и связанные с ним системы управления, функционирует крайне плохо. Особенно это относится к подбору и расстановке кадров. Возможности для анализа социально-экономической политики правительства, включая ее потенциальные следствия, по-прежнему крайне сужены. То же можно сказать и о возможностях критиковать принимаемые решения. Государственные служащие не склонны заниматься разработкой теоретических основ и практических методов управления (переноса их из других государственных секторов или из частного сектора, использующего международный «передовой опыт»). В течение последних лет эффективность и результативность работы ор-

ганов государственного управления существенно снизилась из-за значительного сокращения финансирования, не позволяющего им приобретать необходимые расходные материалы и оборудование. В настоящее время российские органы государственного управления недостаточно компьютеризованы в сравнении с государственными структурами такого же масштаба и сложности в других странах.

Глобальные перемены в конце XX в. затрагивают все аспекты человеческой деятельности, что непосредственно влияет на роль и место государства в современном обществе. Чтобы ответить на многочисленные вызовы внешней среды, государство вынуждено реформировать административную систему, приспособив ее к происходящим изменениям [6].

Пытаясь справиться с этими проблемами, государственные руководители концентрируют усилия в следующих областях:

- во-первых, повышение эффективности работы госаппарата и предоставление населению более качественных услуг;
- во-вторых, развитие партнерских отношений между государственным и частным секторами и более четкое разделение их ответственности за решение возникающих проблем;
- в-третьих, налаживание многосторонних связей между государством и гражданским обществом, привлечение населения к управлению общественными делами.

За последнее десятилетие тематика совершенствования государственного управления по сложившейся практике и особенностям правового регулирования разбивалась на несколько базовых блоков: административная реформа, реформа госу-

дарственной службы, электронное правительство, бюджетная реформа. Стержневые направления совершенствования системы государственного управления обозначены в программных документах – «Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 годы» [4] и Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [9]. При этом центральными направлениями совершенствования системы государственного управления, по которым ведется систематическая работа, остаются: снижение избыточного государственного регулирования; повышение качества государственных услуг; повышение эффективности органов власти; повышение информационной открытости.

В настоящее время белорусские и российские власти реализуют масштабные программы реструктуризации и реформирования системы государственного управления и государственной службы. Намеченные реформы предполагают [5]:

- 1) реальное, быстрое и неуклонное повышение эффективности государственного управления на всех уровнях;
- 2) создание независимого и профессионального государственного управления и центральной государственной службы, штат которых комплектуется на основе квалификации и деловых качеств сотрудников;
- 3) повышение качества обслуживания и создание системы государственного управления, ориентированной на конечного потребителя услуг;
- 4) совершенствование взаимодействия между правительственными чиновниками и частным сектором (устранение административных барьеров).

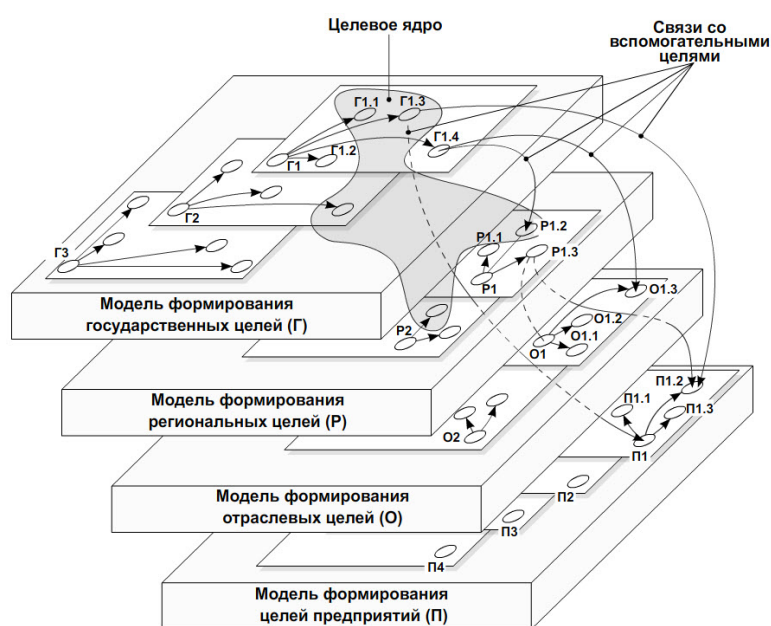

Рис. 1. Модель взаимосвязи государства, территорий, отраслей и предприятий лесной промышленности

Объекты управления зависят от объективных условий жизнедеятельности общества и воспроизводят их. Изменение структуры общества, его «интересов», сущности развития экономических и политических отношений (становление рыночной экономики, снижение активности государства в управлении обществом) порождает новые органы, новые управляемые системы. Соответственно появляются новые функции управления. По мнению И.Л. Бачило, объект управления наделен определенными функциями, целями, задачами, поэтому субъект управления должен организовать и обеспечить соответствующее состояние объекта управления [1]. Он следующим образом сформулировал подход к проблеме формирования и совершенствования системы управления: «Решить проблему формирования и совершенствования системы управления можно лишь при ориентации на объект и его потребности».

Представляется весьма перспективным выделить следующие условия эффективности сетевой системы государственного управления: интегрированность сети (при этом интеграция должна быть централизована через определенное целевое ядро, которое упрощает интеграцию и координацию участников взаимодействия); прямой механизм контроля; наличие большого количества ресурсов; стабильность отношений внутри сети. Модель формирования целевого ядра, множества вспомогательных целей и взаимосвязей для ЛПК, разработанная с использованием [2; 7; 8] представлена на рисунке 1.

Таким образом, в статье рассмотрено современное состояние системы «государство – территории – отрасли – предприятия», предпосылки для совершенствования этой системы и возможные направления ее совершенствования. Для ЛПК предложена схема взаимосвязей целевых совокупностей различных уровней управления на основе формирования целевых ядер, включающих цели различных уровней управления и определения от-

ношений совокупности целей, входящих в целевое ядро, и вспомогательных целей также различных уровней управления.

Библиографический список

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. – М.: Юрический центр Пресс, 2001. – 789 с.
2. Дадалко В.А., Дубков С.В., Дадалко А.В. Стратегии обеспечения экономической безопасности предприятий лесного комплекса. – Минск: ИВЦ Минфина. 2013. – 300 с.
3. Зарубежный опыт организации государственной службы (проведение административных реформ). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/law/00238274_4.html [дата обращения 23.10.2014].
4. Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011-2013 годы и плана по реализации мероприятий Концепции. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 10 июня 2011 года N 1021-р.
5. Парисон Н. Реформирование государственного управления в России: проблемы и трудности // Отечественные записки. – 2004. – № 2 (17) – С. 73–80.
6. Пронин Э.А. Политология. – М.: МИЭМП, 2005. – 70 с.
7. Синявский Н.Г. Оценка бизнеса: гипотезы, инструментарий, практические решения в различных областях деятельности. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 240 с.
8. Синявский Н.Г. Стратегия управления бизнесом по заготовке и переработке древесины // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 33 (198). – С. 24–31.
9. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

СПИРИТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ: ЕЕ ОБОСНОВАНИЕ В «СВЯЩЕННЫХ КНИГАХ» И БОГОСЛОВИИ

В статье представлены параллели ветхозаветного и новозаветного понимания семьи, сущностные характеристики спиритуальной модели семьи и их богословская интерпретация.

Ключевые слова: семья, христианская семья, брак, сожитительство, православие, Новый Завет, Ветхий Завет.

Спиритуальная модель семьи выстраивается на основе «священных книг»: Ветхого и Нового Заветов, которые содержат комплекс нравственно-этических требований к брачно-семейным отношениям, моральных и социальных обязательств супругов по отношению друг к другу. Однако они не предлагают законченного и целостного учения о семье, а содержат лишь руководящие идеи, получившие развитие в богословской традиции. Идейно-догматические установки выдвигают идеальные требования к семейной жизни, абсолютную систему координат существования человека в браке и семье, а механизмы регулирования брачно-семейными отношениями в условиях исторических реалий закреплены в религиозно-правовых принципах.

Ветхозаветные и новозаветные представления о брачно-семейных отношениях имеют ряд существенных различий. Идеи и принципы христианской семьи не отвергают ветхозаветные представления, в Новом Завете категории ветхозаветного мышления лишь наполняются новым содержанием. Религиозное понимание возникновения семьи предельно мистифицировано. В сакральном видении начало семьи восходит к первым дням бытия человека, она является первым естественным институтом, благословленным Богом и предстаёт как богоустановленная реальность, как реализация божественного плана. Важность ветхозаветных текстов для христианства, применительно к семье, определяется указанием на божественные истоки и природу семьи.

В Ветхом Завете существование и предназначение семьи оправдывалось исключительно репродуктивностью. В основе понимания цели ветхозаветной семьи лежит заповедь «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт., 1: 28). В Новом Завете смысл и цель семьи направляются идеей о воскресении, предполагающей наличие потустороннего бытия, таким образом отрицается материалистическое понимание брака и подчеркивается его идеальная сущность как вечного союза. Православный брак потенциально включает в себя деторождение, но не оправдывается им. При бездетности супругов брак не утрачивает своего смысла, в отличие от ветхозаветного, так

как он реализует свое высшее предназначение – духовное самосовершенствование ради спасения, ради бытия вечного. В богословской интерпретации, примат духовного начала в браке ставит и физическую близость супругов в подчинение нравственному началу и высшим целям и служит для выражения полноты единства в любви. Сущность христианской семьи заключается в духовно-нравственном единении супругов, в их совместном совершенствовании, в стремлении к полноте бытия.

Любовь выступает в качестве метафизического основания семьи. Она состоит в ее обращенности и причастности к Богу; непременно сопряжена с самопожертвованием, смирением, преданностью и терпением. Способность к реализации совокупности этих качеств и является по своей сути высшим проявлением любви супругов, что отражают и библейские сюжеты, и богословские тексты.

Спиритуальная модель семьи предельно христовцентрична. Брак, на основе которого возникает семья, является «таким действием, которое прямо исходит от Бога и приводит к Нему». Идея о прообразе семейных отношений духовному союзу Христа и Церкви и понимание семьи как «малой церкви» наполняет концепт семьи глубоким религиозным смыслом и организует весь логико-содержательный строй спиритуальной парадигмы семьи. Брак и созданная на его основе семья являются, в религиозном понимании, прямым подобием церкви, единой по существу, но множественной в лицах. В богословской традиции свойства церкви: единство, святость, соборность, апостольство – принято проецировать на семью. В контексте семейных взаимоотношений единство семьи определяется духовным и телесным единением мужа и жены и детерминировано общностью судьбы супругов. Святость семьи представлена в стремлении к христианским добродетелям и идеалам. Соборность семьи проявляется в ее иерархической структурированности, подразумевающей подчинение членов семьи ее главе. Апостольство выражается в следовании христианским семейным традициям, изложенным в «священных книгах» и трудах авторитетных богословов, приверженности православной вере.

Мистифицированно понимаются в христианстве (православии) истоки моногамии. Церковь настаивает на ее божественном происхождении – «потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть» (Быт., 2: 24). Моногамия провозглашается исторически первой и единственно возможной формой супружеских отношений. На страницах ветхозаветных текстов (Быт.: 25: 1; 29: 15–30; 30: 3–10) мы находим свидетельства о допустимости и оправданности полигамных отношений и конкуренции, которые традиционно объясняются идеей грехопадения, деструктивировавшей природу человека, жизненные устои, в том числе и сферу брачно-семейных отношений.

Половая асимметрия в семейной и социальной практиках, зависимое, подчиненное положение женщины объясняются богословами вторичной природой ее происхождения. Ева позиционируется как «первоотступница», соблазнившая Адама. Вина за грехопадение легла всецело на женщину. Спиритуальная модель семьи закрепляет главенствующую роль в семье за мужчиной. Муж, как глава семьи, отвечает за ее материальное и духовное благополучие. Жена, как его помощница, занимается ведением быта и воспитанием детей.

В ветхозаветном обществе развод допускался, так как «нравственная сила брачного союза, истинное достоинство женщин, единение мужа и жены по плоти и духу – все это такие идеи, которые были непонятны ветхозаветному человечеству. Поэтому закон, применяясь к уровню нравственного и умственного состояния (человечества), не решился объявить супружество нерасторжимым» [4, с. 175]. Новый Завет утверждает незыблемость, нерасторжимость брака. Брак, будучи онтологическим соединением мужчины и женщины, благословлен Богом и не может быть расторгнут человеком. Единственным поводом, оправдывающим разрыв супружеских отношений, упоминаемым на страницах Нового Завета, служит прелюбодеяние (Мтф., 19: 9), которое подрывает духовно-нравственные основания брачного союза. Брак в православном понимании – вневременная категория, выходящая за пределы земного бытия, и поэтому, по учению Иоанна Златоуста, «в будущем веке верные супруги безбоязненно встретятся и будут пребывать вечно со Христом и друг с другом в великой радости» [6, с. 51–52]. Браком в подлинно христианском смысле является только первый брак, так как истинный брак должен быть как союз Христа и Церкви, то есть единым и неразрывным. Все последующие браки, как не соответствующие прообразу, не имеют, с точки зрения церкви, такого значения, как первый, и допускаются по снисхождению к человеческой слабости во избежание блуда.

Примечательно, что в Новом Завете имеются существенные разногласия в отношении допусти-

мости развода. Здесь мы наблюдаем разницу в содержании Евангелий от Матфея, допускающего развод в случае прелюбодеяния, и Марка и Луки, абсолютно отрицающих возможность развода. Профессор канонического права А.И. Загоровский объясняет наличие разногласий в повествовании объективными обстоятельствами. Евангелие от Матфея, по его мнению, было адресовано палестинским христианам из иудеев и содержало параллели с ветхозаветными реалиями, а Марка и Луки ориентировано на христиан из язычников. А.И. Загоровский интерпретирует слова Матфея в том смысле, что евангелист говорит не о разводе в привычном для нас понимании, а о расторжении брака путем отвержения жены мужем, бытовавшем в обществе иудеев [2, с. 16–17].

Опознание человека как полового существа придает концепции противоречивый характер. Брак рассматривается как ситуация, в которой человек может быть максимально оправдан и возвышен как половое существо [5, с. 288], в то же время преодоление половых импульсов, аскетизм предстают как высший идеал христианской добродетели.

В богословских текстах высказывалось крайне неоднозначное отношение к брачно-семейному образу жизни. Христианство, в силу своей аскетической традиции, часто рассматривало брак весьма односторонне – лишь как средство подавления чувственной природы человека, как легализованную форму «блуда», как меньшее зло во избежание большего. Безбрачие, напротив, выступало как предпочтительный способ устройства земного бытия и служения Богу, поэтому его смысл со ссылкой на слова апостола Павла «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор., 7: 32–33), зачастую абсолютизировался.

Попытки примирения и сближения достоинства брака и безбрачия были предприняты на Гангрском соборе (IV в.), который отверг учение, осуждающее брак. Однако постановления собора, реабилитирующие богоугодность и нравственное значение брака, не положили конец разногласиям и негативным оценкам брака в богословской среде.

Несмотря на то что «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», как официальный документ, отражающий позицию церкви, подтвердили высокий статус брака наравне с безбрачием, тенденция абсолютизации безбрачия сохраняется. Показательна в этом отношении позиция А. Рогозянского: «Невозможно оставить супружество без внимания и попечения, т. к. это есть небрежение о святине его и уход от реальности на мнимые спиритуалистические высоты. Но и провозглашение брака и жизни семьи безусловными благами по-своему также недопустимо, ибо на примере иудаизма можно видеть, к какой горды-

не и противлению способны прийти возведенные в культ родство и семейный порядок» [7, с. 64].

Христианство закрепляет «противопоставление духовного “верха” и материально-телесного “низа”» [1, с. 6]. В стремлении возвеличить духовное начало в человеке физиологические аспекты взаимоотношений, выходящие за пределы функции размножения, низводятся до уровня греховного состояния. Богословы ставят учреждение брака в зависимость от идеи грехопадения, обстоятельно разработанной Августином. Согласно святоотеческой интерпретации, брак был неизвестен первому человеку и возник по причине нарушения божественной заповеди – как уступка человеческой слабости. Доминирующим становится утверждение, что брака до грехопадения не было, поэтому брак понимался преимущественно как снисхождение.

Учение Григория Нисского утверждало брак «печальной трагедией»: «если бы не первородный грех, то ничего подобного вообще не было». Он проводит идею о возможности иного способа размножения человечества, подобного ангельскому, однако вследствие грехопадения человечество утратило данную возможность, и поэтому бог «дает людям способ взаимного преемства, скотский и неразумный» [3, с. 45]. Взгляды Григория Нисского, являвшегося бесспорным авторитетом в раннехристианском церковном сообществе, оказали огромное влияние на воззрения Блаженного Августина, Амвросия, Григория I и других служителей культа и на много столетий вперед предопределили подозрительное отношение к браку. Исидор Пелусиот считал, что в браке человек ничем не отличается от представителей животного мира. Прокопий Газский отмечал, что «хотя брак наш – грех, однако он же причина благословения и размножения. Брак не было в раю до греха. Если вернемся откуда ниспали, брака не будет, по словам Спасителя, как не будет и смерти. А отсюда очевидно, что его не было в начале. Но было только два, а Бог, создавший множество ангелов, умножил бы и род человеческий» [3, с. 45]. Иоанн Дамаскин утверждал, что в раю господствовало девство, а брак был учрежден богом, предвидевшим грех, поэтому бог создал женщину. При соблюдении заповеди в браке не было бы необходимости, так как рождение Христа

стало возможным и без брака. Симеон Солунский отмечает, что продолжение человеческого рода животным способом было допущено богом для демонстрации человечеству его падшей природы по причине его непослушания. Патриарх Константинопольский Иеремия II приписывал браку греховную природу происхождения, так как продолжение рода уподобилось «неразумным тварям». Половой акт, по его мнению, служит каналом, по которому передается греховная природа человека.

Элемент греховности брачного состояния в его ветхозаветном варианте был спроецирован на христианскую модель брачно-семейных отношений. Христианская концепция брака несла на себе отпечаток греховных, нечистых представлений. Христианские мыслители, развивая идею брака, с одной стороны, наполняют ее идеальным содержанием понятия «таинства», с другой – превращают брак в систему дисциплинирующего контроля [5, с. 288].

Библиографический список

1. Голод С.И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. – Л.: Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1990. – 30 с.
2. Загоровский А.И. О разводе по русскому праву // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. – Кн. 3 / изд. подгот. Н.Л. Пушкарёва, Л.В. Бессмертных. – М.: 2004. – С. 7–330.
3. Монах Максимиан (Архангельский). Тайна христианской любви и брака. – М.: Компания Спутник+, 2005. – 327 с.
4. Надеждин А.Н. Права и значение женщины в христианстве // Соч. А.Н. Надеждина. – СПб.: Тип. журн. «Странник», 1873. – 306 с.
5. Орлова Н.Х. Антропология пола и брака в христианстве. – СПб.: Издательский дом «Миръ», 2006. – 300 с.
6. Православный брак / сост. Е.Г. Малышева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 141 с.
7. Рогозянский А. Ценности брака и безбрачия в Новом Завете // Журнал Московской Патриархии. – 2003. – № 5. – С. 61–65.

О Н.Я. ДАНИЛЕВСКОМ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВЕ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются исследования философского наследия Н.Я. Данилевского и учения славянофилов, анализируются историко-философские взгляды на общее интеллектуальное поле представителей русской мысли XIX–XX веков, сформулированные в их публицистических сочинениях.

Ключевые слова: русская философия, славянофильство, культурно-историческое развитие, Россия и Европа, культурно-исторический тип.

Начиная с конца XIX века учение славянофилов является актуальной темой историко-философского осмысления в трудах известных русских мыслителей, публицистов, историков. Религиозно-философское освещение учения славянофилов осуществлялось В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, П.А. Флоренским и позже было продолжено В.В. Зеньковским, Н.О. Лосским и др. В период с конца 80-х годов XX века к идейному наследию славянофилов обращались отечественные и зарубежные философы, литературоведы, историки, культурологи, социологи, религиоведы, представители других областей науки. Особый интерес представляет выявление и очерчивание границ общего идеологического поля для Н.Я. Данилевского и представителей старшей группы славянофилов.

Н.Н. Страхов одним из первых указал на тесную взаимосвязь между философскими воззрениями Данилевского и старшей группой славянофилов. В своей статье «О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»» он указал на существующее отношение между книгой Данилевского и тем направлением нашей литературы, которое известно под именем славянофильства. Н.Н. Страхов писал: «В какой мере эта книга завершает и совмещает в себе славянофильское учение, это другой вопрос; но что она имеет такое завершающее и представительное отношение – в том невозможно сомневаться. Быть может Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» [7, с. 511]. С появлением книги Данилевского «Россия и Европа» Н.Н. Страхов указывал на необходимость расширить и обобщить смысл давно употребляемого термина «славянофильство». Он писал: «Когда мы, несмотря на то, что называем учение «Россия и Европы» славянофильством, то мы разумеем здесь славянофильство в отвлеченном, общем, идеальном смысле; собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а особое учение Данилевского, так сказать «данилевщина». Данилевщина включает в себя славянофильство, но не наоборот» [8, с. 512]. Н.Н. Страхов считал, что книга «Россия и Европа» «отнодь не

порожденная славянофильством в тесном, литературно-историческом смысле этого слова, не составляющая дальнейшего развития уже высказанных начал, а, напротив, полагающая новые начала, употребляющая новые приемы и достигающая новых, более общих результатов, в которых славянофильские положения содержатся как частный случай» [7, с. 512].

Данилевский своей книгой «Россия и Европа» повлиял и на философское творчество К.Н. Леонтьева. Теория культурно-исторических типов Данилевского вдохновила К. Леонтьева и дала оригинальные результаты. По складу мышления и подходу к темам России и Европы, культурно-исторического развития России Данилевский был ему ближе старших славянофилов, которые никакого непосредственного влияния на него не оказывали. И у Данилевского, и у К.Н. Леонтьева было иное отношение к прошлому Европы, не такое отрицательное, как у старших славянофилов. Многие работы Леонтьева были содержательной реакцией на отдельные суждения, мысли, работы Данилевского, Вл. Соловьева и др., содержали развернутую критику этих мнений с позиций его собственного мировоззрения. Сравнивая учение славянофилов и теорию культурно-исторических типов Данилевского, К.Н. Леонтьев цитирует Вл. Соловьева: «Сам г. Соловьев говорит, что прежние славянофилы: Хомяков, Самарин, Аксаковы, – были скорее поэты, мечтатели, и только один Данилевский, предъявляет более других научные притязания. У него все точнее и яснее, и потому он может стать действительнее, влиятельнее, при условиях все большего и большего успеха, все большей и большей популярности» [3, с.470]. Полемизируя с Вл. Соловьевым, К.Н. Леонтьев сделал прогноз о принципиальных сроках осуществления славянофильского учения, теории Данилевского, по которой России предстояло пойти дальше Европы в деле развития начал, основ своего культурно-исторического типа. Оценивая роль книги Данилевского, он подчеркнул, что заслуга его заключается в том, что он дал нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного исторического пути или дальнейшего исторического мышления [3, с.482]. Общую мысль Данилевского, его теорию смены культурных ти-

пов К.Н. Леонтьев расценивал как истинное открытие, но усомнился в способности славян дать истории истинно новый культурный тип.

Тема славянофильства и славянофилов у В.В. Розанова является стержневой в статьях «Европейская культура и наше отношение к ней», «Последние фазы славянофильства», «О Достоевском», «Поминки по славянофильству и славянофилах» и др. В.В. Розанов считал, что славянофильство появилось после опубликованной в одной из рубрик журнала «Вестник Европы» формулы «Запад гниет, запад разлагается». Он считал славянофильство названием очень узким и едва ли точно выражающим смысл школы и предлагал назвать ее «школою протеста психического склада русского народа против всего, что создано психическим складом романо-германских народов, и полной критики и отвержения тех начал, из которых они вышли» [6, с. 284]. В статье «Последние фазы славянофильства» В.В. Розанов отмечает, что «теория культурно-исторических типов, предложенная Н.Я. Данилевским, вовсе не есть завершение славянофильской теории, не есть ее высшая фаза, как это утверждают почти все ее критики и последователи. Гораздо правильнее ее можно определить, как скорлупу, которая замкнула в себе нежное и хрупкое содержание, выработанное первыми славянофилами. В их трудах, так мало систематических, что их можно принять за черновые наброски, случайно попавшие в печать, в них дано все то положительное, что и до сих пор мы находим в славянофильстве» [6, с. 183]. В.В. Розанов писал: «Н.Я. Данилевский набросил покров на все эти учения; около этой нежной хрупкой сердцевины образовал внешнюю скорлупу – и только. Он, в самом деле, не указал, не объяснил ни одной особенности нашего исторического сложения, собственно к славянофильству ничего не прибавил; его роль была другая, менее значительная, более грубая» [7, с. 189]; «Он не вложил ничего от себя; собственно для славянофильства, как учения об особенностях русского народа в истории, он ничего не сделал. Его роль была формально классификаторская; он сказал: “группа этих особенностей есть особый культурно-исторический тип, один из нескольких, на которые распадается всемирная история и которые в ней не преемственно продолжают друг друга, но, чередуясь или существуя бок о бок, создают разнородное”. Из книги “Россия и Европа” вытекает вывод о том, почему, на основании каких общих законов истории они не схожи с германцем, французом, римлянином, греком; но в чем именно не схожи, чем их родина отличается от тех стран в историческом, бытовом, культурном отношении – этого не узнают отсюда, но могут узнать только из трудов Киреевского, Хомякова, Аксакова, других меньших, первоначальных славянофилов» [6, с. 191].

В дальнейшем на это взаимовлияние указывали практически все серьезные исследователи в русской философии, например Н.А. Бердяев в «Русской идее». Он считал, что Данилевский, в отличие от старых славянофилов, человек другой формации. Он объясняет это тем, что славянофилы, духовно воспитанные на немецком идеализме, обосновывали свои идеи философски, а у Данилевского, как естественника, реалиста, эмпирика, обоснования натуралистические. «У него исчезает универсализм славянофилов. Он делит человечество на замкнутые культурно-исторические типы, человечество у него не имеет общей судьбы. Речь идет не столько о миссии о России в мире, сколько об образовании из России особенного культурно-исторического типа» [1, с. 544]. В основе славянофильской доктрины был философский и христианский универсализм, в основах их мирозерцания лежало известное понимание православия, которое они стремились органически применить к своему образу России. Миссия России была для них христианской миссией. Для Данилевского, в отличие от славянофилов, характерен дуализм: натуралистический взгляд на историю и его личное православие. У Данилевского – классификация культурно-исторических типов, в которой десятым он называет германо-романский тип. Так называемая европейская культура не единственно возможная культура, возможны и другие типы. Он считает, что культура всегда национально-своеобразна. К.Н. Леонтьев утверждает, что заслуга теории культурных типов как раз в том, что Данилевский «дал нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного пути, и дальнейшего исторического мышления» [6, с. 226].

П.Н. Миллюков выделяет в истории славянофильства заключительный этап «разложения» (1860–1890-е годы), включая в число «разложившихся» Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В книге Данилевского «Россия и Европа» П.Н. Миллюков увидел дальнейшее развитие славянофильской доктрины. Он писал: «Первым шагом в этом направлении была известная книга Н.Я. Данилевского, в которой впервые была сделана попытка подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный научный фундамент. Новое научное обоснование и прилаженная к нему старая фантастическая постройка – таковы, действительно, два составные элемента знаменитого “катехизиса славянофильства”» [5, с. 28].

Таким образом, анализируя общие подходы в анализе теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и учении славянофилов в истории русской философской мысли XIX века, необходимо отметить, что их объединяет внимание к историософским проблемам. Главным образом, внимание уделялось проблемам соотношения универсального и индивидуально-национального,

своеобразия национальной исторической судьбы, поиска смысла истории, создания целостной модели исторического процесса и эсхатологических образов будущего. Внешнеполитические построения славянофилов базировались на оригинальной историко-философской концепции, которая имела не только научное, но и общественно-политическое значение.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Византизм и славянство: Великий спор. – М., ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 712 с.
2. Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Республика, 1996. –

С. 685–689.

3. Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Республика, 1996. – С. 466–512.

4. Леонтьев К.Н. Избранное. Рарогъ. – М.: Московский рабочий, 1993 – 400с.

5. Миллюков П.Н. Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Соловьев. [Публ. лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Ист. музея]. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнеров и К, 1893. – 53 с.

6. Розанов В.В. Сочинения. – М.: Сов. Россия, 1990. – 592 с.

7. Страхов Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 510–515.

УДК 128/129

Мякинников Сергей Петрович

кандидат философских наук

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово)

mspcaph@list.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается экологическая компонента мировоззрения современного общества, которая эксплицируется и философски репрезентируется посредством общенаучных категорий «экологическое мировоззрение» и «эколого-ориентированное мировоззрение».

Ключевые слова: мировоззрение, экологическое мировоззрение, эколого-ориентированное мировоззрение, экологизированное мировоззрение.

После признания экофобности современной науки, породившей природоразрушающий НТП, стало очевидно, что требуется внесение серьезных коррективов в традиционно сложившиеся мировоззренческие установки общества. Эти коррективы, прежде всего, касаются уточнения назначения человека в мире, его места в природе и роли в ее развитии. Осознание таких коррективов философами приводит к формированию экологической линии в философии. Экологический аспект разработки философских проблем отношения людей и природы становится общеобязательным. Свидетельством чему служит стремительно нарастающий интерес все большего числа исследователей к изменению характера и стиля современной науки, к ее экологической переориентации. Их работы содержат множество идей, предложений, концепций экологизации науки, познания и ценностей, практики жизни общества, мировоззрения в целом. Философское мировоззрение в первую очередь испытывает экологизацию, так как оно (как и экология) склонно к системному упорядочению частей в единое теоретически выраженное целое.

Значение расширения познания экологических проблем до уровня мировоззрения состоит в том, что последнее участвует в практике контроля и управления природных и сложных, комплексных антропоприродных структур биосферы. Тем са-

мым шире раздвигается видение естественного окружения человека, что делает его более понятным, непосредственно постигаемым. Именно возрастание значимости в философии и науке экологических исследований, расширение предметной области этих исследований и компетенции экологии порождают потребность в формировании представлений об экологическом мировоззрении.

В последние годы авторы все чаще используют термины «экологическое мировоззрение» [1, с. 64–90], «экологически ориентированное мировоззрение» [8, с. 97], «биоэтическое мировоззрение» [5], «ноосферное мировоззрение» [2, с. 29–38] и др. Эти термины не нашли еще достаточного признания, а главное – не имеют пока должного обоснования. Чаще пишут об экологической компоненте мировоззрения [4, с. 34]. Несомненно, что основным, смыслоконструирующим оказывается термин «экологическое мировоззрение», так как он представляется наиболее емким, масштабным. Размерность термина «экологический» допускает более широкое смысловое пространство, чем размерность иных, представленных выше терминов. Содержание понятия «экологическое» перекрывает, вбирает в себя все вариации смыслового содержания понятий «эколого-ориентированное», а тем более «биоэтическое». «Экологическое» не обязательно означает «эколого-ориентированное». «Экологическое» есть всё, относящееся к взаимо-

отношениям людей и природы в самом широком смысле. Тогда как понятие «эколого-ориентированное» предполагает особого рода экологические отношения – отношения человека, общества и природы. А именно, отношения людей и природы, строящиеся на экологически целесообразных принципах, учитывающих природные законы и процессы в жизнедеятельности социума общества и отдельных индивидов.

Мировоззрение возникает, можно сказать, в процессе превращения природного в социодуховное. Поэтому оно располагается между внешней, внутренней природой человека и его социодуховной сущностью. Иными словами, психическое развитие человечества, онтогенез человека показывают, как по мере утраты природного на его место приходит социодуховное. Само мировоззрение, взятое в экологическом смысле, оказывается мерой компенсации недостатка природности в современном человеке, его надбиологическими, социальными и духовными качествами.

Мировоззрение отражает мир, природу, в том числе измененную, человекотворную природу в общем виде. При этом отражается в нем и сам человек, общество, в сознании которых пребывают общевоззренческие представления, так как люди воплощают свои жизненные цели в результатах деятельности, реализуют их в рамках общественной системы ценностей и форм деятельности. Тем самым они вторгаются в природу, переводя свои знания о ней в различные формы деятельности в ней, в экологические виды познания и практики, присущие данному обществу.

В процессе становления экологического мировоззрения следует выделять несколько моментов: 1) накопление объективных знаний о сфере экологического бытия людей; 2) формирование ценностей соответствующего познания и ценностных установок практической жизнедеятельности в природе; 3) непосредственное изменение поведения и деятельности людей в соответствии с принятой системой ценностей и ценностных приоритетов; 4) изменение собственно экологического сознания как феномена социальной и экологической реальности в соответствии с ее трансформацией.

Любое мировоззрение складывается из составных частей не только по признаку особенностей функционирования, уровня организации психического отображения мира (мироощущение, мировосприятие, миропредставление и т.д.), но и по критерию типа воззрений, акцентированного на ту или иную специфическую структурно-субстратную грань объективной и субъективной реальности. Согласно второму критерию в мировоззрении выделяются: а) взгляды на взаимоотношения мира и человека – онтолого-экологическая составляющая в широком смысле слова; б) предельно общее представление об отношении мира к человеку –

онтолого-экологическая составляющая в узком смысле слова; в) сознание и бытие материального мира во взглядах человека, имеющих оценочную, ценностную окраску – онтолого-аксиологическая составляющая; г) воззрения на познавательную деятельность людей, исходя из ценностных приоритетов – гносеолого-аксиологическая составляющая; д) воззрения человека на свое место в мире, на материально-практическое отношение к нему, опираясь на ценностные ориентации, – праксиолого-аксиологическая составляющая. Каждая последующая составляющая мировоззрения неразрывна с предыдущей.

Сформировать экологическое мировоззрение любого типа, как некое целое, невозможно путем однолинейного развития какого-либо одного или нескольких его элементов (средствами или воспитания, или образования, или идеологического воздействия, или культурных традиций). Чтобы изменить его как целостное образование, необходимо действовать на все структуры равномерно и учитывать их взаимосвязи. Отсюда выводится понимание того, что понятие «экологическое мировоззрение» следует рассматривать в качестве предельно общей категории для целой группы уточняющих, конкретизирующих его понятий, или понятий, в которых отражаются видовые особенности данного типа мировоззрения родового значения. Большая их часть уже давно нашла свое признание в среде специалистов. Говорить об экологических аспектах мировоззрения невозможно без упоминания понятий экологической проблемы, экологического противоречия, терминологии экологической культуры, экологической этики и прочих специально разработанных понятий.

Экологическое мировоззрение может быть эколого-ориентированным и не эколого-ориентированным. Эколого-ориентированное мировоззрение начинает возникать в конце XX – начале XXI вв. В нем высшими мировоззренческими ориентирами, приоритетными ценностными установками, знаниями индивида, освоенными как убеждения, личными взглядами предстают злободневные требования срочного изменения воззрений на традиционные отношения к природе. Тогда как не эколого-ориентированное мировоззрение предыдущих времен (до середины XX в.) включало установки, ценностные ориентации, верования необходимости либо господства над природой (радикально антропоцентристский вариант), либо жизни в природе (радикально натурцентристский вариант). В этом смысле эколого-ориентированное мировоззрение понимается как новое экологическое мировоззрение, как «неоэкологическое мировоззрение».

Общая характеристика эколого-ориентированного мировоззрения включает следующие особенности: оно вполне соответствует демократическим принципам построения социальной жизнедея-

тельности, толерантности, свободному развитию личности, ее здоровому образу жизни, идеалам социальной интеграции и глобализации; ему свойственна гуманистическая направленность, делающая краеугольным камнем общечеловеческие ценности; им осознаются общие для всего человечества цели и тяготы жизни в современной экореальности, необходимость общепланетарного единства людей, у которых единая судьба как у одного биовида и социальной семьи; оно есть базис экологической морали и нравственности, которые позволяют подняться над своими частными интересами каждому ради более общих интересов всех людей и всей природы Земли, выполняющей функцию дома для человечества; оно оказывается кладью знаний и общих представлений, взглядов, позволяющих переосмыслить все основные смысло-жизненные вопросы в ключе обеспечения прав и свобод жизни индивидов, рассматриваемых в ракурсе их отношений с природой; оно предоставляет всеобщие ориентиры практической и теоретической деятельности, позволяющей: I) стремиться действовать во имя самосохранения, осознания всеми людьми ценности жизни общества и опасности его разрушения; II) сформировать жизненно значимые цели поведения, деятельности в природе, при признании своего места в ней; III) достичь намеченных целей, обеспечить методами экологического познания и деятельности; IV) выбрать истинно экологические ценности и определить действительно важные для жизни в природе ценностные ориентации.

Экологическая компонента общего мировоззрения (как и оно само) характеризуется чертами системной интеграции, синкретичной нерасчлененности, нормативно-ценностного характера, целостностью структуры и функций, проявлением духовного производства. Поэтому нам представляется правомерным позиционировать экологическую ориентацию мировоззрения в качестве экологического мировоззрения. Тем более что термин «экологическое мировоззрение» в специальной литературе используется чаще, чем его аналоги.

Большинство авторов понимают под «экологическим мировоззрением» (по аналогии с «новым экологическим сознанием») «новое или современное мировоззрение», «биосферное мировоззрение» [9, с. 7], которое должно стать интегративным итогом осмысления экологических проблем с позиции «нового отношения к природе», формирования «нового образа природы». В такого рода определениях на первом месте фигурируют категории «новой рациональности», «новой науки, техники и технологии», посредством которых человек полностью вписывается в научную картину мира, достигается полнота знаний о мире и человеке, обществе и сферах их гармоничного взаимодействия с природой.

Часто добавляется, что такие меры позволяют обеспечить переход к организации социально-экономических и экологических оснований устойчивого развития общества [8, с. 66–68]. Авторы подобного рода трактовок ссылаются на представления экологии о Земле как общем доме для всех живущих на ней. При этом они уточняют свои представления, указывая на особую степень их оформленности, осознанности человеком себя частью системы «человек-природа». На этом примере мы вновь видим, каким образом целое подменяется частью, так как сугубо собственно экологическое не может заменить все экологическое в содержании мировоззрения. «Сугубо экологическое» понимается в качестве фрагмента, компонента общевоззренческих представлений экологического мировоззрения, в котором заключается не просто некое видение отношений людей с природой, а узрение необходимой целостности этих отношений, посредством которой связываются все аспекты их жизни, познания и деятельности с единым целым природного лона человечества. Понимание такой всесторонней организации социума, как правило, сопровождается стремлением реализовать это свое видение, ставшее убеждением, с целью достижения оптимально сбалансированного равновесия между процессами общества и природы.

В действительности, экологическое мировоззрение общества и индивида, как и экологическое сознание, существовало всегда, во все периоды человеческой истории. Оно достаточно адекватно отражает существующие в данный исторический момент времени объективные отношения людей и природы. Именно специфика сложившегося в ту или иную эпоху экологического мировоззрения определяет поведение и деятельность общества, каждого индивида в их взаимодействии с миром природы. В связи с чем вычленяется тип определений экологического мировоззрения, в которых представлено как раз наиболее широкое, универсальное понимание общих воззрений людей на свои взаимоотношения с природой. В таких дефинициях акцент смещается на рассмотрение людей и природы в качестве относительно самостоятельных частей единой метасистемы мира, что позволяет определенным образом регулировать отношения между ними [7, с. 58–66].

Думается, что именно таким образом представленная предельно фундаментальная мировоззренческая ориентация заслуживает обозначения «экологическое мировоззрение вообще», или просто – «экологическое мировоззрение». Такая терминология предполагает как системность социальных воззрений, убеждений, верований, ценностей и идеалов, основанных на знаниях естественной природы и понимании ее роли в жизни общества, так и специфику формирования индивидами смысло-жизненных целей, планов, программ, норм,

ценностных ориентаций, нацеленность на формирование соответствующих потребностей, мотивов и получение знаний, формирующих определенную стратегию поведения по отношению к природе. Тогда как предыдущее понимание экологизированного мировоззрения [6, с. 51], по причине обращенности внимания исследователей на необходимость очередного изменения общего мировоззрения общества перед лицом надвигающегося глобального экоколлапса, предлагается обозначить термином «эколого-ориентированное мировоззрение». Экологически целесообразное (экосообразное), ориентированное на сближение с природой, на диалог с ней новое мировоззрение вновь возникает, как и прежде, когда общественное развитие начинает опережать адекватные на данный момент времени воззрения людей на природу и отношения с ней.

Современные реалии не однородны, следовательно, отображающее их сознание также должно отличаться многообразием. Ведь, кроме традиционного критикуемого ныне воззрения на противопоставленность людей и природы, на признание пагубности крайне прагматического типа взаимодействия с ней и экологически ориентированного мировоззрения (не считая общий взгляд на взаимодействия людей и природы), существуют также иные общевоззренческие позиции экологического характера.

Так, выделяется своего рода переходный тип данной дефиниции от «экологического» к «эколого-ориентированному» мировоззрению. Некоторые исследователи, говоря о мировоззрении ноосферного типа (по сути, экологическом мировоззрении), отмечают, что оно есть воззрение на устойчивую систему взглядов и убеждений на мир природы, на их единство, развитие, на способы познания отношений людей и природы, на место людей в природе. И в то же время уточняется, что это воззрение характеризуется признанием самоценности любой формы жизни, осознанием человеком себя «субъектом развития природы» [3]. Подобно тому как взаимодействие общего мировоззрения и мира опосредуется сознанием, в данном случае имеет место опосредованность «экологического мировоззрения» и «эколого-ориентированного мировоззрения» осознанием человеком своего разрыва с природой и жизненной важностью признания его преодоления.

Таким образом, выделяется, как минимум, четыре разновидности формулировок экологически эксплицируемого мировоззрения современной эпохи:

1. Наиболее общие формулировки мировоззренческих представлений на взаимодействие природы и людей без учета конкретной сугубо экологической специфики этих отношений – общемировоззренческая экологическая ориентация, обозначенная нами термином «экологическое мировоззрение».

2. Уточненные, конкретные формулировки, включающие черты воззренческих ориентиров на коэволюцию общества, человека и природы – специфическая мировоззренческая экологическая ориентация, обозначенная нами как «эколого-ориентированное мировоззрение».

3. Смешанные, комбинированные варианты определений, содержащие элементы первого и второго типов – переходная мировоззренческая ориентация.

4. Критические выражения традиционного (не эколого-ориентированного) типа мировоззрения, фиксирующие его экофобный характер, все еще преобладающий в современном сознании.

Библиографический список

1. Антюхов А.В., Николаева Т.А., Шлык В.В. Формирование экологического мировоззрения в системе педагогического образования. – Брянск: Изд-во «Курсив», 2011. – 118 с.
2. Бороздин В.С., Делия В.П., Лукьянчиков Н.Н. Парадигма планетарного мировоззрения XXI века. – Балашиха: Изд-во «Де-По», 2011. – 256 с.
3. Брагин А.В. Онтологический аспект ноосферного соотношения мира и человека: автореф. дис. ... доктор. филос. наук. – Иваново, 2003. – 37 с.
4. Гостева С.С., Попов В.М., Провадкин Т.Г. Современное экологическое сознание: Особенности формирования. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. – 176 с.
5. Исланова Н.Н. Формирование биоэтического мировоззрения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 2011. – 20 с.
6. Кочергин А.Н., Марков Ю.Г., Васильев Н.Г. Экологическое знание и сознание. – Новосибирск: Наука, 1987. – 218 с.
7. Кузнецов М.А. Ноосферное мировоззрение. – М.: ВГНА, 2005. – 190 с.
8. Линенко О.А. Экологическое сознание. Экологическая культура. Экологическое образование. – Ставрополь: СевкавГТУ, 2007. – 258 с.
9. Сергиенко Л.И. Теоретические вопросы экологии: биосферный аспект. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 108 с.

ЛИЧНОСТЬ КАК ВЕДУЩИЙ ДИАПАЗОН ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ*

В статье рассматривается личность как ведущий диапазон процессов политической социализации современной молодежи и делается вывод о том, что современность, расширяя и вместе с этим сужая свободу личности, создает условия для формирования «глобального уровня» политической зрелости молодежи, имеющей культурные границы.

Ключевые слова: личность, политическая социализация, современная политическая социализация.

Современность помещает инструментарий власти в пространство личностного построения границ мировосприятия и деятельности, трансформаций повседневных, исторических, метаисторических измерений политических процессов. Инструментарий власти переносится в сферу личностного измерения «человека политического». Личность становится важным центром политических процессов, эволюции институтов как механизмов выработки рамок политической реальности. Современность придает личности новый уровень свободы самовыражения и вместе с тем новые ее границы, расширяя перспективы для общества и «угрожая» им.

Время современных общественных трансформаций, меняющих институты производства знаний о реальности, – время актуализации личности как инструмента управления политической социализацией. Ее свойства, жизненные стратегии, рефлексии становятся основой интерпретации политической реальности и происходящего в ней.

Актуальность личности в политике инспирируется временем-кайрос, трансформирующим диапазоны политической социализации, обусловленные деятельностью социальных институтов. Время-кайрос, имея глобальный масштаб распространения, усиленный ростом эффективности современных технологий, делает важной проблему достижения «глобального уровня» зрелости личности, свойства которого зависят от особенностей вовлеченности личности в общественно-политические процессы.

Отличительной чертой общества современного, как считает И.С. Семененко, является распространение политической субъектности на всех его членов при имплицитной готовности их самих принять такую ответственность [11, с. 151]. Отличительная черта современной политики, пишет исследовательница, состоит в вовлеченности в нее разных акторов, открытие каналов для социального творчества и гражданского контроля над профессиональной деятельностью в этой сфере [11, с. 151].

Современное трансформационное время, или кайрос, радикализует значимость личности как фактора политических изменений и политической социализации, с новой силой актуализирует идеи политической свободы и гражданского участия.

Во время-кайрос с новой силой проявляется энергия «разброса» движения элементов политической реальности. Ослабевают энергия «гравитации» институтов политического мира. За счет этого политическая реальность «расширяется». Эта же тенденция потенциально приближает качественно новые конструкции политического мира, которые бы могли интегрировать социально-политическое творчество граждан.

Сложность интеграции интенций граждан в публичное пространство политики и препятствий развитию этих конструкций определяет эффект, связанный с тем, что переживания личности, особенно представителей молодого поколения, сменяются априори быстрее, чем эволюционируют социально-политические институты, призванные интегрировать между собой потребности граждан. Политическая власть в лице институтов согласия не может успевать за изменением переживаний и потребностей личности. Этот эффект усиливается характером смены представлений личности об обществе и своей социальной идентичности, свойственным трансформационному времени.

Неустойчивость идентичности молодежи усиливается сложностью ее формирования в современном обществе, определяя неустойчивость переживания феноменов политической реальности. Как считает З. Бауман, ныне любой субъект обретает идентичность только в процессе постоянного пересмотра своих взаимоотношений с окружающим миром. Формирование, а точнее реформирование, своего «я» становится задачей на всю жизнь, так никогда до конца и не выполняемой. На протяжении всего существования идентичность так и не получает своей окончательной реализации. Причина состоит в том, что никогда не удается избыть до конца необходимость приспосабливаться к окружающей среде, поскольку беспрестанно меняются условия жизни, а вместе с ними спектр угроз и набор возможностей [3].

Рост потенциального многообразия и большая скорость изменений переживаний личности требуют разнообразия механизмов и технологий коммуникации власти. Постоянной узости коммуникативных возможностей власти способствует быстрый рост информационных, культурных потребностей

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-70001.

личности. В условиях расширения воздействия и развитие личного потенциала политических изменений и адаптаций политического мира, одной из ведущих тенденций становится индивидуализация – как реакция на неспособность политических институтов интегрировать потребности граждан.

Как пишет З. Бауман, наряду с распадом и уничтожением традиционных надличностных, жестко структурированных и жестко руководящих центров власти, происходит параллельный процесс. Таким центром становится индивид [3]. При этом присутствует сложность выбора стратегии индивидуального развития. Чем шире становится выбор, тем менее очевидными и убедительными становятся сигналы, исходящие от мира, существующего здесь и сейчас. Эпоха модернити открыла путь в эру постоянной дисгармонии между желаниями и возможностями. Свобода сделала необходимой и неизбежной присутствующую модернити скептическую критику, мир сделался лишенным прочных оснований [3].

Индивидуальное восприятие, по мнению исследователей, все более определяет процесс выбора политической, социальной позиции в социализации. Это усиливает сложность прогнозирования социальных и политических процессов, скепсис по отношению к социальным и политическим нормам общежития как таковым. Индивидуализация, пишет З. Бауман, приносит с собой беспрецедентную свободу экспериментирования и задачу преодоления ее последствий [4, с. 46–47].

Процессы индивидуализации, констатирует У. Бек, подрывают социальные предпосылки политического консенсуса. Общество и общественность состоят из противоречивых пространств, которые одновременно являются как индивидуализированными, так и транснационально открытыми [5, с. 211, 221]. По мнению У. Бека, молодое «глобальное поколение» индивидуализировано и в то же время космополитизировано через Интернет, Facebook и т.п. [6, с. 53–54].

Современную политическую социализацию моделирует практика совмещения принадлежности личности к разным группам. Как считает З. Бауман, в текучей действительности современного мира принадлежность к одной общности можно на практике прекрасно совмещать с участием в других, сочетая самые разнообразные варианты и отнюдь не обязательно подвергая себя при этом осуждению и репрессиям с какой бы то ни было стороны. Редко какая личность «принадлежит» чему-то целиком, каждый человек в любую минуту своей жизни ощущает в себе скорее множество «принадлежностей». Проблеме для успешности, социальной интеграции человека составляет обреченность вечно оставаться в рамках одной и только одной замкнутой и самодостаточной системы ценностей и жизнеобразных моделей [3].

Практика «принадлежности» к разным социальным, культурным группам составляет важную сто-

рону современного раскрытия понимания политической личности. Она позволяет примирять стороны конфликта, противоречия интересов, не исходя из порою «поверхностной» толерантности, а через чувство «принадлежности» к группе, переживания человека, вовлеченного в жизненный мир членов разных социокультурных групп. Тем самым трансформируется патерналистская модель, где человек «принадлежит» модели изменений одного типа.

Современный человек испытывает влияние феномена «человека границы» как дефиниции человека, существующего между культур и времен, на грани культурной трансгрессии, среди разных языков, в состоянии постоянного пересечения границ [12, с. 155].

Человек получает знание о политике из разных источников. Воздействие власти на личностный диапазон становится наиболее эффективным направлением контроля над процессами политической социализации. Современная власть – это власть над процессами формирования и выражения личностных потребностей, интересов человека.

Важным современным ресурсом влияния личностного диапазона политической социализации, ресурсом управления политической социализации молодежи, а также средством «помещения» политической социализации в непубличное пространство политических отношений является развитие новых форм социальности. В частности, важными элементами социальности выступают сети межличностных отношений. Они обеспечивают взаимодействие, поддержку, идентичность, обработку информации [9, с. 64]. Сетевая парадигма открывает перспективы переноса внимания с элементов системы на ее отношения (сеть взаимодействий) и их индивидуальность [10, с. 25–27].

Сочетание тенденции глобализации и сетевизации общества трансформирует традиционную патерналистскую модель социализации молодежи. Как считает В.А. Луков, вызовы глобализации, выраженные в коллажах из фрагментов разных культурных стилей, формируют новые проблемные поля современной воспитательной деятельности. К примеру, из формальных институтов воспитание все больше переходит в социальные общности, где есть высокая степень идентичности, разделяющая людей, в нее входящих, на своих и чужих [7, с. 91].

Важнейшим средством возрастающего влияния личностного диапазона политической социализации, где молодежь ощущает свою независимость, видя в этом ресурс своего развития как участника локальных и глобальных политических взаимодействий, становятся электрические сети. По мнению исследователей современных коммуникаций А.Ю. Антоновского и В.А. Емелина, феномен электрокоммуникаций сглаживает и нейтрализует радикальный разрыв между семантической реальностью и «естественной» реальностью челове-

ского мира, осуществленный когда-то письменно-стью и печатью [1, с. 91].

Электрокоммуникации позволяют социализироваться в непубличном мире, мире непубличных политических отношений. Электросети позволяют человеку социализироваться, дистанцируясь от реального социального пространства, дают возможность в большем объеме и качестве выразить свои личностные впечатления, рефлексии политического события или нарратива. Так, система Интернет – это, прежде всего, пространство эксперимента в моделировании политического мира.

Благодаря изменившимся ресурсам информационной среды личность обретает новую совокупность возможностей участия в построении политической реальности. Как пишут исследователи, Интернет стал воплощением идеальной «агоры» – собранием граждан в древней Греции, имеющим много побочных эффектов. Например, анонимность, ни чему не обязывающая легкость установления контакта превратили агору, в которой, как в реальном историческом событии, каждый человек отвечал за свои поступки и слова, в вавилонское столпотворение безответственных участников. Подлинное общение, требующее от человека установления прочных и по сути выстраданных отношений, стало подобно маскараду, где за личинами невозможно различить лиц. Как заметил Н. Хомский, «одно дело – общаться с людьми, видя их перед собой, и совсем другое – стучать по клавиатуре, получая в ответ цепочки символов. Боюсь, что распространение таких бесконтактных и абстрактных отношений в ущерб живому непосредственному общению неприятным образом скажется на характере людей, сделает их менее человечными» [8, с. 80]. Агора без личной ответственности – Интернет представляет вариант «ящика Пандоры», разрушающий идентичность человека [8, с. 81]. Человек начинает принимать отражение за действительность [8, с. 82]. Интернет – реальность, дающая свободу без границ, – может разрушать и созидать личность и общество.

В целом, актуальность личностного диапазона политической социализации современной молодежи связана с обретением власти нового «глобального уровня» своей политичности, инициирующего процессы расширения участия личности в политическом процессе и вместе с тем ограждения общества от опасностей с этим участием связанным. В преодолении этой проблематики современная власть становится властью над процессами формирования и выражения личностных потребностей, интересов, ценностей человека, становясь властью информационной.

В результате личность становится частью информационной реальности, сети межличностных отношений, строящейся по принципу «свой-чужой», экстраполирующегося во взгляды на политическую

действительность. Личность молодых людей технологизируется, становится каналом прохождения и распространения схем определенных селекций информации. Информационная личность – «передатчиком» воздействий власти на среду, ее инструментом. Носителями и «границами» возможностей этой передачи, определяющими характер и средства прохождения информации, становятся структуры социальной ментальности человека и ее культурные предпосылки как схемы и инструменты определения властью того или иного события во времени-пространстве политической реальности. Так власть расширяет и сужает окна возможностей в процессе политической социализации молодежи, представляя направления формирования «глобального уровня» политической зрелости, имеющие культурные предпосылки как горизонты понимания происходящего в политической реальности.

Библиографический список

1. Антоновский А.Ю., Емелин В.А. Инфообщество и технология адаптации к его структурам // Эпистемология & Философия науки. – 2012. – Т. XXXI. – № 1. – С. 90–108.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 372 с.
3. Бауман З. Прощание с миром своих и чужих // Вокруг света. – 2011. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7575/> (дата обращения: 25.07.2014).
4. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
5. Бек У. Собственная жизнь в развязанном мире // Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 209–247.
6. Бек У. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот // Полис. – 2012. – № 5. – С. 44–57.
7. Луков В.А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ. – М.: «Канон++», РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
8. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 74–82.
9. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
10. Общество сетевых структур: монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 327 с.
11. Семенов И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. – 2012. – № 6. – С. 9–25.
12. Глосанова М.В. Пограничное (со) знание/мышление/эстетизм на пути к трансмодерному миру // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 155–165.

КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ В.В. КАПНИСТА

Статья посвящена исследованию концепции счастья в лирике В.В. Капниста. Анализ стихотворений эвдемонистического дискурса позволяет выявить специфику образа Счастья, которое являет собой счастье-покой, счастье-соучастие, счастье-блаженство.

Ключевые слова: В.В. Капнист, ода, счастье, эвдемонизм, поэзия XVIII века.

Эвдемонистические поиски берут своё начало в античные времена, когда верили в то, что счастье зависело от воли богини Фортуны. В Средние века достижение счастья на земле считалось невозможным, так как удел человека – скорбь и страдания, необходимые условия для восхождения в Царствие Небесное и обретения Вечного Блаженства. В Новое время понятие «счастья» утрачивает религиозную составляющую: человек признаётся самостоятельным творцом своего счастья [1, с. 163].

Одним из знаковых эвдемонистических текстов в европейской литературе XVIII столетия становится ода «A La Fortune» (1759) Ж.Б. Руссо, которую одновременно переводят М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков (1759), несколько позже, в 1762 году, свой вариант перевода написал и В.К. Тредиаковский. В дидактической оде Ж.Б. Руссо провозглашается идея просвещённого монарха. Основное внимание французского просветителя сосредоточено на проблеме счастья – счастья государственного масштаба, которое автор связывает с просвещённым правителем, заботящимся о своих подданных.

Эвдемонистический дискурс включает множество произведений и множество интерпретаций. Счастье в нравоучительном ключе рассматривается в оде «На счастье» (1792) В.В. Капниста. В статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: какова концепция счастья В.В. Капниста? В чём специфика образа Счастья в эвдемонистических стихотворениях поэта?

Прежде чем обратиться к анализу оды «На счастье» Капниста, рассмотрим словарные определения «счастья» и «блаженства». В Словаре Академии Российской слову «шастие» дано следующее определение: «1) Удача, щастливый случай, щастливое произшествие <...>; 2) Благополучие, благосостояние, благоденствие» [5, т. 6, с. 940]; «блаженство», «благополучие, шастие, благосостояние, совершенное удовольствие» [5, т. 1, с. 214]. В Словаре русского языка XVIII века понятие «блаженство» определяется как «высшая степень благополучия, довольства, счастья» [6, т. 2, с. 58]. Таким образом, основными семами счастья являются мгновенность получения удовольствия, быстротечность и переменчивый характер радости.

Блаженство же являет собой верх благополучия, совершенную радость.

Из двух синонимичных слов Капнист отдаёт предпочтение *счастью* и выносит его в заглавие. Ода открывается противопоставлением человека и природы: «Всё дань любви и счастью платит! / Лишь человек из тварей всех / Часы в заботах, в суете тратит, / От общих уклонясь утех» [4, с. 93]. Природа мудрее человека: она обращает свою любовь к Творцу, который сам есть любовь. Все блага мира, по Капнисту, исходят от Бога, следовательно, и для человека, и для природы они общие. Достижение призрачных, бранных целей не приносит человеку счастья. Напротив, результатом пустых дел будет лишь «счастья <...> тень»: «Простых, природных благ чуждаясь, / Сует в дедале заблуждаясь, / Хватает счастья токмо тень» [4, с. 93]. Этот мотив будет доминировать и в поздних стихотворениях Капниста: «И счастья призраком себя / Я оболящать старался» [4, с. 293] – «Мечта» (1810-е гг.); «Сколь в мире счастье превратно, / И сколь его переменчив вид!» [4, с. 301] – «Горсть земли на могилу благодетеля» (1816); «И счастья лстивого мечты» [4, с. 307] – «Ода на смерть Державина» (1816).

В борьбе за счастье люди утрачивают его навсегда, заменяя такими мнимыми радостями, как, например, военные победы: «В меч острый рало превращает / И в буйстве ищет лишь врагов» [4, с. 93]. Тщетность воинских успехов, основанных на жажде почестей и славы, подчёркивается также в оде «На смерть Наполеона» (1822): «Игралище всемогща рока, / Не мни: нет власти, счастью срока. / Се меч над выей уж висит...» [4, с. 322].

По мысли поэта, другой страстью, обманывающей человека в поисках счастья, является неудержимое стремление к богатству. Любовь семьи («Жену оставя безотрадную» [4, с. 93]), радость от честного труда, свет и тепло родительского дома подменяются жаждой обладания богатством: «Он плач родных сухим зрит оком, / И вот в волнении жестоком / Лишь злато лстит его очам» [4, с. 93]. Ложное счастье – богатство – осмеивается поэтом в оде, посвящённой «Алексее Николаевичу Оленину» (1821): «Не тот счастлив, кто куш злата / Имеет в крепких сундуках...» [4, с. 294]. Горячо желаемое скупцами «злато» Капнист называет

«блестящим прахом»: «Кому фортуна торовата / В удел даёт блестящим прах» [4, с. 294].

Человек, находящийся в плену сребролюбия, подвержен другой страсти – праздности, являющейся заменой истинного счастья. В оде «На счастье» об этом говорится следующим образом: «Иной лишь в пиршествах, забавах / Всё счастье света заключив...» [4, с. 93]. Праздный человек, ищущий счастье в удовольствиях, избегает возможности остаться наедине с собой, страшится заглянуть в глубину своей души и обнаружить её болезни: «От самого себя бежать; / Летяще не возвратно время / Он силится, как тяжко бремя, / Тщетно праздной погублять» [4, с. 94].

Таким образом, слава, богатство, праздность не могут даровать счастье. Страсти заставляют «счастливец» быстрее и отчаяннее крутиться в водовороте жизни в поисках вечно ускользающего счастья: «Возможет ли сыскать прямое / Блаженство жизни своея? / Ах, нет! – чем к цели он скорее / Течет, тем от него быстрее / Цель удаляется сия» [4, с. 94].

Призрачному счастью Капнист противопоставляет «блаженство», наделяя его эпитетом «прямое», что означает истинное, непрерывное, непреходящее. Подобного состояния человеку не дано испытать во временной, краткой жизни. Долгожданного, полноценного счастья смертному человеку достигнуть не суждено. Накопленные с великим трудом богатство и почести исчезают, словно тени: «Честей и знатности степени / Как легки исчезают тени <...> / Прямого счастья в них нет» [4, с. 94]. Кратковременное обладание материальными ценностями не принесёт длительного, беззаботного счастья. Об этом поэт говорит и в оде «На смерть сына» (1787), как бы обращаясь к безвременно ушедшему мальчику: «В судьбине смертных, скорбной, слёзной, / Никто прямых приятств не зрел <...> / Где смертны счастья искали, / Там встретило их ждущее зло» [4, с. 91]. В оде «На уныние» (1796) Капнист также называет счастье сном, состоянием ирреальным, призрачным: «В счастье вздремлешь безопасен, / А проснёшься несчастлив» [4, с. 105].

Размышления о бесполезном поиске счастья на земле, его неуловимости заставляют поэта обратиться непосредственно к Счастью: «О счастье! Всех страстей пружина, / Всех мыслей, чаяний, трудов» [4, с. 94]. Поэт вопрошает, где же оно обитает: «Скажи нам, где ты обитаешь? / На троне ли в венце сияешь / Иль поселилось в шалашах, / Или, оставя человека, / На крыльях золотого века / Взлетев, живёшь на небесах?» [4, с. 94]. От земного к небесному – такую градацию выстраивает Капнист: трон – шалаш – небеса.

В следующей строфе поэт обращается к рабу: «обременённый нищетою, / Презренье общим посрамлён, / Раб ропщет для чего судьбою / Рабом на свет произведён?» [4, с. 94]. Ропот бедня-

ка, недовольство своей участью и чувство зависти к богатству вельможи перекликаются с монологом монарха, так же тяготящимся своим великим положением в мире: «Я властью вознесён и славой, – / Речет монарх, я смертных Бог / <...> Но счастья не обретаю / Ни среди побед, ни среди пиров. / Спокойство от меня уходит, / Спокойство в хижине находит / Последний раб моих рабов» [4, с. 95].

О счастье нищих, обездоленных людей Капнист пишет во многих своих одах. В оде «Богатство убогого» (1797) говорится о радости пребывания с любимой наедине. Взаимная любовь дарует счастье – неоценимое богатство, перед которым меркнут золото и почести: «В сей хижине с тобою / Я счастье нахожу» [4, с. 124]. Поэт ликует от мысли, что ему, как нищему, лишённому благ мира сего, открыто особенное счастье, не доступное богатому человеку. Об этом говорится и в стихотворении «Обуховка» (1818): «Ты к счастью ведёшь людей, / Но твой алтарь, не всем известный, / Сокрыт от черни богачей» [4, с. 262]. В «Подражании горадиевой оде» (первая половина 1880-х гг.) показана картина счастливой жизни бедной семьи: «Убогая семья стократ / Счастливей жизнь свою проводит» [4, с. 149]. В оде «Ручей» (1806) лирический герой вообще стремится скрыться от непредсказуемого счастья: «От гибельных превратов счастья / Я скрылся в хижине моей» [4, с. 127]. Таким образом, счастье понятно в первую очередь бедным, убогим людям. Они, следуя первой и главной Заповеди Евангелия («Блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное»), искренне смиряются перед сложными жизненными обстоятельствами.

В оде Капниста «На счастье» и раб, и монарх в равной мере оказываются неудовлетворёнными своей участью: «Когда ж свою в свете часть / Никто не удовлетворён» [4, с. 95]. Вместо слова «участь» Капнист использует «часть», рифмующуюся со словом «счастье». «Часть» и «счастье» – контекстуальные слова-синонимы: каждый должен быть довольным своей «частью» в мире и в этом находить своё счастье. Безропотное принятие собственной участи («части») открывает человеку путь к небесному блаженству. В преходящей, кратковременной жизни «путь ко счастью / Стеною вечной преграждён?» [4, с. 95]. Счастье земное сродни печали, если оно не озарено стремлением к вечному блаженству: «На то ль от Бога жизнь прияли, / Чтоб, жертвой будучи печали, / Кляли мы жизни каждый час? / Никак, – источник совершенства, / Он сотворил для нас блаженства, / Блаженство сотворил для нас» [4, с. 95]. Ввиду этого поэт призывает не терять ни мгновения желающему вкушать вечную радость с Богом в будущей жизни: «И час, и каждая минута / К блаженству будущему шаг?» (Ода «На надежду» (1780), [4, с. 86].

Поэт полагает, что проблема человека, ступающего на путь поиска счастья, заключается в том,

что он старается достичь его за счёт других людей: «Виновны мы, что, лстясь мечтами / И блеском призраков пустых, / Живущее блаженство с нами / Стяжать желаем чрез других» [4, с. 95]. Желание обрести счастье обусловлено эгоизмом человека. В то время как долгожданный покой, умиротворённость сокрыты в душе самого искателя счастья: «Обрести надеемся покой / И, ослеплённые пристрастьем, / Весь век свой гонимся за счастьем, / Нося его всегда с собой» [4, с. 95]. Эта мысль созвучна финальному стиху оды Г.Р. Державина «На счастье» (1789): «Спокойствие моё во мне» [2, с. 169].

В оде Капниста счастье и покой противопоставлены друг другу. Счастье – это минутная радость, удача, случай. Покой – состояние, которое человек сохраняет или разрушает по своему усмотрению. Так, в оде «На надежду» (1780) поэт пишет: «Но, внемля истины уставам, / В печалах должно ль унывать, / И должно ль счастья отравам / Своё спокойствие вверять?» [4, с. 86].

Покой ценится Капнистом выше, чем счастье. Составляющими счастья являются жизнь на лоне природы, «совесть чистая, свобода», «здоровье и насущный хлеб» [4, с. 96]. Именно они позволяют достигнуть покоя. Иными словами, это те дары, которые остаются с человеком, они неуязвимы. Даже лишение одного из них причинит боль в первую очередь их обладателю.

Согласно Капнисту, покой сменяется счастьем при следующем условии: «А если Бог, чтоб безмятежну / Украсить жизнь венцом отрад, / Пошлёт тебе супругу нежну, / Правдива друга, добрых чад, / О, счастлив, счастлив ты не лестно!» [4, с. 96]. Радость от общения с верным другом, жизнь с доброй, благочестивой супругой, рождение детей переводят душевный покой в счастье, переходящее затем в блаженство: «Блаженством сих драгих предметов / Удвой твоих блаженство дней» [4, с. 96]. Таким образом, удвоение благ (друг, супруга, чада) рождает блаженство, то есть длительное наслаждение посланными дарами.

Однако с увеличением даров судьбы прибавляются и страдания: «Удвой, но ах! с приумножением / Сих счастья узлов драгих / Стократ мучительным явлением / Коварно жало скорбей злых / Грозит, о смертный! нам всечасно» [4, с. 96]. Безвременная смерть, крушение надежд навсегда могут отнять счастье. Успокоение человек получает, лишь обратившись к Богу: «Несчастный! в скорби сей сердечной / Приди, дай руку мне, пойдём; / Пред троном благ, любви предвечной / С повинованием падём» [4, с. 97]. Поэт утверждает, что только вера способна уберечь от всех земных тягот, даровать надежду на небесное воздаяние за страдания. Призыв претерпевать в жизни муки и лишения звучит и в оде «На смерть Василия Степановича Томары» (1819): «Вся жизнь – лишь опыт претер-

пений, / В ней счастье – метеор во мгле, / Пред мною – призрак утешений, / А радости – в сырой земле» [4, с. 268]. Упование на прекращение мучений в посмертной жизни присутствует и в финале оды «К несчастному» (1819): «Несчастный! жизни сей мятежной / Преплывши трудный, краткий путь, / Достигнешь пристани надежной, / Где ты можешь отдохнуть» [4, с. 312].

Настоящая жизнь, по Капнисту, – это мгла: «Что жизни в дебри сей терновой / Мы странствовать во мгле должны» [4, с. 97]. И только в небесных обителях возможно достичь «прямого» счастья: «Что те лишь, кто преселены / В то обиталище святое, / Вкушают счастье прямое» [4, с. 97]. Вера в то, что счастье истинное, «прямое» возможно лишь на небесах, подчёркивается поэтом и в других одах: «Рок послал мне век печали / За короткий счастья час. / Стану ж смертную минуту я с отрадой ожидать» [4, с. 126] – «Приют сердца» (1806); «Ты жизнь небесную вкушаешь, / Ты жив, – ты с нами обитаешь!» [4, с. 303] – «Горсть земли на могилу благотворителя» (1816).

Единственным способом достижения счастья на земле является добродетель: «Но здесь одна лишь добродетель / Источник неисчерпных благ» [4, с. 97]. Чувство добродетели стирает границу между невольником и господином: «Она печали улаживает / И равномерно сочетает / Себя с владыкой и с рабом» [4, с. 97]. Таким образом, для Капниста добродетель – это счастье, заключающееся в помощи ближним. Исследователь творчества В.В. Капниста Г. Ермакова-Битнер отмечает, что поэту было свойственно «глубокое соучастие, сопереживание угнетённым людям» [3, с. 16]. В финале оды «На счастье» звучит индивидуальный авторский вариант счастья – со-участие: «А если б хоть на миг судьбину / Несчастных мог я уладить» [4, с. 98] <...> Творца благословил бы я!» [4, с. 99]. Г. Ермакова-Битнер подчёркивает, что «соучастие» – слово очень ёмкое в контексте поэзии Капниста и, в общем-то, совершенно необходимое в ней. Это и боль за страждущего человека, и умение разделить его беду и радость, это и заступничество за него, наконец, это и собственная душевная открытость, вера в отзывчивость людей вообще» [3, с. 30]. Тема «соучастия в беде» человеку, несения тягот страждущего звучит во многих стихотворениях поэта: «Свои кто пользы забывая, / Лишь ближнему полезен был» [4, с. 295] – «Алексею Николаевичу Оленину» (1821); «Счастлив, коль голос мой унылый / С чужою грустью соглашу / И тайной соучастья слой / Слезу страдальца осушу» [4, с. 309] – «Различность дарований» (1818); «Но куда ни оглянуся, – / Сострадающего нет» [4, с. 106] – «На уныние» (1796); «Хоть в свете счастьем мне своим / Нельзя уж наслаждаться, / Так, вспомяв прежнее, – чужим / Я буду утешаться» [4, с. 249] – «Старик, ожидающий весны» (1814, 1821).

Итак, счастье в одноимённой оде В.В. Капниста представлено тремя вариантами: во-первых, счастье-покой, когда человек доволен своей участью («частью») в жизни. Ему дарованы здоровье, чистая совесть, свобода, хлеб насущный. Во-вторых, счастье-соучастие, когда смысл жизни человека заключён в облегчении страданий ближнего. И, в-третьих, счастье «прямое» (или блаженство) возможно только на Небесах с Богом. Капнист в своём поэтическом творчестве призывает к обретению вышеперечисленных вариантов истинного, «прямого», счастья, избегая его призрачных проявлений, коими являются воинская слава, богатство, забавы, роскошь.

УДК 821.161.1.09

Библиографический список

1. *Абрамзон Т.Е.* Об одном ломоносовском стихе // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 1. – С. 163–168.
2. *Державин Г.Р.* На счастье // Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. – СПб., 1864–1883. – Т.1: Стихотворения, ч. 1, 1864. – С. 243–259.
3. *Ермакова-Битнер Г.В.* В.В. Капнист // Капнист В.В. Избранные произведения. – Л., 1973. – С. 5–46.
4. *Капнист В.В.* Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1973. – 616 с.
5. *Словарь Академии Российской, 1789–1794:* в 6 т. – Т. 1; Т. 6. – М., 2006. – С. 214, 940.
6. *Словарь русского языка XVIII века.* – Л., 1985. – Вып. 2: Безпристрастный-Вейэр. – С. 58.

Лебедев Юрий Владимирович

доктор филологических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
y.v.lebedev@yandex.ru

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ А.Н. ОСТРОВСКОГО С И.С. ТУРГЕНЕВЫМ В КОМЕДИИ «БЕДНАЯ НЕВЕСТА»*

В статье исследуется становление русской национальной драматургии в процессе творческого диалога Тургенева и Островского. Опережая Островского, Тургенев приступил к созданию русского национального репертуара. Однако он не выдержал творческого соревнования с Островским в силу чрезмерной интеллектуальной изоцирренности своих драм. Русский театр в период создания своего самобытного репертуара нуждался в драматургии, глубоко погружённой в народную традицию. Утончённая драматургия Тургенева вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского.

Ключевые слова: творческий диалог, национальное своеобразие русской драмы, пушкинская и гоголевская традиции.

«Драматическое искусство, – говорил Тургенев, – занесено было в Россию извне, но благодаря нашей благодатной почве принялось и пустило корни» [8, С., I., с. 257]. Укоренение началось с пьес Гоголя, но бурный рост пошёл в конце сороковых – начале пятидесятих годов XIX века. Опережая Островского, Тургенев приступил к созданию русского национального репертуара. Однако вскоре он оставил работу над пьесами и замолчал. Он не выдержал конкуренции с Островским. Ведь театральное искусство в высшей степени демократично. У его истоков лежит народный мир. «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы, – утверждал Островский. – Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии – для всего народа...» [5, с. 139]. И наша литература в период создания своего репертуара нуждалась в драматургии общерусского звучания, глубоко погружённой в национальную традицию.

А что в этот момент предлагал ей Тургенев? А.С. Суворин писал о его комедии «Месяце в деревне»: «Вот барыня, скусающая и млеющая, влюбляющаяся то платонически, то совсем не платонически

и в течение пяти актов болтающая о прелестях любви и ставящая перед собою вопрос: изменить мужу или не изменить? Вот Ракитин, один из тех господ, которые “волочатся за природой, как раздуренный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьяночкой”, и которые волочатся и за женщинами подобным же образом, постоянно раздражаясь и раздражая их и утопая во фразах, созерцании и борьбе с самим собою и с долгом. Вот студент Беляев, скромный, застенчивый, в которого все влюбляются, но он не смеет любить, хотя любит» [4].

И в такой снисходительной оценке сценического дарования Тургенева Суворин был не одинок. Вот суждения Аполлона Григорьева о тургеневской комедии «Где тонко, там и рвётся» в статье «И.С. Тургенев и его деятельность»: «Авторы всех подобных произведений стремились к *тонкости*. Тонкость была повсюду: тонкость стана героинь, тонкость голландского белья, и т. д. – *тонкость*, одним словом, и притом такая, что стан, того и гляди, напомнит жердочку в народной песне:

Тонка-тонка – гнётся, боюсь – переломится.

Разговор, то и дело, переходил во что-то, “не хитрому уму” и не воспитанному чувству непо-

* Публикация подготовлена в рамках поддержки РГНФ. Проект №13-04-00113.

стижимое; – чувства, того, бывало, и жди, совсем испарятся или улетучатся: тонкость голландского белья чуть что не ставилась главным признаком человеческого достоинства.

Кончались *дела* обыкновенно или *мирно*, сознанием героя и героини, что они *могут позволить себе любить*, из чего, *eo ipso*, выходило, за сценой, разумеется, и желанное заключение, – или *трагически*: герой и героиня расставались “в безмолвном и гордом страдании”, пародируя трагическую тему Лермонтова...

И этой жалкой моде, этому поветрию апатии и праздности, – поддался, скажете вы, талант Тургенева?.. Да, скажу я без запинки, и укажу прямо на “Провинциалку” и на “Где тонко, там и рвется”. Пусть “Где тонко, там и рвется”, по истинной тонкости анализа, по прелести разговора, по множеству поэтических черт – стоит над всем этим *дамским* и *кавалерским* баловством столь же высоко, как пословицы Мюссе; пусть в “Провинциалке” женское лицо очерчено хотя и слегка, но с мастерством истинного артиста <...>, но все же эти произведения – жертва моде и какая-то женская прихоть автора “Записок охотника”, “Рудина” и “Дворянского гнезда”...» [7, с. 23–25].

Утончённая драматургия Тургенева испытала в середине XIX века правоту пословицы, положенной в основу его комедии: «Где тонко, там и рвётся». Она вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского. Запрос на тургеневскую утончённость появился лишь в конце XIX века, в преддверии русского декаданса. Именно тогда полузабытые тургеневские пьесы стремительно вошли в репертуар многих театров как у нас в России, так и за рубежом. Оказалось, что Тургенев, надолго опережая время, прокладывал пути к «новой драме» чеховского типа.

А сейчас, в эпоху создания русского национального репертуара, Островский призван был вступить с Тургеневым в творческий диалог. В мартовском номере журнала «Современник» за 1852 год Тургенев опубликовал рецензию «Несколько слов о новой комедии г. Островского “Бедная невеста”». Статья была достаточно суровой и заканчивалась пожеланием Островскому «выпутаться из тех сетей, которые он сам наложил на свой талант... Да осуществятся в нём наши надежды! Они не слишком радостны, не слишком сильны» [8, С., V, с. 396, 515]. Полагают, что полемический тон рецензии был связан с желанием Тургенева охладить неумеренные восторги Аполлона Григорьева: последнюю статью своего обзора «Русская литература в 1851 году», опубликованную в четвёртом (февральском) номере журнала «Москвитянин» за 1852, Григорьев завершал так: «От кого именно ждём мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: “Бедная невеста” предстает суду публики...» [1, с. 44].

Предположение, что Тургенев в своей рецензии спорил не столько с Островским, сколько с Григорьевым, как будто бы подтверждается следующими фактами. При подготовке своего Собрания сочинений 1880 года Тургенев снял в статье заключительную фразу о том, что творчество Островского не внушает больших надежд, а в подстрочном примечании написал: «Считаю нужным предупредить читателей, что, пробежав настоящую статейку о “Бедной невесте”, писанную чуть не тридцать лет тому назад, я было раздумал её перепечатать – и помещаю её теперь скорее с целью самобичевания. Нечего говорить, что моя оценка “Бедной невесты”, одного из лучших произведений нашего знаменитого драматурга, оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости. Как известно, А.Н. Островский посрамил мои опасения и более нежели оправдал мои надежды» [8, С., V, с. 387].

И всё же в таком объяснении есть доля авторского лукавства. Почему бы не указать читателям, какие именно «замечания» в его статье «не лишены справедливости»? На этот вопрос Тургенев ответил, но не прямо, а косвенно. В романе «Новь» (1876) Нежданов, «горячий поклонник Островского», «при всём уважении к таланту, выказанному автором в комедии “Не в свои сани не садись”, не мог одобрить в ней явное желание унижить цивилизацию в карикатурном лице Вихорева» [8, С., XII, с. 23]. «Унижить цивилизацию» – ведь это значит посягнуть на символ веры Тургенева. Устами Потугина в романе «Дым» он говорит: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, – цивилизации, – да, да, это слово ещё лучше, – и люблю её всем сердцем, и верю в неё, и другой веры у меня нет и не будет» [8, С., IX, с. 173].

Статья о «Бедной невесте» дипломатично доброжелательна. Тургенев признаёт в ней талант Островского, но лишь как автора комедии «Свои люди – сочтёмся!» Именно в ней Тургенев видит надежды, которые «Бедная невеста» никак не оправдала. Всё, что сказано о «Бедной невесте», проникнуто чувством личного неприятия. Случайно ли это? Не заметил ли Тургенев в «Бедной невесте» полемического выпада в свой адрес?

В.Я. Лакшин отмечал, что история Марьи Андреевны у Островского в черновом автографе «Бедной невесты» «таила в себе полемическое жало. <...> В петербургском фразёре Зориче (потом он назван Меричем), которому ничего не стоит вскружить голову молоденькой девушке, Островскому хотелось скомпрометировать фальшивую романтическую позу, опозорить её с точки зрения жизни, разума, здравого смысла. Мерич – это выдохшийся,

измельчавший лермонтовский герой Грушницкий, подражающий Печорину. В одном из черновиков Островский заставлял Марью Андреевну держать в руках книгу Лермонтова, а Зоричу влагал в уста чисто «печоринские» рассказы о лёгких победах над женскими сердцами. <...> Эти откровенно насмешливые выпады, близкие по тону литературной пародии, были смягчены в окончательном тексте пьесы» [3, с. 193–194].

Однако В.Я. Лакшин не обратил внимания, что насмешливые выпады по адресу печоринского типа сменились в беловом варианте комедии выпадами иными и не менее резкими, но уже по другому адресу. Мерич не красуется перед Марьей Андреевной любовными похождениями. Он предлагает ей свой *дневник*: «В следующий раз я тебе принесу свой *дневник*, мы его почитаем вместе...» [1, с. 235–236]. А потом Хорьков говорит Милашину: «Чудак этот Мерич! Мне случайно попала тетрадка из его *дневника*...» [1, с. 216–217. *Курсив мой.* – Ю.Л.].

Нельзя не заметить, что фабула «Бедной невесты» полемически «перепевает» фабулу повести Тургенева «*Дневник лишнего человека*», опубликованной в апрельском номере журнала «Отечественные записки» за 1850 год. Семью провинциального чиновника Ожогина с дочерью Лизой, девушкой кроткого нрава, наивной и доверчивой, осаждают два цивилизованных «развивателя» женских сердец – москвич Чулкатурин, от лица которого написан «Дневник», и более удачливый князь Н. из Петербурга. Соперничество между этими героями Островский пародирует в «Бедной невесте» диалогами Милашина с Меричем. Обманутая князем в своих лучших надеждах тургеневская Лиза выходит замуж за провинциального чиновника Бизьмёнкова. Марья Андреевна Островского, обманувшись в Мериче, соглашается связать свою судьбу с чиновником Беневоленским.

Монологи Милашина в «Бедной невесте» «перепевает» исповедь героя «Дневника лишнего человека». «Меня щадили, как больного: я это видел, – анализирует своё душевное состояние тургеневский Чулкатурин. – Я каждое утро принимал новое, окончательное решение, большею частью мучительно высиженное в течение бессонной ночи: я то собирался объясниться с Лизой, дать ей дружеский совет... <...> то я вдруг великодушно приносил всего себя в жертву, благословлял Лизу на счастливую любовь...» [8, С., V, с. 205].

Тонкие переживания тургеневского героя Островский переводит на грубоватый язык бесхитростной правды. Его Милашин, вторя Чулкатурину, говорит: «Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однако же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: “У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со стары-

ми; но вы теряете друга, который был вам предан”. Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: “Нет, скажу, коли у вас есть лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу... навсегда”. – “Но зачем же навсегда, Иван Иванович?” – “Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер”. Взять шляпу и уйти...» [1, с. 205].

Иронически «перепеваются» Островским даже отдельные детали. **Чулкатурин**: «”Князь, – думал я, – столичная штучка: на нас свысока смотреть будет...” Не более минуты видел я его, но успел заметить, что он был хорош собой, ловок и развязен. Походив некоторое время по зале, я наконец остановился перед зеркалом, достал из кармана гребешок, придал моим волосам живописную небрежность и, как это иногда случается, внезапно углубился в созерцание моего собственного лица» [8, С., V, с. 199]. **Милашин**: «Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо моё выражало теперь самую глубокую скорбь. (*Смотрит в зеркало.*) Фу, какое глупое выражение... смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. (*Смотрит в зеркало.*) А если она не захочет заметить...» [1, с. 272–273].

В отношениях Мерича с Марьей Андреевной Островский пародирует тургеневскую философию любви. Обольщённая и оставленная князем Н. Лиза в тургеневской повести говорит: «Что делать! я чувствую, что я до гроба его любить буду. <...> Все меня теперь обвиняют, все бросают в меня камнями. Пусть! Я бы всё-таки не променяла своего несчастья на их счастье... нет! нет!.. Он недолго меня любил, но он любил меня!» [8, С., V, с. 228].

Вслед за Лизой Горский в комедии Тургенева «Где тонко, там и рвётся» получает высочайшее наслаждение от такой же любовной игры с Верой. Ради наслаждения своей влюблённостью он готов воспрепятствовать её браку с приятелем. Но на семейную жизнь Горский смотрит скептически («её можно сравнить с молоком... но молоко скоро киснет») и жениться на Вере не собирается: «Жениться? Нет я не женюсь, что там ни говорите...» [8, С., 2, с. 101]. Он говорит: «Дружба, семейное счастье, любовь?... Да все эти любезности хороши только как мгновенный отдых, а там давай Бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках...» [8, С., 2, с. 112].

Герои Тургенева вместе с их автором считают, что проза семейных отношений враждебна любви. У Островского такие взгляды на любовь и семью проповедует прожжённый эгоист Мерич. Узнав о готовности Марьи Андреевны выйти замуж, он говорит: «Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андреевна! Вы созданы для того, чтобы быть любимой. Красотой должны лю-

боваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдать одному человеку» [1, с. 218].

В отличие от Тургенева Островский видит призвание женщины не в тонких чувственных томлениях, а в семейной жизни и воспитании детей. Марья Андреевна в его пьесе заявляет: «Передо мной новый путь, и я его наперёд знаю. У меня ещё много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец – дети, я буду жить для детей» [1, с. 271].

Психологически усложняя характеры действующих лиц, наполняя драму богатым лирическим содержанием, Островский возвращается к традиции Пушкина. По замечанию А. И. Журавлёвой, «вся история отношений Марьи Андреевны и Мерича – это в значительной мере пересказ схемы отношений Онегина и Татьяны» [2, с. 48]. Взгляд драматурга на любовь и назначение женщины существенно отличается от идей женской эмансипации, подхваченных Тургеневым и другими последователями Белинского, и заставляет вспомнить о пушкинской Татьяне, которая предпочла супружескую верность и семейную святость чувственному влечению: «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» [5].

В «Бедной невесте», обращаясь к Меричу, Марья Андреевна говорит: «Как бы я была счастлива, если б я родилась полегкомысленнее. Меня бы занимали наряды, маленькие интрижки, и всё бы было так легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замуж и хочу быть хорошей женой...» [1, с. 271]. Она видит смысл любви в семейной жизни, в перевоспитании человека, назначенного ей в мужья: «... Я затем иду за него замуж, чтобы исправить его, сделать из него порядочного человека» [1, с. 269].

Первую комедию «Свои люди – сочтёмся!» (1850), принёсшую Островскому славу и за-

служенный литературный успех, сторонники натуральной школы ставили в ряд произведений Гоголя и называли купеческими «Мёртвыми душами». Верность Гоголю они стали искать и в «Бедной невесте». Однако Островский опровергает в ней эстетические вкусы сторонников «гоголевского направления». У Гоголя все персонажи «Ревизора» одинаково бездушны. А у Островского в бездушном мире открываются источники живых человеческих чувств, появляется человек, страдающий от этого бездушия. Драматический конфликт в пьесе изменяется: происходит столкновение чистых желаний людей с тёмными силами, преграждающими путь этим желаниям. В «Бедной невесте» Островский уходит от гоголевского направления к пушкинскому. Это почувствовали как почвенники в лице Ап. Григорьева, так и либералы-западники в лице А. В. Дружинина и П. В. Анненкова, которые высоко ценили Островского, потому что ратовали за возврат к пушкинским традициям в развитии современной русской литературы.

Библиографический список

1. Григорьев А.А. Сочинения. – Т. 1. – СПб., 1876. – 644 с.
2. Журавлёва А.И. «Бедная невеста» // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
3. Лакин В.Я. Александр Николаевич Островский. – М.: Искусство, 1976. – 528 с.
4. «Новое время» от 19 января 1879 г., № 1039, подпись: «Незнакомец».
5. Островский А.Н. Полн. собр. соч. в двенадцати томах. – М.: Искусство, 1973–1980.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. – Т. 5. – М.: Наука, 1964. – 638 с.
7. Русское слово. – 1859. – № 5, отд. «Критика». – С. 23–25.
8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в двадцати восемью томах. Сочинения в пятнадцати томах. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960–1968. – Ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии (Письма – П, сочинения – С.), тома и страницы.

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ РУССКИХ НИГИЛИСТОВ В ВОСПРИЯТИИ Н.С. ЛЕСКОВА И В.Г. АВСЕЕНКО

В статье представлено понимание антинигилистического романа, отличное от господствовавшего в литературоведении в советское время, показано, что обвинения в тенденциозности не позволяли долгое время оценить художественную сторону антинигилистических романов. Автор статьи освещает теорию Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко о двух поколениях русских нигилистов, способствующую верному пониманию рассматриваемого жанра.

Ключевые слова: нигилизм, негилизм, антинигилистический роман, Лесков, Авсеенко, революционно-демократические идеи, художественность.

В жанровой классификации русского романа второй половины XIX века присутствует такая группа романов, как антинигилистические. Указанная группа выделяется историками литературы практически во всех фундаментальных трудах XX века (в том числе в академических многотомных изданиях «История русской литературы»). К антинигилистическим романам историки литературы относят «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Некуда» и «На ножках» Н.С. Лескова, «Марину из Алого рога» Б.М. Маркевича, «Скрежет зубовой» и «Злой дух» В.Г. Авсеенко и др. Целостный, системный анализ романов, называемых антинигилистическими, способствует, во-первых, переосмыслению термина «антинигилистический роман», иному его истолкованию в контексте литературного процесса второй половины XIX века, во-вторых, правильному пониманию главных героев, верному уяснению соотношения полярных сил в художественных мирах этих произведений.

Антинигилистическими романами в советское время считались произведения реакционно-охранительные; они рассматривались литературоведами как произведения третьего ряда, не стоящие внимания и пристального изучения, как романы низкопробные, крайне тенденциозные. К примеру, А.И. Батюто, оговариваясь о существовании различных градаций и оттенков нигилизма, отказывает авторам антинигилистических романов в трезвом и правильном понимании действительности: «Они нетерпимы к любому нигилизму, видя в нем безжалостного разрушителя привычных основ частной, общественной и государственной жизни. Ничуть не колеблясь, эти писатели отождествляют нигилизм по существу со всем освободительным движением в России, лишенным, по их убеждению, не только исторической перспективы, но и сколько-нибудь “законного” права на существование в настоящем» [4, с. 279]. Такое истолкование вызвано, вероятно, не только соответствующим углом зрения, под которым рассматривались многие произведения во второй половине XX века, но и недостаточным вниманием к романам, к объяснению происходящих в общественной жизни процессов, данному самими писателями.

В советском литературоведении романы «Некуда» и «На ножках», настроившие против Лескова почти всю русскую литературную общественность, как демократический, так и консервативный лагерь, признавались не стоящими внимания, малозначимыми, романами-памфлетами: «Тенденциозное истолкование в романах Лескова характеров нигилистов, фельетонная манера изложения, стилевой разноречивой – всё это привело писателя к творческому поражению, осознанному впоследствии им самим» [8, с. 424]. Из-за чрезмерного внимания к героям-бунтарям, часто недооценивалось значение второстепенных персонажей романа, не учитывалась важность многих сцен и эпизодов, которые выглядели «лишними». Романам «Некуда» и «На ножках» отказывали в художественности: «Антихудожественность своих реакционных романов позднее признавал и сам автор» [5, с. 130]. Действительно, Лесков был неудовлетворен своими первыми произведениями, считал их романами невысокого качества. Однако не литературные достоинства или недостатки, а реакция читателей на «Некуда» и «На ножках» и собственная неспособность писателя предвидеть восприятие произведений звучат в отзывах Лескова о его первых романах.

В.Г. Авсеенко также называли чисто реакционным писателем, глашатаем исключительно дворянских интересов, а его романы – охранительными, ретроградными произведениями, весь смысл которых сосредоточен на разоблачении нигилистов и обличении новых демократических идей. Приведем для примера цитату из рассуждений А.И. Батюто о романе «Скрежет зубовой»: «Автор недвусмысленно подчеркивает его антинигилистическую тенденцию циничным указанием на то, что главный герой, преуспевающий адвокат-карьерист Безбедный, действующий в соответствии с принципом “глотаю других”, ведет свою идейную родословную от демократов-шестидесятников» [4, с. 298].

Доля справедливости в приведенной цитате есть: Безбедный, действительно, карьерист, в романе подчеркнуто и его происхождение, доставлявшее герою немало страданий и бед (он внебрачный сын богатого барона), однако Авсеенко ни разу не

упоминает о «демократах-шестидесятниках», даже не подразумевает их. Автору гораздо важнее подчеркнуть разницу между Безбедным и его сводным братом бароном, которая окажется значимой для объяснения пути героев, их мировоззрения и смены жизненных ценностей и ориентиров. Авсеенко показывает, что хищнические принципы являются руководящими не для одного Безбедного, описывает общие тенденции и настроения, царящие в обществе, передает убеждения героев, представляя читателю самому наблюдать за исходами развития характеров и делать выводы. Примечателен с этой точки зрения монолог барона Андрея, который отмечает суетность и фальшь светской жизни, втягивающей в свою орбиту все новые неопытные души: «Воздух отравлен, он одуряет. Никто толком не знает куда идти, каким богам поклоняться. Ищешь живой души, а видишь какую-то падаль. Но эта падаль хищничает, развратничает, гниет сама и заражает других, и бесстыдно или наивно выкрикивает те самые громкие фразы, от которых у молодежи голова кружится» [3, 1878, 11, с. 351].

Некоторые современные исследователи русского романа, в их числе и В.А. Недзвецкий, вместо антинигилистического романа рассматривают указанные произведения как «романы о русском нигилисте», замечая, что «так называемый “антинигилистический” роман <...> правильнее именовать романом о массовом русском *позитивисте* («нигилисте»), но *критически* осмысленном в свете уже *традиционных* российских верований и ценностей» [7, с. 87]. Такой подход на наш взгляд является верным. Однако в литературоведении до сих пор не учитывается трактовка нигилизма самими авторами антинигилистических романов, которая многое проясняет, способствует верному пониманию литературных освоений и заимствований на основе притяжений и отталкиваний. Чтобы оценить всю глубину контактных, контрастных и конфликтных отношений, складывающихся между русскими романами второй половины XIX века, необходимо исходить из существования этапов в истории русского нигилизма, который довольно быстро прошел свою первую, классическую фазу существования, получившую в литературе отражение в романах И.С. Тургенева «Отцы и дети», Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

Можно немало рассуждать и говорить об отрицательном отношении Лескова и Авсеенко к идеям революционным. Естественно, возможно представить отношение писателей к ним. К примеру, сложно не учитывать позицию Авсеенко как критика и штатного сотрудника журнала «Русский вестник», во многом разделявшего взгляды главного редактора журнала М.Н. Каткова. Но критика революционно настроенной молодежи не была самоцелью Авсеенко. Как правило, в антинигилистическом романе революционеры оказываются

в ряду нигилистов только в том случае, если помимо проправительственных идей они несут идею разрушения русской национальной культуры, подрыва народных устоев и верований.

В «Скрежете зубном» проблеме поведения молодых революционеров посвящен эпизод пребывания Липочки у своей бывшей подруги Настеньки Янич. Автор описывает ее восприятие революционеров: «Разгоряченные пивом, но вообще незначительные физиономии молодых людей не возбуждали большого интереса. За исключением толстого Баламутова, остальные были какие-то серые, нездоровые и, по-видимому, даже наголодавшиеся люди» [3, 1878, 3, с. 88]. Но представленная сцена при всей ее карикатурности носит практически единственный характер. А как критик «Русского вестника» Авсеенко в публицистических статьях и обзорах более всего был склонен к полемике с социологическим направлением, пытался показать утрату истинных взглядов на сущность и назначение искусства.

Критика революционно настроенной молодежи не была самоцелью авторов. Нигилизм у Лескова и Авсеенко не приравнивается собственно к революционно-демократическим идеям. Под «нигилизмом» нужно понимать не общественно-политическое движение, не те настроения, которые царили в среде особым образом настроенной молодежи, а *отсутствие смысла, невежество и хищничество*. Эволюцию русского нигилиста Лесков показал в романе «На ножках», опубликованном в 1870–1871 годах в журнале «Русский вестник».

Лесков подчеркивает, прежде всего, аморальную сторону поведения новых нигилистов, отвергших всякие принципы с целью быстрого обогащения и наиболее ловкого проведения задуманных дел. В романе «На ножках» Лесков показывает нигилистов новой формации: Висленев, Горданов, Кишенский не задумываются ни о чем, кроме собственной выгоды: «Павел Николаевич Горданов нимало не лгал ни себе, ни людям, что он имел оригинальный и верный план быстрого и громадного обогащения» [6, с. 290]. Для Горданова нормой является «продажа» человека. Он подталкивает Висленева к написанию статьи, в которой вниманию врагов России рекомендуются самые смелые планы, как одолеть русский народ и загнать его в Азию. Завладевая этой статьей, компроматом на Висленева, он передает ее Алине Фигуриной, любовнице Кишенского, которой необходимо сочетаться с достойным избранником законным браком. За Висленева и операцию со статьей Горданов получает от Кишенского десять тысяч, а самого Висленева насильно венчают с Алиной, записывая на его имя всех имеющихся, а после и всех остальных детей Алины и Кишенского.

Для Горданова и его соратников чувства не значат ничего: самоотверженно полюбившую его де-

вушку Глафиру Горданов очень скоро пытается выгодно сбывать с рук. «Я еще до сих пор не отвыкла стыдиться, что ты когда-то для меня нечто значил. Но я все-таки дорисую тебе вашей честности портрет. Я тебе скоро надоела, потому что вам всякий надоедает, кому надобно есть», – говорит Глафира Павлу Горданову, вспоминая о его поступках. Своего собственного ребенка Горданов сдает в воспитательный дом, а Глафиру пытается обратить «в карту для игры с передаточным вистом»: «Тогда решились попрактиковать на мне еще один принцип: пустить меня, как красивую женщину, на поиски и привлечение к вам богатых людей...» [6, с. 169]. Коварная красавица Глафира, уяснив себе сущность Горданова, предательски изменяет принципу безбрачия, жестоко обманывает Горданова и «общее дело» и выходит замуж за богача Бодростина: «Я знала, что я хороша, я лучше вас знала, что красота есть сила, которой не чувствовали только ваши тогдашние косматые уроды...» [6, с. 170].

Собирая вокруг себя людей, которым ничего не стоит обманывать других и наживаться на чужих бедах, Горданов создает и философию своего направления, необходимую для людей идейных. Отменяя грубый нигилизм, заявленный когда-то Базаровым, Горданов провозглашает *негилизм* – гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что *негилистам* дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты. В романе «На ножах» Лесков показывает две эпохи нигилистов, о которых после будет рассуждать Авсеенко. Лесков объясняет, что на смену принципиальным нигилистам, увлекшимся идеей отрицания, но не утратившим основ нравственности, элементарной порядочности, пришли такие люди, как Павел Горданов, не останавливающиеся ни перед подлостью, ни перед клеветой, ни перед доносом.

Авсеенко объясняет сущность нигилизма в интересной статье «Практический нигилизм», посвященной произведениям А.Ф. Писемского, более всего, его роману «В водовороте». По мнению Авсеенко, нигилистическая доктрина возникла, в первую очередь, в литературных кружках, а общество в ее разработке участия не принимало, ограничиваясь функцией восприятия. Идеи отрицания стали распространяться представителями литературного пролетариата и полуобразованного мещанства. Объясняя свой взгляд на глубоко несимпатичное для него явление, критик и писатель рассуждает достаточно объективно. Другое дело, что он не пишет о принципиальной разнице между понятиями «революционер» и «нигилист», существовавшей в XIX веке и особенно заметной нам уже по прошествии времени. И дело в том, что в своих художественных произведениях Авсеенко обличает как раз тех хищнически настроенных дельцов, которые готовы отрицать все человеческое, пожертвовать убеждениями, всем дорогим ради си-

юминутных ценностей, собственной наживы. Авсеенко определяет две эпохи нигилизма, а в своих художественных произведениях изображает представителей второй из них, эпохи «практического нигилизма».

Первое поколение «нигилистов», когда «существовали так сказать специалисты нигилистического дела, не имевшие никакой другой задачи и иного знания, кроме разработки и проведения в собственную жизнь нигилистической доктрины» [2, 1873, 7, с. 395] наиболее проблематично для осмысления, поскольку именно на этом этапе возникает проблема разграничения вышеприведенных нами понятий «нигилист» и «революционер». Как отмечает критик, эта категория «нигилистов по профессии» «обратила на себя внимание наших художников-беллетристов». Во втором периоде идеи нигилизма попали в общество, «утратили характер культа» и смешались со многими другими идеями и понятиями. По Авсеенко, нигилисты этого периода очень далеки от собственно нигилистов-теоретиков, они случайно усваивают кое-что из нигилистического мировоззрения, приспособляясь к жизни и дополняя свою картину мира. Безвредны и даже заслуживают уважения те из них, кто ошибочно воспринимает нигилистические идеи как новые веяния и пытается с их помощью порвать с прошлым. А наиболее опасны люди, которые «берут» от нигилизма только отсутствие принципов, превращаясь в мошенников: «Бессознательные, практические нигилисты чаще всего усваивают себе только нигилистическую беспринципность, свободу от исторически сложившихся общественных и нравственных уз, и затем от обстоятельств жизни и от условий личного характера зависит, направить эту беспринципность в ту или иную сторону» [2, 1873, 7, с. 396–397].

Руководствуясь этим определением нигилизма, и стоит понимать многих героев антинигилистических романов Авсеенко: Льва Дмитриевича Ильяшева в романе «Из благ земных», который готов и свою сестру сделать приманкой, и имение тетки забрать, потому что, по его словам, «ценность капитала зависит от количества потребностей, а какие потребности у тетки?»; адвоката Безбедного, дельца Карича в романе «Скрежет зубовой», которые на протяжении всего романа и поддерживают друг друга, и словно притягиваются друг к другу: сначала Безбедный спасает Карича от страшного приговора и разорения, выигрывая дело в суде, после герои совместно проворачивают выгодную аферу с акциями, даже хвастаться своей «добычей» – Липочкой – Безбедному особенно приятно перед Каричем; наконец, и Раиса Михайловна в «Млечном пути» своего рода нигилистка, пытавшаяся спастись от тьмы, используя нравственную силу Юхновского: Раиса Михайловна чувствует, что Юхновский выбрал для себя определенный путь,

позволяющий ему расти и совершенствоваться, знает о его научной работе, о его идеалах, так далеких от светского бессмысленного блеска, и пытается ухватиться за этого человека, чтобы вырваться из наскучившей ей семейной обстановки.

О второй стадии нигилизма, расцвет которой продолжался, по мнению Авсеенко, и в начале 80-х годов XIX века, рассуждает герой романа «Злой дух» Глеб Дмитриевич Зимовьев. В его монологе нигилизм второго поколения ярко противопоставлен народным чаяниям и чувствам. Нигилисты оказываются не борцами за свободу, а приспособленцами, пользующимися угнетенным состоянием народа и общей неуверенностью в завтрашнем дне: «Неужели все еще так мало знают Россию, что не понимают, в какую цену обходится раздражение народного чувства? Я был мальчиком во время Крымской войны, но помню, под каким ужасным впечатлением все жили. И это впечатление застряло, завязло в обществе; нигилизм был его прямым результатом» [1, 1881, 7–8, с. 277].

Названия романов Лескова и Авсеенко («На ножах», «Скрежет зубовой», «Злой дух») замечательно передают ту скрытую и явную борьбу, которая происходила в целой стране, между отдельными людьми. Эта борьба, как показывают нам писатели, утратила чисто политический характер и переросла в идеологическую и смысловую войну. На фоне относительной свободы, развития буржуазных отношений, быстрого обогащения отдельных людей многими были утеряны понятия о нравственности, чести, долге. Очень примечательна реплика генерала Беклищева, героя романа «Злой дух», брошенная жене: «Но мы не будем

судить людей с точки зрения нравственности, это было бы уже слишком оригинально!» [1, 1883, 1–2, с. 146]. Как прекрасно показали Лесков и Авсеенко, на смену нигилистам-идеологам, радевшим за свободу личности от предрассудков, равенство, право распоряжаться своей судьбой, пришли новые нигилисты, люди без принципов и правил, главной задачей которых стало стремление к наживе и улучшению своего состояния.

Библиографический список

Все ссылки на произведения В.Г. Авсеенко в журнале «Русский вестник» приводятся в тексте с указанием года, тома (месяца) и страницы.

1. *Авсеенко В.Г.* Злой дух // *Русский вестник*. – 1881–1883.
2. *Авсеенко В.Г.* Практический нигилизм // *Русский вестник*. – 1873. – Июль. – С. 389–427.
3. *Авсеенко В.Г.* Скрежет зубовой // *Русский вестник*. – 1878. – Январь–ноябрь.
4. *Батюто А.И.* Антинигилистический роман 60–70-х годов // *История русской литературы* в 4 тт. Т. 3. – С. 279–314.
5. *Гебель В.А.* Лесков // *История русской литературы* в 9 т. Т. IX. Ч. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1956. – С. 120–153.
6. *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 12 т. Т. 8. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
7. *Недзвецкий В.А.* История русского романа XIX века: неклассические формы. Курс лекций. – М.: Моск. ун-т., 2011. – 152 с.
8. *Столярова И.В.* Роман-хроника Лескова // *История русского романа* в 2 ч. Ч. 2. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 416–438.

ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В СИМФОНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ
АНДРЕ ЖИДА «ПАСТОРАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ»:
К ТЕОРИИ ЖАНРА РОМАНА

В статье исследуется жанровая природа повести Андре Жида «Пасторальная симфония» в связи с обнаруженным нами соответствием сюжетно-композиционного построения произведения структуре музыкального жанра симфонии. Выявляются связи поэтики «Пасторальной симфонии» с полифоническим романом Достоевского и обосновывается соответствие композиции повести структуре музыкальной симфонии, что указывает на жанровую природу романа.

Ключевые слова: полифонический роман, тройственная полифония, структура жанра симфонии, контрапунктическое противопоставление, повествовательный аналог музыкальной структуры.

«Пасторальная симфония» (1919) – одно из известнейших во Франции произведений Андре Жида. Отсутствует жанровое определение автора, но критики называют «Пасторальную симфонию» повестью [7, с. 18]. Признавая произведение удачей А. Жида с точки зрения раскрытия авторской идеи, некоторые из них считают повесть не слишком удачной с точки зрения формы. Отмечают как будто ничем не оправданные ускорения и замедления темпа повествования. Темы, изначально второстепенные, к середине повествования выходят на первый план. Сюжет отличается многочисленными возвратами к уже описанным событиям [14, р. 117].

История изучения поэтики «Пасторальной симфонии» с точки зрения соответствия её сюжетно-композиционных особенностей композиционной структуре музыкального жанра симфонии начинается с нашего доклада [4, с. 51–54]. В настоящей статье мы исследуем связи между поэтикой жанра полифонического романа и поэтикой повести Жида «Пасторальная симфония», композиционные особенности которой связаны со структурой музыкальной симфонии. Исследование призвано разрешить сомнение в обоснованности принятого в критике жанрового определения «повесть».

М.М. Бахтин упоминает о том, что первым на связь поэтики полифонического романа с музыкальным полифоническим жанром на примере фуги указал В. Комарович. Он уточняет мысль В. Комаровича, описывая общую природу жанра полифонического романа и полифонических музыкальных жанров: «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии» [1, с. 36]. По мысли Л.П. Гроссмана, в основе композиции романа Достоевского лежит принцип двух или нескольких встречающихся повестей, которые контрастно дополняют друг друга и связаны по принципу полифонии: «Сам Достоевский <...> провел однажды аналогию между своей конструктивной системой и музыкальной теорией “переходов”, или противопоставлений. Он писал в то время повесть из трех глав, различных по содержанию, но внутренне единых. <...> Повесть

строится на основах художественного контрапункта. <...> Это разные голоса, поющие различно на одну тему» [3, с. 341–342]. Описанный Гроссманом метод Достоевского соответствует музыкальному принципу симфонии, поскольку: «Основой симфонии был трёхчастный цикл неаполитанского типа» [9, с. 22].

Жид, будучи наиболее выдающимся исследователем творчества Достоевского во Франции, первым говорит о значении его творчества для всей Европы: «Отсюда берут начало несколько полноводных рек, из которых сегодня могут утолить жажду новые европейцы» [11, с. 15]. Развивая полифонию Достоевского, Жид создает полифоническое произведение, уникальность которого определяется точным следованием структуре музыкальной симфонии. Мы полагаем, что он сделал это подсознательно. Писатель происходил из семьи, где любили и понимали классическую музыку. Герои многих произведений Жида серьезно занимаются музыкой. В литературе Жид обнаруживал связи с различными родами искусства. Например, он сравнивал авторскую манеру Бальзака и Достоевского с графикой Давида и живописью Рембрандта: «Его главные персонажи всегда остаются в процессе создания, они всегда слабо выступают из тени. Я замечу по пути, насколько сильно он отличается от Бальзака, главная задача которого – создать всегда замечательно последовательный персонаж. Этот рисует как Давид: тот же пишет как Рембрандт» [10, с. 63].

Как указывают Андре Лагард и Лоран Мишар, «Пасторальная симфония» обдумывалась в одно время с работой над романом «Подземелья Ватикана» и «скандальным “Коридором”» [13, р. 299]. Это обстоятельство напоминает описанный Гроссманом способ работы Достоевского над повестью из трех глав, «различных по содержанию, но внутренне единых». Полагаем, сознание Жида во время работы над «Пасторальной симфонией» находилось в условиях полифонического звучания «голосов» трёх произведений, находящихся между собой в отношениях контрапунктического противопоставления. В.В. Иванов пишет: «В творчестве

Достоевского соответственно числу позиций мы имеем взаимодействие либо двух, либо трёх сил. За каждой из них стоит Бог, человек или враг человека и «оппонент» Бога, сеющий в человеке сомнение» [5, с. 174]. Следуя теории тройственной полифонии В.В. Иванова, развившего теорию полифонического романа Бахтина, три названных произведения Жиды мы соотносим с тремя головами-позициями Бога, человека и оппонента Бога, к которым сводимо всё множество голосов полифонического романа. Рассмотрим полифоническую систему «Пасторальной симфонии».

Жид придает своему произведению форму дневника одного из главных героев, Пастора. Жанр дневника монологичен, но может включать, а в нашем случае и включает в себя, как внешний, так и внутренний диалог персонажей. Фабула сводится к тому, что Пастор (священник-протестант) взялся за воспитание гениально одарённой слепой девушки Гертруды, желая открыть ей всю красоту мира и тем самым обратиться к Богу. Женатый и многодетный священник, увлекшись своей подопечной, обращается к Евангелию «за подтверждением своей мысли, что столь естественное и чистое чувство не может быть грехом, узаконивая в своём сердце страсть» [14, р. 299]. Обретя зрение в результате удачной операции, девушка осознаёт истинную причину доброго отношения Пастора к себе, а главное, она понимает, что любит не священника, а его сына. Она видит фальшь той идеальной картины мира, которую нарисовал ей Пастор, находящийся в пылу страсти. Контраст между миром прекрасной природы и миром реальных человеческих отношений потрясает её чувствительную душу настолько, что она замышляет самоубийство.

Название повести связано с центральным эпизодом и кульминацией всего повествования – с описанием концерта, на котором Пастор и Гертруда слушают «Пасторальную симфонию» Бетховена. Впечатления от симфонии определяют тему их бесед. Слепая девушка постоянно задаётся двумя вопросами: в действительности ли этот мир так прекрасен, как ей об этом говорит музыка, и, по аналогии, действительно ли человек так совершенен духовно, как говорит ей об этом священник. Заметим в скобках, что тема страны счастливых не знает национальных границ. Например, «в “Сне Обломова” повествователь отмечает какую-то удивительную тишину, мир и покой» [6, с. 158]. Н.Г. Морозов в работе о влияниях духовной литературы на реалистов И.А. Гончарова и И.А. Бунина, говорит: «Писатели, идущие по этому пути, прокладывали дорогу мастерам духовного реализма» [6, с. 159]. Присоединяемся к выводу Н.Г. Морозова, поскольку некоторых французских писателей-модернистов, начиная с Андре Жида и Алена-Фурнье, мы отнесли к «мастерам духовного реализма», в значительной мере впитавшим

достижения русской литературы с её духовной основой. В нашем случае – это «реализм в высшем смысле» Ф.М. Достоевского.

В Шестой («Пасторальной») симфонии Бетховена с подзаголовком «Воспоминания о сельской жизни» «конкретизируются различные состояния человеческой души» [2, с. 450]. Гертруда постоянно вспоминает одну из её сцен – «У ручейка», особенно ей запомнившуюся. Музыкальный портрет ручейка символизирует для неё всю красоту человеческой души в её отклике на красоту природы. Один из последних эпизодов повести тоже происходит у ручья, где Гертруда бросается в воду. Идея суицида рождается в её душе как реакция на трагический контраст красоты мироздания и фальши человеческих отношений. Здесь писатель использует приём психологического контраста между идеалистической установкой девушки, заданной Пастором, и жестокой реальностью открывшегося ей, далеко не совершенного мира людей, представленного семьёй Пастора.

В повести обнаруживаются, хотя и очень внешние, жанровые признаки пасторали, то есть идиллического повествования о жизни идеальных героев на лоне прекрасной природы. Эти признаки связаны с просветительскими мотивами воспитания чувств путём общения с естественной природой и с мотивами обострённого проявления чувств, свойственного сентиментализму. Природа в различных её состояниях («настроениях») постоянно сопровождает героев. Повествование начинается с описания снежной бури в горах, где на заброшенном хуторе живёт слепая Гертруда, а заканчивается великолепными картинами весеннего цветения альпийских лугов. Для Гертруды музыка природы – пение птиц, шум ветра, шелест листьев – столь же совершенна, как и «Пасторальная симфония». Присутствует в дневнике Пастора и эротический подтекст, присущий жанру пасторали и тщательно скрытый под описаниями внешне идиллических отношений героев: тихая горная деревушка, идеальная пасторская семья, приютившая слепую сиротку, мирные труды сельского священника – любителя музыки. На самом деле идиллия эта мнимая, а скрытые чувства персонажей, кроме чувств самой Гертруды, далеки от совершенства.

Сравним композиционную структуру «Пасторальной симфонии» Жида со структурой симфонии как музыкального жанра. Первая её часть состоит из шести глав. Первая глава носит вступительный характер, поясняя намерение Пастора отныне вести дневник. Она условно соответствует вступлению в структуре музыкальной симфонии. Действие следующих пяти глав развивается в быстром темпе, соответствующем музыкальному темпу аллегро. Сонатное аллегро традиционно помещается в первую часть музыкальной симфонии. *Повествовательный аналог музыкальной*

структуры таков, что здесь, как и в музыкальной симфонии, мы видим экспозицию – изложение и развитие основных тем, что в литературном произведении означает знакомство читателя почти со всеми героями. Происходит и завязка действия – решение Пастора взять на себя заботы о слепой сироте, жившей почти без связи с внешним миром. Возникают тема Гертруды и тема Пастора – аналогии главной и побочной партии симфонии. Тут же появляется и связующая партия – партия природы, стихии, тот фон, на котором развивается повествование. Традиционно в первой части симфонии слушателю представлены три главных голоса: два основных и один второстепенный, как бы связующий два главных голоса: «Логика симфонического развития в своей основе подчинена триаде» [8, с. 12]. То же самое наблюдается в «Пасторальной симфонии» Жида, но на языке литературоведения это называется тройственной полифонией. Уже в первой части «повести» видны признаки полифонического романа. Природа символизирует голос Бога, Гертруда – голос человека, позиция Пастора, оправдывающего своё страстное чувство, олицетворяет голос оппонента Бога.

Следующие три главы, повествующие о пробуждении скрытых способностей девушки, можно воспринимать в качестве повествовательного аналога разработки сонатного аллегро. Как и в жанре симфонии, они включают в себя вступительный раздел – визит доктора Мартена, рассказывающего Пастору о методах обучения слепых. Затем идёт основной раздел – описание медленного и трудного развития способностей Гертруды. Далее переходный раздел – неожиданный прорыв в способностях девушки, превзошедший самые смелые ожидания, который подготавливает повествовательный аналог симфонической репризы: чтобы подтолкнуть развитие необыкновенных способностей девушки, Пастор везёт её на концерт.

Далее следует реприза, повествовательным ответствием которой является посещение концерта. В симфонической репризе побочная музыкальная партия становится главной. Для произведения Жида это означает, что повествовательный аналог побочной партии, или «голос» природы, становится главным для Гертруды, впервые услышавшей классическую музыку. Отныне природа – это тот идеал, с которым она сравнивает всё, что слышит и о чём размышляет. «Голос» природы становится для слепой девушки голосом Бога. Её нравственная позиция (голос человека) совмещается с голосом Бога. Это слияние включает итог её духовного поиска, ответ на запросы её души, выраженный композиционно. Её образ формируется на идее встречи прекрасного с красотой – этики и эстетики, столь близкой образу князя Мышкина, устами которого Достоевский выразил идею спасительности силы духовной красоты: «Мир спасёт красота».

Шесть глав второй части «Пасторальной симфонии» Жида отличаются медленным ходом повествования, что соответствует музыкальному темпу адажио. Содержанием глав являются долгие прогулки и беседы Пастора с девушкой и её занятия музыкой. Священник осознаёт свои чувства к Гертруде, но тщательно скрывает их под маской благочестия.

Семь глав третьей части, которые описывают события, произошедшие почти год спустя после событий первой и второй частей, являются повествовательным аналогом скерцо. В первых трёх главах третьей части развитие чувств героев происходит в быстром темпе. Основной авторский приём здесь – контрапунктическое противопоставление в области личных качеств, внешности и характеров персонажей. Яркий контраст представляют духовная и физическая красота Гертруды и скудость духовной жизни дочерей и жены Пастора, ограниченность и убогость их чувств. Последние четыре главы третьей части по стремительности развития действия соотносимы с финалом симфонии. События развиваются во всё нарастающем темпе – крещендо: появившаяся надежда на возвращение зрения, отъезд Гертруды в Лозанну на операцию, восстановление зрения, возвращение в деревню, праздничный обед, неожиданное самоубийство Гертруды, внешне ничем не спровоцированное. Всё это описано крайне скупой, без подробностей и деталей, поскольку главное в финале – не внешняя сторона событий. По аналогии с законами построения симфонии через заключительные главы проходят все темы, затронутые в повести, и каждая из них находит своё разрешение в последнем разговоре Гертруды с Пастором.

Как пишет Бахтин, «полифонический роман весь сплошь диалогичен. Между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения» [1, с. 71]. В произведении Жида, подобно полифоническому роману Достоевского, помимо героев в диалогических отношениях находятся элементы структуры текста. Если в музыкальной симфонии противопоставляются первая и вторая части (сонатное аллегро и адажио) по темпу, то, соответственно, в «Пасторальной симфонии» Жида первая и вторая части тоже противопоставлены по темпу развития действия. Партии различных голосов симфонии противопоставлены, так же и голоса-позиции героев повествования Жида противопоставлены в их диалогах и внутренних монологах. Таким образом, композиция повести Жида во всех её частях аналогична структуре музыкального произведения жанра симфонии. Такое «совпадение» на самом деле является следствием уникального авторского приёма уподобления жанрово-композиционной системы литературного произведения структуре музыкального жанра симфонии. И эта уникальность полностью снимает все

недоумения критиков, высказанные по отношению к форме «Пасторальной симфонии» Андре Жид.

Мы полагаем, что жанрово-композиционные особенности повести «Пасторальная симфония» свидетельствуют о принадлежности данного произведения к жанру полифонического романа.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Бетховен // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Т. 1. – С. 445–454.
3. Гроссман Л.П. Достоевский – художник // Гроссман Л.П. Творчество Достоевского. – М.: Наука, 1959. – С. 330–416.
4. Дубинская М.В. Симфоническая структура повести А. Жид «Пасторальная симфония»: тезисы доклада / Петрозаводская государственная консерватория // VII Всероссийский междисциплинарный семинар: сб. науч. материалов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. – С. 51–54.
5. Иванов В.В. Сакральный Достоевский: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – С. 161–195.
6. Морозов Н.Г. Мотивы сочинений св. Ти-

хона Задонского «Горний Иерусалим» в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 157–159.

7. Никитин В. Андре Жид. Вехи творческого пути // Жид Андре. Фальшивомонетчики. Тесные врата. – М.: Прогресс, 1991. – С. 5–25.

8. Симфонизм // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – Т. 5. – С. 11–15.

9. Симфония // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – Т. 5. – С. 21–26.

10. Gide A. Allocution lue au Vieux-Colombier pour la célébration du centenaire de Dostoïevski // Dostoïevski par André Gide: Articles et causeries. – Paris: Gaillimard, 1981. – P. 57–65.

11. Gide A. Dostoïevski d'après sa correspondance // Dostoïevski par André Gide: Articles et causeries. – Paris: Gaillimard, 1981. – P. 13–49.

12. Gide A. La Symphonie Pastorale. – Paris: Flammarion, 2013. – 146 p.

13. Lagarde A., Michard L. André Gide. Les grands auteurs français. XX siècle. Antologie et histoire littéraire. – Paris: Bordas, 2004. – P. 279–322.

14. Sollers Philippe. Le roman et l'expérience des limites. – Paris: Logiques, 1968. – 442 p.

УДК 821.161.1.09

Нгуен Тхи Тхыонг

Ивановский государственный университет
tuyetdautien2224@gmail.com

ИМЯ И ПОРТРЕТ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ТАНЯ» (ИЗ ЦИКЛА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»)

Статья посвящена связи собственного имени и портрета заглавной героини рассказа «Таня», имя и портрет которой коррелируют друг с другом настолько, что создают особое антропонимическое пространство, через которое раскрывается сложность и глубина бунинской художественной мысли.

Ключевые слова: собственное имя, портретная характеристика, женский характер, мастерство писателя, художественная философия имени.

Исследуя проблему имени собственного, исследователь Э.Б. Магазаник пишет: «Именами собственными в литературе, по-настоящему заслуживающими эпитета “говорящие”, здесь признаются совсем другого рода литературно-художественные именованья. Те, чей “голос” способен глубоко отзываться в людских душах, порождать неожиданные мысли и чувства в сознании читателя, позволить в каком-то новом свете увидеть соответствующее произведение» [4, с. 3]. Имя Таня в одноименном рассказе И.А. Бунина – одно из таких «говорящих» имён, и во многом оно стало таким по причине мастерской портретной характеристики, включающей в себя не только внешний облик, но и жест, детали костюма, поведенческий рисунок.

В «Словаре русских личных имён» А.В. Суперанской дается такое толкование имени Таня:

«Татьяна, церкв. Татиана, сокр. Таня, Тата – из греч. Татиана, возможно, из *татто* – предписывать, устанавливать или производное от лат. *Tamus* – имя легендарного сабинского царя» [5, с. 438]. Имя означает «устроительница, учредительница, повелительница». Автор «Словаря русских личных имён» пишет, что «в “Житиях святых” повествуется о богатой и знатной римлянке Татиане, воспитанной отцом в христианской вере и посвятившей себя служению Богу, ставшей диакониссою. Диаконисса Татиана с усердием ходила за больными, посещала темницы, помогала неимущим, усердно молилась и старалась делать добрые дела. Все мучения, которые выпали на её долю, она переносила с терпением» [5, с. 469].

Из этой легенды следует, что имя Татьяна связано с добротой, теплом, благотворением, но в то же время с твердым и решительным характером.

Не случайно Пушкин в своем романе «Евгений Онегин» дает своей героине простонародное имя Татьяна. Этим он подчеркивает простоту девушки-дворянки, ее близость народу. Пушкин не случайно оговаривает данное своей героине имя. Звучное имя Татьяна гармонически слилось с особенностями внешности ее обладательницы, с ее привычками, манерами, чертами характера. Природа, книги, деревенский мир, страшные рассказы няни «зимою в темноте ночей» – все эти милые, незатейливые увлечения постепенно формируют характер девушки. Но главное – необычность этого имени в кругу дворянских семей. Если в наше время это имя ничем не отличается от остальных женских имен, то для героини романа тогда это имя было необычным, – простонародным, простым, деревенским, вроде Акулина, Прасковья, Матрена. Но Пушкин не только назовет свою героиню самым простым, русским именем, – Татьяна станет для него идеалом русской женщины. Тем идеалом, с которым после «Евгения Онегина» будет соизмеряться все положительное в русской женщине – и в жизни, и в литературе. Татьяна предстает в романе «Евгений Онегин» воплощением национального русского духа и духовно-нравственным идеалом.

Но если в образе Татьяны Лариной гармонически соединились лучшие стороны дворянской и простонародной культуры, то Таня у Бунина представлена прежде всего простонародной, крестьянской стороной жизни, в глубине которой скрывается истинная красота и преданная любовь. Не случайно в рассказе она нигде не названа полным именем, словно автор не хочет придать героине черты твердости характера, звучащие в полном имени.

Имя Таня в рассказе Бунина вызывает у читателя чувство внутренней тишины, согретой сердечной теплотой. Здесь уместно вернуться к параллели бунинской героини с пушкинской Татьяной. Обратим внимание на один важный нюанс: Татьяна Ларина вошла в историю русской литературы своим полным именем – «Татьяны милый идеал», что подчеркивает внутреннюю силу и цельность её характера, её моральное превосходство над героем и окружающей её средой. Бунинскую героиню трудно назвать полным именем, она именно Таня, и в этом имени звучат такие черты и краски национального женского характера, как смирение, тихий свет, молчание и покорность. В отличие от Татьяны Лариной героиня рассказа Бунина вызывает жалость, но она не становится жалкой, храня в себе, как и пушкинская Татьяна, извечно женское чувство приятия своей доли. В её имени соединяются высота нравственного облика, душевная простота в сочетании с глубиной внутреннего мира, естественность и отсутствие всякой фальши в поведении. Всё это прежде всего заметно в ее портретной характеристике.

Героиня бунинского рассказа, на первый взгляд, мало соответствует смыслу своего имени – Татьяна, который предполагает значительность личности. Внешне она ничем не примечательна: «*Она служила горничной у его родственницы, мелкой помещицы Казаковой, ей шел семнадцатый год, она была невелика ростом, что особенно было заметно, когда она, мягко виляя юбкой и слегка подняв под кофточкой маленькие груди, ходила босая или, зимой, в валенках, ее простое личико было только миловидно, а серые крестьянские глаза прекрасны только молодостью*» [1, т. 5, с. 327]. Это портрет совсем юной девушки, озаренный нежностью, молодостью, наивностью, девственной чистотой. Её глаза блестят доверчивой верой в добро, а движения ее молодого тела легки и порывисты: «*...соскочив, кинулась вон... ответила она быстрым шепотом, со смехом убежала*». Её сближение с героем крайне необычно: оно происходит во сне. Когда герой подошёл к ней ночью и поцеловал её горячую щеку, она молчала, как будто тайно дала ему согласие на всё: «*Он зажег спичку и увидел ее спящую. Она навзничь лежала на деревянной кровати, в одной рубашке и в бумазейной юбчонке, – под рубашкой круглились ее маленькие груди, босые ноги были оголены до колен, правая рука, откинута к стене, и лицо на подушке казались мертвыми...*» [1, т. 5, с. 328]. Увидев спящую Таню, у героя вспыхнуло желание приблизиться к ней. Бунин очень тонко изображает сцену интимной близости героев. В душе обоих бунинских персонажей остаётся сложный комплекс прочувствованных ими переживаний. Автор не умалчивает о самых сильных телесных наслаждениях, – они прекрасны, поэтичны, когда рождены любовью, чистой и естественной страстью.

Здесь важно отметить очень знаменательное обстоятельство: Бунин развертывает повествование так, что собственное имя героини появляется поначалу лишь как вопрос героя-рассказчика: «*Тебя, кажется, Таней зовут?*» [1, т. 5, с. 328]. И только после ключевой сцены близости, которой предшествует довольно длительная экспозиция, представляющая заглавную героиню рассказа прежде всего посредством ее портретной характеристики, имя ее начинает звучать постоянно. Сама сцена физической близости как бы подготавливает нас к тому соответствию героини и ее имени, которое позже проявится с такой очевидностью: поведение в ней Тани лишено резких выпадов и отмечено какой-то странной покорностью и тишиной, она только «*закрыдала сладко и горестно*». Портретные штрихи только развивают эту тональность: «*Она покорно, тихо ответила, смаргивая слёзы и суя в самовар пылающие щёпки; она служила скоро и заботливо; тайком бросала на него взгляды уже смущенно-радостные; вся покраснев, прошептала...*» [1, т. 5, с. 331].

Нужно заметить важную особенность этого бунинского рассказа: портретная характеристика героини как бы живет своей жизнью, она развивается согласно движению сюжета. Характерна кульминационная сцена любовной истории, когда герой приехал встретить её на станцию. Бунин усложняет портретную характеристику подробным описанием костюма, которое словно преображает бедную незаметную девушку. Дело, конечно, не только в костюме, – через его описание Бунин показывает, что внезапно нахлынувшая любовь делает Таню жизнерадостнее, энергичнее, ярче: *«...по-городскому одетая... а она вся сияла возбужденными глазами, юностью взволнованного необычным путешествием лица, и сторож что-то говорил ей на вы... Он сам приехал за мной, а я из города, и наряжена и так хороша, как он и представить себе не мог, видя меня всегда только в старой юбчонке, в ситцевой бедной кофточке, у меня лицо, как у модистки, под этим шелковым белым платочком, я в новом гарусном коричневом платье под суконной жакеткой, на мне белые бумажные чулки и новые полсапожки с медными подковками! Вся внутренне дрожа, она заговорила с ним таким тоном, каким говорят в гостях, и, приподняв подол, пошла за ним дамскими шажками, снисходительно дивясь»* [1, т. 5, с. 332].

Р.М. Кирсанова в книге «Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века» пишет: «Скупые описания одежды литературных персонажей были связаны с тем, что точный выбор деталей или какого-то признака костюма был продиктован необходимостью наиболее полного раскрытия образа» [3, с. 11]. Для раскрытия внутреннего мира Тани Бунин очень подробно описывает её внешний облик, используя такие детали, как новое гарусное коричневое платье под суконной жакеткой, белые бумажные чулки, новые полсапожки с медными подковками. Писатель обращает внимание даже на вид ткани. До встречи с героем на вокзале Таня всегда ходила в ситцевой бедной кофточке. В тот вечер, когда герой приехал за ней, она надела более дорогую суконную жакетку. Все эти нюансы помогают героине проявить себя, выразить ее чувство к герою. Из этого портретного описания видно стремление Тани выглядеть настоящей, богатой барышней. Она говорит вежливым тоном, ходит «дамскими шажками», потому что она хочет быть достойной героя, произвести на него лучшее впечатление. Внутренний монолог героини соединяется с внешним видом, и это выражает её счастливое настроение в момент любви, наполненный сложной эмоциональной гаммой: Таня одновременно живёт в счастье любви и в чувстве страха. Оксюморон «радостный страх» усиливает внутреннее состояние Тани в данный момент: счастье любви смешивается в ней с переживанием ожидаемой близости. И опять Бунин прибегает к раз-

работке портретных деталей, которые раскрывают всю полноту нахлынувшей на нее любви: *«Таня, Танечка... И она вся рванулась к нему, прижалась к его щеке шелковым платком, нежным пылающим лицом, полными горячих слез ресницами. Он нашел ее мокрые от радостных слез губы и, оставив лошадь, долго не мог оторваться от них... Все сразу поняв, она тотчас соскочила к нему и, с быстрой заботливостью подняв весь свой заветный наряд, новое платье и юбку, ошупью легла на чуйку, навеки отдавая ему не только все свое тело, теперь уже полную собственность его, но и всю свою душу»* [1, т. 5, с. 333].

Как видим, портретная характеристика в этом рассказе является главным средством раскрытия образа молчаливой героини, передавая авторскую мысль о том, что Таня навеки отдала герою чистую душу и тело. Бунину важно показать, что за нежным, тихим внешним видом Тани таится страстная любовь, которая вытекает из искреннего, горячего сердца. Бунин не раз подчеркивает, как смысловая функция имени проявляет себя наряду с портретом: Таня ждет героя, переживает за него, заботится о нем, как будто она его жена. Надо сказать, что Таня в доме ведет себя тоже как «устроительница», на которой держится тепло и порядок в доме. Она служит заботливо, ловко и ответственно. Её трудолюбие, забота, любовь согревают не только дом в холодную погоду, но и душу героя, что опять показано через движение портретных зарисовок: *«...а Таня, Танечка, верная, любимая, растворила ставни, потом тихо вошла в валенках, вся холодная, в снегу на плечах и на голове, закутанной пеньковым платком, и, став на колени, затопила* [1, т. 5, с. 335].

Её удивительные глаза, улыбка и заботливые, чистосердечные жесты – все это как будто замедляет печальную развязку сюжета – неминуемый отъезд героя. Через его восприятие показан образ-портрет девушки, который живёт в его сердце: невозможно забыть «этот крестьянский запах ее головы, дыхания, яблочный холодок щеки», «ее милый простосердечный голосок, ее то радостные, то грустные, но всегда любящие, преданные глаза» [1, т. 5, с. 330].

Постепенно по ходу развития сюжета возникает органичная связь имени героини и её портрета. В облике Тани, в её поведении, в её жертвенной любви к приехавшему барину раскрывается высокая гуманистическая природа любовного чувства: из простой бедной девочки-горничной она на наших глазах превращается не только в бескорыстно любящую женщину, но и в новую личность, которая открывает в себе саму себя: *«Вот вы в меня влюбились, а я будто и сама в себя влюбилась, не нарадуюсь на себя... А если вы меня бросите...»* [1, т. 5, с. 336].

История любви Тани не могла иметь оптимистического финала: взаимоотношения барина и гор-

ничной трагически осмыслены Буниным ещё в до-революционной повести «Суходол». И в рассказе «Таня» наступает трагическая развязка: герой уезжает и, в сущности, бросает героиню. Здесь можно провести параллель с той же коллизией, что воспроизведена Л.Н. Толстым в романе «Воскресенье». Не исключено, что Бунин имел это в виду, показывая судьбу Тани, брошенную барином. Но, в отличие от толстовской Катюши Масловой, бунинская Таня отмечена смиренным принятием своей участи. При расставании она хотела крикнуть «Возьмите меня с собой», но вместо этого она тихо благословляет своего возлюбленного: «И, поднявшись, стала в темноте крестить его: – Сохрани вас Царица Небесная, сохрани Матерь Божия!» [1, т. 5, с. 338]. Она переживала это горе, сдерживая слёзы, втайне надеясь на возвращение любимого. Много слов она хотела высказать, хотела кричать от грусти, от отчаяния, но вместо этого терпеливая покорность видна в ее поведении и портрете: «И все Святки она ходила в самом лучшем своем наряде – в том платье и в тех полусапожках, в которых он встретил ее тогда осенью, на вокзале, в тот незабвенный вечер» [1, т. 5, с. 339]. Л.А. Иезуитова в статье «Роль семантико-композиционных повторов в создании символического строя повести-поэмы И.А. Бунина “Деревня”» пишет: «...Бунин не прибегает к объяснениям; помогая читателю понять художественный смысл изображенного, он старается повторить какую-то деталь несколько раз» [2, с. 538]. Действительно, Таня ходит в том платье, в тех полусапожках, потому что ей дорог «тот незабвенный вечер» и она надеется на то, что любимый скоро вернется к ней. То, что произошло между ними, она сохраняет в сердце: «...весь день не вставала с рундука в прихожей, глядя во двор до боли в глазах» [1, т. 5, с. 339]. От усталости ожидания она как вялый цветок в сухой сезон без дождя. Любовь неожиданно пришла к ней и так же внезапно ушла, оставив ей только горе, боль, тоску и слёзы.

Когда Таня потеряла надежду увидеть героя, он приехал. «Он был поражен, увидя ее, – так похудела и поблекла она вся, так несмелы и грустны были ее глаза» [1, т. 5, с. 340]. По словам Л.А. Иезуитовой, «наиболее весомая для Бунина деталь портрета, характеризующая душевные возможности

персонажа, – глаза» [2, с. 582]. Глаза Тани выражают её крайнюю муку. Бездна надежды иссушила её сердце, и она со смирением принимает свою судьбу. В этом портрете она выглядит слабой, грустной, усталой. От долгого ожидания юная, оживлённая, весёлая девушка превратилась в худую и поблекшую женщину. Несмотря на это, Таня простила его, покорно выполняя все его желания: «Она покорно подошла, склонив голову, чтобы он не видал, что все лицо у нее в слезах... она села рядом и обняла его, тихо рыдая... Опять эти теплые детские слезы на детском горячем лице...» [1, т. 5, с. 341].

Из приведенных примеров убедительно проступает чистая, трогательная натура простой русской девушки, послушный, покорный, нежный характер которой соответствует её тёплому, ласковому имени – Таня, а с именем связана и ее портретная характеристика. Она любит героя всей душой, рискуя своим положением в господском доме, ломая свою судьбу. Мы могли убедиться, что смысл ее натуры – любовь и верность, покорность и смирение – проявлены через сложную потаенную связь портрета и имени. Судьба этой крестьянской девушки с традиционно-крестьянским именем и внешностью, полюбившей барина, несчастна, но в этой горестной судьбе Буниным открыты лучшие качества женского национального характера.

Имя Таня живёт в непосредственной связи с её внешним обликом, в котором проступает её искренняя душа, и не случайно Бунин такое большое место в пространстве рассказа отводит живым проявлениям её портретной характеристики.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1988. – Т. 5. – 639 с.
2. Иезуитова Л.А. Роль семантико-композиционных повторов в создании символического строя повести-поэмы И.А. Бунина «Деревня» // И.А. Бунин. Pro et contra. – СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 2001. – С. 577–598.
3. Кирсанова Р.М. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. – М.: Книга, 1989. – 286 с.
4. Магазаник Э.Б. Онамопозитика или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 148 с.
5. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. – М.: Эксмо, 2005. – 544 с.

А.Т. ТВАРДОВСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Н.И. ТРЯПКИНА

В статье предпринята попытка осмысления поэтического наследия Н.И. Тряпкина как одного из поэтов, обратившихся к творчеству А.Т. Твардовского. Лирика Тряпкина испытала на себе влияние лирики Твардовского, оба поэта являются продолжателями традиций «деревенской» поэзии.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, Н.И. Тряпкин, художественный мир, традиция, деревенская тема, литературный процесс, поэтика.

Творчество Н.И. Тряпкина (1918–1999) относится к числу тех явлений русской поэзии XX века, место которых в истории литературы ещё только определяется. Тряпкин долго и напряженно искал себя как поэта. Первый его сборник вышел в 1953 году, когда поэту было 35 лет. После этого прошел длительный период творческого созревания, который завершился на рубеже 60-х – 70-х гг. XX века.

В работах, посвященных творчеству Тряпкина, слово «традиция» не редкость: поэт традиции, традиционность. Тряпкин всегда выделял и воспринимал творчество поэтов близкой направленности и художественной ориентации. Так, его творчеству была близка художественная система смоленских поэтов (М. Исаковского, А. Твардовского, Н. Рыленкова)¹.

Мысль о том, что лирика Тряпкина испытала влияние поэзии А.Т. Твардовского, стала общим местом в литературоведении. Но вот что удивительно: не только в статьях и книгах, но и в подавляющем большинстве исследований, вскользь затрагивающих эту проблему, нет никаких фактических или аналитических доказательств, подтверждающих мысль о влиянии.

Каковы же конкретные действительные основания подобной точки зрения? Их несколько.

Немалый «вклад» в развитие данной темы внес П. Выходцев («Земля и люди», 1984). По мысли исследователя, творчество молодых поэтов, входивших в литературу в середине 50-х гг., к которым относится и Тряпкин, «страстно» утверждали «деревенские» темы и воспевали сыновнее чувство Родины. Тряпкин, заявивший себя к этому времени как серьезный поэт, ощущал твердое плечо старших, ставших уже классиками советской поэзии, в частности – и Твардовского [2, с. 91]. Анализируя стихи поэтов «военного призыва», в том числе и Тряпкина, Выходцев отмечает, что военная лирика наполнена большой патриотическим пафосом, присущим поэтам старшего поколения, – «тем, кто прошел со своим народом путь <...> великих испытаний в годы Отечественной войны – А. Твардовского, А. Прокофьева, М. Исаковского» [2, с. 92]. В творчестве Тряпкина нетрудно заметить традиции поэзии Н.Клюева (что неоднократно отмечалось исследователями, в том числе и П. Вы-

ходцевым). Однако, как утверждает исследователь, Клюев, во-первых, крупный мастер стиха, и достойно похвалы умение молодого Тряпкина, не принимая жизненной философии певца старорусской северной деревни 10-х – 20-х годов, опереться на лучшие стороны его поэзии, а во-вторых, одновременно и, пожалуй, ещё более интенсивно Тряпкин учился у других советских поэтов – Есенина, Прокофьева, Твардовского. Таким образом, П. Выходцев подчеркнул литературную традицию, связывавшую Твардовского и Тряпкина [2, с. 107].

В.А. Котельников в книге «Русские писатели. XX век. Библиографический словарь» (1998), в разделе, посвященном краткому анализу творчества Тряпкина, пишет о том, что со временем поэт начинает тяготеть к сближению своего лирического повествования с литературной традицией поэтического рассказа, в том его варианте, который широко представлен у Твардовского [3]. Об этом свидетельствует большой двухчастный цикл «Из семейной хроники» (1982).

В.Г. Бондаренко в книге «Последние годы империи» (2005), анализируя личность Тряпкина и его творчество, отмечает, что «Николай Тряпкин всегда был отверженным поэтом. Это его стезя, его крестная ноша, которую и нес он безропотно до конца своих дней. В каком-то смысле он культивировал свою отверженность от литературной элиты и не тянулся особо к избранным, ибо понимал: там, в их миру, он будет лишен и поэтической, и мистической свободы» [1, с. 18]. Говоря о том, что номенклатурная Россия отторгала Тряпкина от своего официоза, его глубинный русизм пугал чиновных комиссаров больше, чем диссидентские потуги шестидесятников, В.Г. Бондаренко указывает на то, что такое отношение касалось не только одного Тряпкина, а в первую очередь – Твардовского: «В Александре Твардовском и официальная, и неофициальная элиты видели лишь влиятельного редактора “Нового мира” и никак не хотели видеть крупнейшего национального поэта» [1, с. 24–25].

С. Куняев в статье «Мой неизбывный Ветроград» (2008) пишет о том, что «мощная ветвь русской литературы, названная еще в начале века по недоразумению “крестьянской поэзией”, была обрублена к началу 30-х гг. Она завершила свое существование, казалось, не успев дать новых по-

бегов. Коллективизированная деревня рождала новых певцов. Их появлению предшествовало издание Михаила Исаковского “Провода в соломе”, которого уже тогда противопоставили “старикам”, ушедшим и ещё живым, и объявили “подлинно народным поэтом”. Явление Александра Твардовского, ...подвело окончательный, как казалось итог: старая “крестьянская поэзия”, основанная на “реакционном развитии фольклора”, обречена на слом и может существовать лишь в качестве не слишком желательной “музейной ценности”» [4, с. 2]. Поэтому появление «крестьянской» лирики, продолжающей лучшие традиции русской поэзии XIX–XX веков, дало новый виток в осмыслении и раскрытии темы. В поэзии Тряпкина ощущается та «крестьянская почва», с которой он связан и своими тверскими корнями, – с Севером и Подмосковьем. Его поэзия срослась с бытовым укладом и с психологией крестьянина.

Действительно, в восприятии многих критиков, литературоведов оба поэта являются продолжателями традиции «деревенской поэзии».

В лирике Тряпкина можно найти немало примеров прямого и закономерного продолжения лучших сторон поэзии Твардовского. По лирическому сюжету, по эмоциональной окраске в разработке деревенской темы Тряпкин близок Твардовскому.

У Твардовского: «Дело в праздник было, / Подгулял Данила. / Праздник – день свободный, / В общем, любо-мило, / Чинно, благородно / Шел домой Данила. / Хоть в нетрезвом виде / Совершал он путь / Никого обидеть / Не хотел отнюдь» [8, с. 40].

У Тряпкина: «Дело было летом, / На базаре было, / Бабушка Марина / Петуха купила. / И ввиду такого / Случая большого / Дед Кузьмич Петрович / Захотел спиртного... [10, с. 55].

Не чужды были, вероятно, Тряпкину те поэтические опыты Твардовского, которые восходят к 20-м – 30-м годам, например «Урожай» (1926), «Родное» (1926), «Смоленщина» (1935), «Кружились белые березки» (1936) и др. Тут также заметны совершенно определенные художественные традиции, которым следовал Тряпкин, и те поэтические влияния, которые он переработал.

Как Тряпкин относился к Твардовскому, можно судить по стихотворению «Послание старому приятелю», опубликованному в сборнике «Заповедь» в 1976 году, в котором упоминается Твардовский:

Когда-то мы дружили,
Хотя и так давно!
И где-то вместе пили
Веселое вино,

Ругались из-за песни
И брали города,
Поскольку были вместе
Поэтами тогда.

Поэты и студенты...
Да где их только нет?

И все ж с того момента
Промчалось столько лет!

Парнасские высоты
Забросил ты, мой друг,
И стал не санюлотом,
А доктором наук.

Ни друга и ни брата!
И прочему – хана!
Поддай тебе цитату
Из писем Куприна,

И что сказал Твардовский
И что бубнил Светлов,
И где подстриг Чуковский
Концы своих усов.

А годики – что птахи,
Промчались – не видать.
И смертные рубахи
Пора уж собирать.

За клином журавлиным –
Предзимняя мура.
И к собственным сединам
Притронуться пора.

А что у вас в кошелке?
Досужий винегрет:
Светловские иголки,
Твардовского кисет...

А ты во все лопатки
Все бегаешь, браток,
И все считаешь пятки
Прославленных сапог.

И ловишь на хранение
Платки и рукава...
А где ж – твои сужденья?
А где ж – твои слова?

Давно свою бы печку
Пора нам истопить
И собственною гречкой
Цыпляток покормить,

И где-нибудь за тыном
Присесть бы у дымка,
И к собственным сединам
Притронуться слегка [9, с. 479].

В стихах последних лет Тряпкин в раскрытии своих поэтических замыслов предстает уже зрелым мастером. Поэт идет по линии дальнейшей философской углубленности и нравственной исповедальности. В этом смысле «Послание старому приятелю» – не исключение.

Стихотворение программное, сюжетное, метафорическое, характеризующееся напевно-говорящей организацией поэтической речи. Если выстроить в один ряд имена из далекого и недавнего прошлого, получится большая сага, охватывающая

огромные пространства – целые литературные эпохи: Куприн, Светлов, Твардовский, Чуковский.

В стихотворении речь идёт о литературных репутациях очень разных писателей, об отношении к ним Тряпкина. Эти репутации показаны с помощью символических деталей и подробностей.

Светловские «иголки» – шутки и колкости Светлова. Многие исследователи жизни и творчества Светлова (Е. Кригер, А. Макаров, Е. Паперный и др.) отмечают его неповторимый юмор. В частности, В.Ф. Огнев, литературный критик, прозаик, в 1949–1957 гг. – сотрудник «Литературной газеты», о своих встречах с М. Светловым пишет: «В Москве. ЦДЛ. Делаю вид, что деньги кончились. Светлов берет салфетку и что-то пишет: “Понимаешь, молдаване должны за переводы. И молчит”. Протягивает салфетку, просит сходить на почту (она рядом). Читаю: “Молдавия. Союз писателей. Срочно переведите гонорар. Противном случае – переведу обратно на молдавский. Светлов” [6, с. 14].

Что касается Твардовского, то Светлов его поддерживал во многих вопросах, вскоре они стали единомышленниками. В своих письмах и «Рабочих тетрадях» Твардовский писал о своем отношении к Светлову так: «Я пишу эти строки о Михаиле Светлове, не сделав предварительно ни одной закладки в его книгах, не выписав цитат, не разыскивая статей и рецензий, в разное время посвященных его поэзии, – словом, без всякой подготовки. Я имею в виду того Светлова, который всегда при мне и во мне, как один из моих любимейших современных поэтов, как часть моего эстетического бытия, моих давнишних и неизменных привязанностей в поэзии» [7, с. 151].

Твардовского «кисет» – намек на образ В. Теркина (поэма Твардовского «Василий Теркин», глава о «Потере»).

К. Чуковского «демократы» хвалили за то, что в образе усатого тараканища он сатирически показал Сталина. Так, И.В. Лукьянова в своих исследованиях, посвященных жизни и творчеству Чуковского, отмечает: кто и когда впервые обнаружил сходство Сталина с Тараканищем – неизвестно. Сразу несколько литературоведов, не сговариваясь, указывают на тождество «тараканьих усов» у мандельштамовского Сталина и «тараканьих усов» у героя сказки Чуковского. К моменту развенчания культа личности миф об антисталинизме сказки Чуковского уже «цвел махровым цветом», о чем есть запись в дневнике Чуковского, в частности Э. Казакевич доказывал Чуковскому, что Тараканище – это Сталин, а Чуковский отпирался [5]: «Об этом прототипе и сказал Э. Казакевич К.И. Чуковскому, но услышал в ответ, что Сталина он не имел в виду» [12, с. 203]. Тряпкин эти «усы» обращает на самого Чуковского, в молодости носившего усы.

Отношение к Твардовскому у Тряпкина положительное. Тут заметны совершенно определенные художественные традиции, которым следовал Тряпкин, и те поэтические влияния, которые он осмыслил и переработал. И в этом стихотворении заметны следы не только влияния, но и глубокого прочтения Твардовского.

Итак, Твардовский и Тряпкин – это поэты разных судеб, разных эпох. Однако нельзя и отрицать того, что оба они преклонялись в поэзии перед самой красотой и той правдой, которые превыше всего читил русский крестьянин, читил всегда, вопреки всем обстоятельствам, которые отдалили его от этих идеалов. Это поэты, которые, по свидетельству Д. Самойлова, «убереглись от искушений и в тайне вырастили стих».

Примечание

¹ Надо заметить, ни в письмах Твардовского, ни в его в «Рабочих тетрадях» имя Тряпкина не упоминается (что объяснимо: Тряпкин – поэт другого поколения). Упоминается лишь Тверская земля (у И.С. Соколова-Микитова в Тверской области был дом, Твардовский неоднократно там гостил).

Библиографический список

1. Бондаренко В.Г. Последние годы империи. – М.: Молодая гвардия. – 2005. – 667 с.
2. Выходцев П.С. Земля и люди. Очерки о русской советской поэзии 40–70 гг. – М.: Современник, 1984. – 366 с.
3. Котельников В.А. Тряпкин Н.И. // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь: в 2 ч. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1998. – 656 с.
4. Куняев С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999) // Литература в школе. – 2008. – № 11. – С. 2–6.
5. Лукьянова И.В. Корней Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 1024 с.
6. Огнев В. О грустном юморе М. Светлова // Литературная газета. – 2011. – 26 января. – С. 14.
7. Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2000. – № 7. – С. 102–154.
8. Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1976. – 429 с.
9. Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1984. – 560 с.
10. Тряпкин Н.И. Стихотворения (1940–1982). – М.: Современник, 1983. – 382 с.
11. Хриптулова Т.Н. Имя собственное как прецедентный феномен поэтического творчества Н.И. Тряпкина // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – № 2. – С. 101–104.
12. Эльзон М. Когда и кем написан «Тараканище» // Звезда. – 2008. – № 5. – С. 200–205.

МОТИВ ДОРОГИ В ЛИРИКЕ ИВАНА ЕЛАГИНА

В статье рассматриваются особенности одного из важнейших мотивов в лирике Ивана Елагина – мотива дороги. Анализ выполнен на материале поэтических сборников «По дороге оттуда» (1953), «Отсветы ночные» (1963), «Тяжелые звезды» (1986).

Ключевые слова: мотив, лирический герой, метафора, строфа, урбанистическая поэзия.

Мотив – элемент сюжета, служащий раскрытию лирической темы. В основе любого мотива лежит устойчивый словообраз. Для русской поэзии одним из таких ключевых образов является «дорога». Мотив дороги в русской поэзии неотделим от тем странствия, изгнанничества, бегства. Реальная русская дорога не раз вдохновляла поэтов на размышления не только о собственной жизни, но и о судьбе России. В развитии этого мотива можно проследить закономерности взаимоотношений духовного и реального мира в поэтических системах, то есть мотив дороги может рассматриваться как парадигма русской лирики [5, с. 477].

Одним из важнейших мотивов в творчестве Ивана Елагина – поэта второй волны русской литературной эмиграции – является мотив *дороги*, неразрывно связанный с топомосом *города*. Своеобразие воплощения данного мотива у Елагина состоит в том, что главным для лирического героя его стихотворений является *выбор собственного жизненного пути*. Известно, что лирический герой постоянно находится в движении, часто вынужденно меняя место своего пребывания. Некоторые биографы отмечают автобиографичность поэзии Елагина, хотя сам поэт противился этому мнению [2, с. 7]. Передвижение по многочисленным дорогам связывает пространственно-временные реалии, например *улица, дом, степь, сад, река, море* и др., в единое целое, дает возможность охватить огромное пространство единым взглядом. *Жизненный путь*, который проходит лирический герой ранних стихотворений, обусловлен историко-политическими событиями, происходящими в тот или иной период времени. Так, единственное четверостишие, вошедшее в первый сборник под названием «По дороге оттуда» (1953), очень четко обозначает настроение лирического героя:

Тупик. И выход ни один
Из тупика еще не найден.
И так от детства до седины,

От первых до последних ссадин [3, т. 1, с. 126].

Но, несмотря на кажущуюся безвыходность, судьба каждой, отдельно взятой личности – высшая ценность у Елагина [1, с. 279]. Лирический герой чувствует, что он загнан в тупик, стал пленником этих дорог, но, вместе с тем, человек – «плоть от плоти» своего века, и с ним закончится его жизнь, а столетие складывается из дней каждого современника:

Плоть от плоти твои,
Шиты твоим покроем
Бурей своей пой!
Кровью своей напоим!
Верности клятву прими,
Ты, мое столетие! [3, т. 1, с. 128].

Дорога уводит лирического героя далеко от родины (известно, что Елагин был вынужден покинуть Россию), поэтому почти все описания данной категории носят ностальгический, безрадостный и непредсказуемый характер. Герой не знает, куда заведут его эти дороги, вернется ли он когда-нибудь на родину, поэтому один из важнейших мотивов, звучащих особенно ярко в ранних его стихотворениях, – мотив тоски по утерянной родине.

Мотив *дороги* в ранних стихотворениях, вошедших в поэтический сборник под названием «По дороге оттуда» (1953), пронизан огромным чувством потери, и горечь от этой потери лирический герой не в силах пережить. Очень часто, описывая дорогу, поэт использует такие яркие эпитеты, как *дорога разлук, перевероченная дорога, шумная* и одновременно *пустая дорога, чуждая мостовая, бессмысленная дорога, обманывающая и сулящая* и др. Настроение лирического героя в последних стихотворениях данного сборника резко ухудшается, очень часто звучит мотив *безысходности бытия* и даже *смерти*:

И воробей на фонаре,
И набережная с закатами,
И размышленья о добре,
О смерти, о любви, о фатуме,
Вся жизнь с вопросами проклятыми,
Всё, всё поместится в тире,
Поставленное между датами... [3, т. 1, с. 168].

В сборнике под названием «Отсветы ночные» мотив *дороги* появляется уже в самых первых стихотворениях («Отпускаю в дорогу, с Богом!») [3, т. 1, с. 178]. Лирический герой здесь становится больше сторонним наблюдателем, нежели участником действия. Он растерян, подавлен, постоянно сомневается и уже даже не понимает отчетливо, в каком времени и пространстве он существует – в реальном или в вымышленном, мифологическом:

Я и сам о том уже не ведаю,
Что ищу я в шуме городском,
За какими отсветами следую
И в пространстве двигаюсь каком [3, т. 1, с. 182].

Здесь автор указывает на отсутствие какого-то конкретного пространства, теряется оформлен-

ность, исчезают границы. Постоянный и бесконечный поиск, зародившийся в душе человека вследствие неоформленности пространства, приводит к тому, что лирический герой попросту теряется среди городских пейзажей и ощущает себя в совершенно ином измерении – в некой вертикальной плоскости. Вместо привычных слуху глаголов, обозначающих перемещение человека в пространстве, Елагин использует такие метафоры, как *течь*, *проскальзывать*, *скользить*, *плыть* и др., что невероятно усиливает эффект неопределенности, неуверенности и некой безысходности. Осознавая необратимость, неизменность бытия, лирический герой принимает решение смириться с обстоятельствами и плыть по течению.

Мотив дороги в лирике Елагина является не только сюжетообразующим звеном, но и организует композицию стихотворений. Важно отметить, что рассматриваемый нами мотив задает одну из основных тем – тему жизненных странствий поэта. Более подробно рассмотрим это на примере стихотворения «Нынче я больше уже не надеюсь на чудо...» (сб. «Тяжелые звезды»), относящегося к зрелому периоду творчества, в котором Елагин упоминает название всех его лирических сборников, словно подводя итог своей творческой деятельности:

Нынче я больше уже не надеюсь на чудо,
Бога прошу, чтоб меня не сломила беда,
Всё, что я мог, я сказал *по дороге оттуда*,
Только теперь я уже *по дороге туда*

[3, т. 2, с. 219].

Пространство и время здесь переплетаются настолько тесно, что у читателя возникает ощущение полного отсутствия временных и топографических примет. Лирический герой, только что находившийся «на последнем мосту на границе России», навсегда покидая родину, тут же оказывается «в детстве у дома», где «сугроб подымался сажженный». В этом стихотворении вектор движения времени направлен от прошлого к будущему и наоборот, подчеркивая тем самым особенности хронотопа, облаченного в форму воспоминания автора. Время здесь полностью подчиняется воле героя: то течет направленно и прямо – от прошлого к будущему, то петляет, повинувшись мысли лирического героя и возвращаясь к воспоминаниям из прошлого. Постепенно временные рамки стихотворения расширяются до стремительного и всеобъемлющего масштаба вселенной. Наряду с этим появляется не менее важный *мотив вечности* в творчестве Елагина, неразрывно связанный с мотивом дороги и постоянного перемещения в пространстве лирического героя. Отмеченный выше мотив вечности, на пороге которой стоит герой стихотворения, является основополагающим мотивом зрелого периода творчества поэта.

Остановимся подробнее на пространственной организации в рассматриваемом нами стихотворе-

нии. Если в начале мы видим «осатанелый» вагон, стремительно покидающий родину лирического героя, то далее закрытое пространство меняется и обретает черты масштаба вселенной. И снова перед нами Россия – горячо любимая поэтом, только здесь уже возникает образ родительского дома, обращая читателя к событиям еще более ранним. Затем пространство стихотворения перемещается в американский город, ставший его новым домом. И, наконец, обретая просторы вселенной, пространство стихотворения переходит в пространство вечности, сливаясь со временем в единое целое.

Лейтмотив стихотворения звучит и в заключительных строках:

Что же, – пора написать мне последнюю книгу –
Книгу о том, что сбылось ПО ДОРОГЕ ТУДА

[3, т. 2, с. 219].

Нельзя не отметить также и оригинальность, яркость и точность метафор, используемых Елагиным. Рисуя сложный жизненный путь героя – «все, что я мог, я сказал *по дороге оттуда*», автор подразумевает не только свой нелегкий путь из родной страны, но и годы, проведенные в Америке. Теперь же, по мнению поэта, он идет *по дороге туда*, а именно в вечность, в «прощальный миг». Данная метафора открывает определенный философский смысл стихотворения – размышления поэта о жизни и смерти, о прошлом и будущем, его обращение к Богу, которым начинается данное стихотворение.

Всё лирическое произведение очень насыщено и с эмоциональной точки зрения: начало пронизано ощущением грусти и неверия, далее появляется тяжелое чувство тоски и некой обреченности, которое лишь усиливается в основной части стихотворения. В финальных строках лирический герой подводит итог не только жизненного, но и творческого пути, на котором многое из задуманного все же сбылось.

Стихотворение Елагина «Нынче я больше уже не надеюсь на чудо», вошедшее в поздний поэтический сборник поэта «Тяжелые звезды», стало своеобразным переосмыслением поэтом собственного жизненного пути. Подводя итог, поэт еще раз обращается к тем нравственным ценностям, которым был верен всю жизнь. Именно поэтому, как важнейшие вехи на жизненном и творческом пути, Елагин, как было сказано выше, мастерски включает в стихотворение названия своих поэтических сборников: «По дороге оттуда», «Отсветы ночные», «Косой полёт», «Дракон на крыше», «В зале Вселенной», «Под созвездием Топора». Таким образом, рассматриваемый нами мотив дороги, мотив выбора жизненного пути очень ярко отражен в этом лирическом произведении.

Говоря о мотиве дороги у Елагина, необходимо отметить одно из наиболее известных его стихотворений – «Небо», включенное в сборник «Отсветы ночные» (1963). В нем отмечается относительное

внешнее сходство со стихотворениями В. Маяковского. Действительно, некоторые исследователи творческого и жизненного пути Елагина не просто отмечают влияние Пастернака, Цветаевой и Маяковского, особенно в ранний период творчества поэта, но и называют их его учителями [4, с. 123]. По точному замечанию Т.П. Буслаковой, в лирике Елагина заметна «опора на традицию урбанистической поэзии В.В. Маяковского» [1, с. 282]. Например, как и у Маяковского, образ города у Елагина создается на основе реальных деталей: «сияние атомных ламп», «гигантская антенна», «алюминиевые строения, космические ракеты», которые поэт сравнивает не с чем иным, как с гробами, и др. С поэзией Маяковского стихотворения Елагина сближает еще и использование гротеска, саркастических интонаций и острое ощущение того, что он последний, кто «понимает» красоту и неповторимость мироздания. Еще одним немаловажным, но уже внешним проявлением общего у Маяковского и Елагина является использование так называемого акцентного стиха. Так, в стихотворении «Послушай, я все скажу без утайки...», так же, как и в рассматриваемой нами поэме «Небо», использование Елагиным акцентного стиха напоминает о стилистике произведений Маяковского. В поэме «Небо» строки располагаются характерной для Маяковского «лесенкой»:

Я знаю, что неба не хватит.
Немного
у неба
осталось
времени.
Потомки
какой-нибудь паклей
законопатят
Прорву космической темени
[2, т. 1, с. 200].

Достаточно, например, взглянуть на строфы, разорванные строки, которые использует Елагин:

Был я
едва подростком,
когда землю
с обеих сторон
от меня отсекли,
Оставив
Узкой дороги полосу.

**Ничего у меня не было,
Только одна дорога** [3, т. 1, с. 200].

Такая организация строфы впервые была использована Елагиным, возможно в качестве эксперимента, и в дальнейшем не была замечена более. В стихотворении мотив *дороги* неразрывно связан с еще одним важным пространственно-временным

образом-символом в поэзии Елагина – *небом*. Под ним поэт подразумевает мир, спокойствие, уверенность, отсутствие войны и вражды между людьми. *Небо* – как вера в светлое, безмятежное будущее, как нечто огромное, необъятное, космических размеров и у каждого человека это *небо* свое, личное. Но современный город, в котором лирический герой ощущает себя лишним, ненужным, чужим, «город с гигантской антенной. / Город, построенный из алюминия» [3, т. 1, с. 201], безжалостно вторгается в души людей, заставляет жить по определенным правилам, установленным «министерствами санитарии и гигиены» [3, т. 1, с. 201]. Для современного человека *небо* – всего лишь «область канализации и мифологии» [3, т. 1, с. 202]. Понятие же *дороги* поэт отождествляет здесь с понятием *жизненного пути*, а точнее *возможности выбора* этого *пути*, и хорошо, если на этом пути не встречается никаких преград и обстоятельств, безжалостно ломающих судьбы людей, превращая их в «гайки и винтики» огромной машины, называемой Елагиным «Вселенной».

Таким образом, в мировосприятии Елагина *дорога* – категория неоднозначная, что связано с личным представлением автора. Дорога – выбор собственного жизненного пути человека, предопределяющий его дальнейшую судьбу. С другой стороны, *дорога*, имеющая лексический оттенок безысходности и тупика, свидетельствует о невозможности вернуть навсегда утерянную родину. Отметим, что понятие *дороги*, как рационального пространства со специфическим набором всем известных качеств, как пространства, имеющего четкую закономерность, фиксированные правила, не находит отражения в ранней лирике Елагина.

Библиографический список

1. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья (курс лекций): учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русская литература». – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 279.
2. Витковский Е.В. Состоявшийся эмигрант // Елагин И. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Согласие, 1998. – С. 7.
3. Елагин И.В. Собрание сочинений: в 2 т.: Стихотворения / сост., подготовка текста, вступит. статья, примеч. Е. Витковского. – М.: Согласие, 1998.
4. Фесенко Т.П. «46 лет дружбы с Иваном Елагиным» (воспоминания). – Париж: Альбатрос, 1991. – С. 123.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 477.

«СЛЕД НА ЗЕМЛЕ...»

(творчество костромского писателя Вячеслава Арсентьева)

В статье анализируется творчество костромского писателя Вячеслава Арсентьева. Автор акцентирует внимание на жанрово-тематических и стилевых особенностях прозы писателя. Отмечается, что главным структурообразующим элементом произведений В. Арсентьева является Память, а их проблематика выходит за рамки «провинциальных историй», обретает широкое нравственно-философское звучание.

Ключевые слова: память, родной дом, детство, русский характер, лирическое повествование.

«Есть нечто, что говорит о незыблемости вещей, нас окружающих, <...> – это память человеческая. Она-то и есть главная наша ценность, а мы, не понимая этого, любим сегодняшний день, неумовимо ускользающую сиюминутность...» [3, с. 3], – так начинается Вячеслав Арсентьев лирический этюд «И заглянул я в даль светлую». Разумеется, вопрос о пристрастии к «дню сегодняшнему», «ускользающей сиюминутности» – вопрос спорный. Но мы начали разговор о памяти не с целью уличить автора в равнодушии к настоящему, в нелюбви к «дню сегодняшнему». Дело в том, что в художественном мире писателя память – это та нравственно-эстетическая и этическая категория, которая составляет основу его творчества. Именно память становится основным сюжетообразующим элементом, сквозным мотивом и главной интонацией многих рассказов Арсентьева. Памятью живой и цепкой, которая сродни совести, высвечивает писатель незыблемые понятия «дом», «родная земля», воссоздает облик труженика на этой земле – русского крестьянина, который теперь канул в лету вместе с русской деревней, всем укладом особого крестьянского мира.

Вячеслав Арсентьев (настоящая фамилия Мешалкин) родился в 1952 году в костромской глубинке – в д. Селезенево Макарьевского района – в крестьянской семье. Деревенский быт, природа родного края, самобытные характеры сельских жителей оказали влияние на формирование его миропонимания и поэтического кредо. Писатель говорит о тех предметах и явлениях, которые близки ему с детства: о деревенской жизни, ее радостях и скорбях, о родном доме и близких людях, о непростых судьбах своих земляков. В голосе автора зачастую слышится боль за современного человека, потерявшего нравственные ориентиры, за разрушение деревни, деревенского уклада жизни, но нет в нем стилизации, ложного пафоса и урапатриотизма.

В. Арсентьев – автор пяти сборников прозы. Первый сборник «Провинциальные истории» увидел свет в 2001 году, последний – «След на земле» – опубликован в 2013 году. Целостность художественного мира автора создается главными темами (память о родной земле и смысл чело-

веческого существования), которые, переплетаясь, переходят из сборника в сборник, решаются на новом жизненном материале. Именно обыкновенные истории, случившиеся где-то в глубинке, вдали от масштабных событий (провинциальные истории), становятся мотивом все более обстоятельного разговора писателя о характере человека, всевозможных его проявлениях, о драме человеческих судеб, в итоге – о смысле жизни.

По жанровой природе произведения, вошедшие в сборники, довольно разнообразны: это рассказы, очерки, лирические этюды, миниатюры, мгновения, крупинки, были. Однако жанровые границы не столь устойчивы. Признаки очерковости обнаруживаются в лирических этюдах, лирическое начало – в очерках; «этюдность» присутствует во многих рассказах, а эпическое – в мгновениях и крупинках. Скорее всего, жанровое обозначение используется автором не как акцент на особенности сюжетно-композиционной организации художественного текста, а как некая внутренняя установка на предмет художественного изображения. Так, «мгновения» – это по преимуществу яркие впечатления, высвеченные памятью в далеком детстве. Но, приближаясь под пером автора к читателю, они обрастают художественными деталями, становятся емкими эпическими картинками. Происходит трансформация образа-впечатления в повествование.

В основе произведений Арсентьева зачастую лежит личное переживание, личное впечатление – одним словом, лирическое, субъективное начало. Название одного из сборников «От первого лица» адекватно отразило бы внутреннюю интонацию и других книг писателя.

Каждый сборник открывается произведением, воплотившим какую-то важную тему, что-то лично значимое для автора. В «Провинциальных историях» это рассказ «Иван да Марья», в сборнике «Фролов день на родине» (2003) – одноименный рассказ, в сборнике «И заглянул я в даль светлую» (2006) – лирический этюд, давший название всей книге, в сборнике «От первого лица» (2009) – очерк «И кануло в реку вечности...», в книге «След на земле» – рассказ-миниатюра «След».

Удивительная поэтическая интонация рассказа «Иван да Марья» организуется восприятием

жизни лирическим героем (героем-рассказчиком) во всей ее полноте, в единстве романтического и драматического, мимолетного и вечного. За не приметными, незначительными явлениями рассказчик способен прозреть высшие смыслы. Что вроде бы необычного в купании Ивана и Марьи после сенокоса в вечерней реке и в их восторженных криках: «Эх, матка, хорошо-о-о», «Хорошо, батя-ко! Как хорошо-о-о»? [1, с. 4]. Однако привычное, сиюминутное незаметно становится значимым, тревожащим память, побуждающим по-новому взглянуть на мир: «Уже много лет, как нашли приют на селезеневском косогоре старики Смирновы, а мне часто видится легкий, только что зарождающийся туман, белые фигуры на желтом песке отдели, слышится шум воды в вечерней тишине и – переполненный радостью земного существования, мгновенным и огромным человеческим счастьем, торжествующий крик над засыпающей рекой: “Эх-х, как хорошо-о-то!”» [1, с. 5].

Драматические интонации второй книги задаются ее первым рассказом, где в миниатюрной эпической форме зафиксирован факт опустошения, вымирания русской деревни. Примечательно, что в голосе героя-рассказчика, вспоминающего о своей последней поездке на родину, нет надрыва, он спокоен, сдержан. Обустроивая родные могилы на сельском кладбище во Фролов день, праздновавшийся когда-то в его родной (ныне обезлюдевшей) деревне, рассказчик испытывает некую умиротворенность от солнечного дня, пения «кладбищенских птах», неторопливых рассказов близкого сердцу дяди Семена. А вечером за столом он хмелеет не столько от медовухи, сколько «от особой, почти забытой деревенской атмосферы, от запахов старого деревянного дома, прохладной тишины вокруг него...» [2, с. 8]. «По-детски счастлив» герой и после застолья. Беспечность, счастье, от которого «хочется заплакать», дарит рассказчику долгожданная встреча с родиной, состоявшаяся, наконец, несмотря на все житейские трудности.

Но чувство радости, беспечности смешивается с чувством зыбкости счастья, приближающейся драматической развязки, которое зарождается в читателе не только рассказом автора о судьбе одиноких стариков, но и сценой игры дяди Семена на гармошке. В отчаянном экстазе дядя Семен кричит: «Поддержи компанию! Праздник же сегодня! Фролы-ы! Эх!» [2, с. 6]. В тиши безжизненной деревни праздничная суматоха двух стариков и их гостя – какой-то абсурд, трагифарс. В то же время это глубокая художественная метафора, буквальный смысл которой – протест против непреложных законов времени, против внутреннего осознания неотвратимости происходящего и того (предугадываемого), что произойдет.

Однако, несмотря на высокий художественный уровень рассказа, есть в нем все же и некоторые

шероховатости. Лишними кажутся философствования дяди Семена на кладбище и его рассказ за столом о дороге, когда на ней еще не было «асфальта». Об этом гостю дяди Семена, как уроженцу этих мест, должно быть известно, поэтому придать образу дороги некое символическое звучание следовало бы иными художественными средствами. Нередко встречается в тексте неоправданное нагромождение эпитетов: «день солнечный, ядреный, теплый», гармонь «выговаривает мелодию чисто, ясно, без сбоев и заиканий». Не обходится автор и без литературных штампов: гармонь «выговаривает мелодию», «тишина опрокинула мир», «полоснула молния». Подобные стилистические недочеты характерны и для некоторых рассказов других сборников.

Лирический этюд «И заглянул я в даль светлую», открывающий третий сборник рассказов, – пример трансформации воскрешаемого памятью впечатления в образ-впечатление, а затем в эпическую картину (в данном случае – в картину счастливого деревенского детства). Июльский вечер, братья-подростки отправляются на рыбалку, уверенные, что им повезет. Сюжетная канва рассказа обрастает мелкими подробностями подготовки к рыбалке, выбора места и самого процесса лова. Но главное здесь – не внешняя сторона события, а внутреннее напряжение – «сладкая истома» маленьких героев, предвкушающих удачу, их счастливое нетерпение, восторг, азарт. В повествование гармонично вплетаются картины пейзажа: свежесть послегрозового вечера, закат солнца, легкий туман, наплывающий на тихую реку от старицы... Создается впечатление цельности жизни, радости бытия, которое усиливается тем, что на другом берегу ребят ждет отец, что рядом родной дом, который примет их, счастливых от столь удачной рыбалки, с теплом и радостью. Так входит в рассказ тема Дома, возвращения в Дом – сквозная для творчества В. Арсентьева.

Именно к теме Дома обращается автор в начальном рассказе четвертого сборника «И кануло в реку вечности...». Рассказ довольно трагичен, хотя сюжет (в классическом его понимании) здесь отсутствует, а основным мотивом повествования становится образ-переживание. Заветная мечта героя-рассказчика о возвращении домой, которую он лелеял долгие годы, рушится: родной дом сгорел, перестал существовать в реальном мире. Вместе с реальным домом, который еще недавно жил «своей стариковской жизнью», надежно скрывал в себе близкий родной дух векового семейного уклада, питал надеждой возвращения и поддерживал в трудные минуты напоминанием о своем существовании, ушла теперь из жизни и некая опора.

С рассказом «И кануло в реку вечности...» внутренне перекликается рассказ «След на земле», хотя различие сюжетно-композиционных по-

строений в них очевидно. Это сходство глубинное, заключающееся в трагическом ощущении реальности: в первом случае оно связано со смертью дома, во втором – со смертью деда. Из жизни героев уходит что-то значимое, питавшее ее целительными силами, поэтому в состоянии растерянности и одиночества находятся и лирический герой рассказа «И кануло в реку вечности...», и маленький Ванюшка в рассказе «След на земле». Им остаются лишь воспоминания, и скорбные, и сладостные.

Маленький Ванюшка, глубоко переживающий смерть деда, с радостью всматривается в след, оставленный им когда-то на картофельном участке. И даже после того, как участок был перекопан и прежний след исчез, мальчик вновь обнаружил след дедушкиного сапога уже «недалеко от стены, где еще с осени образовалась плешина». След, оставленный дедом, радует Ванюшку, поскольку соотносится в сознании мальчика с незримым присутствием живого деда где-то рядом («Дедко, ты тут?»). След – это и конкретный образ (пожалуй, главный), и образ-символ связи поколений, самой жизни человеческой, целесообразность и осмысленность которой как раз и заключаются в том, чтобы делами своими оставить о себе память, добрую и светлую.

Заглавные рассказы сборников – это некая квинтэссенция художественных размышлений В. Арсентьева о времени, о человеке, о родной земле. Но, разумеется, они не исчерпывают всей глубины социально-нравственной проблематики автора, особенностей его поэтики. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на такие рассказы, как «Праздничный обед», «Грибки», «Через овраг», «Концерт», «Подарок дяди Леши», трагические по тональности, но художественно убедительные и сдержанные – без морализаторства и открытого авторского слова.

В рассказе «Праздничный обед» смерть героя наступает довольно неожиданно, хотя он и был тяжело болен. После «праздничного» обеда, устроенного больными в палате, Скобелев чувствует облегчение, думает о весне, о жизни и впервые за последние дни спокойно засыпает, но, как оказалось, – навсегда. Смерть страшна своей обыденностью – и в то же время неожиданностью. Противоречие между жизнью, ее смыслами, упованиями и непредсказуемостью, фатальностью и бессмысленностью жизненного финала обозначено автором через прием контраста. В рассказе контрастируют его столь оптимистическое название и неожиданно драматичный финал, веселая суэта больных, весна, оживающая за окном больничной палаты, – и сама палата, отгородившая больных от этого обновляющегося мира.

Без возвышенной риторики показана трагедия русской крестьянки в рассказе-зарисовке «Через овраг» из цикла «Русские характеры». В центре повествования судьба старой женщины, одиноко

доживающей свой век среди опустевших деревенских изб. Но фабульная судьба восьмидесятилетней бабки Маши – это не что-то конкретно ею пережитое, а печальный итог жизни как некая данность. Драматическая коллизия рассказа скрыта в коротком диалоге бабки Маши и заведующей отделом соцзащиты. Районный чиновник предлагает одинокой жительнице деревни «куда-то перебраться», а бабка Маша решительно отказывается. Бабка Маша, как и многие русские женщины ее поколения, немало потрудились на своем веку. Испытывая тяготы и лишения, она не предъявляет счет судьбе, а следуя давно устоявшимся в ней этическим принципам, той черте характера бескорыстных тружеников, которую писатель В. Личутин определил когда-то «умаленной телесностью», желает малого. Она мечтает умереть в родном доме (пусть пустом и холодном) и попасть через овраг («перенесут, чай») на деревенское кладбище, «к своим поближе», чтобы «нескучно» было вместе с ними «до страшного суда век коротать» [3, с. 74].

В ином, философском, плане изображается закат жизни старика Позднякова в рассказе «Подарок дяди Леши». Когда-то физически крепкий, трудолюбивый, жизнерадостный дядя Леша теперь угасает, испытывая не только равнодушие к жизни, но и усталость от нее. Ланцов, от лица которого ведется повествование, будучи близко знаком с Поздняковым, навещает его, а после посещения больного старика «предается» «отвлеченным рассуждениям» о смысле жизни, стараясь «поймать очень важную мысль за хвост», чтобы жизнь «из бессмысленного ребуса» превратилась в «решаемую математическую задачу». Таким образом, в рассказе возникают две фабульные линии – болезнь и смерть старика Позднякова и философствования Ланцова о смысле жизни. Второй фабульный план представляется лишним, поскольку опровергается основной фабульной линией рассказа. Показательным в этом отношении является замечательная по художественному исполнению сцена второго посещения Ланцовым дяди Леши. Старик в забытьи, его «седая голова правой щекой утонула в подушке, огромная раковина левого уха <...> смотрела вверх в полумрак...» [1, с. 42]. Эта художественная деталь актуализируется в финале рассказа в воспоминаниях Ланцова. Ухо старика как символическая деталь становится неким связующим звеном брэнного существования человека и вечности. Старик будто бы постигает тайну жизни и смерти, которую нашептывает ему вечность, и она, эта тайна, остается с умирающим. Так о загадке, над которой бьется Ланцов в своих пространственных размышлениях, уже замечательно сказано поэтическими средствами, а потому философствования героя лишь разрушают художественную целостность текста.

«Сорнячки» авторских философствований нет – нет да проступают и в других произведениях Ар-

сентьева, например в рассказах «Навязчивый вопрос», «В больнице», ««Чапаева»... слушает!»

Художественные достоинства некоторых рассказов отчасти умаляют субъективизированное авторское слово, некая нарочитость, тенденциозность в обрисовке негативных сторон жизни. Так, в рассказе «Жозефина» автор, обличая чванливость, равнодушие к чужому горю, использует не вполне убедительные художественные средства. Чтобы оттенить душевную черствость молодой медсестры, с которой волей трагического случая сталкивается главный герой Алексей Брянцев, автор прибегает к их внешнему противопоставлению, что, казалось бы, вполне резонно. Однако белоснежный халатик девушки, ее «маленькая белая ручка» и ухоженные ногти не свидетельство снобизма и чистоплюйства, а телогрейка и резиновые сапоги («броды») не доказательство добросердечности и благородства Брянцева. Тем более девушке неизвестно, что «мужик в телогрейке и резиновых сапогах», явившийся в кабинет поликлиники, переживает большое горе – потерю брата.

Для усиления тягостного впечатления от встречи с этой внешне изящной, но душевно нечистоплотной девушкой, автор в финале рассказа гипертрофирует чувства героя: «Многие подробности тех тяжелых весенних дней забылись. Но белокурую молоденькую медсестру в белом халатике <...> Алексей забыть так и не смог» [1, с. 8]. Переживания потери брата странным образом отесняются этим неустанно тревожащим Брянцева воспоминанием.

В рассказе «Подарок на юбилей» намечена тема судьбы человека как сплетения субъективных и объективных обстоятельств, единства противоположных проявлений жизни – горя и радости, страдания и восторга, их странного и в то же время закономерного соседства. В рассказе она связана с основной фабульной линией главного героя, попавшего в беду, и с побочной линией «московского дачника» и его спутницы, которые в силу обстоятельств не смогли вовремя помочь Антонову. Но вместо объективного развития этой интересной темы автор навязывает вину (пусть и косвенную) в трагедии, случившейся с Антоновым, экзальтированной московской девушке, словно списанной со страниц какого-то пошлого романа.

И все-таки взгляд В. Арсентьева на народ, который всегда является у писателя центром художественного исследования, достаточно объективен. Народ в его произведениях изображается по-разному: трудолюбивым и праздным («Отдыхать некогда», «Последний день Василия Митрича», «Память, живи!», «Соло на Сионах»), добрым, любящим жизнь и бессердечным, жадным («Радуйся», «Витя Маленький», «Сбежал»), привязанным к родной земле и безразличным к ней («Поговорили», «Не отпустили», «Старухин день»),

совестливым и корыстным. Тонко подмечает автор в характере русского человека и простодушие, и лукавство, и способность к юмору и куражу, и праздную мечтательность – многое, чем широка его душа.

Психологически точные портреты рисует Арсентьев в рассказах «Захар Усымов» и «Не жди меня, мама...». В «Захаре Усымове» воплощается вечная тема «преступления и наказания». Захар совершает двойное преступление: он становится не только убийцей (пусть и вынужденным), но и хладнокровным предателем: в убийстве обвинили другого человека, но Усымов не явился с повинной. Замкнувшись в себе, утратив прежние связи с людьми и миром, Усымов ищет оправданий своим поступкам (мотив «Преступления и наказания» Достоевского), апеллируя к ничтожности убитого им Брюшкова – бывшего зека – и к необузданности характера невинно пострадавшего по ложному обвинению Пухтина. Но, несмотря на все внутренние противоречия, которые испытывает Захар, на страдающую в нем временами совесть, герой не делает решительного шага – признания в преступлении. Самообманом Усымов разрушает себя и нравственно, и физически.

Глубокое раскаяние (хотя и запоздавшее) испытывает герой рассказа «Не жди меня мама...» – человек, потерявший чувство родины, родительского дома, сыновней любви и долга. Опоздав на похороны матери (в дороге пил и попадал в неприятные истории), он вдруг осознает всю скверну своей души. В финале рассказа автор с особой художественной выразительностью показывает мучительное прозрение героя: «...Он медленно <...> начал сползать на порог, встал на колени без сил и сначала тихо, как выброшенный из конуры щенок, заскулил, тонко и жалобно, а через минуту одинокий, полный страдания, тоски и отчаяния нечеловеческий вой вылетел в черноту пустынной улицы» [2, с. 65].

В своем творчестве В. Арсентьев не обходит вниманием и тему любви. Автор вкрапляет ее в разные сборники, варьируя от произведения к произведению. Но общая интонация этих рассказов содержит либо аллюзии на Чехова и Бунина, либо нарочитую сентиментальность. Исключением является, пожалуй, ранний рассказ «Случай в деревне», где органично слиты правда жизни и правда художественная, а потому жестокий реализм автора становится вполне убедительным.

Яркими страницами сборников являются «Очерки о русской деревне». В очерках педантичность автора в описании крестьянского быта органично сочетается с тонким лиризмом. В. Арсентьев создает поэтические картины крестьянского труда, деревенских праздников и детских забав, являет перед читателем сельских умельцев. Но поэтизация деревенского уклада жизни вовсе не означает ее идеализации. Писатель говорит и о тяжести де-

ревенских забот, и о «черствости и грубости» крестьянской жизни. В очерках писатель показывает цельность характера и мироощущения человека-труженика, красоту его души, в глубине которой «всегда теплился огонек христианской любви» [4, с. 58], с горечью напоминает о том, как много мы потеряли, предав забвению народные традиции и обычаи, сам дух народной жизни.

Многие произведения Вячеслава Арсентьева драматичны. Однако в основе его творчества лежит жизнеутверждающий пафос, поскольку все, о чем с болью говорит автор, воспринимается им как личная драма, воспринимается сердцем, любя-

щим родную землю не показной, не поверхностной, а искренней, глубокой, страдающей, а потому – истинной любовью.

Библиографический список

1. Арсентьев В. Провинциальные истории. Рассказы. – Шарья, 2001. – 107 с.
2. Арсентьев В. Фролов день на родине. Рассказы. – Шарья, 2003. – 80 с.
3. Арсентьев В. И заглянул я в даль светлую. Рассказы. – Шарья, 2006. – 88 с.
4. Арсентьев В. От первого лица. Рассказы. Очерки. Миниатюры. – Шарья, 2009. – 88 с.

УДК 82.01

Мартиросян Анна Арменовна

Институт гуманитарного образования и информационных технологий
annamartirossian@mail.ru

СВЯЗЬ ТОПИКАЛЬНОГО РИТМА С СОДЕРЖАНИЕМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается коррелятивная связь топикального ритма с концептуальным смыслом, содержанием основной идеи художественного прозаического произведения. Раскрываются понятия топика, диктемы, глобальной ситуации-события в литературном произведении. Материалом исследования является роман современного британского писателя М. Фрейна «Одержимый».

Ключевые слова: топик, топикальный ритм, диктема, макроситуация, кульминация.

Настоящее исследование посвящено изучению смысловой организации текста и определению роли и места топикальных единиц в передаче концептуальной информации. Актуальность темы обусловлена интересом исследователей к организации способов передачи авторского замысла в художественном произведении. В качестве основополагающего тезиса выдвигается положение о связи между топикальным ритмом и главной темой произведения.

Связь между топикальным ритмом и содержанием художественного произведения рассматривается на примере романа «Одержимый» современного британского писателя Майкла Фрейна. Идея произведения заключается в том, что сильная страсть к искусству, как и страсть к чему бы то ни было, может полностью подчинить себе человека. Название романа отражает характеристику героя, который полностью охвачен идеей понять одну из картин Брейгеля и стать ее обладателем.

Большое значение в исследовании особенностей художественного произведения имеет анализ системы топиков и топикального ритма текста.

Под «топиком» подразумевается тема, идея, заключенная в каждой диктеме. По определению М.Я. Блоха, диктема – это «элементарная тематическая единица текста, которая может быть выражена либо объединением предложений, либо одним-единственным предложением, поставленным в позицию особой информативной значимости» [3, с. 145]. Диктема монотематична, не складывается из более мелких тем, заключенных в предложениях,

составляющих ее, и не раскладывается на еще более дробные темы.

Топикальный ритм является основным стилеобразующим фактором художественного текста, с помощью которого производятся эмоционально-смысловые сопоставления и повышается семантическая емкость художественного произведения. Топикальный ритм выражается в периодических повторах однотипного сюжетного хода – стилистического приема, в схожей пространственной или временной модификации образа. Ритм помогает выстроить течение сюжетного времени внутри глав и эпизодов, то есть его замедление, ускорение или уплотнение.

В романе «Одержимый» выявляются сорок два топика, в совокупности передающие идею произведения. Ниже приведена таблица, где указан процент встречаемости каждого топика в тексте произведения и коррелятивный кумулятивный показатель распределения концептуальной информации (КИ).

В первом столбце таблицы представлены все топика (в порядке убывания частотности появления), встречающиеся в анализируемом произведении. Второй столбец указывает частотность повторяемости каждого топика в романе. Например, наиболее часто в тексте встречается топик «hero's emotions» – 190 раз. В столбце три приводится процент встречаемости каждого выделенного топика. Так, топик «hero's emotions» встречается в произведении в 13,24% случаев. В четвертом столбце приводятся данные о том, какой процент от исполь-

Таблица 1

Название топиков в произведении	Частотность появления топика	% встречаемости топика	Кумулятивный показатель распределения КИ
hero's emotions	190	13,24%	13,24%
Laura	125	8,71%	21,95%
research	119	8,29%	30,24%
neighbour	96	6,69%	36,93%
Kate's disapproval	82	5,71%	42,65%
hero's anxiety	82	5,71%	48,36%
plans	60	4,18%	52,54%
Bruegel's lost picture	59	4,11%	56,66%
supposition	58	4,04%	60,70%
hero's inner speech	52	3,62%	64,32%
Bruegel	51	3,55%	67,87%
«Helen»	49	3,41%	71,29%
young couple	40	2,79%	74,08%
Bruegel's pictures	37	2,58%	76,66%
uncertainty	35	2,44%	79,09%
Insight	35	2,44%	81,53%
Shock	31	2,16%	83,69%
internal struggle	19	1,32%	85,02%
art dealer	17	1,18%	86,20%
Distrust	15	1,05%	87,25%
eccentric couple	14	0,98%	88,22%
Debate	14	0,98%	89,20%
Cheating	13	0,91%	90,10%
hero's aspirations	12	0,84%	90,94%
Country	11	0,77%	91,71%
picture	11	0,77%	92,47%
Baby	10	0,70%	93,17%
confession	10	0,70%	93,87%
neighbour's brother	10	0,70%	94,56%
estate	9	0,63%	95,19%
Bruegel & the man of power	9	0,63%	95,82%
art expert	9	0,63%	96,45%
the man of power	8	0,56%	97,00%
Kate's assistance	7	0,49%	97,49%
Policy	7	0,49%	97,98%
art expert's anxiety	7	0,49%	98,47%
neighbour's favorite picture	5	0,35%	98,82%
rector man	5	0,35%	99,16%
hero's fantasies	4	0,28%	99,44%
Art	3	0,21%	99,65%
workshop	3	0,21%	99,86%
Kate's suggestion	2	0,14%	100,00%
Итого	1435	100%	

зованных топиков передает основное содержание произведения, то есть концептуальную информацию (для каждого топика суммируются проценты встречаемости всех топиков, расположенных выше его). Сумма этих процентов встречаемости обозначена как кумулятивный показатель распределения КИ. Так, второй по частоте использования топик «Laura» имеет процент встречаемости 8,71%, а его кумулятивный показатель равен 21,75% (13,24% + 8,71%). Фактически это процент повторяемости в тексте первых двух наиболее часто встречающихся топиков. Аналогично в следующей строке

указана сумма трех наиболее часто встречающихся топиков.

Данные четвертой колонки показывают коррелятивное убывание значимости каждой диктемы в передаче главной темы произведения. Отрицательная значимость (ее практическое отсутствие) наблюдается в последнем элементе (то есть почти 100% смысла передано другими диктемами), а максимально значимый для этого произведения показатель представлен в первом элементе (13,24%). Данные анализа текста, представленные в таблице, позволяют сделать следующий вывод: чем больше

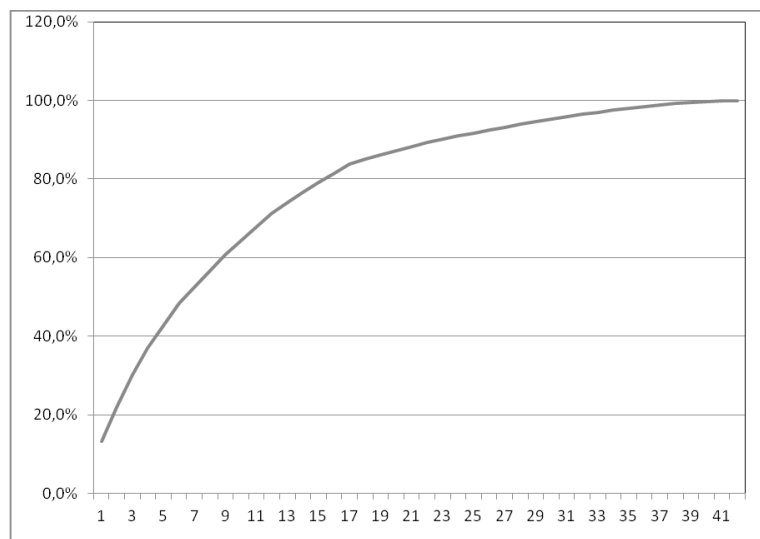

График 1

коррелятивный кумулятивный показатель распределения КИ, тем меньшую значимость представляет данная диктема для текста.

Последний столбец таблицы показывает также, что 9 топиков (21% от всех топиков) охватывают 61% всех диктем, а 15 топиков (36% от всех топиков) охватывают 79% всех диктем. Опираясь на эти данные, можно предположить, что основное содержание данного произведения, охватывающее порядка 60–80% от всех диктем, передается с помощью 20–40% от всех топиков.

Наглядно представить соотношение частотности топиков и кумулятивного показателя распределения концептуальной информации позволяет График №1: чем «круче» линия в начальной части графика, тем меньшим количеством топиков писатель передает основное содержание или концептуальную информацию.

Согласно таблице 1, наиболее часто встречающиеся топики в романе – это *hero's emotions*, *Laura*, *research*, *neighbour*, *Kate's disapproval*, *hero's anxiety*. Эти шесть топиков охватывают более 48% всех диктем, то есть почти половину произведения и, являясь ключевыми топиками, участвуют в формировании концептуального смысла произведения. В романе параллельно представлены две сюжетные линии: первая посвящена событиям жизни главного героя (топики *hero's emotions*, *Laura*, *neighbour*, *Kate's disapproval*, *hero's anxiety*),

вторая – художнику Питеру Брейгелю Старшему (топик *research*). Живопись для автора произведения не просто сюжетная линия, а целое искусствоведческое расследование, где автор мимоходом описывает подробную биографию Брейгеля.

В таблице 2 приводятся результаты анализа частотности употребления в каждом разделе произведения наиболее значимых топиков.

Цифровые данные наглядно представляют соотношение двух ведущих сюжетных линий *hero's emotions* и *research*. В основной части романа, то есть со 2 по 5 часть, идет ритмичное чередование этих топиков 2h:1r (где 2h – это *hero's emotions*, а 1r – *research*) во второй части; 3h:1r в третьей части; 1h:2r в четвертой части; 1h:1r в пятой части. Тема *hero's emotions* включает в себя целую гамму характеристик героя (которые определяются с помощью слов, выражений, метафор, относящихся к одному семантическому полю), где ключевыми являются *obsession*, *insane behaviour*, показывающие степень его «одержимости». Не случайно этот ключевой атрибут вынесен в сильную позицию текста, в его заголовок.

В пространстве текста главная тема и идея литературно-художественного произведения раскрываются через отображение «глобальной ситуации, состоящей из макроситуаций и микроситуаций, связанных определенными отношениями» [1, с. 89]. Под глобальной ситуацией мы понимаем

Таблица 2

Топики в произведении	Частотность топика	Части произведения							
		1	2	3	4	5	6	7	8
hero's emotions	190	10	8	23	13	37	64	23	12
Laura	125	15	0	0	0	17	35	15	41
research	119	0	4	6	29	37	0	43	0
neighbour	96	23	0	13	2	14	14	4	24
Kate's disapproval	82	21	5	18	0	15	16	6	1
hero's anxiety	82	2	2	4	0	4	35	13	22

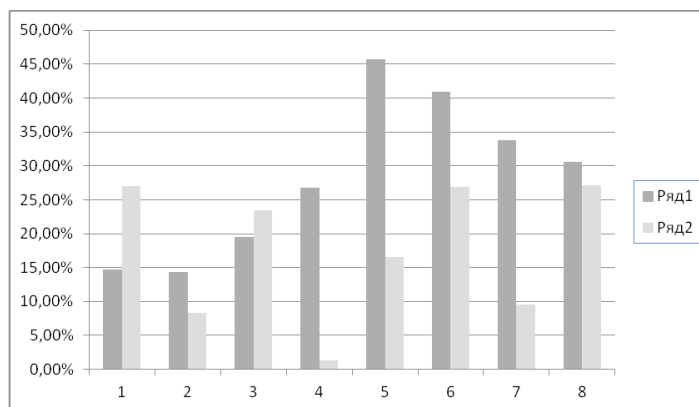

График 2

кульминацию произведения, в формировании которой участвуют ключевые топики, а под макроситуацией – «денотативные компоненты, складывающиеся из нескольких микроситуаций, которые связываются между собой неким общим содержанием» [5, с. 280].

В романе «Одержимый» выделяется несколько основных макроситуаций: приезд главного героя и Кейт в деревню (топики: *neighbour*, *Kate's disapproval*); ужин у соседа (топики: *Laura*, *neighbour*, *Kate's disapproval*, *hero's anxiety*); исторические ссылки (топики: *research*, *Bruegel*, *Bruegel's pictures*); побег Лауры и героя, авария (топики: *hero's emotions*, *Laura*, *Buregel's lost picture*). При этом определяется неразрывная связь между основными макроситуациями и ключевыми топиками. Каждая последующая макроситуация, приближающая события к кульминации, раскрывает прогрессирующую одержимость героя, его постепенное превращение из нудного книжного червя в красноречивого авантюриста.

Сравнение первых трёх наиболее часто встречающихся топики: *hero's emotions*, *Laura*, *research* – со следующими тремя наиболее часто встречающимися топики: *neighbor*, *Kate's disapproval*, *hero's anxiety* (таблица 2) – позволяет сделать вывод о том, что основные топики раскрываются ближе к середине произведения (см. график 2).

В данном графике ряд 1 – топики *hero's emotions*, *Laura*, *research*; ряд 2 – топики *neighbor*, *Kate's disapproval*, *hero's anxiety*; по горизонтали представлены 8 частей произведения, по вертика-

ли – суммы процентов первых трех и вторых трех наиболее часто использованных топики. Темы, представленные рядом 1, начинают доминировать с четвертого раздела и сохраняют такую позицию до конца романа. Автор постепенно вводит основные топики, тогда как в первой трети произведения доминируют другие топики; таким образом, основная сюжетная линия начинает проявляться после первой трети романа.

Таким образом, анализ романа Майкла Фрейна «Одержимый» позволил сделать вывод о существовании коррелятивной связи между топикальным ритмом и идеей, главной темой художественного произведения.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 2000. – 160 с.
4. Гумовская Г.Н. Ритм прозаического текста: проблемы, поиски, решения // Сборник научных трудов. – Вып. 11. – М.: ИГУМО, 2008. – 148 с.
5. Петров С.В. Денотативная ситуация как концепт художественного текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. – 2008. – Т. 76. – №1. – С. 278–281.
6. Michael Frayn. Headlong. – L.: Faber and Faber, 1999. – 394 p.

ПРИРОДА И «ПЕЙЗАЖ ДУШИ» В РОМАНЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

Статья посвящена проблеме контакта природы и духовного мира человека в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». В статье рассматривается вопрос о различных названиях романа в его переводах на вьетнамский язык.

Ключевые слова: природа, «пейзаж души», межкультурная коммуникация, эквивалентность перевода.

Впервые роман Л.Н. Толстого «Воскресение» был переведен на вьетнамский язык в 1927 году. Позднее (соответственно в 1970, 1973 гг.) появились еще два перевода. Знаменательно, на наш взгляд, что это было первое произведение русского классика, с которым вьетнамский читатель получил возможность познакомиться. Заслуживает внимания и тот факт, что в переводах 1970 и 1973 гг. роман был переименован: в первом случае он получил название «Оживление», во втором – «Земля оживления». Чем руководствовались переводчики, столь радикально меняя название романа «Воскресение»? Попытаемся понять, как в подобной субъективности переводчиков проявилось концептуальное видение толстовского текста.

В художественных произведениях пейзаж является отражением прелестных, смутных, потаенных желаний, чувств и мыслей персонажей, состояния их души. «Природа могла быть сочувствующей, сопереживающей, равнодушной и враждебной – но в любом случае она оставалась сферой, на которую распространялись человеческие эмоции, страсти, рефлексия – то есть *антропосферой*» [4, с. 32].

Термин «пейзаж души» ввел А.Н. Веселовский, исследуя поэзию В. Жуковского. Он рассуждал о том, что художники слова вносят в пейзаж «поэтический, фантастический элемент, элемент неуловимых ассоциаций, втягивающих человеческую жизнь в тесное единение с окружающей ее живою и живущею реальностью» [3]. Ученый анализировал многочисленные сопоставления между явлениями внутренней жизни человека и природы, считал, что природа – зеркало человеческой души, переживаний героя, как бы перенесенных в пейзаж. По его мысли, первоначальной и «простейшей» формой «аналогий» и «сравнений» в поэтическом творчестве является двучленный параллелизм, осуществляющий сопоставление природы и душевной жизни человека.

Природный и человеческий миры у Толстого существуют независимо друг от друга, однако жизнь одного без другого немыслима. Природный мир как объективность, данность интересовал Толстого, художнику не была чуждой мысль Ф. Тютчева о могуществе и таинственности природы, о её пугающем равнодушии к человеку. Б.М. Эйхенбаум в свое время убедительно писал о влиянии поэзии Ф. Тютчева на основную идею романа «Анна Каре-

нина». О влиянии поэтических шедевров Тютчева на Толстого в 1870-е годы пишет и В.Г. Андреева: «Лирика Тютчева могла оказать помощь автору “Анны Карениной” в формировании художественного мира романа, устроенного по законам жизни. Она способствовала передаче Толстым смятений человеческой души, очутившейся в жизненном водовороте. Шеллингианские представления Тютчева об одухотворенной природе, развитии ее по изначальным законам, данным высшим разумом, воплощенные в его произведениях, были близки Толстому в 1870-е годы [1, с. 216].

Влияние Тютчева на творчество Толстого ощущается и в романе «Воскресение» [9]. Разумеется, очевидным оказывается и влияние на Толстого философии Ж.-Ж. Руссо, к работам которого Толстой испытывал многолетнюю симпатию. Е.Н. Купреянова пишет: «Возвеличивание естественной сущности человека приводит Руссо и его последователей к возвеличиванию же естественной, первозданной красоты природы, открывающейся человеку в процессе интимного общения с нею. <...> Руссо возвел самую сущность эстетического восприятия природы – ее одухотворение – в осознанный принцип пейзажного изображения как своего рода зеркала человеческой души и ее общественных сущностей» [5, с. 120]. В пейзаже Толстого снимается грань между «изображением» внешнего и «выражением» внутреннего. Человек для Толстого – элемент природы, как в «физическом», так и в «нравственном» отношении.

Подтвердим все вышесказанное анализом текста романа «Воскресение». В прологе романа мы видим образ пробуждающейся к жизни природы, которую радостно встречают «и растения, и птицы, и насекомые, и дети»: «<...> Весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопающиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем» [8, т. 32, с. 3–4]. Это прелестное изображение резко сменяется патетическим возгласом автора, негодующего на взрослых людей, которые, как и всегда, «не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что свяшенно и важно не это

весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом» [8, т. 32, с. 3–4].

Образ весны связан с темой возрождения не только природы, но и души человека. «Красота мира божия», первозданная, чистая красота противопоставляется миру взрослых, развращенных людей, в том числе образу жизни Дмитрия Нехлюдова, богатого князя с «остановившимися глазами». Воскресение природы контрастирует с процессом духовной деградации и омертвения человеческих душ. С.Ю. Николаева справедливо замечает: «Смысловое ударение в этой картине природы падает на слова, обозначающие нравственно-этические понятия, – *красота, радость, веселье, мир, согласие, любовь, благо, солнце* как источник тепла, света и самой жизни» [7].

Первый пейзаж, тесно связанный с настроением Нехлюдова, появляется в главе XVII первой части романа в ночь совершения им преступления: «На дворе было темно, сыро, тепло, и тот белый туман, который весной сгоняет последний снег или распространяется от тающего последнего снега, наполнял весь воздух. С реки <...> слышны были странные звуки: это ломался лед» [8, т. 32, с. 60–61]. Сравним это описание с настроением героя: «Сердце его колотилось в груди так, что он слышал его; дыхание то останавливалось, то вырывалось тяжелым вздохом» [8, т. 32, с. 61]. Очевидно, ночной пейзаж играет ключевую роль в характеристике состояния молодого человека. Автор романа изображает смутное душевное положение юного князя с помощью следующих слов: «темно», «сыро», «белый туман», «странные звуки», «ломался». Природа и настроение Нехлюдова одновременно предопределяют наступление чего-то ужасного и страшного. Толстой не только показывает внутреннюю «текучесть» человека, но и чутко живописует «психологию» пейзажа, которая в творчестве Толстого всегда приобретает свой облик, живет вне человека, но через свои явления ярко отражает его внутренний мир. В.Г. Андреева считает, что в «Воскресении» очень важно «выявление в жизненном потоке тех ключевых сопоставлений и противопоставлений, которые, по мысли автора, должны привести читателя к истине» [2, с. 114]. Она справедливо замечает, что «душевное состояние Катюши и Нехлюдова перемежается с описанием пробуждения реки». «В героине происходит внутренняя работа, гармонирующая с начавшимся движением льда. <...> А вот по отношению к герою автор уже не использует лексему “работа”, внутренние порывы Нехлюдова лишены чистоты и правильной упорядоченности» [2, с. 114].

Следует отметить, что Нехлюдов совершил преступление в Пасхальное Воскресение, что усу-

губляет его вину. Стремительное падение героя тут же зафиксировано «обличающим» его пейзажем: «Внизу на реке треск и звон и сопенье льдин еще усилились, и к прежним звукам прибавилось журчанье. Туман же стал садиться вниз, и из-за стены тумана выплыл ущербный месяц, мрачно освещая что-то черное и страшное» [8, т. 32, с. 63].

Но как только Бог «проснулся в его сознании», тут же, чудесным образом, «ожили» его глаза, пробудился «духовный человек» с его способностью видеть прелесть мира: «Накануне был первый теплый весенний дождь. Везде <...> вдруг зазеленела трава; березы в садах осыпались зеленым пухом, и черемуха и тополя расправляли свои длинные пахучие листья» [8, т. 32, с. 140]. Душа героя после судьбоносной встречи с Катюшей в суде впервые после длительного времени отзывается на этот пейзаж, начинает оживать. Нехлюдов чувствует в себе что-то «зеленое», не случайно сразу же после приведенной весенней картины следует упоминание о зеленом, только что окрасившемся газоне. Вот прямой параллелизм, о котором писал А. Веселовский. Эпитет «зеленый» – один из самых частотных при описании состояния природы и начинающей «зеленеть» души героя. Еще один пример. Чувствующий красоту Божьего мира, Нехлюдов акцентирует внимание на «густо зазеленевших зеленах», на «свежей зелени» перепаханного поля, вступая тем самым в животворящий контакт с природой. И контакт этот двусторонний: в тавтологическом сочетании «зазеленевшие зелена» присутствует избыточный смысл.

Пейзаж становится своеобразной симфонией, помогающей передать идеи автора. Е. Купреянова отметила: «Изобразить природу по существу, создать ее художественный образ значило для Толстого не только выразить “красоту”, “счастье” упоительного ощущения собственной сопричастности ей, но заставить и других людей почувствовать, осознать и собственную сопричастность к “прекрасному и бесконечному целому”» [5, с. 144]. Приехавший в имение тетюшек обновленный Нехлюдов получает своеобразное «прощение» от природы: страшный «ущербный месяц» ночи его преступного падения заменяется «светлым», «почти полным» месяцем. Символический смысл имеет и образ дождя, омывшего Нехлюдова, и образ легкого ветра, унесшего ужасные воспоминания.

Ночь в Паново, с нашей точки зрения, становится переходным моментом, выполняющим доминирующую роль в изменении духовного мира героя. Он впервые осознанно размышляет об общественном движении, о себе, о жизни людей разных сословий. Е. Маймин отметил: «В изображении Толстым города все время ощущается внутренняя соотнесенность с деревней» [6, с. 172]. С этим мнением нельзя не согласиться. Если в деревне Нехлюдов начинает глубоко соприкасаться с природой, то

в городе он с тоской замечает ее отсутствие. Для него, как и для автора, город становится символом цивилизации, разрушающей органику естественной жизни.

Остановимся детально на сцене «оживающей» земли, увиденной нравственно прозревшим Нехлюдовым по пути в Сибирь. На наш взгляд, она стала сюжетообразующей для вьетнамских переводчиков. Полагаем, что именно она, в первую очередь, оказалась основанием для радикального переименования романа. Нехлюдов, «вдыхая влажную свежесть и хлебный запах давно ждавшей дождя земли, смотрел на мимо бегущие сады, леса, желтеющие поля ржи, зеленые еще полосы овса и черные борозды темно-зеленого цветущего картофеля. Все как будто покрылось лаком: зеленое становилось зеленее, желтое – желтее, черное – чернее. – Еще, еще! – говорил Нехлюдов, радуясь на *оживающие* под благодатным дождем поля, сады, огороды» [8, т. 32, с. 350; курсив наш. – *Данг Тхи Тху Хьонг*]. Все символично в этой сцене: и образ проникающего, оживляющего землю и «почву» души человеческой дождя, и образ радуги, символизирующей благодатную красоту Божьего мира. А самое главное, возникающий именно здесь философско-психологический параллелизм: мощеная, лишенная растительности мертвая, земля и «непромокаемые» для чувства сострадания, любви, милосердия загубленные человеческие души. Картина обновленной земли вызвала в душе Нехлюдова социальное обобщение потрясающей силы. Именно здесь он сказал о богатых и знатных: «Я просто боюсь их. И действительно, люди эти страшны. Страшнее разбойников. Разбойник все-таки может пожалеть: они застрахованы от жалости, как эти камни от растительности. Вот этим-то они ужасны» [8, т. 32, с. 350]. Природное и социальное начала неразрывны в концепции Толстого, но приоритетным все-таки становится природное, как в отдельном человеке, так и в жизни в целом. Согласимся с Е.Н. Купреяновой в том, что «чем ближе человек к природе, чем полнее и сознательнее он подчиняется ее простейшим и “таинственным” законам, тем он счастливее, нравственнее и прекраснее, потому что природа сама по себе блаженна, нравственна и прекрасна» [5, с. 154].

В сибирских сценах пейзаж заметно меняется: «Погода переменялась. Шел клочьями спорый снег и уже засыпал дорогу, и крышу, и деревья сада, и подъезд, и верх пролетки, и спину лошади» [8, т. 32, с. 430]. Действие происходит в сентябре, но в пейзажных сценах доминируют не дождь, пробуждающий иссохшую землю, а снег, мертвым саваном ее покрывающий.

Нам кажется, что роман недаром заканчивается образом зимы – символом смерти природы. Мертвая зима и принесенный ею снег, напоминающий саван, несомненно, влияют на душу Нехлюдова.

Автор с придирчивым разоблачающим постоянством указывает читателю на не преодоленную героем эгоистичность. Причем, тенденция эта усиливается к финалу романа. Достаточно напомнить о чувствах Нехлюдова к Катюше в сцене их последнего свидания: жаждущий личного счастья, желающий «человеческой жизни» Нехлюдов смотрит на Катюшу как на помеху к этому счастью («Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни», – мелькнуло у него в голове в то время как она быстрыми шагами, не поднимая глаз, входила в комнату» [8, т. 32, с. 431]. Полагаем, есть основания говорить о «послушности» души героя настроению зимнего пейзажа, по крайней мере, о замедлении темпа начавшегося процесса воскресения. Будущее Нехлюдова, как, впрочем, и многих «ищущих» толстовских героев непредсказуемо.

В сибирских сценах появляется, на первый взгляд, эпизодический, но концептуально чрезвычайно важный образ «лохматого старика», с которым Нехлюдов встречается дважды: на пароме и в пересыльной тюрьме. Подводя итоги пройденному пути (в прямом и переносном смысле), Нехлюдов с завистью вспоминает «свободного» старика, до которого ему (он это отчетливо понимает) также далеко, как до звезды небесной. Заметим, что подобные «эпизодические» герои появляются (чаще всего в финалах) на страницах «Войны и мира» (Платон Каратаев), «Анны Карениной» (Фоканыч). Для Толстого «лохматый старик» (своеобразный анархист-юродивый) – идеал возможной для человека свободы: от «самости», властей, собственности, господствующих стереотипов, конфессиональной разобщенности.

Выскажем осторожное предположение: вьетнамские переводчики подошли избирательно к толстовскому тексту. Их задача заключалась в том, чтобы актуализировать те смыслы «Воскресения», которые были бы созвучны, понятны вьетнамскому читателю, находящемуся под колониальным и социальным гнетом. Протестующий, социально-критический пафос романа был безошибочно ими угадан. Но они почувствовали и более глубокий слой романа, связанный с патриархальными представлениями о связи человека с Матерью-землей. Поэтому психологический план романа, воспринятый как процесс параллельного «оживления» окаменевшей души Нехлюдова и «забитой» камнями почвы, достаточно точно передается отмеченным выше переименованием романа. Можно констатировать: переводы романа «Воскресение» на вьетнамский язык способствовали установлению межкультурной коммуникации между двумя народами.

Проблема же «эквивалентного» (Юджин Найда) перевода «Воскресения» на вьетнамский язык по-прежнему актуальна. Духовный план романа до сих пор понят поверхностно. Своеобразное «христианство» Л.Н. Толстого, несомненно, проявив-

шеется как в процессе раскрытия внутреннего мира героя, так и в оценке его результата, пока «не восстановлено» в переводах романа «Воскресение».

Библиографический список

1. *Андреева В.Г.* «Бесконечный лабиринт сцен» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.
2. *Андреева В.Г.* О нескольких центральных антитезах в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 114–117.
3. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/gukovskiy/veselovskiy_gukovskiy.html (дата обращения: 08.04.2014).
4. *Жаравина Л.В.* Природоописание Варлама Шаламова: «Колымские рассказы» // Природа и человек в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. – С. 32–41.
5. *Купреянова Е.Н.* Эстетика Л.Н. Толстого. – М.; Л.: Наука, 1966. – 324 с.
6. *Маймин Е.А.* Лев Толстой: Путь писателя. – М.: Наука, 1978. – 192 с.
7. *Николаева С.Ю.* О символике пейзажа в «Воскресении» Л.Н. Толстого. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eprints.tversu.ru/3044/> (дата обращения: 08.04.2014).
8. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное изд.). – М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958.
9. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Монография. – Л.: Худож. лит., 1974. – 360 с.

ОЦЕНОЧНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ ОППОЗИЦИИ 'ГОРЯЧИЙ-ХОЛОДНЫЙ'

В статье представлены результаты исследования аксиологической бинарной оппозиции 'горячий-холодный', описываются особенности ее символизации в русском языке.

Ключевые слова: оппозиция, аксиологический, метафорический, символическое значение.

Одним из способов изучения когнитивных механизмов оценочной деятельности человека становится анализ аксиологической функции бинарной оппозиции – пары противоположных понятий, отражающих явления предметной действительности, их параметры и свойства и используемых языковым сообществом в метафорическом выражении для оценки умопостигаемых сфер жизнедеятельности человека. Эти оппозиции, важные еще для древнего носителя языка как атрибуты ритуалов и мифов, в современном языке определяют речемыслительную деятельность и составляют сетку координат, помогающих структурировать и сделать более понятным многоликий окружающий мир.

Метафорические оппозиции являются универсально значимыми для языкового коллектива единицами. Они выступают как особый способ осмысления, видения мира, как некое мерило действительности: два полюса, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство. Такие метафорические диады, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», благодаря чему создают многослойность, каждый уровень которой является как бы «семантической историей» оппозиции, сохраняя при этом «лейтмотив конкретности» [11].

В разряд доминантных архетипических бинарных оппозиций входит и противоположность 'горячий-холодный', языковые репрезентанты которой относятся к классу имен, описывающих состояния – и, в частности, температуру – окружающего пространства и самого человека. Внутри данного класса есть группы слов, связанных с идеей высокой температуры (*жара, зной, горячий* и т.д.) и низкой температуры (*холод, стужа, мороз* и др.), и в каждой из них выделяются слова, обозначающие температуру достаточно высокую / низкую, чтобы человек себя чувствовал комфортно (*тепло / прохлада, свежесть* и др.) [6, с. 1240].

Главным лингвистическим критерием определения температуры для русского человека является температура человеческого тела: *горячий* – 'выше температуры человеческого тела', *теплый* – 'равно

температуре человеческого тела', *холодный* – 'ниже температуры человеческого тела'. «Такой естественный антропоцентрический параметр ... с типологической точки зрения все же не универсален»: так, для шведского языка «высокая» и «средняя» температуры оказываются выше, чем русские *горячий* или *теплый*, а французскому языку свойственна в качестве абсолютного нуля идея индифферентной, то есть нечувствительной для человека (ни холодной, ни горячей, ни теплой) температуры, от которой затем вверх и вниз по температурной шкале «отсчитываются» другие значения [8, с. 216].

Для выявления оценочных механизмов работы температурной оппозиции важно выделить языковые единицы с семантикой 'горячий-холодный', имеющие переносные аксиологические значения, и описать особенности их символизации. В Толковом словаре [1] зафиксированы переносные оценочные значения у следующих температурных слов: *пыл, жар, горячий, гореть, теплый / холод, лед* – и их производных: *пылать, жаркий, горячий, горячо, тепло, теплота, потеплеть / прохлада, прохладный, холодный, охладить, охлаждение, ледяной, леденить, заморозить, морозить*. Аксиологическая семантика развивается также в первичных значениях дериватов: *пылкий, пылко, вспылить, вспылчивый, погорячиться / охладеть, хладнокровный, хладнокровно*. Анализ представленных лексем показывает, что основная сфера, в которой происходит метафоризация оппозиции 'горячий-холодный', – эмоциональная. Эту не поддающуюся непосредственному восприятию сферу человек интерпретирует и описывает через знаки более знакомой и понятной предметной области: «нефизическое концептуализируется в терминах физического» [4, с. 96].

Процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительности через более наглядное, понятное и важное для коллектива отражается в языке в символическом метафорическом значении слова, реализующемся, как правило, в сочетаемости данной конкретной лексики с абстрактной (*горячее сердце, холодное приветствие*). Символическое значение отличается от образного, призванного показать сходство предметов только

одного – физического – пространства (например, *тепло обволакивало тело, холод ударил в лицо* – об этом подробнее см.: [2]) и часто высвечивающего поэтическое видение художником слова определенной реалии (*Из каменной глыбы дня наружу выходил холод и бродил сумрачно по улицам...* «Октябрь», 2001 [5]).

Таким образом, компоненты оппозиции 'горячий-холодный' становятся знаками, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Такое значение появляется не у любой изначально конкретной лексемы, а только у той, которая является значимой для данного народа, которая наделена способностью «опредмечивать» определенное уопостижаемое явление в языке, которая содержит «вещные коннотации» [10, с. 147] – образные ассоциации, присущие этому уопостижаемому явлению в сознании носителей языка. Компоненты оппозиции 'горячий-холодный', оценивая эмоциональную сферу, становятся символами: 'горячий' – символом высокой степени эмоциональности; 'холодный' – безучастности, равнодушия.

В основе температурной оппозиции лежит контрастная противоположность, подразумевающая некоторую шкалу, на которой выделяются различные степени удаления от нейтрального значения, и вербализовать ее могут разные пары антонимов: *теплый – прохладный, горячий – холодный, жаркий – ледяной, пламя – лед* и др. Главным именем оппозиции является средний член шкалы – *горячий – холодный*. Близкими к точке отсчета, но не нейтральными являются два показателя – 'теплый' и 'прохладный'.

Метафорическая семантика лексем *теплый, теплота, тепло* развивает коннотации их первичной семантики – «соответствует температуре человеческого тела, значит, **приятна, комфортна** человеку». В эмоциональной сфере приятными человеку могут быть искренние реакции, которые доставляют самому человеку приятные ощущения (*теплые чувства; теплота взгляда; встретить тепло; вспоминать с теплотой*), отношения (*теплая дружба; теплота взаимоотношений*). Приятные ощущения могут возникать от компании (ср. *теплая компания*). Удобной для человека может быть определенная должность (ср. *теплое местечко*) [8, с. 230]. Главными источниками внутренней теплоты являются сердце и душа (*теплота сердца; душевная теплота*). Все эти выражения подчеркивают положительную оценку компонента 'теплый'.

Прохладный – «равнодушный, холодно-безразличный» [1], то есть без каких-либо (положительных или отрицательных) эмоций, что в русском языке оценивается негативно. Без участия таких важных компонентов внутреннего мира человека,

как душа и сердце, реакции человека на некоторые действия и его отношения к чему-либо или кому-либо становятся не такими, какие должны быть, то есть не соответствуют некоторой норме (*прохладные отношения; встретить прохладно*): В Ленинграде к его сочинениям **отнеслись прохладно**. С. Довлатов [5]. Нормативным же для русского языкового сознания признается участие определенных эмоций в отношениях, которое оценивается положительно.

В работах, посвященных анализу температурных слов, отмечается, что оценочное восприятие температуры в системе переносных значений и первичных значений отличается. Так, *прохладный* при положительной оценке в первичной семантике (ср. *прохладная беседка*) меняет ее на противоположную в метафорических контекстах [6; 8], а *горячий*, несмотря на типичность для него в основном значении компонента «неприятное ощущение» (ср. *горячий воздух*), в переносном употреблении указывает на положительные эмоции, причем подчеркивает интенсивность последних [3]; слабые отрицательные коннотации, иногда проявляющиеся в употреблении *жаркий* (ср. *жаркая одежда, климат*), в метафорических контекстах полностью исчезают – наоборот, появляется положительная оценка [8, с. 229]. Такое переосмысление объясняется метафорическим сближением «положительных эмоций и их органов (души и сердца) с огнем; ср. метафорические употребления типа *горячее сердце, сердечный жар; душевное тепло*» [3]. Вследствие этого большая часть слов со значением высокой температуры указывает на положительные эмоции, а слова со значением низкой температуры чаще всего – на отрицательные.

Слова полюса 'высокая температура' в метафорическом употреблении описывают разную степень проявления эмоций. Так, 'горячий' выражает более высокую степень заинтересованности человека в отношениях или действиях, чем 'теплый': *Получая все более восторженные отзывы, мы с Юркой вскоре поняли, чему обязаны столь **теплым, даже горячим, приемом***... Я. Харон [5].

Главным признаком, направляющим семантическое развитие лексем зоны 'горячий', является признак «интенсивность», который в разной сочетаемости может актуализировать следующие семы:

– «активный, увлеченный»: (*горячий сторонник, участие; горячо обсуждать*): Шулена был **горячий** его защитник. Ю. Трифонов [5].

– «страстный» (*горячо целовать, обнимать*): Он будет приносить сладкие конфетки, **горячие** поцелуйчики и нежные слова. «Знамя», 2009 [5].

– «важный, актуальный»: (*горячая проблема, время, телерепортаж, клавиши, линия*): В России сейчас тема авиационной промышленности – одна из наиболее **горячих**. «Наука и жизнь», 2007[5].

– «эмоциональный»: (*горячие головы; горячо реагировать*): *Пар выпускался в горячих спорах*. «Наука и жизнь», 2009 [5].

Еще одним компонентом, влияющим на метафорическое развитие лексемы *горячий*, является сема «быстро», которая проявляется в сочетаниях как *горячие пирожки (разлетается), по горячим следам (написать), горячие деньги* – «деньги, которые нужно **быстро** пустить в оборот, истратить из-за угрозы их обесценивания» [7]. В выражениях *горячие вакансии недели, горячие списки абитуриентов* и под. признак «быстро» трансформируется в признак «актуально» (ср. *горячие новости, горячие темы*), рождающийся, по-видимому, вследствие двух тенденций: с одной стороны, актуализации семы «интенсивно» (*горячая линия* – «линия, по которой **часто** звонят и обсуждают злободневные вопросы, а значит, важная линия»; *горячая пора* – «время, когда идет **интенсивная** работа»); с другой – семы «быстро» (*горячие новости* – «**только что** полученная информация, поэтому актуальная»); а могут взаимодействовать (*горячая клавиша* – «клавиша, нажав на которую можно **быстро** набрать номер, значит, на нее **часто** (интенсивно) нажимают и это важная клавиша»).

Жаркий в отличие от *горячий* усиливает интенсивность эмоционального участия и подчеркивает, что источник настолько нагрет, что сам распространяет жар, ср.: *жаркие – горячие споры, аплодисменты*. Еще большая степень интенсивности представлена в компоненте «пылкий» (*пыл* – «сильное внутреннее возбуждение, страстный порыв» [1]: *юношеский пыл, с пылом защищать; в пылу* – «в разгар чего-либо, в момент наивысшего напряжения» [1]: *не заметить в пылу сражения; в пылу и ударить может*).

Интенсивность эмоций по-разному оценивается в русской языковой картине мира. Чаше всего она получает положительную оценку: *Горячий тембр, безукоризненная техника, хороший музыкальный вкус и широта – все эти качества объединены у этой артистки*. И. Архипова; *Письмо содержит в себе пылкое признание в любви*. А. Куприн [5].

Но в устойчивых выражениях, таких как *под горячую руку, пороть горячку*, и в производных *сгоряча, горячиться, вспылить, в пылу*, в том числе в устаревших *вгорячах, загорячиться, горячность*, излишняя эмоциональность не заслуживает одобрения: *Я тоже горячусь и бываю неосмотрителен*. В. Войнович; *Непонятно, как родились в голове эти дурацкие слова, сказанные сгоряча и в раздражении...* Л. Улицкая [5].

Признак «интенсивность эмоций» помогает развиваться в семантической структуре слов *горячий, горячо, пылкий, пылко* интенсификационным значениям, оценочно окрашенным (*горячее желание; горячо спорить*): *Припомнил горячее сердцебиение*

в обеих грудках Пилар... Д. Рубина [5]; и оценочно нейтральным, которые, как правило, сочетаются со словами, называющими отрицательные реакции или состояния (*горячо возмутиться; пылкая обида*): – *Искусство не знает титулов и рангов, – горячо возразила я*. С. Довлатов [5].

Слова, представляющие семантику полюса «низкая температура», в эмоциональной сфере показывают человека и его действия без эмоций, без участия главных компонентов, отвечающих за гармоничный внутренний мир человека, – души и сердца. *Холодный и ледяной* показывают разную степень проявления равнодушия и безучастности человека (*холодный – ледяной голос, неподвижность; холодно встретить; охладеть к кому-либо*): – *Глаза у него делались холодные, прямо ледяные*. Б. Екимов [5].

Действия, демонстрирующие отсутствие эмоций при фактическом их наличии, как правило, отрицательно оцениваются в русском языке. Более того, компоненты «холодный» и «ледяной» могут усиливать негативные состояния, эмоции (*холодное – ледяное презрение, злость, ожесточение* и др.): *Он выплеснул всё это разом, в холодном ожесточении...* Ю. Домбровский [5]. В то же время в подобных контекстах *холодный и ледяной* могут фактически оставаться взаимозаменяемыми синонимами (как и упомянутые выше *горячий и жаркий*), так как для категории интенсивности важнейшим является «прагматический аспект – субъективная значимость для участников ситуации увеличения количества признака», обращающая на себя внимание говорящего и слушающего, но не выражающая какого-то реального усиления эмоций [9, с. 156].

Однако «отсутствие эмоциональной стороны может быть компенсировано разумом и рассудком, и сочетания типа *решишь все на холодную голову*, т.е. «взвешенно, без эмоций» имеют положительную оценку, ср. то же значение в *хладнокровный*» [8, с. 229]: *Клоун Кальверо ... холоден, точен и безупречен*. «Экран и сцена», 2004; *Она же всегда противопоставляла ему своё ледяное спокойствие*. К. Чуковский. [5].

Таким образом, оппозиция «горячий – холодный» вписывается в мировоззренческую сетку координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных («верх – низ», «право – лево»), параметрических («большой – маленький», «широкий – узкий»), цветовых («белый – черный», «яркий – тусклый»), временных («весна – осень», «день – ночь») и т.д., – которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире. Наблюдение за предметами и явлениями действительности, выделение их важных параметров и свойств позволяет человеку наделять их аксиологическими признаками и использовать в качестве оценочной шкалы при интерпретации

умопостигаемых сфер – эмоциональной, этической, гносеологической и т.п., наращивая символические смыслы [см.: 2]. Температурная оппозиция «отвечает» за эмоциональную сферу и помогает оценить разную степень проявления эмоций или их отсутствие. Механизм осмысления эмоций в языке сквозь призму оппозиции, во-первых, показывает, что эмоция передает интенсивность переживаний, участия, заинтересованности человека, что необходимо для его нормальной жизни; во-вторых, отражает важность сердца и души для отношений и действий человека; в-третьих, раскрывает противоречивость богатого эмоционального мира человека. Компоненты оппозиции ‘горячий-холодный’ имеют символические значения, закрепленные традицией употребления, – являются символами: ‘горячий’ – символом заинтересованности, участия, эмоциональности, иногда переходящей границу и не позволяющей адекватно реагировать на что-либо; ‘холодный’ – безучастности, равнодушия, отсутствия эмоциональности, порой необходимого для принятия разумного решения.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Григорьева Т.В. Образное и символическое в семантике слова // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2012. – Том 17. – № 4. – С. 1842–1846.
3. Крылова Т.В. Прилагательные со значением высокой и низкой температуры и наивно-языковая оцен-

ка температуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/39.htm> (дата обращения: 11.07.2014).

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

5. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.11.2013).

6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

7. Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.

8. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Азбуковник, 2010. – 448 с.

9. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 150–168.

10. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. – М.: Русские словари, 1997. – С. 146–153.

11. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: ДомКнига, 2005. – 280 с.

УДК 811.112.2

Клиенкова Ирина Борисовна

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
irina.klienкова@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ СУБСТАНТИВНЫХ ГРУПП (на материале швейцарского варианта немецкого языка)

В статье рассматриваются особенности грамматического оформления субстантивных словосочетаний на материале немецкоязычной прессы Швейцарии.

Ключевые слова: субстантивные словосочетания, грамматическое оформление, виды подчинительной связи, генитивное управление, предложное управление, согласование, примыкание.

Данная статья посвящена изучению грамматического оформления распространенных и нераспространенных субстантивных количественных словосочетаний типа Squant + S и Squant + Adj + S в швейцарском варианте немецкого языка. Эта тема до сих пор остаётся недостаточно изученной и вызывает много вопросов. Как отмечал ещё Виноградов, «важность изучения словосочетаний... несомненна. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка» [1]. Самый острый вопрос, также остающийся всё ещё не решённым, – выбор синтаксической связи в сло-

восочетаниях с количественным значением. Как известно, в немецкоговорящих кантонах Швейцарии знакомство с немецким литературным языком начинается только в школе, и немецкий язык рассматривается, скорее, как иностранный и, в первую очередь, как язык Германии. Однако следует заметить, что в швейцарском варианте немецкого языка в выборе типа связи на уровне словосочетаний наблюдаются свои национальные особенности.

В языке существует несколько видов подчинительной связи, а именно: генитивное управление, предложное управление, согласование и примыкание. Вариантное грамматическое оформление данного типа словосочетаний рассматривалось

и зарубежными, и отечественными лингвистами. На основании изученных работ можно выделить следующие факторы, определяющие выбор синтаксической связи в квантитативных субстантивных словосочетаниях:

1) Выбор синтаксической связи зависит от функционального стиля. Так, Б. Бетке считает, что конструкции с согласованием не только допустимы, но и являются нормой в официально-деловом и обиходно-разговорном стилях, тогда как генитивное управление сохраняется в высоком стиле «gehobene Sprache» [4, с. 52]. По мнению Э. Энгеля, например, словосочетание *der Preis eines Zentners englische Kohle* не является неправильным, в то время как *englische Kohle* звучит слишком высокопарно для обиходно-разговорной речи [7, с. 255]. На высокопарность генитивного управления указывают и авторы современной авторитетной грамматики *Der Duden in 12 Bänden (Band 9)*. Субстантивные словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, употребляются в «торжественных случаях и производят впечатление высокопарности» [6, с. 99].

2) Выбор синтаксической связи зависит от семантики существительного – первого компонента. Наиболее подробно семантика существительных, используемых в качестве первого компонента субстантивных словосочетаний с квантитативным значением, была подробно проанализирована Е.С. Кутасиной. По её мнению, семантика существительных – первых компонентов весьма разнообразна и данные существительные могут обозначать: числа (напр., Hundert), единицы измерения веса, объёма, длины и т.п. (напр., Gramm, Kilometer), бытовые единицы измерения (напр., Glas, Tasse), стандартную меру или количество (напр., Flasche), не называемое точно, но известное количество (напр., Portion), часть целого (напр., Teil), неопределённо большое количество (напр., Menge), неопределённо малое количество (напр., Prise), некоторое неопределённое количество (напр., Anzahl, Reihe) [2, с. 48–56]. Данная классификация позволяет установить зависимость выбора типа синтаксической связи от значения первого компонента словосочетания. Так, субстантивные квантитативные словосочетания, первый компонент которых обозначает конкретное число Hundert, в прессе немецкоязычной Швейцарии оформляются исключительно при помощи согласования. Подробно классификация, предложенная Е.С. Кутасиной, будет рассмотрена ниже.

3) Выбор синтаксической связи зависит от семантики существительного – второго компонента. Важность и необходимость исследования семантики второго компонента субстантивных словосочетаний были затронуты в трудах Э.Л. Шубиной [3]: разнообразие лексических значений существительных, выступающих в качестве второго ком-

понента, приводит к разной сочетаемости с существительными, используемыми в качестве первого компонента.

4) Выбор синтаксической связи зависит от грамматических характеристик существительных, выступающих в роли первого и второго компонентов. Так, Ф. Блац обращает внимание на тот факт, что генитивное управление характерно для словосочетаний, первый компонент которых стоит в дательном падеже *Erquickte mich mit einem Glase frischen Brunnenwassers* [5, с. 374]. Говоря о падежной форме первого компонента словосочетаний исследуемого типа, следует заметить, что на эту характеристику, влияющую на выбор подчинительной связи, указывали многие лингвисты, как и на число и род второго компонента. Все эти три грамматические характеристики (падеж, род и число) являются решающими в выборе связи квантитативных субстантивных словосочетаний.

Изучая субстантивные квантитативные словосочетания на материале современной немецкоязычной швейцарской прессы, мы отметили следующее: швейцарцы активно используют такой вид связи, как генитивное управление, и его использование не всегда свидетельствует о высокопарности стиля. Например, субстантивные квантитативные словосочетания с первым компонентом *eine Handvoll* в анализируемых нами примерах в большинстве случаев оформлены с помощью генитивного управления, ср: *Dann tauchte sie unter mit einer Handvoll junger Leute...* [8]. Часто генитивное управление как вид подчинительной связи используется и в других субстантивных квантитативных словосочетаниях, например: *ein Haufen merkwürdiger Typen* [9], *in zwei Tropfen geblickten Schlangengifts* [8], *eine Menge spielerischer Ideen* [10]. То есть «впечатление высокопарности» [6, с. 99] такой тип синтаксической связи, как генитивное управление, в словосочетаниях с первым компонентом, обозначающим неопределённое количество вещества или предметов, не производит. Наоборот, грамматисты даже советуют в данных словосочетаниях употреблять родительный падеж (Genitiv) [6, с. 77]. В данном случае налицо влияние значения первого компонента на выбор синтаксической связи.

Семантика первого компонента в субстантивных квантитативных словосочетаниях действительно может влиять на выбор синтаксической связи. Рассматривая словосочетания исследуемого типа в современной немецкоязычной прессе Швейцарии с точки зрения семантики первого существительного и опираясь на классификацию, предложенную Е.С. Кутасиной, было установлено следующее:

1. Словосочетания с первым компонентом – счётным существительным на примере существительного *ein Hundert* обнаруживают только

один вид связи, а именно, согласование, ср: Aus über hundert Bildern [11]; Fast hundert Tote bei Erdrutschen in Bangladesch [12]; Auch dieses Jahr begleiteten über hundert neugierige Kinder die bärtigen Männer aus dem Wald [13]; ...nach über hundert versandten Briefen... [14].

2. Для словосочетаний с первым компонентом – существительным, обозначающим наименования единиц измерения на примере существительных, обозначающих денежные единицы, характерно согласование (примерно 70%) ср: von 193 Milliarden Franken Schwarzgeldern [11]; Etwas 2,3 Milliarden Franken liquide Mittel stehen zur Verfügung... [12]; Als Sofortmassnahme haben wir 100 Millionen Franken jährliche Kosten eingespart [13]; Banken versorgen sich mit fast einer halben Billion Euro zu ultraniedrigen Zinsen [15]; и генитивное управление (примерно 30%), например: ...die USA hätten mehr als 33 Milliarden Dollar lybischen Geldes beschlagnahmt... [10].

3. В словосочетаниях с первым компонентом – существительным, обозначающим бытовые единицы измерения, на примере существительного eine Tasse доминирует такой вид связи, как согласование (примерно 80%), ср: bei einer Tasse Glühwein [16]; Eine Tasse heisser Kaffee kommt da gerade recht. [16]; mit einer Tasse dampfendem Kräutertee [17]; ...um eine Tasse fairen Kaffee oder fairen Tee zu trinken... [17]; однако в некоторых случаях можно встретить словосочетания, оформленные с помощью генитивного управления (примерно 20%), ср: zu einer Tasse fairgehandelten Tees mit Sojamilch [18].

4. Словосочетания с первым компонентом – существительным со значением стандартной меры на примере существительного eine Flasche обнаруживают два вида синтаксической связи. Примерно 60% таких словосочетаний связаны с помощью согласования, например: für eine Flasche Hochprozentiges [19]; Immer willkommen ist eine gute Flasche edler Wein [17]; mit ein paar Flaschen speziellem Wein [18]; Sie brauchen ... zwei Flaschen kräftigen Rotwein [19]; и 30% словосочетаний данного типа оформлены с помощью генитивного управления, например: aus einer Flasche guten Weins [20].

5. В словосочетаниях с первым компонентом – существительным, обозначающим определённое, варьируемое количество, на примере существительного Portion преобладает такой вид связи, как согласование (примерно 85%), например: Eine Portion russischer Salat, Schinkenkroketten ... regen schon ... den Appetit der Tresensteher an [11]; mit einer Portion gesundem Menschenverstand [12]; Zudem habe ich eine gehörige Portion urchigen Humor [13]. 10% словосочетаний оформлены с помощью генитивного управления, например: eine gute Portion kräftiger Farbe [14], остальные 5% –

с помощью предложного управления, например: ... auch das Bedürfnis einer normalen Portion von Arbeit [15].

6. Для словосочетаний с первым компонентом – существительным со значением части (целого) на примере существительного ein Teil характерен такой вид сочинительной связи, как предложное управление (примерно 90%), например: ein Teil von Thatchers Erfolg [16]. 10% словосочетаний организованы с помощью генитивного управления, например: ...das Klicken einer Waffe ist längst Teil ausgeklügelter Klangwelten [17].

7. Словосочетания с первым компонентом – существительным, обозначающим неопределённо большое количество, на примере существительного eine Menge могут быть организованы с помощью трёх видов синтаксической связи. Преобладает здесь генитивное управление (примерно 50%), например: Man lernt eine Menge interessanter Leute kennen... [8]. С помощью предложного управления оформлены остальные 35% словосочетаний данного вида, например: mit einer Menge von Punkten [9]; eine bestimmte Menge von klimaschädlichen CO2 – Emissionen [10]. 15% словосочетаний организованы с помощью согласования, например: eine Menge mehr oder weniger sinnvolle Programme [16].

8. В словосочетаниях с первым компонентом – существительным, обозначающим неопределённо малое количество, на примере существительного eine Handvoll можно встретить три вида синтаксической связи. Примерно 65% данных словосочетаний организованы с помощью генитивного управления, например: Reisende besuchen in der Regel nach wie vor eine Handvoll klassischer und relativ leicht erreichbarer Ziele [8]. Примерно 30% словосочетаний с первым компонентом eine Handvoll оформлены с помощью согласования, например: von einer Handvoll Uno-Beobachtern [10]; eine Handvoll Gläubige [8]; mit einer Handvoll Getreuen [9]. Для примерно 5% словосочетаний характерно предложное управление, например: eine Handvoll von Mitarbeitern [12].

9. В словосочетаниях с первым компонентом – существительным, обозначающим некоторое неопределённое количество, на примере существительного eine Reihe можно также встретить три вида синтаксической связи. Причём нераспространённые словосочетания организованы в основном с помощью предложного управления – 93%, например: ...bereits kann er eine Reihe von Errungenschaften vorweisen [25]; и только 7% таких словосочетаний оформляются с помощью согласования, например: Er...habe...eine ganze Reihe Mundartsongs geschrieben [26]. В распространённых словосочетаниях преобладает генитивное управление – 66%, например: Es gibt eine ganze Reihe jüngerer Autoren... [26]. 34% распространённых словосочетаний с первым компонентом

Грамматическое оформление субстантивных количественных словосочетаний
Squant + Adj. + S в прессе Швейцарии и Германии

Первый компонент словосочетания	Вид связи (Швейцария)			Вид связи (Германия)		
	Согласование	Генитивное управление	Предложное управление	Согласование	Генитивное управление	Предложное управление
Hundert	100,00%			85,00%	15,00%	
Euro, Dollar, Franken usw.	70,00%	30,00%		70,00%	30,00%	
Tasse	80,00%	20,00%		85,00%	15,00%	
Flasche	60,00%	30,00%		45,00%	55,00%	
Portion	85,00%	10,00%	5,00%		100,00%	
Teil		10,00%	90,00%		100,00%	
Menge	15,00%	50,00%	35,00%	20,00%	80,00%	
Handvoll	30,00%	65,00%	5,00%	5,00%	95,00%	
Reihe		66,00%	34,00%		75,00%	25,00%

eine Reihe организованы с помощью предложного управления, например: In der Schweiz ist **eine Reihe von namhaften US-Firmen** vertreten [25]. Словосочетания данного типа, второй компонент которых является субстантивным существительным или причастием, оформляются как с помощью генитивного управления (50%), так и с помощью предложного управления (50%).

Очень часто именно второй компонент является тем показателем, который помогает определить вид подчинительной связи. Изученный материал обнаруживает следующие возможности грамматического оформления второго компонента. В нераспространенных словосочетаниях изучаемого типа выделяются случаи, когда способ синтаксической связи выражен только с помощью формы существительного – второго компонента, указывающего одновременно на вид подчинительной связи, с помощью которой это словосочетание организовано. Это имеет место в примерах, где а) существительное сильного склонения, выступающего в роли второго компонента, маркировано с помощью окончания **-s**, ср.: *Es (das Kind) wollte sie stets ein Stück Wegs begleiten* [20]; б) существительное – второй компонент, стоящее во множественном числе, маркировано с помощью окончания **-n**, ср.: *von einer Million Ägyptern, mit einer Million Anwendern* [13]. В распространенных словосочетаниях данного типа в качестве определителей видов подчинительной связи могут выступать субстантивированные прилагательные и причастия, являющиеся в словосочетании вторым компонентом, ср.: *für ein kleines Glas Hochprozentiges* [19].

В распространенных словосочетаниях имеют место случаи, когда а) существительное сильного

склонения, выступающего в роли второго компонента, маркировано с помощью окончания **-s**, ср.: *Es ist besser, seine Nase in ein Glas guten Weines zu stecken* [16]; *Die erste Dividenden-Ausschüttung in Form einer Flasche besten Qualitätsweins pro Titel wird auf Herbst 2013 versprochen* [20]; б) независимо от падежной формы первого компонента второй компонент выражен существительным в родительном падеже, что сигнализируется формой прилагательного и возможно только при генитивном управлении как виде подчинительной связи между обоими членами словосочетания, ср.: *das sind hunderte Stunden ehrenamtlicher Arbeit* [21]; в) второй компонент употреблен в том же падеже, что и первый, и это сигнализируется формой прилагательного и свидетельствует о подчинительной связи между ними, оформленной в данной ситуации как согласование, ср.: *Daraus resultierten schweizweit um etwa 180 Millionen Franken höhere Netzkosten* [13].

Необходимо обратить внимание на примеры, допускающие двоякое толкование подчинительной связи между компонентами: и как управления, и как согласования. Это наблюдается в тех случаях, когда первый компонент, стоящий в дательном падеже, предшествует второму компоненту – существительному женского рода, ср.: *Nach vier Tagen intensiver Vorbereitung* [22].

Также невозможно однозначно определить вид подчинительной связи в субстантивных словосочетаниях, в которых 1) употребляются слабые окончания прилагательных, выступающих в роли вторых компонентов, ср.: *Seit voriger Woche, als Freund Kilchmann eine Flasche Weissen entkorkte, ist das anders* [20]. Или: *Zur Feier des Tages und*

weil er vorgestern vergessen hat, Geburtstag zu feiern, kauft er uns eine Flasche Roten [23]; или 2) употребляются слабые окончания прилагательных при существительных, выступающих в роли вторых компонентов, ср: *zu einer Art zweiten Kammer* [24]; *Grossmanns hoffen jetzt nach zwölf Tagen erzwungenen Betriebsbruch auf einen schönen Wunderherbst...* [21].

Таким образом, было установлено, что, во-первых, такой вид синтаксической связи, как генитивное управление, не является высокопарным и используется в субстантивных квантитативных словосочетаниях довольно часто в швейцарском варианте немецкого языка. Во-вторых, выбор связи сильно зависит от семантики существительного – первого компонента и не всегда совпадает с грамматическим оформлением в Германии. В-третьих, прослеживается зависимость выбора связи от существительного – второго компонента.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 3–24.
2. Кутасина Е.С., Раевский М.В. Ещё раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа *ein Liter Wasser* и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Серия 9. Филология. – 1985. – № 2. – С. 48–56.
3. Шубина Э.Л. Вопросы изучения субстантивных словосочетаний (на материале немецкого языка) // Вестник Воронежского государственного университета. – 2005. – №2. – С. 141–143.
4. Betcke B. Deutscher Sprach-Ratgeber. – Lpz.: Brockhaus, 1947. – 267 S.
5. Blatz Fr. Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. – 3. völlig neu bearb. Aufl. – Karlsruhe: Lang, 1896. – Bd. II. Satzlehre. – 1314 S.
6. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9).
7. Engel E. Gutes Deutsch: Ein Führer durch Falsch und Richtig. – 4. durchges. Aufl. – Lpz.: Hesse und Becker, 1929. – 375 S.
8. 1976: Tod einer Terroristin // Weltwoche. – 15.08. 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weltwoche.ch/ausgaben/2013-33/1976-tod-einer-terroristen-dieweltwoche-ausgabe-332013.html> (дата обращения: 20.10.2013).
9. Die Piraten – Ein Haufen merkwürdiger Typen // Neue Luzerner Zeitung. – 07.09.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.luzernerzeitung.ch/apero/kino/filme/Die-Piraten-Ein-Haufen-merkwuerdiger-Typen;art63113,231378> (дата обращения: 20.10.2013).
10. Durchs zerfurchte Land//Neue Luzerner Zeitung. – 13.09.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.luzernerzeitung.ch/magazin/reisen-freizeit/Durchs-zerfurchte-Land;art307,291303> (дата обращения: 20.10.2013).
11. Ausstellung zum Fotowettbewerb // Zürcher Oberländer. – 13.08.2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zol.ch/bezirk-uster/volketswil/Ausstellung-zum-Fotowettbewerb/story/30654305> (дата обращения: 10.10.2013).
12. Fast hundert Tote bei Erdrutschen in Bangladesch// Basellandschaftliche Zeitung. – 27.06.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/international/fast-hundert-tote-bei-erdrutschen-in-bangladesch-124723554> (дата обращения: 15.10.2013).
13. Effretiker Kinder begleiteten Nikolaus zum Märtplatz//Zürcher Oberländer. – 27.11.2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zol.ch/bezirk-pfaeffikon-illnau-effretikon/Effretiker-Kinder-begleiteten-Nikolaus-zum-Maertplatz/story/19741624> (дата обращения: 18.10.2013).
14. Die Hiobsbotschaft kam per Einschreiben // Jungfrauzeitung. – 19.12.2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/115893/> (дата обращения: 20.10.2013).
15. Die EZB kauft kaum noch Staatsanleihen // Neue Zürcher Zeitung. – 24.12.2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nzz.ch/aktuell/wirtschaft/uebersicht/die-ezb-kauft-kaum-noch-staatsanleihen-1.13838474> (дата обращения: 20.10.2013).
16. Gemütlichkeit, Ambiente und Gastfreundschaft//Jungfrauzeitung. – 3.12.2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Jungfrauzeitung.ch/artikel/122057/> (дата обращения: 25.11.2013).
17. Kräutertee: Wohlgefühl aus der Tasse // Glücksport. – 20.12.2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gluecksport.ch/gesundheit/kraeutertee-wohlgefuehl-aus-der-tasse> (дата обращения: 15.11.2013).
18. Blondes Gift für die Globalisierer // Weltwoche. – 12.10.2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weltwoche.ch/ausgaben/2001-41/artikel-2001-41-blondes-gift-fue.html/> (дата обращения: 29.11.2013).
19. Mindestpreis würde Biere und Weine stark treffen // Neue Zürcher Zeitung. – 30.03.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nzz.ch/aktuell/schweiz/mindestpreis-wuerde-biere-und-weine-stark-treffen-1.18055558> (дата обращения: 18.11.2013).
20. Der Besuch der anderen // Neue Zürcher Zeitung. – 29.12.2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nzz.ch/aktuell/feuilleton/literatur/der-besuch-der-anderen-1.17912177> (дата обращения: 19.11.2013).

21. Es geht hier um Rechtsgleichheit // Jungfrauzeitung. – 27.04.2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jungfrauzeitung.ch/artikel/75221/> (дата обращения: 30.11.2013).

22. Reise zum Schatz am Silbersee // Jungfrauzeitung. – 24.09.2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/97811/> (дата обращения: 30.11.2013).

23. Es wird schon wieder // Weltwoche. – 14.06.2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weltwoche.ch/ausgaben/2006-24/artikel-2006-24-es-wird-schon-wi.html> (дата обращения: 8.12.2013).

24. Merkel warnt am WEF vor einer Überforderung Deutschlands // Basellandschaftlichezeitung. –

25.01.2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/wirtschaft/merkel-warnt-am-wef-vor-einer-ueberforderung-deutschlands-119596026> (дата обращения: 30.11.2013).

25. USA: Überall und nirgendwo // Weltwoche. – 26.03.2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weltwoche.ch/ausgaben/2009-14/artikel-2009-14-usa-berall-und-n.html> (дата обращения: 10.01.2014).

26. Pop: Herz auf der scharfen Zunge // Weltwoche. – 21.10.2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weltwoche.ch/ausgaben/2009-44/artikel-2009-44-pop-herz-auf-der.html> (дата обращения: 11.01.2014).

УДК 811.111

Якубова Наталья Михайловна

Амурский государственный университет (г. Благовещенск)
lev555@rambler.ru

ПРИЧИНЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЯМОГО РЕЧЕВОГО АКТА ЭКСПЛИКАЦИИ СОМНЕНИЯ (на материале английского языка)

Сомнение является внутренним состоянием человека, однако часто говорящий эксплицирует его в речи. В статье доказывается, что, в зависимости от функции в диалогическом единстве, речевой акт экспликации сомнения способен реализовывать прямую и косвенную иллокутивную цель. На конкретных примерах показано, что прямой ответный речевой акт экспликации сомнения осуществляется вследствие определенных причин, которые исследуются в данной работе.

Ключевые слова: внутреннее состояние сомнения, речевой акт экспликации сомнения, прямой речевой акт, косвенный речевой акт, иллокутивная цель, причины экспликации сомнения.

С одной стороны, состояние сомнения характерно для любого субъекта, вне зависимости от принадлежности к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, категория сомнения имеет специфические средства выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения сомнения.

По своей природе сомнение – это внутреннее, ненаблюдаемое состояние человека. Только сам субъект, пребывающий в сомнении, может его констатировать. Именно этим обусловлено употребление местоимения 1-го лица в позиции субъекта внутреннего состояния, ср.:

(1) *I said he could try, though I doubted I sounded as sophisticated as I was trying to* [11, p. 23].

Однако в художественном произведении повествование о переживаемом сомнении может вести и от третьего лица, ср.:

(2) *Claire suspected that not only did Reginald Arnold buy stolen artwork, he knowingly bought it* [11, p. 212].

В приведенном примере автор знает, что думает персонаж, и описывает его состояние, которое не может быть доступно наблюдению со стороны. Если повествование ведется от имени всеведущего автора, в позиции субъекта внутреннего состояния

может употребляться местоимение 3-го лица. Описывая внутренние состояния от 3-го лица, автор становится на точку зрения персонажа [3].

Вместе с тем переживания персонажа часто выражаются в его речи. Экспликация сомнения является речевым актом. В нашей работе мы рассматриваем экспликацию сомнения в рамках диалогического единства (далее – ДЕ). ДЕ состоит из пары речевых актов, которые связаны между собой по принципу «стимул-реакция». В соответствии с этим принципом, инициирующий речевой акт стимулирует ответный речевой акт.

Речевые акты могут быть прямыми и косвенными. Под прямым речевым актом понимается собственное, непосредственное, дескриптивное значение речевого акта, в котором иллокутивная цель отражена в языковой структуре высказывания. Под косвенным речевым актом понимается речевой акт, в котором иллокутивное намерение говорящего не соответствует прямому значению высказывания, но обуславливается пресуппозицией (фоновыми знаниями) и условиями общения. При косвенном речевом акте высказывание приобретает иллокутивную силу, которая не является прямой экспликацией его семантики [2].

Одним из основных параметров речевого акта является иллокутивная цель. Иллокутивной целью считается конкретный тип речевого воздействия,

которое говорящий намерен осуществить. Исходя из дефиниций существительных, номинирующих состояние сомнения, иллокутивной целью экспликации сомнения является информирование собеседника о том, что говорящий не обладает достаточным знанием о некотором положении дел [7]. Данная иллокутивная цель реализуется в прямом речевом акте экспликации сомнения, ср.:

(3) «*I certainly was sorry to hear about Dr. Mant's mother. When will he be back to work?*»

«*I'm not certain when he'll return*», *I warily replied* [9, p. 16].

Иллокутивная цель высказывания (*I'm not certain when he'll return*) заключается в информировании партнера о том, что персонаж не уверен, когда вернется начальник. Модально-отрицательная фраза *I'm not certain* репрезентирует иллокутивную цель речевого акта экспликации сомнения. Мы видим, что иллокутивная цель выражена в языковой структуре ответного высказывания.

Обратимся ещё к одному примеру:

(4) «...*She'd have access to the poison cupboard and that's where she probably got it. Presumably she brought it home with her yesterday with suicide in mind*», *inspector said*.

«*I really can't believe it. It doesn't seem right somehow. She was so happy last night*», *Mrs. Hubbard replied* [10, p. 87].

В анализируемом ДЕ сомнение выражено в иницирующем и ответном речевых актах. В иницирующем речевом акте сомнение выражено модальными наречиями *probably* и *presumably*. Они имплицируют небольшую степень сомнения, поскольку являются языковой репрезентацией предположения. Из контекста мы знаем, что инспектор полиции пытается установить обстоятельства смерти молодой девушки. У него нет достоверных сведений, поэтому он может только предполагать. Иллокутивной целью его высказывания является не столько информирование собеседницы о своих догадках, сколько запрос информации, которая бы подтвердила или опровергла его предположения. Иллокутивное намерение говорящего не соответствует прямому значению высказывания, которое складывается из входящих в его состав языковых единиц. Иницирующий речевой акт экспликации сомнения трансформируется в косвенный речевой акт запроса информации.

Ответный речевой акт экспликации сомнения актуализирует значение несогласия с мнением собеседника. Миссис Хаббард хорошо знала потерпевшую, поэтому она выражает противоположную точку зрения по отношению к высказыванию инспектора. Сомнение эксплицировано модально-отрицательными фразами *I really can't believe it. It doesn't seem right*. Косвенное значение всего высказывания отражается в его функциональной направленности.

Анализ приведенных примеров, а также многочисленных фрагментов дискурса из художественной литературы позволил нам прийти к выводу, что иницирующий речевой акт экспликации сомнения реализует только косвенную иллокутивную цель, а ответный речевой акт экспликации сомнения – как прямую, так и косвенную иллокутивную цель. Из этого следует, что в определенной коммуникативной ситуации прямым речевым актом экспликации сомнения является ответный речевой акт.

Далее мы рассмотрим причины, по которым говорящий реализует прямой речевой акт экспликации сомнения.

а) Говорящий пребывает в состоянии сомнения:

(5) «*The daughter took the blanket out of him?*»

«*Apparently*» [11, p. 62].

(6) «*Kind of weird way to die, don't you think? Outside in the snow?*» *Madelyn asked*.

«*I think it was what he wanted*», *Claire answered* [11, p. 62].

(7) «*What's your opinion, Joe?*» *Lucy asked when they were down the corridor*.

«*It could be a bone tumour*», *Pearson said it slowly, thinking* [12, p. 135].

В приведенных примерах говорящий сомневается в достоверности излагаемой им информации. Состояние сомнения выражается: 1) модальным наречием *apparently*; 2) фразой *I think* и 3) модальным глаголом *could*, эксплицирующими предположение. Предположение – это эпистемическое состояние, основанное на вероятностной положительной когнитивной позиции субъекта относительно истинности некоторого суждения, а в основе сомнения лежит отрицательная вероятностная когнитивная позиция субъекта. Предположение трактуется как «скорее всего Р», а сомнение – «скорее всего не-Р» [6]. Если в высказывании эксплицитно выражено предположение, то одновременно имплицируется небольшая степень сомнения.

б) Говорящий не принимает на себя ответственность за достоверность определенной информации:

(8) «*And what happen to Mike Florian?*»

«*Dead, brother. Gathered to the Lawd. 1934, maybe 1935. I ain't precise on that. A wasted life, brother; and a case of pickled kidneys, they say*» [8, p. 18].

(9) «*But she's dead, you said. Where did she die?*»

«*I heard she got a cold and went to the chest and off she went*» [8, p. 97].

В приведенных примерах фразы *I hear; they say* вводят новую информацию, полученную от других людей. Поскольку говорящий не был свидетелем излагаемых событий, то он сомневается в их достоверности.

Разные способы получения информации по-разному оцениваются в отношении их надежности, поэтому новые сведения заведомо могут восприниматься как более или менее достоверные [5,

с. 91–92]. Анализируемые фразы *I hear, they say* являются языковой репрезентацией категорий персуазивности и авторизации, взаимодействие которых наблюдается при выражении сомнения. С помощью модусной категории персуазивности говорящий выражает отношение к своему сообщению: он либо уверен, либо не уверен в достоверности сказанного. Авторизация – это модусная категория, с помощью которой новые данные квалифицируются в отношении источников или способов их получения. Т.В. Шмелева утверждает, что «автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых» [4, с. 35]. Фразы *I hear, they say* указывают на ненадежный источник сведений (сплетни, слухи, чужие слова) и имплицитно выражают сомнение говорящего в истинности излагаемой им информации.

в) Говорящий находится в состоянии эмоциональной напряженности.

Выражение сомнения может происходить в состоянии эмоциональной напряженности. Эмоциональная напряженность возникает у человека в трудных, экстремальных условиях; при умственной и эмоциональной перегрузке, создаваемой необходимостью быстрого принятия решения и дефицитом времени при выполнении значимой для человека деятельности. В психологии доказано, что в состоянии эмоциональной напряженности снижаются интеллектуальные способности человека и способность к самоконтролю. Признаками эмоциональной напряженности в речи являются: 1) семантически нерелевантные повторения фраз, частей фраз, одного слова, слогов; 2) незавершенность слова или предложения; 3) оговорки; 4) транспозиция отдельных слов из их «правильных» позиций в предложении; 5) возрастание количества самокоррекций; 6) увеличение количества пауз нерешительности, как заполненных, так и незаполненных [1].

Принимая во внимание вышесказанное и собственные наблюдения за фактическим материалом, мы пришли к выводу, что в ответном речевом акте сомнение говорящего субъекта, находящегося в состоянии эмоциональной напряженности, может выражаться при помощи:

– непреднамеренных повторов отдельных слогов, слов, словосочетаний, во время которых человек оценивает уместность последующего высказывания или осуществляет поиск нужной языковой формы. В нижеприведенном примере девушка сомневается, стоит ли ей рассказывать и обсуждать с частным детективом недавно произошедшие события:

(10) «*What did you mean just now, Miss Austin, when you said that you wondered. You wondered what?*»

She crumbled her bread nervously. «Oh that – that – no... – nothing – nothing really – just – just,

there have been some silly practical jokes lately – I thought Mrs Hubbard – But really it was silly of me. I didn't mean anything» [10, p. 43];

– заполненных пауз колебания (пауз хезитации), во время которых человек мысленно производит те же действия, что и во время непреднамеренных повторов отдельных слов. Такие паузы сопровождаются нефонологическими вокальными образованиями: *aaa, aah, eeh, er, hmm, uh, um/umm*:

(11) «*You'd caught her at it?*» *Inspector Sharp asked.*

«Not exactly. The night before a – er – um – a friend of mine came to dine. A Mr. Hercule Poirot – I don't know if you know the name» [10, p. 48].

(12) «*Any idea who it could have been?*»

«Well...um... Not a reasonable idea», said Valerie slowly [10, p. 118].

В примере (12) можно увидеть, что героиня сомневается, стоит ли ей озвучивать инспектору свои подозрения, касающиеся виновника происходящих в доме злодеяний.

Мы понимаем, что заполненные паузы колебания имеют место в устной спонтанной коммуникации, и не отождествляем устную и письменную речь. Однако мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые считают устную речь в художественном произведении стилизацией устной спонтанной разговорной речи. В соответствии с этим, если в спонтанной речи имеет место заполненная пауза колебания, то в речи персонажа она отражается при помощи междометий *aaa, aah, eeh, er, hmm, uh, um/umm*;

– самопрерванных конструкций, которые сигнализируют о том, что субъект высказывания не уверен в истинности или необходимости своих слов. В следующем примере высказывание является логически и синтаксически незавершенным – говорящий обрывает собственную речь, не сказав основную мысль:

(13) «*Have you any ideas of your own about Celia Austin's Death? Any idea of the motive that underlay it?*»

«No. It was a horrible thing to happen. I can't see anybody who could possibly have wanted Celia to die. She was a nice, harmless child, and she's just got engaged to be married, and...».

«Yes. And?» the inspector prompted [10, p. 117].

Итак, в данной работе мы доказали, что понимание иллокутивной цели способствует разграничению речевых актов экспликации сомнения на прямые и косвенные. Прямой ответный речевой акт экспликации сомнения реализует иллокутивную цель информирования собеседника о том, что говорящий не обладает достаточным знанием о некотором положении дел. Он осуществляется вследствие того, что говорящий испытывает неуверенность, не хочет брать на себя ответственность за достоверность информации или же пребывает в состоянии эмоциональной напряженности.

Библиографический список

1. Барташова О.А., Полякова С.Е. Эмоциональная напряженность как аспект коммуникативной неудачи в политическом дискурсе: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 40 с.
2. Колоколова Н.М. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта. Структурно-семантическая модель речевого акта обещания // Университетские чтения – 2008: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – Ч. IV. – С. 137–142.
3. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 238 с.
4. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. – Красноярск: КГУ, 1988. – 88 с.
5. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Субъективная модальность: сб. науч. тр. – Тюмень: Изд-во Тюм-го гос. ун-та, 1990. – С. 78–100.
6. Юровицкая Л.Н. Английский лингвокультурный концепт «Сомнение» и способы его языко-

вой манифестации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 23 с.

7. Якубова Н.М. Выражение сомнения в иницирующем речевом акте (на материале английского языка) // Казанская Наука. – Казань: Казанский Издательский Дом. – 2013. – №9. – С. 216–223.
8. Chandler R. Farewell, My Lovely. – NY.: Ballantine Books, 1996. – 254 p.
9. Cornwell P. Cause Of Death. – L.: Little, Brown and Co., 1996. – 342 p.
10. Cristie A. Hickory Dickory Road. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 320 с.
11. Gieson J.V. The Stolen Blue. – NY.: Penguin, 2000. – 246 p.
12. Haily A. The Final Diagnosis. – Doubleday & Co., Inc.; First Edition, 1979. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.bz/chapter.php/70961/0/Hailey_-_The_Final_Diagnosis.html (дата обращения: 24.07.2013).
13. Searle J.R. Expression and Meaning: studies in the theory of speech acts. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 187 p.

УДК 811.111

Шляхтина Елена Васильевна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ElenaV_Yar@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются основные приемы перевода английских политкорректных терминов на русский язык: транскрипция, калькирование, описательный перевод и т.д. Все они призваны как можно точнее передать смысл иноязычной реалии, каковой является политкорректность для русской культуры.

Ключевые слова: политкорректность, политкорректные термины, перевод, переводческий прием, дискриминация.

В настоящее время политкорректность является неотъемлемой частью американской и западноевропейской культуры и означает вежливое и уважительное отношение к представителям различных меньшинств как на поведенческом, так и на языковом уровнях.

Широкое употребление и самого термина *политкорректность* и политкорректных единиц в англоязычных СМИ привело к необходимости их перевода на русский язык. Этому также способствовало то, что Россия является многонациональным и многокультурным обществом, в котором вопрос о толерантном отношении к представителям меньшинств является весьма актуальным.

Когда термин *политическая корректность*, или *политкорректность*, появился в русском языке пару десятилетий назад, многие российские ученые указывали на его неточность, потому что он подчеркивает непосредственную связь с политикой, хотя на самом деле явление намного шире и включает разные стороны жизни общества. Однако попытки ввести другие термины, такие как *коммуникативная корректность* [9, с. 215], куль-

турная корректность и *языковой такт* [5, с. 9; 7, с. 115], не имели большого успеха, поскольку данная единица стала привычной и устойчивой.

В связи с широким распространением идей политкорректности в англоязычных странах со временем сложился обширный терминологический аппарат, который призван описывать корректное и некорректное поведение в обществе и включает в себя термины, описывающие как разные виды дискриминации в обществе, так и способы борьбы с ней; а также большое число политкорректных единиц, призванных выразить уважение к тем или иным меньшинствам с помощью языковых средств.

Поскольку политкорректных терминов и единиц достаточно много, в рамках данной статьи хотелось бы остановиться на особенностях перевода политкорректных терминов, которые хорошо отражают всю суть данного явления, однако при их переводе на русский язык зачастую возникают некоторые затруднения, так как они представляют собой иноязычные реалии.

Конечно, существует ряд понятий, которые легко перевести на русский язык ввиду того, что

в нем уже присутствуют их соответствия. Например, *discrimination* (дискриминация), *minority* (меньшинство), *stereotype* (стереотип), *censorship* (цензура), *feminism* (феминизм), *tolerance* (толерантность, терпимость), *diversity* (разнообразие) и т.д. Однако таких единиц относительно немного по сравнению с теми, которые требуют некоторых усилий при переводе.

Одним из самых популярных приемов перевода политкорректных терминов является транскрипция. К нему, в первую очередь, прибегают для передачи названий видов дискриминации. Наряду с широко и давно используемыми терминами *расизм* и *национализм* в русском языке появляются следующие наименования: *сексизм* (*sexism*), *лукизм* (*lookism*), *эйджизм* (*ageism*) и т.д. Как правило, данные единицы непонятны русскоязычному рецептору, поэтому транскрипция зачастую сопровождается описательным переводом: *сексизм* (дискриминация по половому признаку), *лукизм* (дискриминация по внешности), *эйджизм* (дискриминация по возрасту).

Некоторые виды дискриминации переводятся только описательно. Сюда можно отнести следующие понятия: *shortism* (дискриминация людей маленького роста), *heightism* (дискриминация очень высоких людей), *sizeism*, *fattism* или *weightism* (дискриминация полных людей), *ableism* (дискриминация по состоянию здоровья), *heterosexism* (дискриминация гомосексуалистов), *elitism* (угнетение глупых умными или малоодаренных талантливыми), *speciesism* (дискриминация животных) и ряд других.

Сложности также возникают и при переводе производных прилагательных от данных единиц со значением *человек, дискриминирующий другого человека по какому-либо признаку*. В отличие от терминов *расист*, *националист* и *сексист*, в остальных случаях приходится переводить единицы описательно: *lookist* – человек, дискриминирующий на основе внешних данных, *heterosexist* – человек, дискриминирующий гомосексуалистов, и т.д.

Кроме видов дискриминации, существуют и другие понятия, которые можно перевести только описательно. Например, *reverse discrimination* (сознательная дискриминация по отношению к национальному большинству с целью избежать обвинения в дискриминации по отношению к национальным меньшинствам) [3], *black studies*, *Native American studies* (курс занятий, посвященных изучению культуры темнокожего населения / коренных американцев), *hate crime* (преступление на почве ненависти: расовой, религиозной и т.д.). С последним понятием тесно связано выражение *hate speech*. Однако в данном случае словари дают приблизительные соответствия: *язык вражды*, *мотивированные ненавистью выступления*, *риторика ненависти*, *язык ненависти*, *агрессивная речь*,

враждебные высказывания и некоторые другие варианты [3]. На данный момент наиболее часто встречаемым вариантом перевода в литературе и печатных СМИ является *язык вражды*.

Еще одним весьма распространенным приемом перевода можно считать полное или частичное калькирование.

К полным калькам относятся такие единицы, как *multinational* (многонациональный), *multi-racial* (многорасовый), *positive discrimination* (позитивная дискриминация), *equal opportunities* (равные возможности), *speech codes* (речевые кодексы), *hostile environment* (враждебное окружение), *proportional representation* (пропорциональное представительство), *verbal aggression / verbal harassment* (вербальная агрессия) и т.д.

К частичному калькированию с использованием транскрипции прибегают при переводе следующих выражений: *affirmative actions* (аффирмативные действия), *victimized group* (виктимизированная группа), *racial or (ethnic) profiling* (расовое или этническое профилирование), *sexual harassment* (сексуальный харассмент, реже переводят как *сексуальное домогательство*, несмотря на то, что последний вариант является более понятным для русского рецептора).

К данной группе также можно отнести понятия *inclusive education* (инклюзивное образование), *inclusive language* (инклюзивный язык). Однако в последнем случае сложность состоит в том, что в литературе на русском языке по данному вопросу принято использовать словосочетание *инклюзивный язык* [8], а в некоторых словарях дается перевод: *несексистский язык* [3]. По нашему мнению, последний вариант перевода лишь частично отражает значение понятия, в то время как первый перевод включает в себя все политкорректные единицы, которые призваны никого не обидеть, что более соответствует значению исходного термина. Таким образом, если невозможно по каким-то причинам использовать в переводе полукальку *инклюзивный язык*, то лучше дать описательный перевод.

К полукалькам относятся и все словосочетания с компонентом *gender* (гендерный): *gender discrimination* (гендерная дискриминация), *gender roles* (гендерные роли), *gender studies* (гендерные исследования) и многие другие.

Также при переводе терминов с английского языка на русский можно встретить случаи использования смыслового развития: *cultural war* (война за духовные ценности), *ethnic (religious) intimidation / incitement to (racial, religious) hatred* (разжигание национальной (религиозной) вражды). Перевод первого выражения дается в словарях [3], перевод последних двух терминов предлагается нами, поскольку в словарях данные словосочетания отсутствуют, а дословный перевод *этническое / религиозное запугивание* и *побуждение / подстрекание*

тельство к ненависти не соответствует нормам русского языка.

При переводе политкорректной терминологии встречаются и случаи лексического развертывания: *culturally and linguistically diverse communities* (общины, различные в культурном и языковом отношениях), *backlash* (реакция белых расистов на борьбу за права черных), *ethnicity* (этническая или расовая принадлежность) [3].

Говоря о политкорректности, невозможно не упомянуть одно из наиболее распространенных понятий – *multiculturalism*, которое переводят на русский язык чаще всего с помощью транслитерации *мультикультурализм*. В русском языке существует также и другой вариант перевода, а именно калька *многокультурность*, но он не так часто используется, поскольку первый вариант уже вполне прижился в русском языке.

В отличие от существительного, прилагательное *multicultural* имеет два в равной степени используемых русских соответствия *мультикультурный* и *многокультурный*.

Случаев транслитерационного перевода политкорректных терминов относительно немного. Пожалуй, сюда также можно включить перевод существительного *gender* (гендер) для обозначения культурного и социального пола человека. При этом, как уже было сказано ранее, все выражения, содержащие прилагательное *гендерный*, переводятся, как правило, с помощью полукальки.

Однако здесь еще возникают ситуации, когда *gender* является компонентом сложных слов: *gender-neutral*, *gender-blind* и *gender-free*, которые по своей сути обозначают одно и то же: *негендерный*. Здесь стоит отметить, что первый термин, *gender-neutral*, чаще всего используется в словосочетаниях, связанных с языком и переводится как *гендерно-нейтральный*: *gender-neutral language* (гендерно-нейтральный язык), *gender-neutral pronoun* (гендерно-нейтральное местоимение), *gender-neutral bible* (гендерно-нейтральная библия) и т.д. Данный вариант является уже устоявшимся в русском языке, и специалисты, занимающиеся этим вопросом, его широко используют [4; 6]. Поиск русских соответствий двум другим единицам затруднен, потому что они редко встречаются в англо-русских словарях. И если единица *gender-blind* встречается в некоторых словарях, например в Multitran [3], и переводится как *без учета половой принадлежности*, *негендерный*, то перевод сложного слова *gender-free* практически невозможно найти в контексте политкорректности. В данной ситуации хотелось бы предложить свой вариант перевода. Эти слова можно перевести либо, как и в случае с *gender-neutral*, *гендерно-нейтральный* (*gender-free term* – *гендерно-нейтральный термин*, *gender-free phrase* – *гендерно-нейтральное выражение*), либо как *свободный от гендерных пред-*

рассудков (*gender-free person* – *свободный от предвзятых рассудков человек*, *gender-blind society* – *свободное от предвзятых общество*). Эти варианты перевода весьма точно передают смысл выше указанных терминов.

Как видно из данного примера, наибольший интерес вызывают понятия, которые невозможно однозначно перевести и их способ перевода зависит от контекста. К подобным случаям относится и термин *bias* обладающий большим количеством значений. В рамках выбранной нами тематики, в словаре можно найти следующие значения *предвзятость*, *предубеждение* и *дискриминация* [3]. Существуют вполне устойчивые выражения с данным компонентом, которые обычно даются в словарях в виде калек или полукалек: *biased judgement* – *необъективное суждение*, *biased opinion* – *предвзятое мнение*, *предубеждение*, *gender bias* – *гендерная или половая дискриминация* [2]. Однако существуют ситуации, когда значение словосочетания с данным компонентом сложно перевести. Например, Д. Равич в своей работе «Language police» часто использует словосочетания *bias rules* и *bias guidelines* [10, с. 25], значение которых не отражается в словарях и которые можно перевести на русский язык только при помощи лексического развертывания: *правила или руководство по борьбе с дискриминацией*.

Наряду с данной единицей нередко используется еще один широко распространенный термин *sensitivity*. Он обычно употребляется в следующих значениях: 1) а) чувствительность, б) восприимчивость, в) психол. сенситивность; 2) а) обидчивость, б) щепетильность; 3) способность к быстрому реагированию, изменению [2]. Однако, например, в сочетании *cultural sensitivity* невозможно воспользоваться словарными значениями и, исходя из контекста, чаще всего приходится прибегать к смысловому развитию *восприимчивость к другим культурам*, *понимание особенностей других культур*, *проявление уважения к другим культурам*, а выражение *sensitivity rules* переводится как *правила по борьбе с дискриминацией*. Последний пример указывает на то, что единица *sensitivity* тесно связана со значением и употреблением слова *bias*. Данное положение подтверждается примерами ситуаций, когда оба эти слова используются в рамках одного словосочетания: *bias and sensitivity guidelines* (*руководство по борьбе с дискриминацией и предвзятостями*), *bias and sensitivity review panel* (*комиссия по выявлению случаев предвзятого отношения или дискриминации в школьных учебниках*) [10, с. 78]. Сложно сделать перевод последнего примера более компактным, потому что в противном случае теряется весь смысл выражения.

Еще одной весьма популярной единицей, вызывающей трудности в переводе из-за своей многозначности, является термин *abuse*. В рамках политкорректности он используется, в основном,

в выражениях и может переводиться как *оскорбление* (*emotional abuse* – оскорбление чувств, *verbal abuse* – словесное оскорбление), *насилие* (*sexual abuse* – сексуальное насилие, *принуждение к сексуальным отношениям*; *physical abuse* – физическое насилие) и *нарушение* (*human rights abuse* – нарушение прав человека).

Изучая политкорректные термины, нельзя не упомянуть словосочетание *zero tolerance policy*, которое широко применяется в борьбе с любыми проявлениями дискриминации. В словаре Multitran даются следующие варианты перевода: *политика полного неприятия*; *политика «нулевой терпимости»*; *политика абсолютной нетерпимости* [3].

Англо-русский большой универсальный переводческий словарь интерпретирует данный термин как *политика сурового наказания*, *политика «нулевой терпимости»* [1].

Из вышеперечисленных вариантов наиболее подходящим соответствием, по нашему мнению, можно считать выражение *политика абсолютной нетерпимости*. За счет использования добавления элемента *абсолютный* и антонимического перевода достигается передача основного значения термина, а именно отстаивание жесткой позиции в отношении некоторых неприемлемых социальных явлений. Например, *zero tolerance policy against racial discrimination* можно интерпретировать как *политика абсолютной нетерпимости в отношении расовой дискриминации*.

Что касается дословного перевода, *политика «нулевой терпимости»*, у него есть большой недостаток: он требует дополнительных комментариев.

Итак, здесь были рассмотрены приемы перевода английских политкорректных терминов на русский язык. Большое количество последних свидетельствует о том, что явление крайне актуально в англоязычных странах. Поскольку оно не настолько распространено в России, а данные единицы ограничены тематическими рамками и встречаются, в основном, в политике и социологии, то переводчики часто сталкиваются с трудностями при переводе их с английского языка на русский. Как показывает практика, при переводе политкорректной терминологии применяются совершенно разные приемы. Однако, вне зависимости от вы-

бранного способа перевода, практически всегда приходится давать объяснения значения явлений, поскольку термины в русском языке зачастую отсутствуют.

Библиографический список

1. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://big_en_ru.academic.ru/93357/zero-tolerance_policy (дата обращения: 6.08.14).
2. Англо-русский электронный словарь АBBYY Lingvo. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvo-online.ru> (дата обращения: 2.08.14).
3. Англо-русский электронный словарь Multitran. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 9.08.14).
4. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 28.07.14).
5. Иванова О.Ф. Эвфемистическая лексика английского языка: как прозвучать красиво, вежливо и убедительно и при этом не солгать. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 156 с.
6. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/kirilina.htm> (дата обращения: 28.07.14).
7. Киселёва Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира: тезисы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию университета, 7–10 октября 1997. – Кн. 1. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1997. – С. 115–117.
8. Маринина Е.В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/2-2012-marinina.pdf> (дата обращения: 27.07.14).
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
10. Ravitch D. The Language Police: How Pressure Groups Restrict what Students Learn. – NY.: Vintage, 2004. – 288 p.

Уразметова Александра Владимировна

кандидат филологических наук
Башкирский государственный университет, г. Уфа,
urazmetova82@mail.ru

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ (на материале топонимических прозвищ штатов США)

В статье рассматривается метафора как один из наиболее продуктивных способов создания вторичных топонимических номинаций. Выделяются метафорические модели, основанные на различных типах сходства. Проводится количественный анализ продуктивности сходных характеристик, лежащих в основу исследуемых вторичных номинаций.

Ключевые слова: метафора, топоним, сходство, вторичная номинация, штаты США.

Метафора является высоко эффективным способом организации нашего знания о мире, механизмом создания новых концептов и, как следствие, новых значений, средством экспликации культурных ценностей в языковой картине мира. Метафора пронизывает все уровни познания (концептуализации), а именно а) уровень эмпирического познания, б) уровень понятийного, или базового, обобщения, а также в) уровень вторичного, или интерпретационно-оценочного осмысления. Следовательно, можно заключить, что метафора есть «сущность, способная проникнуть как в сферу вещей, так и в сферу понятий, концептов, образов, культурно детерминированных стереотипов и оценок» [3, с. 53]. Метафора является одним из основных способов создания вторичной номинации.

В исследованиях последних десятилетий метафора трактуется как «процесс семантической деривации, ведущий к расширению семантической структуры слова и развитию полисемии, либо как универсальная когнитивная операция “освоения” внеязыкового пространства, способствующая категоризации в ментальном пространстве человека поступающей извне информации в процессе познания им окружающего мира» [2, с. 209].

Таким образом, для метафоры как способа создания вторичной номинации важен контекст или речевая актуализация номинации. В изучении метафоры важен также тот момент, что она создается на фоне слов, употребленных в прямом значении [2, с. 209]. Метафора эмоциональна (по крайней мере, при первом своем употреблении) и выполняет характеризующую функцию. Вместе с тем, метафора информативна. Способность метафорических выражений не просто описывать окружающий мир, а интерпретировать и оценивать его, создавать новое знание об объектах, структурирующих реальность, на основе познанных свойств и признаков других объектов, моделируя тем самым новые концепты в сознании носителей того или иного языка, отличает метафоры от других номинативных единиц [4, с. 24].

При метафорическом переосмыслении основанием переносной номинации является сходство референта с каким-либо другим на основании их

общего признака, то есть в сознании отправителя речи наблюдается одновременное присутствие представления о двух гетерогенных явлениях, соотносящихся друг с другом по принципу сходства. Метафорический перенос осуществляется на основе ассоциативных признаков, то есть когда общий признак находится на периферии исходного значения [2, с. 210]. Следует отметить, что не все топонимические прозвища представляют собой чистые метафоры, то есть единицы, в которых происходит метафоризация всех компонентов (например, *Small Wonder*). В некоторых атрибутивных словосочетаниях метафорический перенос наблюдается в одном из компонентов вторичной номинации, в то время как второй компонент употребляется в буквальном значении (например, *Diamond State*).

Среди метафорических прозвищ штатов США можно выделить метафорические модели, основанные на следующих типах сходства: сходство внутреннего или внешнего признака, сходство в способе представления оценки или действий, сходство функции.

– **Сходство внутреннего признака** (92 ед.). В этой группе выделяется сходство одного из внутренних признаков изначальной и вторичной денотативной ситуации [1, с. 174]. Для создания некоторых вторичных топонимов этой группы используется прием – олицетворение, то есть приписывание свойств и признаков одушевленных предметов неодушевленным, например, *Lady of the Lake* «Озерная леди» – Мичиган; Северная и Южная Дакота имеют общее прозвище *Twin Sisters* «Сестры близнецы»; *Child of Mississippi* «Дитя Миссисипи» – Луизиана. Чаще всего штаты сравниваются с матерью: *Mother of Presidents* «Мать Президентов», *Mother of Statesmen* «Мать политических деятелей», *Mother of States* «Мать Штатов» – Виргиния; *Mother of Rivers* «Мать рек» – Колорадо, Миссури, Нью-Гэмпшир; *Mother of (modern) presidents* «Мать Современных Президентов» – Огайо; *Mother of Southwestern Statesmen* «Родина президентов, выходцев с Юго-запада» – Теннесси.

– **Сходство внешнего вида**, размеров, величины предметов и явлений, то есть в этой группе наблюдается «внешнее сходство первичных и вторичных денотативных ситуаций» [1, с. 174] (16 ед.).

Например, *Jumbo State* «Огромный штат / Штат, огромный, как слон Джамбо» – Техас. До принятия Аляски в состав США в качестве штата, Техас был самым большим по площади и одним из крупнейших по количеству населения. В американский вариант английского языка слово Джамбо (*Jumbo* – кличка огромного слона в цирке Барнума и Бейли в конце XIX – начале XX вв.) вошло в значении «необычайно крупный, огромный»; *Panhandle State* «Штат – ручка сковороды» – Западная Виргиния, напоминающая по форме сковороду с ручкой; *Canada's Florida* «Канадская Флорида» – Мэн, который по своему местоположению похож на Флориду, только если смотреть со стороны Канады.

– **Сходство в способе представления оценки** (22 ед.). В топонимиях этого типа прослеживается метафорических перенос на основе оценочных признаков. Существительное *paradise* имеет несколько значений, в которых проявляются его оценочные качества: 1) a place or situation that is extremely pleasant, beautiful, or enjoyable; 2) Heaven, thought of as the place where God lives and where there is no illness, death, or evil [6, 1026]. Эти положительные оценочные коннотации наблюдаются и во вторичных номинациях *Paradise of the Pacific* «Тихоокеанский рай» – Гавайи, *Boomers' Paradise* «Рай для ищущих легкой наживы» – Оклахома, *Sportsman's Paradise* «Рай для спортсменов», *Fisherman's Paradise* «Рай для рыбаков» – Луизиана.

Топонимическое прозвище *Diamond State* «Штат-бриллиант» – Делавэр получил потому, что, будучи маленьким по размерам, он играл очень большую роль в экономике страны. Томас Джефферсон назвал штат «алмазом» – в связи с его великолепным стратегическим положением на восточном побережье США. Благодаря своей живописной природе и разносторонней и достаточно мощной экономике штат называют еще и «маленьким чудом» – *Small Wonder*. Слово *wonder* несет в себе оценочные характеристики, что подтверждается в его дефиниции: «wonder – (n) a feeling of surprise and admiration for something very beautiful or new to you; (adj) very good and effective» [6, с. 1647]. Сложное слово *wonderland* несет такую же положительную коннотацию и встречается во вторичных номинациях следующих штатов: Мичиган – *Water Wonderland* (уст.) «Земля водных чудес» и *Winter Water Wonderland* «Земля зимних водных чудес»; Орегон – *Pacific Wonderland* «Тихоокеанская страна чудес».

В одном из прозвищ штата Арканзас – *Wonder State* «Штат чудес», в отличие от приведенных выше примеров, наблюдается стилистический приём – антифразис, заключающийся в употреблении слова или словосочетания в противоположном смысле, обычно ироническом. Решением сената штат Арканзас получил это название в 1923 г. явно в рекламных целях. Как и его официальное

прозвище *the Land of Opportunity* «Страна возможностей», оно призвано прикрыть собой неприглядную картину хронической безработицы и экономического упадка этого одного из самых отсталых штатов США. Штат Нью-Мексико также называют «землей (благоприятных) возможностей» *Land of opportunity*, что, в отличие от предыдущего примера, соответствует реальности. Штат имел такое прозвище из-за своей природной красоты, климата и промышленности. Нью-Мексико описывался как штат, который предлагал достаточно возможностей, чтобы оправдать надежды всех, приезжающих сюда жителей. В подтверждение этого можно привести еще одно рекламное прозвище штата, говорящее о его безграничных возможностях – *Land of Heart's desires* «Земля сердечных желаний».

Peace Garden State «Штат Сада Мира» – явно рекламное название штата Северная Дакота. Слово *garden* здесь призвано вызывать ассоциации, связанные с мирным сельским пейзажем, зеленым ухоженным полям, а положительная оценочная характеристика передается с помощью слова *peace*, которое обозначает – «a feeling of calmness and lack of worry and problems» [6, 1041]. В номинациях штата Южная Дакота *Land of Infinite Variety* «Земля бесконечного разнообразия» и *Land of Plenty* (уст.) «Страна изобилия» также ощущается положительная оценка. Во времена возникновения этих прозвищ считалось, что штат может прокормить в несколько раз больше населения, чем в нём тогда было, так как на каждую семью приходилось более 400 акров земли. А прозвища штата Орегон – *Hardcase State* или *The Land of Hard Cases* «Штат тертых людей» ассоциируется с трудными условиями жизни первых поселенцев в период колонизации штата.

Прилагательное *little*, входящее в состав топонимических прозвищ *Little Ida* (уст.) «Маленький Айдахо» и *Little Rhody* «Малютка Родии», указывает не только на маленький размер штатов, но и на ласкательное отношение к ним («*little* often suggests that you are talking about someone or something small that you are fond of or feel sympathetic towards» [6, с. 829]). Прилагательное *great* во вторичных номинациях *Great Land* «Великая Земля» – Аляска и *Great Central State* «Великий центральный штат» – Северная Дакота, выступает не только в значении «very large and impressive», но и в оценочном значении «very good; excelent» [6, с. 623]. Несомненная оценочность проявляется в топонимии *Sweetheart State* «Влюбленный / Любимый штат», несмотря на то, что появление этого прозвища связано с историческим фактом вхождения Аризоны в состав США 14 февраля 1912 года (в День Святого Валентина).

– **Сходство в способе представления действий или поведения** (11 ед.). В прозвище штата Мичиган *Wolverine State* «Штат Росомех» про-

слеживается сходство в поведении росомх и жителей Мичигана, которые с такой же жадностью и злостью отвоевывали земли у коренных индейцев Америки. В номинации *Lizard State* «Штат ящериц» – Алабама, происходит метафорический перенос значения по сходству между поведением ящериц и поведением жителей Алабамы. В Алабаме раньше действительно было много ящериц, а люди, подобно ящерицам, селились только возле водоемов или в лесах поблизости от них. Вторичная номинация Арканзаса *Bear State* «Медвежий штат» основано на ассоциации с грубостью и не тактичностью, приписываемой его жителям, особенно это касается жителей глухих районов Озаркских гор. А метафорический перенос по сходству в поведении бобров и жителей Орегона сначала отразился в прозвище жителей – *beavers* «бобры», а затем и во вторичной номинации самого штата – *Beaver State* «Бобровый штат».

Происхождение прозвища *Badger State* (шутл.) «Барсучий штат» – Висконсин, связано с историей свинцовых рудников в штате. Подобно барсучкам, рудокопы проводили большую часть времени под землей. Презрительное прозвище *Badger* «барсук», применительно к рудокопам, возникло в районе свинцовых рудников на границе штата Висконсин со штатами Иллинойс и Айова. *Blue Hen State / Blue Hen Chicken State* «Штат голубого петуха» – историческая номинация Делавэра, в которой сравнивается бойцовая отвага петухов с бойцовой отвагой солдат из этого штата. Слава о синих петушках распространилась среди солдат армии северян, и граждан штата Делавэр, которые бесстрашно сражались в боях за независимость страны, ассоциировали с этими храбрыми птицами. Существует несколько теорий происхождения прозвища *Sucker State* «Штат багариевых», относящегося к штату Иллинойс. Согласно одной из них, багариевые рыбы сравнивались с шахтерами, которые в огромном количестве приезжали с рудников

Галена в 1822 г. «Вы напоминаете мне багариевых: они все поднимаются по реке во время весеннего нереста и все снова спускаются вниз осенью» сказал М.Таунсенд (1890 г.). *Baked Beans State* «Штат печеных бобов» – прозвище штата Массачусетс и его жителей (*Baked Beans, Bean Easter*), которые в соответствии со строгими пуританскими правилами не имели права в воскресенье готовить пищу и довольствовались печеными бобами, оставшимися от субботы. *Puke State* «Рвотный штат» – Миссури. Говорят, что это неприятное прозвище появилось когда в 1827 г. состоялось большое собрание жителей на свинцовых рудниках Галена. Дж. Шанкл сравнил этот процесс с рвотным, написав: «...так много миссурийцев собралось, что собравшиеся заявили, что штат Миссури вырвало». *Stub-Toe State* (уст.) «Штат-спотыкач / Штат, где ноги собьешь» – так иногда в шутку называют штат Монтана, особенно высокогорную часть штата. *Bug-eating State* (презр.) «Штат, питающихся кузнечиками» – презрительное прозвище штата Небраска. Жители штата (*Bug-Eaters*) действительно в одно время пытались употреблять в пищу кузнечиков.

– **Сходство функции** (3 ед.). *Heart of South* «Сердце Юга», *Heart of Dixie* «Сердце Дикси» – штат Алабама, который является одним из основных южных штатов США; *Heart of it All* «Сердце всего» – Огайо. В этих номинациях прослеживается сходство первостепенной функции сердца в живом организме и важной функции, которую выполняют эти штаты в экономическом, политическом и социальном развитии страны. В этих примерах свойства и признаки одушевленных предметов приписываются неодушевленным, то есть наблюдается троп – олицетворение или персонификация.

Результаты количественного анализа продуктивности сходных характеристик, лежащих в основу исследуемых вторичных номинаций, приведены на рисунке 1.

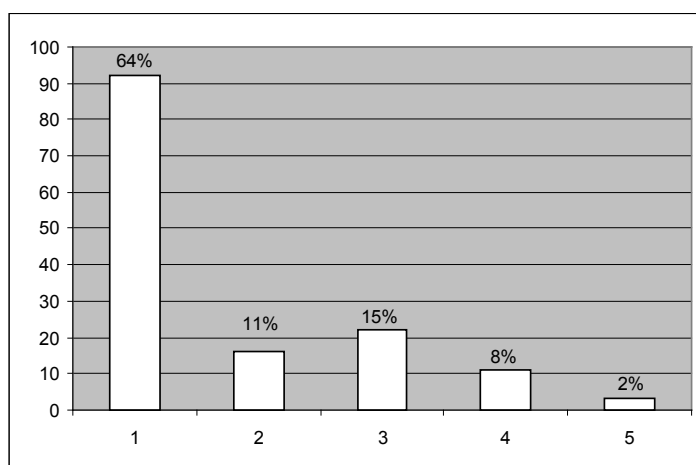

Рис. 1. Типы сходства, отраженные в метафорических моделях.

- 1) сходство внутреннего признака; 2) сходство внешнего признака; 3) сходство в способе представления оценки;
- 4) сходство в способе представления действий; 5) сходство функции

В результате количественного анализа метафорических топонимических прозвищ штатов США, было выявлено значительное преобладание метафорических моделей, основанных на сходстве внутреннего признака изначальной и вторичной денотативной ситуации (64%), второе место по продуктивности занимают сходства в способе представления оценки (15%), далее следует сходство внешнего вида (11%) и сходство в способе представления действий или поведения (8%). Наименее продуктивной является группа метафорических прозвищ, основанная на сходстве функций (2%).

Рассматривая метафору в аспекте культуры, мы имеем мощное средство выражения национально-культурной специфики осмысления окружающего внешнего и внутреннего мира. Метафора обладает способностью вбирать в себя «культурные коннотации» как интерпретацию «денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры», определяющие своеобразие культуры той или иной нации, пронизывающей все сферы человеческого бытия [5, с. 214]. В метафоре как особом языковом знаке отражаются культурные представления народа о мире.

УДК 811.511.151

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Кохан Н.А. Вторичная номинация как способ развития семантической структуры безэквивалентной лексики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – № 11. – С. 209–212.
3. Мухоморов Р.З., Самигуллина А.С. От вещи к символу: категории, которыми мы мыслим // Вестник Башкирского университета – 2011. – № 1. – Т. 16. – С. 53–62.
4. Панина Т.Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы // Научно-педагогический журнал восточной Сибири Magister Dixit. – 2012. – № 2. – С. 21–27.
5. Телия В.Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English 3-d edition. – Essex, England, 1995. – 1689 p.

Гаврилова Валентина Григорьевна

кандидат филологических наук
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
valgavrilova@rambler.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрено марийско-русское смешение кодов: использование одиночных элементов русского языка во фразах на марийском языке, стратегия интегрирования иносистемных единиц, их грамматические особенности.

Ключевые слова: марийский язык, русский язык, билингвизм, переключение и смешение кодов, матричный язык, гостевой язык, вкрапление, или включение.

В настоящее время в условиях двуязычия спонтанная неофициальная устная речь на марийском языке носит билингвальный характер: в ней соединяются единицы двух типологически разных, но тесно контактирующих марийского и русского языков. Особенностью двуязычной коммуникации является постоянное переключение с марийского языка на русский язык либо включение разных по объему неадаптированных элементов русского языка во фразы на родном марийском языке. В статье излагаются результаты изучения одиночных единиц русского языка в высказываниях на марийском языке: стратегия интегрирования иносистемного элемента во фразу, грамматические особенности иноязычных слов. Эмпирический материал извлечен из транскриптов диктофонной записи современной спонтанной неофициальной речи. Переключение и смешение кодов понимается как явление, обусловленное социальными характеристиками говорящего и самой ситуацией общения, поэтому при сборе фактиче-

ского материала фиксировались сведения о возрасте и образовательном уровне информантов.

Для обозначения одиночной морфологически неадаптированной словоформы русского языка внутри фразы на марийском языке используется термин вкрапление, или включение. В.И. Беликов, Л.П. Крысин отмечают, что вкрапление сохраняет иносистемный облик, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими [1, с. 18]. Словарь социолингвистических терминов определяет вкрапление как использование языковой единицы с сохранением признаков (фонетических, грамматических), свидетельствующих о ее иносистемном характере (принадлежности к другому языку, диалекту, стилю) [4]. Существуют также другие термины для обозначения исследуемого явления. Р.Т. Белл называет такие единицы словами-прослойками, вклинивающимися между структурными элементами другого языка [2, с. 187].

А.Е. Карлинский использует термин «интеркаляция», сущность которого заключается, по мнению ученого, в использовании билингвом элементов второго языка, имеющих эквиваленты в его родном языке [3, с. 127]. Таким образом, вкрапление представляет собой единицу, сохраняющую в составе фразы на одном языке формальные грамматические признаки другого языка, обозначаемого в социолингвистике термином «гостевой язык» по отношению к принимающему основному, или матричному языку. Относительно нашего материала вкраплениями являются слова со словоизменительными формантами русского языка в составе фраз на марийском языке.

Интеграция включений во фразу осуществляется по синтаксическим правилам марийского языка как основного: включения замещают конгруэнтные по смыслу и по морфологическим характеристикам эквивалентные единицы матричного языка, сохраняя порядок слов и выполняя те же синтаксические функции.

Словоформы, сохраняющие все формальные признаки русского языка, относятся к различным частям речи. В статье рассмотрены грамматические особенности включений, относящихся к знаменательным частям речи.

Неадаптированные именные группы слов выступают в форме числа и падежа русского языка, не утрачивая родовые различия, например, неосвоенные имена существительные: *У-у, музыкальный-шамыч вара кычкырат, пальчики пытареда, пальчики* ‘У-у, учителя музыкальной школы (букв. музыкальные) ругаются потом, пальчики испортили, пальчики’ (Зинаида, 60 лет, обр. высш.); *Вара, значит, Казань дечын мошко... Озанг дечын по Волге* ‘Потом, значит из Казани куда... из Казани по Волге’ (Вячеслав, 54 года, обр. высш.). В устных высказываниях представлены все возможные лексико-грамматические разряды имен существительных русского языка.

Вкрапления-имена прилагательные, в основном качественные, например: *Тыгай кызыт гордая лийын* ‘Такая гордая стала сейчас’ (Татьяна, 35 лет, обр. сред.); *Тоже ватыже простая тыгай, кутырас, тыгай пеш ынде обшительная ватыже пеш* ‘Жена тоже такая простая, разговаривает же, его жена такая очень обшительная’ (Маргарита, 52 года, обр. сред.).

Неосвоенные местоимения-вкрапления в меньшей степени включаются в устную речь, например: *Дык мыланна тō(р)штылашыже некому тушто* ‘Так некому из нас там баловаться (букв. прыгать)’ (Ольга, 17 лет, обр. неполн. сред.); *Кузе марлан толыныт, кузе иленыт, кузе чего..., кузе нужна, кузе ту кўчызō ўдыр да мо да* ‘Как выходили замуж, как жили, как чего..., как бедно, как она была нищенкой и так далее’ (Надежда, 45 лет, обр. высш.).

Зафиксированы также случаи использования местоименного вопросительного слова *как*, напри-

мер: *Как логалын огыл, мый вич ий Киргизийыште лийынам, урано-рудныйым луктынам* ‘Как не случилось, я пять лет был в Киргизии, уран и руду (букв. урано-рудное) добывал’ (Тойбулат, 79 лет, обр. сред.); *Как ок кай тудо, шинче наблюдательлан хотя бы* ‘Как она не пойдет, посиди хотя бы наблюдателем’ (Вячеслав, 54 года, обр. высш.).

Личные местоимения русского языка не употребляются в речи на марийском языке. Исследователь Г.Н. Чиршева отмечает, что самостоятельно, в качестве вкраплений, местоимения гостевого языка появляются редко [5, с. 25]. Это положение подтверждается и в нашем исследовании.

Включения-имена числительные представлены в речи информантов следующими разрядами:

– количественные, например: *Сорок семь... кудло визыт огыл мо?* ‘Сорок семь... разве не шестьдесят пять?’ (Александр, 38 лет, обр. сред.); *Уже кызыт три песьт ма, мыняре... три песьт, помоему, те У ий дечын нылыт лиеш, май* (лит. мане) ‘Уже сейчас стоит три пятьдесят, вроде, сколько... три пятьдесят, по-моему, сказали, что вот с Нового года будет четыре’ (Александр, 60 лет, обр. сред.);

– дробные, например: *Мыйын плюс два с половиной, плюс три, мылам дальн... мый мўндырк(ō) пеш ужам* ‘У меня (зрение) два с половиной, плюс три, мне дальн... я далеко хорошо (букв. очень) вижу’ (Аркадий, 60 лет, обр. сред.); *Пашаже мыйын ноль пять ставке гына* ‘Работы у меня лишь на ноль пять ставки’ (Татьяна, 34 года, обр. сред.).

Неадаптированное порядковое числительное зафиксировано только в одном примере *Мемнан тунемме годымат Казаньыште самый тиде мо... девяностые годат, девяностый год-шачет да мо да, тунам пеш чот мо лийын, но кызытше спокойнырак Казаньыште все равно тудо* ‘Когда мы учились, в Казани в эти самые... в девяностые годы, в девяностые годы и так далее, тогда было очень (неспокойно), но сейчас в Казани все равно спокойнее’ (Игорь, 36 лет, обр. высш.). Имя числительное употреблено в составе вставленного полуадаптированного сочетания.

Для выражения приблизительного количества сочетаются:

– включения *где-то* или *примерно* гостевого языка + имя числительное матричного языка, например: *Шымше верым налын, ну где-то кудымшо-шымше* ‘Занял седьмое место, ну где-то шестое-седьмое’ (Валентин, 59 лет, обр. высш.); *Коло тўжем примерно, уке мо?* ‘Разве нет примерно двадцати тысяч?’ (Владислав, 27 лет, обр. высш.);

– включение числительного гостевого языка + *ала-мынар* ‘несколько’ матричного языка, например: *Параньга ти уже пять ноль восемь кая... городской мо дене, мемнан три ала-мынар кая* ‘В Паранье платят (букв. идет) уже пять ноль восемь... по городскому тарифу (букв. этому), у нас три с чем-то’ (Сергей, 33 года, обр. сред.); *Имаште*

мемнан, вообще, сессий тўнгалын то ли десятый-ыйште, то ли лат... ала-могайыште 'В прошлом году сессия у нас началась, вообще, то ли десятого, то ли (букв. ...надцать какого-то)' (Дина, 19 лет, обр. неполн. высш.).

Случаев включения собирательных и неопределенно-количественных имен числительных русского языка не зафиксировано.

Глаголы-включения представлены как инфинитивом, так и финитными формами глагола. Инфинитив может выступать одиночно в функции главного члена предложения, например: *Кӱргӱ коят, тудым лиеш ие, растворить, растопить ие?* 'Внутреннее сало, можно ли его, растворить, растопить, да?' (Раисия, 70 лет, обр. высш.); *Мый эше каем ыле, Параньгаите лиям гынат, вот садикыи тидым пристроить* 'Я бы еще пошла, если хотя бы жила в Паранье, чтобы вот пристроить её в садик' (Людмила, 39 лет, обр. высш.).

Неадаптированный инфинитив-вкрапление в сочетании со спрягаемыми формами глагола марийского языка образует смешанное составное глагольное сказуемое. Порядок следования компонентов такого сказуемого, в основном, диктуется марийским языком как матричным. В смешанном составном сказуемом возможны следующие комбинации:

1) инфинитив гостевого языка + фазовый глагол *тўалаш* 'начать, начинать', например: *Бӱнде компьютерет изии заклинивать тўалын* 'Компьютер уже начал заклинивать немного' (Сергей, 33 года, обр. сред.);

2) инфинитив гостевого языка + модальные глаголы *лиеш* 'можно', *кўлеш* 'надо, нужно', например: *Перевоспитать лиеш, малдалеш* 'Можно перевоспитать, говорит' (Зинаида, 60 лет, обр. высш.); *Пыртак подтянуть кўлеш тыште тудым* 'Здесь надо подтянуть ее немного' (Владислав, 27 лет, обр. высш.).

Возможны и случаи нарушения порядка слов марийского языка, например: *Ялыштак ну иктаж-мом кўлеш организовать ялыште, штоб иктаж паша местам почаш* 'В деревне же нужно организовать что-нибудь, в деревне, чтобы создать какие-нибудь рабочие места' (Владислав, 27 лет, обр. высш.); *И шонем варажым, ончычрак мылам кўлеш ыле подойти ие, мыет ӱрын шогем, чылан шогат да, мо мыят шогем* 'И думаю потом, мне нужно было подойти пораньше, я была смущена, все стоят, и я стою' (Маргарита, 52 года, обр. сред.).

Обратного переключения в выше рассмотренных комбинациях не наблюдается, например: инфинитив ОЯ + модальный глагол ГЯ. С точки зрения грамматики марийско-русского смешения недопустимыми являются сочетания *мураш можно, мураш надо*, то есть существуют определенные ограничения в валентности единиц. Включения *можно* и *нужно* также влекут за собой не-

освоенный инфинитив, например: *Первый семьсь восьмой годышто, уй, ти сразу шарнаш огеш лий тум, посидеть надо, подумать* 'Сперва в семьдесят восьмом году, уй, сразу нельзя вспомнить это, надо посидеть, подумать' (Валентин, 59 лет, обр. высш.); *Йочажым кызыт встречать надо, провозжать надо* 'Сейчас надо встречать, надо провозжать ребенка' (Елена, 35 лет, обр. сред.). В последних примерах наблюдается интерферентный порядок следования частей составного сказуемого.

Финитные формы-включения сохраняют форманты рода, числа, лица, времени, вида, наклонения русского языка. В речи употребляются следующие формы глаголов в функции простых глагольных сказуемых:

– положительные формы, например: *Тый мыйын правам переоформил, манеш* 'Ты переоформил мои права, говорит' (Сергей, 33 года, обр. сред.); *Тый мо ден преподаешь вара?* 'Что ты преподаешь?' (Александр, 38 лет, обр. сред.); *Ача тушто работает* 'Папа работает там' (Мамич, 15 лет);

– отрицательные формы, например: *Кызыт не занимается мо тин (тидын) ден?* 'Не занимается что ли сейчас этим?' (Сергей, 33 года, обр. сред.); *Мый пешыжак не общаемся ала-молан* 'Мы не общаемся особенно почему-то' (Татьяна, 35 лет, обр. сред.).

Финитная форма включения может образовать смешанное составное глагольное сказуемое с инфинитивом марийского языка, например: *Не стараюсь кутыраш* 'Не стараюсь говорить' (Лариса, 31 год, обр. сред.); *Историйыи каяш хотел да вара передумал* 'Хотел поступить на исторический факультет (букв. на историю), но потом передумал' (Игорь, 36 лет, обр. высш.). Порядок следования частей сказуемого может варьироваться, ср. *не стараюсь кутыраш* 'не стараюсь говорить' и *каяш хотел* 'хотел поступить'.

В основном в речи употребляются смешанные составные глагольные сказуемые, случаев включения целой глагольной группы мало, например: *А кызыт мый погулять хочу* 'А сейчас я хочу погулять' (Николай, 25 лет, обр. сред.); *Йўдым Домодедовышко ала-мо ден должна добираться* 'На чем-то должна добираться ночью в Домодедово' (Маргарита, 52 года, обр. сред.).

В устных высказываниях представлены также вкрапления-безличные глаголы, например: *Ала тошнит, ок керт тошнитлен, тугай чот неле* 'То ли тошнит, то ли не тошнит, так тяжело' (Зинаида, 60 лет, обр. высш.); *Тыште бытовуха ала-могай, мыйым вара раздражает мӱнгыштӱ* 'Здесь какая-то бытовуха, потом дома меня начинает раздражать' (Людмила, 39 лет, обр. высш.). Безличный глагол гостевого языка может сочетаться с инфинитивом матричного языка, например: *Могай малаш возаш, кочкаш шолтым огыл, кочкаш шолташ пришлось* 'Как ляжешь спать, кушать не

сварено, пришлось варить кушать' (Елена, 35 лет, обр. сред.); *Армийыш коднем ыле да, укес, не получилось армийыш кодаш* 'Хотел остаться в армии, но нет, не получилось остаться в армии' (Николай, 27 лет, обр. сред.).

Зафиксирован лишь один случай сочетания глагола-связки русского языка и именной части на марийском языке, например: *Паша ту есть паша* 'Работа она есть работа' (Николай, 25 лет, обр. сред.).

Включенные причастия, например: *Тушто тыге Геран изаже как раз Валерикше зафиксировано*, кузе тудо прыжокыш тб(р)шта, но, прямо полетышто 'Там как раз брат Геры Валерик так зафиксирован, как он прыгает, но, прямо в полете' (Вячеслав, 54 года, обр. высш.); *Тыгай можсо... тыге заведено*, копейкым нумалаш огыл манын 'Такой это... так заведено, чтобы не носить мелочь' (Людмила, 39 лет, обр. высш.).

Неадаптированные одиночные деепричастия используются очень редко, например: *И можсо... управляющийже, и агрономжо мемнан тыгай ала-могай тыгай ушдымо гай, как со скотинами обращались, мат-перемат, и не объясняя* колтат ынде 'И этот... управляющий, и агроном наш такие какие-то как сумасшедшие, обращались как со скотиной, мат-перемат, и увольняют, не объясняя' (Маргарита, 52 года, обр. сред.).

Неадаптированные наречия и наречные выражения, слова категории состояния широко используются во фразах на марийском языке, например: *Кутырем, нехотя кутырен шинчем кызыт* 'Разговариваю, нехотя разговариваю сейчас' (Сергей, 33 года, обр. сред.); *Мом... оксам тўлен, налично* нална олаште мраморжым 'Это... заплатив денег, купили мрамор в городе налично' (Герман, 62 года, обр. сред.); *Ой, тугай чот обидно вет* 'Ой, очень обидно ведь' (Маргарита, 52 года, обр. сред.).

Таким образом, иносистемные элементы, включаемые в спонтанную неофициальную устную речь мари, представляют собой все возможные лексико-грамматические разряды слов, относя-

щихся к знаменательным частям речи. Включение единицы русского языка или адаптация различной степени варьируются в зависимости от лексико-грамматических разрядов слов: особенно активно без ограничений используются неадаптированные имена существительные, имена прилагательные, количественные и дробные имена числительные, личные формы глаголов, наречия и слова категории состояния, сохраняющие все формальные признаки русского языка. Наиболее легко и беспрепятственно включаются иноязычные наречия и слова категории состояния, так как они связаны с другими словами предложения только по смыслу посредством синтаксической связи примыкания. В меньшей степени употребляются порядковые, собирательные, неопределенно-количественные имена числительные, местоимения, неопределенная форма глагола, деепричастия гостевого языка. Порядок и сочетаемость слов также влияют на возможность использования чужеродного элемента. Фразы, содержащие включения из русского языка, можно охарактеризовать как смешанные билингвальные, но, несмотря на использование единиц русского языка, основным языком коммуникации является родной марийский язык.

Библиографический список

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., 2001. – 439 с.
2. Белл Р.Т. Социолингвистика: цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.
3. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 180 с.
4. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.http://sociolinguistics.academic.ru> (дата обращения: 03.04.2013).
5. Чиришева Г.Н. Двухязычная коммуникация. – Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2004. – 189 с.

**ИЗУЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА М. ЦВЕТАЕВОЙ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье обосновывается актуальность рассмотрения поэтического языка М. Цветаевой в гендерном аспекте, определяются пути комплексного филологического анализа лирического дискурса с учётом гендерного измерения.

Ключевые слова: гендер, дискурс, филологический анализ текста, поэтический язык.

Гендерная проблематика начала развиваться в современной лингвистической парадигме позже, чем в других гуманитарных науках. Однако к настоящему времени накоплен значительный теоретический материал по вопросам «гендера», и гендерное измерение активно применяется при решении конкретных лингвистических и литературоведческих (в значительно меньшей степени – филологических) задач. Сейчас особо пристальное внимание уделяется рассмотрению в гендерном аспекте творчества того или иного писателя (см., например, статьи Ю.А. Жаданова «Гендерные аспекты творчества М. Этува», О.В. Калугина «Гендерный аспект в изучении творчества А.С. Голубкиной» и др.), описанию гендерных концептов в художественной картине мира прозаиков/драматургов/поэтов (см. дис. Н.А. Паланчук «Гендерная концептосфера в дискурсе драматургов-елизаветинцев», Д.В. Семёновой «Гендерный аспект концептуального анализа лексем “мужчина” и “женщина”» и др.), изучению женской прозы/поэзии и проблем гендерной поэтики (см. статьи С. Охотниковой «Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики», Т. Мелешко «Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте», О.А. Варданян «К вопросу о гендерной природе поэтических текстов» и др.), исследованию гендерных особенностей лексики в языке художественных произведений (см. статьи Н.Н. Морозовой «Гендерные особенности лексики в языке художественных произведений И.А. Бунина», Л.Н. Козловой «Гендерный аспект разговорности в произведениях Л. Улицкой» и др.) и разработкам принципов гендерного анализа текста и дискурса (см. дис. А.А. Коробейниковой «Мужчина глазами женщины: лексический аспект», О.Н. Прокудина «Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности» и др.). Все без исключения исследователи, учитывающие роль гендерного фактора в процессе осмысления различных филологических проблем, указывают на то, что изучение гендерной фактуры языкового материала способствует формированию нового взгляда на литературное произведение и расширяет границы существующих направлений интерпретации текста.

Внимание большого числа исследователей привлекает Серебряный век – как новая эпоха в раз-

витии русской культуры, ознаменовавшая смену мировоззренческих, этических, художественных и других ориентиров, а также наметившая формирование новой истины в отношениях между мужчиной и женщиной. Традиционно считалось, что свойственные мужчине качества являются подлинно человеческими, в то время как всё женское характеризовалось отклонением от нормы, второстепенностью / второсортностью и непосредственной зависимостью от мужчины. В философии Серебряного века многие русские мыслители начали развивать идею о комплиментарности мужского и женского начал и об их равноценности, продолжая, однако, предписывать женщинам определённую роль и пытаясь делимитировать их социальное пространство сферой домашнего очага [8, с. 143–144]. Однако именно в эпоху Серебряного века начинают довольно выразительно звучать женские голоса, затрагивая в своих рассуждениях сложные общественные темы и разнообразные философские вопросы, как-то: проблему одиночества, смысла жизни, принципы бытия, исторической миссии поэта и др. Женщины-писательницы (Анна Бунина, Каролина Павлова, Зинаида Гиппиус, Поликсена Соловьёва, Софья Парнок и др.), обращаясь к самым разнообразным темам, заставляли говорить о себе, но литературный бомонд не всегда положительно отзывался о женском творчестве. В критике часто «сквозит мужская неприимчивость, не желающая согласиться с тем, что женщина берёт на себя смелость судить о вещах, издавна являющихся негласной прерогативой мужского круга» [6], на литературной арене звучит беспощадная мужская критика в адрес женщин, держащих в руке перо не от скуки, а с целью заявить о себе и отвоевать право на свою точку зрения; более того, женщины, решившие заняться литературой, характеризовались как «мужественные» женщины, в натуре которых преобладают мужские черты [7, с. 159–160]. Тем не менее именно в этот период был брошен решительный вызов патриархальной культуре, и интенсивное развитие женского движения во всех сферах жизни способствовало разрушению стереотипа о том, что женщина лишена творческой энергии и не способна воплощать свои духовные потребности в творческом акте.

Из общего ряда «пишущей» интеллигенции резко выделялась своей непохожестью и поэтиче-

ской независимостью восемнадцатилетняя Марина Цветаева. Её первый сборник, несмотря на то что был выпущен по причинам внелитературным, а «взамен письма» к человеку, с которым иначе изъясниться она не могла [11, с. 78], был положительно встречен мэтрами поэтического слова. Так, В. Брюсов, выступавший с острой критикой современной поэзии, которая, по его мнению, была «обречена на подражательность», в целом одобрительно принял первый сборник Цветаевой, отметив, однако, чрезмерную «домашность и пресность» книги, больше похожей на интимный дневник [цит. по: 12, с. 28–29]. Ещё один маститый поэт, М. Волошин, по достоинству оценил «дневниковую» искренность «Вечернего альбома». По его наблюдениям, Цветаева в отличие от других женщин-поэтов, которые часто скрывали свою женственность и в стихах предпочитали мужскую маску, предложила «новый, еще не рассказанный облик женственности» [2]. «Вечную женственность» в стихах молодой Цветаевой и её заинтересованность вопросами пола подметила в своей рецензии «Литературный дневник» М. Шагинян [10]. В позднем творчестве Цветаевой, так непохожем на раннее, появились трагические обертоны, во многом изменилась как тематика произведений, так и сама лирическая героиня, однако в нём по-прежнему слышна увлечённость поэта проблемами взаимоотношений полов. Литературная критика зрелого творчества Цветаевой также меняет свою направленность: акцентируется не женственность, а сила духа поэта. И. Бродский, например, утверждает, что мужской и женский голоса в поэзии отличаются только глагольными окончаниями, и голос Цветаевой (*Други! Братственный сонм!*) – голос не женщины, а самой трагедии и «колоссального неблагополучия», поэтому он называет Цветаеву «Иовом в юбке» [1, с. 57]. Подобные ассоциации близки восприятию Цветаевой своего жизненного и творческого пути. Так, в письме к К.Б. Родзевичу она писала: «Другой мне всегда мешал, это была стена, об которую я билась, я не умела с живыми! Отсюда сознание: не – женщина – дух!» [9, т. 6, с. 660]. В другом письме, адресованном А.В. Бахраху, читаем: «Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала и не женщина к Вам пишет, то, что *над*, то, с чем и чем *умру*» [9, т. 6, с. 616]. В письме Ю.П. Иваску Цветаева говорит следующее: «Во мне всё сосуществовало, создано было, с самого начала: с самого моего двухлетия и рождения и до-рождения, с самого замысла матери, хотевшей, решившей сына Александра (оттого я и вышла поэт, а не поэтесса)» [9, т. 7, с. 394]. В записных книжках, рассуждая о причинах, по которым её не любили люди (мужчины), Цветаева признаётся: «Боялись моего острого языка, “мужского ума”, моей правды, моего имени, моей силы и, кажется, больше всего – моего бесстрашия – самое

простое: – просто не нравилась. “Как женщина”. Т.е. мало нравилась, п.ч. этой женщины было – мало» [9, т.8, с.495]. Как мы видим, «гендерный модус сознания» [13, с. 119] Цветаевой с самого раннего творчества вплоть до последних строк, написанных её рукой, определял общую платформу лирических произведений, в которой основными ориентирами и предметами рефлексии были взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

Поэтому, на наш взгляд, актуально рассмотрение творческого наследия Цветаевой через призму гендерных отношений. К интерпретации художественных текстов данного автора с применением гендерного инструментария уже обращались как зарубежные, так и отечественные филологи, однако их работы носили фрагментарный характер.

Среди исследователей, занимающихся изучением категории гендера в текстовом пространстве Цветаевой, можно отметить следующих: Е. Еврашкина (2011), И.П. Зайцева (2006), А.В. Курьянович (2004), Д.В. Минец (2012), А. Хрынык (2012), Л. Шевченко (2011), М. Stadter Fox (2001), А. Filonov Gove (1977), R. Ingebrant (1998), S. Karlinsky (1986) и S. Sandler (1990). Комплекс интерпретативных отечественных направлений разнообразен: предпринимались попытки осмысления эпистолярного наследия автора с учётом гендерного фактора; объектом рассмотрения становились «Сводные тетради», на материале которых устанавливалось соотношение мужского и женского начал в образах и именах; представлялся сопоставительный анализ своеобразия сафического (лесбийского) дискурса С.Я. Парнок и Цветаевой. Следует отметить, однако, что исследования данной проблематики, в основном, ограничены литературоведческими рамками, и до сих пор уделялось мало внимания лингвистическому описанию текста/дискурса.

Находясь в постоянном поиске и утверждении своей творческой идентичности, Цветаева часто эксплуатировала в своих произведениях проблемы гендерного самоопределения героини. В ранних произведениях Цветаева задаётся вопросом: что значит быть женщиной? Результат подобных размышлений отражен в произведениях зрелого периода, где особое внимание уделено описанию героических женщин и женщин, пытающихся порвать сети традиционных представлений о гендерных ролях. Женские образы Цветаева часто заимствует из исторического контекста, а также литературы, мифов и фольклора, но предлагает собственное прочтение общеизвестных текстов. Цветаева в целом ряде произведений ставит проблему равноправия между мужчиной и женщиной, и индивидуально-авторские трансформации мужского и женского становятся доминантой идиостилия поэта. Своим творчеством Цветаева хотела доказать, что очень важно преодолеть традиционную социальную-культурную бинарную оппозицию, противополо-

ставляющую мужчину женщине, утвердив общечеловеческий характер искусства. В произведениях Цветаевой слова «женщина» и «женский» теряют характерную тому времени коннотацию второстепенности и приобретают жизнеутверждающую силу. В «Герое труда» читаем: «...есть в поэзии признаки деления более существенные, чем принадлежность к мужскому или женскому полу... Женского вопроса в творчестве нет: есть женские, на человеческий вопрос, ответы, как-то: Сафо – Иоанна д'Арк – Св. Тереза – Беттина Брентано» [9, т. 4, с. 38]. Ещё одно подтверждение того, что Цветаева отказывалась связывать творчество с проявлением пола, находим в отрывке из письма Р.Г. Гулю: «Божественная комедия – пол? Апокалипсис – пол? Farbenlehre и Фауст – пол? Весь Сведенборг – пол? Пол – это то, что я отрясаю. Основа творчества – дух. Дух, это не пол, вне пола» [9, т. 6, с. 530].

В заключение стоит отметить, что до настоящего времени не представлено комплексного филологического анализа поэтического дискурса М. Цветаевой с учётом гендерного измерения. Подобный принцип анализа можно считать наиболее актуальным, так как он способствует более полному раскрытию системы смыслов произведений и воссозданию художественной картины мира поэта.

Библиографический список

1. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М.: Эксмо, 2012. – 448 с.
2. Волошин М. Женская поэзия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tsvetayeva.com/voloshin-1.php> (дата обращения: 20.06.2014).
3. Евграшкина Е., Шевченко Л. «Сафический» дискурс: ключ к пониманию некоторых текстов С.Я. Парнок и М.И. Цветаевой // Современный дискурс-анализ. Дискурсивные репрезентации гендера и сексуальности. Электронный журнал. – 2011. – Вып. 5. – С.49–56.
4. Курьянович А.В. Проявление авторского женского начала в письмах М. Цветаевой: опыт гендерной интерпретации текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные науки (филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 37–40.
5. Минец Д.В. Концепты идентичности в «Сводных тетрадах» М.И. Цветаевой: гендерный аспект // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский издательский дом, 2012. – №2. – С.178–183.
6. Михайлова М. Диалог мужской и женской культур в русской литературе Серебряного века: «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_b.htm (дата обращения: 20.06.2014).
7. Михайлова М. Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины // Intelligencja: tradycja i nowe czasy. – Krakow, 2001. – С. 159–172.
8. Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). – Иваново: Юнона, Ивановский государственный университет, 1999. – 359 с.
9. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: ЭллисЛак, 1994–1995.
10. Шагинян М. Литературный дневник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tsvetayeva.com/shaginyan-4.php> (дата обращения: 20.06.2014).
11. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. – Fontenay-aux-Roses: Синтаксис, 1988. – 538с.
12. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 464с.
13. Panek Inna. Поэзия слов и красок в эпоху модернизма. Disertační práce. – Brno, 2013. – 238 с.

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена проблеме перевода, которая тесно связана с вопросом сохранения национальных особенностей оригинального текста.

Ключевые слова: текст, художественный перевод, переводчик, национальное своеобразие.

Для воссоздания художественного произведения на другом языке большое значение имеет сохранение и выражение в переводе ряда важных моментов национального своеобразия, в которых отражаются особенности среды обитания, образа жизни и менталитета нации. «Без местного колорита в обстановке, лицах не могут обходиться настоящие романы, настоящие повести. Без местных красок и национальных обычаев, мыслей, национальных характеров в действующих лицах нет вида реальности – ни в правдоподобию в действии, ни осязательности в действующих лицах», – писал в свое время Н.Г. Чернышевский [18, с. 129]. Поэтому, как справедливо отмечает другой исследователь, теперь уже наш современник, «поступки, обычаи, связанные с национальной принадлежностью, должны быть сохранены в переводах, ибо они придают произведению национальную окраску» [16, с. 37].

Однако наиболее ощутимые потери при переводе несут именно произведения с ярко выраженным национальным своеобразием, национальным колоритом. Национальное своеобразие пронизывает всю структуру художественного произведения, является не переменным фактором его высокой художественности. В связи с этим В.Г. Белинский писал: «Чем выше произведение в художественном отношении, тем оно и национальнее» [1, с. 317].

«Вопрос о передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан, – писал А. Федоров, – относится к числу тех основных проблем теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о переводимости» [17, с. 279]. Отсюда и высокая частотность обращения исследователей (как теоретических, так и практических проблем перевода и переводоведения) именно к проблеме сохранения национального своеобразия подлинника в процессе перевода.

В современной науке под национально-культурной спецификой в основном понимаются природно-географические, социально-исторические факторы, определяющие особенности жизни того или иного этноса [12, с. 18, 29]. В качестве одного из основных критериев национально-культурной специфики наука выделяет условия деятельности. Различия в условиях реализации разных культур,

естественно, создают национально-культурные варианты осуществления сходных деятельности [9, с. 96]. Только контакт с другими культурами, сравнение своей и чужой выявляют дифференциальные признаки культуры [3]. Более того, известно, что локальная культура характеризуется совокупностью общего и специфического. Однако неправомерно сводить единство культуры к совокупности некоторых особенностей. Весьма однозначно по этому поводу высказывается А. Моль: «Рисовать тип культуры как набор характерных черт свойственно только карикатуре или жанровому очерку» [10].

В каждой культуре наличествует общечеловеческое начало, которое и подпитывает тягу к познанию особенностей инонациональной культуры. Но подобное возможно путем установления контакта между культурами. Среди признаков, составляющих локальную культуру, выделяются три группы: а) общечеловеческое, неспецифическое; б) характерное только для группы локальных культур – относительно специфическое; в) характерное только для данной локальной культуры – абсолютно специфическое. Вместе с тем, даже между сходными культурами наличествуют культурологические дистанции.

Как уже было сказано, только в процессе межкультурной коммуникации, общения между двумя культурами формируется понимание специфического, присущего миропониманию конкретного этноса, данной конкретной культуре. Одним из конститутивных определяющих компонентов национальной специфики может считаться язык социума, играющий роль важнейшего условия выражения национальной культуры и выполняющий еще и функцию инструмента для межкультурного диалога.

В качестве компонентов, придающих той или иной культуре национально-специфическую окраску, также можно назвать свойственные носителям той или иной культуры: а) традиции, обычаи и обряды; б) организацию быта; в) нормы и правила их повседневного поведения; г) «национальные картины мира», национальные особенности мышления; д) художественную культуру, отражающую общекультурную традицию этноса.

Известно, что человек воспринимает чужую культуру через призму своей локальной культуры, чем и объясняются нередкие случаи непонимания

или же неадекватного восприятия специфических моментов инациональной культуры.

Для обозначения специфических, нетрадиционных для локальной культуры элементов чужой культуры ученые прибегают к специальным понятиям-терминам, наиболее часто встречающимся из которых, на наш взгляд, является понятие «лакуна», которым обозначаются явления, предметы, представления и т.д., бытующие в одной локальной культуре и отсутствующие в другой. Такая лексическая «нефиксированность» понятий, явлений в переводящем языке наблюдается как на уровне слов, так и словосочетаний. Лакуны, в свою очередь, принято делить на абсолютные и относительные. Абсолютными считаются лакуны, «если их эквиваленты в другом языке не могут быть переданы при помощи одного слова, а лишь посредством словосочетания» [11, с. 31]. Другими словами, смысл специфического для той или иной нации понятия передается на другом языке описательно, посредством развернутого словосочетания. Лакуны считаются относительными, если «слово и словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко» в сравнении с языком оригинала [13, с. 121].

Выделяются языковые (лексические, грамматические, стилистические), и культурологические (этнографические, психологические, поведенческие и др.) лакуны. Для того чтобы стать понятными реципиенту, некоторые лакуны требуют своей интерпретации (эксплицитные лакуны), другие же остаются в «зоне нечувствительности» (имплицитные лакуны).

Лакуны чаще всего проявляются в художественном переводе. Поэтому, на наш взгляд, необходимо подробно остановиться на некоторых вопросах методологии художественного перевода. В своей монографии «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» Г.Р. Гачечиладзе, предлагая «подойти к процессу перевода иноязычного произведения на наш родной язык как к процессу познания до того неизвестного нам чужого мира, выраженного в своей органической языковой и художественной форме», спрашивает: «Можно ли применить общие законы познания к этому процессу и откроется ли нам тогда сущность явления?» [4, с. 104].

Отвечая на поставленный вопрос и применяя при этом к переводческому процессу законы познания, ученый приходит к следующим выводам. Во-первых, если познание само по себе является вечным, бесконечным процессом, то познание иноязычного произведения, как и любого другого предмета, не может быть исчерпывающим и окончательным. Если так, то объективно могут сосуществовать множество переводов одного и того же подлинника. Нетрудно заметить, что существование различных переводов одного и того же произ-

ведения является результатом творческого подхода переводчиков к оригиналу, что соответственно подразумевает творческую индивидуальность переводчика, который не только проникается мировосприятием, мироощущением автора, но, хочет он этого или нет, еще и выражает собственное мировидение, мироощущение. Исходя из творческого отношения переводчика к подлиннику, автор указанной работы солидаризируется с Иржи Левым, сформулировавшим три основных пункта требований к переводу: 1) постижение подлинника; 2) интерпретация подлинника; 3) перевыражение подлинника [7, с. 59]. Во-вторых, если произведение является художественным отражением действительности (то есть опосредованным ее воплощением в художественном целом в единстве ее формы и содержания), а перевод – отражением этой художественной действительности, то последнее представляет собой попытку воссоздания подлинника в единстве его формы и содержания. Значит, подобно тому, как художественная действительность условна по отношению к реальной действительности, перевод тоже условен по отношению к художественной действительности оригинала. В-третьих, в процессе отражения происходит взаимодействие объекта и субъекта. Объектно-субъектные отношения в творчестве переводчика имеют ту же природу и подчиняются тем же законам, что и в творчестве автора оригинала. Если рассматривать в качестве объекта оригинал, а в качестве субъекта переводчика, то их взаимосвязь предполагает как воздействие художественного произведения на переводчика, так и обратное воздействие.

Именно эти выводы дают возможность Г.Р. Гачечиладзе сформулировать свое определение художественного перевода: «Художественный перевод есть вид художественного творчества, где оригинал выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность. Соответственно своему мировоззрению переводчик отражает художественную действительность избранного им произведения в единстве формы и содержания» [4, с. 95]. В настоящее время встречаются и другие определения художественного перевода, но определение, данное Г.Р. Гачечиладзе, является наиболее распространенным и общепринятым ведущими теоретиками перевода.

К вышесказанному добавим, что принципиальное различие между автором и переводчиком заключается в свободе выбора автора по отношению к объективной действительности и ограниченности переводчика устойчивой художественной действительностью оригинала.

Если познание носит бесконечный характер, то перевод произведения может служить объектом для последующих переводов. Здесь уместно напомнить утверждение Б.Г. Таирбекова о том, что

«сам перевод – цепь в целом – является не двукратным (“отражение отражения”), а многократным (“отражение отражения ...”) процессом» [14, с. 29].

Специфическую взаимосвязь субъекта с объектом лучше было бы обозначить термином «воздействие». Это слово, на наш взгляд, полнее отражает характер целенаправленного, активного, творчески-преобразовательного влияния субъекта на объект.

Гносеологический анализ также предполагает объяснение проблемы восприятия, которое способствует установлению причин противоречий в переводческом процессе. Специалисты выдвигают следующую модель коммуникативного процесса при художественном переводе: «Автор – Текст – Читатель – Переводчик – Текст – Читатель» [15, с. 40]. Несколько иную, более подробную модель дает чешский ученый Иржи Левый: «Действительность – Автор (отбор произведения) – Переводчик – (чтение – воспроизведение) – Текст на родном языке – Читатель (чтение – конкретизация) [7, с. 122]. Нетрудно заметить, что в коммуникативной цепи первой модели отсутствует звено «действительность», а во второй звено «текст» передается дробным звеном «отбор – воспроизведение». Нам представляется, что обе эти схемы являются неполными и нуждаются в корректировке: в коммуникативной цепи исходным должно быть звено «действительность». Прежде чем написать произведение, автору необходимо собрать нужный жизненный материал, то есть отобрать из множества явлений то, что создает оригинальную установку, концепцию произведения. Следующим этапом процесса оригинального творчества является воплощение идеи произведения в тексте. Тот же самый путь, только в иной последовательности, проходит переводчик. Он перед собой имеет готовый текст произведения, который ему необходимо воспроизвести на другом языке с учетом особенностей восприятия адресата (читателя переводного текста). Итак, схему коммуникативного процесса мы представляем в следующей последовательности: Действительность – Автор (автор-воспроизведение) – Текст – Переводчик (чтение-воспроизведение) – Текст – Читатель (чтение-конкретизация).

Большинство теоретиков и практиков перевода особую роль в коммуникативной цепи отводят переводчику, в данном случае выполняющему «отправительную» функцию, которая теперь уже начинается с текста произведения и кончается текстом перевода. Известно, что восприятие переводного литературного произведения иномациональным читателем отличается от восприятия этого же произведения носителем языка оригинала. Существование в сознании реципиента дефиниции «свой» и «чужой» создает те противоречия, которые, так или иначе, материализуются в тексте перевода. В процессе создания переводного произведения

переводчику приходится вступать в определенные взаимоотношения со своим адресатом и иномациональным литературным процессом. Литературное восприятие и читатель являются конечным «пунктом» литературной коммуникации. Сошлемся на мнение немецкого ученого Манфреда Наумана: «Каждое произведение обладает некоей внутренней консистенцией, собственной структурой, специфической индивидуальностью, – словом, отличительными чертами, которые определяют направленность процессов его восприятия, характер их воздействия, а также и оценку самого произведения. Качество этого потенциала восприятия зависит, в конечном счете, от генетических (общественно-исторических, литературно-языковых, индивидуально-биографических) предпосылок его возникновения» [9, с. 41]. Диалектическая концепция литературного произведения подразумевает, что «потенциал восприятия», заключенный в произведении, может быть реализован только читателем. С другой стороны, переводное произведение входит в орбиту воспринимающей литературы. Здесь вполне применима теоретическая установка восприятия оригинального произведения, предложенная процитированным выше немецким ученым: «Ни одно произведение не оригинально в абсолютном смысле этого слова; оно всегда еще результат «полемики» с другими произведениями и их создателями. Между произведениями существует взаимосвязь, которая образует главную ось того, что мы называем литературным процессом, причем в своем отношении к этому процессу писатель выступает одновременно и как автор, и как читатель. Именно восприятие литературного процесса и обуславливает участие литературы прошлого в создании новой литературы. При этом с особой ясностью обнаруживается относительная самостоятельность причинных связей в истории литературы и относительная независимость ее самой» [9, с. 65].

Наибольшую сложность в адекватной передаче текста при любом переводе представляют преодоление различий национально-культурной среды передающей и воспринимающей литератур, которые опираются на разные категории читателей, принадлежащих к разным национально-этническим и культурно-историческим группам, иногда воспитанным еще и на разных религиозных и философских традициях. И, естественно, разнится первоначальное восприятие ими художественного образа тоже. В связи с этим возникает проблема передачи национально-культурной специфики подлинника. Теоретики утверждают, что переводчик должен выбирать для передачи существенные, характерные элементы национально-культурной специфики оригинала, не забывая и о собственных национально-характерных чертах, без которых немислима жизнь перевода в новой среде. Вот, что

пишет об этом Г.Р. Гачечиладзе: «В теоретических трудах обычно речь идет о передаче национальной специфики подлинника в переводе, но почти никогда не говорится о национальной специфике заверщенного перевода». И далее: «В то же самое время художественный перевод рассматривается теоретиками как творчество, и при этом учитывается творческая индивидуальность переводчика. На фоне этого противоречия вновь встает призрак издавна неразрешимой проблемы: утрата национальной специфики равна утрате индивидуальности переводчика. Разве можно представить себе индивидуальность переводчика без его национальных особенностей?» [4, с. 147–148].

На эту сложность и противоречивость указывает утверждения лингвистов, занимающихся исследованиями в области теории текста: «В соответствии с общественным предназначением перевода, его потребитель, с одной стороны, претендует на то, чтобы сравняться с предпосылками для восприятия и интерпретации сообщения с носителями исходного языка, но, с другой стороны, он претендует также на общение с представителем иной, а не своей собственной культуры» [15, с. 32].

Адекватный перевод при сохранении всех тонкостей оригинала, даже тех мест, которые считаются трудно переводимыми – главная задача переводчика. Н.В. Гоголь писал об этом так: «Почти всегда сильное лаконичное место становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка, и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его» [5, с. 316].

Все вышесказанное можно резюмировать следующими словами В.Г. Белинского: «Правило для перевода художественных произведений одно – передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским. Чтоб так передать художественные произведения, надо родиться художником» [2, с. 427]. Вот цель, к которой должен стремиться каждый, кто берется за нелегкий труд переводчика.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полное собр. соч. в 13 тт. – М.: АН СССР, 1953. – Т. 2. – 766 с.
2. *Белинский В.Г.* Полное собр. соч. в 13 тт. – М.: АН СССР, 1954. – 317 с.
3. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 282 с.
4. *Гачечиладзе Г.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М.: Сов. писатель, 1972. – 254 с.
5. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. в 14 тт. – М.: Гослитиздат, 1952. – Т. 10.
6. *Дима Александр.* Принципы сравнительного литературоведения. – М.: Прогресс, 1977. – 196 с.
7. *Левый Иржи.* Творческое воспроизведение. Мастерство перевода. – М.: Сов. писатель, 1968. – С. 440–469.
8. *Леонтьев А.Н.* Проблема развития психики. – М.: Педагогика, 1972. – 584 с.
9. *Манфред Науман.* Общество. Литература. Чтение. – М.: Просвещение, 1978. – 78 с.
10. *Моль А.* Социодинамика культуры. – М., 1973.
11. *Муравьев В.Л.* О языковых лакунах // Иностранные языки в школе – 1971. – № 1.
12. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М.: Наука, 1966. – 232 с.
13. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. – М., 1965. – 122 с.
14. *Таирбеков Б.Г.* Проблематика перевода как предмет переводоведения: автореф. дис. ... док. филол. наук. – Баку, 1973. – 29 с.
15. Текст и перевод / Комиссаров В.Н., Черняховская Л.А., Латышев Л.К. и др. – М.: Наука, 1988. – 165 с.
16. *Файзуллаева Р.* Национальный колорит и художественный перевод. – Ташкент: Фан, 1979. – 112 с.
17. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983.
18. *Чернышевский Н.Г.* Собр. соч. в 15 тт. – М.: Гослитиздат, 1949. – Т. 12.

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
tigpnngu@yandex.ru

Минеева Татьяна Германовна

доктор юридических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
t.mineeva@yandex.ru

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается процесс развития парламентского законодательства средневековой Англии по вопросам прав личности, защиты прав, правосудия, анализируются конкретные парламентские статуты. Утверждается, что начало правозащитному законодательству было положено Великой Хартией Вольностей 1215 года, подчеркивается ее историческая и вневременная роль.

Ключевые слова: Великая Хартия Вольностей, статуты английского парламента, правосудие для бедных, суды общего права, отделение суда от администрации.

Популярная в настоящее время проблематика прав личности берет свое начало в английской истории. Противоречия между королевской властью и сословными интересами английского общества, приведшие к серьезному противостоянию, вызвали в жизни важный документ, которому была уготована великая роль. Авторы его даже представить себе не могли, какое огромное влияние он окажет на будущее политическое развитие страны. Речь идет о MAGNA CARTA LIBERTATUM – Великой Хартии Вольностей [5, с. 258–261].

Принятая в 1215 году, она в течение XIII в. несколько раз редактировалась и подтверждалась [5, с. 25]. Этот процесс был тщательным образом прослежен и описан известным историком английского парламентаризма У. Стаббсом [11, р. 143–146, 150–153, 353–345]. Так, в 1225 г. Генрих III подтвердил ВХВ и выделил отдельно Хартию о лесах, ранее входившую составной частью в ВХВ первой редакции (1215). Дважды, в 1237 и 1253 гг., не по доброй воле, король был вынужден снова подтвердить Хартию, причем последнее подтверждение проходило в особо торжественной обстановке в королевском дворце [11, р. 374].

Следующие подтверждения были в 1265 г. и по юридической формуле «*inspeximus*» («мы помним») в 1295 г. [10, р. 114]. Тогда же Великая Хартия и Лесная были включены в парламентский ролл статутов, они попали в «*CharterRoll*» и были за государственной печатью разосланы по стране. Процедура подтверждения имела место еще два раза: в 1300 и 1301 гг. [10, р. 114–119]. Был подчеркнут вечный характер положений Великой Хартии и Лесной, их неизменяемость и т. д. Подписи под Хартиями поставили Эдуард I и его сын – будущий Эдуард II.

Таким образом, длительная борьба за Великую Хартию Вольностей (и Хартию о лесах) заверши-

лась. Английское общество вступило в XIV век, имея эти юридические документы в качестве своего основного закона [3, с. 77]. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к опубликованному в Англии, но доступному российскому читателю благодаря фондам главной библиотеки страны «*Statute Roll*» XIV века в известном издании «*Statutes of the Realm*». Как подсчитано нашими предшественниками, Великая Хартия подтверждалась парламентариями в течение XIV века 30 раз, особенно часто в правление Эдуарда III и Ричарда II [10, Vol. I. – р. 158, 167, 235, 237; Vol. II. – р. 111, 120, 132, 159]. Обычные формулы утверждения эпохи правления Эдуарда III звучат следующим образом: «Великая Хартия и Хартия о лесах пусть соблюдаются во всех пунктах», «Великая Хартия и Хартия о лесах пусть соблюдаются». В 1336 году Эдуард III позволил себе расширенную формулу: «Великая Хартия и Хартия о лесах и все статуты предшествующих королей и ныне здравствующего монарха пусть держатся и выполняются как большими людьми, так и малыми, как богатыми, так и бедными» [10, Vol. I., р. 216]. Подчеркивалось, что статут или иной закон, нарушивший положения Хартии, не должны соблюдаться. Неоднократно указывалось, что Великая Хартия и Common Law обеспечивают интересы прямых держателей от короля [10, Vol. II, р. 111]. На первом парламенте Генриха IV в 1399 г. в подтверждение Великой Хартии особо подчеркивалось, что «хорошее правосудие и равное право будет дано каждому человеку», «*and that good and equal right be done to every person*» [10, Vol. II, р. 382]. Неоднократно общины настаивали на соблюдении Великой Хартии и, особенно, в части, которая гласит, что «ни один человек не будет арестован или заключен в тюрьму или лишен фригольда без соблюдения процесса по общему праву», и требовали «наказать виновных в этом судом канцлера, лорда-казначея и Большого

Совета» [10, Vol. I, p. 382]. В подтверждении Великой Хартии, сделанном на втором парламенте Генриха IV в 1400 г., было сказано, что все люди могут свободно и беспрепятственно обращаться в суды за защитой закона или преследованием по закону, и «что полная справедливость и право будут даны равно как бедным, так и богатым в судах» – «and that full justice and righth be done aswell to poor as to rich in his court» [10, Vol. II, p. 120].

Интересным представляется статут 1405 года. Вслед за подтверждением Великой Хартии следуют слова: «...Мир в королевстве будет поддерживаться и сохраняться, так что все королевские вассалы и подданные могут свободно и безопасно уезжать, приезжать и проживать в соответствии с законом и обычаем нашего королевства: и что справедливое правосудие и равное право будут даны каждому человеку» [10, Vol. II, p. 242].

В двадцатых годах XV в. Хартия подтверждалась однажды, в 1429 г. и только в части, касающейся мер и весов. После этого подтверждений больше не было, не было и во время Войн Роз, и в течение периода абсолютной монархии в конце XV–XVI вв. [7, с. 28].

Упадок сословно-представительной монархии сделал излишним и Великую Хартию о лесах. Обращая внимание на эту связь, мы отнюдь не стремимся подчеркнуть неограниченное возрастание деспотических начал в правлении английских государей йоркской династии, но вывод об «ограничении» личных свобод и защиты прав личности вполне оправдан.

Итак, подчеркнем, что протоколы и законодательные акты парламентов XIV–XV вв. пестрят ссылками на Великую Хартию Вольностей. Каждый парламент нового созыва начинал с того, что подтверждал Великую Хартию, и так было до победы абсолютизма [3, с. 77].

Ранее сказанное позволяет свести предмет нашего дальнейшего исследования к проблеме правовой защиты личности в рамках сословно-представительной монархии XIV–XV веков.

Парламентские законодатели в ряде случаев пытались расширить те или иные пункты Великой Хартии, превратить их в особые, самостоятельные законы [1, с. 85]. На парламенте 1341–1342 гг. было установлено, что «...никто не будет арестован по петиции или ходатайству, сделанному нашему королю его советом, если она не будет подтверждена свидетельством добрых и законопослушных соседей (обвиняемого) в той местности, где дело случилось, или через процесс, совершенный по writ or original, так как это установлено в Великой Хартии Вольностей» [10, p. 320].

В 1354 г. было установлено: «...Ни один человек, какого бы ни был сословия или богатства, не будет изгнан с земельного владения, или арестован, или заключен в тюрьму, или лишен наследства,

или предан смерти, если он не будет привлечен к ответу согласно процессуальным нормам общего права». В тексте под «by process of law» или «law of land» в Англии XIII в. понималось именно общее право [10, Vol. I, p. 321].

Общины неоднократно подчеркивали свою заинтересованность в поддержании «правозащитных» положений Великой Хартии, а также в строгом соблюдении «общего права». Эдуард III согласился на издание специального закона, защищавшего суд от вмешательства извне. «Поскольку король желает, чтоб общее право применялось к богатым и бедным (одинаково), он приказывает и настаивает, чтоб никто из его совета, из его двора, из его чиновников и из важных людей королевства сам или через других посредством писем или как-то иначе, а также никто другой в стране, великий или малый, пусть не вмешиваются в тяжбы ли не помогают сторонам, чтоб не нарушать общее право (commonlaw) [10, Vol. I, p. 256].

Парламентские законодатели периода сословно-представительной монархии стремились сделать суд независимым от политической власти и административных органов. В 1329 г. было постановлено: «...Впредь распоряжениями (приказами) под большой или малой государственной печатью не будет нарушаться или прерываться отправление общего права, и даже, если такие распоряжения поступят, судьи не должны нарушать его ни в одном пункте» [10, Vol. I, p. 257].

Интересен во всех смыслах Ордонанс о судьях: «Мы приказываем всем нашим судьям, чтобы они отныне обеспечивали осуществление закона и прав всем нашим подданным, в равной мере богатым и бедным, не взирая на личность, и не нарушали бы выполнения своих обязанностей из-за каких-либо писем или распоряжений, полученных от нас или кого-либо, или по любой другой причине, и если такие письма, приказы, распоряжения поступят к судьям, то они должны вести судебное заседание так, как если бы они не получали никаких писем, приказов и распоряжений. И они обязаны уведомить нас и наш совет об этих распоряжениях, которые противоречат закону. И желаю, чтоб наши судьи осуществляли бы равное право в отношении всех людей, не обнаруживая никакого пристрастия, мы постановили, чтобы судьи приносили клятву в том, что пока они будут исполнять обязанности судьи, они не будут принимать денежного вознаграждения от людей, дела которых они должны рассматривать, и не должны брать других подарков, ни явно, ни тайно, ни через других лиц, и они не должны давать советы могущественным или малым людям в делах, в которых мы являемся стороной, которые могут касаться нас» [10, Vol. I, p. 303]. Те же требования предъявляются и к судьям казначейства. Далее, статья IV гласит: «Мы приказываем, чтоб под страхом наказания никто из

наших людей, ни прелаты, ни бароны, ни графы, ни другие большие или малые люди любого сословия, не принимали участия в тяжбах, не касающихся их лично, с ним, чтоб поддерживать одну из сторон тайно или явно за подарки или из-за покровительства или дружбы, или из-за ненависти или по другой причине, так как это нарушает закон. Но каждый человек имеет полное право предъявить иск и защищать свои права в наших судах или других судах в соответствии с законом. И мы твердо требуем от нашего сына, графов и магнатов, чтобы они всегда выполняли этот ордонанс и никогда не нарушали его и не давали нарушать своим подданным без всяких исключений» [10, Vol. I, p. 304]. Заканчивается этот ордонанс следующими словами: «...Мы приказываем, чтоб эти статьи были обнародованы, чтоб люди, которые были притесняемы, могли добиваться пресечения, и чтоб народ знал наше желание, чтоб право оказывалось всем нашим подданным, как бедным, так и богатым, и чтоб нарушители подвергались наказанию» [10, Vol. I, p. 305]. Далее приводится клятва судей, утвержденная этим парламентом, повторяющая в целом требования ордонанса. Судьи клянутся, что равное право и судебная защита будут обеспечены всем, как бедным, так и богатым, невзирая на сословия и на личность, на привилегии и отличия; что они не будут брать никакого вознаграждения со сторон, и судить будут только по закону, невзирая ни на какие письма, приказы и распоряжения, которые могут быть им переданы в противоречие с законом, от каких бы то ни было людей.

Налицо, таким образом, устойчивая тенденция выведения правосудия из-под контроля политических и административных органов. Подобные законоположения нашли и независимый орган – коллегия мировых судей, сформировавшаяся во всех графствах Англии с середины XIV в. Их сессии должны были собираться 4 раза в год. Они должны были обеспечивать сохранение «королевского мира» в графстве, выполнять судебную функцию по уголовным преступлениям (кроме убийств и других тяжких преступлений). Со временем их функции расширились. Эти коллегии, состоявшие из 8 рыцарей графства, были наделены полномочиями контролировать цены на продукты питания, следить за единством мер и весов, качеством сукон, вывозом шерсти и прочее.

Что касается шерифов (местных администраторов), то с середины XIII в. круг их полномочий сужается. Их судебные полномочия переходят к мировым судьям. В течение XIV в. шерифы утратили право командовать вооруженными силами графства и производить сбор налогов для королевской казны. С 1340 г. шерифы назначались королем сроком на 1 год по предложению высших должностных лиц. В 1357 г. было запрещено шерифам (бейлифам) делать объезды сотен во время Вели-

кого поста, когда «люди радуются о спасении души» или во время уборки урожая. Объезды с целью административного надзора можно было делать лишь после Пасхи и перед праздником св. Михаила и только 2 раза в год [10, Vol. I, p. 325]. Эти факты наводят на мысль о стремлении парламентских законодателей ограничить влияние королевских административных органов на общественную жизнь в английских графствах.

Одновременно предпринимались попытки отделить законодательные и политико-административные органы, приблизить законодательные органы к «общинам» (commons). В 1372 г. было установлено, «что ни один юрист, ведущий дела в королевских судах или шериф в то время, когда он шериф, не должен быть избираемым рыцарями графства. Те же, которые на текущий момент избраны в парламент, пусть лишатся своего парламентского жалования» [10, Vol. I, p. 394].

На внимание к личным правам указывает и ряд других, более мелких законоположений. Уже в первый год правления Эдуарда III был принят статут, который гласит: «Король желает, чтоб отныне ни один человек не был обязан вооружаться, ни один человек не должен быть побужден покинуть графство, если только враги не вторгнутся в пределы королевства» [10, Vol. I, p. 255]. А статут последнего года правления этого же короля запрещает арестовывать клириков во время службы [10, Vol. I, p. 398]. В 1328 г. было постановлено, что судьи суда общего права не могут покинуть судебное заседание без предупреждения тяжущихся сторон [10, Vol. I, p. 259].

Великая Хартия Вольностей породила целые отрасли английского законодательства. Она повлияла на создание знаменитого акта о защите прав личности, действие которого продолжается и по сей день [2, с. 12]. В частности, о наследовании ленов и других держаний, о правах купцов, о порядке государственных (королевских) заготовок продуктов питания и транспортных средств (purvey), о порядке взимания долгов, о шерифах и других представителях местной администрации. Каждая из этих отраслей имеет по несколько десятков законов, внесенных в ролл статутков.

Говоря о проблемах, которые решали английские парламентские законодатели того времени, нельзя пройти мимо вопроса о судопроизводстве для бедных. Проблему организации судопроизводства для тех, кто не в состоянии заплатить необходимые судебные пошлины, оплатить оформление иска и т. д. закон решает в духе Великой Хартии: бедный может искать правосудия без платежа (without fines) и соответственно попытаться защитить свои права [10, Vol. I, p. 366]. Это законоположение было подтверждено Ричардом II [10, Vol. I, p. 80] и развернуто при Генрихе VII [10, Vol. I, p. 578]. Из последнего акта мы узнаем, что судом

для бедных по «forma pauperis» был канцлерский суд. Именно канцлерский суд взял на себя функцию правового обеспечения копигольдеров. Потом к этому подключились и суды общего права. Статуты Эдуарда III обязывали суд канцлера принимать апелляции на решения судов общего права [10, Vol. I, p. 374]. Кажется, что не только канцлерство, но и разездные суды брали иски от неимущих и разоренных.

Не продолжая дальнейшего разбора парламентского законодательства, попробуем выделить главное. Издание Великой Хартии открыло новый этап в законодательстве Англии, породив целую серию законов, направленных на обеспечение прав личности, которые получили дальнейшее развитие в буржуазном обществе, о чем неоднократно писали английские и американские исследователи [8; 9]. Именно тогда, когда класс буржуазии выступит против феодально-абсолютистской монархии в XVII в., произойдет «рецепция» Великой Хартии Вольностей и порожденного ею законодательства. Прошедшие столетия не уменьшили интереса к исследованиям законодательного обеспечения прав личности [6, с. 258]. История этого вопроса продолжает вызывать интерес, а сама проблема сохраняет свою актуальность во многих странах мира.

УДК 349.2

Библиографический список

1. Гутнова Е.В. Возникновение парламента. – М.: МГУ, 1960. – 582 с.
2. Дерюжинский В.Д. Habeas Corpus и его приостановление по английскому праву. – Юрьев (б. Дерпт): Типо-лит. Г. Лакмана, 1985. – 424 с.
3. Минеева Т.Г., Романовская В.Б. Английский парламент в XIII–XX веках // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 3.
4. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 232 с.
5. Романовская В.Б. Начало оформления прав личности в Англии // Вестник Владимирского государственного университета. – 2014. – №1.
6. Романовская В.Б. MAGNA CARTA LIBERTATUM в контексте современной проблемы прав личности // Вестник ННГУ. – 2009. – №5.
7. Ясинский А.Н. История Великой хартии в XIII веке. – Киев, 1888.
8. Holt J.C. Magna Carta and Idea of Liberty. – New York, 1977.
9. Pollard A.F. The evolution of the Parliament. – London, 1920.
10. Statutes of the Realm. Vol. I. – L., 1810.
11. Stubbs W. The Select Charters of the Magna Carta Libertatum. – Oxford, 1879.

Рощин Борис Евгеньевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ТРУДОВАЯ КНИЖКА В ЭПОХУ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В предлагаемой работе в общих чертах показана процедура введения трудовых книжек в российском обществе в период проведения политики, получившей название «военный коммунизм». Основное внимание автор статьи уделяет правовому анализу двух декретов советской власти: декрету «О трудовых книжках для нетрудящихся» (от 05.10.1918 г.) и декрету «О введении трудовых книжек в гг. Москве и Петрограде» (от 25.06.1919 г.).

Ключевые слова: трудовые книжки для нетрудящихся, трудовая повинность, введение трудовых книжек, учёт рабочей силы, Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г., идеологические требования.

Советы введут рабочую книжку для богатых, а затем с постепенностью и для всего населения...
В.И. Ленин

Согласно современному трудовому законодательству, «трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника» (ст. 66 Трудового кодекса РФ). Современная трудовая книжка просто и доходчиво информирует о том, какое образование имеет работник, какой профессией владеет, какая у него специальность и квалификация, каков опыт работы, какие имеются поощрения за трудовые успехи и др.

Иными словами, трудовая книжка работника является своего рода «зеркалом» его трудовой био-

графии, ибо в ней отражены наиболее важные сведения о трудовых свершениях конкретного работника. В этом аспекте трудовая книжка является не просто формальным документом, а неким паспортом трудовых подвигов, психологическим портретом её владельца.

В последнее время всё чаще звучат предложения об отмене трудовых книжек. Разумеется, у такой идеи есть множество сторонников и противников.

Отечественная трудовая книжка имеет свою продолжительную историю, изучение и переосмысление которой позволит правильно понять ос-

новые причины и цели её возникновения, а также главные (сущностные) функции данного документа в конкретно-исторических условиях. Целью работы является создание общего представления о сущности трудовых книжек, применяемых советской властью на первоначальном этапе социалистической организации труда, в период проведения политики, получившей название «военный коммунизм».

В конце сентября 1917 г. В.И. Ленин в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть», писал: «Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определённый срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще» [5, с. 184].

В.И. Ленин, будучи непревзойдённым революционным прагматиком (гибким стратегом и тактиком классовой борьбы), призывал не впадать в утопизм, не поддаваться искушениям революционной романтики, не покидать «почвы самого трезвого практического расчёта». Он чётко осознавал, что «победившему пролетариату» не удастся скорейшим образом отказаться от «услуг» прежних «капиталистов», специалистов, «буржуазной интеллигенции», служащих и др. В.И. Ленин призвал заставить их работать «в новых организационно-государственных рамках», в интересах молодого советского государства. В качестве главного и вполне надёжного средства привлечения своих классовых противников к труду предлагалось установить хлебную монополию, ввести хлебную карточку и всеобщую трудовую повинность. «Кто не работает, тот не должен есть» – вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью», – писал В.И. Ленин накануне октябрьского революционного переворота [5, с. 184].

После захвата государственной власти большевиками (25 октября 1917 г.), советская власть приступила к незамедлительному формированию нового трудового законодательства на основе принципиально новой трудовой идеологии. Советская трудовая идеология, формирование которой было обусловлено сменой «общественно-экономической формации», представляла собой совокупность соответствующих идей, взглядов и представлений теоретиков большевизма о правовом обеспечении системы социалистической организации труда. О превосходстве исторически новой формы организации соцтруда (перед другими известными формами) неоднократно напоминал В.И. Ленин: «Коммунистическая организация об-

щественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов» [6, с. 336].

И.В. Сталин в своей известной работе «Вопросы ленинизма» утверждал, что производственные отношения, при социалистической организации труда станут «отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников». Экономической основой таких отношений станет «общественная собственность на средства производства» [7, с. 558].

Товарищеская дисциплина советских трудящихся, которая «должна сопровождаться величайшей самостоятельностью рабочего класса», есть «одно из самых важных средств организации общего производства и подъёма производительных сил», – писал Н.И. Бухарин в классической работе «Азбука коммунизма» [1, с. 125].

Определяющее значение для формирования новой идеологии труда имели соответствующие программные установки РСДРП, решения фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и других организаций рабочего представительства. Наиболее ярко выражено проявление идеологии на уровне законотворчества. Так, первые нормативно-правовые акты в сфере организации социалистического труда являлись, в большей степени, инструментами массовой пропаганды соответствующих идеологических установок.

Как известно, идеология (в частности, трудовая идеология) является основой формирования трудовой парадигмы, определяет основные векторы развития теории и практики трудового права. Следует отметить, что трудовая идеология (как систематизированное правовое мировоззрение в области регулирования труда) присуща не только советскому периоду, но и постсоветскому (несмотря на то, что современная российская Конституция (ч. 2. ст. 13) устанавливает категорический запрет на официальную идеологию). Справедливо отмечено современными исследователями: «Сколько бы мы не придавали идеологии анафеме, забывали о ней, запрещали упоминание об этой категории в науке, она всё равно существовала, существует и будет существовать в любом гражданском обществе. Право идеологизировано настолько, насколько оно призвано выполнять функции разграничения и обеспечения интересов людей в государстве, которое не может состоять из равных в имущественном, личностном и другом положении граждан» [4, с. 15].

В декабре 1917 г. в записке Ф.Э. Дзержинскому В.И. Ленин настаивал на том, что «лица, принадлежащие к богатым классам», обязаны в недельный срок (со дня издания декрета о борьбе с контррево-

люционерными и саботажниками) «завестись потребительно-рабочими книжками... для ведения еженедельных записей приходов и расходов...». При этом к «богатым классам» В.И. Ленин причислял лиц, имевших месячный доход свыше 500 р., владельцев «городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 р.» [5, с. 189].

В конце февраля В.И. Ленин пишет дополнение к декрету Совета народных комиссаров (далее СНК) «Социалистическое отечество в опасности!» (принят 21.02.1918 г.), в котором представители «богатых классов» обязывались нести трудовую повинность в «области военной или административной» и «обзавестись немедленно рабочей книжкой для еженедельной отметки» о выполнении данной повинности. За неимение рабочей книжки, «а тем более лживое ведение записей», предлагалось наказывать по законам военного времени [5, с. 208].

Политика российского государства (экономическая и социальная) в период с 1918 по 1921 гг. (условно) получила название «военный коммунизм». Многие меры данной политики «были вызваны экстремальной обстановкой, требовавшей незамедлительной мобилизации всех имевшихся скудных ресурсов, крайнего напряжения сил ради выживания новой власти» [2, с. 31].

Политика «военного коммунизма» включала в себя безотлагательное и последовательное проведение ряда мероприятий: ликвидацию частных банков и изъятие ценностей у представителей эксплуататорских классов; ускоренную национализацию промышленности; установление монополии на внешнюю торговлю; установление продовольственной диктатуры и др. Одной из важнейших мер данной политики стало установление всеобщей трудовой повинности.

Первая российская Конституция (принята на V Всероссийском съезде Советов, 10 июля 1918 г.) провозглашала введение всеобщей трудовой повинности, «в целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства» (п. «е» ст. 3). Труд признавался обязанностью «всех граждан Республики» и провозглашался лозунг: «Не трудящийся, да не ест!» (ст. 18) [11, с. 306, 308]. Стало быть, всеобщая трудовая повинность преследовала две главные цели: наказание (а также воспитание и исправление) трудом «паразитических элементов», чуждых социалистической идеологии и ликвидация (посредством принудительного труда) хозяйственной разрухи и организацию народного (социалистического) хозяйства на принципиально новых началах.

5 октября 1918 г. СНК издал декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся». Трудовые книжки, согласно данному документу, устанавливались для отдельных категорий граждан: 1) проживавших на нетрудовые доходы (поступления с иму-

щества, проценты с капитала); 2) использовавших чужой наёмный труд «с целью извлечения прибыли»; 3) директора (члены советов и правлений) акционерных обществ, компаний, товариществ; 4) частные торговцы, биржевые маклеры, посредники (торговые и коммерческие); 5) лица свободных профессий, не выполнявшие общественно-полезных функций; 6) лица без определенных занятий (бывшие офицеры, присяжные поверенные и др.) [8, ст. 792].

Определенный интерес вызывает форма данной книжки, установленная приложением к декрету. Трудовая книжка именовалась как «временное трудовое свидетельство для буржуазии», она содержала следующие сведения о владельце: имя, отчество, фамилия; род занятий до революции; звание до революции; имущественное положение; место рождения и постоянного жительства; семейное положение; прописка; отношение к отбыванию красноармейской повинности; род порученной работы и ежемесячная отметка о её выполнении. Показательно, что в левом верхнем углу располагался конституционный лозунг: «Кто не работает, да не ест», а в правом – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Роль данного декрета (в конкретно-исторических условиях развития российского общества – в условиях классовой борьбы) заключалась в следующем: 1) декрет облачил в правовую форму соответствующие идеи теоретиков большевизма по организации социалистического труда, в частности, по привлечению к труду, в первую очередь, «имущего населения»; 2) декрет являлся правовым актом специального действия, поскольку прямо указывал на отдельные категории граждан, классово-чуждых новой власти, с которыми следует вести непримиримую борьбу. В то же время первая советская Конституция не устанавливала определенный круг лиц, враждебных советской власти, а, наоборот, предоставляла органам власти широкие полномочия (исходя из революционной целесообразности) по изобличению и наказанию врагов рабочего класса. Так, согласно ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г., РСФСР руководствуется исключительно «интересами рабочего класса в целом» и «лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»; 3) декрет изначально имел временный характер действия, поскольку был принят «впредь до издания декрета о всеобщей трудовой повинности»; 4) декрет отменял прежние паспорта и прочие удостоверения личности; 5) декрет стал первым «пробным шагом» к введению трудовых книжек для всего населения, к поголовному учёту всех трудовых резервов.

Кроме того, декрет устанавливал характерные особенности вводимых трудовых книжек: 1) декрет придал трудовой книжке роль универсаль-

ного документа «для нетрудящихся». Так, единственным легальным удостоверением личности могла быть (для обозначенных категорий) только трудовая книжка, которая, в том числе, являлась документом, дающим право на передвижение по российской территории; 2) наличие трудовой книжки (с отметкой о выполнении определенных общественных работ и повинностей: очистка улиц и железнодорожных путей от снега, уборка территорий, заготовка дров и т.п.) доказывали участие её владельца в трудовом процессе и давали право на получение продовольственных карточек.

Обращает на себя внимание наличие в декрете достаточно жёсткой санкции за нарушение режима трудовых книжек. Так, при неявке для получения трудовых книжек предусматривался штраф в размере до 10000 рублей, а при сообщении заведомо ложных сведений («о себе и о своих занятиях») – тюремное заключение до полугода.

Таким образом, первые трудовые книжки (как и обещал В.И. Ленин) предназначались не для победившего пролетариата, а для враждебных, классово чуждых элементов – классовых врагов пролетариата. Трудовая книжка рассматривалась в качестве одного из инструментов классовой борьбы против буржуазии.

Следующий шаг к расширению действия трудовых книжек был сделан по истечении первого года становления «диктатуры пролетариата», в рамках первой кодификации советского трудового законодательства. В декабре 1918 г. был принят первый российский Кодекс законов о труде (далее Кодекс, КЗоТ РСФСР 1918 г.), который, согласно ст. 80, обязывал каждого работника иметь трудовую книжку, независимо от формы применения труда (Кодекс устанавливал три формы: организованное сотрудничество; предоставление индивидуальных личных услуг; выполнение отдельной, определенной работы). Сведения, указываемые работодателем в трудовой книжке работника, определялись правилами о трудовых книжках (приложение к ст. 80 Кодекса): 1) наименование профсоюза, к которому принадлежал трудящийся; 2) группа и категория, в которую работник был зачислен расценочной комиссией; 3) сведения о выполненных работах и полученных суммах; 4) сведения о болезнях, прогулах, отпусках, а также взысканиях, налагаемых на работника «во время и по поводу его трудовой деятельности».

В то же время, на работника возлагалась обязанность предъявлять свою трудовую книжку по требованию соответствующих органов (администрации по месту работы, отдела распределения рабочей силы, профсоюза, рабочего контроля и охраны труда, страховых касс) [9, ст. 905].

Следует заметить, что трудовые книжки, установленные Кодексом, не выполняли (в отличие трудовых книжек для нетрудящегося элемента)

функции универсального документа: они не заменяли собой паспортов и других удостоверений личности; не гарантировали свободу передвижения и т.п. В них отражалась лишь информация о трудовой деятельности, зарплате, отпусках, взысканиях, вознаграждениях. Разумеется, трудовые книжки не имели никакого отношения к работникам сельскохозяйственного труда (крестьянам). Кроме того, в Кодексе и в правилах о трудовых книжках вообще не упоминалось о санкциях за нарушения режима применения данных книжек.

Можно предположить, что в Кодексе предусмотрен более «мягкий» вариант перехода к всеобщему введению трудовых книжек, т.е. поначалу власть не решалась действовать в отношении пролетариата теми же методами, что и в отношении «нетрудового элемента». Но, как известно, политика – искусство возможного. Системный кризис, хозяйственная разруха, массовая безработица, контрреволюция, Гражданская война и иностранная интервенция – подобные обстоятельства требовали крайне суровых и жёстких методов государственного управления. Так, по убеждениям Н.И. Бухарина, формированию новых производственных отношений могло наиболее эффективно помочь «внеэкономическое принуждение». В своей работе «Экономика переходного периода» Н.И. Бухарин (в 1920 г.) пишет: «Необходимо уничтожение так называемой «свободы труда»... Режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук при диктатуре пролетариата выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти. <...> Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является <...> методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [3, с. 345]. Комментарии излишни.

25.06.1919 г. был принят декрет ВЦИК «О введении трудовых книжек в гг. Москве и Петрограде», согласно которому все российские граждане, достигшие 16-летнего возраста (в т.ч. все военнослужащие «Красной армии и флота»), обязывались иметь трудовые книжки, которые выдавались (взамен паспортов) соответствующими отделами «Управления Исполнительного Комитета». При этом на работодателя возлагалась обязанность вносить сведения о периоде, за который производились выплаты работнику (не позже 7 дней со дня выплаты), а также сведения о сумме этих выплат. Кроме того, работодатели обязывались вклеивать в трудовую книжку каждого работника «контрольную марку, свидетельствующую об уплате взносов на социальное обеспечение и охрану труда».

Лица, не работавшие по найму (ремесленники, кустари, торговцы и т.п.) были обязаны самостоятельно, ежемесячно вносить в трудовую книжку

сведения о зарботке (под страхом личной ответственности за правильность этих сведений). Однако чёткая санкция за нарушения режима трудовых книжек в данном декрете не установлена. Вместо этого законодатель использовал довольно неопределённую формулировку, согласно которой «все преступления, связанные с выдачей, получением и использованием трудовой книжки, подлежат ведению Народного Суда» [10, ст. 315].

Роль данного декрета заключалась в следующем: 1) декрет устанавливал принципы всеобщности и обязательности трудовых книжек (в частности, дети, не достигшие 16 лет, записывались в трудовую книжку матери, отца (при отсутствии матери), другого лица, на иждивении которого они состояли (при отсутствии отца и матери); 2) декрет подтверждал универсальный характер трудовой книжки (удостоверение личности, право на передвижение, право на продовольственное обеспечение, право на социальную защиту в т.ч. в случаях безработицы и утраты трудоспособности и др.); 3) декрет утверждал трудовую книжку в качестве основного инструмента системы контроля за наличием трудовых ресурсов и их перемещением (смена работы, место жительства, семейное положение, – всё фиксировалось в трудовой книжке); 4) декрет устанавливал контроль (при помощи трудовой книжки) за режимами рабочего времени и размерами заработной платы работников; 5) устанавливался общий возраст начала трудовой деятельности (с 16 лет). Данная норма существует и сегодня.

В 1923 г. трудовые книжки были вновь заменены на удостоверения личности. 20.12.1938 г. было принято постановление правительства «О введении трудовых книжек», установившее единую форму трудовой книжки (для всех советских работников – рабочих и служащих) государственных и кооперативных предприятий и учреждений. Так были реализованы заветы В.И. Ленина. Трудовая книжка перестала быть (в сознании миллионов трудящихся) признаком чёрной кости и «документом низших сословий», а также «свидетельством наёмного рабства» [5, с. 184].

Подводя итог сказанному выше можно отметить следующее:

1. Трудовые книжки в России появились в первые годы становления «диктатуры пролетариата»,

в условиях политики военного коммунизма. Трудовая книжка являлась универсальным документом: удостоверяла личность, подтверждала факт общественно полезной трудовой деятельности; давала право на получение продовольствия и т.п.

2. Трудовые книжки представляли собой (в рассматриваемый период) важный инструмент классово-вой борьбы, являясь одним из рычагов реализации основного принципа политики «военного коммунизма» – привлечения к трудовой повинности. Следует отметить, что законодательные нормы, регулировавшие применение принудительного труда (в отличие от иных норм трудового законодательства), применялись на практике наиболее активно и последовательно.

3. Трудовая книжка сегодня в целом лишена идеологического подтекста, но продолжает выполнять важную информационную функцию. Идея об окончательной отмене трудовых книжек в современной России является, по-видимому, явно преждевременной и недостаточно обоснованной.

Библиографический список

1. Бухарин Н.И. Азбука коммунизма. – Петроград, 1918. – 200 с.
2. Киселёв И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.
3. Лацис О.Р. Перелом: Опыт прочтения нескретных документов. – М.: Политиздат, 1990. – 399 с.
4. Лебедев В.М., Воронкова Е.Р., Мельникова В.Г. Современное трудовое право (Опыт трудового компаративизма). Кн. I. – М.: Статут, 2007. – 301 с.
5. Ленин В.И. О трудовом законодательстве. – М.: Госполитиздат, 1959. 519 с.
6. Ленин В.И. Сочинения. Т. XXIV. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б). – 1931. 889 с.
7. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1952. – 652 с.
8. Собрание Указаний РСФСР. – 1918. – № 73.
9. Собрание Указаний РСФСР. – 1918. – № 87–88.
10. Собрание Указаний РСФСР. – 1919. – № 28.
11. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М.: «Проспект», 1999. – 472 с.

Ландышев Сергей Владимирович

начальник УМВД России по г. Костроме
alanna2009@yandex.ru

Скородумов Николай Анатольевич

заместитель начальника УМВД России по г. Костроме
skorodumov_n@mail.ru

КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье анализируется причинный комплекс преступлений корыстно-насильственной направленности (грабежей и разбоев), совершаемых на территории г. Костромы и Костромской области. Отмечается, какие меры профилактического характера предпринимались органами внутренних дел Костромской области с целью профилактики грабежей и разбоев.

Ключевые слова: грабеж, разбой, профилактика, причины преступности, региональные особенности преступности.

Конституция РФ обеспечивает защиту прав личности от преступных посягательств. В частности, в ст. 35 говорится о том, что право частной собственности охраняется законом, никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Уголовный кодекс РФ, охраняя, в том числе, и отношения собственности, в главе 21 «Преступления против собственности» предусматривает уголовно-наказуемые деяния, посягающие на собственность.

Анализ криминогенной ситуации, сложившейся в России в настоящее время, показывает, что неблагоприятные социально-экономические, психологические и иные процессы, связанные с переходом к рыночным отношениям, детерминировали осложнение криминальной обстановки как на территории России, так и в ее отдельных регионах. Корыстные и корыстно-насильственные преступления остаются сегодня одним из наиболее опасных и распространенных источников угроз криминологической безопасности. Особое место среди них занимают грабежи и разбойные нападения.

Несмотря на то, что на территории России преступления, предусмотренные ст. 161 «Грабеж» и 162 «Разбой», имеют тенденцию к снижению, их распространенность очевидна. На одну тысячу совершенных преступлений на территории Российского государства на долю грабежей и разбойных нападений приходится в среднем 128 и 20 преступлений соответственно. Другими словами, показанная тенденция рассматриваемых преступлений корыстно-насильственной направленности, тяжесть их последствий, изменение их количественных и особенно качественных характеристик указывает на то, что организация их предупреждения органами внутренних дел требует пристального внимания ученых и практиков.

Не менее важным является исследование криминологических особенностей изучаемой преступной деятельности, свойств личности преступника, определение причинного комплекса грабежей и разбойных нападений.

Эмпирическим материалом для исследования послужили уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 161 и 162 УК РФ, материалы уголовных дел, данные уголовной статистики, аналитические материалы о практике применения мер по предупреждению указанных видов преступных посягательств на территории г. Костромы и Костромской области, специальная литература по теме исследования, нормативные правовые акты МВД России, регламентирующие профилактическую деятельность.

Рассматривая преступность как социально-правовое явление, следует отметить, что она имеет региональные особенности. Наибольший вклад в изучение данной проблемы внесен учеными-криминологами Г.А. Аванесовым, Ю.М. Антоняном, Н.А. Беляевым, С.В. Бородиным, И.А. Возгриным, А.И. Долговой, И.И. Карпечом и другими.

В частности, Г.А. Аванесов затрагивает проблему взаимоотношений системы социальных условий и системы преступности, их социального и информационного взаимодействия, системной зависимости друг от друга. В указанной работе рассматривается идея проникновения «криминального слоя» в сферу социальных образований [1, с. 8]. В научной статье С.В. Бородина приводится анализ причинного комплекса преступности в городах различных регионов России, определяется перечень общих и специальных мер их предупреждения [3, с. 10]. И.А. Возгрин отмечает, что происходящие в России социально-экономические изменения оказывают непосредственное воздействие на состояние преступности как в целом на территории РФ, так и на региональном уровне. Автор анализирует причины, влияющие на основные показатели преступности в отдельных регионах России, определяя для какого региона в РФ характерны те или иные условия преступности [4, с. 5].

В области теоретических и прикладных исследований причин и условий преступности, ее характеристик в динамике применительно к конкретным

регионам РФ, наиболее существенный вклад внесены такими учеными, как Ю.Е. Аврутин, М.М. Бабаев, В.И. Гладких, К.К. Горяинов, Л.В. Кондратюк, В.В. Лунев и др.

В частности, Ю.Е. Аврутин определяет причины преступности и факторы, определяющие ее региональные различия, анализирует источники информационного обеспечения анализа региональной преступности, методы сбора, накопления, систематизации и первичной обработки информации [2, с. 7]. В научном исследовании В.И. Гладких изучены состояние, динамика и структура преступности в Центральном федеральном округе России, а также региональные особенности преступности в субъектах ЦФО. Показаны криминологические значимые отличия, качества социально-экономической и демографической обстановки в субъектах ЦФО. Осуществлен факторный анализ состояния преступности, предлагается комплекс мер, направленных на ее предупреждение [5, с. 12].

Одной из специфических особенностей всех криминологических исследований является то, что преступность постоянно изучается в условиях определенного места и времени, конкретных пространственных и временных границ. Приведенное суждение является основанием для утверждения того, что региональный (территориальный) аспект изучения преступности обязателен. Он является предпосылкой для формирования представлений о том, какой причинный комплекс преступности характерен для России в настоящее время, каким он был ранее, и в конечном итоге дает возможность прогнозировать криминогенную ситуацию в России и на территории отдельных ее регионов в будущем, в том числе и отдельных преступных проявлений.

В качестве региональных особенностей преступности в настоящее время рассматриваются:

- определенная экономическая стратификация населения;
- экономическая нестабильность и безработица;
- проявление бюрократизма и коррупции;
- повышенная плотность населения, приводящая к ухудшению условий жизни;
- общая и маятниковая миграция населения, в том числе связанная с прибытием в регионы граждан из приграничных государств;
- уровень противодействия наркотической ситуации;
- приближенность к «горячим» точкам и т.д.

Причины преступлений корыстно-насильственной направленности в регионах в целом идентичны. Анализ специальной литературы показывает, что причинный комплекс грабежей и разбойных нападений включает:

1) высокий уровень безработицы и отсутствие материальных ценностей к существованию;

2) алкоголизм или злоупотребление спиртными напитками;

3) употребление наркотиков при отсутствии средств на их приобретение;

4) отрицательное влияние микросреды (близких, знакомых, друзей);

5) внутренняя установка на обогащение любыми средствами;

6) низкий уровень борьбы со сбытом похищенного имущества;

7) наличие у определенной части преступников незаконно приобретенного оружия;

8) низкая раскрываемость грабежей и разбойных нападений.

Анализируя причины совершения преступлений на территории г. Костромы и Костромской области, следует к основным из них отнести следующие:

1. Нестабильная социально-экономическая ситуация в регионе.

2. Высокий уровень урбанизации населения – на территории областного центра проживает около 464600 человек, что составляет 70,2% от населения всей Костромской области. По некоторым данным, уровень урбанизации в современной России составляет 73,2%.

3. Миграционная ситуация в регионе, связанная с прибытием и трудоустройством иностранных граждан. Мониторинг ситуации в части привлечения и использования иностранной рабочей силы показывает, что в 2013 году оформлено 2873 (+0,8%) разрешений на работу иностранным гражданам, а также 45 (+25%) разрешений организациям на привлечение иностранных работников из дальнего зарубежья. В настоящее время на территории г. Костромы и Костромской области работает 1822 иностранных граждан. Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами в период с 2010 по 2014 годы, в среднем составляет 65 уголовно-наказуемых деяний в год. Вместе с тем, доля преступлений корыстно-насильственной направленности, совершенных иностранными гражданами, ежегодно составляет 9,8% (средний показатель).

Анализ данных уголовной статистики показывает, что в целом на территории г. Костромы и Костромской области с 2010 года по настоящее время наблюдается снижение как общего уровня преступности (в среднем на 6,8% каждый год), так и снижение количества преступлений, предусмотренных ст. 161 и 162 УК РФ (в среднем на 16,8% каждый год).

Несмотря на заметное снижение количества грабежей и разбойных нападений на территории Костромской области в 2013 и 2014 годах, данное снижение приостановилось до 9,7% и 3,5% соответственно, что дает основание прогнозировать к концу 2014 года некоторый рост указанных преступных посягательств.

Причинами преступлений корыстно-насильственной направленности в г. Костроме и Костромской области являются:

1. Определенный уровень безработицы – как показывают данные уголовной статистики, 59,7% грабежей и разбоев совершаются безработными лицами и лицами, не имеющими постоянного источника дохода.

2. Алкоголизм и злоупотребление спиртными напитками – 29,9% преступлений совершено лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения.

3. Низкий уровень противодействия сбыту похищенного имущества – в период с 2010 по 2014 год возбуждено 79 уголовных дел, предусмотренных ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем», то есть в среднем 16 преступлений ежегодно.

4. Слабая защищенность жилищ и хранилищ от хищений – по данным сотрудников вневедомственной охраны УМВД России по Костромской области, на 1 августа 2014 года под охраной сотрудников ОВО с выводом на пульт централизованной охраны находится 1875 квартир, из них 1617 на территории областного центра. Проведенный анализ совершенных грабежей и разбоев показывает, что в жилищах граждан ежегодно в среднем совершается 92 преступления, в том числе в г. Костроме – 27.

Несмотря на то, что данные уголовной статистики о зарегистрированных на территории г. Костромы и Костромской области корыстно-насильственных преступлениях свидетельствуют о снижении преступных посягательств, предусмотренных ст. 161 и 162 УК РФ, удельный вес данных преступлений в структуре общей преступности с 2012 года по 7 месяцев 2014 года имеет тенденцию к увеличению. Если в 2012 году удельный вес указанных преступлений на территории областного центра составлял 4,2%, то по итогам деятельности правоохранительных органов за 7 месяцев 2014 года данный показатель увеличился до 3,7%.

Аналогичная ситуация наблюдается в целом на территории Костромской области (без территории г. Костромы): в 2012 году удельный вес грабежей и разбойных нападений в общей структуре преступности составлял 3,2%, в 2013 году этот показатель увеличился до 3,5%, за 7 месяцев 2014 года он составил 3,3%, что указывает на перспективу его увеличения по итогам деятельности правоохранительных органов в 2014 году.

Определенный интерес вызывает и динамика рассматриваемых корыстно-насильственных преступлений в общей структуре корыстной преступности, регистрируемой на территории г. Костромы и Костромской области. К корыстной преступности в данном случае следует отнести кражи, мошенничества (исключая из них составы преступлений экономического характера), грабежи, разбои, вымогательства, неправомерное завладение авто-

мобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

Так, если с 2010 по 2012 год наблюдалось интенсивное снижение удельного веса преступлений, предусмотренных ст. ст. 161 и 162 УК РФ, в структуре корыстной преступности (с 19,2% до 9,5% на территории г. Костромы и с 10,0% до 7,0% на территории Костромской области), то с 2012 года по 7 месяцев 2014 года данная тенденция изменилась в обратную сторону.

Если в 2012 году на территории областного центра удельный вес преступлений корыстно-насильственной направленности в структуре составил 9,5%, то в 2013 году он незначительно уменьшился (на 0,2%), а по итогам 7 месяцев 2014 года составил 8,9%.

Похожая ситуация складывается и на территории Костромской области (без областного центра). В 2012 году в структуре корыстной преступности удельный вес грабежей и разбойных нападений составлял 7%, в 2013 году данный показатель увеличился до 7,8%. За 7 месяцев 2014 года наблюдается заметное снижение в рассматриваемом направлении до 6,2%, однако с учетом динамики корыстно-насильственной преступности на территории г. Костромы в целом, на территории Костромской области в 2014 году сохраняется рост преступлений, предусмотренных ст. 161 и 162 УК РФ.

Одним из оснований актуальности проводимого исследования является высокий уровень совершаемых грабежей и разбойных нападений в общественных местах и на улицах, что еще раз указывает на открытый характер совершаемых хищений. Однако, анализируя данную ситуацию, следует исходить из того, что указанные преступления в наибольшей степени совершаются в общественных местах и на улицах областного центра – г. Костромы.

Анализ данных уголовной статистики показывает, что в период с 2010 года по 7 месяцев 2014 года среднегодовой показатель совершения рассматриваемых преступных посягательств на территории г. Костромы в общественных местах составил 68,3%, на улицах города – 75,2%.

Еще одним обстоятельством, указывающим на необходимость проводимого исследования в части предупреждения грабежей и разбойных нападений на территории Костромской области в целом, является повышенная виктимность отдельных категорий граждан. В период с 2010 по 2014 годы указанные преступные посягательства наиболее часто совершались в отношении (в каждом случае приводится среднегодовой показатель): женщин – 53,8%; лиц, находящихся с преступником в родственных или знакомых отношениях – 8,0%; малолетних и несовершеннолетних – 7,2%; лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, – 4,4%.

В целях стабилизации оперативной обстановки на территории г. Костромы и Костромской области

предпринят ряд мер профилактического характера.

Регулярно, на основе проводимого анализа совершения преступлений (время, место, способ), организованы и проведены на территории г. Костромы и Костромской области оперативно-профилактические мероприятия «Ночной город», «Улица», «Быт», «Рецидив», «Надзор» и другие подобные мероприятия, которые, как показывает практика, способствовали снижению количества преступлений, совершаемых в общественных местах и на улицах.

Внесены предложения в управляющие компании и органы местного самоуправления по установлению средств освещения улиц, дворов домов, пустырей, где наиболее часто совершаются преступления.

В средствах массовой информации неоднократно освещались факты совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 161 и 162 УК РФ, в отношении женщин и несовершеннолетних, местах совершения преступных посягательств. Через местные телевизионные каналы осуществлялись репортажи, в ходе которых показывались лица, задержанные за совершение грабежей и разбойных нападений.

Таким образом, проведенный анализ регистрации грабежей на территории Костромской области в целом в 2013 году и за 7 месяцев 2014 года показывает, что если в 2013 году за месяц в среднем регистрировалось 19,1 грабеж, то за 7 месяцев 2014 года данный среднемесячный показатель составил 20,7 преступлений (+1,6).

Вместе с тем, данные уголовной статистики показывают, что интенсивность среднемесячного прироста преступлений корыстно-насильственной направленности на территории Костромской области за 7 месяцев 2014 года составила 23,9 преступления, в 2013 году данный показатель составил 22,8 преступления (или +1,1). Другими словами, приведенные показатели дают основание для про-

гнозирования роста преступлений корыстно-насильственной направленности на территории Костромской области к концу 2014 года.

Для организации должного профилактического воздействия в течение 2014 года УМВД России по Костромской области следует реализовать следующие мероприятия:

– Продолжить проведение оперативно-профилактических операций и мероприятий («Ночной город», «Улица», «Быт», «Рецидив», «Надзор» и других) с целью предупреждения грабежей и разбоев в общественных местах и на улицах г. Костромы и Костромской области. При проведении указанных мероприятий в полной мере использовать положения Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» и Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

– Ежемесячно анализировать места совершения грабежей и разбоев в общественных местах и на улицах, на основе проведенного анализа вносить изменения в маршруты патрулирования нарядов патрульно-постовой службы полиции.

Библиографический список

1. *Аванесов Г.А.* Социальные образования и преступность. Криминологические рассуждения и заметки. – М.: Изд-во Норма-М, 2005. – 142 с.
2. *Аврутин Ю.Е.* Криминологический анализ преступности в регионе. Методология, методика, техника. – М.: Изд-во Форум, 2008. – 237 с.
3. *Бородин С.В.* Организация комплексного планирования предупреждения правонарушений в городах. – М.: Изд-во Дрофа, 2007. – 185 с.
4. *Возгрин И.А.* Вопросы организации правоохранительной деятельности на региональном уровне. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 120 с.
5. *Гладких В.И.* Преступность и ее предупреждение в субъектах Центрального федерального округа. – М.: Изд-во Юрайт, 2010. – 118 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МОДЕРНИЗИРОВАННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье актуализируется вопрос о модернизированном содержании обучения иностранному языку, выявляются его основные характерные черты: внедрение базового и профильного уровней обучения, модульного принципа представления материала, использование Интернет-технологий и дистанционного обучения, формирование у студентов чувства языка, расширение и углубление лингвокультуроведческих знаний.

Ключевые слова: модернизированное содержание, иноязычное обучение, базовый и профильный уровни, модульный принцип, лингвокультуроведение, Интернет-технологии, дистанционное обучение, чувство языка.

Модернизированное обучение иностранным языкам в XXI веке представляет собой инновационное преподавание, организованное на основе принципов коммуникативного характера, ставит своей целью научить иноязычному общению, используя все необходимые для этого технологии. Особенности модернизированного подхода к обучению иностранным языкам наиболее четко выражаются в положениях, отражающих существенные закономерности учебной деятельности, и приобретают статус принципов обучения: коммуникативная направленность обучения всем видам речевой деятельности и средствам языка; ситуативная организация процесса обучения; новизна и информативность учебного материала.

Достижения международного сотрудничества в решении глобальных и региональных проблем резко повышают роль и значение подготовки высококвалифицированных специалистов с развитыми коммуникативными способностями, владеющими иностранными языками, что рассматривается как освоение будущим специалистом определенной сферы мировой культуры в качестве необходимого условия профессиональной компетентности.

Поликультурное образование ориентировано как на сохранение своей социально-культурной идентичности, так и на стремление понимания других культур, умение жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас, верований. Поэтому необходима такая организация процесса обучения, при которой иностранный язык изучался бы как феномен национальной культуры другого народа [5, с. 50].

Новая парадигма модернизированного иноязычного обучения представляет интерес не как абстрактная тема, а как ключ к решению назревших в обществе политических и социальных проблем, оказывает детерминирующее влияние на развитие современного высшего образования, задает совершенно новый уровень требований к его качеству как в процессуальном, так и в результирующем аспектах, и, как следствие, требует более глубокого,

осмысленного, системного подхода к данному вопросу.

В этом, на наш взгляд, заключается актуальность данного исследования.

Немало капитальных трудов было посвящено исследованию проблемы обучения иностранным языкам в современной высшей школе. Осуществление теоретической модели процесса формирования и развития ценностных ориентаций студентов средствами иностранного языка разработано в психолого-педагогической теории В.А. Артемова, Б.В. Беляева, М.К. Кабардова, М.Г. Каспарова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др.; социокультурному, дидактическому аспектам формирования языковой компетенции, определению роли и места иностранного языка в лингвистической культуре посвятили свои работы отечественные исследователи Т.Т. Амиранова, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, А.А. Леонтьев, Е.И. Пассов, Ю.В. Рождественский, В.А. Сластенин, И.И. Халеева, В.Б. Царьков, Л.В. Щерба и др., а также зарубежные теоретики в области образования и педагогики М. Беннетт, И. Бертран, Дж. Бэнкс, Ж. Ласера, Р. Люсиер, Г. Немейстер и др.

Лучшие умы России всегда понимали значение иностранных языков для культурного уровня людей. К примеру, К.Д. Ушинский, великий русский педагог, глубоко обосновал тезис: язык – орудие и средство познания, и в то же время один из могущественных воспитателей человека: «Лучшее и даже единственное верное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык». Французский методист Ж. Ласера справедливо утверждал, что «...без обращения к явлениям культуры изучение языка обедняется и сводится к усвоению фонетических, лексических и грамматических явлений, <...> преподаватель не должен забывать золотого правила: незачем учиться говорить, если нечего сказать» [2, с. 218].

Приоритетное место в этой области занимают работы И. Бертрана и Г. Немейстера, французских исследователей в области образования и педагогики середины XX века.

Нам представляется небезынтесным процитировать выдержку из исследования И. Бертрана (Y. Bertrand, оригинал), который излагает свое отношение к обучению живым языкам, весьма актуальное и в XXI веке:

Un objectif politique est la connaissance des langues étrangères chez une grande partie de la population procure au pays une position favorable dans ses rapports avec les autres nations et, de plus, cette connaissance des langues est censée favoriser la compréhension; la paix et l'amitié entre les peuples [6, с. 215].

Авторский перевод оригинала следующий: Политическая цель: знание иностранных языков у большей части населения представляет в стране благоприятную ситуацию в отношениях с другими нациями и, более того, знание языков благоприятствует взаимопониманию, миру и дружбе между народами.

В новом веке значительно повысился уровень востребованности иностранных языков, они перешли из сферы теоретических предметов обучения – в практические. Так, с внедрением в жизнь модернизированных технологий молодые люди получили возможность коммуницировать с носителями языка посредством такой связи, как компьютер, Интернет-технологии, мобильный телефон и др. и извлекать необходимую информацию. Это качественно новый уровень знаний и умений, требующий овладения иностранным языком. В этой связи высшая школа не только откликается на актуальные изменения в обществе, но и прогнозирует и предвосхищает их в своей образовательной стратегии и тактике.

Следуя особенностям модернизированного содержания иноязычного образования, в числе которых можно назвать гуманитаризацию образования, соответствие требованиям Государственного образовательного стандарта, профессиональную ориентацию, обеспечение возможности прогнозирования конечного и промежуточного результатов обучения, использование электронных образовательных технологий и др., мы составили руководство для преподавателя, подробно проработанное в соответствии с программой и учебным планом по иностранному языку, для организации учебного процесса на неязыковых факультетах.

Разработанная нами программа по иностранному языку и тематика занятий позволяют последовательно вводить новые материалы, используя модульный принцип представления материала, которые включают блоки-практикумы лингвистического, профессионально-ориентированного и коммуникативного модулей. Мы использовали организационно-содержательные инновационные методы и принципы построения курса «Иностранный язык», скоррелированные с задачами, поставленными в нашем исследовании:

– создание определенного базового уровня языковой подготовки (грамматика, орфография, коммуникативные навыки);

– создание предпосылок для достижения профильного уровня подготовки (развитие, совершенствование и углубление знаний языковой компетентности, формирование у студентов поликультурной рефлексии, умение интерпретировать языковые средства, отражающие особенности профильного компонента);

– расширение и углубление лингвокультуроведческих знаний, касающихся страны изучаемого языка;

– использование модульного принципа представления материала;

– умение анализировать статистические данные, адаптироваться к языковой ситуации и т.п., соблюдая нормы речевого и поведенческого этикета;

– использование электронных образовательных технологий в учебном процессе, в том числе, методики дистанционного обучения.

Особое внимание сегодня акцентируется на внедрении технологий дистанционного обучения, которое может быть как альтернативой традиционному обучению, так и прекрасным дополнением к нему, выгодно расширяющим «классические» формы организации образовательного процесса. Дистанционные методы имеют ряд существенных преимуществ: интерактивное обучение с помощью компьютера проводится без отрыва от работы и практически без выездов с места проживания обучаемых; гибкий график и индивидуальные условия для каждого студента; с помощью систем дистанционного обучения осуществляется постоянный доступ обучающихся к учебному материалу; получение навыков поиска и систематизации информации; консультирование и проведение дискуссий; тестирование знаний и навыков студентов.

Таким образом, разработанная нами модернизированная программа позволяет: во-первых, осуществить идею обучения иностранному языку на базовом и профильном уровнях курса, во-вторых, активизировать все сферы личности обучающихся: интеллектуальную, профессиональную, эмоциональную, а также позволяет повысить продуктивность обучения и его поликультурную направленность.

С целью выявления эффективности программы, степени использования иностранного языка в профессиональной и других сферах деятельности, изучения мотивации к постижению иностранного языка, мы провели опрос среди студентов неязыковых специальностей вузов, в котором принимали участие 164 респондента (табл. 1).

Из таблицы видно, что студенты редко используют иностранный язык в будущей профессии, чаще – в бытовых ситуациях, для повышения самооценки или карьеры, но в большей степени

Цели изучения иностранного языка в процентном выражении

Цель изучения иностранного языка	Процентное выражение
Применение в профессиональной деятельности	19%
Чтение специальной литературы	5%
Повышение самооценки или для карьеры	28%
Для сдачи экзамена	64%
Использование в различных ситуациях	29%
Владение языком в рамках бытовой тематики	38%
Использование иноязычного Интернета	72%

с целью сдачи экзамена и использования Интернет-ресурса.

В целом из полученных ответов можно сделать следующие выводы: почти 30% студентов относятся к изучению иностранного языка с достаточной степенью ответственности, считают возможным использование его в профессиональной деятельности и считают его знание необходимым для будущей карьеры, проявляют творческий подход в использовании иностранного языка в различных бытовых ситуациях, используют в своей подготовке иноязычный Интернет. Тем не менее, стремление молодежи к изучению языков на более высокой ступени уже характеризуется как положительная мотивация к процессу иноязычного образования.

Используя модульный принцип обучения, при отборе и организации текстового материала и заданий к нему для студентов неязыковых специальностей мы преследовали цели как предметно-содержательные, так и познавательные. Это ведет к овладению студентами новых знаний, к формированию новых способов деятельности, новых мыслительных и практических операций и приемов, то есть поднимает обучаемых на более высокую ступень познания.

Следует отметить, что освоение будущими специалистами не только лингвистических знаний и речевых умений, но и законов, обычаев, национального менталитета страны изучаемого языка, ее истории, культуры, психологических, социальных и поведенческих особенностей носителей языка способствуют лучшему пониманию людей данной культуры, ощущению симпатии к ним, более тесному взаимодействию с ними.

Молодые люди подсознательно чувствуют влияние на них иностранного языка, языковой культуры. Это влияние отражается на их вкусах и предпочтениях в музыке, литературе, моде, еде. Поэтому овладение иностранным языком рассматривается как приобретение межкультурной ориентации с учетом уровней владения обучающимися этим языком [3, с. 88].

Социальное и культурное предназначение иностранного языка в сочетании с комплексом речевых, лексических и грамматических знаний способствуют зарождению, воспитанию и становлению

чувства языка, столь необходимого для его постижения и формирования профессиональной компетентности специалиста любого профиля. Овладение иностранным языком оказывает благотворное влияние на развитие способностей речеведительного аппарата, развиваются фонематический и интонационный слух, имитационные способности, лингвистическая и поликультурная рефлексия, что также ведет к обретению чувства языка. Диагностирование уровня соответствия личности обучаемых требованиям профессии, оценка сформированности личностной компетентности будущего специалиста, моделирование на занятиях учебных ситуаций реальной действительности в предполагаемых обстоятельствах развивает воображение и творческие способности студентов.

Сегодня лидирующая позиция принадлежит английскому языку. Однако значительная часть слов французского, итальянского, испанского и др. происхождения заполонила русский язык. Использование слов иноязычного происхождения в русском языке, несомненно, может явиться облегчающим фактором в постижении любого иностранного языка, что является полезным методическим приемом в обучении, важным фактором для повышения мотивации, свидетельствуют о заслуженном месте иностранного языка в современном мире.

Обучаемый постигает иностранную речь, культуру, историю «чужой» страны в сравнении с родной культурой, этнографией, языком. Но сегодня – это иной иностранный язык, который подвергся разительным переменам в связи с изменениями во всех сферах экономической, политической и социальной жизни.

В повседневной жизни молодые люди знают, понимают и используют большее количество слов иностранного происхождения, чем 2–3 десятилетия назад, его речь более рациональна и прагматична. Однако утрачивается пласт лексики, придающий речи поэтичность, красоту, изысканность [1, с. 195].

Заметим, что имеет место и негативный эффект в употреблении иноязычных слов. Мода на иностранные слова приобретает в последние десятилетия катастрофический характер. В процессе заимствования слов из других языков уже происхо-

дит частичная потеря значения, что ведет к расхождению понятийного содержания в межкультурном контексте. Частое применение этих слов в различных областях знаний, апеллирование к ним в различных контекстах приводит, как правило, к их десемантизации, а употребление того или иного термина без должного понимания его специфики, в отрыве от первоначального значения или просто как дань модному увлечению таит в себе опасность скорой дискредитации и даже незаслуженного забвения.

Значительно большую опасность представляет употребление модных иностранных слов в быту. Чрезмерное и неправильное использование подобных слов, вне всякой логики и смысла, игнорирование литературных норм приводит к неадекватным интерпретациям в речи, непониманию реалий, казусам.

Зачастую, в средствах массовой информации (!), на рекламных щитах городов можно встретить бездарные рекламы, вывески, названия магазинов, фирм на иностранных языках или иностранных слов в русской транскрипции. При этом допускаются фонетические, лексико-грамматические ляпы. Что это? Дань моде или ложное представление о знании языков? А может быть элементарное незнание культуры данной страны? [3, с. 98–99].

Языковая мода может иметь отрицательные последствия, когда заимствованные термины популяризируются без достаточной проработки их понятийного содержания; когда понятие трактуется на основе лишь собственного опыта; когда оно необдуманно используется только потому, что это модно сегодня [4, с. 43].

Не вызывает сомнения необходимость изучения языков и культур в их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Язык – не только средство общения людей, но и ключ, орудие, инструмент культуры, который не существует вне культуры и может быть в определенных ситуациях также средством разобщения людей.

Следует признать что, культурный барьер гораздо более опасен, чем языковой. Если ошибки в иностранном языке можно либо пропустить, либо отнестись к ним с долей снисходительности, то культурные ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление.

Рассмотрев и переосмыслив отношение к обучению иностранным языкам в контексте его мо-

дернизированного содержания, мы выявили следующие характерные черты:

1. Осуществление обучения иностранному языку на базовом и профильном уровнях с использованием модульного принципа представления материала.
2. Активизация всех сфер личности обучающихся: интеллектуальной, профессиональной, эмоциональной, а также повышение продуктивности обучения.
3. Возможность коммуницировать с носителями языка и извлекать необходимую аутентичную информацию из сети Интернет.
4. Оптимальное использование дистанционных образовательных технологий в учебном процессе.
5. Расширение и углубление лингвокультуроведческих знаний, касающихся страны изучаемого языка.
6. Усвоение речевых механизмов и стандартов изучаемого языка, формирование чувства языка у студентов, необходимого для его постижения.
7. Необходимость культивировать не моду на иностранные слова и на язык в целом, а последовательно, систематически осмысливать их специфику, этимологию, сознательно употреблять иностранные слова, придающие языку красоту и изысканность.

Библиографический список

1. Кузнецова Н.Н. Свойства экспрессивного слова // Язык и культура: материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею проф. Л.В. Савельевой. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – С. 193–196.
2. Ласера Ж. Реалии французской культуры на уроках французского языка // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам: Сб. статей / под. ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1974. – С. 217–224.
3. Сидикова Н.В. Профессионально-компетентностная модель иноязычного обучения: пути формирования в условиях многоуровневого образования. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2012. – 180 с.
4. Харламова М.В. Языковая мода в дидактической и методической терминологии // Иностранные языки в школе. – 2004. – №5. – С. 39–43.
5. Чеджемова Н.М. Психолого-педагогические аспекты гуманитаризации высшего образования средствами иностранного языка. Монография. – Владикавказ: СОГУ, 2004. – 98 с.
6. Bertrand Y. Remarques sur les objectifs de l'enseignement des langues // Les langues modernes. Paris. – 1977. – №3. – P. 215–230.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные группы профессиональной лексики на английском языке, необходимой студентам химико-технологических специальностей, а также различные упражнения, помогающие студентам усвоить данную лексику.

Ключевые слова: профессиональная лексика, химия, обучение английскому языку

На современном этапе развития высшего образования одной из актуальных проблем является необходимость качественного улучшения знания профессиональной лексики на иностранном языке у студентов различных специальностей. Успешное овладение ею – это необходимая предпосылка для получения интересной работы, укрепления сотрудничества с представителями различных стран, для продолжения обучения за рубежом и профессионального роста в избранной области специализации.

Лексические знания обеспечивают успешное овладение основами всех видов речевой деятельности. Под лексическими знаниями понимается не только совокупность языковых сведений об иноязычном слове, но и знание программ действия со словом, т.е. определенных стратегий обращения с иноязычным словом.

В нашей работе мы делим профессиональную лексику, изучаемую студентами-химиками, на несколько групп: общенаучные термины (*property* – свойство, *to discover* – открывать, *development* – развитие, *to undergo* – переносить и т.д.), основные химические понятия (*substance* – вещество, *matter* – вещество, *материя*, *chemical element* – химический элемент и т.д.), названия шкал, законов и т.п. (*Periodic Table* – периодическая система элементов, *Celsius scale* – шкала Цельсия и т.д.), названия химических элементов (*hydrogen* – водород, *oxygen* – кислород, *helium* – гелий и т.д.), названия химических соединений (*hydrochloric acid* – соляная кислота, *sodium chloride* – хлорид натрия, *sulphuric acid* – серная кислота и т.д.), названия приборов и инструментов в лаборатории (*test-tube* – пробирка, *flask* – колба, *beaker* – мензурка, *Bunsen burner* – горелка Бунзена и т.д.), названия процессов (*condensation* – конденсация, *evaporation* – испарение и т.д.).

Лексические упражнения, направленные на изучение студентами химико-технологических специальностей профессиональной лексики, можно разделить на две категории:

1) запоминание слова, его семантики в единстве с фонетической и грамматической формой;

2) формирование словосочетаний и предложений.

Приведем примеры упражнений первой категории.

Name the chemical devices that you see on the picture (Назовите изображенные на картинке химические приборы).

Match the following English words and their Russian equivalents (Сопоставьте английское слово и его русский эквивалент).

Find the pairs of synonyms (Найдите пары синонимов): *matter*, *various*, *main*, *quantity*, *often*, *different*, *use*, *amount*, *employ*, *frequently*, *substance*, *fundamental*.

Find the pairs of antonyms (Найдите пары антонимов): *simple*, *constant*, *dilute*, *early*, *involve*, *unite*, *dependent*, *individual*, *complex*, *concentrated*, *independent*, *common*, *late*, *alternative*, *evolve*, *separate*.

Open the brackets choosing a suitable word (Раскройте скобки, выбрав подходящее слово):

1. (A balance, a calorimeter, a thermometer) is a device which determines the quantity, but not the quality of heat in a body.

2. If a chemist determines mass, he is to employ (a-flask, a thermometer; a balance).

3. (A calorimeter; a flask, a microscope) is used if a chemist must examine small samples of matter.

4. For the measurement of volumes of gases a chemist uses (burettes, pipettes, gas burettes).

Open the brackets choosing a suitable form of the adjective (Раскройте скобки, выбрав подходящую форму прилагательного):

1. Atoms are not (smaller, the smallest) particles, but they are very small.

2. This discovery is (more important, the most important) than the previous one.

3. It is much (easier, the easiest) to make parts of plastics than of metal or wood.

4. This is (better, the best) laboratory in our Institute.

5. Aluminium is (lighter, the lightest) known metal.

6. Hydrogen is (lighter, the lightest) of the elements.

State the parts of speech of the following words (Укажите части речи следующих слов): *extremely*, *means*, *essentially*, *constituent*, *regular*, *relative*, *determination*, *unite*, *evidence*, *type*.

Find the words having similar sound forms and the same meanings both in Russian and in English (Найдите слова, имеющие одинаковое звучание и значение в русском и английском языках): *various*, *change*,

thermometer, cylinder, gas, sample, microscope, examine, centimetre, metre, gram, distance, volume, litre, heat, calorie, temperature, millimetre, frequently.

Read and translate the following cognate words (Прочитайте и переведите однокоренные слова): *observe, observation; rest, restless, restlessness; suspend, suspension; collide, collision; hard, hardly, hardness; power, powerful; attract, attractive, attraction; compress, compressible.*

Translate the following groups of words (Переведите следующие группы слов): *to consider - considerable - consideration; to form - form - formation - formal; to contain - container; public - publicity - publish - publisher.*

Вторую категорию упражнений составляют упражнения в построении словосочетаний и предложений, характер которых определяется в каждом отдельном случае образом будущего высказывания учащихся. Словосочетания и предложения выстраиваются по законам смысловой совместимости в тесном взаимодействии с грамматическими нормами. Приведем примеры таких упражнений.

Make the phrases using the following model (Составьте фразы, используя следующую модель): *Данные о работе печи. – Furnace operation data. Регуляция температуры, производство алюминия, процесс дистилляции.*

Write the continuation of the sentences (Закончите предложения):

1. *The scientist worked hard at ...*
2. *It was very important to solve this ...*
3. *They could not finish their work without ...*
4. *When Dmitry Mendeleev went to gymnasium he was interested in ...*

Answer the question using the following words and phrases: What are the main characteristics of solids? (Ответьте на вопрос, используя следующие слова и словосочетания: Каковы основные характеристики твердых тел?) *Hard, definite shape, a heap of powder, grains, tiny cubes, fixed shape, crystalline substance, millions of ions holding together, regular pattern.*

Для того чтобы изученная лексика не осталась в пассивном словарном запасе, необходимо не только читать и переводить тексты по специальности, но и употреблять различные термины в разговорной речи в соответствии с заданной ситуацией. Приведем несколько примеров вопросов и заданий для продвинутых студентов, способных свободно

пользоваться профессиональной лексикой в устной речи.

Tell the average room temperature by the Celsius and Fahrenheit scales (Назовите среднюю комнатную температуру по шкале Цельсия и Фаренгейта).

Describe the laboratory you usually work in. What is it provided with? (Опишите лабораторию, в которой вы обычно работаете. Чем она оснащена?)

Name the outstanding chemical properties of ... (oxygen, hydrogen, etc) (Назовите химические свойства какого-либо элемента – кислорода, водорода и т.д.).

Agree or disagree (Согласитесь или возразите):

1. *Nitrogen is one of the most common elements on the Earth.*
2. *The composition of the atmosphere is constant.*
3. *Air normally contains only gases.*
4. *The inert gases constitute approximately 1% of the atmosphere.*
5. *The inert gases include oxygen.*

Think of possible reasons for these mysterious happenings and then compare your ideas with the story (Подумайте о возможных причинах этих загадочных происшествий и сравните свои идеи с рассказом).

Усвоение указанных групп профессиональной лексики в ходе рассмотренных ниже упражнений развивает у студентов умения и навыки самостоятельного чтения англоязычной литературы по специальности, ведения научной беседы, а также написания дипломных и курсовых работ; докладов, связанных с их научными интересами.

Библиографический список

1. *Великородов А.В., Рябичкина Г.В.* Краткий англо-русский словарь по химии. – Астрахань, Астраханский ун-т, 2009 – 75 с.
2. *Данилина Е.И.* Химия на английском языке. Пособие по переводу химических текстов с русского на английский. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2007. – 127 с.
3. *Роганова Л.А., Свиридов А.В., Наумов А.Р.* Практикум по английскому языку для студентов, обучающихся по направлению подготовки 04.04.01 «Химия». – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 49 с.
4. *Роганова Л.А.* Исследование жизнедеятельности объединения юных техников // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2009. – №2. – С. 332–337.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ МЕТОДИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(на примере международной программы Full Bright с носителями языка)

Статья посвящена проблемам методик преподавания английского языка на неязыковых факультетах КГУ им. Н.А. Некрасова. Рассматриваются некоторые преимущества коммуникативной методики преподавания языка. Анализируются активные формы обучения, в частности, ролевые игры. Содержится спектр ориентаций ролевой игры – дидактичный, развивающий и социализирующий.

Ключевые слова: коммуникативная методика, ролевая игра, межкультурное взаимодействие, поликультурный мир.

В мире методологии преподавания английского языка существуют постоянные дебаты на тему того, какая методика изучения английского языка лучше. Сторонники классической методики говорят, что этот традиционный способ изучения языка является более предпочтительным. Ведь он включает в себя отработку всех четырех основных языковых навыков: разговорной речи, аудирования, чтения и письма. Также расширяется лексический запас и улучшается произношение. Сторонники коммуникативной методики указывают на недостатки этой методики. Во-первых, при всестороннем изучении языка не остается времени на чисто разговорную практику, а во-вторых, преподаватели, как правило, не являются носителями языка. Поэтому если цель человека – научиться общаться, то в этом случае коммуникативная методика ему подходит больше.

Анализ исследований и научных публикаций свидетельствует, что проблема методов обучения привлекает внимание многих известных ученых и педагогов-практиков. Среди них М.Ф. Стронин, К.Д. Ушинский, И.М. Мельник, А.О. Топоров, Н.П. Аникеева и другие.

Практика изучения иностранного языка с носителем успешно существовала в России еще с Петровских времен. И в самом деле: кто еще сможет наравне с человеком, с детства разговаривающим на изучаемом языке, разобраться в его нюансах? Наибольшие сложности возникают в процессе овладения именно разговорной речью; именно поэтому наиболее эффективный способ изучать английский – это общение с носителем языка.

Что дает английский с носителем?

Подобный метод обучения является наиболее оптимальной альтернативой в том случае, когда необходимо в кратчайшие сроки снять психологический барьер в общении с иностранцами.

Английский с носителем языка – это:

1. Комфортное общение, подразумевающее максимальное погружение в языковую среду.
2. Естественное, «живое» произношение, способствующее развитию разговорной речи.
3. Возможность более близкого знакомства с англоязычной культурой, жизненным укладом и тра-

дициями, что особенно важно для тех, кому предстоит непосредственное общение с иностранцами.

Носитель языка моделирует ситуации, аналогичные событиям в реальной жизни, когда бывает сложно предугадать, в какое русло направится разговор буквально через минуту, – это значительно способствует мобилизации ресурсов обучаемого.

Многим студентам знакомо ощущение, когда язык буквально прилипает к нёбу при попытке заговорить на изучаемом языке. Занятия с носителем языка позволяют преодолеть имеющиеся комплексы, страхи и барьеры в общении.

На занятиях с преподавателем-носителем весь урок происходит исключительно на английском языке, начиная с момента встречи и заканчивая прощальными словами. Подобный подход способствует перестройке мышления: со временем и при активном подходе к процессу обучения, студенты понимают, что уже не занимаются в уме переводом фраз с русского на английский и обратно.

Студентам приходится формировать мысли и выражать их, полагаясь только на свой активный вокабуляр. Работая с носителем языка, студенты опираются на реальные знания, что способствует интенсивному освоению разговорной речи. Так воплощается в жизнь коммуникативная методика быстрого изучения английского языка.

Изучение иностранного языка приобретает особое значение в современном мире. Будущее бизнеса и новых технологий – за международным сотрудничеством, которое невозможно без понимания культурных различий и национальных особенностей людей, населяющих планету. Поэтому важно не просто выучить другой язык, а понимать менталитет его носителей.

Полное погружение в языковую среду, английский или американское произношение, разговорные обороты, современный язык – изучение английского с носителем языка дает немало. Носители прекрасно проводят дискуссии, индивидуальные занятия, создают комфортную атмосферу общения. Изучение английского с носителем языка – это еще и познание англоязычной культуры, возможность узнать о традициях, укладе жизни. А это просто необходимо тем лю-

дям, которым предстоит общаться с иностранцами.

Но, к сожалению, знать самому – не всегда значит уметь научить других. Несомненно, носитель языка должен иметь филологическое образование или сертификат о прохождении специального обучения длительностью не менее 140 часов. Проведение урока, на первый взгляд, – простой вид деятельности, но он имеет свои правила. Незнание этих правил или их несоблюдение превращает занятие в скучную и непонятную лекцию с постепенной потерей интереса к изучаемому предмету.

В качестве минусов многие отмечают неспособность носителя языка провести аналогии с грамматическими или лексическими конструкциями в русском языке. Таким образом, студент оторван от фундамента родного языка. На мой взгляд, это не всегда мешает, а в некоторых случаях действует с обратным эффектом.

Действительно полезно заниматься с носителем студентам 2-х и 3-х курсов неязыковых факультетов, которые получают возможность отрабатывать навыки говорения в живой, а не смоделированной ситуации. Ничто не подготовит их к беглому общению так, как занятия с носителем английского языка. Кроме того, носитель говорит именно на том языке, который используется сейчас, а не на классическом варианте, который мы изучаем по учебникам.

Чаще всего, к носителям обращаются с целью преодолеть языковой барьер, проще говоря, разговаривать и научиться воспринимать английскую речь на слух. Но носители могут вести не только разговорный курс, но и различные специализированные курсы, преподавать бизнес английский и готовить студентов к международным экзаменам.

Еще одна важная задача, которая решается во время занятий с носителями – это приобретение английского акцента. Студент быстро привыкает к беглой английской речи и начинает автоматически копировать правильное произношение.

В современных методах изучения английского языка широко используются ролевые игры. Здесь многое зависит не только от фантазии носителя, но и от фантазии студентов. Возможно разыграть любую ситуацию: встреча старых друзей, диалог с продавщицей мороженого, с человеком, с которым имеешь деловые отношения и т. д.. Ролевые игры помогают научиться думать на английском языке, с помощью ролевых игр студент перестает

стесняться своих ошибок и лексического запаса и приобретает внутреннюю свободу. Ведь игра – это интересное занятие. Все ее участники равны, даже самые слабые не стесняются благодаря чувству равенства. Если участник ролевой игры не знает какое-то слово, он всегда имеет возможность заменить его на любое другое. Также с помощью ролевой игры ее участники учатся мгновенно придумывать синонимы или в очень короткий срок перестраивать предложения, в зависимости от того, как складывается беседа. Участники игры могут менять свои образы – быть приятными или бескомпромиссными, гостеприимными, в хорошем настроении или мрачными, т. е. принимать любые образы на свой вкус и относительно этого строить свой разговор. Ролевая игра – не только интересный вид деятельности, она очень полезна для мировоззрения, а, следовательно, и для образования человека.

Интересно, что почти все студенты говорят, что главная цель изучения языка для них – это общение на английском языке. Ведь грамматику или какую-то новую лексику можно изучить и самостоятельно, в то время как приобрести опыт в общении самостоятельно невозможно. Погружение в языковую среду является очень эффективным методом изучения английского языка.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование коммуникативной методики в преподавании английского языка студентами-участниками программы Full Bright имеет свои преимущества над традиционной методикой благодаря активным формам обучения, одной из которых является ролевая игра. Студенты, обучающиеся по этой методике, могут творчески использовать свои знания, быстро и эффективно изучать английский язык и приобретать языковую практику.

Библиографический список

1. *Аникеева Н.П.* Психологический климат в коллективе: научное издание. – М.: Просвещение, 1989. – 223 с.
2. *Мельник И.М., Топоров А.О.* Использование игровых методов в психологической практике: учебное пособие. – Харьков: ХГУ, 1992. – 6 с.
3. *Стронин М.Ф.* Обучающие игры на уроке английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 370 с.
4. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 267 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье проведен анализ распределения времени профессорско-преподавательского состава в процессе педагогической деятельности. Проанализированы проблемные вопросы планирования, представлены возможные пути решения проблемных вопросов организации учебной и научно-исследовательской работы студентов.

Ключевые слова: нагрузка преподавателя, научная деятельность студентов.

В настоящее время изучение проблем высшей школы принимает более глубокий и системный характер. Ведутся поиски наиболее рациональных форм и методов обучения, расширяется внедрение в учебный процесс активных технологий овладения знаниями.

Для рационального распределения времени преподавателя и обеспечения оптимального выполнения большого и сложного комплекса работ в общей системе организации деятельности существенную роль играет четкое планирование, разработка соответствующей документации и распределение времени на учебный год по видам деятельности.

Основным документом, в котором планируется и учитывается работа преподавателя, является его индивидуальный план. При разработке индивидуального плана возникают различные трудности. Во-первых, необходимо определить вид деятельности преподавателя, подлежащий учету. Во-вторых, нужны объективные нормы расхода времени на различные виды деятельности. Основная трудность в данном случае состоит в установлении расчетных норм времени на не регламентированные и трудно контролируемые виды деятельности.

В результате проведенного нами анализа статистического материала, полученного на примере военного вуза, данные по средней годовой загруженности преподавателей по разным видам деятельности представлены на рисунке 1.

Общая годовая нагрузка у всех категорий профессорско-преподавательского состава военного вуза практически одинакова. Она составляет около

8 часов в день, считая, что учебный год включает 46 недель. При этом следует иметь в виду, что индивидуальный план не включает некоторые виды деятельности, которые дополнительно требуют значительного времени. Как показано на рисунке 1, 45% времени занимает учебная деятельность, 16% – методическая деятельность, 33% – личная подготовка, 6% – научно-исследовательская деятельность.

На рисунке 2 представлено распределение времени для работников университета, осуществляющих педагогическую деятельность, устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени не более 36 часов в неделю, в пределах которого преподавателями выполняется учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская, и воспитательная работа, планируемая в часах.

На основе проведенного анализа видно, что наибольшее время в нагрузке уделяется учебной и методической работе.

Рассматривая распределение нагрузки профессорско-преподавательского состава вузов, видно, что на научно-исследовательскую деятельность уделяется 6–15% всего бюджета времени. В свою очередь эти же 6–15% подразделяются на индивидуальную и кафедральную научную деятельность (написание учебных пособий, подготовка монографий, статей, рецензии и участие в НИР кафедры, вуза или заказных и др. виды деятельности). В итоге на научную работу со студентами у преподавателя остается еще меньше времени. В связи с этим перед вузами становится актуальный вопрос по подготовке студентов к научно-исследовательской

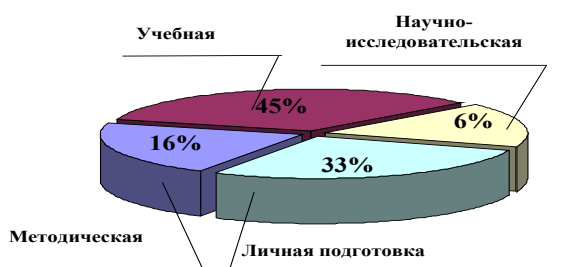

Рис. 1. Диаграмма распределения загруженности профессорско-преподавательского состава по видам деятельности в военном вузе

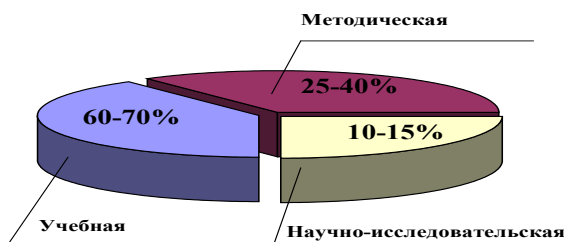

Рис. 2. Диаграмма распределения загруженности профессорско-преподавательского состава по видам деятельности в гражданском вузе

и проектной деятельности и формированию профессиональных компетенций.

Организация научно-исследовательской работы студентов во многом зависит от преподавателя в его компетенции, желании и возможности работать.

В процессе реализации программ подготовки специалистов, в соответствии с требованиями ФГОС 3 поколения, выпускник должен обладать профессиональными компетенциями в проектной и научно-исследовательской деятельности.

В соответствии с разработанными положениями в вузах об организации НИРС, научно-исследовательская работа подразделяется: на НИРС в учебное время, и НИРС во внеучебное время.

В процессе изучения проблем научно-исследовательской и проектной деятельности студентов вуза было изучено более 200 отзывов от выпускников за период с 2008–2013 года, произведен устный и письменный опрос преподавателей вузов – 80 человек, студентов – 350 человек.

В процессе изучения отзывов было уделено внимание следующим видам деятельности, которыми должен обладать выпускник: организационно-управленческая; проектно-конструкторская; научно-исследовательская; производственно-технологическая; эксплуатационная.

Изученный материал по данным поступивших отзывов показывает, что общими недостатками в служебной деятельности выпускников являются: недостаточные навыки самостоятельной работы (27,28%), слабое знание руководящих документов (50%), недостаточные практические навыки при работе на штатной технике (аппаратуре) и обслуживанию (36,36%), недостаточный уровень методических навыков (36,36%).

Важнейшим элементом формирования соответствующих компетенций будущего специалиста является активное участие в научно-исследовательской деятельности. Именно в рамках самостоятельной (под руководством преподавателя) научно-исследовательской работы возникает положительная мотивация сту-

дента на достижение реальных результатов, создается основа для формирования системы знаний, умений и навыков.

Особую актуальность решению проблемы индивидуализации процесса подготовки выпускников с высшим образованием придает обостряющаяся конкуренция на рынке труда, те особенности современной профессиональной деятельности, которые диктуют необходимость постоянного самообучения, повышения квалификации, совершенствования полученных в вузе компетенций.

На рисунке 3 представлены основные формы участия студентов в научно-исследовательской деятельности.

Повышение процента участия студентов происходит на старших курсах, данный факт связан с тем, что студенты вынуждены заниматься исследованиями, после определения темы выпускной квалификационной работы.

Основная проблема вовлечения студентов на младших курсах связана с рядом проблемных вопросов: слабый школьный уровень подготовки, низкая мотивация студентов и преподавателей, загруженность, отсутствие навыков самостоятельного анализа материала, отсутствие баз данных о проводимых ранее исследованиях.

Проблема активизации научно-исследовательской работы студентов, прежде всего, связана с правильностью выбора формы исследовательской деятельности, а задача преподавателя – грамотно сопоставлять возможности и интересы студентов с требованиями учебного плана. Решение задачи возможно лишь в том случае, если студенты проявят заинтересованность и активность, и, соответственно, будет реализация проведенного исследования. Мотивация студентов, прежде всего, закладывается преподавателем в ходе лекций, групповых и практических занятий, включающая в себя развитие, расширение и обновление знаний. Теоретические знания студенты получают из научной литературы. Профессиональные знания и на-

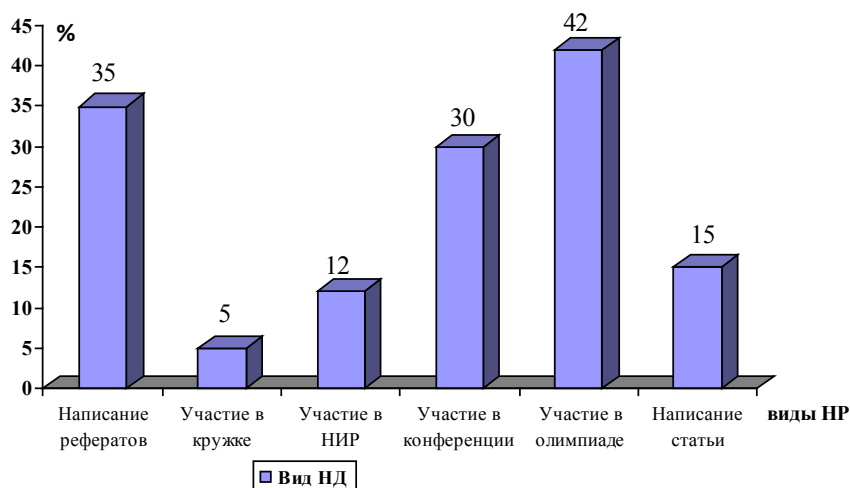

Рис. 3. Основные виды участия студентов в НИД

выки студентов формируются путем подготовки к занятиям, участия в научно-исследовательской и проектной деятельности. Основную роль играет самостоятельность студентов в процессе подборки и анализе информации. В процессе проведенного исследования установлено, что 70% студентов имеют низкий уровень компетентности в научно-исследовательской деятельности, а 30 % – средний уровень. Высокий уровень характеризуется интересом к изучаемой дисциплине и научно-исследовательской деятельности и пониманием ее значимости. Средний уровень характеризуется поверхностным представлением о научно-исследовательской деятельности. Низкий уровень характеризуется слабым представлением о научно-исследовательской деятельности, неумением видеть проблему, выделять противоречие, неспособностью самостоятельно выстроить исследование.

В процессе подготовки квалифицированного специалиста необходимо уделить внимание задачам, целям и понятиям научной деятельности, которые стоят перед вузом, в каких направлениях производятся исследования. По итогам проделанной работы студенты будут наделены необходимым объемом знаний и компетенций, которые в дальнейшем помогут им для развития самостоятельных навыков для научного поиска.

На основе анализа вытекающих проблемных вопросов можно сделать вывод, что необходимо более качественно подходить к планированию и организации научно-исследовательской работы студентов. Задача любого вуза заключается в повышении уровня подготовки качества специалиста.

В процессе реализации программ подготовки ФГОС ВПО 3 поколения возникает необходимость пересмотра процесса формирования и привития научно-исследовательских и проектных компетенций выпускникам.

Один из возможных вариантов решения проблемы может быть реализован через вовлечение студентов в НИД по средствам интеграции учебной и научно-исследовательской работы.

Проведенный анализ исследований по проблеме интеграции позволяет сделать заключение о том, что в выполненных работах рассматриваются проблемы межпредметных связей в основном внутри одной или между двумя учебными предметами. Чаще всего за основу реализации межпредметных связей берутся единичные элементы системы научных знаний: факты, явления, процессы, понятия и законы. Практически нет работ, в которых исследовалась бы методика реализации межпредметных связей предметов естественно-научного цикла на основе обобщающего элемента естественнонаучных знаний.

Однако для выявления и успешного функционирования внутрипредметных, межпредметных интеграционных связей необходимо не только

определять последовательность передачи учебной информации, а также формулировать цели обучения по этапам в виде умений, знаний и навыков. Необходимо сделать научно-обоснованный отбор содержания учебного материала с учетом специализации; продумывать систему методов, способов и средств, соответствующих каждому этапу обучения, и учитывать такие факторы, как уровень развития познавательного интереса, условия обучения и множество других факторов, влияющих на качество подготовки. Это означает, что применение внутрипредметных, межпредметных связей в реальном учебном процессе зависит от многих факторов, без учета которых нельзя строить процесс обучения на интеграционной основе.

Таким образом, проблема исследования состоит в решении задач интеграции учебной и научно-исследовательской работы в области внутрипредметных, межпредметных, и межцикловых связей учебных дисциплин при подготовке квалифицированного специалиста. При этом необходимо учитывать множество факторов, влияющих на качество подготовки специалиста, а также провести оценку эффективности всех действий, направленных на развитие профессиональных компетенций при подготовке студентов.

Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии противоречия между приобретенными студентами за период обучения в вузе и зафиксированными в реальности знаниями, умениями и навыками, без которых невозможна их успешная профессиональная деятельность.

Данное противоречие обостряется стремительным развитием наукоемких технологий, которые предъявляют возросшие требования к специалистам и к содержанию их подготовки. В этих условиях студенту приходится одновременно быть воспитанным и компетентным управленцем, технологом, программистом, инженером-исследователем, наладчиком специальной аппаратуры, конструктором. Подготовить такого специалиста непросто.

Во-первых, он должен обладать разным сочетанием знаний, умений и навыков, а также набором компетенций, позволяющих ему реализовать результаты своего труда.

Во-вторых, необходимо выявить состояние проблемы интеграции учебной и научно-исследовательской деятельности в профессиональной подготовке специалистов.

В-третьих, необходимо определить методологические подходы в интеграции учебной и научно-исследовательской деятельности в профессиональной подготовке студентов.

В-четвертых, разработать и обосновать модель формирования готовности к научно-исследовательской работе студентов и разработать рекомендации по повышению эффективности интеграции

учебной и научно-исследовательской деятельности в профессиональной подготовке специалистов.

В виду сложности и многоплановости вытекающих задач, принципиальным является положение о том, что созрела необходимость создания конкретных проектов подготовки студентов на основе проведенных исследований, а также объединения усилий специалистов как гуманитарного, так и технического профилей в совместном поиске резервов повышения качества подготовки выпускников.

Библиографический список

1. Клейман И.С., Ладейщикова Л.Н., Кяшин Ю.И., Тиунов В.В. Развитие научного творчества студентов в процессе профессионально-направленной целевой фундаментальной подготовки // Развитие творческой активности сту-

дентов в учебной, научно-исследовательской и социально-политической деятельности. – М.: МГУ, 1990. – С. 98–107.

2. Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений ВПО РФ. Министерство образования и науки РФ Москва 2012г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://минобрнауки.рф/новости/2775/файл/1265/12.10.31-Мониторинг_Результаты.pdf (дата обращения 20.10.2014)

3. Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций / под ред. д.и.н. М.В. Новикова. – Ярославль: ЯГПУ, 2009. – 211 с.

4. Тюлю Г.М., Неробова В.А. Исследование систем управления: учеб. пособие. – Череповец: ЧГУ, 2013. – 252 с.

УДК 78.01

Заболотная Людмила Ивановна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
lyu99778735@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА

Обоснованы педагогические пути реализации герменевтического подхода к интерпретации музыкального текста, выявлена специфика понимания музыкального произведения на основе герменевтического подхода. Представлена музыкально-педагогическая проекция феномена «интерпретация» применительно к процессу обучения в музыкально-исполнительском классе. Проанализирована система общепедагогических и специальных принципов, обеспечивающих целостность понимания музыкального текста исполнителем.

Ключевые слова: герменевтический подход, музыкальный текст, интерпретация, общепедагогические и специальные принципы.

Обращение к проблеме интерпретации музыкального текста всегда было актуально для музыкальной педагогики и теории исполнительства. Попытки найти методы, помогающие расшифровать смысл, заключенный в музыкальных звуках и реализовать интерпретаторские мысли и идеи в музыкально-исполнительской деятельности требуют для нового прочтения музыкального текста не только традиционных музыкально-педагогических и исполнительских ориентиров. Сегодня актуально рассмотрение возможностей герменевтики, науки, задача которой – понимание, интерпретация текстов, знаковых систем, символов. Герменевтический подход включает такой набор методов, процедур и правил, которые способствуют логико-познавательному и иррациональному истолкованию (постижению) и пониманию смысла музыкального текста.

Поэтому поиск педагогических путей для достижения точного прочтения авторского текста и понимания музыкального произведения во всей его содержательно-смысловой полноте целесообразно осуществлять в контексте герменевтического подхода, способного обеспечить целостность понимания музыкального текста «как целостности субъективной и объективной информации, содер-

жащейся в нотном тексте» [8, с. 18], а также позволяющего расширить диапазон познания исполнителем музыкально-художественной информации, заложенной в композиторском тексте, реализовать идеи и творческие замыслы интерпретатора.

Значение термина «интерпретация» определяется в словарях как «толкование», «разъяснение», «раскрытие смысла». Применительно к гуманитарным наукам это понятие используется для обозначения процедуры интерпретации художественного произведения, смысл которого заложен в тексте. Иными словами, раскрытие содержания текста, освоение его смысловой, идейно-эстетической и эмоциональной информации путем воссоздания авторского видения и познания действительности есть интерпретация текста [11].

Правилами истолкования текстов, представлениями о понимании и интерпретации занимается наиболее обстоятельно специальная философская дисциплина – герменевтика. Важно отметить, что герменевтический подход к интерпретации складывается с позиций рационально-логических и иррациональных начал, которые сводятся, с одной стороны, к логико-грамматическому анализу текста, а с другой – к психологическому исследованию мотиваций автора и выявлению субъективного

личностного смысла. Благодаря этому наблюдается уход от «логической однозначности» (термин Ф. Закировой), и предлагается поливариативность подходов к процессу интерпретации.

Герменевтический подход к интерпретации текста связан, прежде всего, с именами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, П. Рикера, Э. Бетти. Особенность данного подхода заключается в осуществлении «узнавания и реконструирования смысла» (Э. Бетти), в соотношении с пониманием авторского замысла, заложенного в тексте.

В рамках герменевтического подхода ключевая роль отводится тексту, который «представляет в единстве явных и неявных, не вербализованных значений, букварных и вторичных, скрытых смыслов... Гуманитарные тексты имеют ярко выраженную знаково-символическую природу и с необходимостью предполагают интерпретацию, которая варьируется в зависимости от формальной или содержательной специфики текстов» [13, с. 334].

Поскольку интерпретацией гуманитарного текста занимается наука герменевтика, это обуславливает необходимость использования ее опыта для интерпретации музыкального текста, который является разновидностью гуманитарного текста со всеми присущими ему свойствами, признаками и функциями.

Музыкальный текст – это художественная информация музыкального произведения, сформированная композитором при помощи нотных знаков и передаваемая в процессе его «чтения», истолкования, интерпретации. Процесс «чтения нотного текста (понятию “чтение” мы придаем широкий смысл – от чисто зрительного восприятия нотного текста до звучания, исполнения) есть его интерпретация» [4, с. 8]. Так, в процессе исполнения музыкант переводит музыкальные знаки в звучание, слышит их как структуры и с их помощью проникает в смысл музыкального произведения. Мысль интерпретатора «проходит сквозь нотный текст в то виртуальное духовное пространство, которое мы склонны именовать музыкальным содержанием», ради которого написано музыкальное произведение [4, с. 7]. Не случайно, как подчеркивает М.Г. Арановский, понимание музыкального текста как объекта, начинающегося с записи и теряющегося в беспредельности его истолкований, представляется естественно вытекающим из самой практики письменной традиции.

А. Готсдинер, в частности, выделяет сложность, неоднозначность и определенную условность нотного текста музыкального произведения, что предоставляет определенную творческую свободу для индивидуальной исполнительской трактовки. Здесь уместно отметить вариантность интерпретаций, которая заложена в самой природе нотной записи. Невозможно выразить нотами весь замы-

сел композитора, смысловую ткань музыкального произведения, а, следовательно, раскрытие содержания и смысла музыкального текста требует от интерпретатора «значительной подготовки и даже вживания» [4, с. 9].

Следуя логике герменевтического подхода, смысл музыкального текста открывается путем акта понимания, который предполагает различную степень проникновения на уровень авторской интенции. Так, «искусство постижения чужой индивидуальности» может быть реализовано при условии «лучшего понимания» (Ф. Шлейермахер), «сопереживания», «вчувствования», «симпатического проникновения во внутренний мир другого» (В. Дильтей) и перевода интерпретатором бессознательного пласта из жизни автора в план своего знания [10]. Исследователь Л.А. Микешина отмечает, что, выявляя скрытые смыслы и значения текста, процесс интерпретации выходит не только на «дорефлексивный» уровень, а даже на «довербальный» уровень эмпирических знаний, «жизненного мира» [12].

Однако помимо «дорефлексивного понимания» существует понимание, возникающее на рефлексивном уровне, когда текст подвергается тщательному анализу для установления объективного значения текста и для выявления личностного субъективного смысла текста. По мнению Л.А. Микешиной, опыт герменевтики оказывается незаменимым ввиду того, что понимание трактуется не только как логико-методологическая процедура, но и как проникновение в другое сознание с помощью внешнего обозначения, опосредованно, путем воспроизведения (через речь, язык, знаки) [13]. Таким образом, при наличии общей духовной и культурной инстанции, которой в данном случае является музыкальный текст, возможно понимание чужого внутреннего мира через понимание собственного внутреннего мира, а также понимание себя через понимание Другого.

С точки зрения Г. Гадамера, способ существования познающего, действующего и оценивающего человека, который неотделим от самопонимания интерпретатора, связанного с поиском личностного смысла, заключен именно в понимании. Понимание в качестве универсального способа освоения человеком мира конкретизируется немецким философом как «опыт мира», как интерпретативный подход к познанию культуры в целом и человека в частности [13, с. 190].

Следует отметить еще одну особенность герменевтического подхода к пониманию смысла, который придал музыкальному тексту автор. Интерпретатор не просто открывает, распознает готовый смысл, а привносит нечто индивидуальное от себя, т.к. подходит к пониманию содержания музыкального произведения с позиции личного опыта, своих убеждений и идеалов. Здесь также «вклю-

чается» момент вариантности интерпретации. Это обусловлено тем, что каждый интерпретатор реализует именно свое осмысление музыкального содержания в предложенной им исполнительской концепции.

Выдающиеся педагоги-исполнители (С.И. Савшинский, Г.М. Коган, Е.Я. Либерман, Г.Г. Нейгауз, А.И. Николаева, С.Е. Фейнберг, О.Ф. Шульпяков, и др.) в своих трудах отмечают сложный процесс становления исполнительской концепции от момента ее замысла в сознании в виде общего эмоционального ощущения музыки до конкретных ассоциаций и образов музыкального произведения. Этот процесс требует от исполнителя активной поисковой деятельности, в ходе которой обязательно применяются и совершенствуются знания, умения и навыки, обогащаются индивидуальные приемы и методы работы, углубляется познание мира и себя, развивается способность к творческому самовыражению, а, следовательно, к интерпретации.

Интерпретация музыкального текста выявляет не только мастерство исполнителя, но и его личностные особенности, склад мышления, культуру, мировоззрение. «Он должен не только освоить текст, главная его задача – понять замысел композитора, воссоздать музыкальные образы, воплощенные в музыкальном произведении, и отобрать выразительные средства для наиболее точной их передачи» [5, с. 103].

Педагог-музыкант Е.Р. Сизова отмечает, что задача исполнителя «как бы дешифровальческая – постичь творение в целом и в деталях и постараться затем озвучить его, по возможности без потерь, воплотив первоначальный авторский замысел» [15, с. 46]. При этом исполнителем всегда создается собственная исполнительская трактовка произведения – интерпретация, в которой неизбежно соединяются продукт композиторского труда (нотная запись музыкального произведения) и продукт его собственной творческой деятельности (осмысленный и озвученный нотный текст произведения). Так, в процессе изучения музыкального текста происходит расшифровка художественной информации, заложенной автором произведения, посредством анализа, сравнения, сопоставления, синтеза, установления ассоциативных связей и образов, творческого воображения и т.д. Передача воспринятой и осознанной художественной информации с реализацией исполнительского замысла проявляется в озвучивании, произнесении, интонировании музыкального текста с помощью специфических исполнительских музыкально-выразительных средств. По мнению Е.Р. Сизовой, изучение нотного текста музыкального сочинения предполагает доминирование аналитико-поисковой деятельности, заключающейся в анализе элементов музыкального языка, обеспечивающих создание художественного образа, поиска смысловой

концепции, раскрывающей содержание музыкального произведения.

М.Д. Корноухов, исследуя феномен интерпретации в музыкально-педагогическом образовании, отмечает, что «интерпретация музыкальных сочинений рождается в процессе эмпатического “погружения” личности в интонационно-энергетическое течение произведения, представляющее духовный мир композитора, и проявляется в способности акустически воплотить его в своем исполнении» [7, с. 232]. Также ученый подчеркивает, что технология воплощения исполнительской интерпретации музыкального произведения напрямую зависит от понимания учащимся целостной картины авторского замысла, которая имеет «герменевтическую основу понимания текстовой информации» [8, с. 18].

Данные исследования и точки зрения позволяют говорить о том, что интерпретация музыкального текста в учебном процессе не исчерпывается когнитивными составляющими, а включает герменевтические смыслы познания и понимания себя. Следовательно включение герменевтического подхода в музыкально-педагогическую практику будет способствовать обеспечению целостности понимания музыкального текста, расширению диапазона познания музыкально-художественной информации, а также реализации творческих замыслов и идей интерпретатора в исполнении.

Что касается определения педагогических путей реализации герменевтического подхода в образовательном процессе исполнительского класса, то здесь необходимо рассмотреть как общепедагогические, так и специальные принципы, ее обеспечивающие. Среди общепедагогических принципов, рассмотренных М.Д. Корноуховым в своем исследовании, можно выделить, прежде всего, принцип гуманистической направленности, реализация которого обусловлена «сопряжением художественных смыслов», заложенных автором в музыкальном тексте и учащимся в индивидуальной интерпретаторской концепции.

Действие принципа научности связано с изучением музыкального текста с позиции герменевтики. Следует согласиться с М.Д. Корноуховым в том, что понимание музыкального текста как смысловой структуры с признаками, как самого автора, так и современной ему культуры, ставит данный подход на научную основу, усиливая в педагогическом процессе исследовательское художественно-творческое начало [9, с. 283].

Принцип наглядности является одним из важнейших в организации целостного процесса обучения. Наглядность обеспечивают непосредственно сами нотные тексты разных исторических стилей, форм и жанров. Музыкальные тексты подвергаются совместному (педагог и учащийся) грамматическому и психологическому анализу, раскрытию

авторского замысла и поиску путей воплощения собственной исполнительской концепции, т.е. интерпретации.

Принцип преемственности, последовательности и систематичности обусловлен объективно существующими этапами познания, взаимосвязью чувственного и логического, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного. Данный принцип на основе герменевтического подхода может реализовываться в педагогическом процессе «от простого к сложному», как последовательное и систематичное изучение музыкального текста. Начиная с логико-познавательной процедуры расшифровки художественной информации до постижения бессознательных (иррациональных) пластов музыкального текста и понимания авторского замысла, заложенного в нем.

Принцип опоры на индивидуальные качества учащегося заключается в выборе индивидуальных решений, определении смысловых акцентов на том или ином аспекте анализа нотного текста, учитывая личностные, психические, интеллектуальные, эмоциональные качества, а также исходный уровень подготовки учащегося.

Опираясь на исследования М.Д. Корноухова, А.И. Николаевой и Л.В. Горюновой, рассмотрим также специальные принципы, такие, как принцип содержательности и креативности педагогического процесса, принцип образности (Л.В. Горюнова).

Принцип содержательности и креативности педагогического процесса проявляется в особом творческом характере поставленных задач, способов их решений, которые, по мнению М.Д. Корноухова заключаются в «необходимости понимания индивидуального смысла нотного текста в конкретном музыкальном произведении, обнаружении специфических свойств, присущих только данному тексту как “Тексту Культуры”» [9, с. 284]. Для А.И. Николаевой, это значит – понять смысл не одного, а многих произведений и найти в них специфическое именно для данного автора. Вышеизложенные позиции позволяют говорить о том, что герменевтический подход к интерпретации музыкального текста нацеливает на обнаружение и понимание этой специфичности, а также позволяет «увидеть внутреннюю связь между миром музыки композитора и его выразительными средствами, то есть понять их как “смыслонесущие” элементы» [14, с. 181].

Креативность герменевтического подхода проявляется в «искусстве постижения чужой индивидуальности» (Ф. Шлейермахер), «сопереживании», «вчувствовании», «симпатическом проникновении во внутренний мир другого» (В. Дильтей). Как отмечает А.И. Николаева, эмпатия как способность человека проникать в духовный мир другого человека или же произведения искусства, выступает одним из важных для музыканта-исполнителя про-

явлений творчества. «В процессе эмпатии преобразуется личность человека: развиваясь и вбирая в себя черты “другого”, личностное “Я” становится шире, богаче, тоньше» [14, с. 181].

Данный принцип обеспечивает не только понимание музыкального текста, но и обуславливает личностные изменения, что вызывает необходимость обращения к проблеме отношений личности ученика и музыкального произведения в музыкально-образовательном процессе. Данная проблема широко представлена в исследованиях И.В. Арановской. Рассматривая развитие личности в условиях музыкальной деятельности, И.В. Арановская выделяет уровни реализации педагогической стратегии, среди которых актуальны в герменевтическом аспекте следующие: познавательно-ценностный и ценностно-ориентационный. Так, познавательно-ценностный уровень «предполагает понимание замысла произведения в авторском контексте. Следует подчеркнуть, что именно здесь происходит открытие смысловых возможностей произведения... Поскольку под воздействием художественного произведения меняется, переформируется и сам субъект освоения, то речь может идти о следующем, ценностно-ориентационном уровне, на котором происходит обогащение духовного опыта воспринимающего богатством содержащихся в произведении смыслов» [2, с. 129].

Принцип образности опирается на конкретно-чувственное, образное освоение действительности, присущее ученику, подведение его через образное видение мира к обобщениям. Важным моментом для герменевтического рассмотрения является вопрос, связанный с толкованием музыкального текста, раскрытием авторского замысла и передачей художественно-образного содержания музыкального произведения. В учебном процессе решение педагогического вопроса об органичности, доступности и естественности «входа» учащегося в мир музыки, в духовный мир музыкального произведения происходит через художественный образ. Ученик-исполнитель, проникая вглубь идейно-образного содержания музыкального произведения, обнаруживает закономерности, индивидуальные черты и особенности авторского замысла. В результате собственной оценки художественного образа музыкального произведения учащийся пропускает его через призму своей индивидуальности, трансформирует и акцентирует различные стороны образа соответственно своим музыкально-звуковым представлениям о логике развития художественного содержания. Отношение ученика-музыканта к окружающему миру, к жизни, к музыке, особенности его характера, темперамента, мышления отражаются в динамике развития создаваемого им художественного образа, его эмоциональной насыщенности, а также подборе выразительных средств и приемов интерпретации.

Реализация герменевтического подхода к интерпретации музыкального текста в учебном процессе инструментально-исполнительского класса на основе вышеуказанных принципов требует от учащегося решения следующих задач:

- осуществить процесс понимания авторского замысла путем проникновения в духовный мир автора;
- «переместить» психологический и понятийный мир автора в собственный опыт и осознать, домыслить содержание музыкального произведения с позиций своего опыта и убеждений, порождая тем самым новые духовные ценности;
- воплотить музыкальное произведение в звучании, не просто транслируя заложенную в нем информацию, а интерпретируя ее с учетом вышеуказанных задач.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что педагогические пути реализации герменевтического подхода к интерпретации музыкального текста требуют опоры на общепедagogические и специальные принципы, они связаны с необходимостью решения ряда педагогических задач, направленных на раскрытие музыкального произведения во всей его содержательно-смысловой полноте, что, в конечном итоге, способствует целостности понимания музыкального текста исполнителем, а также позволяет ему реализовать себя как интерпретатора-творца.

Библиографический список

1. *Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В.* Теория музыкального образования. – М.: Академия, 2004. – 336 с.
2. *Арановская И.В.* Музыкальное искусство и развитие личности // Известия ВГПУ. – 2008. – №8 (32). – С. 124–129.
3. *Арановская И.В.* Музыкальное исполнительство как междисциплинарный феномен // Известия ВГПУ. – 2013. – №8 (83). – С. 57–60.
4. *Арановский М.Г.* Музыкальный текст. Структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 343 с.
5. *Готсдинер А.Л.* Музыкальная психология. – М.: МИП «НВ Магистр», 1993. – 192 с.
6. *Закирова А.Ф.* Теоретико-методологические основы и практика педагогической герменевтики: дис. ... д-ра пед. наук. – Тюмень, 2001. – 314 с.
7. *Корноухов М.Д.* Герменевтический этап формирования интерпретационной культуры учащегося-музыканта // Вестник Московского государственного областного университета (серия «Педагогика»). – 2011. – №3. – С. 230–234.
8. *Корноухов М.Д.* Интерпретационно-текстологический комплекс как важнейший технологический аппарат реализации текстоцентрической парадигмы обучения учащихся-музыкантов в инструментальном классе // Педагогическое образование и наука. – 2011. – №5. – С. 16–20.
9. *Корноухов М.Д.* Феномен исполнительской интерпретации в музыкально-педагогическом образовании: методологический аспект: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2011. – 550 с.
10. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Логос. – 1999. – №10 (20). – С. 43–88.
11. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
12. *Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
13. *Микешина Л.А.* Философия познания. Poleмические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.
14. *Николаева А.И.* Категория художественного стиля в теории и практике преподавания музыки: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2004. – 455 с.
15. *Сизова Е.Р.* Профессиональная подготовка специалистов в системе классического музыкального образования: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2008. – 450 с.

Попова Ирина Викторовна

доктор социологических наук, профессор
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
pivik@list.ru

Котлярова Любовь Дмитриевна

кандидат экономических наук, доцент
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
kotlyarova-lyubov@mail.ru

Котлярова Ольга Алексеевна

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
koshechka21041992@mail.ru

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ МЕТОДОМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлены результаты экспертного опроса по проблеме оценки качества рабочей силы. В качестве экспертов выступили начальники кадровых служб предприятий г. Костромы, а также руководители среднего звена этих же предприятий. Показаны возможности экспертного опроса в решении конкретных управленческих задач. Полученные результаты позволили дать описание состояния рабочей силы на предприятиях г. Костромы и обратить внимание на необходимость кадрового планирования в промышленности.

Ключевые слова: экспертный опрос, качество рабочей силы, кадровый потенциал, кадровое планирование.

Рабочий класс как объект исследований практически исчез из поля научного зрения. О нем перестали говорить все: от ученых до политиков. Вопрос о его существовании или отсутствии не праздный. В системе производственных отношений рабочий класс занимает лидирующее положение. Не останавливаясь на проблеме, является ли современный рабочий класс, по сути, классом общества с точки зрения его социальной организованности, мы исходим из его определения как группы, состоящей из 30 миллионов рабочих, находящихся в относительно тождественном социально-экономическом положении, и рассматриваем эту группу как объективно существующую общность людей.

Речь идет, прежде всего, о качественных изменениях, которые происходят с данной группой в составе социальной структуры общества, по причине радикально меняющихся экономических отношений. Хотя можно отметить, что из общественного внимания совершенно выпадает вопрос об утечке рабочих рук, много говорят об утечке «мозгов», но спрос на рабочие руки есть везде, а люди, живущие в условиях экономического кризиса столько лет, готовы предлагать не только головы, но и руки. Бесспорно, с нашей точки зрения, то, что рабочий класс был и остается основной производительной силой общества. Но вот состояние рабочего класса заслуживает более пристального внимания со стороны исследователей как в экономической науке, так и в социологии. Рисуем предположить, что урон, нанесенный корпусу рабочих кадров, сопоставим с развалом материального производства. В этом плане региональные исследования могут помочь определить основные тенденции в состоянии и развитии трудового потенциала региона. Во всех социальных группах происходят изменения

как в численности, так и в качественном составе. Причем эти изменения разнятся в зависимости от региона, то есть имеют региональную дифференциацию. Среди методов оценки состояния качества рабочей силы наиболее адекватным можно считать экспертный опрос. Это связано, прежде всего, с ненадежностью российской статистики. Оценка качества рабочей силы напрямую связана с оценкой трудового потенциала региона и страны в целом, что абсолютно необходимо в сфере управления.

Операционализируя само понятие, мы рассматриваем качество рабочей силы как обобщенную характеристику уровня ее развития, которая может обеспечить такое качество индивидуального и коллективного труда, которое было бы адекватно эффективному использованию новейших технологий и рациональной организации рабочих процессов.

Анализ результатов социологического исследования, проведенного среди рабочих г. Костромы, позволил нам выделить некоторые существенные тенденции в развитии и формировании современного рабочего класса.

Одной из гипотез исследования было предположение о том, что проводимая в последнее время реформа экономики больно ударила по главной производительной силе общества. Для подтверждения данной гипотезы мы используем некоторые результаты опроса рабочих промышленных предприятий г. Костромы, проведенного в 2007 году, который позволил вскрыть некоторые тенденции состояния рабочего класса как производительной силы.

Складывающиеся экономические отношения не привели к тому, что рабочий класс почувствовал себя хозяином производства, на котором он работает. Курс на капитализацию промышленности привел к резкому расслоению на хозяев и наемных работников. 97,2% считают себя наемными работ-

никами, в их числе находятся и те рабочие, которые владеют акциями своего предприятия. По данным исследования, рабочие пятого, шестого и седьмого разрядов составляют на предприятиях города 20% от общего числа работающих. По возрастному составу данную группу можно считать стареющей. Среди рабочих только каждый третий находится в возрастной группе до 30 лет. По стажу работы распределение также показывает тенденцию стареющего коллектива, так как 23% имеют стаж работы свыше 15 лет. 56,3% рабочих работают не по специальности. 15% рабочих, когда-то занимающихся изобретательской деятельностью, теперь ею не занимаются, а еще 10% могли бы этим заниматься, но считают, что теперь это никому не нужно. Следует обратить внимание и на то, что среди рабочего класса 12,5% имеют высшее образование и 68% среднее специальное. Произошедшие экономические преобразования фактически привели к снижению социально-экономических функций рабочих и трудовых коллективов. Некоторое представление о состоянии трудового коллектива как социального субъекта дает нам результат, полученный по вопросу: «О чем должен заботиться, в первую очередь, хороший хозяин предприятия?».

Ответы рабочих распределились следующим образом: о сохранении рабочих мест – 11,6%; о прибыли и своевременной выплате заработной платы – 57,6%; о развитии предприятия – 20,7%; о смене оборудования – 2,9%; о пополнении квалифицированными рабочими кадрами – 2,9%; о социальных услугах рабочим – 4,3%.

Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что на первом плане у рабочих материальные интересы сегодняшнего дня. Все, что связано с перспективой развития предприятия, с его будущим их не интересует. Индивидуальные интересы заметно превалируют над общими. Это исследование было продолжено в 2013 году, но целью было уже получение экспертной оценки качества рабочей силы г. Костромы. Это позволило отследить развитие выявленных тогда тенденций и попытаться сформулировать рекомендации по исправлению ситуации. В качестве экспертов выступили начальники кадровых служб промышленных предприятий города Костромы, а также руководители среднего звена этих же предприятий. По форме собственности эти предприятия представлены следующим образом (рисунок 1).

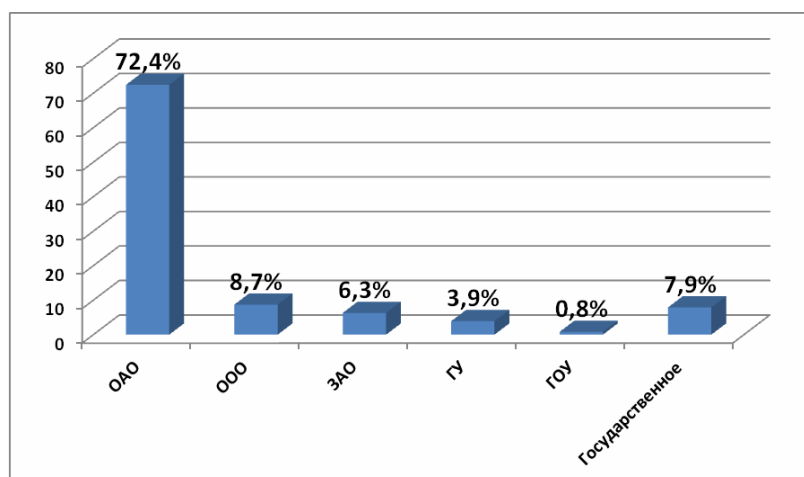

Рис. 1. Форма собственности предприятий, на которых проводился опрос

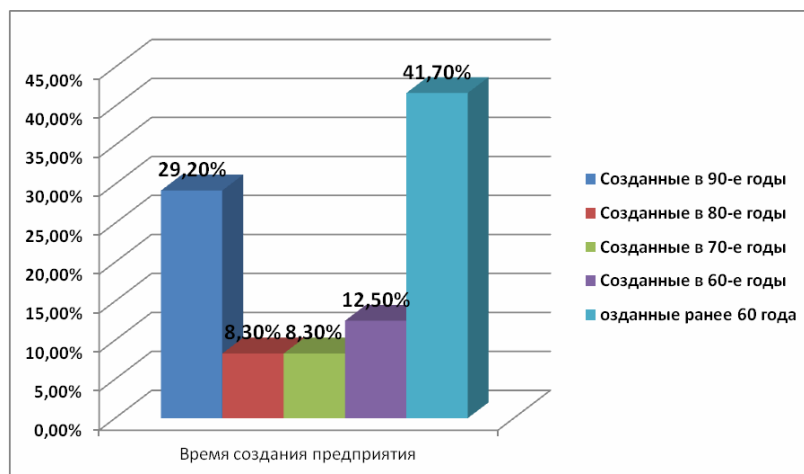

Рис. 2. Время создания предприятий, на которых проводился опрос

По численности работающих: от 100 до 250 человек – 36,4%; от 251 до 500 человек – 13,6%; от 501 человека до 1000 человек – 9,1%; от 1001 человека до 2500 человек – 31,8%; более 3000 человек – 9,1%.

По укомплектованности кадрами: 100% укомплектованности у 37,5% предприятий; 90% укомплектованности у 50,0%; 80% укомплектованности у 12,5%.

Основной источник укомплектования кадров: по найму – 75,0% работников; по направлению учебных заведений – 8,4%; с биржи труда – 8,3%; по лимиту – 4,2%.

36,4% работающих на промышленных предприятиях города людей имеют средний возраст от 40 до 50 лет, 8,5% среди рабочих – это работающие пенсионеры.

Для получения оценки изменения качества рабочей силы в зависимости от возрастной структуры, начальникам отделов кадров задавался вопрос: «Как изменился средний возраст работающих на вашем предприятии за последние 5 лет?».

Результаты следующие. По мнению начальников, средний возраст работающих: не изменился, остался на прежнем уровне – 33,3%; произошло постарение коллектива – 25,0%; произошло омоложение коллектива – 41,7%.

Полученный результат позволяет говорить о тенденции старения рабочего класса, о том, что не происходит пополнения рабочих из числа молодых работников.

Гипотезой исследования было предположение о том, что одной из причин разрушения кадрового потенциала и ухудшения качества рабочей силы предприятий г. Костромы является низкий уровень оплаты труда. Для проверки этой гипотезы начальникам кадровой службы предприятий задавался вопрос: «По каким причинам чаще всего увольняются рабочие с вашего предприятия?». Результаты распределились следующим образом (в порядке убывания): так как не устраивает зарплата – 78,3%; за прогул – 13,0%; так как не устраивают условия труда – 4,1%; не устраивает график работы – 4,1%; не справляются с работой из-за низкой квалификации – 0,5%.

Гипотеза подтвердилась, что означает нарастание тенденции снижения оплаты труда рабочих на промышленных предприятиях г. Костромы, что является одной из причин снижения качества рабочей силы.

На вопрос о том, как может измениться потребность в кадрах на вашем предприятии в ближайшие два-три года: 17,4% экспертов считают, что увеличится; 4,3% – уменьшится; 30,4% – останется без изменений; 47,8% ответили, что это невозможно спрогнозировать. Данные цифры указывает на уровень нестабильности экономики. Однако на вопрос: «Как вы думаете, достаточно ли на рынке труда города рабочих нужных вашему предприятию специальностей и уровня квалификации?», мнения экспертов распределились между двумя вариантами:

– Да, вполне достаточно, в течение ближайших трех лет можно не беспокоиться о нехватке кадров для предприятия – 54,2%.

– Нет, их уже сейчас не достаточно, а в ближайшее время будет большой дефицит – 45,8%.

«Есть ли на вашем предприятии перспективный план по набору необходимых кадров в ближайшие пять лет?»:

– Да, такой план составлен, мы постоянно работаем по поддержанию кадрового потенциала предприятия – 29,2%.

– Плана нет, но мы готовим за счет предприятия специалистов, которые нам необходимы – 41,7%.

– Мы не занимаемся планированием кадров, никто не знает, что будет с кадровым обеспечением предприятия в ближайшее время – 16,7%.

– Руководство предприятия не ставит перед кадровым управлением таких задач – 12,5%.

Данные результаты были получены для описания процесса кадрового планирования на предприятиях города. Можно говорить о том, что в процессе кадрового планирования есть сложности: с одной стороны, экономическая нестабильность не позволяет руководителям справляться с этой управленческой задачей, с другой, без планирования невозможно повышать качество рабочей силы даже в ближайшей перспективе.

Для экспертов, которыми были руководители предприятий среднего звена, составлялась другая анкета, вопросы которой были направлены на получение оценки по показателям, представляющим собой оценку рабочей силы с точки зрения квалификации, профессиональной подготовки и факторов, влияющих на качество рабочей силы. Уровень квалификации рабочей силы является главным фактором, определяющим качество рабочей силы. Уровень квалификации работающих, их профессиональная подготовленность, возмож-

Таблица 1

Распределение ответов экспертов по вопросу

Учебное заведение	Вполне удовлетворяет	Скорее удовлетворяет	Совсем не удовлетворяет
В ПТУ	17,8	62,6	18,7
В техникумах	20,0	76,8	3,2
В ВУЗах	36,8	55,2	8,0
Непосредственно на предприятии	29,0	65,3	5,6

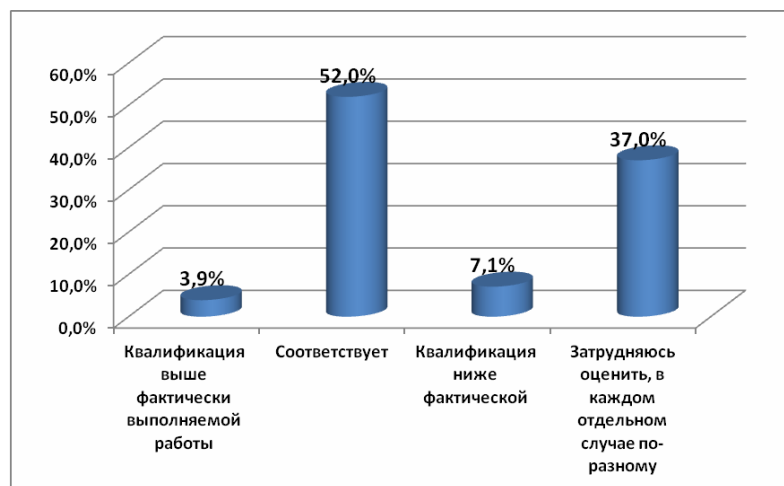

Рис. 3. Соответствие квалификации рабочих выполняемой работы по мнению экспертов

ность применить свои знания являются важным параметром качества рабочей силы. Прежде всего, необходимо было понять насколько, в целом, уровень профессиональной подготовки, получаемый в различных учебных заведениях, соответствует требованиям предприятий. Для этого экспертам задавался вопрос: «Удовлетворяет ли Вас уровень квалификации рабочих кадров, прошедших профессиональную подготовку?». Результаты представлены в таблице 1.

Здесь необходимо обратить внимание на результат по показателю «совсем не удовлетворяет». По мнению респондентов, хуже всего обстоят дела с подготовкой в системе профессионального технического образования, которая в наибольшей степени должна быть ориентирована на подготовку рабочих кадров. Период подготовки специалистов длителен, есть проблемы с приспособленностью системы образования к рынку труда, поэтому вопросы согласованности системы образования и нужд производства в кадрах должны стать важной стратегической задачей государства.

В этом же ряду был вопрос: «Соответствует ли работа, выполняемая рабочими Вашего предприятия их квалификации?»

Полученное распределение позволяет сделать вывод о тенденции ухудшения квалификации рабочих за счет снижения качества обучения в профессиональных учебных заведениях. Одной из причин такого снижения может быть утрата связей предприятий с этими учебными заведениями. Даная гипотеза нашла свое подтверждение в ответах на вопрос: «Поддерживает ли ваше предприятие связи с учебными заведениями, готовящими кадры?»: да, у нас тесные связи с ПТУ, техникумом, где готовят для нас кадры – 18,9%; только с некоторыми – 32,8%; никаких связей теперь нет – 16,4%; только принимаем на практику учащихся – 32,0%.

Еще одним косвенным показателем уровня квалификации рабочих можно считать уровень травматизма на предприятиях. В настоящее время сложно оценивать данный показатель через официальную статистику, что связано с тем, что руководство предприятий не заинтересовано в честной статистике по травматизму, часто договаривается с травмированным работником не регистрировать свою травму как производственную. Поэтому в исследовании была получена экспертная оценка уровня травматизма на предприятиях города. Она представлена в ответах на вопрос: «Как вы оце-

Таблица 2

Оценка экспертами факторов, определяющих качество трудового потенциала

Фактор	Существенно влияет	Незначительно влияет	Совсем не влияет
Развал производства в целом	33,3	38,1	28,6
Низкая квалификация рабочих	47,6	33,3	19,0
Низкая квалификация управленцев	52,4	19,0	28,6
Низкая оплата труда	77,3	13,6	9,0
Плохое здоровье людей	23,8	57,1	19,0
Алкоголизация населения	45,0	30,0	25,0
Старение коллектива	14,3	47,6	38,1
Изношенность оборудования	40,9	50,0	9,1
Профорентационная работа	33,3	16,7	50,0
Плохие условия труда	42,1	42,1	15,8
Мало социальных льгот	52,2	17,4	30,4
Нежелание молодых работать	54,2	12,5	33,3

ниваете уровень травматизма на предприятии?»: травмы случаются каждый месяц – 5,5%; травмы случаются несколько раз в год – 19,7%; травмы случаются очень редко – 63,0%; бывают травмы со смертельным исходом 11,0%.

На прямой вопрос об оценке качества своего трудового коллектива мнения экспертов распределились по вариантам:

– Коллектив в среднем молодой, трудоспособный, квалифицированный – 79,7%.

– Коллектив стареющий, квалификация большинства рабочих низкая, пополнения нет – 20,3%.

«Как Вы считаете, в какой степени следующие факторы влияют на качество трудового потенциала Вашего предприятия?». Результаты представлены в таблице 2.

В отношении такой категории как молодежь, которая является потенциальной базой для пополнения рабочего класса, эксперты сошлись во мнении, что молодые люди не хотят быть рабочими – так считают 75% опрошенных.

Подводя итог, можно отметить, что экспертный опрос позволяет сделать вывод о том, что качество рабочей силы снижается, факторами, определяющими эту тенденцию, можно считать как макро-, так и микроэкономические факторы. Отсутствие планирования рабочей силы приведет к тому, что в условиях роста экономики, предприятия столкнутся с нехваткой квалифицированных рабочих, подготовка которых является длительным процессом.

ПРИНЦИПЫ ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье сформулированы ведущие принципы диалога государства и гражданского общества. Именно эти основополагающие решения должны являться условием институционализации диалога государства и гражданского общества.

Ключевые слова: диалог государства и гражданского общества, принципы диалога, публичность, респонзивность, транспарентность, институционализация.

Разработка теории диалога государства и гражданского общества предполагает формулирование принципов этого диалога: он имеет институциональные основания, условия осуществления, ограничения, сдерживающие факторы и желательные последствия, которые должны осуществляться в процессе коммуникации между его субъектами [2–4]. Поэтому под принципами диалога государства и гражданского общества мы будем понимать как формализованные, так и неформальные предписания основополагающего характера, которые определяют и/или должны определять сущность, содержание и порядок коммуникации между этими двумя ведущими акторами публичной политики.

Принципы – это такие основополагающие доктринальные положения, от которых не должно быть отступлений и которыми необходимо руководствоваться в практической деятельности. Следование принципам диалога ведет к институционализации практик диалогического взаимодействия государства и гражданского общества.

В самом общем виде основополагающие принципы диалога государства и гражданского общества можно сформулировать следующим образом:

1. Публичность диалога государства и гражданского общества означает, что публичный диалог протекает в публичной сфере и институционализируется в публичной политике. Необходимым условием для реализации этого принципа выступает наличие развитой и институционализированной публичной сферы и диалогических PR-коммуникаций [5–7].

В публичной сфере в формате диалога между государством и гражданским обществом осуществляется дискурсивная легитимация принимаемых властью политических решений. Данный процесс является субстратом публичной политики, которая попросту невозможна без институционализированного публичного диалога между государством и гражданским обществом.

2. Транспарентность диалога означает его прозрачность, понятность и честность. Для диалога государства и гражданского общества, если

он несет в себе обоюдную заинтересованность сторон коммуникации, характерна не только открытость (принцип публичности), но и ориентир на взаимопонимание между субъектами дискурса, поиск общих точек соприкосновения и нахождения согласия.

Реализация принципа транспарентности невозможна, если одной из его сторон используются манипуляция, обман, «черный» PR или какие-либо другие технологии и механизмы одностороннего воздействия на партнера по диалогу. Транспарентность как явление социально-политической коммуникации в формате диалога государства и гражданского общества – это такое состояние информированности (наличие полного, достаточного и достоверного знания) о той или иной деятельности (ее объектах или результатах), которое «позволяет любому заинтересованному субъекту иметь полное и адекватное представление о них» [1, с. 7].

Принцип транспарентности, имеющий законодательно установленные ограничения (государственная, коммерческая, семейная тайна и др.), является общеобязательным императивным требованием не только по отношению к органам государственной и муниципальной власти, но и по отношению к организациям и институтам гражданского общества.

Прозрачность власти для общественного наблюдения, ее готовность к восприятию критики не гарантируют условий для возникновения конструктивного диалога государства и гражданского общества. Поэтому необходимо развивать институциональную инфраструктуру диалога государства и гражданского общества, включая законодательные и этические нормы, ограничения и правила, процедуры и регламенты, механизм функционирования обратных связей, контроля и проверки исполнения обещаний и решений.

3. Симметричность диалога. Этот принцип реализуется в дискурсивных ролях и статусах субъектов политической коммуникации.

Монолог – это изначально асимметричная коммуникация, что выражается в неравенстве ролей между адресантом и адресатом, между субъектом

и объектом монологической интеракции. Диалог может быть как симметричным, так и асимметричным.

В несимметричном диалоге один из участников коммуникации реализует свое статусное (институциональное) преимущество и благодаря этому доминирует в процессе дискурса, имея больше возможностей для репрезентации своей точки зрения или позиции. Симметричный диалог подразумевает примерное равенство между субъектами коммуникации.

Нормативно диалог государства и гражданского общества должен осуществляться на основании принципа симметричности. Но на практике он нередко строится на асимметричной коммуникации при доминировании дискурсивных позиций со стороны акторов – государства, что сближает такой диалог с субъект-объектной монологической моделью коммуникации. Институционализация такой модели диалога противоречит хабермасианской идее автономности публичной сферы, что требует создания условий для институционализации диалога на основе реализации принципа симметричности и равноправия дискурсивного потенциала государства и гражданского общества.

4. Инклюзивность диалога означает возможность равного доступа к диалогу в публичной сфере для всех акторов публичной политики, гражданского общества и государства. Никто не может быть произвольно исключен из диалога. Инклюзивность диалога и учет интересов, мнений, позиций всех акторов публичной деятельности является залогом политической стабильности.

Диалогическая инклюзия, с точки зрения диалогической логики гражданского общества, – это процесс коммуникативного включения тех или иных локусов социума в публичную политику. Реализация принципа инклюзивности диалога обуславливает диалогическую социализацию отдельных граждан, институтов и организаций гражданского общества в публичной сфере и области публичной политики.

Эксклюзивность диалога, то есть необоснованное ограничение прав каких-либо акторов на участие в диалоге, исключение их из публичного диалога и сферы публичной политики, означает нарушение принципа инклюзивности диалога, являющегося одним из основополагающих принципов диалогической логики гражданского общества. Инклюзивность диалога предполагает отсутствие любой дискриминации, в том числе и по отношению к несистемной оппозиции. Инклюзивность диалога означает, что все без исключения члены общества, при условии репрезентативности, могут стать участниками институционализированного диалога государства и гражданского общества.

5. Репрезентативность диалога заключается в необходимости формулировки четких критериев, позволяющих вести нормативно обусловленную селекцию субъектов и акторов диалога со стороны организаций и институтов гражданского общества.

Принцип репрезентативности налагает определенные ограничения, без которых невозможна институционализация диалога. Государство не может вступать в диалог с любым желающим подискутировать или просто поговорить.

Институционализация диалога государства и гражданского общества требует учета принципа репрезентативности или субъектности организаций и институтов гражданского общества. В качестве важнейших критериев для отбора репрезентативных участников диалога государства и гражданского общества могут быть использованы следующие, нуждающиеся в нормативном закреплении, критерии:

- длительность существования данной общественной организации или института гражданского общества, претендующего на участие в институционализированном диалоге с органами или структурами государственной власти;
- репутация организации, ее независимость от внешних спонсоров или финансовых доноров (государства, бизнеса, иностранных грантодателей и т.д.);
- прозрачность, подотчетность и публичность деятельности;
- опыт деятельности в сфере публичных коммуникаций, наличие коммуникативных навыков и компетенций;
- количество членов и численность данной структуры гражданского общества или количество граждан, в той или иной степени ее поддерживающих и оказывающих содействие ее функционированию.

6. Конструктивность диалога. Принцип конструктивности диалога государства и гражданского общества заключается в его результативности и эффективности. Диалог может быть полезен, стороны обменялись мнениями, взглядами и позициями, после чего разошлись, не сойдясь во мнениях и не реализовав конструктивный потенциал диалога.

Под конструктивным компонентом институционального диалога государства и гражданского общества понимается эвристическое начало, креативно сближающее позиции сторон и позволяющее им дискурсивно приблизиться к разрешению обсуждаемой проблемы. Конструктивность диалога предполагает не только дискурсивно-коммуникативный аспект диалога, но и его праксеологическую компоненту, выражающуюся в совместных действиях государства и гражданского общества на основе совместно выработанной программы действий и достижения сформулированного результата общими усилиями.

Антиподом конструктивного диалога является деконструктивный диалог, обостряющий дискурсивный разброс мнений, разрушающий взаимопонимание и обостряющий противоречия. Для того чтобы избежать деконструкции, необходимо умело использовать широкий репертуар сформулированных нами кластерных типов диалога, постепенно

переходя от споров, дискуссий, убеждений к переговорным и совещательным типам диалога государства и гражданского общества.

7. Перманентность диалога. Перманентность институционализированного диалога государства и гражданского общества – это его непрерывность, длительность, постоянство функционирования. Перманентность диалога государства и гражданского общества заключается в том, что в процессе его институционализации диалог постепенно превращается в новый социокоммуникативный институт.

Реализация этого принципа диалога гражданского общества сопряжена с постепенной адаптацией в политической практике ряда нормативных моделей демократии, тесно взаимосвязанных с диалогическим форматом коммуникации государства и гражданского общества. Эти нормативные модели демократии, не заменяя ныне существующую представительную демократию, в значительной степени дополняют и модернизируют ее на основе использования новых информационно-коммуникативных, диалоговых по своей сути, механизмов и технологий.

Перманентность и дальнейшая институционализация диалога государства и гражданского общества объективно обусловлены имплементацией партиципаторной (участия) и делиберативной (совещательной) моделями демократии, электронной демократией и электронным правительством. В этом же ряду следует назвать и вплоть до настоящего времени так и не разработанную в российской политологии диалогическую (дискурсивную) демократию, или демократию диалога, как нередко именуются эта инновационная концепция демократии.

8. Респонзивность диалога является важнейшим фактом процесса институционализации диалога. Респонзивностью, то есть отзывчивостью, в равной мере должны обладать как государство и его органы политического и административного управления, так и организации и институты гражданского общества.

Респонзивность государства заключается в ее способности как институциональной системы отзываться и реагировать на действия и требования со стороны гражданского общества. В том числе и на основе диалога и тесно связанного с ним механизма обратной связи.

Не случайно В.В. Путин в своей программной статье «Демократия и качества государства» заметил следующее: «Мы должны проявлять способность реагировать на запросы общества, которые все более усложняются, а в условиях “информационного века” – приобретают качественно новые черты». И далее: «Демократия... заключается как в... праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, обще-

ственного контроля, коммуникаций и “обратной связи”» [9]. Или, иначе говоря, в рамках институционализированного диалога государства и гражданского общества власть должна соответствовать сформулированному в данном исследовании принципу респонзивности.

Дело в том, что значительное число сигналов, исходящих от определенных слоев общества, не всегда доходит до власти или же достигает ее в сильно искаженном виде. В то же самое время значительное число обратных сигналов от власти к обществу тоже не доходит до адресата или воспринимается с существенными искажениями. Данное обстоятельство связано как со способом артикуляции сигналов, так и с респонзивной способностью отдельных властных структур.

С точки зрения принципа респонзивности, можно сказать, что диалогу эффективному государства и гражданского общества препятствует ряд помех и фильтров, в том числе создаваемых:

- а) каналами коммуникации, которые глушат одни сигналы, усиливают другие и искажают третьи;
- б) особенностями «приемо-передаточных устройств», используемых властью;
- в) особенностями группового сознания и восприятия со стороны определенных структур, организаций и институтов гражданского общества.

Практика показывает, что власть оперативно откликается и реагирует либо на какие-то кризисные явления, либо на конфликтные проявления, угрожающие стабильности социальной или политической системе общества.

Но респонзивность должна обладать не только власть, но и гражданское общество. В процессе диалога оно должно своевременно реагировать, с одной стороны, на импульсы, исходящие от граждан, а с другой стороны, реагировать на информацию и сигналы, поступающие от государства. Аккумулируя и агрегируя запросы и интересы населения, институты и организации гражданского общества обязаны в процессе диалога с государством и органами государственной власти уметь их продвигать и защищать, добиваясь практической реализации.

Сформулированные нами принципы диалога гражданского общества – это своеобразные нормы и ограничения, призванные регулировать и, тем самым, институционализировать существующие практики и опыт диалогических интеракций государства и гражданского общества в сфере публичной политики [8]. Реализация выше перечисленных принципов диалога гражданского общества является необходимыми и достаточным фактором и условием для институционализации диалога государства и гражданского общества.

В институционализации диалога заинтересованы как государство, так и негосударственные субъекты и акторы публичной политики. Институционализация диалога государства и гражданского

общества уменьшает совокупные общественные затраты на регулирование общественно-политических отношений, легитимизирует принимаемые решения, увеличивает степень их общественной поддержки и, на этой основе, формирует лояльность граждан к органам и институтам власти. Институционализация диалога в публичной сфере позволяет улучшить эффективность государственного управления, снизив потенциальные риски развития конфликтных сценариев в политическом процессе современной России, угрожающих политической стабильности и целостности государства.

Библиографический список

1. Гунин Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2008. – 31 с.
2. Зайцев А.В. Диалогика гражданского общества. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 443 с.
3. Зайцев А.В. Теоретико-методологические основания институционализации диалога государства и гражданского общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2012. – №1 (120). – Вып. 21. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – С. 231–236.
4. Зайцев А.В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вест-

ник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 203–206.

5. Зайцев А.В. Диалогическая модель связи с общественностью: М. Кент и М. Тейлор // Современные научные исследования и инновации. – № 7 (27). – Июль 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25725>.

6. Зайцев А.В. Диалогическая модель связей с общественностью: возникновение, состояние, перспективы // Ars administrandi. – 2013. – № 3. – С. 5–23.

7. Зайцев А.В. Диалогическая модель связей с общественностью Дж. Грюнига и современность // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 84–88.

8. Зайцев А.В. Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества: опыт в ЕС и современная Россия // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 188–191.

9. Путин В.В. Демократия и качества государства // Коммерсант. – 2012. – № 20 (6 февраля). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 30.08.2014).

УДК 316.33

Нарыкова Светлана Петровна
кандидат юридических наук
Краснодарского университета МВД России
nikkuban@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗДЕЙСТВИИ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ

В статье рассматривается специфика воздействия политической власти на протекание социальных процессов в обществе и на содержание и направленность политико-управленческой практики субъектов политической власти на различных этапах функционирования общества.

Ключевые слова: методология, власть, государство, политическая власть, политический процесс, интенсификация, социальный институт, социальный контроль.

В рамках функционирования государства существуют, как известно, две основные тенденции, противоречащие друг другу, – воздействие государства на общественные процессы с целью приведения их в соответствие с государственной политикой и изменение государственной политики в соответствии с наличествующими общественными запросами. Для государств, в рамках которых форма осуществления власти приобретает характер диктатуры, характерна незначительная динамика власти на основании внутренних процессов развития общества и – одновременно – высокий уровень воздействия государства на все сферы общественной жизни, вплоть до прямого подавления отдельных тенденций и процессов [4].

Напротив, для демократических государств характерным является высокий уровень политической динамики, связанный с постоянным развитием общественных процессов и изменением направленности их развития. При этом проявляется следующая закономерность: для государств, формой осуществления власти в которых является диктатура, политические изменения носят скачкообразный характер, нередко связанный со сменой руководства государства (часто на уровне государственного переворота или революции). При этом уровень социальной напряженности в таких государствах значительно выше, нежели в демократических, поскольку на уровне решения социальных проблем интенции общества не находят адекватного отклика среди представителей государственной

власти. Напротив, для государств, в рамках которых реализуется демократическая форма осуществления власти, характерен значительно более низкий уровень социальной напряженности и более плавные изменения в государственной политике.

Вместе с тем воздействие политической власти на социальные процессы имеет широкий спектр вариаций, отличных от прямого принуждения, в рамках которого стабильность социальной структуры осуществляется за счет применения силового властного начала. Осуществление регулятивных процессов государственной политики производится на ряде уровней – от культурного до экономического. Однако деятельность властной структуры предполагает не только реакцию на существующие социальные запросы, но также и опережающее воздействие на них с учетом результатов прогностической деятельности, обращенной на определение общей динамики развития общества и ее направленности. В этом отношении актуальность приобретает проблема общих закономерностей возникновения социальных запросов, и в частности – возможностей государства по управлению ими. На этом уровне важны социологическое и культурологическое измерения рассматриваемой нами проблематики.

В социологии динамика политической власти проявляется как активность системы отношений (в рамках института политики) между социальными группами или субъектами в рамках определенной группы. В этом смысле политическое бытие общества определяется набором общих для всех его представителей норм и общепринятых форм взаимодействия. В идеале этот набор регламентирует эффективное взаимодействие социальных субъектов, в связи с чем для всякого общества принципиальную значимость приобретает процесс социализации – привития членам общества общих правил взаимодействия. Эти правила и нормы отражают как общие формы коммуникации, так и набор аксиологических норм и правил поведения, характерных для общества. В их число, помимо всего прочего, входят также правовая сфера отношений и система идеологических ориентиров, определяющая направленность деятельности субъектов и ее форму.

При рассмотрении проблемы на общем уровне становится очевидным, что процесс социализации и его эффективность в значительной мере предопределяет благополучие общества, и в частности – его подконтрольность государственной системе. Отсутствие идеи патриотизма и государственности, как аксиологический кризис, может негативным образом отразиться на жизни общества. Эта проблема привлекала множество исследователей, начиная с Платона, впервые раскрывшего идеальную модель государства, и завершая современными исследователями, чья сфера интересов затраги-

вает проблему объединения интересов государства и современных аксиологических тенденций.

Общеизвестно, что важным механизмом социализации является социальный контроль – система положительных и отрицательных санкций, применяемых к индивиду с целью воспитания в нем правильных установок в отношении социальных действий, производимых индивидом [3, с. 180–200]. Влияние политической власти прослеживается как на уровне формирования социальных норм, что связано с правовым аспектом осуществления государственной власти, а также сферой образования и развития различных сфер культуры, так и на уровне системы санкций, в значительной мере определяющих образ действия индивида в социуме. На этом уровне представителями Франкфуртской школы был поставлен вопрос о методологии воздействия на социальное развитие личности посредством культуры, что впоследствии получило название культуриндустрии [1]. Для ряда государств, таких как Великобритания, Швеция, Германия и др., справедливо рассмотрение этого процесса в качестве одной из важных составляющих создания стабильной общественной системы, что может быть связано как с религиозным сознанием членов общества, так и с проводимой на государственном уровне идеологической доктриной. Данное явление характеризует частный аспект проблемы влияния культуры на состояние общества. Рассмотрим подробнее проблему культурных оснований динамики общественной жизни и политических процессов в обществе.

Так как состояние общества в значительной мере определяется набором моделей поведения, норм и ценностей, объединяющихся для каждого человека в специфическую систему мировоззрения, сходную с мировоззренческими системами других членов общества, то имеет смысл говорить о понятии «политической среды», в рамках которой производится взаимовлияние общества и института политики. Принцип наличия в обществе мировоззренческих оснований, конституирующих политическую среду, нашел свое отражение в современной теории культуры. В частности, Дж. Холтон рассматривает систему мировоззрения, характерную для определенного общества, в качестве своеобразной «картины мира», на уровне которой разворачиваются общие для членов общества мировоззренческие основания. Вместе с тем он отмечает значительную степень противоречивости социальных установок в рамках культурных систем, что само по себе уже является основанием для возникновения противоречий на уровне общественных процессов [6]. Таким образом, противоречивость культуры выступает в качестве одного из серьезных оснований социальных противоречий в обществе. Проблема цельности и систематичности аксиологических и мировоззренческих основа-

ний в культуре является одной из важнейших для определения стабильности общества. Иными словами, в зависимости от культурной ситуации, осуществление функций власти может происходить благоприятным образом или, напротив, сталкиваться с рядом актуальных проблем, выраженных на уровне социальных противоречий.

Нами была показана внутренняя противоречивость мировоззренческой системы, реализуемой на уровне одной культуры. Однако еще больший размах данное явление приобретает в случае, когда в системе общества сосуществует несколько различных культур, что может быть связано как с национальной спецификой государства, в рамках которого происходит объединение различных этнических групп, так и с различными типами вероисповедания, имеющими место в рамках одного общества. В этом отношении, при рассмотрении вопроса на общем уровне, необходимым выводом является усмотрение культурной неоднородности в рамках общественной системы в качестве одного из серьезных оснований для возникновения различного рода конфликтов и противоречий. При этом плюрализм культуры в ситуации неразвитого межкультурного диалога и интегративных интенций является серьезным дестабилизирующим фактором, тогда как само проблемное поле активизирует политические процессы на уровне интенсификации социального регулирования. Исходной точкой рассмотрения в данном случае является проблема культурной обусловленности социальных противоречий и внутренней противоречивости, формируемой на уровне культуры «картины мира» человека.

Таким образом, в воздействии культурной ситуации на стабильность общественной системы одним из определяющих факторов является систематичность и непротиворечивость мировоззренческих оснований культуры. В этом отношении существование противоречий на уровне мировоззренческих оснований индивидов может иметь место как на уровне одной культурной парадигмы, так и в рамках общественной системы, объединяющей представителей различных культур. Следовательно, рассмотренная выше неоднородность на уровне культуры представляет собой частный случай противоречивого, несистематического характера культуры [6]. На этом уровне можно судить как о внутренних противоречиях и несовершенстве отдельных культурных парадигм, так и о применимости метасистемного подхода, в рамках которого может быть произведено рассмотрение сложной ситуации в обществе, где реализуется диалог культур.

Произведенное выше рассмотрение актуализирует следующую проблему: общество, в рамках которого происходит становление культуры, в значительной мере подвержено деструктивным процессам. Это связано с тем, что в рамках куль-

туры, проходящей этап становления, достаточно серьезную проблему представляет низкий уровень соответствия процессов социализации и социального контроля, поскольку еще не существует как таковой устоявшейся в рамках общества системы ценностей.

Отдельного внимания в рамках рассмотрения внутренних оснований динамики политических процессов заслуживают феномены субкультуры и контркультуры. На их уровне мы имеем дело с развитыми мировоззренческими системами, в рамках которых реализуются отличные от общесоциальных ценностные ориентиры и правила поведения, в результате чего в рамках общества различного рода отклонения от общепринятых норм приобретают организованный характер, с развитой идеологической базой и активными связями представителей этих культурных течений. Особое внимание в современной социологии уделяется феномену криминальной субкультуры, в рамках которой реализуется ряд установок, направленных на отрицание как общепринятых социальных норм, так и правового аспекта существования в социуме. Развертывание на уровне культуры идеологических оснований отрицания власти и права представляет значительную угрозу для общества и одновременно является одной из актуальных проблем, решение которой в значительной мере требует активного вмешательства носителей власти в ряд сфер жизни общества [2].

Еще одним важным аспектом, определяющим динамику общества и реализуемых в его рамках политических процессов, является сфера экономики. Проработка тематики экономической обусловленности политической динамики в исследовательской литературе связана, в первую очередь, с марксизмом и неомарксизмом, в рамках которых производится целостное рассмотрение динамической модели общественной структуры в ее экономическом аспекте, рассматриваемом в качестве важнейшего основания общественного развития в целом и динамики политических процессов в частности. При этом экономическая сфера затрагивает как индивидуальные процессы существования людей в обществе, так и процессы, касающиеся отдельного государства или совокупности государств, имеющих точки пересечения на уровне экономических интересов. На этом уровне рассмотрение статичности и динамики общественных отношений приобретает новое значение: экономические процессы и их социальные последствия при целостном рассмотрении проблемы либо имеют циклический характер, либо характеризуются наличием определенного вектора развития, что может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия. Так, обнищание определенных прослоек населения в обществе характеризуется нарастанием социальной напряженности, что знаменует собой деструк-

тивную направленность развития социальных процессов. В сущности, экономическая сторона жизни человека представляет собой одно из важнейших мотивирующих оснований, определяющих направленность и интенсивность деятельности индивида, поскольку она напрямую связана с базовыми потребностями человека по обеспечению необходимых условий существования и – одновременно – с рядом социальных потребностей [5]. При этом структура общества определяет как общий уровень материального благополучия, так и возможности и пути его достижения на уровне отдельных членов общества.

На уровне государства истощение экономических ресурсов часто приводит к ужесточению внутренней и внешней экономической политики и нередко – к внешнеполитической агрессии, направленной на приобретение новых ресурсов. Напротив, оптимизация экономической сферы жизни общества знаменует собой конструктивный вектор государственного развития, поскольку улучшение материального благосостояния населения приводит к снижению уровня социальной напряженности [5]. Все это имеет определяющее значение в отношении динамики политических процессов как на уровне экономических интересов государства, так и на уровне социальных процессов, находящихся в тесной взаимосвязи с экономической ситуацией.

Итак, рассмотрение основных аспектов динамики социальных запросов, определяющих интенсификацию политических процессов, отражает частные стороны исследуемого предмета, которые, будучи взятыми отдельно, не раскрывают в полной мере действительного положения дел в силу комплексного характера проблемы. Так, сходная экономическая ситуация в двух рассматриваемых государствах может приводить к различным процессам на уровне общественной динамики в силу наличия различного менталитета. Или, напротив, наличие общих культурных оснований может сопровождаться кардинальными различиями на уровне общественных процессов, являющимися закономерным следствием различий в практике осуществления власти в рамках двух исследуемых государств.

Помимо рассмотренного выше момента комбинаторики на уровне определяющих социальную динамику факторов имеет место также и проблема взаимосвязи различных сторон социальной жизни, что зачастую приводит к неожиданным результатам. Так, проблема аксиологических оснований деятельности индивидов в обществе, наиболее полно выраженная в рамках социологической и культурологической теорий, находится в тесной взаимосвязи с проблемой социальных условий, определяющих принципиальную достижимость и реализуемость общественных идеалов, что во

многом определяется экономической ситуацией и правовой базой, регулирующей отдельные общественные отношения. Для многих обществ характерно несоответствие между различными сторонами общественной жизни, результатом которого является нарастание социальной напряженности, притом что на частно-теоретическом уровне можно сделать вывод о гармоничном развитии определенных сфер общественной жизни. Это в значительной мере актуализирует целостное социально-философское исследование динамики общественных и политических процессов, на уровне которого можно произвести рассмотрение проблемы в ее конкретике. Смысл в том, что усложнение социальной системы позволяет говорить и об усложнении методологических задач ее познания. А именно, такой феномен, как политическая власть, взятая в динамике, имеет междисциплинарный характер, а потому исследование, посвященное данной проблематике, должно основываться на данных различных научных подходов, но эти данные должны быть объединены в рамках системы социальной философии.

Интенсивность политической власти – это ее непереносимое свойство, в свете которого управление обществом есть динамический естественный процесс. Концептуализация интенсивности политической власти ведет нас к необходимости выведения ее общих принципов и законов. Вместе с тем системный междисциплинарный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, интенсификация политической власти как естественного социального процесса может быть обусловлена внутренними и внешними факторами. Конечная цель решения внутренних проблем общества связана с согласованием и равномерным развитием основных социальных институтов. При этом функционально политическая власть должна соответствовать запросам общества, равно как и общество должно соответствовать властной политике. Однако в ходе изменения общества меняются и взаимные потребности, что ведет за собой новый виток взаимной корректировки. Внешние проблемы носят двоякий характер: они стимулируют интенсификацию власти и способствуют сплочению социальной структуры против внешней силы воздействия либо ведут к усилению социальной напряженности за счет раскрытия факта неспособности политической власти к интенсивному социальному управлению и регулированию.

Во-вторых, принцип интенсификации политических процессов пропорционален экстенсивному и интенсивному развитию общества, которое предполагает два направления: усложнение социальной структуры (качественное развитие) и увеличение физического и социального пространства (количественное развитие). При этом каждая новая

парадигма мышления предполагает качественно и количественно иной уровень интенсификации политических процессов. Таким образом, процесс интенсификации политической власти напрямую зависит от сложности общества. С тем учетом, что мир за последние столетия и даже десятилетия принципиально изменился в сторону усложнения системы и одновременно ускорились коммуникативные процессы (на что указывают такие выдающиеся исследователи политической теории, как Ю. Хабермас), имеет смысл говорить о новом формате политической власти, в основе которой лежит принцип интенсивной динамики.

В-третьих, в контексте становления культуры и развития института образования динамика политической власти предполагает повышение уровня интенсивности вовлеченности института политики в жизнь общества. Поэтому можно говорить о том, что политическая власть представляет собой не статичную форму, представленную в виде понятий. Она есть диалектический процесс. Соответственно, политизация общественного сознания в обществе с высоким уровнем культурного развития, как правило, связана с объективными причинами, такими как изменение ситуации в государстве или в мировой системе в целом. При этом, учитывая тот факт, что ситуация в мире так или иначе меняется, а уровень образования населения растет в процессе всего исторического развития человечества, можно говорить об историческом процессе политизации общественных отношений.

В-четвертых, интенсификация политического управления – это своего рода защитная реакция, позволяющая сохранить государство как самоорганизующуюся систему. Те государственные системы, которые не способны адекватно реагировать на изменчивость в мире и внутренние запросы общества, в итоге перестают существовать или переживают смену политического режима на тот,

который способен адекватно отвечать на запросы своего времени.

И, наконец, в-пятых, общая интенсификация политической власти связана с изменением социальной парадигмы мышления. Ввиду того что в обществе растет и число субъектов политического мышления и одновременно его качественный уровень, можно говорить об интенсификации политической власти как о свойстве современной парадигмы. При этом ускорение социальных процессов, повышение общей динамики взаимодействия основных социальных институтов позволяют говорить о качественно новом этапе интенсификации процессов управления и регулирования данными институтами.

Библиографический список

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М.; СПб., 1997. – 312 с.
2. Донских Д.Г. Понятие и соотношение терминов «субкультура» и «контркультура». Криминальная субкультура // Электронный журнал «Кибер-Ленинка». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sootnoshenie-terminov-subkultura-i-kontrkultura-kriminalnaya-subkultura> (дата обращения: 05.05.2014).
3. Кравченко А.И. Социология: учеб. для вузов, 9-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 512 с.
4. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
5. Сорокин П.А. Система социологии. – М.: Астрель, 2008. – 1003 с.
6. Холтон Дж. Что такое антинаука? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/holton_chto/ (дата обращения: 15.05.2014).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ ВОССОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА «ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ» В РОССИИ

В статье доказывается, что публичное признание политической элитой участия общественных организаций в политическом процессе («общественный контроль») повышает рейтинг лидера и уровень доверия ему граждан РФ. Описанный механизм является эффективной политической технологией.

Ключевые слова: общественный контроль, политическая технология, публичное декларирование.

Понятие «общественный контроль» появилось в политическом дискурсе России в 2012 году [2]. Произошло это в рамках оглашения В.В. Путиным ежегодного послания Президента РФ Федеральному собранию РФ на 2013 год. Но ещё в 2005 году в России была создана Общественная палата – институт, осуществляющий «общественный контроль за деятельностью органов власти» [8]. Следовательно, временной промежуток между первой и второй попытками конструирования понятия «общественный контроль» в сфере политической практики составил семь лет. Более того, интересен вопрос о выборе Президентом РФ именно 2005 и 2012 годов в качестве моментов декларирования намерений о создании в России Общественной палаты (ОПРФ) и других институтов общественного контроля. Отражение интерпретаций «общественного контроля» следует искать в Ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ. Этот документ, официально не имея юридического статуса, является политической программой для органов государственной власти на период одного года после провозглашения.

Целью данной работы является исследование особенностей декларирования понятия «общественный контроль» политической элитой России в первой декаде XXI века. Объектом работы является содержание посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ 2004, 2011–2013 гг., предметом – отражённое в них понятие «общественный контроль». Авторская гипотеза состоит в том, что особенности восприятия политической элитой реанимированной идеи «общественного контроля», условия протекания политических процессов в России в 2005 и 2012 годах позволяют именовать «общественный контроль» политической технологией, применяемой представителями политической власти в отношении граждан РФ. То есть «совокупностью наиболее целесообразных приемов, способов, процедур реализации функций политической системы, направленных на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики» [4, с. 64]. В случае подтверждения гипотезы, может быть сделан вывод о желаемых результатах политики, об эффективности применяемой технологии.

В рамках настоящего исследования начать необходимо с Послания-2004, предшествующего Федеральному закону об учреждении в России Общественной палаты. В нём предлагалось «постепенно передавать негосударственному сектору функции, которые государство... не способно эффективно выполнять» [1]. То есть Президент РФ публично обратил внимание представителей власти и граждан на низкую результативность исполнения некоторых функций государством, высказав идею о том, что политическая элита остро нуждается в помощи со стороны общества.

Для лидера политической элиты необходимо декларирование важности партнерства государства и общества в процессе поиска и исключения из состава политической элиты «лишних, неправоммерно действующих» представителей. Неправоммерно в данном случае обозначает – не в интересах общества. Власть, тем самым, в отношениях с гражданами делит себя на высшую и низшую, федеральную, региональную и местную, или результативную и нерезультативную. Все эти особенности и указывают на применение политической технологии, так как повышают доверие граждан РФ власти, трансформируют их электоральные ожидания в сторону «желаемого элитой результата». 2004 год – это рубеж между первым и вторым президентскими сроками В.В. Путина. Если в 2000 году его личный рейтинг составлял 61%, то в 2004 году «рейтинг падал» [5] ниже этой отметки. Так как в рамках практической политики элита любого государства пытается устремить свои рейтинги популярности к ста процентам, «желаемым результатом» является пусть и небольшое, но постоянное повышение доверия граждан власти. В рамках Послания-2004 В.В. Путин говорил о том, что «имеет смысл использовать накопленный в ряде регионов опыт работы общественных палат» [1]. Президент РФ не предписывал создание подобного органа на федеральном уровне, предлагал использовать общественные палаты субъектов для независимой экспертизы важнейших нормативных актов – по сути, для обсуждения принятых и принимаемых законов. Следовательно, в момент снижения популярности лидер политической элиты России провозглашает, что некоторые функции государства следует поручить исполнять обществу, сводя их, по

факту, к обсуждению законов в регионах, то есть передаче общественным организациям неполитической функции придается высокое политическое значение. Тем самым обеспечивается высокая популярность В.В. Путина на втором сроке правления, безопасное воспроизводство окружающей его политической элиты. В этом смысле «общественный контроль» (как тема политического дискурса) является политической технологией «вовлечения», когда власть передаёт обществу некоторые из своих функций, публично именуя их властными, политическими функциями.

В 2012 году рейтинг В.В. Путина вновь снизился до 63% [7]. Две трети опрошенных – это неоднозначное количество поддерживающих политику президента. Некоторые эксперты характеризует год начала третьего президентского срока В.В. Путина (2012) следующим образом: «выросло количество неодобряющих его действия с 10% до 36%», падение рейтинга «составило 25 процентных пунктов», «поддержка протестных акций превышает 40%» и т.д. Тогда впервые в политическом дискурсе России звучит понятие «общественный контроль» – в рамках Послания Федеральному Собранию РФ Президента В.В. Путина в 2012 году [2]. В тексте были отмечены две главные проблемы страны: «низкая эффективность государственной власти и коррупция» [2]. Глава государства отметил, что «общественный контроль является активным гражданским участием, единственным условием действительности борьбы с коррупцией» [2]. Для этого органы государственной власти должны ориентироваться на «понятный для общества результат работы», «общественное мнение» [2]. Так как на муниципальном уровне многие из них уже «выстраивают систему общественного контроля по своей инициативе», президент указывает, что «такой настрой людей» нужно «поддержать» [2]. Отсылка к муниципальному уровню и «активности» граждан, которых «нужно поддержать», – это политическая мера, направленная на вовлечение простых россиян в политический процесс. Во всяком случае, декларативно, так как оценка деятельности органов власти (мониторинг) не является политической функцией. Следовательно, в 2012 году при снижении рейтинга лидера политической элиты до 60% (как и в 2004 году) президент РФ обратился к политической технологии «вовлечения». Также выделена роль СМИ: «в рыночных условиях... должны руководствоваться интересами общества, высокими нравственными принципами» [2]. В результате оценки деятельности органов власти гражданами и СМИ государство «твёрдо и последовательно» проводит «политику очищения и обновления власти» [2]. Употребление слова «политика», которая фактически остаётся в ведении государства, направлено на формирование у граждан представления о причастности «общественно-

го контроля» к политическим процессам. Это ещё одно свидетельство реализации политической технологии «вовлечения».

2013 год, второй из пяти в третьем президентском сроке В.В. Путина, по мнению некоторых экспертов, характеризовался ещё более глубоким падением рейтингов лидера политической элиты. «Позиции политика хуже, чем когда бы то ни было», «в августе 2013 года 42% россиян сказали, что люди доверяют Путину просто потому, что больше не видят никого, на кого бы они могли положиться» [5]. Такой уровень доверия населения власти и рост протестных настроений обусловили то, что в 2013 году «общественный контроль» декларировался уже как сугубо политическое явление – «широкая общественная дискуссия» [3]. Практическими результатами ее должны быть: превращение «общественных инициатив в часть государственной политики» [3]. То есть лидер политической элиты не просто декларировал передачу неких политических функций обществу, а граждане получили право участия в выработке ключевых властных решений. Практически это реализуется через созданные при многих органах власти общественные советы. По мнению президента РФ, «эту работу следует продолжать», но с условием высказывания членов советов экспертного мнения, их конструктивного оппонирования представителям государственной власти [3].

Следовательно, «общественный контроль» в 2013 году воспринимается политической элитой в качестве прямого диалога общественных советов и органов власти с целью высказывания конструктивных инициатив граждан. Президент РФ отметил высокую роль в этом процессе Общественной палаты РФ – как «площадки выражения интересов различных социальных и профессиональных групп» [3].

Однако в 2013 году мониторинг обществом государственной политики, положенный политической элитой в основу «общественного контроля» в Послании 2012 года, сводится к контролю обществом исполнения его инициатив. Смысл применения политической технологии «вовлечения» в том, что политические функции общественного контроля передаются гражданам лишь декларативно.

Таким образом, можно говорить о существовании следующей закономерности: желаемым результатом политической деятельности для элиты является одобрение её политики значительно более 60% населения. Если более точно, то количество недовольных (а значит, электорально ненадёжных) должно быть значительно менее 30%. В случае, если только две трети и менее граждан высказывают неодобрение действиями политической элиты, возможно перенесение общественного недовольства из социально-экономической в политическую сферу. За этим следует качественный

и количественный рост оппозиционных организаций и протестных движений. Поэтому во избежание подобного сценария развития ещё в момент снижения рейтингов лидер и его окружение инициируют применение политической технологии «вовлечения». Её суть в признании неэффективности государства, необходимости помощи государству в управлении со стороны общества. Характер помощи облекается в форму политического участия без политического содержания. Фактически население вовлекается в мониторинг, обсуждение, формирование рекомендаций, но только не в политические функции, не в управление. Даже если применяемая технология никак не влияет на рейтинг власти у населения, элита продолжает поддерживать видимость политического характера общественного участия.

Если говорить о развитии событий в России на практике, падение популярности лидера политической элиты в 2013 году было преодолено другой политической технологией – «маленьких внешнеполитических успехов». Информационная кампания о влиянии России на события в Украине весной-летом 2014 года – это типичный пример такой технологии. Рейтинг В.В. Путина, составляющий в настоящее время 83% [6], сформирован с применением такой внешнеполитической технологии. Эксперты отмечают, что «эффект таких пропагандистских акций краткосрочен, без успешного экономического роста не обойтись» [5]. Поэтому низкая эффективность технологии «вовлечения», применённой в России в 2013 году, – вывод преждевременный. Во-первых, такая технология уже была применена в 2004 году и увенчалась успехом и в 2012 году политическая элита России реализовала сценарий вовлечения идентично. Во-вторых, успешное завершение применения технологии «вовлечения» в 2012 году основано на кратковременном внешнеполитическом сценарии. Но тут важен вопрос о том, завершена ли реализация политической технологии «вовлечения» в России в настоящее время. В июле 2014 года стало известно, что на базе Общественной палаты РФ создается Российская ассоциация общественного контроля [9]. Кроме того, Государственная Дума РФ приняла законопроект «Об основах общественного контроля» [9]. Суть готовящихся нововведений пока неоднозначна, но ясно одно: применение политической технологии «вовлечения» в России начала XXI века будет продолжено, так как её политический успех в части достижения «желаемого результата», даже с учётом неэффективности в 2012 году, очевиден. Кроме того, продолжение «вовлечения» связано с краткосрочностью эффекта внешнеполитических технологий.

Фактически в России 2014 года происходит расширение зоны влияния «общественного контроля» на госструктуры: «члены всех региональных палат и общественных советов... возьмут на себя функции контроля государственных учреждений» [9]. Между тем это не означает вовлечения граждан и собственно гражданских институтов РФ в политический процесс, так как «некоммерческим организациям (НКО) в этой схеме отводится второстепенная роль: их будут привлекать для конкретных мероприятий по усмотрению палаты» [9]. Таким образом, «общественный контроль», став одним из механизмов стабилизации политических элит, на этапе 2012–2014 годов продемонстрировал выбор политической системы в пользу управленческих политтехнологий и в ущерб демократическим.

Библиографический список

1. Послание Федеральному собранию Российской Федерации (27 мая 2004) // Российская газета (Федеральный выпуск). – № 3486. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/05/26/postlanie-dok.html> (дата обращения: 17.07.2014).
2. Послание Президента Федеральному Собранию РФ 12.12.2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118#sel=86:1,86:43;101:1,101:18;112:12,112:17;120:1,122:21/> (дата обращения: 17.07.2014).
3. Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию (12 декабря 2013 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825#sel=21:1,27:59> (дата обращения: 17.07.2014).
4. Лисовский С.Ф., Ефстафьев В.А. Избирательные технологии: история, теория, практика. – М.: РАУ-Университет, 2000. – 320 с.
5. Как рос и падал рейтинг Путина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/04-10-2013/kak-ros-i-padal-reiting-putina> (дата обращения: 17.07.2014).
6. Крымский эффект. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-06-2014/krymskii-effekt> (дата обращения: 17.07.2014).
7. Несколько пояснений по поводу президентского рейтинга Путина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/13-05-2013/neskolko-poyasnenii-po-povodu-prezidentskogo-reitinga-putina> (дата обращения: 17.07.2014).
8. О палате. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/about/> (дата обращения: 17.07.2014).
9. Туманов Г. Общественный контроль ассоциируется с палатой // Коммерсант.ru, сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2504112> (дата обращения: 17.07.2014).

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются подходы к определению толерантности и мультикультурализма, а также анализируется западноевропейский опыт и перспективы реализации межэтнической политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: толерантность, мультикультурализм, ассимиляция, миграция.

Внешняя политика ведущих государств мира, трансформация политических режимов в Северной Африке, мировой финансовый кризис, а также события на Украине отодвинули внимание научной общественности от некоторых важных и ключевых процессов, происходящих в современном мире. Одним из них, несомненно, является реализация принципов толерантности и мультикультурализма в полиэтнических обществах ряда западноевропейских держав. Успехи и ошибки в реализации указанных теорий напрямую влияют на общественное сознание, уровень правопорядка, а также на эффективность реализации проводимой правоприменительной политики официальных властей. Рассуждая на тему толерантности и мультикультурализма, анализируя ситуацию в таких «крепких» демократиях, как Германия, Франция и Великобритания, мы можем и должны оценивать перспективы развития событий в нашей стране, выдвигать гипотезы и планировать государственные мероприятия. Причиной тому служит само российское общество, представленное спектром национальностей и этносов, народностей и конфессий, когда от правильно выбранной модели правового регулирования отношений зависит безопасность и стабильность в государстве. В настоящей статье будет предпринята попытка охарактеризовать и проанализировать сущность и содержание категорий «толерантность» и «мультикультурализм» в современном мире, оценить накопленный опыт реализации данных принципов и теорий в Западной Европе, а также выработать рекомендации отечественному законодателю и правоприменителю в целях достижения межэтнического диалога и согласия в Российской Федерации.

В Уставе Организации объединенных наций термин «толерантность» не упоминается, но говорится о необходимости проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи [11, с. 14–17].

В Декларации принципов терпимости, принятой резолюцией 5.61 Генеральной конференции 16.11.1995 г., указано:

1.1 Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и спосо-

бов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2 Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3 Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека [4].

Философский словарь определяет толерантность как воздержание от употребления силы для предотвращения отклонений во мнениях, верованиях, поведении другого человека или группы людей [9, с. 726].

Н.В. Омелаенко определяет толерантность как терпимое отношение к иным убеждениям и верованиям и ненавязывание своего мнения другим. Межэтническая толерантность в полиэтническом регионе проявляется в уважении к языку и культуре других народов [6, с. 10].

Что касается мультикультурализма, то, по мнению большинства исследователей, к данной категории можно относить все то, что свидетельствует о культурном плюрализме.

Так, В.С. Малахов и В.А. Тишков справедливо отмечают, что культурное разнообразие – это не только и не столько этническое разнообразие. Это разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимо-

действии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию [5, с. 60]. Исследуя сам термин «мультикультурализм» и отмечая его зачастую негативную окраску, авторы указывают на то, что «если от проблематичного термина и можно отказаться, то отказаться от мероприятий по организации общежития в условиях культурной плюральности нельзя. Культурное различие есть конститутивный момент демократического общества. Поэтому вопрос не в том, поощрять или не поощрять культурное разнообразие, а в формах этого поощрения» [5, с. 60].

Сложность проблемы поликультурыности отмечает в западноевропейских демократиях (Великобритании, Германии и Франции) и А.В. Веретевская, а под самим понятием подразумевается «свойственное поликультурному обществу усложнение процесса определения общего блага» [3, с. 16]. Автор проследила практику применения политики мультикультурализма в разных странах, выделила положительные результаты и предложила аналитическую модель эффективного мультикультурализма, созданную на основе функционального определения мультикультурализма с учетом удачного, с точки зрения результатов, практического опыта. Эта модель предполагает: а) в качестве основной цели решение проблемы поликультурыности посредством обеспечения бесконфликтного существования поликультурного общества в экономически процветающем и политически стабильном либеральном государстве на основе добровольной и полноценной политической интеграции всех культурных групп общества вокруг компромиссно определенной концепции общего блага; б) в качестве главной задачи – максимально полноценное включение всех культурных групп в общественную жизнь политически единого общества и государства на условиях равноправия, залог которого – уважение и принятие инокультурности; в) следующие принципы решения проблемы поликультурыности: осознание важности (но не абсолютистской) культурной составляющей в социальной и политической жизни личности и общества; равное включение представителей всех культурных групп общества в его жизнь (то есть обеспечение доступа к участию в определении общего блага); необходимость частичной добровольной культурной трансформации (в том числе и идентичностной) ради достижения политического консенсуса по поводу общего блага – мультикультурного компромисса; восприятие широкого полиформатного мультикультурного диалога (полилога) как наилучшего способа достичь легитимного мультикультурного компромисса [3, с. 17].

Нетрудно догадаться, что при реализации политики мультикультурализма правительства некоторых западноевропейских стран либо не использовали научного подхода, либо допустили

массу ошибок в этом процессе. Возможно, это тот случай, когда в Европе допустили просчет, понадеявшись на добрые помыслы и красивую теорию, связанную с поликультурностью. Важно использовать этот опыт во благо нашей страны и общества.

Представляется интересным также сопоставление ряда выводов, полученных при изучении политики внедрения толерантности и мультикультурализма в современных обществах. Так, Н.В. Омелаенко в вопросе о том, можно ли все общество заставить быть толерантным, подчеркивает, что «проявление толерантности зависит от внутренней культуры человека, от его уровня образования и воспитания, и заставить всех быть толерантными невозможно» [6, с. 59]. Помимо этого, на наш взгляд, важную роль в этом процессе играет уровень правосознания и правовой культуры конкретного общества, группы, индивида.

В.И. Самохвалова указывает на то, что насильно вводимая толерантность может быть опасна, поскольку «оборачивается терпимостью к злу, греху и т.п. С помощью продвижения толерантности можно пробить брешь в традиционной культуре, сместив все акценты и смешав ориентиры. Случается, что под видом толерантности идет отказ от нормы» [8, с. 35].

М.Б. Хомяков отметил и исследовал неоднозначность толерантности и ее внедрения в общество того или иного государства. В работе отмечено, что морально значимый отказ от использования силы воздействия на существование морально неприемлемого отклонения не может быть благом... Ценностная значимость толерантности вызывает сомнение [12, с. 101–105].

Об опасности вырождения (выхолащивания) толерантности в некий абстрактный принцип, агитационный плакатный лозунг «Толерантность ко всякому явлению» предостерегает Т.Н. Петухова: «Подобное понимание пропагандировалось и внедрялось в общественное сознание в начале 90-х годов XX века на фоне разрушения прежних ценностей и установок, изменения этнической картины мира. Как результат – появление различных деструктивных явлений» [7, с. 11]. Подобные явления воспринимались как побочное следствие смены общественных систем, экономических отношений, политической власти, идеологии и сопровождалась призывами относиться к данным «демократическим» явлениям толерантно [10, с. 41].

Наконец, многими исследователями признается, что чрезмерность и неограниченность толерантности может привести к следствиям, аналогичным тем, к которым ведет ее дефицит, характерный для авторитарных, тоталитарных политических режимов и организаций: к репрессиям, войнам, терроризму, в сфере нравственности – к вседозволенности, аморальности, бездуховности, беззаконию [7, с. 12].

В вопросе о реализации политики межэтнического и межконфессионального сотрудничества в современном обществе важно помнить и о еще одном инструменте достижения социального консенсуса – ассимиляции. При этом, как указывает В.В. Бубликов, ассимиляция и мультикультурализм являются прямо противоположными стратегиями и могут исторически сменять друг друга в рамках иммиграционной политики одного государства [2, с. 38].

В Европе политика ассимиляции не имела своего широкого применения, поскольку в 60-е гг. XX в. страны континента столкнулись с массовой иммиграцией, появлением на своей территории инокультурных сообществ, обладающих этнической и религиозной идентичностью [2, с. 38]. Проблемы взаимодействия с этими сообществами в Европе решили разрешать с помощью политики мультикультурализма.

Практика реализации мультикультурализма в Западной Европе выработала такой подход к идентификации сообществ, в соответствии с которым культурная и религиозная идентичность группы в полиэтническом обществе должна развиваться, стимулироваться и углубляться государством, что в результате привело к той разобщенности, конфликтным ситуациям, которые мы наблюдаем массово сегодня. Так, еще в 2003 г. В.К. Антонова отмечала факт формирования в современных городах западных стран определенных территориальных кластеров в центральных районах города, когда «коренное белое население стремится покинуть эти районы как можно скорее [1, с. 214].

Учитывая вышеизложенные факты, следует признать, что европейские государства во главе с Великобританией, Францией и Германией только начинают путь построения поистине толерантного мультикультурного общества, поскольку после высказываний лидеров этих стран о провале предыдущей политики мультикультурализма нужно с чего-то начинать дальнейший диалог и достигать общественный консенсус. Если же рассматривать Россию в целом, а также отдельные ее территории (Северный Кавказ, Крым и др.), то наши риски несравнимо выше западноевропейских, с одной стороны. С другой – опыт совместного проживания различных этносов и конфессиональных групп в нашей стране длительный и колоссальный.

Представляется в этой связи необходимым предложить конкретные направления совершенствования политики реализации принципов толерантности, а также межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Они, на наш взгляд, заключаются в следующем:

– использование накопленного позитивного и негативного европейского опыта реализации политики толерантности и мультикультурализма является обязательным для органов государственной власти РФ

по вопросам социальной интеграции и межэтнического и межконфессионального диалога;

– в российском обществе требуется дальнейшее включение всех культурных групп в общественную и политическую жизнь на условиях равноправия (квоты на занятие должностей в органах государственной власти, как яркий пример);

– в вопросах толерантности основной акцент должен ставиться на дуализм терпимости: помимо признания и уважения коренными жителями конкретной территории культуры и верований всех народностей и этносов, требуется подобное отношение к местным нравам и обычаям со стороны приезжающих, мигрантов и иных категорий лиц (до настоящего времени большинство исследователей понимали толерантность как терпимость по отношению к мигрантам, но не обязательно терпимость мигрантов по отношению к коренным этносам и традициям);

– само собой разумеющимся представляется и требование дальнейшего укрепления законности, что изначально является фундаментом и главным условием реализации всех задуманных реформ, мероприятий и принятых норм права.

Представляется, что подобные меры правового и организационного характера в совокупности с продуманными шагами в культурной, образовательной и политической сфере помогут нашему обществу и государству избежать эскалации межэтнических конфликтов, будут способствовать укреплению законности, правопорядка и плодотворного взаимодействия различных социальных групп для достижения общего блага.

Библиографический список

1. Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 213–230.
2. Бубликов В.В. Ассимиляция и мультикультурализм – опыт зарубежных стран по интеграции иммигрантов // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 315. – С. 38–41.
3. Веретевская А.В. Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 29 с.
4. Декларация принципов терпимости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
5. Малахов В.С., Тишков В.А. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002. – 356 с.
6. Омелаенко Н.В. Межэтническая толерантность молодежи в поликультурном регионе: дисс. ... канд. соц. наук. – Тюмень, 2013. – 204 с.

7. Петухова Т.Н. Межэтническая толерантность в России: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Челябинск, 2013.

8. Самохвалова В.И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. – 2008. – №4. – С. 26–45.

9. Современный философский словарь / под общ. ред. проф. В.Е. Кемеров. – 3-е изд. – М., 2004. – 864 с.

10. Степанова Н.Г. Межэтническая толе-

рантность в современном российском обществе: дисс. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2008.

11. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956.

12. Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI. – №4. – С. 101–105.

УДК. 172.12

Ковалева Светлана Викторовна

доктор философских наук, профессор
Костромской государственной технологической университет
sweta.lana1968@yandex.ru

Степанищенко Ольга Викторовна

кандидат политических наук
Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар
stpshnk@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНФАНТИЛИЗМА (на примере Краснодарского края)

В статье дается обоснование определения политического инфантилизма, рассматриваются качественные характеристики сознания, выражающиеся в политической деятельности как пuerилизм и симплификация, приводятся социологические данные о незаинтересованности граждан в политических кампаниях.

Ключевые слова: политический инфантилизм, политическая социализация личности, патернализм, абсентеизм, отчужденность.

Психолого-политический анализ наиболее успешных демократий свидетельствует, что минимально необходимыми условиями становления демократической политической системы и лежащего в его основе гражданского общества являются:

- организация политико-государственной власти и публичного управления, обеспечивающая участие граждан в принятии всех значимых решений;
- самоорганизация общества, появление в нем автономных от государства, выражающих потребности большинства социальных слоев и групп и действенных неправительственных институтов;
- высокий уровень обеспечения и защиты прав и свобод человека;
- непрерывный процесс диалога, согласования интересов и приоритетов между властью и населением в рамках регулярно обновляемых и многоуровневых общественных соглашений-договоров между ними.

Несмотря на то, что, следуя международным стандартам в области прав человека, право граждан на участие в делах государства (прежде всего, через участие в выборах) и на самоорганизацию (путем реализации права на объединение) закреплено в Конституции Российской Федерации, Россия сегодня весьма далека от модели либеральной демократии и зрелого гражданского общества. Более того, по справедливому определению А.И. Юрьева, в нашей стране отсутствуют «моде-

ли современного российского гражданина, который был бы адекватен времени и ситуации» [10]. Отсюда следует, что решающей на данном этапе создания полноценной демократии и рыночной экономики в России становится задача изменения политического сознания и поведения россиян. Вместе с тем, именно специфика психологии участников российского политического процесса многими исследователями рассматривается как причина столь «трудного» развития демократии в России [3]. В качестве одной из объяснительных концепций выдвигается и такая: российскому обществу в целом и конкретным участникам политического процесса свойственен феномен, получивший определение «политический инфантилизм». Несмотря на все более широкое распространение понятия «политический инфантилизм», психологические аспекты его проявления до сих пор не были предметом комплексных научных исследований. Отдельные аспекты исследуемой темы рассматриваются в рамках политико-культурального подхода [11], путем поиска ментальных смыслов [6], выделения субъективных аспектов политики, включая и такие курьезные, как, например, массовое «юбилейное сознание» [1].

Феномен «политической инфантильности» можно рассматривать и как одну из форм инфантильности социальной. По мнению А.М. Зимичева, «социально инфантильный, недоразвитый человек до обидного похож на своих меньших братьев:

стремление выжить любой ценой, прокормить и спасти себя и свою семью, залезть по головам собратьев к кормушке, к власти и обустроиться в этой жизни лучше других» [2]. С этой точки зрения, политическая инфантильность предстает как результат нарушения политической социализации. Политическая жизнь не представляет собой нечто статичное, неизменное. Являясь по сути своей механизмом организации совместной жизни людей и важнейшим орудием целенаправленных преобразований, она меняется и развивается вместе с обществом. Не случайно становление той или иной политической системы обычно тесно увязано с уровнем экономического и социального развития государства. Представляя собой динамическую, развивающуюся систему, политика предъявляет и все новые требования к субъектам политической жизни: политическим элитам и лидерам, социальным группам, каждому гражданину.

Личность – одновременно и субъект и объект политики. Но одни люди в большей степени проявляют политическую активность, другие – в меньшей, а для третьих характерно вообще дистанцирование от политики. Такое разнообразие видов политического поведения во многом обусловлено характером политической социализации личности. Политическую социализацию личности можно определить, как процесс активного воспроизводства личностью политического опыта, определенной системы норм, ценностей и установок политической деятельности и политических отношений [13]. Существует и другая трактовка: «политическая социализация личности – это процесс, в ходе которого у личности поэтапно формируются определенная картина политического мира, опыт политической деятельности и политического общения» [7]. Исходя из этого можно утверждать, что политический инфантилизм есть нарушение политической социализации, при котором отдельный субъект (индивид, коллективный субъект, лидер, власть) проявляет неспособность выполнять функции, возлагаемые на него обществом и политической системой.

При этом следует учитывать, что каждая политическая система предлагает своим акторам вполне определенные требования, обусловленные ее структурой: институциональной (политические организации), нормативной (политические нормы), функциональной (политические отношения и деятельность), коммуникативной и культурной (политическое сознание и политическая культура), особенностями политического участия) и уровнем развития (даже одна политическая система эволюционирует во времени и может существовать в виде разных политических режимов). Не случайно проблема политического инфантилизма стала изучаться в России на рубеже веков, на фоне перехода от тоталитарного советского режима к ка-

чественно новой общественно-политической формации – режиму демократическому, предъявляющему принципиально иные требования к каждому политическому актору. Не менее значимой является в данном случае и «революционность», а не «эволюционность» процесса.

В основе современной теории политической системы лежит модель, разработанная Д. Истоном в его трудах «Политическая система», «Структура политического анализа», «Системный анализ политической жизни». По мнению Д. Истона, основой функционирования политической системы служит взаимодействие ее субъектов в процессе распределения материальных и духовных ценностей. Эта концепция была существенно дополнена Г. Алмондом, полагавшим, что функционирование политической системы основано на взаимодействии субъектов различных уровней и различной направленности. Рассматривая политическую систему как «набор всех взаимодействующих ролей», Г. Алмонд включал в нее элементы, действующие на основе правовых норм и регламентаций (парламенты, суды и т.п.): статусы (граждан, группы), конкретные роли агентов (виды их практик и деятельности). Такое многообразие ролей в политике предполагает и не меньшее количество возможных деформаций в процессе их усвоения, в том числе и в рамках политической социализации.

К числу подобных «деформаций» можно отнести и те, которые коррелируют с процессами психической инфантилизации: например, параллельное развитие важных для социализации структур личности и функционирование в рудиментарном состоянии структур детства и юности (вполне корректный аналог в политической жизни современного общества – принятие демократических ценностей и попытка их «насаждения» традиционными для тоталитарного режима силовыми, авторитарными методами); полная остановка в развитии некоторых структур и другие формы нарушения равновесия между структурами личности, формирующими социально незрелую личность (некоторые, весьма распространенные образцы электорального поведения, когда выборы в восприятии граждан остаются неким ритуалом) и т.п.

Анализируя политический инфантилизм, некоторые исследователи используют такие определения как «пуерилизм»¹ и «симплификация»², а само явление определяют, как «политический недуг, обусловленный субъективными, личностными факторами» [8]. Характерными чертами политического инфантилизма являются эмоциональная неустойчивость, поверхностность суждений, подчиняемость мнениям ближайшего окружения и прочее. Как следует из опыта исторического развития цивилизации, единственным способом преодоления инфантилизма власти и негативных последствий его действия является конституцион-

но закрепленное и неукоснительно выполняемое требование периодической (а при необходимости и досрочной) смены и «вождей», и их ближайшего окружения, и государственного аппарата по всей его иерархической лестнице.

Но проблема инфантилизма есть отнюдь не только проблема власти. В той или иной степени он проявляется практически всеми субъектами политической жизни: отдельными гражданами, социальными группами, политическими институтами, что существенно осложняет как изучение его природы, так и выработку механизмов преодоления конкретных форм инфантилизма. Вместе с тем, негативные последствия проявлений инфантильности столь велики, что могут поставить наше общество на опасную грань «отката» к привычному, тоталитарному обществу. Не случайно в России появился и такой специфический термин, как «посттоталитарный инфантилизм» [9]. Во многом это связано с тем, что именно историческое прошлое государства видится многим исследователям ключевой предпосылкой нынешнего положения вещей. Так, А.И. Турчинов утверждает, что «причины такой социальной и политической инфантильности большей части российского социума во многом следует искать в патернализме прежнего общественно-политического устройства и весьма медленном процессе вызревания институтов гражданского общества» [8].

Поле ментальности россиян. Характеристика политического процесса в Краснодарском крае

Одним из показателей активности/пассивности (включенности/выключенности) граждан Краснодарского края в политическом процессе является уровень политического участия. Анализ этих показателей с точки зрения электорального поведения свидетельствует о сравнительно невысоком уровне политической активности. Так, в выборах в Госдуму в 1993 г. приняли участие 54,6% избирателей, в 1995 г. – 60,74%, 1999 г. – 58,46% избирателей, в 2003 г. – 52,38%.

Мы полагаем, это связано с тем, что в любой стране, где проводятся свободные выборы, существует категория граждан, не принимающих участия в голосовании. В специальной литературе их именуют абсентеистами. Укрупняя, абсентеистов обычно подразделяют на три группы. Первую составляют лица, не участвующие в выборах по объективным причинам (физическая немощь, внезапная болезнь, другие конъюнктурные обстоятельства, делающие невозможным посещение избирательного участка). Вторую образуют те, кто, не имея особых оснований для недовольства сложившейся в обществе ситуаций и не стремясь к серьезным переменам, считает для себя излишним участие в избирательном процессе. Наконец,

в третью входят индивиды, которые отрицательно относятся к утвердившимся порядкам и либо не верят в возможность внести коррективы в проводимую политику с помощью избирательных бюллетеней, либо рассматривают воздержание от участия в выборах как форму негативного политического действия. К ним примыкает еще одна, специфическая для России, группа абсентеистов, голосующих против всех политических сил, претендующих на выборные места.

Первая группа (обычно до 15% всех имеющих право голоса) прослеживается практически во всех странах, в которых регулярный избирательный процесс не подвергается сознательным искажениям. Вторая наиболее весомо представлена в государствах со сравнительно стабильными общественными устоями. Третья типична для обществ, находящихся в глубоком кризисе или переживающих серьезные политические потрясения. То же самое можно сказать и о тех, кто голосует «против всех». Особенность двух последних групп состоит в том, что они сравнительно легко поддаются электоральной мобилизации и при определенных условиях могут покинуть позиции абсентеизма. После принятия Конституции 1993 г. избирательная активность российских граждан была не очень высока. И хотя доля воздержавшихся от участия в голосовании колебалась от выборов к выборам, численность абсентеистов оставалась весьма существенной. Выборы 2003 г. отчетливо продемонстрировали негативную динамику. Доля (и, соответственно, число) абсентеистов оказалась самой значительной с момента первых выборов в Думу, состоявшихся после событий октября-декабря 1993 г.

В середине 1990-х годов высокий уровень абсентеизма стал предметом оживленных дискуссий как в научной среде, так и в публицистике. Суть расхождений заключалась в следующем. Одни, прежде всего прямые или косвенные сторонники сложившейся системы власти, трактовали растущее нежелание населения участвовать в электоральном процессе как признак оздоровления общества, многие из членов которого, позитивно оценив новые порядки, прониклись чувством индивидуализма и сконцентрировались на личных и семейных проблемах. Другие видели в происходящем симптом нарастания напряженности в общественной системе. Не меньшей остротой отличались и споры по поводу устойчивости выявившейся тенденции. Является ли она временной или долгосрочной? Будет ли политическая активность по-прежнему невелика или же следует ожидать усиления реального участия масс в политическом процессе? Справедливо ли расхожее мнение о готовности большинства населения России примириться со сложившимся положением в силу глубокого разочарования во всякой власти и ее ин-

ститутах и той характерологической черты народа, которую определяют как терпимость, фатализм, надежда на естественное «рассасывание» невзгод («авось все устроится») и т.п.

Уже в то время было достаточно оснований считать, что наблюдаемые на поверхности общественной жизни и фиксируемые как социологическими исследованиями, так и реальной электоральной практикой абсентеизм, политическая индифферентность и эскапизм обманчивы. Массовое разочарование в возможности кардинально изменить ситуацию средствами политики не равнозначно истощению деятельностного потенциала, в том числе, политического. По мнению Б.И. Макаренко, «...скорее, мы имеем дело со своеобразной и притом обратимой сублимацией политической активности, с ее переходом в латентную форму. В условиях, когда перемены стали монопольной сферой узкой элиты, рассматривающей все преобразования через призму их соответствия своим имущественным и властным интересам, абсентеизм населения отражает не неприятие политики как таковой, а отвержение утвердившихся способов политического действия... Подобная оценка позволяет предположить, что при очередном обострении политической ситуации или сколько-нибудь серьезном повороте к иным способам реализации политики потенциальная энергия масс может вновь трансформироваться в политическое действие. Другими словами, речь следует вести не столько о политической пассивности, сколько о накоплении политической энергии, не находящей выхода из-за плохой проводимости легитимных конституционных каналов, и, следовательно, о сохранении латентного политического активизма, который в определенной ситуации и при целенаправленных усилиях может приобрести открытые формы» [4].

По нашему мнению, рост абсентеизма может рассматриваться как дополнительное свидетельство углубляющегося отчуждения граждан от власти, как проявление протестных настроений, укрепившихся за последнее время в обществе, а также, как растущая экстермальность общества по отношению к складывающейся политической системе. В купе с низким уровнем самоорганизации это является одним из свидетельств политического инфантилизма, но есть все основания говорить и о наличии значительного резерва, активизация которого в состоянии внести серьезные изменения в общую расстановку политических сил.

Примечания

¹ Пуерилизм – ребячество, мальчишество как желаемое состояние души и духа... С пуерилизмом связана тенденция к примитивизации всех духовных проблем.

² Симплификация – недопустимое упрощение в постановке проблемы, создаваемое тем, что отбрасываются решающие, наиболее важные нюансы, а отдельные частные проблемы объявляются наиболее важными.

Библиографический список

1. *Вассоевич А.Л.* Юбилейное сознание русских и магия чисел // Вестник политической психологии. – 2001. – № 1. – С. 18–19.
2. *Зимичев А.М.* Психология политической борьбы. – СПб.: Санта, 1993. – 160 с.
3. *Кучер В.* Предисловие // Решетников М.М. Современная российская ментальность. – М.; СПб.: Российские Вести и Восточно-европейский институт психоанализа, 1995. – 192 с.
4. *Макаренко Б.И.* Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы // Полис. – 2004. – № 1.
5. *Петров Н.* Выборы в новой России // Россия в избирательном цикле 1999–2000 гг. – М., 2001.
6. *Семенов В.Е.* Основные российские менталитета и их выражение в искусстве и средствах массовой информации // Ноология, экология ноосферы, здоровье и образ жизни. Материалы межд. научной конференции 22–24 марта 1996 г. – СПб: Наука, 1996.
7. *Социология. Энциклопедии.* – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
8. *Турчинов А.И.* Власть // Образование и общество. – 2004. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://education.rekomjru/6_2004/4.html.
9. *Шушарин Д.* Великая суббота – соблазн века: о посттоталитарном инфантилизме в современной России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/comments/letters/176033.shtml>.
10. *Юрьев А.И.* Политические и правовые аспекты воспитания Гражданина // Вестник политической психологии. – СПб., 2003. – №2.
11. *Almond G.* Comparative political systems // The Journal of politics. – 1956. – Vol. 18. – № 3.
12. *Almond G. and Verba S.* The civic culture: political attitudes and democracy in five countries. – Princeton, 1963.
13. *Dauson R.E., Prewott K.* Political Socialization. – Boston, 1969.

КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ ПОНЯТИЯ «ЭПОХА»: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ FIN DE SIÈCLE

В статье излагаются возможные подходы к пониманию сущности «эпохи» как понятия. С этой целью автор обращается к тексту «Апокалипсиса», где через образы семи печатей даны характеристики семи эпох. Выявляется взаимосвязь между пониманием человеком себя и отражением этого понимания в эпохе, структурными элементами которой являются не только телесность, предметность, пространство, но и художественные образы, воспоминания, сюжеты, знания, впечатления. На этих основаниях рассматривается эпоха fin de siècle, выявляются ее сущностные характеристики.

Ключевые слова: эпоха, структурные элементы, самосознание, fin de siècle, декаданс, art nouveau.

О сущности и значениях эпохи как понятия

Слово «эпоха» (epoche) греческого происхождения, в прямом значении – «остановка, препятствие». Однокоренное с epoche – epochon «подпруга, пояс», то есть то, что не только прерывает, но еще и удерживает. Представленные коннотации позволяют видеть в греческом слове epoche отражение идеи прерывности как сущностной характеристики во временном развитии мира. По отцу Павлу Флоренскому, «организация времени всегда и неизбежно достигается расчленением, т.е. прерывностью» [16, с. 221]. Но такому же расчленению подвергается пространство, потому время и пространство не разные, а разнонаправленные категории, что констатировал еще Ф.В.Й. Шеллинг в работе «Система трансцендентального идеализма» (1800). (Эту же идею вмещает понятие «хронотоп», принадлежащее А.А. Ухтомскому, а затем активно используемое М.М. Бахтиным.) Замечу, что Шеллинг писал свой труд как раз в период перехода от одной эпохи к другой: от эпохи Просвещения с ее культом разума к эпохе Романтизма, полной мистических интуиций. Не случайно в одной из центральных фигур германского романтизма – Новалисе – Вяч. Иванов, живший в иную переходную эпоху, обнаружит сродство. Многоликость Новалиса («мифотворец», «слагатель гимнов», «орган тайного предания», «самостоятельный мыслитель», «мудрец-сказочник», «учитель-дитя», «личность как внешний образ и образ внутренний») явилась Вяч. Иванову как органическая нераздельность [8, с. 7].

В темпоральном аспекте понятие «эпоха» может быть уподоблено некоей точке, включающей в себя разновременные протяженности и находящейся, подобно «нулевому времени» А. Эйнштейна, между абсолютным прошлым и абсолютным будущим. Прошлое уже темно, будущее еще темно. Эпохальные смыслы скрыты от человечества. Собственно об этом повествует один из эпизодов Апокалипсиса, где символом этой завесы становятся печати, снятие которых доступно лишь Агнцу Божьему.

За первой печатью всадник на белом коне: «И вышел он как победоносный, и чтобы победить». Конь и всадник суть символы непобедимости и неотвратимости Евангелия в мире, осененном образом Христа. Это первая эпоха. Ей на смену приходит другая, в облике всадника на рыжем коне. Всаднику дан меч, чтобы «взять мир с земли». Вторая эпоха раскрывается через символ высшей закономерности мировой истории: борьба за мир Христа и князя мира сего, то есть Сатаны, на путях его изгнания и к воцарению Христа. За третьей печатью – всадник на коне вороном. В руке всадника – мера. Третья эпоха связана с голодом, которому, правда, поставлен предел – мера. Четвертую эпоху символизирует всадник на бледном коне. Имя ему – смерть. Это эпоха ада, но и ему поставлен предел – одна четвертая земли. Первые четыре печати открывают эпохи видимого мира. Даже ад имеет вход, за которым открывается мир, откуда уже нет возврата. Однако пятая печать таит в себе противоположную возможность. За печатью скрывается пятая эпоха «убиенных за слово Божие», которым «даны были каждому одежды белые». Эта эпоха является символом не только участия потустороннего мира в жизни мира земного, молитвенным, а потому деятельным, но и возмездия. За следующей печатью открывается шестая эпоха – эпоха мирового возмездия. Им охвачен весь космос, поэтому человек не в силах противостоять стихии. «И солнце стало мрачным как власяница, и луна сделалась как кровь; и звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незримые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих; и цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорил горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца». Однако эта эпоха природных и социальных катаклизмов является всего лишь прелюдией к истинному на-

казанию. После снятия седьмой печати «сделалось безмолвие на небе как бы на полчаса». Вслед за небесной паузой вострубили семь ангелов. Наступила *седьмая эпоха* – эпоха наказания грешников и ободрения праведников: «Не бойтесь, ибо надлежит быть и сему».

Если воспринимать христианскую историю как вечный образ развития человечества, то снятие печатей есть раскрытие смыслов эпох, понимаемых как вселенская борьба за Царствие Божие. Люди участвуют в ней в большинстве своем бессознательно, полагая, что следуют собственным стремлениям. Однако онтологически люди суть участники событий, сущность которых скрыта от них семью печатями и в которые они вовлечены бессознательно «преобладающим духом» (Л. Тихомиров).

Предположим, что Библейский опыт в описании эпохи по разным причинам не для всех является убедительным. И тогда вновь возникает вопрос о сознательном и бессознательном вовлечении человека в творение эпохи. По мысли Х. Зедльмайра, «автономный человеческий дух, свободно парящий в виде голой идеи, способен самоутверждаться лишь в течение короткого времени. Не соединяясь с Богом, он соединяется с той реальностью, что ниже духа» [6, с. 12], то есть с реальностью мира, творимого самим человеком. Казалось бы, вот он – искомый ответ: человек вполне сознательно участвует в созидании эпохи.

Но любой предмет, попадающий в поле зрения человека, включает и самоё восприятие, что затемняет суть предмета. Вот почему, например, сознание как таковое (а не его понимание) не может быть нами жизненно пережито. Всякий раз мы имеем дело с конструкцией либо реконструкцией, с помощью которых пытаются уловить «дух эпохи», подобно тому, как рыбаки закидывают сети, надеясь поймать рыбу. Что-то они, конечно, ловят, но ведь не всю рыбу разом. С человеком как субъектом и объектом культуры сложностей еще больше. Процесс постижения себя и мира – это всегда «расчистка сокрытий и затемнений», произведенных «публичностью» (М. Хайдеггер). Под «публичностью» Хайдеггер понимает сведение человека к середине, к уравниванию всех бытийных возможностей [17, с. 126–127]. Публичное все затемняет.

Вот почему, думается, любая эпоха творится людьми бессознательно, интуитивно, на ощупь. В таком случае в структуру эпохи должны быть включены не только телесность, предметность, пространство, но и художественные образы, воспоминания, сюжеты, знания, впечатления. С другой стороны, мир всегда конкретен, сугубо индивидуален для отдельного человека. Мир исторически изменяется под воздействием человека, сохраняя неизменной наличие духовной константы. Германский исследователь Г. Похат считает, что степень

замкнутости и сложности духовной структуры устанавливается для каждой эпохи только на основании эмпирики [20, с. 131]. Но любая эмпирика может быть интерпретирована как угодно в зависимости от поставленной задачи. Мало того, эта самая эмпирика включает в свою семантику еще и пространство вокруг себя. Так, храм есть не просто собственно здание, в нем каждая деталь наделена особым смыслом. А есть еще дорога к храму, по которой в течение веков шли люди, их молитвы внутри храма, их слезы и радость «около церковных стен», служение монашествующих и священствующих, разорение иноверцами и атеистами стен храма, лики святых, проступающие сквозь копоть и надругательства, природу вокруг и кладбищенскую ограду. Удастся собрать всю эту «эмпирику» получится «картина» эпохи, в которой все соотносится со всем.

Используя известную мысль Грасси, можно сказать, что эпохи безмолвствуют, пока не захвачены нашей способностью их толковать. Но для этого человеку нужно найти себя и осознать свою самость. Если оба процесса случатся, то совершается открытие эпохи как феномена культуры. Иначе предлагает решить этот вопрос знаменитая школа «Анналов» (Блок, Ле Гофф, Февр), предлагающая при исследовании эпохи дистанцироваться от собственного сознания и погрузиться в другую ментальность, то есть увидеть ее изнутри. В качестве «проводника» по кругам другой ментальности избирается образ «простеца», носителя не книжного устроения. Иными словами, того, кто таит в себе истину бессознательного.

Если суммировать все предложенные размышления, то отправными точками в характеристике эпохи могут служить два момента. Во-первых, укорененность эпохи в единичном, вневременном (по Аристотелю) или, наоборот, в массовом, «видимом времени» (Ф.К. фон Баадер). Во-вторых, наличие «*aut-aut*» (С. Кьеркегор) в текстах культуры. В таком случае порождаемые художественным сознанием формы позволят постичь сущность эпохи, о чем, в частности, писал в связи с *fin de siècle* М. Нордау в книге «Вырождение» (1892–1893), хотя и резко критически.

Эпоха *fin de siècle*

В последней трети XIX столетия в художественной жизни Европы и России рождается особый интерес к человеческой личности, творческое сознание которой стремится постичь неведомые глубины бессознательного, пребывая *на грани бытия и небытия*: «Песню пою я / Пропастей мрачных, / Смерти и мук, / Мук несказанных...» (Эйно Лейно, пер. с фин. В. Брюсова).

Муки несказанные породили философию, в своей телеологичности сосредоточенную на остром ощущении финала истории (О. Шпенглер)

и бытия вообще, спровоцированного «смертью Бога» (Ф. Ницше). Отсюда – смещение в восприятии предметного мира, истоки которого вдруг перестали быть интересны, а внимание сосредоточилось на том, что происходит сейчас. Как заметил В. Розанов, «и мудрость, и поэзия христианская с бесконечным интересом останавливается на конце века, “страшном суде”, “кончине мира”» [13, с. 233]. На вызов времени остро отреагировало драматургическое искусство: «Не от мира сего» (1885) А.Н. Островского, «Затонувший колокол» (1896) Г. Гауптмана, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899) Г. Ибсена. Эти разные пьесы объединяет мотив небытия как своеобразный *mainstream* эпохи, что схватывается не только в их названиях, но даже в ремарках. В пьесе «Не от мира сего» ремарка «входит X и о н и я» (служанка, согласившаяся передать героине книги с вложенными счетами по оплате расходов любовницы мужа) прочитывается как приговор Ксении. Не случайно имя служанки в переводе с древнегреческого означает «покрытая снегом», что рождает ассоциацию с белым саваном смерти. Еще ничего не случилось, но уже всё произошло (будущее чеховское «люди просто пьют чай...») – и всё кончилось для Ксении. Внешняя причина кажется ничтожной: счета как доказательство неверности мужа. Кто от этого умирает? А Ксения буквально следом умрет, ибо счета суть свидетельства ее поражения в борьбе за душу человека, за утверждение своего права быть счастливой. Острое ощущение конца придает конфликту мировоззренческое звучание, неизбежно сопровождающееся смертью одного из его участников.

Но самое именование эпохи имеет – вот парадокс! иные истоки. В европейской традиции время 1880–1900-х годов принято именовать как *fin de siècle* (франц. ‘конец века’). Именование это происходит от одноименной комедии Ф. де Жувено и А. Миккара, написанной в 1888 году. Под впечатлением от подобного рода «кунштюков» Артур Симонс, художественный критик и яркий представитель «конца века», писал: «Эпитетом *fin de siècle* наградили слишком легкомысленную большую часть современного французского искусства и все искусство вообще, которое... является связанным с современной Францией» [14, с. 243]. Замыкая территориально *fin de siècle*, Симонс усматривает в нем троп «уличного искусства» с его тяготением к «той красоте, которая ближе всего к уродству в гротеске, ближе всего к пошлости в изящной слащавости, ближе всего к грубости и порнографии» [14, с. 243]. Отсюда – прямая связь с приемами сценического искусства: «накрашенные люди, копирующие марионеток, вот кто создал это маскарадное человечество плакатов и иллюстрированных журналов» [14, с. 244]. Читаешь эти строки из сегодняшнего дня, и вспоминаются изысканные, полные чувственности плакаты А. Мухи,

роскошные в художественном решении журналы «The Savoy» (Лондон), «Мир искусства» (Санкт-Петербург), Александр Вертинский («накрашенный человек») с его «песенками». Как видим, Симонс очень точно указывает приметы искусства *fin de siècle*, но явно не усматривает в них никаких достоинств. Потому и главный герой такого искусства – Пьеро, хрупкий, но злобный поэт-кривляка из поэмы «Мальчишка Пьеро» П. Верлена [14, с. 244]. Этот «gamin» с его *любовью-болезнью* заледеневшего от холода сердца вполне созвучен паяцу, истекающему от любви клюквенным соком в «веселом балаганчике» А. Блока. Странности *fin de siècle* порождены его доведенной до *болезненности* страстью быть искусством. Это искусство было непривычным, а потому непонятным и странным, как, например, критикуемые современниками картины Г. Моро, О. Редона, П. де Шаванна с их «навязчивой красотой» (Д. Кристиан).

В *fin de siècle* находит свое завершение *mal du siècle* – ‘*болезнь века*’. В. Вейдле, современник эпохи *fin de siècle*, видит в ней *высокую* болезнь [3, с. 90]: изысканно утонченные, изломанные линии должны были передать неизбежность небытия, подчеркнутая красота окрашивалась драматизмом и тайной. Как, например, в картине «Три невесты» (1893) Я. Тороопа, где основное пространство буквально «забито» худосочными женскими телами, неразлично символизирующими рай и ад. Или в «Портрете Жоржа Роденбаха» (1896) Л. Леви-Дермера, где мы видим бельгийского поэта-символиста с подчеркнуто бледным, полупрозрачным и в то же время притягательно красивым лицом. Роденбах – певец вечера, осеннего полумрака, «безбольной» смерти («Царство молчания», 1891). В параллель: у Аполлинера осень прекрасна именно потому, что *больна*, потому что уничтоженные розы оставляют фруктовым деревьям слепящий ореол из снега – снежный саван предчувствия зимы («Алкоголи», 1913).

В искусстве *fin de siècle* культивируется *эстетизм*, находящий отражение в особой утонченности тела, как, например, в портретах З. Гиппиус (1906) Л. Бакста, Иды Рубенштейн (1910) В. Серова. Здесь телесность только абрисно намечена независимо от того, одета героиня портрета или нет. В хрупкой телесности женских персонажей *fin de siècle* запечатлелась некая, ведомая только им *тайна бытия*, развернутая в сверхчувственный мир, где души лишены тел и наделены духом. В земном же пространстве именно дух/дыхание свидетельствовали о болезненном состоянии мира и человека. Слова «дух», «дыхание» восходят к древнегреческому источнику – к слову *рнеи́та*, однокоренному с *рнеи́топ* – ‘легкие’. *Нездоровье* легких придавало лицу бледность, одновременно подчеркивая внешнюю отрешенность от мира и внутреннюю сосредоточенность.

В эпоху *fin de siècle* чахотка, как именовалась *болезнь легких*, сыграла существенную роль в формировании образа художника. Так, вся творческая жизнь А. Чехова сопровождалась тяжелой, временами с резкими обострениями болезнью легких, которые постепенно изъязвлялись, оставляя след о себе в чеховских текстах. Помимо сюжетов с большими чахоткой персонажами, болезнь отзывалась в специфической иронии над человеком, его чувствами, помыслами. Именно здесь следует искать источник комедийной природы «Чайки» (1896) и «Вишневого сада» (1904). Неизбежности близкой смерти писатель противопоставлял творчество как жизнь «духа», потому «Чехов был “не наш, а только Божий”», и этого “человека Божьего” ни на мгновение не свергнули в пропасть светлый его дух и легкая его плоть» [2, с. 105]. Положим, плоть понималась А. Чеховым вполне реально, и здесь писатель явно не совпадал с культурой, стремящейся сотворить «эротическую утопию» (О. Матич).

По С. Аверинцеву, *fin de siècle* упадочная и меланхолическая пора с хладными скопцами, пригодными для Кибеллина культа [1, с. 20]. О. Матич, нигде не ссылаясь на С. Аверинцева, по сути, повторяет его мысли. Примером «хладности» эпохи оказывается у нее *андрогин*, сущность которого ею уплощается и сводится к множественности «смыслов, связанных с текучестью пола и бесконечными сменами точек зрения в декадентстве» [9, с. 24; другая точка зрения: 5, с. 241–277]. Однако интерес к *андрогину* не замыкается только пределами пола, не меньшее значение имеет развернутость этого понятия в сторону умопостигаемой целостности. Потому *декаданс* с его культом эстетства, иронической игрой и презрением к миру открывает мучительно анатомирующее себя сознание, как в «Наоборот» (1884) Ж.-К. Гюисманса, «Германе Лаушере» (1907) Г. Гессе или в многотомном труде «мага» Ж. Пеладана «*La décadence latine*».

Понятийные очертания слово *декаданс* получает в эпоху *fin de siècle* благодаря тексту, именование которого «*Der Fall Wagner*» (1888) содержит сознательную грамматическую ошибку в согласовании существительных *fall* и *Wagner*, что свидетельствует о некоей «неправде» Вагнера (а в сущности – самого нового искусства). По правилам грамматики, должно быть или «*Wagners Fall*», или «*Der Fall Wagners*», или, на худой конец, «*Der Fall von Wagner*». Но блестяще владевший древними и новыми европейскими языками Ницше делает специальную ошибку, которую гениально передает в русском переводе К.А. Свасьян – «Казус Вагнер», сохраняя одновременно отсылку к этимологии слова «казус», что от глагола *cado* ‘падать’ и ‘бывать, происходить’. Ницше использует семантические оттенки слова *fall*, в которых подчеркивается некий случай-падение, имеющий моральный и болезненный оттенок. Кстати, в предисловии Ницше при-

знается, что Вагнер принадлежит к числу болезней самого философа [10, с. 526]. Ницше связывает *декаданс* с преувеличенным вниманием к заслоняющим целое деталям, что делает их предметом эстетического любования. По этой причине философ использует слово *декаданс* (везде во французском написании *décadence*) для характеристики болезненного падения искусства. Что ж, если это время и соотносимо с «падением», то тем, что подобно замедленной съемке в кино, когда не замечаемые в обычном движении подробности вдруг выявляют в нем приметы высокого искусства.

В давней же (европейской – в первую очередь) традиции в *декадансе* усматривали синоним *символизма*. Один из последних примеров этой традиции в книге «*Metamorfozy słowa*» Е. Pilarczyk, где «старшие» *символисты* во главе с В. Брюсовым именуются *декадентами* [19, с. 85]. Столь традиционное сопоставление уже придает *декадансу* более глубокий смысл, не сводимый только к упадничеству, которое выводят из этимологии самого слова, происходящего от ср.-лат. *decadentia* ‘упадок’. Если суммировать все семантические оттенки слов, произошедших от глагола *cado*, то получится довольно пестрая картина, где основному мотиву *падения* сопутствуют: запад, смерть, жертвенность, превратность, надломленность, мимолетность. Весь этот «пучок смыслов» содержится в сущности *декадана*, искусство которого призвано передать особое состояние художественного сознания, балансирующее между вечностью красоты и тленностью ее бытия. И если, памятуя известную формулу Вяч. Иванова «*a realibus ad realioга*», *символизм* утверждает движение вверх к скрытой сущности символа, понимаемой как подлинная реальность, то *декаданс* есть движение прямо противоположное, сосредоточенное на частностях междупребывания, которые становятся предметом нового искусства *art nouveau*, не только не скрывающего, но усиленно подчеркивающего призрачную красоту своей сотворенности. Именно здесь – в призрачности, в мерцании форм и смыслов – соприкасаются *декаданс* и *символизм*, при всей их сущностной разнице. В *декадансе* подобное мерцание есть отражение остро переживаемого настоящего как места «встречи прошлого и будущего», когда в потоке бытия настоящее оказывается мгновением, возникающим и исчезающим одновременно, а самое бытие предстает как синтез прошлого и будущего.

В эпоху *fin de siècle* идея «прошлобудущего» синтеза раскрывается в понятии *Gesamtkunstwerk*. В силу синтетической природы немецкого языка *Gesamtkunstwerk* является сложным по составу словом, которое включает *gesamt*, *die Kunst* и *das Werk*. Эти единицы внутри слова утрачивают самостоятельность и образуют единую, но различенную целостность. Так, *gesamt* указывает на всеобъ-

емлющую величину, то есть полноту [18, s. 284]. Gesamt свидетельствует о всеобщей однородности явлений, предметов, их универсальности. В качестве словообразовательного элемента в составе *Gesamtkunstwerk* *gesamt* может пониматься как существительное в значении 'совокупность' или как прилагательное в значении 'целостный'. Далее следует Kunst, апеллирующее к искусству, творчеству будущего. Будущее – это созидание того, что пока еще не существует, но может возникнуть естественным путем благодаря творческим усилиям. Искусство творит будущее, а будущее есть перспектива истории, судьба. Наконец, Werk 'дело, труд, работа, произведение, творение'. Семантика слова Werk формировалась из языческих ритуалов и напрямую была связана с сакральным действием. Цель этого действия предполагала установление порядка, гармонии, совершенства [15, с. 16]. Таким образом, *Gesamtkunstwerk* содержит мысль о сотворении с помощью искусства некоего будущего, целостность и гармоничность которого обеспечивается совместным же действием, имеющим сакральный смысл [подробнее см.: 7, с. 38–59].

Понятие *Gesamtkunstwerk* родилось в недрах эстетической теории иенских романтиков, а затем было разработано Р. Вагнером. Композитор стремился придать трагедии человеческого бытия вселенский масштаб: его рождение из хаоса, становление и гибель («Кольцо Нибелунга»). Тетралогия имеет подзаголовок: «Торжественное представление для трех дней и одного вступительного вечера», которое именно в таком временном протяжении было исполнено 13, 14, 16, 17 августа 1876 года в Байрёйте. По Р. Вагнеру, музыкальное произведение образует непрерывный поток, в котором полностью растворяются слово и музыка, *со-творяя* из своего единства лейтмотивы, музыкальные характеристики, символы. Никаких арий, никаких ансамблей, вместо них декламационный речитатив в контексте музыкального действия, носителем которого является оркестр. Но всякий оркестр есть единство многозвучия, есть различенная целостность, экстраполировать в жизнь которую призван *Gesamtkunstwerk*. Потому менее всего следует переводить данный термин как «синтез искусств», здесь скорее заложена мысль о возможности совместного со зрителями средствами искусства реального, а не умопостигаемого, как в андрогине, преображения бытия.

Параллельно Г. Ибсен создает «новую драму». В основании этой драмы лежит «аналитическая композиция»: события, послужившие завязкой драматической коллизии, находятся за пределами действия пьесы, чьим содержанием становится постижение смысла того, что случилось когда-то. Рано или поздно прошлое стучится к героям Г. Ибсена, по-своему распоряжаясь их судьбами, и они вынуждены возвращаться к самим себе. Так

рождается драма «чувств и предчувствий, угрызений совести, борьбы с самим собой», становящаяся в результате «драмой беспокойства, ужаса и страха» [12, с. 869]. Подобно Р. Вагнеру, Г. Ибсен обращается к *потоку повседневного бытия*, постепенно раскрывая драматизм жизни, где всякая попытка его преодоления завершается смертью героев, пытающихся вернуть утраченное «я». Отсюда важными становятся такие способы погружения во внутренний мир человека, как второй план, подтекст, атмосфера, формирующие скрытое течение действия в пьесе.

Идея зрелищности буквально пропитывала атмосферу художественной культуры *fin de siècle*, проявляясь во всем, начиная от внешнего облика (О. Уайлд, С. Дягилев, З. Гиппиус, А. Ажбе) и заканчивая творчеством «Фамира-кифарэд» (1906) И. Анненского, «Семирамис» (1897) Ж. Пеладана, «Певучий осел» (1907) Л. Зиновьевой-Аннибал, «Святая кровь» (1901) З. Гиппиус. Общий смысл такого рода театральной зрелищности Вяч. Иванов связывал с симптомами искусства *fin de siècle*: «расширение индивидуального я до его мировой беспредельности чрез углубление личного страдания, отрешенность от внешнего ради откровений внутренних и тяготение к тому дифирамбическому разрешению духа, которое снимает всякое *что* и как бы топит его в одном неизречаемом *как*» [4, с. 63]. Незреченность внешней формы (маски) дополняется на сцене пластикой, цветом, светом, дополняется, но не решает проблемы. Потому идеалом окажется театр без актера вообще, например, «Театр для себя» (1915–1917) Н. Евреинова, сверхзадача которого заключается в сотворении спектакля из жизни и в жизни (замечу, весьма близкая вагнеровскому *Gesamtkunstwerk* идея). Театральная стихия эпохи *fin de siècle* станет одним из источников формальной стороны в жизнетворчестве.

Странный полусон эпохи *fin de siècle*, этой «“Александрии” ума, вкуса и знаний» (П. Перцов), породил искусство хрупкой, призрачной и одновременно чувственной красоты. Ее визитная карточка – стиль модерн, в котором отразилось стремление эпохи преобразить жизнь во всем многообразии форм. А творчество мыслилось основой для проникновения в тайны бытия. В круг творчества человеческая личность втягивалась своей природой, чьей креативной функцией наделялась личность, но которую неизменно корректировала болезнь духа, проклятое наследие «болезни века». Как заметил П. Перцов, «быстро отцвели эти “олеандры на льду”, но всегда будут оборачиваться, чтобы различить в дали времен их прекрасное и благородное цветение» [11, с. 207].

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Стратегия цитаты в поэзии Вяч. Иванова // *Europa orientalis. Studi e Ricerche*

- sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. Numero 1. Salerno, 2002. – S. 1126.
2. Блок А.А. О реалистах // Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5. – М., 1971. – С. 88–116.
3. Вейдле В. Умирание искусства. – СПб., 1996. – 336 с.
4. Иванов Вяч. Новые маски // Иванов Вяч. По звездам. Борозды и межи / вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. – М., 2007. – С. 60–66.
5. Едошина И.А. Андрогинизирующее сознание в художественной культуре конца XIX – начала XX века // Метаморфозы творческого Я художника. – М., 2005. – С. 241–277.
6. Зедльмайр Х. История искусства как история духа // Искусствознание. – 1998. – № 2. – С. 1028.
7. Иванова О.Н. Gesamtkunstwerk: культурфилософские основания, их репрезентация в теоретическом и художественном наследии Р. Вагнера: дисс. ... канд. культурологии. – Кострома, 2007. – 168 с.
8. Лира Новалиса в переложении Вячеслава Иванова. – Томск, 1997. – 127 с.
9. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. – М., 2008. – 396 с.
10. Ницше Ф. Казус Вагнер // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. с нем. – Т. 2 / под общ. ред. К. Свасьяна. – М., 1990. – С. 525–556.
11. Перцов П.П. «Мир Искусства» // Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М., 2002. – С. 206–228.
12. Пишбышевский Стан. О драме и сцене // Театр и искусство. – 1904. – № 49. – 5 декабря. – С. 862–872.
13. Розанов В.В. В чем разница древнего и нового миров // Розанов В.В. Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М., 1999. – С. 231–236.
14. Симонс А. Обри Бердслей // Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А. Басманов. – М., 1992. – С. 242–248.
15. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / сост. Л.Ш. Розжанский. – М., 1988. – С. 5–19.
16. Флоренский П.А., свящ. Время и пространство // Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост., ред. игум. Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Мысль, 2000. – С. 190–258.
17. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
18. Duden. Bedeutungswörterbuch. – Berlin, 1988. – 864 s.
19. Pilarczyk E. Metamorfozy słowa. Filozofia języka Pawła Florenskiego w polskim kontekście przekładowym. – Kraków, 2008. – 296 s.
20. Pochat G. Der Epochenbegriff und die Kunstgeschichte // Kategorien und Methoden der deutschen Kunstgeschichte. – Stuttgart, 1985. – S. 131–140.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ

В статье рассматривается структура коммуникативного потенциала культуры, а также особенности формирования позитивного имиджа организации на международной арене. Акцентируется внимание на том, что имидж, в основе которого лежит корпоративная культура, где одной из важных его составляющих является коммуникативный потенциал, – выступает одним из инструментов достижения стратегических целей предприятия, затрагивающих основные стороны его деятельности и ориентированных на перспективу.

Ключевые слова: потенциал, коммуникации, имидж, национальная культура, международный рынок.

В условиях современного информационного общества, в котором информация становится одним из основных предметов производства, обмена, торговли, происходят коренные социально-культурные трансформации, осуществляется взаимопроникновение различных культурных и интеллектуальных систем на основе новых коммуникативных технологий. Последние, наряду с экономическим, административным, финансовым и другими ресурсами, превращаются в стратегический актив как всего государства в целом, так и отдельно взятого предприятия в условиях функционирования экономических отношений на международном рынке. В этих условиях коммуникативные функции приобретают новый смысл, поскольку от их грамотного применения во многом зависит имидж как всего государства, так и имидж отдельно взятого хозяйствующего субъекта. Это обусловлено тем, что сегодняшний мир, современная социокультурная реальность характеризуются противоречивыми процессами и тенденциями. С одной стороны, усиливаются глобализационные процессы, повышается взаимная зависимость и взаимное влияние государств, стран, регионов; с другой – локализация, отчуждение, стремление к самосохранению любой ценой. В этих условиях особую актуальность приобретает способность национальной культуры адаптироваться к быстро меняющимся условиям, готовность к диалогу, умение выстраивать отношения на принципах уважения, открытости, толерантности. В международной системе коммуникативных связей не менее важное место принадлежит и локальным культурам, отражающим национальную специфику, заключающуюся в этнических, культурных, экономических и политических особенностях, которые определяют их коммуникативный потенциал.

Чтобы понять, какую нагрузку несет коммуникативный потенциал культуры в формировании имиджа современной организации в условиях международного рынка, обратимся к терминологическому аппарату, который будет использован в данном исследовании.

В широком смысле слова, в научных публикациях дается различное толкование термина «потен-

циал». Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова в своем толковом словаре данную дефиницию интерпретирует следующим образом: «...степень мощности в каком-нибудь отношении, совокупность каких-нибудь средств, возможностей...» [8].

По мнению Е.В. Попова, под потенциалом понимается имеющийся в наличии источник, способный осуществлять определенное действие или использоваться для достижения определенных целей [9].

Понятие коммуникативного потенциала также вошло в научный оборот речи. Однако его интерпретация в научных публикациях [1; 6], в большей мере, относится к личностным качествам человека, то есть таким возможностям человека, которые определяют качество его общения.

Вместе с этим, если рассматривать группу лиц в рамках организации, в том числе и выступающей на международном рынке, то в данном случае, по мнению автора данной публикации, интерпретация коммуникативного потенциала приобретет несколько иной смысл. В данном случае его следует трактовать как качество обмена информацией между субъектами международного рынка, где в число участников информационного обмена входят:

- государства;
- международные межправительственные организации и интеграционные объединения;
- бизнес-структуры;
- неправительственные организации и отдельные личности.

Коммуникативный потенциал субъектов международного рынка разнообразен по форме и включает в свой состав:

- дипломатические каналы;
- деловую активность по достижению соглашений экономического, торгового и финансового плана;
- культурный и научный обмен.

И нельзя не согласиться с мнением Г.Г. Почепцова [10], который считает, что значимыми факторами коммуникативного потенциала субъектов международного рынка являются СМИ, которые изначально могут служить как взаимопониманию и духовному взаимообогащению, так и манипулированию общественным мнением в угоду всевоз-

можным группам интересов. Интернет позволяет максимально расширить сферу коммуникаций и способствует развитию «социальных сетей». Благодаря новым технологиям появилась возможность выработки более гибких механизмов, регулирующих международные информационные и коммуникационные потоки.

Таким образом, коммуникативный потенциал на международном рынке структурируется с помощью классификации его инструментария, представляющего собой как совокупность средств коммуникационного воздействия, так и совокупность инструментов, используемых при разработке и реализации этих средств. В целом, международные коммуникации являются одной из основ современного мирового процесса. Они позволяют осуществлять политическое взаимодействие, развивать экономическое сотрудничество, способствуют культурному обмену.

Что касается коммуникативного потенциала национальной культуры в условиях международного рынка, то под этим понятием автор данной статьи будет понимать способность культуры вступать в коммуникации, связи и отношения с другими культурами и развиваться под их влиянием, сохраняя собственную идентичность.

Характеризуя идеальную модель культуры, авторы [3] определяют структуру ее коммуникативного потенциала, где они, в частности, выделяют два его необходимых качества, таких как устойчивость (стабильность) и изменчивость (трансформативность).

С позиции выше указанных авторов, коммуникативная устойчивость означает, что культура, обладая высоким коммуникативным потенциалом, в диалоге с другими культурами сохраняет свое ядро (базовые ценности, смыслы, традиции). Под коммуникативной же изменчивостью понимается способность культуры к адаптации и развитию в постоянно меняющихся условиях. И мы, в свою очередь, солидарны с мнением этих авторов, которые считают, что чем более гибкой, «отзывчивой» и динамичной оказывается культура, тем выше ее коммуникативный потенциал. Таким образом, коммуникативный потенциал национальной культуры зависит от степени выраженности обоих названных качеств.

Вместе с тем коммуникативный потенциал национальной культуры имеет свои неповторимые черты, и связано это с особенностями национального характера. Дело в том, что национальный характер является сложным социальным явлением и многоаспектным понятием, которое можно рассматривать с точки зрения философии, культурологии, социальной психологии и которое описывает особенности того или иного этнического сообщества и включает идеи, интересы, чувства, мораль, духовные ценности. Анализируя отличительные особенности национальной культуры, М.К. Петров классифицирует ее на традиционно-бытовую, профессиональную, обыденную, а также специализированные области культуры [11]. Другой исследователь добавляет к данной классификации деловую культуру [5]. Последняя, на наш взгляд, для

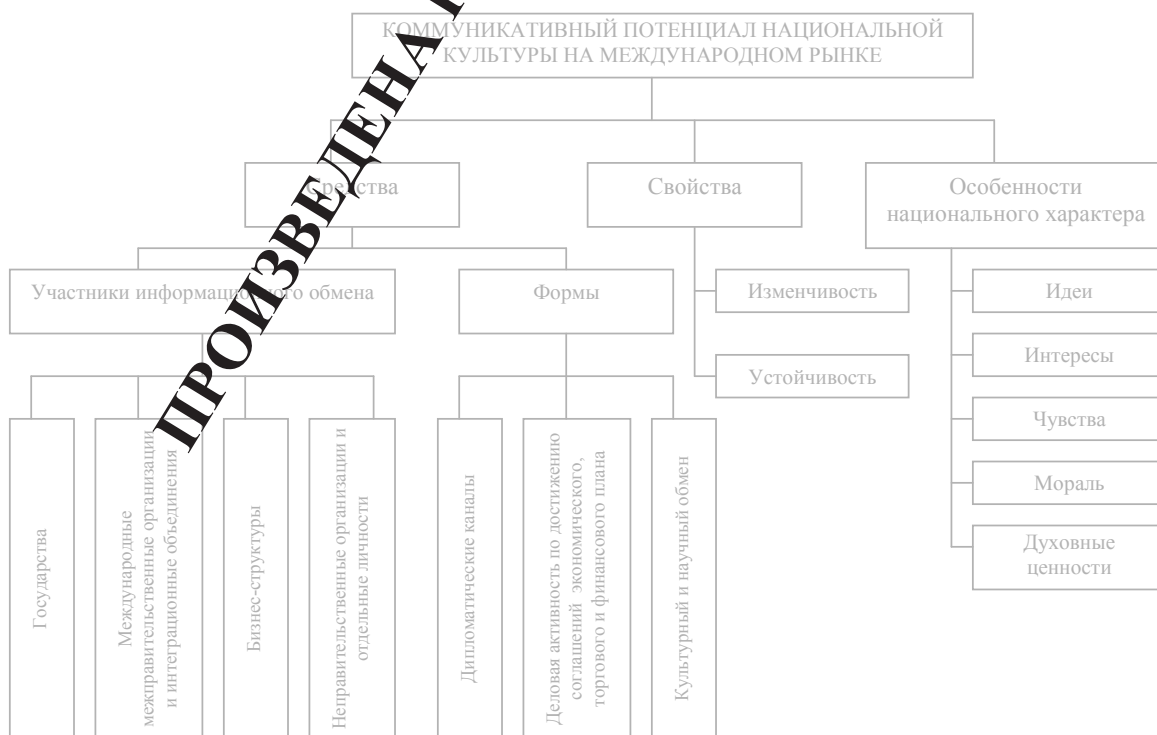

Рис. 1. Модель коммуникативного потенциала национальной культуры на международном рынке (составлено автором)

данного исследования представляет наибольший интерес, поскольку, являясь отражением моделей взаимодействия субъектов международного рынка в ситуациях делового общения, она направлена на решение стандартных проблем, возникающих в процессе функционирования делового сообщества. Составляющими элементами национальной деловой культуры являются способы социальных отношений, нормы делового общения и поведения (внешняя деловая культура), а также характерная для данной организации система связей, взаимодействий и отношений, осуществляющихся в рамках конкретной предпринимательской деятельности на международном рынке.

И в данном случае обозначенное выше свойство национальной культуры, такое как коммуникативная устойчивость, в деловом ее аспекте характеризуется фундаментальными характеристиками коммуникативного поведения и особенностями национального характера. И мы, в свою очередь, солидарны с мнением И.А. Стернина, который считает, что коммуникативное поведение в деловом сообществе в условиях международного рынка – это не что иное, как «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности» [12].

Изменчивость коммуникативного потенциала национальной культуры в рамках мирового сообщества проявляется в обновлении, инновациях, а последние являются результатом творчества. Инновация – это изобретение или выработка новых идей, образов, моделей, нацеленных на изменение общественного бытия, выдвижение новых форм деятельности или организации общества, нового типа мышления или чувствования [13].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, структуру коммуникативного потенциала национальной культуры на международном рынке можно представить в виде след. модели (рис. 1):

Представленное выше философско-культурологическое исследование структуры и содержания коммуникативного потенциала национальной

культуры убедительно подтверждает тот факт, что культура представляет собой мощный имиджеобразующий ресурс современной организации на международном рынке. Ее потенциал может и должен быть эффективно использован в деле формирования позитивного облика российских компаний на международной арене.

Имидж представляется собой одной из важнейших характеристик организации, фактором доверия к ней, а следовательно, является условием ее процветания или упадка. В данном случае особый интерес представляет рейтинг России относительно других стран по показателю благоприятствия ведения бизнеса, который представлен в глобальном исследовании, представленном в совместной публикации Всемирного банка и Международной финансовой корпорации [4]. Всего в рейтинге приняли участие 189 стран мира. В таблице 1 содержатся рейтинговые данные российского бизнеса по десяти индикаторам регулирования предпринимательской деятельности относительно других стран.

Известно из представленных показателей, по состоянию 2013 года в России хуже всего обстоят дела по таким индикаторам, как «получение разрешений на строительство» (178 место), «международная торговля» (157 место), «защита инвесторов» (115 место).

Вместе с этим, как отмечается в докладе, в рейтинге Doing Business-2014 Россия поднялась на 92-е место, войдя в топ-3 стран по числу антибюрократических реформ. Если в рейтинге Doing Business-2013 основное улучшение наблюдалось в налоговом администрировании (в соответствующем субрейтинге Россия поднялась на 41-ю позицию), то в 2013 году главный прогресс зафиксирован в подключении к электросетям. Сокращение количества процедур с 10 до 5 и времени, затрачиваемого на подключение, на 119 дней обеспечили России рост по этому критерию сразу на 67 позиций – самое сильное улучшение среди всех стран. Значительный подъем (на 29 позиций) произошел и в рейтинге регистрации собственности.

Таблица 1

Рейтинговые данные благоприятствия ведения российского бизнеса по десяти индикаторам регулирования предпринимательской деятельности (составлено автором согласно данным [5])

№ п/п	Наименование индикатора	Рейтинговый показатель
1.	Регистрация предприятий	88
2.	Получение разрешений на строительство	178
3.	Подключение к системе электроснабжения	117
4.	Регистрация собственности	17
5.	Кредитование	109
6.	Защита инвесторов	115
7.	Налогообложение	56
8.	Международная торговля	157
9.	Обеспечение исполнения контрактов	10
10.	Ликвидация предприятий	55
	Общий рейтинг	92

В целом, на настоящий момент имидж российского бизнеса в большинстве стран западного полушария преимущественно отрицательный, причем сложилось два образа России. С одной стороны, частью образа страны являются достижения культуры и инженерной мысли. Но, с другой стороны, необъективная оценка внутривнутриполитической ситуации в России приводит к формированию негативного имиджа российского бизнеса. При анализе внутривнутриполитической ситуации указывают на отсутствие прозрачности экономики, стабильности законодательства, нарушение прав человека.

Опираясь на данные характеристики Российской Федерации, представители бизнеса зарубежных стран воспринимают российские деловые круги отрицательно. Западные СМИ используют термин «русская мафия», под который попадает практически вся бизнес-элита РФ, и не только России, но и большинства постсоветских государств. В журналистской среде происходит определенная селекция новостей: при выборе отрицательной или положительной новости из России выбирается негативная. Это не значит, что СМИ регулярно сообщают исключительно негативную информацию, такая ситуация часто вызвана реальными проблемами в российском обществе. Стоит обратить особое внимание на отсутствие организованных усилий со стороны государственных структур по редрессовке или отразить, используя СМИ, эффект неблагоприятного освещения российских событий.

Однако проблема не только в самих СМИ. Часто российские компании неправильно взаимодействуют с ними, это также ухудшает имидж бизнеса. Компании не знают правила раскрытия информации, не соблюдают бизнес-церемонию, принятые во всем мире. Это ухудшает отношение к российскому бизнесу. Ни бизнес, ни государство не обладают развитыми навыками позиционирования себя на международной арене.

В России имеются необходимые интеллектуальные, информационные и финансовые ресурсы для улучшения образа бизнеса за рубежом. Экономический и коммуникативный потенциал национальной культуры России позволяет ей и сегодня вести равноправный диалог с партнерами за рубежом. На государственном уровне постепенно совершаются необходимые конкретные шаги для формирования положительного образа российского бизнеса и России в целом. Так, в мае 2012 года Владимир Путин подписал указ «О долгосрочной государственной экономической политике» [7], в котором говорится о необходимости принять меры, направленные на повышение позиции России в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й позиции, рассчитанной в 2011 году, до 50-й – в 2015 году и до 20-й – в 2018 году.

Проблема создания позитивного имиджа российского бизнеса носит долгосрочный характер и требует постоянной работы над его поддержанием. Важнейшим аспектом является то, что позитивный имидж должен иметь фундаментальные основы, формироваться с опорой на действительно происходящие в стране события, с учетом национальной идентичности, являющейся одной из важнейшей составляющих коммуникативного потенциала национальной культуры.

Библиографический список

1. Арутюнов С.О. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Инфра-М, 2011. – 632 с.
2. Абрамова С.Г. О понятии «корпоративная культура» / С.Г. Абрамова, И.А. Костенчук. – М.: Дело, 2011.
3. Будилова В.Е. Коммуникативный потенциал региональных культур: опыт анализа и развития / В.Е. Будилова, Т.А. Зайцева, Е.Н. Савельева // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – Май. – С. 45–52.
4. Всемирный банк. 2013. «Ведение бизнеса 2014: Понимание регулирования деятельности малых и средних предприятий». – Вашингтон: Группа Всемирного банка. DOI: 10.1596/978-0-8213-9615-5. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org> (дата обращения: 01.04.2014).
5. Горин С.В. Деловая репутация организации. – Ростов н/Д.: Феникс, 2012. – 256 с.
6. Ньюсом Д. Все о PR. Теория и практика публичных отношений: пер. с англ. / Д. Ньюсом, Ван Слейк Терк, Д. Крукеберг. – 7-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 212 с.
7. Указ Президента РФ от 07.05.2012 №596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Российская газета. – 2012. – № 102 (9 мая).
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2010. – 944 с.
9. Попов Е.В. Рыночный потенциал предприятия. – М.: Экономика, 2012. – 559 с.
10. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Инфра-М, 2011. – 412 с.
11. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 2011. – 560 с.
12. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания, 1996. – С. 97–112.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Sergey B. Kozyrev

*Nekrasov Kostroma State University
kozyrevsb@gmail.com*

Methodological software support of Verhulst dynamic system

Possibilities of methodological software support at studying and teaching discrete dynamic systems in terms of a system, child of Verhulst logistic mapping, has been considered in this article.

Keywords: technique, dynamic systems, logistic mapping.

Natal'ya Yu. Shirina

*Yaroslavl State Technical University
shirina-natasha@mail.ru*

Vyacheslav N. Sidorov

*Yaroslavl State Technical University
s_sidorov@me.com*

Anatoliy A. Murashov

*Moscow University of Finance and Law
alena.severyanka@mail.ru*

Modeling of diffusion process of solid particles in a circulating liquid flow

The process of mixing solids and liquid during its circular motion has been discussed in this article. The process of transfer of solid particles occurs mainly, in the direction perpendicular to the motion of the liquid. The stream of solid is proportional to the area of circuit and density gradient. The equation of solids diffusion in the circulating flow of liquid has been obtained.

Keywords: diphasic system, liquid, solid, diffusion model, circuit, concentration, difference scheme, density, inhomogeneity coefficient.

Yelena M. Oleynikova

*Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University
cichor@agronomy.vsa.ru*

Peculiarities of spatial organization of cenopopulations of herbs with taproot system

Spatial structure of cenopopulations of species with taproot system, commonly known as "tumbleweeds", has been examined in the article. Individuals' horizontal allocation heterogeneity manifested in alternation of high density sites (clusters) and sites of extremely low density, up to total lack of model individuals (intercluster gaps), has been shown. Population loci are spatial structure's primary units. Clusters' discreteness degree relates to path of tumbleweed individuals' motion after detaching from root.

Keywords: herbs with taproot system, spatial structure, cenopopulations, individuals' allocation heterogeneity.

Konstantin S. Sitnikov

*Kostroma Region's Nature museum
snipe301@rambler.ru*

Features of the age structure of cenopopulations and frequency of occurrence of life-forms of *Alnus incana* (L.) Moench in floodplains and on terraces

The article highlights the issue of changes in the age structure of cenopopulations of *Alnus incana*, as

well as the occurrence of two types of life-forms in floodplains and on terraces growing within subtaiga and southern taiga of European Russia.

Keywords: grey alder, cenopopulation, polymorphism, ontogenetic range, growth conditions.

Sergey A. Grozovskiy

*Nekrasov Kostroma State University
sergeygrozovskiy@rambler.ru*

Forest community with high portion of Siberian fir on the western edge of fir range

Quite a number of biogeographically "Siberian" species assists at the cenoflora of the communities, native to Kostroma Region. The fir (*Abies sibirica* Ledeb.) which does act as edificator, despite the insignificance of phytocenotic role here on the western range-edge, is among them. According to forest valuation, fir occurs all over Kostroma Region, except its southwesternmost part; at that, a real fir stand on flat interfluvium is known for a certainty on the region's east. The fir cenopopulation in the community which this species dominates has been investigated. Spruce, linden and birch are accompanying species in the stand, with rowan and maple in understorey. The cenosis has landscape value among the communities, representative for the south taiga. The fir community, characterized by high reproduction energy, low portion of depauperated individuals in vitality structure, and having been formed in the landscape conditions, optimal for the species, is recommended to be appropriated as closed wood.

Keywords: biogeographic coordinates, Siberian fir, phytocenotic role, vitality structure, ontogeny spectrum, reproduction energy, population behaviour, ecologic and floristic classification.

Anton I. Chudetskiy

*The Central-European Forest Experimental Station,
branch of All-Russian scientific and research institute
for forestry and silviculture mechanization
a.chudetskiy@mail.ru*

Vladimir P. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
rumex1@mail.ru*

Nadezhda V. Ryzhova

*Kostroma State Technological University
ienjdfy@mail.ru*

The state and recreational potential of stands of the park "Berendeyevka" in Kostroma city

The article examines the state of the forest ecosystems in the park "Berendeyevka" as the most popular recreational destinations for townspeople. The characteristic of the species composition, health status and recreational disturbance of forest plantations has been presented. The complex assessment of the recreational potential of the park has been held.

Keywords: urban forests, recreational load, sanitary state, recreational potential.

Anna V. Potapova

*Kostroma scientific and research institute for agriculture
solarspring2014@gmail.com*

Aleksandr V. Baranov

*Nekrasov Kostroma State University
kniish.dir@mail.ru*

Ol'ga N. Sitnikova

*Nekrasov Kostroma State University
lolik989@rambler.ru*

Main fodders' contamination level impact on moose milk quality

Moose cows' (Alces alces) milk physicochemical parameters in the course of lactation period, content of contaminant in it depending on moose's main fodders contamination level, have been adduced.

Keywords: moose, moose milk, moose main fodders, contaminant.

Rita M. Levit

*Yaroslavl Children's Clinical Hospital #1
rlevit@mail.ru*

Yevgeniy M. Spivak

*Yaroslavl State Medical Academy
spivak58@mail.ru*

Irina S. Akkuratova

*Yaroslavl State Medical Academy
akkiren@gmail.com*

Aleksandr S. Nadyozhin

Yaroslavl State Medical Academy

Gastric mucosa glands cells functional characteristics at gastric mucosa chronic inflammation in children

Gastric mucosa cells' changes, in the setting of mucosa chronic inflammation, in children, has been ascertained. Endocrine cells pool enlarges, mucin increases, foveolar cells' mucinization occurs with simultaneous loss of their pepsinogenic function, which directly correlates with the process degree.

Keywords: gastric mucosa, cells, chronic inflammation, children.

Pavel P. Isayev

*Nekrasov Kostroma State University
chemphys@mail.ru*

Galina A. Isayeva

*Nekrasov Kostroma State University
biophys@mail.ru*

Pyridine X-substituents formation enthalpies

Under the hypothesis that molecule energy is the sum of the energies of pairwise interactions of atoms, a formula to calculate the enthalpies of X-substituents of pyridine, which contains seven constants, has been formed. Calculation of standard enthalpies of formation of methyl-substituted pyridine in the gas phase, using the formula, is in good agreement with the experimental data and has predictive power.

Keywords: chemical thermodynamics, standard formation enthalpies, methyl-substituted pyridine thermochemistry.

Tat'yana K. Akayeva

*Soviet Union Marshal Timoshenko Military Academy
of Radiation, Chemical and Biological Defence*

Oleg N. Rodin

*Soviet Union Marshal Timoshenko Military Academy
of Radiation, Chemical and Biological Defence*

Valeriy V. Gunin

*Soviet Union Marshal Timoshenko Military Academy
of Radiation, Chemical and Biological Defence*

Oleg P. Akayev

*Nekrasov Kostroma State University
akaev@list.ru*

Optimization of regimes of bonderizing with phosphoric acid based compositions

Issues of optimization of regimes of steel bonderizing with compositions based on the product of nitrate breakdown of natural phosphates have been examined in the article. Impact of temperature and bonderizing process solutions' concentration as well as of curing time after hydrogen release on bonderite's quality depending on purity of the phosphoric acid, used for obtaining bonderizing concentrates, has been shown.

Keywords: phosphoric acid, bonderizing, corrosion, slime.

SYSTEM ENGINEERING

Basheer Ali Al-Tayar

*Tver State Technical University
basheeraltayar@yahoo.com*

Boris I. Margolis

*Tver State Technical University
borismargolis@yandex.ru*

Yuriy N. Matveyev

*Tver State Technical University
fnas@tstu.tver.ru*

Optimizing the structure of content delivery network based on load balancing

The article considers the problem of optimizing the structure of content delivery network. The optimization criterion based on average delay, restrictions on the values of the incoming flows and the conservation of flows on the network have been formulated. A program that allows determining the optimal load distribution between network nodes has been developed in Matlab. The node structure has been selected on the basis of the optimal load distribution. The results of calculating the optimal load distribution, which minimizes the average packet delay, have been given.

Keywords: content delivery network, load balancing, network nodes, load redistribution, average delay, bandwidth, structure.

Aleksey A. Boykov

*Lenin Ivanovo State Energy University
albophx@mail.ru*

CAD interface projecting for touch input devices

Interface drawbacks of modern computer-aided design (CAD systems) for touch screen devices have been given. Interface features of such devices have been given. CAD interface for touch screen devices

has been proposed. GUI patterns and evaluating methods (Fitts law, GOMS) were used. It has been shown that the efficiency of the developed interface is comparable with traditional CAD interfaces on PC.

Keywords: software interface, user interface, design automation systems, graphics editor, vector editor, mobile computing devices, touch input devices, ergonomics.

Yekaterina Yu. Tolshchina

*Moscow State University of Communication Lines
kate.postbag@gmail.com*

An estimate of the heat flux from the IR emitters in the working area of the production facilities

We present some of the options for the location of infrared emitters subject to the hygiene requirements in this paper. The calculation of the resulting radiant flux and the temperature of the heated surface between parallel surfaces has been conducted and the diagrams have been conducted. Theoretical calculations and experimental data have been compared.

Keywords: heat exchange, resulting radiant flux.

HISTORY

Magomed-Pasha B. Abdusalamov

*Dagestani State Institute for National Economy,
City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
vikingpasha@mail.ru*

Kumyk feudal ownerships in Russo-Iranian and Russo-Crimean relations in the second half of the 17th century

Kumyk feudal ownerships in Russo-Iranian and Russo-Crimean relations have been examined in the article: Russia, Iran and the Crimean Khanate, in their expansive goals, tried to woo the Kumyk rulers, thus making them instrument of their policy in the Caucasian region.

Keywords: Russia, Iran, Crimean Khanate, North Caucasus, Kumyk ownerships, foreign policy, aggression.

Nataliya Yu. Novichkova

*Ivanovo Institute of State Fire Fighting Service of EMERCOM
n.nature@mail.ru*

The conditions for functioning of fire stations in the Russian provincial towns in the late 19th century

The author presents the analysis of the conditions of fire brigades activity in the Russian province in the late 19th century. Special attention is paid to the firemen's life conditions. The author made a conclusion that the conditions for the activity of fire stations were organized disregarding the specificity of their professional activities.

Keywords: fire stations, fire station designing, fire service specificity, life conditions, lack of financing.

Ivan A. Bushuyev

*Nekrasov Kostroma State University
ivan.textwork@yandex.ru*

«Urban inconveniences» as a factor of everyday life of Kostroma and Yaroslavl in the early 20th century

The article discusses "urban nuisances" – factors of everyday life of Kostroma and Yaroslavl in early 20th

century, which complicated the existence of inhabitants and brought some difficulties into their life. Foremost, factors related to the organization of urban space and internal infrastructure (communications, roads, sidewalks, lighting, etc.) pertain to this category.

Keywords: everyday life, urban inconveniences, communications, transport, pavements, sidewalks, lighting.

Aleksandr O. Gulin

*Nekrasov Kostroma State University
holst90@mail.ru*

The organization of medic and social aid to sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces). Ending. The beginning is in one of the previous issues

Affairs of establishing medic and social aid system in the beginning of World War I in terms of Kostroma and Yaroslavl provinces are examined in the article.

Keywords: World War I, evacuation, hospitals, All-Russia's district and municipal councils, charity.

Yelena D. Borshchukova

*Herzen Russian State Pedagogic University,
City of Saint-Petersburg*

Russian religio-philosophic ideas on the character of World War I and its possible consequences

The article studies evolution of philosophic conceptions of Russian thinkers during World War I and examines inconsistent attitudes in assessment of war impact on the future of Russia. The author analyses various viewpoints on patriotism and shows the difference in Russian and European attitudes towards war. The author draws a parallel between various viewpoints of Russian philosophers on basic problems of the war.

Keywords: World War I, Russian philosophic ideas, global civilization, Germanophobia, Russia's future.

Ol'ga N. Korshunova

*Kazan National Research Technological University,
City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
felix_kor@mail.ru*

Yaroslav M. Polivanov

*Kazan National Research Technological University,
City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
jarik-zx@mail.ru*

Historical images: the problem of historical memory of Russian participation in world wars

The authors address the problem of adequacy of the perception of the past in the context of the history of wars. The article discusses the propaganda confrontation and experience of the comprehension of the lessons of World War I in the Soviet Union and in Germany in the 1920s—1930s.

Keywords: historical memory, historical consciousness, World War, war images.

Vladimir S. Okolotin

*Ivanovo branch of the National Economy and Public Administration Russian Academy under the President of Russia
okolotin.vladimir@yandex.ru*

The practice of voluntary rate-paying of rural populations in 1927—1928 (on materials of Vladimir, Ivanovo-Voznesensk, Kostroma and Yaroslavl provinces)

The article is devoted to studying the problems encountered during the formation of State and local budgets in the transition from the planned economy to the new economic policy (NEP). To do this, the features of the practice taxation of rural populations themselves in Vladimir, Ivanovo-Voznesensk, Kostroma and Yaroslavl provinces have been reviewed. The study suggests that the implementation of the campaign results, differed significantly from the results had been provided by the Centre. Population reacted to changes in tax legislation painfully and tried to resist them. Together with other circumstances, this has led to the USSR Commissariat of Finances revising downward rates to revision of the rates taxation of rural populations themselves downward.

Keywords: planned economy, State and local budgets, voluntary rate-paying, low efficiency, arrears, coercive measures, public dissatisfaction, tax rate reduction.

Ivan V. Danil'chenko

*Nekrasov Kostroma State University
ivandani@mail.ru*

The reasons and the process of Kostroma and Yaroslavl museum-reserves foundation according to the data of Kostroma and Yaroslavl regions

The common reasons and the process of foundation of Kostroma and Yaroslavl museum-reserves have been described. The reasons and process of museum-reserves foundation have been considered at the regional level in the context of common development trend of such institutions in the USSR.

Keywords: museum, museum-reserve, museum association, museology, cultural heritage.

ECONOMY**Irina V. Alkhasova**

*Nekrasov Kostroma State University
alkhasova@bk.ru*

Role of information in the area of management personnel training

The article provides additional statements in favor of information significance in the area of management personnel training.

Keywords: management personnel training, information, information classification.

Nina V. Logvin

*Nekrasov Kostroma State University
nvlogvin@mail.ru*

Theory and practice of organization of regional system of education: issues and trends of solutions

The author stresses that the theory of organization management of regional education system (RES) is based on an assessment of the structural changes in university education, while the practice of organiza-

tion is based on universities' enlargement institutionalization. The author offers own interpretation of the prerequisites of change of management objects in RES.

Keywords: regional education system, education organization management, education institutionalization.

Yelena M. Skarzhinskaya

*Nekrasov Kostroma State University
yelena.skarzhinsky@gmail.com*

Tat'yana S. Smirnova

*Nekrasov Kostroma State University
tatianasmirn2010@mail.ru*

Applying the project teaching method: virtual firm

The article discusses our experience in applying one of the active educational approaches, namely projects, in teaching the college course "The Economy of the Firm", analyzes the results of applying this method and contemplates future prospects of developing and utilizing this method in the teaching process.

Keywords: project method, actualization effect, Virtual Firm model, manufacturing structure, organizational structure, business process.

Anastasiya V. Bezdenezhnykh

Moscow State Water Transport Academy

Vyacheslav M. Bezdenezhnykh

Financial University under the Government of the Russian Federation

Eduard G. Nuzhdin

*Nekrasov Kostroma State University
gwerty260874@rambler.ru*

Risk management in integrating legal and regulatory forms of service international depository

This article discusses the trust management model of property, providing for more effective use of open stock trading systems, the property under control and profit, a clearer legal basis for the implementation of commitments by all market participants.

Keywords: stock market trading, risk management, service standards, property rights, securities market.

Nikolay G. Sinyavskiy**Aleksandr V. Dadalko**

antikriais1@bk.ru

Eduard G. Nuzhdin

*Nekrasov Kostroma State University
gwerty260874@rambler.ru*

Model "branch-site" for timber processing complex

The article describes the model of interaction between the forest sector and territories participating in the development of the industry. The model is presented in the form of cognitive maps. The use of such models will contribute to the resolution of conflicts between targets' industries and areas that hinder innovation development of the industry.

Keywords: model, cognitive, forest, complex, regions.

Sergey V. Dubkov
tcheckmar@ksu.edu.ru

On the integration of market and network management models into a hierarchical system of public administration

Using integration approach for working out a strategy of development of territorial (regional) manufacturers of high-quality timber processing complex products, that would ensure coverage of all levels of government (public administration, territorial administration, branch-wise management and corporate management) by means of formation of the target structure of the system "State – Territory – Economic Sector – Enterprise" and the interrelation of the target bodies of the various levels of management, is proposed in the article.

Keywords: state, territory, economic sector, enterprise, timber processing complex, hierarchy, network, target body.

PHILOSOPHY

Tat'yana Yu. Rudnitskaya
*Nekrasov Kostroma State University
 kaf_filosof@ksu.edu.ru*

Family's spiritual model, its foundation in "sacred books" and theology

The article deals with the problem of parallels of the interpretation of family in Old Testament and New Testament, with the essential characteristics of family's spiritual model and its theological interpretation.

Keywords: family, Christian family, marriage, concubinage, Orthodoxy, Old Testament, New Testament.

Liliya A. Shul'gina
*Kostroma State Technological University
 lili.shulgina@mail.ru*

About Nikolay Danilevsky and Slavophilia in the 19th century Russian philosophic thought

Philosophical heritage of Nikolay Danilevsky and of the doctrine of the Slavophiles has been considered in the article. Historical and philosophical views of the representatives of Russian thought 19th–20th centuries on general intellectual field, having been formulated in their journalistic writings, have been analyzed.

Keywords: Russian philosophy, Slavophilia, cultural and historical development, Russia and Europe, cultural-historical type.

Sergey P. Myakinnikov
*Gorbachyov Kuznetsk Basin State Technical University,
 City of Kemerovo
 mspcaph@list.ru*

Environmental and ecological-oriented worldview as a philosophical problem

The article discusses the environmental component of the worldview of modern society, which is explicated and philosophically represented by the general scientific categories "environmental outlook" and "eco-centric worldview".

Keywords: philosophy, environmental philosophy, environmental-oriented worldview, ecological worldview.

Ivan V. Kirdyashkin
*Tomsk State University
 kirdjshkin@mail.ru*

Personality as a leading range of political socialization of today's youth

Personality as a leading range of processes of political socialization of today's youth has been considered in the article, and the conclusion that the present, expanding, and at the same time restricting the freedom of the individual, creates conditions for the formation of a "global level" of political maturity of youth, which has cultural boundaries, has been made.

Keywords: personality, political socialization, modern political socialization.

SCIENCE OF LITERATURE

Svetlana R. Samoldina
*Nosov Magnitogorsk State Technical University,
 City of Magnitogorsk, Chelyabinsk Region
 leto2009@mail.ru*

The concept of happiness in poetry by Vasily Kapnist

This article is devoted to happiness concept investigation in poetry by Vasily Kapnist. The poetry analysis of eudemonic discourse reveals the specific character of Happiness image which is peace happiness, participation happiness and bliss happiness.

Keywords: Vasily Kapnist, ode, happiness, eudemonism, 18th century poetry.

Yuriy V. Lebedev
*Nekrasov Kostroma State University
 y.v.lebedev@yandex.ru*

Alexander Ostrovsky and his creative dialogue with Ivan Turgenev in the comedy "The Poor Bride"

Formation of Russian national drama in the process of creative dialogue between Alexander Ostrovsky and Ivan Turgenev is studied in the article. Passing ahead of Ostrovsky, Turgenev started creating Russian national repertoire. However, he did not stand up to creative competition with Ostrovsky because of excessive intellectual sophistication of the former. Russian theater during the creation of its distinctive repertoire, needed dramaturgy, absorbed in folk tradition. Competing with more democratic and more nationally ingrained dramatic works by Ostrovsky, Turgenev's subtle drama had to give the pas.

Keywords: creative dialogue, Russian drama national singularity, Pushkin and Gogol traditions.

Valeriya G. Andreyeva
*Nekrasov Kostroma State University
 lanfra87@mail.ru*

Second generation of the Russian nihilists in Nikolai Leskov's and Vasily Avseenko's perception

The understanding of the anti-nihilistic novel has been presented in the article, distinct from the one which used to dominate in literary criticism some time in Soviet period, it has been shown that charges of bias these anti-nihilistic novels faced, haven't allowed appreciating them at their true artistic value for a long time. The author of article elucidates Leskov's and Avseenko's theory on the two generations of the Russian

nihilists promoting right understanding of the considered genre.

Keywords: nihilism, “no-hilism”, anti-nihilistic novel, Nikolai Leskov, Vasily Avseenko, revolutionary-democratic ideas, artistry.

Margarita V. Dubinskaya

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

The polyphonical principle in the symphonical structure of the story “The Pastoral Symphony”

by André Gide: on novel genre theory

This paper examines the genre origins of the novella “The Pastoral Symphony” by André Gide. The accordance is revealed between the structure of the composition of the subject of this novella and the structure of the musical genre of symphony. The comparative analysis of the text of “The Pastoral Symphony” reveals the polyphonical principle in Fyodor Dostoyevsky’s novel which influenced Gide, and also musical symphonic structure in the work by Gide. The result of the comparative analysis proves the novel genre origin of “The Pastoral Symphony”.

Keywords: polyphonical novel, triple-based polyphony, symphony genre structure, counterpoint opposition, musical structure narrative analogue.

Nguyễn Thị Thương

*Ivanovo State University
tuyetdautien2224@gmail.com*

Name and portrait in the collection of short stories by Ivan Bunin “Dark Alley”: «Tanya»

The article deals with the relationship between proper name and portrait of the heroine in the short story “Tanya”. Interconnection of her name and portrait creates special space around proper name. The complication and depth in Bunin’s artistic thought is revealed through this.

Keywords: proper name, portrait characteristic, female character, writer’s mastery, name’s artistic philosophy.

Tat’yana N. Khriptulova

*Smolensk State Institute of Arts
khriptulovatat@rambler.ru*

Aleksandr Tvardovsky in Nikolay Tryapkin’s artistic world

An attempt to comprehend Nikolay Tryapkin’s poetic heritage, since he was among the poets who paid attention to Aleksandr Tvardovsky’s creative work, is made in the article. Tryapkin’s lyrics has experienced influence from Tvardovsky’s poetry. Both poets are successors of traditions of rural poetry.

Keywords: Nikolay Tryapkin, Aleksandr Tvardovsky, artistic world, tradition, rural theme, literary process, poetics.

Lyudmila V. Tolstobrova

*Vyatka State Humanities University, City of Kirov
lyudmila-020@mail.ru*

Road motif in Ivan Elagin’s lyrics

The article is a review of the features of the most important motif in the lyrics by Ivan Elagin – motif of

the road. The analysis is based on the material of poetical books «Journey from There» (1953), «Nocturnal Reflections» (1963), «Tiazhelye zvezdy» (1986).

Keywords: motif, lyrical hero, metaphor, stanza, urban poetry.

Aleksandr N. Meshalkin

Nekrasov Kostroma State University

«Mark in world’s history...»

(Kostroma writer Vyacheslav Arsent’yev creative work)

Creative work of Kostroma writer Vyacheslav Arsent’yev is analyzed in the article. The author pays attention to the genre, theme and style peculiarities of the writer’s prose. The main structure forming element of Arsent’yev’s works is Memory, and the problems of the writings extend beyond the edge of “provincial stories”, they attain wide ethical and philosophical tone.

Keywords: memory, native heath, childhood, Russian character, lyrical narration.

Anna A. Martirosyan

*Institute for the Humanities and Information Technologies,
City of Moscow
annamartirosian@mail.ru*

Correlative link between topical rhythm and conceptual content

The article concerns the correlative link between topical rhythm and conceptual content, i.e. the main idea in fiction. It reveals the concepts of topic, dicteme, global situation-event in a bell-letter work. The material of our research is novel “Headlong” written by modern British writer Michael Frayn.

Keywords: topic, topical rhythm, dicteme, macro-situation, climax.

Đặng Thị Thu Hương

*Ivanovo State University
phonghuong2603@gmail.com*

Nature and “soul scenery” in the novel “Resurrection” by Leo Tolstoy

The article is devoted to the problem of contact of nature and personal spiritual world in the novel “Resurrection” by Leo Tolstoy. The issue of different titles of the novel in its translation into Vietnamese is examined.

Keywords: nature, “soul scenery”, intercultural communication, translation equivalence.

LINGUISTICS

Tat’yana V. Grigor’yeva

*Bashkir State University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
tagrig8@mail.ru*

Assessment and symbolic richness of the opposition ‘hot-cold’

The article contains the results of the research of axiological binary opposition ‘hot-cold’, describes the features of its symbolization in the Russian language.

Keywords: opposition, axiological, metaphorical, symbolic meaning.

Irina B. Kliyenkova

*Moscow State University of International Relations
irina.klienkova@mail.ru*

Features of the grammatical design of substantive word combinations (on the material of the Swiss German language)

The article deals with the features of the grammatical design of substantive word combinations on the material of the Swiss German language in the Swiss press.

Keywords: substantive word combinations, grammatical design, subordination types, genitive government, prepositional government, coordination, juxtaposition.

Natal'ya M. Yakubova

*The Amur State University, City of Blagoveshchensk
lev555@rambler.ru*

Causes of realizing direct speech act of doubt explication (on the material of the English language)

Doubt is a person's inner state. However, a speaker often expresses it in speech. We prove that depending on the function in dialogical unity, doubt explication speech act can realize direct or indirect illocutionary aim. Concrete examples demonstrate that the realization of the direct illocutionary aim is caused by certain facts which are studied in this article.

Keywords: doubt inner state, doubt explication speech act, direct speech act, indirect speech act, illocutionary aim, doubt explication causes.

Yelena V. Shlyakhtina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
elenav_yar@mail.ru*

Peculiarities of politically correct terminology translation from English into Russian

The article examines the fundamental methods applied to the translation of politically correct terms from English into Russian: transcription, loan translation, descriptive translation, etc. All these are used to reveal as accurately as possible the meaning of political correctness as it is among the foreign realia for Russian culture.

Keywords: political correctness, politically correct terms, translation, translation technique, discrimination.

Aleksandra V. Urazmetova

*Bashkir State University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
urazmetova82@mail.ru*

Metaphor as a way of creating secondary nominations (on the material of the toponymic nicknames of the US states)

This article considers metaphor as one of the most productive ways of creating toponymic secondary nominations. We singled out metaphorical models, based on different types of similarities. Quantitative analysis of the productiveness of similar characteristics, which are the basis of the investigated secondary nominations, is carried out in this article.

Keywords: metaphor, toponym, similarity, secondary nomination, US states.

Valentina G. Gavrilova

*Mari State University, City of Yoshkar-Ola,
Mariy El autonomy, Russia
valgavrilova@rambler.ru*

Foreign-language inclusions in oral statements in the Mari language

The article deals with the Mari-Russian mixture of codes: using of single Russian elements in Mari phrases, integration strategy of units of the other language's system, their lexical and grammatical categories.

Keywords: Mari language, Russian language, bilingualism, code switching and mixing, matrix language, guest language, foreign-language inclusions.

Lyubov' A. Yermakova

*Nekrasov Kostroma State University
s.eadem@mail.ru*

Marina Tsvetaeva's poetic language studying in gender aspect: problems and perspectives

The article stresses the importance of implementing gender analysis when studying the poetic language of Marina Tsvetaeva and specifies the ways of complex philological discourse analysis considering gender studies.

Keywords: gender, discourse, philological text analysis, poetic language.

Fatema Nazariy Torab

*University of the Shahid Bekheshti, Tehran, Iran
nazari_fariba@yahoo.com*

To a question of preservation of a national originality the text when transfer

Article is devoted to a translation problem which is closely connected with a question of preservation of national features of the original text.

Keywords: text, literary translation, translator, national originality.

JURISPRUDENCE

Vera B. Romanovskaya

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
tigpnngu@yandex.ru*

Tat'yana G. Mineyeva

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
t.mineeva@yandex.ru*

The Great Charter of the Liberties of England and legislation of English Parliament of the the Late Middle Ages

The process of development of legislation of medieval England's Parliament on issues of the rights of individuals, rights protection, justice is considered in the article, specific parliamentary statutes are analyzed. It is argued that the origin of human rights law was initiated by the Great Charter of the Liberties of England of 1215, its historical and atemporal role is emphasized.

Keywords: Great Charter of Liberties of England, statutes of English Parliament, low-income justice, common law courts, separation of court and administration.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

The Soviet employment record book under the War Communism: juridical aspect

The procedure of institution of employment record books in Russian society, during the period of the policy, that became known as War Communism, has been shown in the proposed work. Legal analysis of the two Bolshevik Decrees: the decree on employment record books for non-working population (on 5 October 1918) and the decree on institution of employment record books in the cities of Moscow and Petrograd (on 25 June 1919) are of the author's major attention.

Keywords: employment record books for non-working population, labour duty, employment record books institution, labour tracking, code of labour laws of the RSFSR on 1918, ideological considerations.

Sergey V. Landyshev
alanna2009@yandex.ru
Nikolay A. Skorodumov
skorodumov_n@mail.ru

Violent crimes with gainful intent: criminological characteristics and averting by internal affairs bodies

Causal complex of the crimes of gainful and violent intent (plunders and robberies), committed on within Kostroma and Kostroma Region territory, is analyzed in the article. It is mentioned which measures being of preventive nature were undertaken by Kostroma Region internal affairs bodies for the purpose of plunders and robberies prevention.

Keywords: plunder, robbery, prevention, criminality causes, crime regional distinctions.

PEDAGOGY

Nelli V. Sidakova
Khetagurov North Ossetian State University
nelly@sol.ru

Typical features of modernized content of foreign language teaching

The question of modernized content of foreign language teaching is actualized in the paper. Its main typical features, namely, introduction of basic and profile educational levels, module principle of material presentation, the Internet technologies usage and distant education methods, building of students' language sense, expanding and deepening of linguistic-cultural knowledge, are revealed.

Keywords: modernized content, foreign language education, basic and profile levels, module principle, linguistic culture study, Internet technologies, distant education, language sense.

Lada A. Roganova
Nekrasov Kostroma State University
larog29@gmail.com

Teaching students of chemical and technological specialties professional vocabulary at English lesson

The article examines the main groups of professional vocabulary in English necessary for students of

chemical-technological specialties, as well as various exercises that help students to learn such vocabulary.

Keywords: professional vocabulary, chemistry, teaching English language.

Natal'ya Yu. Shepeleva
Nekrasov Kostroma State University
natsepel@mail.ru

Using communicative method in teaching English (on the example of international programme "Full Bright" with native speakers)

The article is devoted to problems of method in teaching English at faculties of Nekrasov Kostroma State University. Some advantages of communicative method in teaching languages are considered. Active forms of teaching including role-playing games are analyzed. There is a system of role play games – didactic, developing, socializing orientations.

Keywords: communicative method, role-playing game, cultural interactions, polycultural world.

Valeriy N. Starshinov
Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region, Russia
yasvn78@yandex.ru

Problematic issues of organization of research activity of higher education institution students

The analysis of the allocation of time for teaching staff in the process of pedagogical activity has been conducted in the article. Issues of planning have been analyzed. Possible solutions of the problematic issues of organization of educational and scientific-research work of students have been presented.

Keywords: teaching load, students' scientific activity.

Lyudmila I. Zabolotnaya
Volgograd State Social Pedagogic University
lyu99778735@mail.ru

Pedagogic ways of implementing the hermeneutic approach to interpretation of the musical text

Pedagogic ways of implementing the hermeneutic approach to interpretation of the musical text have been grounded. Specifics of understanding a piece of music based on a hermeneutical approach has been revealed in the article. Musical pedagogic projection of "interpretation" phenomenon the learning process at musical performers' class has been presented. The system of general and special pedagogic principles, which ensure the integrity of understanding the musical text by performer, has been analyzed.

Keywords: hermeneutical approach, musical text, interpretation, general and special pedagogic principles.

SOCIOLOGY

Irina V. Popova*Kostroma State Agricultural Academy
pivik@list.ru***Lyubov' D. Kotlyarova***Kostroma State Agricultural Academy
kotlyarova-lyubov@mail.ru***Ol'ga A. Kotlyarova***Kostroma State Agricultural Academy
koshechka21041992@mail.ru***Assessment of quality of the workforce
by the expert survey. Regional aspect**

The article presents the results of the expert survey on the problem of assessing the quality of the labour force. The experts were the following persons: Chief of Staff of enterprises in Kostroma, middle managers of the same companies. The possibilities of an expert survey is to address to specific management problems. The results obtained allowed describing the state of labour in the factories of Kostroma and drawing attention to the need for workforce planning in the industry.

Keywords: expert survey, workforce quality, human resources, human resource planning.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev*Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru***Principles of dialogue between state and civil
society: theoretical and praxeological aspect**

The paper formulates the guiding principles of dialogue between state and civil society. It is these fundamental decisions that should predetermine institutionalization of the dialogue of state and civil society.

Keywords: dialogue of state and civil society, dialogue principles, publicity, responsivity, transparency, institutionalization.

Svetlana P. Narykova*Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia
nikkuban@mail.ru***To a question of dynamics influence
of political power on social processes
and political-administrative practice**

Specifics of political power influence on passing of social processes in society and on content and direction of political-administrative practice of political power subjects in different stages of society functioning have been considered in the article.

Keywords: methodology, power, state, political power, political process, intensification, social institute, social control.

Artyom S. Vypritskiy*Volgograd branch of Plekhanov Russian Economic University
av-rgs-vlz@rambler.ru***Political motivation of "public control" institution
restoration in Russia**

It's been proved in the article, that public declaration of political elite, that public organizations take part in political process (public control), increases leader's rating and level of Russian citizens' trust to him. The described mechanism is an effective political technology.

Keywords: public control, political technology, public declaration.

Yevgeniy A. Apol'skiy*North-Caucasus Humanitarian and Technical institute,
City of Stavropol
apol'ski@mail.ru***The western European tolerance and
multiculturalism: the experience and perspectives
of legal regulation in Russia**

The article examines the approaches to the definition of tolerance and multiculturalism, as well as analyzes the Western European experience and perspectives of ethnic policy in the Russian Federation.

Keywords: tolerance, multiculturalism, assimilation, migration.

Svetlana V. Kovalyova*Kostroma State Technological University
sweta.lana1968@yandex.ru***Ol'ga V. Stepanishchenko***The Kuban State Technological University, City of Krasnodar
stpnsnk@mail.ru***Political infantilism social analysis
(in terms of Krasnodar Land)**

Political infantilism definition substantiation is given in the article, consciousness qualitative characteristics, expressing themselves in political activity as puerilism and simplification, are examined, vital statistics on citizens' uninterestedness for political campaigns are adduced.

Keywords: political infantilism, personality political socialization, paternalism, absenteeism, estrangement.

SCIENCE OF CULTURE

Irina A. Yedoshina*Nekrasov Kostroma State University
entelehia@ksu.edu.ru***Cultural philosophic of the "age" concept:
the characteristics of the fin de siècle**

The article outlines possible approaches to understanding the essence of the "age" as a concept. To this end, the author refers to the text of the Apocalypse, where, through the images of the seven seals, the images of the seven ages have been given. The relationship between the self-understanding of the man and the reflection of this understanding in the age, the structural elements of which are not only corporeity, subjectivity, space, but artistic images, memories, stories, knowledge, experience as well, is revealed. The age of the fin de siècle is considered on these grounds, its essential characteristics are identified.

Keywords: age, structural elements, self-identity, fin de siècle, decadence, art nouveau.

Nikita N. Ravochkin*Kemerovo State University for Culture and Arts
nickravochkin@mail.ru***Communicative potential of national culture in
the context of formation of positive image of an
organization in the international market**

The structure of communicative potential of culture, as well as its influence on formation of positive

image of the organization on the international scene is considered in the publication. The attention is focused on image, the cornerstone of which is the corporate culture, and one of the important components of which is communicative potential, acts as one of the instruments of achievement of strategic objectives of the enterprise, which touch upon the main parties of its activity and focus on prospect. The activity approach which promotes consideration of set of steady stereotypes, behaviour matrices, leading attitudes and rules existing in market society and inherent in all subjects

of economic life acts as methodological base for the analysis of problems of formation of positive image of an organization in the international market. The “communicative behavior” and “national character” act as main concepts which allow explaining features of formation of an enterprise’s image in the international market, which is underlaid by the communicative potential of national culture.

Keywords: potential, communications, image, national culture, international market.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. *Статьи* направляются в редакцию только в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют *отсканированный вариант рецензии* на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в формате, полностью совместимом с Word 97–2003. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – *не более 10 страниц текста*.

5. **Библиографический список** должен быть представлен *в алфавитном порядке*. **Ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать *не более 15 источников*.

6. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

7. **Рисунки, схемы, диаграммы**. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

8. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). (Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы)). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

9. **Формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

10. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака **запятую** (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой **точкой с запятой** (0,12; 0,087).

11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова должны быть **переведены на английский язык**.

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
2. Фамилия, имя, отчество автора (полностью);
3. Ученая степень и ученое звание;
4. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора;
5. Адрес электронной почты для каждого автора;
6. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон;
7. Название статьи (сокращения в названии недопустимы)
8. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (не более 5 строк)
9. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)
10. *На английском языке:* Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова.
11. Текст статьи.
12. Библиографический список (указывается *в алфавитном порядке*, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

**Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского
в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов**

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов.

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

**The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky
in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908**

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908.

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. –

Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2014 – Т. 20 – № 5

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 14.10.2014.
Дата выхода в свет 12.2014.
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 34,3 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 87.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна